ВСЕМИРНАЯ

ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

С. ПРОКОФЬЕВА

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЕЛТОГО ЧЕМОДАНЧИКА

Приключения желтого чемоданчика (сборник)

Софья Леонидовна Прокофьева

Аннотация
Софья Леонидовна Прокофьева. Приключения желтого чемоданчика: сказочные повести
Сказки Софьи Прокофьевой
Приключения желтого чемоданчика
Глава 1. Детский Доктор
Глава 2. Трусливый мальчишка
Глава 3. Валентин Ведеркин и его бабушка
Глава 4. На пожарной лестнице
Глава 5. Грустная девчонка
Глава 6. Петька решает больше никогда не реветь
Глава 7. Очень высокий и очень длинный забор
Глава 8. Опять очень высокий и длинный забор
Глава 9. На аэродроме
Глава 10. В цирке
Глава 11. Все объяснилось
Лоскутик и Облако
Глава 1. О чем думала старая лошадь дядюшки Буля

Глава 2. Лоскутик
Глава 3. Белый лев на подоконнике
Глава 4. Барбацуца
Глава 5. Жаба Розитта
Глава 6. День рождения
Глава 7. Двенадцать белых покупателей в лавке Мельхиора
Глава 8. День рождения по-облачному
Глава 9. Белое кружевное платье
Глава 10. Удивительное происшествие на закате
Глава 11. Кресло, улетевшее в окно
Глава 12. Черный голубь
Глава 13. Кто же это был, в конце концов?
Глава 14. Удивительное происшествие в трактире «Хорошо прожаренный лебедь»
Глава 15. Что надо сделать, чтобы уговорить Облако сесть в карету
Глава 16. Слыш узнает кое-что очень важное
Глава 17. Художник Вермильон знакомится с жабой Розиттой
Глава 18. Благородное состязание водохлебов
Глава 19. Путешествие на блюде манной каши
Глава 20. Облако узнает тайну короля, что очень хорошо, и теряет свободу, что очень плохо
Глава 21. О том, как жаба Розитта очутилась на

столе у Барбацуцы
Глава 22. Может ли король есть манную кашу, сваренную на воде?
Глава 23. Облако, где ты?
Глава 24. Что может случиться, если нечаянно наступить на лимонную корку
Глава 25. Что помешало Облаку рассказать до конца свой сон
Глава 26. Бочка смолы
Глава 27. Молния старой бабки Грозовой Тучи Астрель и Хранитель Леса
Глава 1. Домик, нарисованный на асфальте. И главное: загадочное письмо
Глава 2. Сказочный город. И главное: мост Зевни-Во-Весь-Рот
Глава 3. Заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное: Астрель, принцесса Сумерки
Глава 4. Кот Васька жалуется на жизнь. И главное: волшебник Алеша все-таки оказывается на другом берегу реки
Глава 5. Астрель возвращается в замок. И главное: следы на снегу
Глава 6. Неудавшаяся охота. И главное: странный прохожий
Глава 7. Голос Дождирены Повелительницы Дождя. И главное: что было спрятано в шкатулке,

окованной медью
Глава 8. Игран Толстый. И главное: удивительное превращение Каргора
Глава 9. Ребята приходят на помощь. И главное: кинжал с надписью на рукояти
Глава 10. Последнее заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное: неожиданная встреча
Глава 11. Суд над братьями-рыбаками. И главное: король сам скрепляет приговор печатью
Глава 12. Гвен дает поручение птичке Чересчур. И главное: волшебник Алеша узнает о голубой искре
Глава 13. Птичка Чересчур прилетает во дворец. И главное: Каргор узнает, для кого Гвен построил новую башню
Глава 14. Чудесная лестница. И главное: Астрель на опушке Оленьего леса
Глава 15. Дом Гвена. И главное: заклятье, наложенное на топор
Глава 16. Тайна башни Каргора. И главное: похищение голубой искры
Глава 17. Страшное заклинание Каргора. И главное: Астрель узнает тайну
Глава 18. Шкатулка с голосом Скиппа. И главное: Каргор обнаруживает пропажу
Глава 19. Приключения в тумане. И главное:

тайна голубой искры
Глава 20. Схватка в болотной низине. И главное: неожиданная находка волшебника Алеши
Глава 21. Тетушка Черепаха. И главное: кот Васька не может развязать заколдованный узел
Глава 22. Птицы отправляются на поиски. И главное: как освободить Гвена?
Глава 23. Снова кинжал Врядли. И главное: Смерч Себе-На-Беду и неожиданное избавление
Глава 24. Гвен теряет надежду. И главное: огненные змеи выползают из камина
Глава 25. Дождь показывает дорогу. И главное: дикая яблоня, исчезающая в сумерках
Глава 26. Слуги-тени. И главное: снова волшебная веревка
Глава 27 Король отправляется на охоту. И главное: необыкновенные происшествия на опушке Оленьего леса
Глава 28. Освобожденный город. И главное: дверь, нарисованная цветными мелками
Девочка по имени Глазастик
Глава первая. Разговор с котом Васькой. И главное: Вася Вертушинкин рисует сказочный город
Глава вторая. Улыбка кота Васьки. И главное: таинственный незнакомец
Глава третья. Джинн в голубом термосе. И глав-

ное: волшебник Алеша отправляется в сказку
Глава четвертая. Король Краподин Первый. И главное: золотые поющие колокольчики
Глава пятая. Кот Васька боится улететь. И главное: девочка по имени Глазастик
Глава шестая. Обманутые надежды. И главное: волшебник Алеша отправляется во дворец
Глава седьмая. Наоборот Первый и Наоборот Второй. И главное: голубой термос
Глава восьмая. Мышь в золотой короне. И главное: дверь-загадка
Глава девятая. Старый пегаш. И главное: маленький Вихрик
Глава десятая. История одного «нет!». И главное: снова термос волшебника Алеши
Глава одиннадцатая. Неоконченный разговор. И главное: таинственный сундук
Глава двенадцатая. Что рассказали восемь мышек. И главное: неожиданная помощь
Глава тринадцатая. Рыжий Нос снова видит мышь в золотой короне. И главное: золотой локон
Глава четырнадцатая. Джинн и его новый повелитель. И главное: волшебник Алеша чуть было не остается без улыбки
Глава пятнадцатая. Побегушка. И главное: без-

домный джинн
Глава шестнадцатая. Снова мышь в золотой короне. И главное: волшебник Алеша не может улыбнуться
Глава семнадцатая. Король узнает множество печальных новостей. И главное: волшебный эликсир мрака
Глава восемнадцатая. Королева мышей падает в обморок. И главное: Глазастик принимает решение
Глава девятнадцатая. Дверь-загадка. И главное: замок, который не может открыть Трот
Глава двадцатая. Королева Ветреница. И главное: ветер уносит Глазастика
Глава двадцать первая. Вихрик улетает из дворца. И главное: король приходит к выводу, что все складывается очень удачно
Глава двадцать вторая. Королева Ветреница ловит Глазастика. И главное: золотые колокольчики
Глава двадцать третья. Музыка на площади. И главное: заветный кусочек мела
Пока бьют часы
Глава 1. Необыкновенные происшествия в королевской спальне
Глава 2. Татти приходит в город

Глава 3. Черный шкаф
Глава 4. Цветок-невидимка
Глава 5. Колпак с красной кисточкой
Глава 6. Королевский аршин красоты
Глава 7. Военный совет
Глава 8. Знакомство под лестницей
Глава 9. В Черной башне
Глава 10. Невидимый ключ от черного шкафа
Глава 11. Духи принцессы
Глава 12. Обыскать воздух!
Глава 13. Госпожа Круглое Ушко и пчелка Жоржетта
Глава 14. В Белой башне
Глава 15. Поймать мальчишку!
Глава 16. Две принцессы
Глава 17. Чем закончилась эта удивительная история
Иллюстрации

Аннотация

В сборник произведений Софьи Леонидовны Прокофьевой вошли сказочные повести: «Приключения желтого чемоданчика», «Лоскутик и Облако», «Астрель и Хранитель Леса», «Девочка по имени Глазастик» и «Пока бьют часы».

Софья Леонидовна Прокофьева Приключения желтого чемоданчика: сказочные повести

Предисловие Якова Акима

© С.Л. Прокофьева, текст, 2001
© Г.В. Калиновский, иллюстрации, 2001
© Е.Ф. Гладикова, иллюстрации, 2001
© ООО «Издательство Астрель», 2008

Сказки Софьи Прокофьевой

Софья Леонидовна Прокофьева родилась в Москве в 1928 году. Ее отец — художник, его брат — известный музыкант.

«Утром я просыпалась под звуки рояля. Чаще всего это были фуги и прелюдии Баха. Потрескивают дрова в старой голландской печи, в окно ярко светит красное зимнее солнце. И музыка…» — вспоминает о своем детстве Софья Прокофьева.

В доме была обширная библиотека. Так что девочке очень рано открылся широкий мир искусства, притягательный и завораживающий.

Потом война, эвакуация. И вот снова Москва. Теперь те же книги читаются уже по-иному. Заветная книга: «Камень» Мандельштама. Как-то без усилия, само собой все стихи заучиваются наизусть. Это словно бы дверь в неведомую страну поэзии. И эта дверь открывается…

В шестнадцать лет написаны первые стихи. И сразу зрелые, сложные, можно даже сказать — усложненные. «Античный цикл».

Но вот школа окончена. Конечно, единствен-

ный путь — это литература, путь, выбранный сердцем и предчувствием судьбы.

Но можно ли поступить в Литературный институт с такими стихами? Они не укладываются ни в какие официальные рамки, собственно говоря, они противопоставлены всей казенной поэзии того времени.

Но остается другое. Живопись, графика. Софья Прокофьева рисует, пишет акварели. Отец, опытный художник, становится ее первым учителем.

В 1951 году она поступает в Московский художественный институт им. Сурикова. Здесь хотя бы не надо подвергать досмотру самое сокровенное, хрупкое.

Пять лет тяжелой учебы, постижение мастерства.

Но все-таки это лишь временное пристанище. Слишком сильно притяжение литературы.

И вот тогда приходит сказка, чтоб стать единственной возможностью выразить себя, свое мироощущение.

Почему сказка? Наверное, потому, что в силу своего жанра сказка всегда своевольна, фантастична, в ней больше воздуха, свободы, права на выдумку. Ее труднее загнать в узкие цензурные рамки.

В 1957 году в издательстве «Детская литература» выходит в свет первая сказка Софьи Прокофьевой «Кто лучше?».

Потом — несколько лет работы в издательстве «Малыш». Это была счастливая пора для многих молодых литераторов. В издательстве царила какая-то особая, теплая, творческая атмосфера. Нельзя не помянуть добрым словом тогдашнего главного редактора «Малыша» Юрия Павловича Тимофеева. Он объединил вокруг себя целую плеяду молодых авторов. Достаточно назвать хоть некоторые имена: Геннадий Цыферов, Генрих Сапгир, Ирина Токмакова, Эмма Мошковская, Георгий Балл — они заложили основу новой отечественной детской литературы.

Уже в этот период определяется стиль сказок Софьи Прокофьевой — образный и поэтичный. И в сочетании с этим — непременно увлекательный, захватывающий сюжет.

В 1965 году в издательстве «Детская литература» выходит в свет сказка «Приключения желтого чемоданчика». Живая, затейливая сказка привлекает внимание известного режиссера И. Фреза. Результат совместного труда: веселый, остроумный фильм, с прекрасными актерами в главных ролях. Среди прочих наград этот фильм получает

серебряную медаль «Венецианского Биеннале».

Следующая сказка «Пока бьют часы» (1967) тоже ложится в основу одноименного кинофильма.

Думается, что годы, потраченные на постижение изобразительного искусства, не прошли даром. Все сказки Софьи Прокофьевой отмечены особой образностью, они как бы объемны. Зрительный ряд поражает своей яркостью, многокрасочностью.

Но семидесятые годы — время зоркого пригляда за литературой, в особенности для детей. Ни вправо, ни влево с узкой, проложенной цензурой тропинки.

В 1968 году выходит в свет сказка «Не буду просить прощения». Трепетная, немного грустная сказка о маленьком мальчике, который поссорился с мамой. А ведь это всем известно, не правда ли: если человек ссорится с мамой, в мир приходят Великие Холода!

Забегая вперед, скажем, эта небольшая сказка была экранизирована, по ее мотивам была написана пьеса, а впоследствии даже опера. В Японии эта сказка получила медаль как лучшая книга года, выбранная самими детьми. Но это потом.

А пока что выход книги в свет вызывает бурную негативную реакцию. В «Литературной газете»

появляется резкая статья: «Злая сказка». Еще более агрессивной критике подвергается полная фантазии и выдумки сказка «Лоскутик и Облако». Отметим, что впоследствии эта сказка была переведена на одиннадцать языков, экранизирована.

Сказка «Лоскутик и Облако» сразу полюбилась маленькому читателю. Капризное, самолюбивое Облако, трогательная девочка-сиротка Лоскутик…

И вот три года остракизма: ни одно издательство и слышать не хочет о сказках неугодного автора.

Писатель пишет, как говорится, в стол, ожидая лучших времен. И тогда в сказках Софьи Прокофьевой появляется волшебник Алеша, обаятельный и рассеянный, и его вечный спутник — кот Васька, хвастун и задира, но всем сердцем преданный своему хозяину.

Так начинается серия «Повелитель волшебных ключей». Да, волшебнику Алеше достаточно нарисовать ключ на какой-нибудь двери, и он может войти в любую сказку. Он попадает в королевство грустных людей, где Королевские Сборщики Улыбок отбирают у людей, может быть, самое заветное и драгоценное — улыбку! А без улыбки люди становятся совсем легкими и

улетают. Улетают куда?..

Волшебник Алеша спешит на помощь тому, кто в беде, кто позвал его. Так он оказывается в сказке, где в заточении томится принцесса Астрель. Юная Астрель обладает поистине необыкновенным даром: в сумерках она становится невидимой. И вот, когда солнце уже зашло, а слуги еще не зажгли свечи, Астрель может убежать из дворца. Она спускается по хрупкой лесенке из дождевых капель…

Какие увлекательные приключения, какие неожиданные, свежие, выразительные образы! Девочка Уэнни с завязанной на шее серой ниткой, отражение, ускользнувшее из зеркала, крошка эльф, зажигающий в церкви свечи, да всех и не перечтешь.

Постепенно сказки Софьи Прокофьевой становятся все более духовно насыщенны.

Ослепительно прекрасная принцесса Альфиора снимает с шеи золотой крестик и отдает его королеве Демонте, владеющей тайнами дьявольской магии. Да, теперь красота Альфиоры бессмертна, но какую страшную цену заплатила она за это!..

Недаром детям так полюбилась серия «Белоснежка». Пусть ее читателю всего шесть-семь лет, но он узнает, как благословение святого старца

может снять злые чары с маленькой Элизы. Никогда больше Морскому царю не удастся снова превратить девочку в золотую рыбку, к ней навеки вернулся ее человеческой образ. Без волнения нельзя читать, как Белоснежка плывет на призрачном, невесомом волшебном корабле. На нем может плыть лишь тот, чья душа чиста и светла. Одна грешная темная мысль — и волшебный корабль в тот же миг исчезнет, растает, и человек пойдет ко дну.

Порой кажется, что фантазия автора поистине неисчерпаема.

Сказки Софьи Прокофьевой завоевали свое прочное место в детской литературе. Поэтичные, полные тайны и романтики, они живут своей собственной жизнью, ни с чем не соперничая. Порой они напоминают старинные легенды, но забавные персонажи, легкий умный юмор делают их всегда близкими и современными.

Порадуемся за юных читателей, которые прочтут эти сказки!

Яков Аким

Приключения желтого чемодан-чика

Глава 1
Детский Доктор

Детского Доктора разбудило яркое солнце и ребячий смех.

Детский Доктор мог целыми днями слушать этот смех. Это были для него самые приятные звуки на свете. Ребята играли во дворе и смеялись. Время от времени снизу поднималась серебряная струя воды. Можно было подумать, что посреди двора лежит большой кит. Детский Доктор, конечно, понимал, что этого не может быть. Он знал, что это дворник дядя Антон поливает клумбу.

Детский Доктор чувствовал себя утомленным.

Последнее время у него было очень много работы. По ночам он писал книгу. Книга называлась «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки».

Днем он работал в детской поликлинике, а после работы собирал материал для своей книги. Он ходил по дворам и скверам, входил в темные подъезды и даже заглядывал под лестницы.

«Как хорошо, что сегодня мне не надо идти в

поликлинику! — подумал Детский Доктор. — Я смогу сегодня отдохнуть и, может быть, даже закончу седьмую главу моей книги. У меня сегодня только два вызова. Правда, один случай очень тяжелый: эта грустная девочка Тома…»

В это время раздался громкий звонок.

Детский Доктор пошел в переднюю и открыл дверь.

За дверью стояла мама.

Конечно, это была не мама Детского Доктора. Это была мама какого-нибудь мальчика или девочки. Но то, что это была мама, было несомненно. Это было сразу видно по ее большим несчастным глазам.

Детский Доктор тихонько вздохнул и пригласил эту чью-то маму в кабинет.

Правда, это была очень хорошая мама. Детский Доктор это сразу определил.

Такая мама наверняка умела быть строгой.

Но с другой стороны, такая мама наверняка разрешала своему ребенку лазить по деревьям и бегать босиком по лужам.

«Интересно, как она относится к дракам? — подумал Детский Доктор. — Ее мнение было бы важно для моей книги «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»…»

— Вы понимаете, Доктор… — волнуясь, начала мама. Ее глаза были совсем темными и несчастными. А ведь, наверное, ее глаза умели ярко сиять. — Видите ли… Мне вас очень рекомендовали… У меня сын Петя… Ему девять лет. Он очень болен. Он… вы понимаете… он… трус…

Прозрачные слезы одна за другой закапали у мамы из глаз. Можно было подумать, что вдоль щек у нее висят две нитки блестящих бус. Видно было, что ей очень тяжело.

Детский Доктор смутился и стал смотреть в сторону.

— Вот рано утром… — продолжала мама. — Понимаете, как проснется… или, например, как придет из школы… а вечером…

— Так, так, — сказал Детский Доктор. — Минуточку, минуточку. Вы лучше отвечайте на мои вопросы… В школу ходит один?

— Провожаю и встречаю.

— А в кино?

— Уже полтора года не был.

— Собак боится?

— Даже кошек… — тихо сказала мама и всхлипнула.

— Понятно, понятно! — сказал Детский Доктор. — Ну ничего. Современная медицина…

Приходите ко мне завтра в поликлинику. Я вас запишу на двенадцать часов. Вам удобно в это время?

— В поликлинику? — растерялась мама. — Вы знаете — он не пойдет. Ну ни за что на свете. Не могу же я вести его силой? Как вы считаете?.. Я думала… вы к нам на дом… Мы здесь недалеко живем. На сто втором автобусе…

— Ну хорошо, хорошо… — со вздохом сказал Детский Доктор и с тоской посмотрел на свой письменный стол. — Мне все равно сейчас надо ехать на Лермонтовский проспект к этой грустной девочке Томе…

И Детский Доктор стал складывать лекарства в свой небольшой чемоданчик. Чемоданчик был среднего возраста, не новый и не старый, желтого цвета, с блестящими замками.

— Минуточку, минуточку, чтобы не забыть… Это порошок смеха для грустной девочки Томы. Очень сильнодействующее средство… Уж если он не поможет… Так… Бутылка антиболтина. Так, так. Перед употреблением взбалтывать… Это для одного болтуна… А для вашего Пети…

— Простите, Доктор… — опять засмущалась мама. — Вы и так очень любезны… Но… Петя не принимает никаких лекарств. Боится. Он даже

не пьет газировку, потому что она шипит. А суп я ему наливаю в мелкую тарелку. Он боится есть из глубокой тарелки.

— Естественно, естественно... — задумчиво пробормотал Детский Доктор.

— Вы находите это естественным? — От удивления мамины глаза стали в четыре раза больше.

— Это естественно для данного заболевания, — ответил Детский Доктор, насыпая что-то в бумажный кулек. — Таким детям я даю лекарство в виде конфет. Вы видите, самая обыкновенная конфета в розовой бумажке. Самые трусливые дети смело кладут ее в рот и...

Детский Доктор и мама вышли на улицу.

На улице было просто замечательно!

Солнце было горячее. Ветерок прохладный. Дети смеялись. Взрослые улыбались. Куда-то быстро ехали машины.

Детский Доктор и мама подошли к автобусной остановке.

За желтым забором уходила в небо высокая телевизионная вышка. Она была очень красивая и очень высокая. Наверное, всем мальчишкам в этом районе она снилась каждую ночь.

А на самом ее верху горел ослепительный огонек. Он был такой яркий, что лучше было целый

час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонек.

Вдруг этот огонек погас. И тогда стало видно, что там, на самом верху, копошится какой-то черный муравей. Потом этот черный муравей пополз вниз.

Он становился все больше и больше, и вдруг оказалось, что это вовсе не муравей, а рабочий в синем комбинезоне.

Потом в желтом заборе открылась какая-то дверца, и рабочий, нагнувшись, прошел через эту дверцу. В руке у него был желтый чемоданчик.

Рабочий был очень молодой и очень загорелый.

У него были ярко-голубые глаза.

«Может быть, они такие голубые, потому что он работает так высоко в небе?.. — подумал Детский Доктор. — Нет, конечно, я рассуждаю слишком наивно...»

— Вы уж извините меня, старика! — сказал Детский Доктор молодому рабочему. — Но я хочу вам сказать, что вы очень смелый человек!

— Ну что вы! — смутился молодой рабочий и стал еще моложе, и стал совсем похож на мальчишку. — Ну какая тут смелость!

— Работать на такой высоте! Разрешите пожать

вашу руку! — разволновался Доктор и, поставив свой желтый чемоданчик на землю, протянул руку молодому рабочему.

Молодой рабочий тоже поставил свой чемоданчик на землю и пожал руку Детскому Доктору.

— Вы, конечно, в детстве любили драться? Я не ошибся?

Молодой рабочий покраснел и в смущении покосился на людей, стоявших в очереди.

— Да, бывало… Ну что вспоминать такие глупости…

— Это совсем не глупости! — воскликнул Детский Доктор. — С точки зрения науки… Но сейчас говорить об этом не время. Главное — это ваша удивительная смелость. Смелость — это…

— Наш автобус, — тихо сказала мама.

Но она сказала это таким голосом, что Детский Доктор сразу на нее посмотрел. Он увидел, что ее лицо побелело и стало каким-то каменным. Можно было подумать, что это не мама, а статуя мамы. А глаза, которые умели сиять, стали совсем мрачными.

Детский Доктор виновато втянул голову в плечи, подхватил желтый чемоданчик и полез в автобус.

«Ах я разбитый градусник! — думал он, стара-

ясь не глядеть на маму. — Какая бестактность говорить в ее присутствии о смелости. Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану. Да еще такая хорошая мама… Ах я дырявая грелка, ах я…»

Глава 2
Трусливый мальчишка

Мама открыла дверь и через темную переднюю провела Детского Доктора в ярко освещенную комнату.

Комнату заливало солнце.

Но как будто этого было мало. Под потолком горела большая люстра. На тумбочке стояла зажженная настольная лампа. А на столе лежал зажженный электрический фонарик.

— Петенька мой! — тихо и ласково сказала мама. — Это я пришла! Где ты?

Под кроватью кто-то зашевелился. Можно было подумать, что там лежит большая змея.

— Петенька! — опять тихо и ласково сказала мама. — Я здесь. Я не дам тебя никому в обиду. Вылезай, пожалуйста!

Из-под кровати показалась голова мальчишки.

Детский Доктор посмотрел на Петьку и улыбнулся.

Он терпеть не мог лечить мальчишек и девчонок, которые ему не нравились. А Петька ему сразу понравился.

То есть, конечно, не весь Петька, а только Петькина голова. Весь Петька был еще под кроватью.

Но у Петьки был хороший подбородок, симпатичные уши, торчавшие в разные стороны, а на носу были четыре замечательные веснушки.

— Вылезай, вылезай, — сказал Детский Доктор, радуясь, что Петька ему понравился. — Под кроватью темно, вылезай на солнышко.

Петька на животе осторожно вылез из-под кровати. Теперь он был похож не на змею, а на большую ящерицу без хвоста.

— Ну вставай, вставай, чего на полу лежать-то! — сказал Детский Доктор. — По полу, знаешь, иногда мыши ходят.

— Встань, Петенька, не бойся! — тихо и терпеливо сказала мама.

Петька встал. Теперь он был похож не на ящерицу, а просто на хорошего мальчишку.

Детский Доктор обошел вокруг Петьки, глядя на него своими опытными глазами.

— А ну-ка, согни руку, я посмотрю, какие у тебя мускулы!

Петька посмотрел на маму жалкими глазами и согнул в локте дрожащую руку.

— Совсем не так плохо! Совсем не так плохо! — довольным голосом сказал Детский Доктор. — А

ну-ка, теперь подпрыгни!

Но вместо того чтобы подпрыгнуть, Петька обеими руками вцепился в спинку стула. Петька так в него вцепился, что его пальцы побелели, как отмороженные.

— Ну подпрыгни, сыночек! — тихо сказала мама. — Ну, пожалуйста. Это надо для лечения…

Петька с упреком посмотрел на маму и подпрыгнул.

По правде говоря, когда он подпрыгнул, между его подошвами и полом с трудом можно было просунуть мизинец маленького ребенка.

— Отлично, отлично! — сказал Детский Доктор и сел за стол. — Случай, конечно, запущенный, но не тяжелый. Сто граммов конфет «Настоящая храбрость» — и он будет здоров. Вот увидите: он сейчас съест одну конфетку и пойдет гулять во двор.

И тут глаза мамы, которые умели сиять, наконец засияли.

«Да, да, я не ошибся, — подумал Детский Доктор, — они могут сиять, ее глаза…»

— Неужели это правда? — сказала мама и засмеялась от счастья. — Ну тогда я пойду на работу, а то я уже совсем опаздываю. Мне и так придется бежать всю дорогу. Я только попрошу соседку,

чтобы она посидела с Петенькой, и пойду.

— Никаких соседок! Никаких соседок! — строго сказал Детский Доктор. — Я категорически против соседок. Это может только повредить. Я сам прослежу, чтобы ваш сын как следует разжевал конфету «Настоящая храбрость» и проглотил ее. И все будет в порядке.

— Мамочка! — прошептал Петька.

— Не бойся, сыночек, надо слушаться Доктора.

— Не уходи! — всхлипнул Петька.

— Но ты же слышал, что сказал Доктор. Все будет хорошо!

И с этими словами эта хорошая мама крепко поцеловала сына, крепко пожала руку Детскому Доктору и ушла.

Она ушла очень счастливая, и глаза ее сияли.

А Детский Доктор взял желтый чемоданчик и поставил его на стол.

Потом он потянул замки большими пальцами в разные стороны. Замки громко щелкнули, и чемодан открылся.

И вдруг Детский Доктор громко вскрикнул и уставился в открытый чемоданчик с таким видом, как будто он уставился в открытую пасть крокодила.

Потом он схватился руками за волосы и замер

с открытым ртом. Потом он закрыл рот, опустил руки, схватил чемоданчик и вывалил все его содержимое на стол.

На стол тяжело упала толстая серая книга и металлический щиток с темным стеклом посредине. На книге большими буквами было написано «Верхолаз-электросварщик».

— Чемодан… — прошептал Детский Доктор белыми дрожащими губами. — Это не мой чемодан…

Петька хрипло заревел от страха.

Детский Доктор посмотрел на Петьку отсутствующими глазами.

— Это чемодан того храброго молодого человека, — простонал он. — Ну конечно, я не взял свой чемодан, а взял не свой чемодан. То есть я хочу сказать, что он взял мой чемодан, а не взял свой чемодан. А в моем чемодане лежат конфеты «Настоящая храбрость»… О-о-о…

Детский Доктор снова застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели сразу все зубы.

— Эти конфеты может есть только трус. А этот храбрый молодой человек и так слишком храбрый. Если он съест хоть одну конфету, он станет чересчур храбрым, и тогда… Нет, нет, его надо

скорее найти!

Вот тут на книжке написано: Валентин Ведеркин. Я должен бежать! — закричал Детский Доктор, поворачиваясь к Петьке. — А ты подожди тут маму!

Но Петька всей тяжестью повис на рукаве Детского Доктора. Слезы заливали все его лицо и, как серьги, болтались на оттопыренных ушах. Рукав затрещал. Еще немного, и Детский Доктор отправился бы на поиски Валентина Ведеркина в пиджаке с одним рукавом.

— Я один не останусь! Я боюсь! — рыдал Петька.

— Тогда пойдем со мной!

— И с вами не пойду! Я боюсь!

— А чего ты больше боишься: оставаться здесь или идти со мной?

— Одинаково!

— Выбирай!

— Боюсь выбирать!

— Ну, решай, скорее!

— Боюсь решать!

— Ну, скорее!

— Боюсь скорее!

— Ну хочешь, я отведу тебя к соседке? Как ее зовут?

— Тетя Катя.
— Где она живет?
— Не знаю.
— Ну, в какой квартире?
— Не знаю.
— Ну, пойдем ее поищем!
— Боюсь искать!..
— Так мы с тобой до вечера проговорим! — закричал Доктор, бросаясь к двери. — А я больше не могу ждать!..

Глава 3
Валентин Ведеркин и его бабушка

Валентин Ведеркин стоял посреди комнаты и смотрел на потолок. Он был уже не в синем комбинезоне, а в красивом костюме.

Рядом с ним стояла его бабушка Анна Петровна и тоже смотрела на потолок.

Две пары голубых глаз смотрели на потолок.

На потолке было желтое пятно. Оно было совсем ни к чему на этом белом потолке в этой новой комнате.

— Течет, — вздохнула Анна Петровна. — Ночью дождик был, и опять протекло.

Анна Петровна была маленькая старушка с тихим, добрым лицом. У нее были добрые глаза, добрый рот и добрые брови. Даже нос и щеки у нее были добрые.

— Ты бы с управдомом поговорила, бабушка! — с досадой сказал Валентин Ведеркин.

Анна Петровна подняла на него кроткие голубые глаза.

— Я бы с ним поговорила, да вот он со мной говорить не хочет, — с огорчением сказала она. —

Вон он, на лавочке сидит…

— Давай я с ним поговорю!

— Что ты, что ты, Валечка! Ты человек горячий! — испугалась Анна Петровна. — И голос у тебя такой, слишком громкий. Еще соседа нашего побеспокоишь. Я вот чай пью, так сахар в чашке не размешиваю. Боюсь, ложечкой звякну — потревожу его. Может, он сейчас отдыхает. Может, ему сегодня лететь… Ты иди, иди, милый, а то в кино опоздаешь…

Анна Петровна проводила внука в переднюю и закрыла за ним дверь.

«Надо же, какой отчаянный! — подумала она, на цыпочках возвращаясь в комнату. — Даже управдома не боится».

Анна Петровна села на стул и стала смотреть на желтое пятно.

Она смотрела на него и смотрела, как будто это пятно могло прибавить ей силы для разговора с управдомом.

Наконец она подошла к окну.

Управдом сидел на скамейке, смотрел на клумбу и о чем-то думал. У него было красное лицо и красная шея. Посреди красного лица торчал не очень красивый нос, похожий на большую грушу.

Анна Петровна долго откашливалась и даже сама себе улыбалась от смущения, а потом робко крикнула:

— Пожалуйста, будьте так любезны… Я вас очень прошу…

Домоуправ поднял голову и что-то зарычал. Анна Петровна поскорее ушла с балкона, хотя балкон был на пятом этаже.

«Ну что ж, пятно — это только пятно… Не упадет же оно мне на голову, — подумала она. — Правда, вот осенью, когда пойдут дожди…»

Анна Петровна вздохнула и принялась за уборку. Она повесила в шкаф синий комбинезон. Потом она открыла желтый чемоданчик. Она всегда в нем тоже наводила порядок.

«Конфеты! — умилилась она, заглянув в небольшой бумажный кулек. — Ну совсем еще дитя, совсем дитя! Не может без сладенького. А конфеты какие-то интересные. Никогда таких и не видала… Надо попробовать…»

И тут эта милая, добрая старушка развернула конфетку и сунула ее в рот. Конфета была приятная, немного мятная, немного сладкая, а немного какая-то не поймешь какая. После нее во рту стало прохладно и даже весело.

«Очень хорошие конфеты! — решила Анна

Петровна и съела еще одну. — Даже лучше «Мишки». И недорогие, наверное. Только вот надо мне будет с управдомом еще раз поговорить, и посерьезнее...»

Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая, и она съела еще одну конфету.

— И правда, какое безобразие, — сама себе сказала Анна Петровна. — На скамейке сидеть у него всегда времени хватает, а вот о жильцах подумать — на это времени у него нет. Ну, я до этого управдома еще доберусь!

В коридоре послышались шаги.

Анна Петровна подскочила к двери, распахнула ее и втащила в комнату высокого летчика.

У летчика было очень смелое лицо. У него были смелые глаза, высокий, смелый лоб и твердые, смелые губы.

Наверное, он ни разу в жизни ничего не пугался. Но сейчас он смотрел на Анну Петровну с изумлением и даже некоторым страхом.

— А ну-ка, голубчик, сейчас же садись пить чай! — закричала Анна Петровна и стукнула кулаком по столу. (Старенький стол испуганно покачнулся. За всю его долгую жизнь в этой семье по нему никто не стучал кулаком.) — Как это так получилось, что мы живем в одной квартире, а я

тебя, голубчик, еще ни разу не напоила чаем?

— Спасибо, Анна Петровна, — растерянно сказал летчик. — Я только что…

— Тогда хоть конфеты эти возьми, горе мое! — продолжала кричать Анна Петровна. — Знаю я вас!.. Небось в воздухе захочется сладенького! Вот и скушаешь!..

И с этими словами Анна Петровна высыпала весь кулек конфет в карман летчику.

— Ну, а как твоя грустная дочка Тома? Еще ни разу не улыбнулась? Надо будет ей тоже купить конфет!

Смелое лицо летчика потемнело. Наверное, когда его самолет шел в сплошных грозовых тучах, у него было такое лицо.

— Спасибо вам, Анна Петровна, но здесь конфетами не поможешь, — тихо сказал летчик, и его смелые губы дрогнули. — Тома перестала улыбаться с тех пор, как заболела ее мама. Вы знаете, ее мама две недели была тяжело больна. Сейчас она здорова. Но Тома с тех пор никак не может улыбнуться. Она разучилась. Я обратился к самому лучшему Детскому Доктору в нашем районе… Может быть, он заставит ее улыбнуться…

— Ничего, не отчаивайся, голубчик! — закричала Анна Петровна. — В ее-то возрасте!.. Это вот

если в моем возрасте разучиться улыбаться! Ну, выпей-ка чаю! Я его сейчас подогрею.

И она так сильно толкнула летчика на диван, что все пружины квакнули, как лягушки.

— К сожалению, я должен идти, — сказал летчик, поднимаясь и потирая ушибленный локоть. — У меня сегодня полет, а я еще до полета хотел зайти к своему старому приятелю. Он работает в цирке укротителем. Там у них, знаете, разные дрессированные медведи, собачки, клоуны. Может быть, они рассмешат мою грустную девочку… И спасибо вам за конфеты…

Едва только за смелым летчиком закрылась дверь, Анна Петровна бегом бросилась к окну.

Управдом по-прежнему сидел во дворе на скамейке, по-прежнему смотрел на клумбу и по-прежнему о чем-то думал.

— Эй, голубчик! — так громко крикнула Анна Петровна, что воробьи с писком посыпались во двор. — Что за безобразие? А ну-ка сейчас же полезай на крышу!

Управдом поднял красное лицо и ухмыльнулся:

— Некогда мне тут по разным крышам лазить. У вас течет — вы и полезайте!

— Ах так?! Ну хорошо, голубчик!.. — закричала

Анна Петровна. Она еще больше высунулась из окна и обняла обеими руками голубую водосточную трубу, как будто это была ее самая лучшая подруга. Мелькнули в воздухе ее домашние тапочки с белым мехом.

Через минуту она с гордым видом стояла на пожарной лестнице.

Она посмотрела вниз и увидела задранное кверху лицо управдома. Оно было похоже на белое блюдечко, на котором лежала довольно большая груша. Управдом так побледнел, что даже шея у него стала совершенно белой.

Глава 4
На пожарной лестнице

Детский Доктор бежал по улице и тащил за собой дрожащего Петьку. Вернее, Петька летел по воздуху и только изредка отталкивался от земли носками своих ботинок.

Детский Доктор влетел в большую толпу, которая стояла прямо посреди улицы. Он чуть не сбил с ног высокую тетю в ярко-красной шляпе и какого-то рыжего мальчишку. Рыжий мальчишка стоял, задрав голову кверху, и держал не поймешь что на веревочке. Это было что-то серое и настолько мохнатое, что не было видно ни глаз, ни ушей.

«Гав-гав-гав!» — не переставая лаяло это серое и мохнатое.

Значит, скорее всего, это была собака.

А рыжий мальчишка не переставая говорил.

— А она ка-ак из окна высунется, — говорил рыжий мальчишка, — ка-ак закричит, ка-ак за трубу уцепится, вот так руками ее обхватит!..

С этими словами рыжий мальчишка крепко обхватил руками ногу какого-то высокого дяди.

— До чего довели пожилую женщину! До пожарной лестницы! — закричала высокая тетя в ярко-красной шляпе.

— Такая тихая старушка! Кошке на хвост наступит — извинится!

— Да уж, мухи не обидит!

— Какая муха? При чем тут муха? Муху-то не жалко обидеть! А вот человека обидели!

— Ай! Упадет! Упадет!

— Кто? Кто?

— Чуткости, чуткости не хватает! Если бы побольше чуткости, не полезла бы она на пожарную лестницу!

— Кто? Кто?

— Да Ведеркина из сороковой квартиры!

— Ведеркина?! — закричал Детский Доктор, хватая каких-то людей за локти.

Он поднял голову и застонал от ужаса.

На пожарной лестнице, почти под самой крышей, стояла маленькая старушка. Белые волосы выбились из-под платка с розовыми цветочками. Голубые глаза горели. А сатиновый передник развевался по ветру, как пиратский флаг.

Немного ниже ее, на пожарной лестнице, стоял человек с бледным лицом и протягивал к ней то одну, то другую руку.

Еще немного пониже стоял дворник в белом переднике.

А еще пониже стоял монтер с большим мотком проволоки через плечо.

— Слезьте, Анна Петровна, слезьте! — умоляюще кричал человек с бледным лицом. — Я вам слово даю: сейчас же сам полезу! Да держитесь вы крепче!

— Я-то держусь, а вот ты слово свое не держишь! — спокойно сказала старушка и погрозила ему пальцем.

— Ай!.. — закричал человек с белым лицом.

— Ох!.. — простонал дворник, который стоял на несколько ступенек ниже.

А монтер, стоявший еще ниже, задрожал так сильно, как будто через него все время проходил электрический ток.

«Голубые глаза… — подумал Детский Доктор. — Конечно, это его бабушка…»

Петька обнял Детского Доктора обеими руками, постарался засунуть голову ему под халат.

— А она ка-ак за трубу схватится, ка-ак по лестнице полезет, а они ка-ак закричат!.. — ни на минуту не замолкал рыжий мальчишка. — А сама руками вот так перебирает, а ногами вот так переступает…

«Гав-гав-гав!» — лаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже была болтунья, только она говорила на собачьем языке.

— Анна Петровна, слезайте! — закричал Детский Доктор. — Произошло недоразумение!.. Вы съели конфету… и при ее помощи…

— Карету?! — наклоняясь, закричала Анна Петровна. — «Скорой помощи»?! Молод ты еще, голубчик, так со мной разговаривать!

— Да нет! — Детский Доктор в отчаянии сложил ладони стаканчиком, прижал их ко рту и закричал изо всех сил: — Произошла ошибка!

— А я и не шибко! — с достоинством отвечала Анна Петровна. — Лезу себе не спеша на крышу, и все…

— У меня чемоданчик вашего внука! — уже в полном отчаянии крикнул Детский Доктор и поднял над головой желтый чемоданчик. Он поднял его с таким видом, как будто это был не чемоданчик, а спасательный круг.

— Валечкин чемоданчик! Как же это он у тебя очутился? — ахнула Анна Петровна и, быстро перебирая руками и ногами, стала спускаться вниз.

— Осторожнее! — закричала толпа.

— Ой! Она сейчас прямо на нас упадет! —

прошептал Петька и согнулся, закрыв голову руками.

Но Анна Петровна, ловко ухватившись за трубу, уже нырнула в окно своей комнаты.

Детский Доктор побежал к подъезду. Петька бросился за ним.

На лестнице Петька отстал от Детского Доктора. Детский Доктор, как мальчишка, прыгал через две ступеньки. А Петька, как старый старичок, еле тащился вверх по лестнице, дрожащей рукой цепляясь за перила.

Когда Петька наконец вошел в комнату Анны Петровны, Детский Доктор уже сидел на стуле и со счастливой улыбкой вытирал со лба крупные капли пота.

А перед ним на столе стояли рядышком два одинаковых желтых чемоданчика.

— Дорогая Анна Петровна! Вот теперь, когда я вам все объяснил, вы понимаете, почему я так разволновался... — с облегчением говорил Детский Доктор и никак не мог перестать улыбаться. — Значит, вы никогда не лазили по пожарным лестницам? Прежде вы за собой этого не замечали? Так сколько конфет вы съели?

— Три штуки, голубчик! — немного смущенно сказала Анна Петровна. — Так ведь я думала, что

это Валечкины… А то бы я…

— Ничего, ничего. Их должно остаться еще больше десятка, — успокоил ее Детский Доктор.

Он открыл свой желтый чемоданчик, заглянул туда, а потом с удивлением посмотрел по сторонам.

— А где же они? Вы их, наверное, положили в какое-нибудь другое место?

Но тут с Анной Петровной случилось что-то странное. Она быстро заморгала своими голубыми глазами и закрыла лицо передником.

— Ой! — прошептала она.

Детский Доктор, глядя на нее, побледнел и привстал со стула.

Петька всхлипнул и спрятался за шкаф.

— Нет больше этих конфет, голубчик! — тихо сказала Анна Петровна. — Отдала я их!

— Кому?!

— Да нашему соседу… Летчику…

— Летчику?..

— Ну да… Испытатель он… Какие-то самолеты испытывает, что ли, — еще тише прошептала Анна Петровна из-под сатинового передника.

— О-о-о… — простонал Детский Доктор и сел на пол рядом со стулом. — Какой ужас! Если он съест хоть одну конфетку… Ведь все летчики такие

смелые. Они даже слишком смелые. Их, наоборот, учат осторожности… О-о-о…

Анна Петровна опустила передник и шагнула к Детскому Доктору.

— Так что же ты на пол уселся, голубчик? — закричала она. — Потом посидишь на полу, если хочешь. А сейчас бежать надо, бежать! Где-то тут с тобой мальчишка был? В глазах что-то вроде мальчишки мелькнуло. Где он, мальчишка?

Она схватила Петьку за вихор и мгновенно вытащила его из-за шкафа, как вытаскивают морковку из грядки. Петька громко и жалобно заревел.

— Пойдешь во двор! — закричала Анна Петровна и вытерла его мокрый нос своим сатиновым передником. — Там найдешь такую грустную девочку Тому. Она где-нибудь там гуляет. Ты ее сразу узнаешь. Все девчонки хохочут, а она даже не улыбнется. Найдешь ее и спросишь, где ее папа… А мы тут пока…

— Я один не пойду!

— Вот еще!

— Я боюсь!

— Вот еще! — закричала Анна Петровна и вытолкнула его на лестницу.

Глава 5
Грустная девчонка

Петька вышел во двор. Двор был чужой и страшный.

Около забора была навалена большая куча кирпичей и лежали толстые трубы. В такую трубу мог свободно залезть довольно большой зверь, а уж за кирпичами вообще мог спрятаться целый тигр или полслона.

«Мама, мамочка! — с тоской подумал Петька. — И зачем я только ушел из дому! Сидел бы дома под столом или лежал под кроватью… как бы хорошо было…»

Около сарая стояла группа мальчишек и девчонок. Они окружили рыжего мальчишку.

— А он ка-ак схватит чемоданчик! — быстро говорил рыжий мальчишка. — А она ка-ак закричит! А он ка-ак побежит! А она ка-ак в окно полезет! А я ка-ак…

«Гав-гав-гав!» — без передышки лаяла его безухая и безглазая собака.

Петька по очереди посмотрел на всех девчонок. Девчонки были розовые и веселые. Три девчонки

улыбались, две смеялись, а одна девчонка, откинувшись назад, громко хохотала, и были видны ее белые зубы.

«Нет, здесь нет грустной девочки! — подумал Петька. — Может, она там, за сараем? Только как бы мимо этих мальчишек пройти...»

Петька, стараясь не смотреть на мальчишек, боком полез за сарайчик.

— Эй, ты! — сказал Петьке высокий противный мальчишка и ткнул в него пальцем.

На голове у противного мальчишки была маленькая панама. Наверное, он отнял эту панаму у какого-нибудь малыша.

Петька с тоской посмотрел на противного мальчишку и попробовал поскорее пройти мимо него. Но мальчишка ухмыльнулся и выставил вперед свою длинную ногу.

Петька споткнулся и кувырком полетел на землю.

— Ха-ха-ха! — противно захохотал мальчишка. Петька стукнулся об землю коленками, локтями, животом, подбородком и немного носом. Но он даже не посмел зареветь. Ему казалось, что противный мальчишка сейчас бросится на него и разорвет его на кусочки.

Петька, дрожа всем телом, быстро уполз за

сарайчик.

Здесь, в тени, росла трава и даже торчало два круглых одуванчика. Петька почувствовал животом, что земля здесь гораздо холоднее.

Он немножко успокоился и посмотрел вокруг. И тут он увидел грустную девочку. Он вообще никогда не видал таких девочек. Он даже не знал, что такие девочки вообще бывают на свете.

Она сидела на бревне, поджав под себя худые загорелые ноги, и прутиком рисовала на земле домики. Это были очень грустные домики. Окна у них были закрыты, а из труб не шел дым. Около домиков не было ни заборов, ни деревьев с круглыми яблоками.

Петька уставился на ее грустное лицо.

А какие ресницы были у грустной девочки! Пожалуй, даже слишком длинные. Петька, например, ни за что на свете не хотел бы иметь такие ресницы. Когда она посмотрела вниз на какую-то букашку, ресницы до половины закрыли ее щеки.

У Петьки, наверное, был очень глупый вид. Он лежал на животе, и круглый одуванчик покачивался около его носа. Но грустная девочка посмотрела на него и не улыбнулась.

— Эй, ты! Тебя зовут Тома? Да? — хрипло спро-

сил Петька.

— Тома! — грустно и серьезно сказала девочка. — А чего ты тут ползаешь?

— Это я… так, — шепотом сказал Петька и оглянулся на сарайчик. — А где твой папа?

— А зачем тебе мой папа? — грустно и удивленно спросила Тома.

— Понимаешь, у него такие конфеты… — быстро зашептал Петька, подползая к ней поближе. — А они не простые… Если он их съест — беда… Он ведь летчик… а они…

— Беда? С папой беда? — Тома вскочила на ноги. Ее глаза так широко открылись, что на лице почти не осталось места для рта и носа.

— Ты куда? Я здесь один не останусь! — закричал Петька.

Петька тоже вскочил на ноги и схватил Тому за руку. Рука у Томы была очень худенькой, ненамного толще, чем лыжная палка. Тома посмотрела на Петьку огромными испуганными глазами. Она смотрела на Петьку, но казалось, что она его не видит.

— Бежим за мной! Там Детский Доктор… Ну, скорее же!.. Я тебе все объясню…

Петька и Тома бегом бросились через двор.

Мальчишки и девчонки, стоявшие около сарая,

вытаращили на них глаза и замерли с открытыми ртами. И только рыжий мальчишка продолжал что-то быстро говорить. И его безухая и безглазая собака тоже не переставая что-то говорила на своем собачьем языке.

Петька и Тома вбежали в квартиру.

Дверь в квартиру была открыта, но там никого не было. Ни Анны Петровны, ни Детского Доктора. Только на столе рядышком стояли два желтых чемоданчика.

Тома заморгала глазами. На Петьку повеяло ветерком. Как будто мимо него пролетела птица.

— А где же все? Что ж теперь делать? — отчаянным голосом сказала Тома. — Надо искать папу! Надо ехать на аэродром!

Петька изо всех сил вытянул шею и осторожно заглянул в желтый чемоданчик Детского Доктора.

— Ой, там еще бутылка какая-то!.. А вдруг в ней тоже что-нибудь опасное? И там еще что-то… Нельзя его здесь оставлять.

— Бери чемоданчик, и бежим! — закричала Тома.

Глава 6
Петька решает больше никогда не реветь

Петька и Тома выбежали на улицу.

В руках у Петьки был желтый чемоданчик Детского Доктора. В нем что-то булькало и перекатывалось с боку на бок.

Улица оглушила и ослепила Петьку.

Машины крутили колесами, фыркали и обдували его горячим воздухом. Солнце сверкало в их стеклах, как будто в каждой машине сидели десять мальчишек с зеркальцами в руках и пускали зайчики.

Петька на секунду зажмурился, и сейчас же ему на ногу наехало какое-то колесо.

— Ой! — закричал Петька.

Он открыл глаза и увидел детскую голубую коляску.

— Ну что же ты стоишь, мальчик? — сердито сказала толстая тетя, толкая его коляской.

Петька шагнул в сторону и налетел на какого-то дядю с портфелем.

— Куда же ты идешь, мальчик? — закричал

дядя и ткнул его в бок портфелем.

Петька шарахнулся от него и налетел на какую-то старушку без портфеля, но зато с большой сумкой в руках.

— Куда же ты бежишь, мальчик? — закричала старушка.

Петька с беспомощным видом закружился на месте.

— Иди сюда, я тут! — услышал он Томин голос.

Тома стояла под большой круглой липой.

Ее лицо в зеленой тени казалось совсем бледным, а глаза были очень темными и мрачными.

Петька шагнул к ней, но в это время позади него послышался ужасный рев. Конечно, так мог реветь только огромный, страшный зверь!

Петька, еле дыша от страха, оглянулся и увидел крошечного малыша.

Малыш стоял около дверей булочной и отчаянно ревел.

Никогда в жизни Петька не видал таких некрасивых малышей. Глаз у него почти не было, а рот был огромный, как дыра в водосточной трубе. Наверное, мама, когда кормила его супом, совала ему в рот большую разливательную ложку.

Слезы двумя ручьями текли по щекам малыша, огибая огромный рот.

— Бою-у-сь!.. — орал малыш. — Мама-а!

Тома присела около малыша на корточки.

— Ну не плачь! Ну не плачь! Ну чего ты боишься! — сказала Тома и погладила малыша по желтой челке.

— Боюсь!.. — еще громче заорал малыш.

— Ну чего ты боишься, глупенький? Ты же не в лесу! Вон дяди и тети идут и смеются. Говорят: «Ай как стыдно!»

— Боюсь!.. — кричал малыш, еще шире открывая рот и поливая Томины руки слезами.

— Что же делать? — Тома в отчаянии снизу вверх посмотрела на Петьку. — Не могу же я с ним остаться!.. Ой, а вон наш троллейбус…

Дверь булочной хлопнула. Из булочной быстро вышла тетя с очень желтой челкой и очень голубыми глазами. В руках она держала два батона и булку.

— Мама! — сказал малыш и закрыл рот.

И тут Петька увидел, что это очень хорошенький малыш. Глаза у него были большие и очень голубые, а рот такой маленький, что туда с трудом влезла бы чайная ложка.

— Наш троллейбус! Ну садись же! — закричала Тома.

Она ухватила Петьку за руку своей маленькой

рукой, еще мокрой от слез малыша. Петька, довольно громко стуча зубами, полез в троллейбус.

Петька никогда один не ездил в троллейбусах. Когда он был маленьким, он всегда ездил с мамой. А когда он вырос, все равно ездил с мамой, потому что боялся ездить один.

Он, дрожа всем телом, прислонился боком к какой-то строгой тете. У тети были строгие очки, строгие глаза под очками и строгий нос, похожий на птичий клюв.

Строгая тетя оттолкнула его от себя.

— Что с ребенком? — сказала она строгим голосом. — Он весь трясется… и потом в нем что-то стучит!

Петька быстро зажал рот рукою. Это стучали его зубы.

Его бедные зубы, которые болели после каждой ириски или пирожного. Но Петька все равно ни за что не соглашался пойти к зубному врачу. Он так боялся бормашины, как будто она была хищным зверем и вместе с тиграми бегала по джунглям.

Строгая тетя наклонилась к Петьке и крепко ухватила его за плечо.

Петьке показалось, что она сейчас клюнет его своим строгим носом…

— Я бо… — прошептал Петька.

— Болен? Ребенок болен! — ахнула строгая тетя. — Больной ребенок едет в троллейбусе! Его надо немедленно отправить в больницу!

— Я не болен, я бо…

— Что «бо»?! — закричала строгая тетя.

— Я бо-юсь!

— Ребенок боится ехать в больницу! — снова закричала строгая тетя и еще крепче ухватила Петьку за плечо. — Надо скорее вызвать «скорую помощь»! Ему совсем плохо! Как он дрожит! Остановите троллейбус!

Петька покачнулся и закрыл глаза.

Он чувствовал сквозь рубашку твердые пальцы строгой тети. Как будто у нее была не обычная, человеческая рука, а железная.

Тома пролезла между строгой тетей и Петькой.

Она подняла голову и посмотрела на строгую тетю.

— Он не болен, — сказала Тома своим тихим и серьезным голосом. — Он боится… боится опоздать. Мы очень торопимся. Правда?

У Петьки с трудом хватило силы кивнуть головой.

Строгая тетя с сожалением выпустила Петькино плечо. Видимо, она все-таки считала, что на всякий случай лучше остановить троллей-

бус и отправить в больницу этого дрожащего мальчика.

А Петька поскорее пробрался на свободное место, подальше от строгой тети и поближе к окошку.

Тома села рядом с ним.

И вдруг прямо в десяти шагах от себя за стеклом троллейбуса Петька увидел свой дом.

Розовый дом плавно уплывал назад.

А вместе с домом уплывал и голубой забор, и скамейка, и дворник в белом фартуке, и соседка тетя Катя.

Тетя Катя стояла рядом с дворником, и они улыбались друг другу. Петька вскочил на ноги.

— Ты куда? — удивленно спросила Тома.

— Я уже приехал… Все… Это мой дом…

— А разве ты… не со мной?

Петька посмотрел на Тому. Ее глаза были такими большими, что Петьке захотелось, чтобы они были хоть немножко поменьше. И не такие грустные. Бледные губы Томы дрогнули.

— Я с тобой, — буркнул Петька и снова сел на скамейку рядом с Томой.

С тоской посмотрел он на угол розового дома, на свой балкон, где мама повесила сушиться на веревке его трусы и старую ковбойку.

Троллейбус завернул за угол и быстро поехал по длинной улице, увозя Петьку все дальше и дальше.

Тома прижалась к окну лбом. Она тихонько стучала по стеклу кулаком и нетерпеливо шептала: «Ну скорее, скорее!» А Петька низко-низко опустил голову.

Что-то теплое и мокрое побежало у него по щекам.

Кап!.. — на светло-серых брюках появилось темно-серое круглое пятно.

И тут Петька почему-то вспомнил малыша, который стоял и плакал около булочной. Петька вспомнил его огромный рот и слезы, бегущие по щекам.

Петька сжал кулаки.

«Не зареву! Ни за что не зареву! Неужели у меня тоже такой вид, когда я реву? — подумал он и покосился на Тому. — Нет, больше никогда в жизни не буду реветь!»

Глава 7
Очень высокий и очень длинный забор

Петька и Тома бежали вдоль длинного забора. Петька старался бежать как можно ближе к Томе и даже несколько раз задел ее желтым чемоданчиком по ноге.

— А мой папа любит сладкое! — несчастным голосом прошептала Тома. — Он недавно с чаем целую банку варенья съел.

Ее ноги в коричневых тапочках замелькали еще быстрее.

— А ты знаешь, где аэродром-то? — на бегу крикнул Петька. — А может, мы не туда бежим?

— Ну да, не знаю! Он здесь, за этим забором. Там уже летное поле. Надо только до конца забора добежать.

— Да… а он вон какой длинный… Это пока мы добежим…

— Ой, правда! — Тома так резко остановилась, что Петька налетел на нее и ухватился за ее руку. — Давай через него перелезем!

— Да мы не пере…

— Ну как-нибудь!

Петька посмотрел на забор. Пока он бежал вдоль этого забора, забор казался ему очень длинным, но совсем не казался высоким. Но когда Петька решил через него перелезть, ему показалось, что это самый высокий забор на свете. Он был до самого неба и даже еще немного выше.

— Этот забор знаешь какой длинный, — сказала Тома. — А так мы гораздо скорее… Как хорошо, что ты со мной пошел! Ты мне поможешь… Что бы я без тебя делала?

Тут Петька снова посмотрел на забор. И забор сразу показался ему намного ниже. Петька поставил желтый чемоданчик на землю, подпрыгнул и уцепился руками за верхнюю перекладину.

Петька никогда не лазил через заборы. Он никогда даже близко не подходил к заборам. Он всегда думал: «Зачем подходить к забору, когда еще неизвестно, что там за забором».

Ноги у него болтались в воздухе. Наконец ему удалось перекинуть одну ногу через верхнюю перекладину.

Петька сел верхом на забор. Сверху он увидел тонкий пробор на Томиной голове и узкие плечи.

— Давай руку, — сказал Петька, но не удержался

на перекладине и, как мешок, свалился на землю по другую сторону забора.

Он сел, потирая ушибленный бок и локоть.

— Отдай! Не трогай! Это не твой! Ай! — вдруг жалобно закричала Тома.

Голос у нее был такой, как будто она вдруг очень сильно заболела.

— Ха-ха-ха! — захохотал кто-то отвратительным смехом.

Петька вскочил на забор. Он даже сам не понял, как это у него получилось.

Тома стояла и тянула к себе желтый чемоданчик. А рядом с ней стоял противный мальчишка в маленькой белой панаме и тоже тянул к себе желтый чемоданчик. И при этом он громко хохотал, показывая ярко-желтые, нечищеные зубы.

— Это мой чемодан! — закричал Петька.

— Ты еще откуда взялся? — захохотал мальчишка. — Твой чемодан? А что в этом чемоданчике?

— В нем?.. В нем?.. — растерялся Петька. — А в нем бутылка…

Противный мальчишка рванул чемоданчик, и Тома села прямо в лопухи, которые росли около забора.

— А что в бутылке?

— Я… Я не знаю…

— Значит, не знаешь? — захохотал мальчишка. — Так я и знал. Значит, чемоданчик твой, бутылка твоя, а что в бутылке — не знаешь!

— Там… там…

— А что еще в чемоданчике?

— Не знаю…

— «Не знаю, не знаю»! — передразнил его мальчишка. — А я знаю! Откуда это у тебя будет такой чемоданчик? Ты, наверное, украл этот чемоданчик!..

— Я не крал! — закричал Петька и свалился с забора.

— А ну-ка, ребята, посмотрите, что в чемоданчике! — крикнул противный мальчишка.

И тут только Петька заметил, что позади противного мальчишки стоят еще четыре мальчишки и среди них рыжий мальчишка с мохнатой собакой на веревочке.

Рыжий мальчишка схватил чемоданчик.

— Да это не его чемоданчик! — быстро заговорил он. — Это того дяденьки чемоданчик! Он его ка-ак поднимет!.. А та тетенька ка-ак закричит!..

«Гав-гав-гав!» — залаяла безухая и безглазая собака. Наверное, она тоже рассказывала про дяденьку и про тетеньку, а может быть, и про что-нибудь совсем другое.

Рыжий мальчишка открыл желтый чемоданчик.

— Тут какая-то бутылка! — закричал он. — Я сейчас ка-ак…

Тома громко заплакала.

— Эх ты, балда, еще с ревой связался! Ха-ха-ха! — захохотал противный мальчишка. — Ведь она рева, рева!

Петька посмотрел на Тому. Она сидела на земле, большие лопухи доходили до ее подбородка. Из лопухов торчала только ее голова и две руки, закрывавшие лицо.

— Она не рева! — закричал Петька и, сжав кулаки, бросился на противного мальчишку.

А мальчишка был высокий. А мальчишка был страшный. А мальчишка, наверное, дрался каждый день. А у мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке.

Но все равно Петька не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь обзывал Тому ревой. Даже если бы она ревела с утра до вечера всю жизнь.

Петька ударил противного мальчишку кулаком прямо в нос. Противный мальчишка лягнул его ногой. Тогда Петька ударил его кулаком прямо в подбородок. Противный мальчишка, как волк,

лязгнул своими нечищеными зубами и свалился в лопухи.

Тем временем рыжий мальчишка, не переставая говорить, вытащил из бутылки пробку и поднес бутылку ко рту. Он сделал один большой глоток, потом второй и вдруг замер с открытым ртом.

Бутылка выпала из его растопыренных пальцев.

Белая жидкость потекла по лопуху, как по большой зеленой тарелке.

Безухая и безглазая собака, громко лая, начала лизать эту белую жидкость и вдруг замерла, широко открыв пасть и высунув розовый язык. Оказалось, что у этой собаки все-таки был еще и язык.

— Смотрите, тут какая-то коробочка! — закричал самый маленький мальчишка в коротких штанах и подкинул вверх белую квадратную коробочку.

Коробочка открылась.

Тонкая серебристая пыль окутала мальчишек.

— Ха-ха-ха! — звонко захохотал маленький мальчишка в коротких штанах.

— Ха-ха-ха! — захохотали другие мальчишки.

— Ой, я не могу! Держите меня, я сейчас упаду

в лопухи!

— Какое смешное слово «лопухи»! Хи-хи-хи!

— Ха-ха-ха!!

Только рыжий мальчишка стоял, расставив руки, и молчал, наверное, впервые с тех пор, как родился.

Противный мальчишка вылез из лопухов. На носу у него была большущая шишка, и поэтому нос стал какой-то двухэтажный.

— Ха-ха-ха! — еще громче захохотали мальчишки, указывая на него пальцами.

— Ой, ребята!

— Ой, поглядите!

— А нос-то какой! Ну и носище!

Противный мальчишка закрыл панамой свой двухэтажный нос и заревел. Нос у него теперь стал такой большой, что маленькая панама оказалась на него в самый раз.

Но Петька и Тома всего этого не видели. Они давно были по другую сторону забора и со всех ног мчались к аэродрому. В руке у Петьки был пустой желтый чемоданчик.

Глава 8
Опять очень высокий и длинный забор

Анна Петровна и Детский Доктор бежали вдоль длинного забора. Они пыхтели, как два паровоза устаревшей конструкции.

— Уф, Анна Петровна, — на бегу проговорил Детский Доктор, — мы совершили, уф, две непростительные ошибки. Во-первых, уф, мы должны были взять такси, а во-вторых, уф, мы не должны были заходить к этому укротителю, уф!

— Но я думала, ох, что Томин отец у него, ох! Я же не виновата, ох, что мы никого не застали!

— А я, уф, никого не виню, уф! — на бегу крикнул Детский Доктор.

— Нет, я чувствую, ох, по вашему тону, ох, что вы считаете меня виноватой, ох! — на бегу ответила Анна Петровна.

— Я ничего не считаю, уф! Главное, уф, нам скорее попасть на аэродром, уф. Неужели, уф, этот ужасный забор, уф, никогда не кончится, уф?

— Но, ох, через него, ох, можно, ох, пе… ох, ре… ох, лезть!.. — С этими словами Анна Петровна высоко подпрыгнула и попробовала ухватиться

за верхнюю перекладину. Но она тут же упала в лопухи.

Она лежала в лопухах, тяжело дыша, и была похожа на паровоз, свалившийся под откос.

— Анна Петровна, уф, я как врач, уф, увы, в нашем возрасте, уф… Но, может быть, здесь есть какая-нибудь калитка или дырка?

— Не может быть, чтобы не было калитки! — закричала Анна Петровна, вылезая из лопухов. — В жизни не слыхала, чтобы был забор без калитки!

На то он и забор, чтобы в нем калитку делать! Только где она?

— А вот идет какой-то мальчик! Мы у него спросим!

Действительно, им навстречу шел рыжий мальчишка. Позади него уныло тащилась безухая и безглазая собака. Ее розовый язык волочился по пыльным лопухам.

— Ох, это такой болтун! — с досадой поморщилась Анна Петровна. — Целый час будет болтать, пока… Эй, говори немедленно, где здесь калитка?

Но рыжий мальчишка с тоской посмотрел на нее и ничего не ответил.

— Где, где калитка? — снова закричала Анна Петровна.

Но рыжий мальчишка несколько раз открыл рот, как рыба, вытащенная из воды, и опять ничего не ответил.

— Да что с тобой такое? — закричала Анна Петровна и, оттолкнув рыжего мальчишку, бросилась вперед, как паровоз, который снова поставили на рельсы.

— Ха-ха-ха!

— Ой, братцы! Хо-хо-хо!

— Ой, не могу! Хи-хи-хи!

Детский Доктор и Анна Петровна замерли, потрясенные. Они увидели трех мальчишек.

Мальчишки лежали на земле. Они корчились от смеха, из глаз их лились крупные слезы, ослабевшими руками держались они за животы и хохотали не переставая. Самый маленький мальчишка в коротких штанах лежал на земле, задрав кверху розовые коленки. Он был похож на жука, который лежит на спине и никак не может перевернуться.

— Где здесь калитка? — закричала Анна Петровна, останавливаясь над ним и сжимая кулаки.

— Калитка? — в полном изнеможении простонал маленький мальчишка. — Ха-ха-ха!

— Калитка? Ну и смешное слово! Хо-хо-хо!

— Ха-ха-ха! Я сейчас лопну!

— Хи-хи-хи! Калитка! Я не могу остановиться!

— Ой, держите меня, братцы! Ха-ха-ха!

— Да что они все, с ума посходили, что ли? — в отчаянии закричала Анна Петровна. — Да я их всех сейчас…

— У нас нет на это времени! — крикнул Доктор, бросаясь бежать. — Нам надо торопиться! Мы и так уже…

Детский Доктор не договорил и побежал еще быстрее.

Глава 9
На аэродроме

Петька и Тома бежали по квадратным плитам аэродрома. Со стороны можно было подумать, что два очень молодых пассажира опаздывают на самолет.

На бетонированных дорожках стояли огромные, тяжелые самолеты, раскинув свои красивые крылья, и механики в синих комбинезонах поили их бензином и кормили маслом.

— Скорее, скорее! — закричала Тома. — Может быть, мой папа еще не улетел!

Из-за круглого белого облака вылетел самолет.

Он казался совсем маленьким. Он блеснул своим серебряным животом и кувырком полетел вниз.

— Это папка! — закричала Тома и горестно всплеснула руками. — Я знаю, знаю…

Слезы бежали у нее по лицу, а ветер вытирал и сушил их.

А серебряный самолет, блестя, как рыбка, падал все ниже и ниже и только у самой земли вдруг взмыл носом кверху и стал кругами уходить за

белое облако.

«Ну ясно, он все конфеты съел!.. — холодея от ужаса, подумал Петька. — Еще бы немножко — и об землю...»

— Ай!

Прямо на них по длинной дорожке бежал огромный самолет. Он бежал прямо на Тому и Петьку и становился все больше и больше. И вдруг с грохотом и свистом он поднялся в воздух, на мгновение закрыв собой все небо.

Петька схватил Тому за руку и рванул книзу. Они упали на бетонные плиты.

Тяжелый, грузный самолет быстро уменьшался, становясь легким и серебристым.

— Вы что тут делаете? — закричал молодой летчик, подбегая к ним.

Он был очень бледный. Глаза у него были холодные и злые.

Он крепко схватил Тому за руку, а Петьку за ухо и поднял их с земли.

— Нашли место, где играть! Да вы могли!.. Да вас он мог!.. Да от вас могло!..

И злой летчик с таким шумом выдохнул воздух, как будто он не дышал уже целый час.

— Нам нужен самый главный начальник! — отчаянно заорал Петька, обеими руками цепляясь

за летчика.

— Вечно вы, мальчишки, что-нибудь придумаете! — еще больше разозлился молодой летчик, отдирая от себя Петькины руки.

— Нет, нам очень нужен главный начальник! Самый главный! Тут одни такие конфеты… Ее папа съел конфеты!.. — попробовал объяснить Петька и замолчал. По лицу летчика он увидел, что тот еще больше рассердился.

— Конфеты?! Ах, конфеты?.. А может быть, он еще и мороженое съел? А ну уходите отсюда сейчас же!

— Мой папа… — сказала Тома. Она все время стояла и смотрела на летчика исподлобья, а тут она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И все, что Петька так безнадежно пытался объяснить ему словами, она каким-то образом объяснила ему глазами.

Лицо у летчика стало очень серьезным.

Он положил руку Томе на голову.

И Петька увидел, что рука у этого летчика очень добрая. Она ласково погладила Томины спутанные волосы.

— А ну, ребята, за мной! — сказал летчик и, повернувшись, быстро зашагал к невысокому зданию со стеклянной вышкой в конце летного

поля.

В комнате, куда летчик привел Тому и Петьку, все стены были стеклянные. Можно было смотреть направо и налево и куда хочешь, и все было видно.

Никогда еще Петька не видел такой чудесной комнаты.

За столом сидел человек в летной форме.

У него были седые волосы и орлиный нос.

Этот человек был похож на смелого вождя какого-то индейского племени.

Если бы ему в волосы вставить длинные перья, надеть на шею бусы и раскрасить лицо… Нет, даже без этого он был похож на вождя индейского племени.

— Я — Тома Петрова! — закричала Тома, бросаясь к нему. — Мой папа…

И вот что произошло через полторы минуты.

Седой летчик, похожий на индейского вождя, нажал какую-то кнопку и придвинул к себе микрофон.

— Я — Река! Я — Река! — сказал седой летчик. Он немножко побледнел. А может быть, Петьке это просто показалось. — 403 — на прием! Вы меня слышите?

— Я — 403! Я — 403! Я вас слышу!

Голос был совершенно спокойный. Но Тома вздрогнула, потому что это был голос ее отца.

— 403, отвечайте. Вы ели сегодня конфеты?

— Что?!

— Отвечайте на вопросы. Вы ели сегодня конфеты… в розовых бумажках?

— В розовых бумажках?!

— Да, да! Вас угощала сегодня ваша соседка конфетами в розовых бумажках?

— Что?.. Ах да, вспомнил. Совершенно верно. Но…

— 403, вы ели эти конфеты?

— Нет.

— Уф!.. — сказал седой летчик. На мгновение он откинулся в кресле и закрыл глаза. Но это было только одно мгновение.

— Я вам категорически запрещаю есть эти конфеты.

— А у меня их и нет!

— Нет?!

— Нет.

— А… где же они?

— Я… Ах, да… Я заезжал по дороге к своему приятелю и оставил их у него на столе.

— А кто ваш приятель?

— Он укротитель зверей.

— Ой! Дядя Федя… — тихо сказала Тома и прижала руки к груди.

— А он смелый? — шепотом спросил Петька.

— У-у!.. Знаешь, какой он смелый… У него там львы… — тоже шепотом ответила Тома.

— Тогда бежим! — закричал Петька.

Вообще-то Петьке очень понравилось в кабинете самого главного летчика. Он бы даже охотно переехал жить в этот кабинет, если бы ему предложили.

Но сейчас надо было бежать.

Петька схватил Тому за руку и потащил ее из кабинета. Тома на бегу обернулась и крикнула: «Спасибо!» А Петька не оборачивался и только кричал: «Скорее!»

На лестнице их догнал молодой летчик.

— Постойте, постойте, ребята. Я поеду вместе с вами, — сказал он. — Идите вот сюда. Полковник дал свою машину.

И в этот момент, когда серая «Волга» заворачивала за угол, в конце аэродрома показались две странные фигуры.

Это был пожилой человек и старушка в домашних тапочках.

Глава 10
В цирке

Серая «Волга», скрипнув тормозами, резко остановилась. Петька, Тома и молодой летчик бросились вверх по плоским ступеням.

У Петьки закружилась голова от пестрых афиш. На афишах кто-то кувыркался, кто-то на ком-то стоял, кто-то открывал зубастую пасть.

Молодой летчик и Петька подбежали к окошечку, над которым выпуклыми буквами было написано «Администратор».

Два кулака сразу застучали в закрытое окошечко.

Петькин кулак был не очень большим и стучал не очень громко: тук-тук-тук!

А кулак молодого летчика был большой и тяжелый и стучал очень громко: трах-тах-тах!

Окошечко открылось.

Оно было ярко-желтым в темной стене.

Молодой летчик и Петька сунули туда головы и что-то закричали дикими голосами.

В окошечке показалась женская голова с большими удивленными глазами.

— Билетов нет. Уже второе отделение началось!.. — сказала женщина.

— А укротитель уже выступал?

— Наверное, как раз сейчас выступает!

— Скорее, скорее! — закричала Тома.

Ее голос в большом пустом помещении звучал как-то гулко и странно.

Толстая билетерша, стоявшая в стеклянных дверях, замерла, и рот ее тоже открылся, как окошечко.

Петька быстро проскочил мимо нее.

Он проскочил так быстро, как будто он был не мальчишка, а кусок ветра. Нет, он все-таки был мальчишкой, потому что сейчас же раздалось:

— Эй, мальчик, куда?..

И толстая тетя побежала за ним, громко шлепая подошвами.

Петька выбежал в круглый коридор. Тут всюду были зеркала и красивые картины.

В длинном зеркале Петька увидел толстую тетю и ее протянутую руку с растопыренными пальцами.

Петька быстро нырнул головой в какую-то бархатную занавеску. Но эта бархатная занавеска вдруг крепко схватила его за шиворот. То есть, конечно, это была не бархатная занавеска, а тол-

стая тетя, которая его все-таки догнала.

Петька вырвался от нее и полетел куда-то кувырком, стукаясь лбом и коленками.

— Тише! Тише! Не мешайте!

— Чего вы тут?

— Как самое интересное, так…

Петька поднял голову и увидел круглую, ярко освещенную арену. Над ней на высоком темном потолке сияли и горели сотни ламп и прожекторов.

А внизу на сверкающем желтом песке стояли три ящика. А на каждом ящике сидело по настоящему живому льву.

На самом большом ящике сидел самый большой лев, открыв свою большую пасть. А какой-то человек в ярко-голубом фраке засовывал свою несчастную голову прямо в его открытую пасть. А лев, как нарочно, был очень большой, и пасть у него была просто огромной.

А человек в голубом фраке все глубже и глубже засовывал свою голову ему в пасть.

Петька увидел бледное ухо укротителя и кусок его шеи.

«Он! Дядя Федя!.. — как молния пронеслось в голове у Петьки. — Он все конфеты съел — и…»

— Держите его, остановите его… Он сейчас что

сделает!.. — заорал Петька отчаянным голосом и бросился вперед, протягивая к укротителю руки.

Но толстая тетя поймала его в воздухе и опять крепко ухватила за шиворот.

Петька забился у нее в руках, что-то крича и брыкаясь, как лошадь. Но эта опытная тетя, которая, наверное, тоже когда-то работала укротителем, не выпустила его из рук.

В этот момент человек в голубом фраке вынул голову из пасти льва. Громко заиграла музыка, а все зрители захлопали и закричали от восторга.

Укротитель стал улыбаться и кланяться, приглаживая волосы, которые немножко растрепались в пасти у льва.

Тут откуда-то появилась красивая тетя в необыкновенном платье. У Петькиной мамы не было ни одного такого платья. Оно все блестело и сверкало. И тетя в нем была похожа на русалку без хвоста.

Она хлопнула в ладоши, и откуда-то выбежало пять маленьких собачонок. Они были очень маленькие и кудрявые.

На них были банты нежных цветов.

И все они шли на задних лапках.

Тут укротитель в голубом фраке пощелкал тонким хлыстом, и два льва послушно слезли со

своих ящиков.

Но самый большой лев, с самой большой пастью, только посмотрел на укротителя и зарычал неприятным голосом.

Может быть, он раскаивался, что не откусил голову укротителю, когда это было так просто сделать, а может быть, он вообще любил сидеть на больших ящиках.

Укротитель изо всех сил защелкал своим тонким хлыстом, но большой лев только оскалил свои длинные зубы и зарычал еще громче.

И тут случилось что-то совсем невероятное.

Пять крошечных собачонок бросились на огромного льва. Они были такие маленькие, что лев одним ударом своей большущей лапы мог убить сразу троих таких собачонок, а двумя ударами их всех и еще одну.

Но крошечные собачонки, громко пища своими кошачьими голосами, стали прыгать на огромного льва. Они кусали его, царапали, а одна собачка с розовым бантом повисла у него на хвосте.

Огромный лев спрыгнул с ящика и, трусливо поджав хвост вместе с висящей на нем собачонкой, бросился бежать вдоль арены. А собачонки визжали и бежали за ним, и вид у них был такой, как будто они сейчас разорвут его на крошечные

кусочки.

Ох, что тут началось!

Зрители просто попадали со стульев от смеха.

— Ха-ха-ха!

— Нет, вы только поглядите на его морду!

— В жизни не видала таких собачонок! Ну какие же смелые! Просто ужас!

— Нет, вы посмотрите, посмотрите!

— Вот это дрессировка!

— Ха-ха! Никогда так не смеялся!

— Ой, за ухо его укусила! Ну и собачонка!

— Что это за порода такая? Храбрее овчарок!

Укротитель в голубом фраке уронил свой тонкий хлыст на песок и побледнел. Даже когда его голова была в пасти у льва, он и то был не такой бледный.

Он с растерянным видом посмотрел на блестящую тетю. Но та стояла, бессильно опустив руки, и, приоткрыв рот, глядела на своих собачонок.

И вдруг Петька услышал чей-то удивительный смех. Он был счастливый и нежный и какой-то неуверенный. Как будто человек, который смеялся, не умел смеяться.

Петька оглянулся и в двух шагах от себя увидел Тому.

Тома смотрела на собачонок и смеялась.

Глава 11
Все объяснилось

Через полчаса все собрались в маленькой комнатке укротителя. В полуоткрытую дверь доносилось рычание, хрюканье и еще какие-то очень приятные звуки.

Народу собралось столько, что было просто негде повернуться.

В комнате были и Детский Доктор, и Анна Петровна, и молодой летчик, и Петина мама, и даже летчик средних лет — Томин папа.

Все стояли и гладили по голове сначала Тому, а потом Петьку, а потом опять Тому, а потом опять Петьку.

А на маленьком столике, где лежали запасной хлыст и красивый пистолет, весь в каких-то драгоценных камнях, лежала куча розовых бумажек. Это было все, что осталось от конфет «Настоящая храбрость».

— Я до сих пор не могу прийти в себя! — сказала блестящая тетя, моргая глазами. — Вы понимаете, я репетировала со своими собачками новый номер. Они работали очень хорошо, и я дала

каждой из них по две конфетки. Я же не знала… я же не думала…

Блестящая тетя с некоторым страхом покосилась на розовые бумажки.

— Все получилось хорошо! Номер имел громадный успех! — сказал дядя Федя, потирая свои большие руки.

Тут все рассмеялись, а громче всех рассмеялась Тома.

— Какая у вас милая, веселая девочка! — сказала Петина мама Томиному папе.

— А у вас такой чудесный смелый сын! — сказал Томин папа Петиной маме.

И тут глаза у мамы просто засияли, как две звезды, и Петька увидел, что хотя у мамы нет такого замечательного платья, но зато она еще красивее, чем блестящая тетя.

— Да, знаешь, папа, какой он храбрый! — сказала Тома. — Он знаешь как меня защищал! Он даже дрался с хулиганом Гришкой. А Гришка, знаешь, уже в пятом классе учится.

— Пороть их всех надо! — решительно сказала Анна Петровна и махнула рукой. — Тогда и драться не будут.

— Что вы! Что вы! — разволновался Детский Доктор. — Насчет порки, Анна Петровна, я со-

вершенно с вами не согласен. Я уже второй год работаю над книгой «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»… Я собрал огромный материал… Мальчишки обязательно должны драться. Но если подходить с точки зрения строгой науки, то вы увидите, что драки бывают хорошие и плохие. Вот если большой мальчишка бьет маленького… Это плохая драка. Такая драка очень вредна для характера и нервной системы ребенка. Подробно я остановился на этом вопросе в пятой главе. А вот во второй главе описываю пять видов хорошей драки: первый вид — защита малышей, второй — защита девочек, третий — борьба с хулиганами более старшего возраста, четвертый…

— Да, я тоже в детстве любил драться! — улыбнулся Томин папа. — Тоже не давал в обиду девчонок и малышей!

— Это хорошая драка второго и первого вида, — просиял Детский Доктор. — И ваш смелый сын, Анна Петровна, с которым я обменялся чемоданчиком… Кстати, где мой чемоданчик?

— Вот он. У меня, — сказал Петька.

Детский Доктор открыл желтый чемоданчик.

— Но он же пуст! — удивился он. — А где же?..

И тут Тома и Петька, перебивая друг друга,

рассказали Детскому Доктору, что случилось с антиболтином и порошком смеха.

— Так вот почему этот болтун нам ничего не ответил! — воскликнула Анна Петровна.

— Да, да! Я сразу заметил, что смех этих мальчиков искусственного происхождения!.. — сказал Доктор.

— А это не опасно? — заволновалась Анна Петровна. — Все-таки дети… Неужели они навсегда?..

— Нет, нет! — успокоил ее Детский Доктор. — Острое состояние скоро пройдет. Но, вероятно, болтун перестанет быть болтуном, а эти мальчишки еще месяца два будут смеяться по любому поводу.

— Можно вас на одну минуточку, доктор? — спросила Петина мама.

Прямо перед собой Детский Доктор увидел ее большие, немного встревоженные глаза.

— Вы понимаете, Доктор… Все-таки Петенька не съел ни одной вашей конфеты. А вдруг он опять?..

— Это исключено, — весело сказал Детский Доктор и похлопал Петину маму по руке. — Вы можете совершенно не волноваться. Ваш сын Петя теперь никогда ничего не будет бояться.

Когда сама жизнь делает человека смелым… это действует гораздо сильнее, чем любые лекарства. И вообще, если можно обойтись без помощи медицины… Вот и Тома тоже… Она снова научилась смеяться!

Тут все попрощались с укротителем и блестящей тетей и вышли на улицу.

На улице уже стемнело. На высоких столбах зажигались круглые желтые фонари. Прохладный ветер приятно гладил разгоряченные лица.

— И все-таки, голубчик, нечего вам радоваться! — сердито сказала Анна Петровна. — Вот смотрите, какую беду вы чуть не натворили с вашими конфетами… Все-таки надо поосторожней…

— Да, да! — задумчиво проговорил Детский Доктор. — Теперь я буду осторожнее. Я, знаете ли, даже не думал, что я создал такой опасный препарат. Мне просто не пришло в голову, что… Но теперь я знаю. В нашей стране, где люди такие смелые…

— Вы правы… — сказал Томин папа и замолчал.

Он услышал, как Тома, которая шла впереди рядом с Петькой, чему-то радостно засмеялась.

Лоскутик и Облако

Глава 1
О чем думала старая лошадь дядюшки Буля

Ни одной травинки...» — думала старая лошадь.

Она тащила за собой тележку. На тележке большая дубовая бочка с надписью: «Вода принадлежит королю». Под надписью королевский герб: золотое ведро и корона.

Рядом с тележкой шагал дядюшка Буль, продавец воды.

— Эй, кому воды? Ключевой, холодной! — прокричал дядюшка Буль.

«Какой у моего хозяина пронзительный голос, — подумала лошадь, — и кнут слишком длинный. Мог быть и покороче... Нет, хороший хозяин не мог бы продавать воду. Не мог бы, и все. Он бы отдавал даром».

Телега прогромыхала по мосту. Но реки не было. Под мостом торчали пыльные камни.

«Какой же это мост, если под ним нет воды? — думала лошадь. — Одно название. А ведь старый филин, Ночной Философ, который в темноте при-

летает на крышу моей конюшни, рассказывал, что раньше здесь текла река и воды было сколько угодно. Только, может быть, он уже спятил с ума от старости? Бедный Ночной Философ...»

Теперь телега катила по кривой улочке. По обе стороны стояли серые от пыли дома.

«Разве это канава? — думала лошадь. — Какая это канава, если в ней ни травинки? Ей даже стыдно называться канавой. А деревья без листьев? Разве это деревья?»

— Мама, глоточек! — захныкал тощий мальчишка.

— Дядюшка Буль! — окликнула продавца воды бледная женщина. — Налей кружку воды моему сынишке.

— Тпрру! — крикнул дядюшка Буль, натягивая вожжи. — А что дашь за это?

— Моток кружев, дядюшка Буль, — заторопилась женщина, — тонких, как паутинка! Ты же знаешь, какая я мастерица.

Мальчишка одним махом опорожнил кружку, мать держала раскрытую ладонь под его подбородком, чтобы не упало ни капли.

Из низкого, покосившегося домика выбежала худенькая девушка. Глаза у нее были голубые, как небесная лазурь.

«У этой жалкой нищенки слишком красивые глаза, — со злобой подумал продавец воды. — Слишком красивые… Они больше подошли бы знатной даме или даже принцессе».

— Дядюшка Буль! — взмолилась девушка. — Налей мне кувшин воды. Моя матушка тяжко болеет и все время просит пить.

— Кувшин воды? — подозрительно прищурился дядюшка Буль. — Он немало стоит. Что ты мне дашь за него?

— Хочешь, возьми мои деревянные башмаки, — заторопилась девушка. — Или вот этот передник. Посмотри, какие я вышила на нем красивые узоры!

— Твои башмаки годятся лишь на то, чтоб их бросить в печь и сварить похлебку, — презрительно скривился дядюшка Буль. — А передник просто грязная тряпка, чтоб вытирать пыль.

— Тогда я отдам тебе свое заветное золотое колечко, — печально вздохнула голубоглазая девушка. — Мне подарил его мой жених, оружейных дел мастер. Больше у меня ничего нет.

Она сняла с тонкого пальчика кольцо и протянула его продавцу воды.

— Ладно уж, — проворчал дядюшка Буль, но глаза его при этом жадно блеснули. — Так и быть,

налью тебе кувшин воды. Уж очень я добрый, и мне жаль твою старую, больную матушку.

Лошадь проехала мимо колодца, доверху заваленного большими булыжниками. Около колодца, привалясь к нему спиной, сидели два стражника: Рыжий Верзила и Рыжий Громила. От скуки плевали кто дальше.

«Какой же это колодец, если из него нельзя напиться? — подумала лошадь. — Одно название…»

— Как дела? — поинтересовался дядюшка Буль. — Никто не про…

— Чего «не про…»? — лениво переспросил Рыжий Верзила, приоткрыв глаз.

— Не пробовал ли кто-нибудь отвалить камни и набрать воды?

— Днем все тихо, — зевнул во всю пасть Рыжий Громила. — А по ночам около каждого колодца ставят пушку. Попробуй подступись!

— Эй, кому воды! Ключевой, холодной! — снова завопил на всю улицу дядюшка Буль.

Но на его крик никто не вышел из домов. Двери захлопывались, закрывались окна.

«Ни травинки, ни листочка. Бедная земля. Мертвый город. Траву увидишь разве только во сне да за решеткой королевского парка. Как

плещется вода в бочке, с ума сойти!»

Вот о чем думала старая лошадь дядюшки Буля.

Глава 2
Лоскутик

— Эй, Мельхиор! — крикнул дядюшка Буль, когда тележка поравнялась с маленькой лавчонкой.

Над дверью лавчонки, на кособокой вывеске, было выведено: «Иголки, булавки, разные острые вещи и все, что пожелаете».

В дверях показался лавочник. Сразу было видно, что он торгует острыми, жесткими и колючими вещами. Взгляд у него был колючий. Ресницы как иголки. Брови и усы похожи на жесткие щетки.

— Говорят, подешевела водичка, — сказал лавочник и хихикнул.

— Пока нет, — грустно ответил дядюшка Буль.

— Так, значит, за одну серебряную монету два ведра? — еще веселей спросил Мельхиор.

— За две монеты одно ведро, — совсем загрустил дядюшка Буль.

Увидев, что обмануть дядюшку Буля все равно не удастся, Мельхиор перестал улыбаться и крикнул:

— Эй, Лоскутик, неси ведро!

Из темноты лавки с пустым ведром в руках выскочила девчонка. Обыкновенная девчонка. Нос лопаткой, да еще к тому же густо посыпан веснушками. Глаза зеленые. Тощие рыжие ресницы торчат в разные стороны.

Только вот одета она была необычно. Все платье было сшито из разных лоскутков: больших, маленьких, шерстяных, синих, красных, в полоску.

— Глоточек… — прошептала Лоскутик, уставившись на ведро с водой.

— Еще чего! — прошипел лавочник.

В этот момент случилось кое-что странное. Старая лошадь дядюшки Буля, всегда такая унылая и сонная, вдруг резко вскинула голову и заржала.

Мало того, она поднялась на дыбы, насколько позволяли оглобли, и принялась быстро и радостно кивать головой, как будто с кем-то здоровалась. Но и этого мало. Она в изумлении таращила глаза, махала хвостом, трясла гривой и продолжала ржать, как легкомысленный жеребенок.

Дядюшка Буль даже пролил немного воды на землю. Это случилось с ним в первый раз с тех пор, как он стал королевским продавцом воды.

Мельхиор покачал головой, взял ведро и понес в дом. При этом он делал такие осторожные и

бережные шаги, как циркач, который держит на носу шест, а на шесте поднос, уставленный хрустальными бокалами.

Лоскутик вздохнула и поплелась к себе на чердак. Это был самый обыкновенный чердак. Мебели там никакой не было — всего только куча соломы в углу.

Лоскутик подняла с полу соломинку и принялась ее жевать. И вдруг она что-то увидела на чердачном окне.

Трудно даже сказать, увидела она что-нибудь или нет.

Но если считать, что увидела, то на окне сидела лошадь дядюшки Буля, с трудом взгромоздившись на узкий подоконник.

С другой стороны, можно считать, что она вовсе ничего не увидела, потому что лошадь дядюшки Буля, сидевшая на подоконнике, была совсем прозрачной. Такой прозрачной, что ее почти что и не было.

— Воды… — жалобно простонала лошадь.

Лоскутик замерла. Она не могла пошевелить и пальцем.

— Я так и знала… — безнадежно проговорила лошадь и в отчаянии махнула хвостом. — Я знала, все равно воды не будет. Вместо воды будет

открытый рот и глупый вид.

Лоскутик с изумлением увидела, что хвост у лошади исчез. Исчезли и задние ноги.

— Вы… кто? — пролепетала Лоскутик.

Лошадь мягко качнула гривой. Живот ее стал совсем прозрачным.

— Я так и знала… — сказала лошадь, с упреком глядя на Лоскутика. — Я знала: когда я буду погибать, мне будут задавать вопросы. Вместо воды одни вопросы…

Голос ее слабел. Лоскутик увидела, что ее передние ноги, длинная шея и грива исчезают прямо на глазах.

— Воды… — прошептали лошадиные губы и пропали.

Лоскутик скатилась вниз по лестнице. Из спальни хозяев слышался дружный храп. Лавочник храпел, как медведь в берлоге, лавочница попискивала, как суслик из норки.

Чтобы быть честным до конца, надо сказать, что Лоскутик задумалась и больно укусила себя за палец, глядя на ведро с водой. Никогда прежде она не осмеливалась сделать и шага к нему без спросу.

Но уже через минуту Лоскутик, задыхаясь, как могла, быстро поднималась по лестнице, и вода

выплескивалась из ведра, текла по ее голым ногам.

Нисколько не сомневаюсь, мой читатель, что, если бы ты очутился на месте девочки и это у тебя на подоконнике сидела бы грустная прозрачная лошадь и просила напиться, ты бы поступил точно так же.

Лоскутик толкнула дверь коленкой.

На подоконнике никого не было. Прозрачная лошадь исчезла. Никогда чердак не казался Лоскутику таким пустым. Она стиснула зубы, сжала кулаки, чтобы не зареветь. Все сразу стало серым, скучным. Лоскутик села на кучу соломы, но тут же вскочила.

Она увидела, что над подоконником плавает один-единственный прозрачный и очень печальный лошадиный глаз.

Видимо, глаз увидел ведро. Он раскрылся пошире, мигнул, в нем сверкнула радость. Покачиваясь, он подплыл к ведру и нырнул прямо в воду.

Ведро как будто ожило. Оттуда послышалось бульканье, бормотанье и очень довольное крях-тенье.

Через минуту из ведра показалась белая, легкая, будто вылепленная из мыльной пены голова.

Лоскутик разглядела нос лопаткой, широко расставленные глаза, косички, торчащие в разные стороны.

Две белые руки уперлись в края ведра. Человечек крякнул, поднатужился и сел на край ведра. Он натянул белый рваный подол на коленки.

Он кого-то напоминал Лоскутику. Кого-то очень знакомого. Но кого? Лоскутик никак не могла сообразить.

Лоскутик заглянула в ведро.

«Пустое! — изумилась Лоскутик. — Ни капли не осталось. Даже дно сухое…»

— Когда-нибудь испарялась? — задумчиво спросил белый человечек.

— Н-нет… — шепнула Лоскутик.

И вдруг белый человечек дернул себя за ухо и плавно взлетел кверху.

Он для этого ничего не делал: не махал руками, даже не шевелил пальцами босых ног. Просто летел себе — и все.

Когда он пролетал над Лоскутиком, лицо ее осыпали мелкие капли воды.

— Поняла? — спросил он.

— Не очень, — сказала Лоскутик, которая на самом деле ничего не поняла.

— Облако я, — просто сказал человечек. —

Обыкновенное облако.

Глава 3
Белый лев на подоконнике

Стемнело. Из-за черепичной крыши вылез месяц — острые рожки. Облако сидело на подоконнике, свесив ноги. Месяц сквозь него светил мутно. Таял, как кусок масла в манной каше.

— Ну, поколотят… — бодрилась Лоскутик, поглядывая на пустое ведро. — Тебе сколько лет? — спросила она у Облака.

— Не лет, а дождей, — поправило ее Облако. — Миллион семьсот тысяч шестьдесят три дождя.

— Дождя? — удивилась Лоскутик. — Что это… дождь?

— Не знаешь? — в свою очередь удивилось Облако. — Самое лучшее, а не знаешь. Это когда с неба течет вода.

— С неба?!

— Ну да.

— Просто так? Не за деньги? — недоверчиво спросила Лоскутик.

— Ага.

— Так не бывает.

— Еще как бывает! Когда мне исполнилось сто

дождей, ого какой бабка устроила мне ливень! Проснулось, а под подушкой что, думаешь? Молния. Это мне бабка подарила. Каждое облако больше всего мечтает, чтоб ему молнию подарили. А моя бабка — старая Грозовая Туча.

— Грозовая Туча? Ливень? — Лоскутик уже устала удивляться.

— Грозовая Туча — это большое облако, с громом и молниями. Ого! Огреет — не обрадуешься. Весь день будешь летать с рыжими синяками. А ливень — это большущий дождь, и непременно чтоб пузыри по лужам.

— Пузыри по лужам… — зажмурилась Лоскутик.

— Прыгают… — Облако даже проглотило слюну.

— У нас так не бывает, — печально сказала Лоскутик.

— Раньше бывало. Какая у вас река была! Добрая, ласковая. Текла через весь город. А ручьи? Славные ребята. Только ничего по секрету им не скажешь. Все разболтают. А какое болото у вас было! Умное. Все о чем-то думало. Бывало, все вздыхает, вздыхает по ночам…

— А куда же все подевалось?

— Не знаю. И никто не знает. Даже моя бабка,

Грозовая Туча, и та только руками разводит. Говорит: «Ничего не понимаю!» Представляешь: река вдруг пересохла ни с того ни с сего. Ручьи пропали. От болота не осталось и мокрого места. Теперь у вас что? Пустыня.

— А королевские сады?

— Так пока туда долетишь — испаришься. А думаешь, это приятно — испаряться? Нет, теперь в ваше королевство не заманишь ни одно порядочное облако.

— А ты?

— Я — другое дело. — Облако придвинулось к Лоскутику. — В королевском саду живет мой друг — старая жаба Розитта. Ты бы видела, какая красавица! А уж умница!

— Твой друг… — тихо повторила Лоскутик.

— Думаешь, бабка мне разрешила сюда лететь? Как же! Разгремелась вовсю: «И не думай! Там небо как сковорода. Ты что — облако или отбивная?» А я взяло да улетело потихоньку. Мне так хотелось повидать жабу Розитту… — Глаза Облака почему-то наполнились слезами. — Я старалось не глядеть на мертвые деревья…

Облако закрыло лицо ладошками. Слезы выдавились между пальцев. Тук-тук-тук — забарабанили по подоконнику.

— Я напоило семьдесят пять бездомных собак. Двадцать восемь котов и кошек. — Облако плакало все сильней. Со стоном раскачивалось. Даже с острых косичек закапали слезы. Оно все как-то сжалось, побледнело. — Напоило старую козу, четырех ворон и кар… кар… кар… картофельное поле… Я выплакало из себя всю воду. Во мне не осталось ни капли.

Только тут Лоскутик заметила, что дырявый, рассохшийся пол чердака весь залит водой.

А между тем внизу, в спальне, Мельхиор проснулся и сел на постели, дико озираясь по сторонам.

— Эй, жена! — окликнул он лавочницу. — Да открой же ты глаза! Хочешь верь, а хочешь нет, да только на меня с потолка что-то капнуло!

— Спи и не болтай глупостей, — сонно отозвалась лавочница.

— Опять капнуло! Прямехонько на нос!

— Ты, наверно, спятил, муженек. Не может этого быть, — проворчала лавочница. И вдруг пронзительно взвизгнула: — Ой, на меня льется вода! Вся подушка мокрая!

— Смотри, жена, ведро с водой пропало! Кто-то украл нашу милую, бесценную водичку! — истошно завопил Мельхиор.

— Не иначе как Лоскутик! Эта маленькая дрянь! — подхватила лавочница.

— Воровка! Я ее проучу как следует!

Две пары ног бешено затопали вверх по лестнице. Бедные старые ступеньки, каждая на свой голос, заохали и застонали.

— Ее надо пс-с! Фс-с! Кс-с!.. — давилась от злобы лавочница.

— Я ее хр-р!.. Вж-ж!.. Пш-ш! — хрипел Мельхиор.

— Улетай! — отчаянно прошептала Лоскутик, пятясь от двери. — Скорей улетай!

Дверь распахнулась. Лавочник и лавочница застряли в узких дверях.

Луна осветила их. Черные рты, руки с хищно растопыренными пальцами.

В конце концов лавочница потеснилась назад, и Мельхиор влетел на чердак. Он сделал несколько яростных шагов к Лоскутику и вдруг замер на месте.

— А-а! — в ужасе завопил он, приседая, сгибая колени.

Он глядел не на Лоскутика. Куда-то мимо нее.

Лоскутик невольно оглянулась. На подоконнике скромно и благовоспитанно, не обращая ни на кого внимания, сидел великолепный белый

лев. Он наклонил голову и белым языком аккуратно вылизывал тяжелую лапу. Ночной ветерок осторожно играл его густой гривой. Лев лениво зевнул, месяц посеребрил кривые клыки. Небольшая молния вылетела из пасти и стрельнула в пустое ведро.

Худые коленки лавочницы застучали одна о другую, как деревянные ложки.

Лавочник и лавочница ринулись к двери.

Затрещала несчастная лестница, бухнула внизу дверь, заскрежетал засов, и все стихло.

Лев на окне глубоко вздохнул.

— Я так и знал, что все кончится очень плохо, — задумчиво сказал он, глядя в окно на месяц. — Но я этого не хотел. Это все потому, что люди устроены иначе, чем мы, облака. Вам почему-то обязательно надо, чтобы была крыша над головой. А если крыша дырявая и сквозь нее видны звезды, вы не успокоитесь, пока не заделаете все дыры до одной… — Лев грустно опустил голову. — А теперь у тебя нет крыши над головой. Твои хозяева сживут тебя со свету. Они начнут тебя поджаривать, устроят тебе хорошенькую пустыню… Ты можешь тихо спускаться по лестнице?

Лоскутик кивнула.

— Я вылечу в окно, — сказал лев, — и буду

ждать тебя за углом.

Глава 4
Барбацуца

В этот вечер в королевской кухне царила небывалая, невообразимая суматоха. Без толку сновали поварята в белых колпаках больше их самих. От их колпаков по стенам метались тени, похожие на гигантские грибы. В углу всхлипывали и сморкались в кружева пять придворных дам.

Главный повар, человек по натуре очень нервный, капал из склянки в рюмочку успокоительные капли.

— Когда я так нервничаю, у меня получаются очень нервные супы и взволнованные компоты, — жаловался он сам себе.

Маленький поваренок толкнул его под локоть. Лекарство взлетело вверх из рюмки.

Главный повар хлопнул поваренка по его огромному колпаку. Звук получился как от разорвавшейся хлопушки. Оглушенный поваренок, моргая, сел на пол.

На кухню один за другим вбегали слуги с золотыми блюдами. Они сообщали ужасные новости.

— Его величество швырнули пирожки прямо в бульон!

— Ничего подобного! Он вылил бульон прямо в блюдо с пирожками!

В довершение всего на кухню ввалилась снежная баба, если только на свете может быть снежная баба, от которой клубами валит горячий пар. Говоря попросту, это был слуга, весь с головы до ног облепленный манной кашей.

— Комочки… — сквозь манную кашу, забившую ему рот, еле выговорил слуга.

— Комочки?! — бледнея, повторил главный повар. — Как? Что? Не может быть!

— Я-то при чем? — всхлипнул слуга. С его растопыренных рук пластами съезжала манная каша и с приятным звуком шлепалась на пол. — Я подал ее. Его величество изволили даже улыбнуться…

— Улыбнуться?! Тебе?!

— Не мне, а каше. Они изволили отправить в рот одну ложку и вдруг как завопят: «Комочки!..» Потом они начали икать, стонать, плевать, вопить и топать ногами. А потом… — Снежная баба развела руками, указывая на себя.

— Кто варил кашу?

Пять придворных дам засморкались еще жалобней.

— Где Барбацуца?

— За ней послали девяносто семь голубей, карету, пятерых стражников верхом и капитана.

Вбежал перепуганный слуга:

— Его величество требуют манную кашу. Сейчас же! Немедленно!

Вбежал еще один слуга:

— Его величество стучат ложкой по столу!

Главный повар оперся о плиту и тут же завертелся волчком, хватаясь обожженными пальцами за мочку уха.

— Нельзя меня так нервировать! Мои соусы и подливки! Мои пирожные! Им передается мое настроение!

— Едут! Едут! — заверещал поваренок, подскакивая около окна.

По мосту, изогнутому, как спина испуганной кошки, катила карета.

— Ее любимую кастрюлю с помятым боком! Ее старую поварешку!

Через минуту дверь распахнулась, и в кухню со скоростью летящего снаряда ворвалась Варбацуца. Все как-то сразу стали ниже ростом, потому что у всех невольно подогнулись колени. Барбацуца была тощая, длинная старуха. Один глаз у нее был закрыт черной повязкой, что делало

ее удивительно похожей на морского разбойника. В другом глазу полыхало поистине адское пламя, отчего она сразу становилась похожей на ведьму.

Остальное было не лучше. Длинный нос криво оседлали разбитые очки с закинутой за одно ухо петлей из бечевки. Из-под чепца торчали пучки волос, напоминающие перья седой вороны.

Одета старуха была в домашний халат, на ногах стоптанные шлепанцы.

— Лентяйки! Бездельницы! Белоручки!

Придворные дамы разом уткнулись носами в колени. Только медленно дрожали лопатки.

— Молоко! — рявкнула Барбацуца.

Она опрокинула кувшин с молоком над кастрюлей, щедро поливая молоком раскаленную плиту.

— Соль! Сахар! Крупу! — послышалось из клубов молочного пара.

Все это Барбацуца тут же не глядя бухнула в кастрюлю.

— Дровишек!

Загудело пламя.

Барбацуца взгромоздилась на табуретку. В клубах белого пара мелькнули ее локти, зеленые, как недозрелые бананы. Барбацуца засучила рукава

и старой поварешкой принялась размешивать кашу.

Пузыри вздувались и оглушительно лопались, как будто в кастрюле началась война. Летела к потолку копоть и черными бабочками валилась в кашу.

— Готово, — прошамкала Барбацуца.

Двое слуг с благоговением наклонили кастрюлю. На золотое блюдо потекла манная каша: белая, пышная, как взбитые сливки.

Маленький поваренок подцепил пальцем повисшую на кастрюле каплю, лизнул палец и зажмурился.

Слуга поднял блюдо над головой и вышел торжественным шагом.

— Дорогая Барбацуца! — растроганно сказал главный повар. — Вы знаете, манная каша — самое любимое блюдо нашего короля. А манная каша, которую варите вы, божественна, бесподобна. Вероятно, вы знаете секрет, как ее варить.

— Надоело… — мрачно проворчала Барбацуца, глядя вниз и шевеля пальцами, вылезающими из драной туфли.

— Как надоело? — изумился и испугался главный повар.

— Я тоже человек… Всю жизнь — манная каша.

Без выходных. Надоело.

— Дорогая Барбацуца, я начинаю волноваться… — с дрожью в голосе сказал главный повар.

— А кто обещал мне помощниц?

— Но… — Главный повар беспомощно указал на придворных дам, уткнувшихся в носовые платки. Можно было подумать, что носовые платки просто приросли к их носам.

— Эти?! — взвизгнула Барбацуца. — Манную кашу надо хорошенько мешать, размешивать, перемешивать. Вот и весь секрет. А моя поварешка, видите ли, слишком тяжела для их нежных ручек. Нет, клянусь последней коровой на этом свете, последней каплей молока, я возьму себе в помощницы первую попавшуюся нищенку, побирушку, оборвашку! Только не этих лентяек! Уф! Да тут задохнуться можно!..

Барбацуца по пояс высунулась из окна.

Над королевским садом в пустом небе висел месяц, острый и желтый.

Прямо под окном, на дорожке, посыпанной мелким песком, сидела большая жаба. Она была похожа на старый, потертый кожаный кошелек. Кожа складками сползала на короткие лапы. В лунном свете, как изумруды, сверкали ее бородавки.

Вокруг нее чинно сидели шесть лягушат. Их молодые, туго натянутые шкурки блестели.

Старая жаба строго и задумчиво посмотрела на Барбацуцу глазом выпуклым, как стекло фонаря. В горле у нее забулькало.

«Или я выжила из ума и из меня пора насушить сухарей, — подумала Барбацуца, — или эта жаба все понимает. Давно не видела такой умной физиономии…»

Жаба что-то скрипнула и уползла в шелковую от росы траву. Лягушата — за ней.

Когда золоченая карета довезла Барбацуцу до ее крепкого деревянного дома с голубятней на крыше, городские часы отбили полночь.

Барбацуца увидела около крыльца какую-то скорчившуюся фигурку. Она разглядела тощую девчонку в тряпье. В широко открытых глазах девчонки повис месяц.

А Лоскутик, потому что это была именно она, увидела страшную одноглазую старуху. На голове у старухи дыбом торчал чепец, твердый, как коробка из-под торта.

— Вам не нужна служанка? — чуть слышно прошептала Лоскутик.

— Ты бы лучше спросила, не нужна ли мне воровка! — закричала Барбацуца таким страшным

голосом, что в окнах соседних домов зашатались огоньки свечей.

Барбацуца вытащила Лоскутика из-под крыльца.

— Я не воровка! — вскрикнула Лоскутик, стараясь вырваться из цепких рук Барбацуцы.

— Ах, не воровка! — захохотала Барбацуца. — Шатаешься по ночам около чужого дома — раз! — Барбацуца загнула кривой, тощий палец. — Глаза горят — два! — Барбацуца загнула второй палец. — Живот так и распевает песни от голода — три! Хочешь удрать — четыре! Чего же еще? Ясно, воровка!

Барбацуца, держа девочку за руку, втащила ее в дом, швырнула на лавку. С грохотом придвинула тяжелый стол, так что он врезался Лоскутику в живот и припер к стене.

Затем Барбацуца выхватила из печки целиком зажаренного гуся и шлепнула его на блюдо, стоящее перед девочкой:

— Ешь!

Налила кружку воды, с маху поставила на стол, расплескав половину:

— Пей!

За окном раздался еле слышный вздох облегчения.

Барбацуца подскочила к окну.

Она увидела что-то белое и туманное, прилипшее к стеклу.

— Это еще кто тут? — рявкнула Барбацуца. — А палки не хочешь?

Но белое и туманное поморгало выпуклыми глазищами, тихо отлетело от окна и исчезло в темноте.

Глава 5
Жаба Розитта

Тебе, мой дорогой читатель, наверно, совершенно непонятно, как это Лоскутик в такой поздний час очутилась под крыльцом Барбацуцы. И откуда она могла узнать, что Барбацуце нужна служанка?

Но наберись терпения, мой читатель! Мы с тобой немного забежали вперед, и поэтому теперь нам надо вернуться немного назад.

Если ты помнишь, насмерть перепуганные лавочник и лавочница убежали с чердака. После этого Облако спросило девочку, может ли она тихо спуститься по лестнице. А само вылетело в окно.

Так вот что было дальше.

Лоскутик на цыпочках неслышно спустилась вниз.

Впрочем, она могла бы топать, как слон, и танцевать дикий танец на каждой ступеньке. Лавочник и лавочница, заперев дверь на все замки и засовы, залезли под кровать и так тряслись от страха, что подушки и одеяла решили, что

началось землетрясение.

Итак, Лоскутик благополучно вышла из дома. За углом она увидела белого льва. Лунный луч проходил через Облако, и в животе у него плясали мелкие капли воды.

— А вещи, пожитки? — спросило Облако.

— Нету. — Лоскутик с виноватым видом развела руками.

— Хорошо, — одобрительно сказало Облако. — И у меня никаких вещей. Не понимаю я людей! Отправляются в путь — тащат на себе какие-то узлы, сундуки. Плетутся, уткнувшись носом в землю, ничего не видят кругом… Путешествовать надо налегке. — Облако мягко подпрыгнуло. — Ты знаешь, как пройти к королевским садам?

— Кто же этого не знает?

Они пошли по дороге.

Белый лев шел медленно. Пожалуй, четырех лап для него было слишком много. Непослушные белые лапы то и дело обматывались одна вокруг другой, иногда даже завязывались узлом.

— Я, пожалуй, полечу. Ходок я не из лучших.

Облако упруго, как на пружинах, подпрыгнуло и поплыло рядом с девочкой.

— Я бы сейчас выпило полфонтанчика, — мечтательно вздохнуло Облако. — А почему тебя

зовут Лоскутик? Глупое имя.

— За мое платье, — тихо сказала Лоскутик, не глядя на Облако. — Я собираю лоскутья и подшиваю их к подолу и к рукавам. Я же не виновата, что мои руки и ноги почему-то все время растут.

— А о чем думают твои папа и мама, которых всегда полно у вас, у людей?

— Они давно умерли. Я их даже не помню.

— Но маленькие люди не живут одни. С кем ты жила?

— Ни «с кем», а «у кого», — сказала Лоскутик. — Я жила у чужих людей. Когда я была совсем маленькая и умела только ползать по полу, меня взяла к себе торговка пуховыми перинами. Она набивала пухом перины и подушки. Пух летел во все стороны, а я ползала по полу и собирала его. Когда я подросла и уже научилась ходить, меня взял к себе богатый мельник. Я вытирала пыль с утра до ночи. Когда я еще подросла, я попала к торговке жареной печенкой. Целые дни я терла песком жирные сковородки. Но торговка выгнала меня. Она сказала, что я стащила кусок печенки. На самом деле печенку украл ее сынишка — обманщик и обжора. Тогда меня взял к себе жадный трактирщик. Я прислуживала его гостям и носила тяжелые кружки с вином. Но однажды я уронила

кружку и разбила. И тогда трактирщик…

— О!.. О!.. — услыхала Лоскутик позади себя.

Она оглянулась.

Облако сидело в пыли, прямо на дороге, маленькое, сморщенное, и обливалось слезами.

— Я так и знало, что все кончится плохо, — тряслось оно в лунном свете. — Зачем, зачем ты мне все это рассказала? Чтобы я выплакало из себя последнюю воду? Да?

Лоскутик осторожно, обеими руками приподняла Облако. Оно было легче перышка. Еще дергая носом и горько всхлипывая, Облако обмоталось вокруг ее шеи. У Лоскутика по спине, между лопатками, потекли струйки воды.

Теперь Лоскутик шла медленно, часто спотыкаясь. Она плохо видела. Облако наползало ей на глаза.

Что-то стучало возле ее уха.

«Его сердце…» — подумала Лоскутик.

Они прошли через площадь Одинокой Коровы. Было тихо. Только в лавке Великого Часовщика в такт мелодично тикали все часы, большие и маленькие, — чтобы убаюкать старого мастера.

Чем ближе они подходили к королевскому парку, тем выше становились дома по обе стороны улицы. Дома были с балконами, башенками и

флюгерами. В некоторых окнах даже виднелись горшки с цветами. Это были дома богачей. В этом городе определяли богатство: сколько горшков с цветами стояло на окнах.

В этом городе говорили:

«Вы слышали, моя дочь выходит замуж за очень богатого человека… Вот счастье привалило! Вы только подумайте, у него семь горшков с цветами!»

«Главный тюремщик все богатеет, у него одиннадцать горшков с розами!»

«Этот чудак, старый мастер зонтиков, вконец разорился. Вчера у него завяла последняя маргаритка. Бедняга, ему не на что было купить воды, чтобы ее полить…»

Наконец улица кончилась. Лоскутик вышла на Дворцовую площадь.

— Ох, пыли наглоталось… — простонало Облако. — Не могу больше. В горле так и жжет. Ну, скоро королевские сады?

— Мы уже пришли. Вот они, — тихо сказала Лоскутик. — Смотри. Там все другое. Как в сказке.

За тяжелой чугунной оградой стеной стояли деревья, серебряные с одного бока. Из травы поднимались цветы. Как живые, в лунном свете шевелились фонтаны.

Облако, скользнув по шее девочки, перевалило через ограду и, пригнув струи воды, нырнуло в ближайший фонтан. Послышалось бульканье, как будто на дно фонтана опустили огромную пустую бутылку. Потом Облако, большое, пышное, выкатилось из воды и развалилось на росистой траве, с наслаждением поворачиваясь с боку на бок.

— Иди сюда, Лоскутик! — позвало оно разнеженным голосом.

— Ты же знаешь! — Лоскутик попятилась от ограды. — Бульдоги! Сад сторожат бульдоги!

— Подумаешь, буль-буль-бульдоги! — беспечно пробормотало Облако.

Через газон, задними лапами откидывая росу, мчались десять раскормленных квадратных бульдогов.

Облако дернуло себя за ухо и взлетело на ветку. Село прямо на птицу. Птица залилась еще слаще, раздувая горло, хотя и очутилась прямо в животе Облака. Облако вытащило откуда-то носовой платок, встряхнуло за один угол и отпустило. Белый носовой платок, покачиваясь туда-сюда, поплыл в темноту.

Бульдоги между тем сунули слюнявые морды между прутьев решетки и жадно зарычали, раз-

глядывая девочку.

— Мяу-у! — раздался сахарный, тонкий голосок.

От этого «мяу» бульдоги разом вздрогнули, выдернули морды, застрявшие между прутьями, и резко отскочили назад. Лоскутик увидела десять хвостов-обрубков, дрожащих мельчайшей злобной дрожью.

На круглом газоне стояла пушистая белоснежная кошка, изогнув упругую спину. Одну лапу, как и подобает уважающей себя кошке, брезгливо подняла, стряхивая каплю росы.

Облако, сидевшее на ветке, одобрительно посмотрело на кошку.

— Мяу-у-у! — еще слаще пропела кошка и исчезла в тени.

Бульдоги, хрюкнув от такого невиданного оскорбления, бросились за ней.

— Это мой носовой платок! — вздохнуло Облако. — Такой талантливый! Ну, теперь иди сюда.

Лоскутик с опаской протиснулась между прутьями ограды.

— Не бойся, не бойся… — Облако повело ее в глубь сада.

На каменной скамье около широкой вазы, полной темной воды, сидела большущая жаба.

От старости она тяжело дышала, выпучив глаза, глядящие в разные стороны.

— Жаба Розитта! — вскричало Облако и навалилось на жабу.

Жаба Розитта растроганно моргала. Облако обнимало жабу, целовало между глаз. Потом уселось рядом. Жаба Розитта закашляла, заскрипела, как старое дерево:

— Кхи… Кри… Ква… Крр… Кви… Фрр… Хрр… Кхх… Ква…

— Вот оно что! Ну и дела! — тихо ахнуло Облако, слушая жабу Розитту. — Ну и король! Что надумал! Присвоить себе воду — самое лучшее, самое красивое…

Лоскутик с удивлением смотрела на Облако. Оно раздалось вширь, стало круглым. Рот растянулся до ушей. Глаза выпучились и разъехались в разные стороны. Облако стало похоже на жабу Розитту. В траве тайно перекваквакивались лягушата. Прыгали прямо через лапы Облака. В каменной вазе в воде висели головастики. Таращили черные глазки с булавочную головку.

Жаба Розитта строго постучала по вазе — головастики тут же гвоздиками попадали вниз.

— Я так и знало, что все кончится очень плохо… — грустно сказало Облако. — Все-таки у

человека была крыша над головой. Хоть какая-то, а была. Что теперь делать? Посоветуй, жаба Розитта.

Жаба Розитта внимательно оглядела девочку выпуклым глазом, мигнула. Лоскутик от смущения опустила голову.

Жаба Розитта что-то сипло забормотала, закашляла.

— Пожалуй, это мысль, — задумчиво сказало Облако и повернулось к Лоскутику: — Тут одна повариха ищет себе служанку. Нужно только, чтобы ты первая попалась ей на глаза.

Глава 6
День рождения

Лоскутик сидела, прислонившись спиной к шести пышным подушкам. Колени ее были укрыты тремя пуховыми одеялами. На животе стояло блюдо со сладкими пирожками. А рядом, на скамеечке, торт, в котором, потрескивая, горели десять свечек.

Лоскутику было жарко и душно. Она без всякого удовольствия надкусила восьмой пирожок и стала облизывать липкие пальцы.

Уже две недели она жила у Барбацуцы. Каждое утро Барбацуца ощупывала Лоскутика: тискала руки и ноги, мяла бока, тыкала пальцем в живот.

— Почему не толстеешь? — рычала Барбацуца. — Где румяные щеки, пухлые ручки, растопыренные пальчики и хоть тоненький слоек жира? Мне нужна служанка, а не щепка. Ты утопишь в кастрюле мою поварешку. Разве я могу доверить мою поварешку веретену, зубочистке, вязальной спице?

Лоскутик старалась есть побольше, но только

худела с каждым днем.

Дело в том, что за все это время Облако ни разу к ней не прилетало.

«Неужели оно забыло про меня, улетело навсегда и я его больше никогда не увижу? Теперь у него есть жаба Розитта. Наверно, я ему больше не нужна».

От этих мыслей она и худела.

— Любопытно было бы узнать: сколько лет такому заморышу? — спросила однажды утром Барбацуца, заставив Лоскутика съесть целую сковородку котлет.

— Не знаю, — испуганно мигнула Лоскутик.

— Как это «не знаю»? Когда твой день рождения?

— Не знаю… Кажется, его у меня нет.

— Как это «нет»? — пришла в ярость Барбацуца. — Если у тебя нет дня рождения, выходит, ты не родилась. Тогда тебя вообще нет. Думаешь, я соглашусь платить жалованье служанке, которой нет? Ловко устроилась, ничего не скажешь. Нет, моя милая, меня не проведешь. Хочешь ты или нет, у тебя будет день рождения. Сегодня же! Сейчас же!

Барбацуца, тяжело дыша, замолчала, задумалась.

— Как лучше всего такой лентяйке отпраздновать день рождения? Ясно! Ничего не делать, валяться в постели и лопать сладости!

Вот так Лоскутик и очутилась в постели под тремя одеялами, с блюдом сладких пирожков на животе.

А Барбацуца, ругаясь на чем свет стоит, полезла обратно на голубятню задать голубям корму.

Лоскутик с тоской надкусила одиннадцатый пирожок и вдруг поперхнулась и закашлялась.

В окно влетело Облако. Лоскутик даже не сразу его узнала. На этот раз Облако было похоже на большущего белого филина с двумя широкими крыльями. Несколько белых перьев, кружась, упали на пол, пока Облако протискивалось в слишком узкое для него окошко. Облако уселось на спинку кровати, задумчиво наклонило голову набок, помигало круглыми глазами.

Лоскутик кашляла и смеялась от радости — все вместе.

— Надо бы постучать тебя по спине — так, кажется, делаете вы, люди, в таких случаях, — озабоченно сказало Облако. — Но если я постучу, ты даже не почувствуешь.

— Ой, это ты! Здравствуй, — еле отдышавшись, сказала Лоскутик. — Как я рада!

Облако подлетело к девочке. Все десять свечей по-мышиному пискнули и погасли.

— Какая гадость! — сердито воскликнуло Облако, мягко взмахивая крыльями и прыгая на одной лапе. — Я чуть не закипело.

— Больно? Очень больно? — испугалась Лоскутик.

— Ничего. Одна лапа будет покороче, и все, — махнуло крылом Облако.

— Ты летало к филину, — догадалась Лоскутик.

— Откуда знаешь?

— По тебе видно.

— Правда. — Облако оглядело себя, вздохнуло. — Болтало с ним до утра. Не могу долго быть одним и тем же. Мне все время хочется меняться, превращаться. Удивляюсь на людей: как это им не надоедает всегда быть одинаковыми! Скукотища. Я бы на твоем месте каждый день в кого-нибудь превращалось.

Но Лоскутик только молча вздохнула.

Облако взобралось девочке на одеяло.

— Почему так долго не прилетало? — жалобно спросила Лоскутик.

— Дело было, — солидно сказало Облако. Оно наползло на Лоскутика, зашептало ей в ухо, мелко брызгая холодными каплями: — Жаба Розитта

открыла мне ого какую тайну! Когда она это рассказала, я сделало себе сто ушей и слушало сразу всеми. Вот что: каждую ночь, когда дворцовые часы пробьют три раза, ручьи в королевском парке начинают бурлить, пруды выходят из берегов, фонтаны бьют до самого неба. Но почему это? Откуда эта вода? Никто, никто не знает. Я расспросило летучих мышей. Жаба Розитта лазила под землю к кротам. Во всем парке не сыщешь ни одного дождевого червя, с которым бы я это не обсудило. Но никто ничего не знает. Даже Ночной Философ…

Послышалось шарканье ног по ступенькам лестницы и злобное бормотанье. Облако неловко полезло под кровать. В комнату ворвалась Барбацуца.

— Почему все не съела? Свечки почему потушила? Одеяло почему мокрое?

Лоскутик увидела на полу два белых перышка и кончик крыла, торчащий из-под кровати, да вся так и вспотела от страха.

Барбацуца посмотрела на нее и удовлетворенно хмыкнула. Дернула за косу и пошла из комнаты. С порога обернулась и запустила прямо в девочку серебряной монетой.

— Завтра купишь себе новое платье. Мне надо-

ели твои лохмотья.

— У, кипяток, утюг горячий, сковородка! — пробормотало Облако, когда Барбацуца хлопнула дверью.

Облако вылезло из-под постели. Теперь оно было вытянуто в длину, болталось в воздухе, как полотенце. На голове — чепец, нелепо торчащий дыбом, на носу — мутные белые очки.

— А собственно говоря, что ты лежишь в постели? — осведомилось Облако.

— Оказывается, у меня сегодня день рождения, — объяснила Лоскутик.

— День рождения… Это хорошо, — задумчиво сказало Облако. — Хотя все еще может кончиться очень плохо. Но опять-таки это не значит, что надо лежать в постели. Терпеть не могу жаркие подушки и одеяла. Ну-ка давай вставай!

— Убьет, — печально сказала Лоскутик.

— Гм… Может, она уйдет куда-нибудь?

— Уйдет… Как же… Она уходит, только когда за ней посылают голубей. Голуби сидят во дворце в клетках. Когда король хочет манной каши, их выпускают и они летят к Барбацуце на голубятню. Вот она и уходит.

— Голуби? — печально повторило Облако. — Так ты говоришь — голуби?

К изумлению девочки, Облако не спеша стянуло со своей головы чепец и хладнокровно разорвало его пополам. Из половинок чепца получилось два вполне приличных белых голубя.

Один сел на железную спинку кровати и стал чистить перышки. Другой даже попробовал клевать крошки торта.

Облако развязало тесемки передника, разорвало его на куски. Из передника вышло еще семь отличных голубей. Большой белый голубь, выгнув грудь, воркуя, стал ходить за белой голубкой.

Облако скинуло с ног тапки — с пола взлетели еще два голубя.

— Не скажешь, что это курицы, верно? — спросило Облако.

— Не скажешь! — с восторгом согласилась Лоскутик.

— Кыш! Кыш! — замахало длинными руками Облако.

Голуби, беззвучно махая крыльями, вылетели в окно и закружились над крышей.

— Проклятье! — взревела Барбацуца. — Опять! Опять подавай ему манную кашу! Ведь только утром сварила целый котел. И даже карету за мной не прислали! Ну, погоди, главный повар, я

пропишу тебе капельки!

— Ушла! — через минуту возвестило Облако. — Вылезай из постели, хватит. Теперь будем праздновать день рождения по-облачному.

Глава 7
Двенадцать белых покупателей в лавке Мельхиора

— Да, а где же монета? — вспомнила Лоскутик. — Кажется, она закатилась под кровать. Я слышала, как она звякнула.

Лоскутик слазила под кровать, разыскала монету. Подкинула ее на ладони:

— Подумать только! За одну кругляшку можно купить целое платье.

— Купить… — Облако с обидой посмотрело на нее, печально покачало головой. — Ни одно облако еще никогда ничего не покупало. Все люди вечно что-то продают, покупают. А мы — никогда. Знаешь, как обидно! Так хочется хоть разок быть покупателем. А ведь мне тоже надо кое-что купить. Очень-очень надо.

— Нет, я куплю платье, — испугалась Лоскутик.

— Жадничаешь? — Облако нахмурилось и немного приподнялось над полом. В животе у него сердито заворчал гром. — С жадинами не дружу!

— Что ты, бери, я так, — поспешно сказала Лоскутик.

Облако мягко, большими скачками запрыгало по комнате, дрожа, как желе. Захлопало в ладоши. Очки сползли на самый кончик носа.

— Я куплю краски. Коробку красок. Я первое облако-покупатель!

— Может быть, ты в кого-нибудь другого превратишься? — жалобно попросила Лоскутик. — Хотя я знаю, что ты — это не Барбацуца, все равно мне как-то не по себе…

— Превратиться? С превеликим удовольствием, — охотно согласилось Облако.

Оно дернуло себя за ухо и взлетело к потолку. Разделилось на части. С потолка мягко спустились одиннадцать белых кудрявых пуделей и одна дворняжка. У дворняжки были только три ноги, на четвертую ногу Облака просто не хватило.

— В путь! — весело тявкнула дворняжка. Наверно, она была из них самая главная. — Мы пойдем в лавку к Мельхиору. Я что-то по нему соскучилась.

— Ни за что! — замахала руками Лоскутик.

— С трусами не дружу! — обиженно тявкнула дворняжка, и все двенадцать собак, семеня ла-

пами, взлетели в воздух. — И вообще, что я ни скажу, ты все «нет» да «нет»!

Лоскутик не посмела больше спорить. Они вышли на улицу.

Одиннадцать пуделей и дворняжка резво бежали по улице, деловито обнюхивая тумбы и заборы. Лоскутик с убитым видом плелась за ними. Прохожие останавливались, оборачивались, долго смотрели им вслед.

Чем ближе подходили они к лавке Мельхиора, тем хуже становилось девочке. Сначала у нее разболелась голова, потом начало стрелять в ухе. Она семь раз чихнула, а нижняя челюсть начала отплясывать такой танец, что Лоскутику пришлось ухватиться за щеку рукой.

— Зубы болят? — с сочувствием спросила дворняжка. — Однажды у меня тоже вот так разболелись зубы. Ноют и ноют. Просто лететь не могу. Что делать? Но я не растерялась. Тут же превратилась в лодку с парусом. А как известно, у лодки с парусом нет зубов. А раз нет зубов, то и болеть нечему. Жаль, что ты никак не можешь превратиться в лодку с парусом…

Но Лоскутик не слушала болтовню дворняжки. В конце улицы показалась лавка Мельхиора. Тут одна нога у Лоскутика почему-то перестала сги-

баться, и Лоскутик принялась отчаянно хромать. Потом у нее так скрючило руку, что она просто не могла ее поднять, чтобы толкнуть дверь в лавку.

Но делать было нечего. Двенадцать собак стояли рядышком и влажно дышали на ее голые ноги. Колокольчик над дверью беспечно и радостно пропел короткую песенку, ведь ему было все равно, кто открывает дверь.

Лоскутик еще надеялась, что в лавке никого не будет. Но ей не повезло. На ее несчастье, Мельхиор и его жена были в лавке. Они так и остолбенели, когда Лоскутик вошла в дверь. Они были удивительно похожи на кота и кошку, которые застыли на месте, увидев, что наивный мышонок сам идет к ним в лапы.

— Пожалуйста, коробочку кра… — начала Лоскутик и даже не смогла договорить.

Лоскутик выронила серебряную монету. Монета покатилась по прилавку, делая круг. Лавочница быстро накрыла ее ладонью, как бабочку или кузнечика.

В ту же секунду Мельхиор крепко схватил девочку за руку. Лоскутик завертелась, стараясь вырваться. Если бы она могла оставить Мельхиору руку, как ящерица оставляет свой хвост, она бы это непременно сделала, даже если бы у нее

не было никакой надежды отрастить новую.

Она дергалась изо всех сил, но Мельхиор держал ее крепко.

— Пустите! — закричала Лоскутик.

— Какая наглость… — прошипела лавочница.

— Жена, принеси плетку. Она висит за дверью, — ухмыльнулся Мельхиор.

Но лавочница не успела сделать и двух шагов. В эту минуту в лавку не спеша, одна за другой, вошли двенадцать белых собак.

В темной лавке как-то сразу посветлело от их белоснежной шерсти.

— Здравствуйте! — небрежно кивнула хозяевам дворняжка, даже не взглянув на Лоскутика.

Собаки принялись внимательно разглядывать товары, выставленные на полках.

— Не купить ли нам дюжину чашек? — спросил белый пудель с пушистой кисточкой на хвосте.

— Или ножницы подстригать шерсть?

— Может быть, сотню булавок?

— Ах да! Не забыть бы щетки и расчески! В прошлый раз мы забыли их купить.

Нет, собакам положительно нравилось разыгрывать из себя солидных покупателей.

— Впрочем, все чашки в этой лавчонке битые, — высоко подпрыгнув, презрительно тявкнула

дворняжка.

— А ножницы тупые! — подхватил пудель с кисточкой на хвосте, взлетая к самой верхней полке.

— Булавки гнутые!

— Что за дрянная лавчонка! Все расчески без зубьев!

Двенадцать собак подошли поближе и оскалили белые зубы. Зубы были такие белые, как будто все собаки аккуратно чистили их зубным порошком утром и на ночь, не пропуская ни одного дня.

— А, вспомнила, — тявкнула дворняжка, — нам нужны краски!

— Краски! — зарычали разом все собаки, поставив двадцать четыре белые лапы на прилавок.

Лавочница тут же упала в обморок. Лавочник отпустил руку Лоскутика и, весь дрожа, покорно полез на полку, осыпая упавшую жену чашками, блюдцами, булавками, расческами и ножницами.

Он положил на прилавок коробку с красками. Было ясно, что сейчас он безропотно отдаст все товары, до последней иголки.

Надо признать, что Лоскутик не стала особенно задерживаться в лавке. Голова, руки и ноги у нее

почему-то перестали болеть, чихать она тоже перестала, и, схватив краски, Лоскутик вихрем вылетела на улицу.

Глава 8
День рождения по-облачному

— Теперь куда? — спросила Лоскутик.

— Увидишь, — тявкнула дворняжка.

Собаки побежали по улице мимо кособоких домишек, державшихся только потому, что они никак не могли решить, на какую сторону им завалиться.

Впереди всех бежала трехногая дворняжка. Иногда она подпрыгивала и ласково лизала руку девочки. Язык у собачонки был удивительно влажный и прохладный.

Лоскутик шла не оглядываясь. Она не видела, что позади них, перебегая от дома к дому, крадутся Мельхиор и его жена.

— Эй, муженек, — прошептала лавочница, — откуда эта маленькая дрянь раздобыла столько белоснежных собак?

— Ума не приложу, — откликнулся Мельхиор, осторожно выглядывая из-за угла дома.

— К тому же эти собаки умеют летать, — добавила лавочница, прячась за забором.

— Постой-ка, жена… — Мельхиор ухватил

лавочницу за руку. — Полагаю, об этом надо доложить главному советнику Слышу, а то и самому королю. Нас за это похвалят, а глядишь, и наградят…

Наконец собаки привели Лоскутика на сухое картофельное поле.

— Познакомься, — с достоинством сказала дворняжка. — Это мой друг. Бывшее картофельное поле.

Но Лоскутик с оторопелым видом только молча смотрела на сухие грядки.

— Ну кланяйся же, — сердито шепнула ей дворняжка. — Скажи что-нибудь… Скажи, что рада познакомиться…

— Здравствуйте! — Лоскутик растерянно поклонилась картофельным грядкам. — Я очень рада…

Все собаки подбежали к дворняжке и, путая лапы и головы, стали сливаться вместе во что-то одно белое и непонятное, из чего постепенно вылепилась голова с двумя косицами и широким носом, толстый живот со связкой ключей на поясе, напоминающий живот Мельхиора, и кривые ноги с торчащими коленками — точь-в-точь ноги лавочницы.

— Ну, теперь огорчи меня чем-нибудь, — вздохнуло Облако, — мне сейчас надо как следует

огорчиться.

— Огорчиться?! — удивилась Лоскутик.

— Ой, какая ты скучная! — нетерпеливо воск лик-нуло Облако. — Ну конечно, огорчиться, а то как же? Тогда я заплачу — и пойдет дождь.

— Но я не хочу тебя огорчать! — взмолилась Лоскутик. — И мне не нужно этого… ну, твоего дождя. Я не знаю, какой он.

— Кончай болтать! — нетерпеливо громыхнуло Облако. — Давай огорчай!

— Но я не знаю как, — растерялась Лоскутик.

— А все равно. Ну хотя бы скажи: «Я тебя не люблю!»

— Я тебя не люблю… — послушно повторила Лоскутик.

— Что?! — Брови Облака поднялись и сошлись на лбу уголком. Облако моргнуло, слезы так и потекли из глаз. — Я так и знало, что все кончится плохо. Но я надеялось… Думало, мы на всю жизнь…

Облако взмыло кверху. Лоскутик попробовала удержать его за ноги, но ухватила только мокрую пустоту.

— Постой! — крикнула Лоскутик. — Ты же само сказало, чтобы я это сказала!

— А ты бы не говорила! — гулко всхлипнуло

Облако, поднимаясь еще выше.

— Имей совесть! Я же не знала, что ты огорчишься!

— Нет, знала. Я же тебе сказало… о… огорчай… — Голос у Облака стал похож на эхо, ветер нес его куда-то мимо Лоскутика.

— Так я же понарошку сказала! Не по-правдашнему!

Но Облако не отвечало. Оно вытягивалось, таяло.

Оно больше не было похоже ни на Лоскутика, ни на Мельхиора, так — на кучу белых перьев, выпущенных из перины и не успевших разлететься в разные стороны.

Чтобы не видеть этого, Лоскутик закрыла лицо руками. Она упала на сухую грядку и заплакала, кашляя от пыли.

— Что ты! Что ты! — послышался виноватый голос.

Лоскутика с головой накрыло что-то туманное, мокрое и тоже всхлипывающее.

— Фу! От сердца отлегло. А то, как ты сказала «не люблю», я чуть не испарилось. Есть на свете слова, которые нельзя говорить даже понарошку. Наверно, это и есть как раз такие слова.

Облако высморкалось в свой талантливый

носовой платок, глубоко вздохнуло и перестало всхлипывать.

— Как же мне теперь огорчиться?

Облако задумчиво огляделось кругом, подперло щеку ладошкой и вдруг радостно заголосило:

— Бедные вы грядки картофельные! Сухие, разнесчастные! Ничего на вас не вырастет! Не будете никогда красивыми, зелеными!..

Оно наклонило голову, как бы прислушиваясь к себе: в нем что-то поплескивало, булькало, переливалось.

— Все в порядке. Огорчилось, — деловито сказало Облако и, дернув себя за ухо, поднялось кверху.

Кап! Кап!.. На нос девочке шлепнулась тяжелая капля. Вторая упала на лоб.

— Что это? — неуверенно спросила Лоскутик.

Кап! Кап! Кап!..

В воздухе повисли серебряные нити. Капли застучали по плечам, по лицу. Платье девочки намокло. Лоскутик протянула руки, сложила ладошки ковшиком. Набрала воды.

— Спасибо тебе, Облако! — закричала Лоскутик, подняв кверху лицо. Вода полилась ей в рот. Лоскутик засмеялась от счастья.

Запахло мокрой землей. Между грядок заблесте-

ли лужи. По лужам запрыгали первые пузыри.

— Вода с неба!

— Не за деньги!

— Сюда!

— Скорей!

Через забор перемахнуло с десяток мальчишек. Они с визгом заскакали по лужам, ртами ловя струи воды.

Кто-то схватил Лоскутика за руку. Она поглядела. Это был мальчишка, каких и не бывает на свете: весь черный — лицо, волосы, штаны, куртка. На голове у него сидел голубь, тоже весь черный. Мальчишка прыгал, но голубь не слетал с головы и только бил крыльями и перебирал лапками, чтобы удержаться.

Мальчишка потянул Лоскутика за руку. И Лоскутик, сама не зная как, завопила громче всех и тоже запрыгала по лужам.

— Это дождь! Не бойся! — крикнула она. — А на лужах такие круглые — это пузыри!

Лужи были разноцветные — красные, синие, фиолетовые: кто-то из мальчишек нечаянно раздавил ногой коробку красок, купленную в лавке Мельхиора. И по лужам прыгали разноцветные пузыри.

— Вот это день рождения по-нашему! — по-

слышалось откуда-то сверху. — Мы зовем его дождь-рождение!

Глава 9
Белое кружевное платье

— Кто разрешил? Кто позволил? — послышался злобный голос.

Сквозь капли дождя Лоскутик разглядела капитана королевской стражи и двух солдат с пиками. Они бежали по мокрому полю, с трудом выдирая из грязи тяжелые сапоги.

— Кто разрешил дождь? Это государственное преступление! Прекратить! Немедленно прекратить! — задыхаясь, орал капитан королевской стражи.

— А может, это тебя прекратить? — загремело сверху.

И тотчас тяжелые капли забарабанили по голове и плечам капитана королевской стражи. Он хотел что-то крикнуть, но струи дождя заткнули ему рот, залили глаза. Капитан втянул голову в плечи, согнулся, закрывая лицо руками.

Мокрые мальчишки с хохотом разбежались кто куда. Лоскутик перескочила через забор.

— Лети сюда! Скорей! — крикнула она Облаку.

Облако перевалило через забор, полетело ря-

дом.

— Держите вот это! Белое! Круглое! — закричал, отфыркиваясь, капитан королевской стражи.

Лоскутик и Облако свернули в переулок.

Облако стало совсем маленьким. Оно хрипло дышало. Летело рывками, опускаясь все ниже и ниже, почти волочилось по земле.

Сзади их нагонял топот подкованных сапог.

— Превращайся скорее! — крикнула Лоскутик Облаку. — Ну хоть в кого-нибудь!

— Так не могу, — простонало Облако, — мне надо подумать, сосредоточиться.

Топот приближался.

Лоскутик обернулась. Облако отстало шагов на десять. Лоскутик бросилась к нему, подняла с земли. Подбежала к забору, села на землю, дрожащими руками принялась мять Облако. Вылепила маленькую головку с гребешком, пару прижатых к телу крыльев. Хвост вылепить не успела.

Из-за угла вынырнули капитан стражников и солдаты. Лоскутик быстро накрыла Облако фартуком.

— Эй, оборвашка, что ты там прячешь под фартуком? — крикнул капитан королевской стражи.

Один из солдат кончиком пики приподнял край фартука.

— Это… это курица моей бабушки… — пролепетала Лоскутик.

— Хм… — пробормотал солдат, — странная курица…

— Если такова курица, то какова же сама бабушка? — покачал головой второй солдат.

— Хватит болтать! — прикрикнул на них капитан. — Отвечай, нищенка, не видела ли ты тут чего?

— А чего? — спросила Лоскутик, глупо моргая глазами.

— Ну, такого… — попробовал объяснить капитан, делая руками в воздухе какие-то непонятные круги. — Вот такого, понимаешь?

— Какого «такого»? — Лоскутик заморгала еще чаще.

— Ну, этакого… — вконец взбесился капитан.

— Какого «этакого»? — Лоскутик посмотрела на капитана, открыв рот.

— Э, да что с ней связываться! — махнул рукой капитан. — Глупа как пробка, ничего не понимает.

Капитан и солдаты протопали мимо.

Лоскутик перевела дух. Посмотрела на Облако. Облако лежало грустное, присмиревшее.

— Ты кто? — недоверчиво спросило Облако,

глядя на девочку туманным взглядом.

— Как это кто? — удивилась Лоскутик.

— А, помню, ты была такая зеленая, развесистая и росла на опушке… — пробормотало Облако.

— Да ты что? — уже с испугом сказала Лоскутик.

— Ага, ты ловила комаров на болоте…

— Да нет же!

— А… Ты говорила «тик-так!» и показывала время на городской башне.

— Какое «время»? Что с тобой?

— Я тебя не знаю, — печально сказало Облако. — Я все забыло. Ну, я полетело! Пока.

— Постой! Я дала тебе напиться… — робко напомнила Лоскутик.

— Что-то такое было, — задумчиво протянуло Облако. — Напиться… напиться… Видишь ли, у меня в голове вода, а я ее всю вылило. Я выплакало всю свою память. Все, что помнило. Ну, прощай!

— Да подожди! — с отчаянием воскликнула Лоскутик. — Еще у меня сегодня день рождения. А ты говорило: дождь-рождение.

— Да, да, припоминаю, что-то такое было… — Облако немного посветлело.

— А потом ты превратилось в двенадцать со-

бак.

— Да, да, это я помню…

— И мы пошли…

— Стой! Молчи! Вспомнило! Мы пошли в лавку к Мельхиору…

— Да!

— Ты — Лоскутик!

— А, вот ты где! Попалась, голубушка!

По улице шла Барбацуца. Из ее единственного глаза от ярости просто сыпались искры. Она только что побывала во дворце и узнала, что король вовсе и не хочет манной каши, а главный повар и не думал посылать за ней голубей.

Облако тут же свернулось клубком, шмыгнуло Лоскутику под локоть и там затаилось.

Барбацуца приближалась медленно, не спеша, и это было страшнее всего. Тень упала на девочку. Лоскутик прижалась спиной к забору.

— Где была? Признавайся, — спросила Барбацуца тихо и сипло.

— Платье покупала! — подсказало Облако, слабо шевельнувшись под мышкой.

— Платье покупала… — помертвев, повторила Лоскутик.

— Врешь! Если ты покупала платье, то у тебя должно быть платье! Где оно? Покажи!

Барбацуца занесла над головой Лоскутика сжатые кулаки. Лоскутик невольно вытянула вперед руки, чтобы защитить голову от удара, и вдруг на ее руках, легко развернувшись, повисло белоснежное кружевное платье.

Ветер раздул кружевной подол, зашевелил бантами и оборками. Кружево было такое тонкое, что, казалось, вот-вот растает на глазах. Даю голову на отсечение, что ни одна принцесса на свете не отказалась бы от такого платья!

— Ты купила себе это платье? Нищенка! Кружевное? Замарашка! С бантами? Побирушка! Белое? Самое непрактичное! — Барбацуца от возмущения с трудом находила слова. Она уже протянула руки, чтобы схватить платье, но кто-то опередил ее.

Ее опередила маленькая, жалкая дворняжка. Что это была за ничтожная тварь! Во-первых, у нее было всего лишь три ноги, да и то больше похожие на кривые паучьи лапки. Хвоста и ушей не было и в помине. Она была так худа, что все ребра, проткнув кожу, вылезли наружу. Но все это не помешало собачонке быть очень проворной.

Она высоко подпрыгнула и ловко цапнула за подол прекрасное кружевное платье. Затем, часто перебирая своими тремя лапками, бросилась

наутек.

Кружевное платье волочилось по пыльной дороге.

— Ах, проклятая! — крикнула Барбацуца и бросилась за мерзкой собачонкой.

Казалось, она вот-вот ухватит платье за рукав. Но собачонка отчаянно тявкнула, поддала ходу, перемахнула через канаву, пролезла в щель под забором и скрылась.

Глава 10
Удивительное происшествие на закате

«Ни за что не проснусь, — подумал художник Вермильон и тут же понял, что больше он не заснет. — Ну, хорошо, пусть я не засну. Но уж глаза открыть меня никто не заставит».

Он знал, что он увидит. Битые стекла на полу, сломанные рамы, разодранные в клочья портреты.

Прежде художник Вермильон жил припеваючи. Придворные щеголи и богачи с утра до вечера толклись в его мастерской и охотно заказывали ему свои портреты.

Но шли годы, и художнику открывались глубокие тайны мастерства. Он научился смотреть на мир особым взглядом. Видеть красоту самых простых вещей: камня и грубого глиняного кувшина. Сам того не желая, он стал рисовать людей такими, какие они были на самом деле, и совсем не такими, какими они хотели казаться.

Самое удивительное, что художник даже не думал об этом. Это получалось у него как бы само собой. Но трусы на его портретах были трусами,

как бы они ни пыжились, стараясь изобразить себя смельчаками. Льстецы — льстецами. А обманщик, даже если ему удалось убедить всех, что честнее его не сыщешь человека во всем королевстве, все равно на портрете выглядел обманщиком.

Надо ли говорить, в какую ярость приходили все эти люди, увидав свои портреты?

И все-таки художник Вермильон еще как-то сводил концы с концами. Но вот наступил этот несчастный день, и все рухнуло. Теперь художник был окончательно разорен, а мастерская его разгромлена.

«Как же это случилось?» — спросите вы меня.

Весь этот день неудачи преследовали художника. С утра к нему заявился главный королевский пирожник и заказал свой портрет. На вид пирожник был очень добрый и симпатичный. У него были толстые, мягкие щеки и сладкая улыбка. Но так как на самом деле он был человеком жадным и жестоким, то и на портрете он получился именно таким.

— Это клевета, а не портрет! — разозлился главный пирожник.

Он подтащил художника к большому зеркалу, висевшему на стене.

— Ах ты, негодяй! Посмотри, какие у меня добродушные щеки, честный нос и славные, располагающие к себе уши! Посмотри, какой я славный парень! Этакий миляга и симпатяга! А ты меня каким изобразил? Это клевета, а не портрет!

Главный пирожник ушел, хлопнув дверью, не заплатив художнику ни гроша. А Вермильон, чувствуя себя очень усталым, решил немного прогуляться. Он перешел мост Бывшей Реки и вышел на площадь Забытых Фонтанов.

Солнце, похожее на докрасна раскаленную сковороду, уходило за сверкающие кровли дворца. Художник глянул на него один раз и опустил голову.

«Как это печально и пусто — солнце на голом небе, — подумал он. — Закат делают прекрасным облака. Как жаль, что люди в нашем городе никогда не видели красивого заката. Наверно, поэтому они такие скучные и злые…»

Художник глянул на небо еще раз и тихо ахнул. Все изменилось. Над городом плыло облако. Казалось, небо запело. Облако было все кружевное и нежное. Лучи солнца охватили его снизу, наполнили золотом.

«Оно похоже на лебедя или на корабль под

парусами, — подумал художник. — Нет, больше всего оно похоже на кружевное платье. Да, да! На платье из тончайшего кружева. А вот из-за него выплыло еще одно облако. Это похоже на какого-то зверька. Пожалуй, больше всего на трехногую собачонку».

Художник оглянулся. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь еще увидел это чудо. Но, как назло, на площади не было ни души.

В этот час все богатые люди ложились спать. «Больше спишь — меньше пьешь!» — была их любимая поговорка.

Вдруг все жители окрестных домов разом вздрогнули, скатились с постелей, вскочили со стульев. В каждом доме что-нибудь упало или покатилось по полу.

Главный повар уронил склянку с успокоительными каплями на и без того совершенно спокойный коврик около своей кровати.

«Бом — вставайте! Бум — очнитесь! Бам — проснитесь!» — гудел большой колокол на колокольне.

«Бегом! Бегом! Бегом!» — вторили маленькие колокола.

Не трудно догадаться, что виновником всей этой суматохи был художник Вермильон. Он

забрался на колокольню и поднял этот немыслимый трезвон.

На площади быстро собралась толпа. Все улицы, идущие к площади, были усеяны ночными колпаками и домашними туфлями. Люди спрашивали друг друга:

— Что случилось?

— Пожар?

— Землетрясение?

— Эй, почему ты звонишь во все колокола? — крикнул художнику начальник королевской стражи, который второпях выбежал из дома с подушкой в руках и теперь прижимал ее к животу.

— Посмотрите, какой закат! — закричал с колокольни художник. — Облако! Облако! Посмотрите, какое облако! Да глядите же! Оно тает! Оно уплывает!

Начальник королевской стражи попросил главного тюремщика немного подержать его подушку, взобрался на колокольню и за шиворот стащил художника.

— Уж я-то знаю, что сделать с этим сумасшедшим! — прошипел главный тюремщик и звякнул большой связкой ключей.

— И я знаю! — воскликнул торговец крысиным ядом, встряхивая мешок со своим товаром.

— И я знаю! — прохрипел продавец пеньковых веревок, проводя рукой вокруг своей длинной, жилистой шеи.

А художник стоял молча, совершенно оглохший от звона колоколов, и тихо улыбался.

— Я уже давно понял, какой это негодяй! Ведь он нарочно изобразил меня трусом! — со злобой сказал начальник королевской стражи.

— А меня — обманщиком! — с оскорбленным видом добавил продавец лекарства от плохого настроения.

— А глядя на мой портрет, можно подумать, что я круглый невежда! — воскликнул воспитатель богатых детей, который на самом деле думал, что дважды два будет пять.

Все они толпой отправились к дому художника. Лестница была крутая и узкая. Произошла давка. С головы начальника стражи свалился шлем и с грохотом покатился по ступенькам.

— Осторожно, мой живот! Не давите на мой чудесный толстый живот! — стонал королевский пирожник.

Наконец все они ворвались в мастерскую художника Вермильона. Они срывали портреты со стен. Рвали в клочья картины и рисунки, топтали их ногами.

Мало того, они сломали мольберт художника, раскидали его краски и кисти, выбили в окнах все стекла.

— Уф, кажется, дело сделано на славу, — отдуваясь сказал начальник королевской стражи. — Больше нечего крушить и громить!

— Мы неплохо потрудились, — согласился с ним продавец пеньковых веревок.

— Приятно сознавать, что сделал доброе дело, — вытирая пот, добавил королевский пирожник. — Надо было как следует проучить этого негодяя!..

«Нет, нет, ни за что не открою глаза», — снова подумал художник Вермильон.

Он крепко зажмурился, но почему-то перед его глазами появился кувшин. Глиняный запотевший кувшин, полный воды. От него так и тянуло холодком.

Художник застонал и замотал головой. Но проклятый кувшин и не думал исчезать. Он наклонился. Струя воды упала и разбилась о дно стакана.

Художник вцепился зубами в подушку.

Буль-буль-буль!.. — дразнил его кувшин.

«Все ясно, — сам себе сказал художник, — я просто очень хочу пить. Вот и все. Но когда мне те-

перь удастся напиться, совершенно неизвестно. Ведь в кармане у меня нет и ломаного гроша».

Он открыл глаза, приподнялся на локте и просто оцепенел от изумления.

Действительно, было чему изумиться. Весь пол в мастерской был залит водой. В воде, тихо покачиваясь, плавали клочки рисунков. На одном клочке была половина носа торговца оружием, на другом — хитрый глаз продавца придворных калош, на третьем — ухо главного тюремщика.

Вода была повсюду, где только она могла быть: в чашках, в блюдцах, в ложках, в ведре, в тазу и даже в наперстке, который забыла у него в мастерской его невеста, бедная портниха.

Но самое удивительное было не это.

В глубоком кресле, небрежно закинув одну ногу на другую, сидел он сам, художник Вермильон, собственной персоной. Правда, он был совершенно белый, да к тому же еще немного прозрачный. Но все же это был он, несомненно он! Художник узнал свои волосы, свое лицо, свою широкую блузу и даже свой задумчивый взгляд. Ошибиться было невозможно — это был он!

— Как вы понимаете, я пришел к вам не просто так, а по важному делу, — устало сказал белый человек в кресле.

— Все ясно, — сам себе, но довольно громко и внятно сказал художник Вермильон, — не нужно впадать в панику, не нужно лишних волнений. Все просто, как дважды два: я сошел с ума.

— Какая тоска, — вздохнул белый человек, поднимая глаза к потолку, — каждый раз начинать все сначала. Объяснять, рассказывать, растолковывать. Не сомневаюсь: сейчас он меня спросит, кто я.

— Кто вы? — прошептал художник.

— Облако я. Ну просто Облако, — скучным голосом сказал белый человек.

— Дело окончательно проясняется, — снова сам себе сказал художник. — Отдых, витамины, никаких волнений, свежий воздух, и мне станет легче.

— Я так и знал! — уже с раздражением проговорил белый человек, ерзая в кресле. — Насколько проще с детьми. Всему верят. Понимают с полуслова. Вот что! Потрудитесь-ка спуститься вниз. Там у дверей кое-кто стоит. В общем, обыкновенная девчонка. Когда-то я ей все это уже объяснял, теперь пусть она объяснит вам. К тому же вы ей скорей поверите, чем мне.

Художник опрометью бросился вниз.

Поднимался он удивительно долго. Слышался

то его голос, то голос Лоскутика. Потом раздался шум падения и стук, как будто кто-то щелкал на огромных счетах, — это художник споткнулся посреди лестницы и полетел вниз. Потом он снова начал свое восхождение вверх с первой ступеньки. Когда он вошел в мастерскую, вид у него был самый невероятный. На лбу вздулась шишка, волосы всклокочены, но он улыбался счастливейшей улыбкой.

Он не спускал глаз с Облака и чуть не растянулся на полу, зацепившись за ножку стула. За ним робко вошла Лоскутик.

— Это такая честь для меня, — тихо сказал художник.

— Ну, это еще ничего, — пробормотало Облако. — Художники… для них еще возможно невозможное…

— Дорогое Облако, — сказал художник, — все, что у меня есть, все принадлежит вам!

— О нет, — остановило его Облако, — это уже слишком. Вы мне просто должны помочь в одном небольшом дельце. Прежде всего, не можете ли вы мне сказать, как одеваются богатые путешественники?

— Путешественники?.. К тому же богатые… — задумался художник. — Ну, тогда, конечно,

башмаки с пряжками, камзол из тонкого сукна, шляпа с перьями, потом непременно плащ… Да, да, именно так.

Облако слегка подпрыгнуло, и в тот же миг у него на ногах появились башмаки с огромными пряжками.

— Шляпа с перьями… — вздохнуло Облако и водрузило себе на голову неизвестно откуда взявшуюся широкополую шляпу с роскошными страусовыми перьями.

Полы кафтана у него оттопырились. На жилете одна за другой вскочили десять блестящих пуговиц.

Лоскутик смотрела на все это довольно хладнокровно — она еще и не такое видела, — а художник чуть не задохнулся от изумления. Он только взмахивал руками и хватал воздух широко открытым ртом.

— Не добавить ли солидности? — задумчиво спросило Облако и вытянуло у себя из-под носа довольно длинные усы. — Может быть, еще немного усталости? Нет, нет, я устаю только от сидения на одном месте. — Облако поглядело на себя в зеркало. — Пожалуй, возраст совсем не тот, — сказало оно. — Путешественник, который объездил все страны, не должен быть особенно

юным.

Лицо Облака тут же прорезали глубокие морщины, нос выгнулся крючком.

— Потрясающе… — только и мог выговорить художник.

— Да, неплохо, — согласилось Облако. — Но видите ли, тут есть одна небольшая, но существенная подробность. Ни один путешественник на свете не бывает совершенно белым.

— Так я могу вас раскра!.. — с азартом воскликнул художник, но не договорил, испугавшись, что Облако может обидеться.

— Именно об этом я и хотел вас попросить! — улыбнулся белый путешественник. — Дело в том, что у нас были краски, но они погибли.

Через несколько минут в мастерской закипела работа. Никогда художник Вермильон не трудился с таким вдохновением. Он стонал, что-то бормотал сквозь зубы, умолял Облако не шевелиться и хоть минутку постоять спокойно.

Тронув Облако кисточкой, он отскакивал назад и, наклонив голову, издали придирчиво глядел на свою работу. Своими лучшими акварельными красками он осторожно раскрасил щеки Облака, сделав их удивительно розовыми. Затем, встав на колени, он покрыл башмаки Облака зеленой

краской.

Высунув кончик языка, он нарисовал на его чулках тонкие черные полоски. Всю синюю краску, которая только у него была, он потратил на камзол Облака, а всю красную — на подкладку плаща.

Он выскреб все остатки золотой краски и покрасил ею пуговицы на жилете и пряжки на башмаках.

— Никогда не видел никого, кто больше был бы похож на знатного и богатого путешественника! — сказал Вермильон, любуясь своей работой.

Облако с довольным видом поправило пышный шарф на шее. На его пальцах одно за другим появились кольца с крупными бриллиантами, сверкающими, как капли чистейшей воды.

— Самое главное для меня в данном случае — все время держать себя в руках, — весело сказало Облако. — Вы понимаете, вода во мне не переставая циркулирует. И если я разволнуюсь, могут случиться большие неприятности. Но вы не беспокойтесь, я ни на минуту об этом не забуду. Я все время буду внимательно за собой следить. Не понимаю, почему это некоторые считают меня беспечным и легкомысленным? Ведь я совсем не такое! Нет, вы увидите, все будет

просто прекрасно!

Глава 11
Кресло, улетевшее в окно

О дворце короля Фонтаниуса I ходили самые невероятные слухи. Что ж, пожалуй, это был действительно необыкновенный дворец.

Я нисколько не ошибусь, если скажу тебе, мой читатель, что это был самый мокрый дворец на свете. Самый влажный, самый отсыревший, даже, смею утверждать, самый заплесневевший. Слуги каждое утро соскребали мох с широких лестниц и плесень с мраморного пола, колонн и даже дверных ручек.

Король, конечно, был богаче всех людей в королевстве. Говорили, что его слуги каждое утро выливают на пол тысячу ведер воды. Что ж, приходится этому верить! Ведь все полы во дворце были залиты водой. Да, да, водой! Настоящей водой!

Поэтому, пожалуйста, не удивляйся, мой читатель, что все придворные во дворце постоянно ходили в калошах. Разумеется, это были совершенно особые калоши. Они радовали глаз своим нежным цветом: розовым, голубым, фиолетовым.

К тому же подошвы у них были тонкие, как лепестки розы. Один раз потанцуешь на балу — и на пятке дыра.

Это было, конечно, очень на руку продавцу придворных калош. Он сколотил на калошах целое состояние. У него на окнах стояло двенадцать горшков с цветами, что, как ты понимаешь, говорит о немалом богатстве.

Придворные вечно ходили с мокрыми ногами, страдали хроническим насморком, в каждом углу кто-то звонко чихал или сдавленно кашлял. И только главный королевский советник по имени Слыш не обращал ни на кого внимания, ходил в глубоких черных калошах на толстенной подошве.

Слыш всегда говорил шепотом, но зато слышал все, что говорилось в любой комнате дворца. Он слышал даже, о чем шепчутся поварята на кухне.

Придворных приводил в ужас один вид его черных калош, но король Фонтаниус I очень любил своего главного советника.

Больше всего воды было на полу в тронном зале. Вода омывала ножки массивного королевского трона. Сдвинуть его с места не могли бы и двадцать силачей. На спинке трона сверкал

королевский герб — золотое ведро с надписью: «Вода принадлежит королю».

Перед троном стояла огромная мраморная чаша. И представьте себе только: она была до краев наполнена чистейшей прозрачной водой. В этой чаше важно плавали золотые рыбы с красными выпученными глазами и хвостами, похожими на балетные юбочки.

Придворные часами толпились около чаши, с изумлением рассматривая их. Ведь рыбы в этом королевстве были самой большой редкостью.

Король Фонтаниус I имел вид поистине королевский. Он давно уже перестал расти вверх, но продолжал расти в ширину. Живот у него сползал на колени, а щеки и подбородок съезжали на грудь.

— Увы! Наш король слишком много пьет! — озабоченно качали головами придворные врачи, угощая друг друга новейшими таблетками от простуды.

— Стоит мне только подумать, что мои подданные хотят пить, как от жалости меня начинает мучить жажда! — вздыхал король. — Я пью так много потому, что я слишком добрый.

Советники короля, министры и придворные страдали той же болезнью.

Ежедневно они опустошали такое количество кубков и бокалов воды, что с трудом переставляли ноги.

Только главный советник Слыш, тот самый, который ходил в черных калошах, пил воду наперстками и был худ как щепка.

В этот вечер во дворце все были как-то особенно взволнованы. Придворные, забыв о мокрых ногах, собирались кучками и перешептывались.

— Вы не знаете, когда он явится во дворец?

— Ровно в десять.

— Я слышал, он приехал на трех верблюдах.

— Подумаешь, слышал! Я их видел, вот как вас вижу. Три белых как снег верблюда.

— Но почему на верблюдах?

— Очень разумно. Чему вы удивляетесь? Ведь верблюды могут не пить по нескольку недель.

— Но почему на белых?

— Слуги у него с ног до головы закутаны в белые покрывала.

— А он богат, этот путешественник?

— Говорят, несметные богатства!

— Он остановился в самой дорогой гостинице!

— Я сам видел: огромные белые сундуки.

— Но почему все белое?

— А почему бы не быть всему белому?

В разгар этих споров дворцовые часы, подумав, пробили девять раз. Это были самые умные и самые грустные часы на свете. Их сделал Великий Часовщик. Он работал над ними много лет.

Когда король увидел эти часы, они ему так понравились, что он тут же попросил Великого Часовщика подарить ему эту безделицу. Эти часы никогда не отставали и никогда не спешили. Но всякий раз, перед тем как начать бить, они на мгновение задумывались.

Чтобы предохранить их от сырости, часы накрыли большим стеклянным колпаком.

С первым ударом часов все придворные повернули головы к высоким дверям. А с девятым ударом двери распахнулись, и в зал вошел знатный путешественник.

Он так низко поклонился королю, что перья его шляпы проехались по мокрому полу. Синий кафтан, сшитый из невиданно тонкого сукна, сидел на нем просто великолепно. Сверкали бриллианты на пальцах.

Все невольно залюбовались его нежно-розовыми щеками. Впрочем, это никого особенно не удивило. Конечно, у кого же, как не у путешественников, должны быть розовые щеки? Ведь путешественники больше всех остальных людей

бывают на свежем воздухе.

— В каких странах вы побывали? — поинтересовался король.

— О, в самых разных! — Голос путешественника был очень приятный. — Можно сказать, я облетел весь мир. Но нигде я не видел ничего подобного! Эти мокрые полы, ступени… Лужи повсюду! Нет, это бесподобно! Я восхищен!

Было видно, что путешественник говорит все это совершенно искренне, от чистого сердца.

Король торжественно надел золотые калоши и сам провел гостя по всему дворцу. Главный советник Слыш шел за ними и сверлил спину путешественника острым и подозрительным взглядом.

Путешественник оказался человеком на редкость любознательным. Беззвучно скользя по мокрому полу в своих зеленых башмаках, он заглядывал во все углы, за занавески, рассматривал каждый вбитый в стену гвоздь, узоры на стенах и дверные ручки.

Он стонал и вскрикивал от восхищения, но постепенно вид у него становился какой-то беспокойный и даже растерянный. Наконец он почти с отчаянием стал заглядывать под стулья и кресла. Казалось, он что-то ищет. Некоторые при-

дворные даже подумали, не потерял ли знатный путешественник одно из своих колец с крупным бриллиантом.

Наконец все вернулись в главный зал. Король снова уселся на трон и хлопнул в ладоши. Вошли слуги с золотыми подносами. На подносах стояли бокалы с водой.

— Вода с сиропом! Не желаете ли?

— Вода с лимоном!

— Вода с солью, новый оригинальный напиток!

— Вода со льдом!

Льдинки поскрипывали в бокалах. Придворные осушали один бокал за другим и время от времени выходили в сад полюбоваться луной. Слуги с подносами, низко кланяясь, обступили знатного путешественника.

Но он только скучным взглядом посмотрел на бокалы. Плавным шагом он подошел к мраморной чаше, наклонился и припал ртом прямо к воде. Щеки его раздулись и несколько побледнели.

В зале стало удивительно тихо. Знатный путешественник с шумом втягивал в себя воду и изредка переводил дух. Воды в мраморной чаше заметно поубавилось.

Пожилой слуга наклонил поднос. Бокалы один за другим упали на пол и разлетелись с оглушительным звоном. Знатный путешественник с видимым сожалением оторвался от воды, закрыл рот и оглянулся.

Можно было подумать, что, пока он пил, все придворные и сам король превратились в статуи. Продавец придворных калош замер на одной ноге. Главный алхимик развернул носовой платок, но так и забыл высморкаться.

— Хм… — досадливо сказал знатный путешественник и погладил свои усы, с которых побежала вода. — Кажется, я немного увлекся, а?

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но в этот момент в дверях появился начальник королевской стражи.

Он отчаянно дрожал. Его ноги разъезжались на скользком полу, и он делал неимоверные усилия, чтобы как-нибудь собрать их вместе. Вид у него был самый жалкий.

Он дергал носом точь-в-точь как заяц. Можно было даже подумать, что у него под высокой шапкой с кокардой спрятаны заячьи уши.

— Виноват, ваше величество! Не углядел… Еще один откопали… — сказал он несчастным голосом.

Придворные вмиг ожили:

— Не может быть!

— Неблагодарные!

— Ведь только вчера ночью откопали колодец в конце Кривой улицы!

— А стражников связали!

— А сегодня опять!

— Скоро они откопают все колодцы!

— Это заговор!

— Это бунт!

На губах у короля появился большой переливающийся мыльный пузырь. Дело в том, что король, будучи еще младенцем, однажды назло своим двадцати пяти нянькам проглотил кусок мыла. Все двадцать пять нянек были брошены в тюрьму. Но это не помогло.

С тех пор стоило королю хоть немного разволноваться, на губах у него появлялись великолепнейшие мыльные пузыри. Мыло, проглоченное его величеством, было самого лучшего качества, поэтому пузыри выдувались большие, сияющие и удивительно круглые. Они отражали мраморные колонны, огни свечей и перекошенные лица придворных. Но короля это приводило в еще большую ярость.

— Засыпать колодец! Завалить камнями! За-

лить смолой! Нет, расплавленным свинцом!

По залу важно проплыли мыльные пузыри. Придворные шарахались от них в стороны.

Знатный путешественник издал страдальческий стон. Но никто не обратил на него внимания.

— Где этот колодец? — прошипел главный советник Слыш.

— У северных ворот, — лязгнув зубами, ответил начальник стражи.

— Это где три серых камня? — с неожиданным беспокойством спросил путешественник, делая шаг вперед.

Начальник стражи удивленно посмотрел на него и кивнул.

— Где еще такой высокий дуб с большим дуплом?

Начальник стражи снова кивнул и попятился. Тут со знатным путешественником случилось что-то странное. С растерянным видом, ломая мягкие, гибкие руки, он бросился к королю:

— О!.. Ваше величество, не делайте этого! Умоляю вас, не заваливайте его камнями!.. — Он торопливо повернулся к Слышу: — Этот колодец — мой друг! Я в нем столько раз ночевал! В нем было так прохладно…

Слезы витыми струйками, как из носика кофейника, брызнули из глаз знатного путешественника. Он начал удивительно меняться. Щеки его из нежно-розовых стали вдруг густо-зелеными, в то время как башмаки, которые прежде были зеленые, как трава, почему-то порозовели, как розы. Нос знатного путешественника стал густо-синим. Первым опомнился Слыш.

— Схватить голубчика! — прошептал он. — Это опаснейший преступник… Держите его!

Слыш прыгнул прямо на знатного путешественника, но тот мягко отскочил в сторону. Они помчались по залу. Резкие, угловатые прыжки главного советника напоминали полет летучей мыши, в то время как все движения путешественника были на редкость мягкими и плавными.

После каждого прыжка он менялся. Нос у него вдруг стал золотым и просто сиял, разбрасывая лучи в разные стороны. Но зато после следующего прыжка лоб его стал полосатым, белым в черную полоску, как у зебры.

В какой-то момент Слыш чуть было не ухватил знатного путешественника за полы развевающегося камзола, но в тот же миг с его правой ноги предательски свалилась калоша. Пока Слыш ловил ее ногой, путешественник очутился по

другую сторону мраморной вазы. Там его сейчас же со всех сторон окружили стражники.

Нетерпеливо притопывая пяткой, вбивая башмак в непослушную калошу, Слыш бросился к путешественнику:

— Наручники! Кандалы! Цепи! В тюрьму его!..

Но знатный путешественник взглянул на него даже с каким-то сожалением.

— Я знал, что все кончится именно так, — почему-то грустно сказал он. После этого он дернул себя за ухо, легко подскочил и, совершив невероятный прыжок через голову начальника королевской стражи, нырнул прямо в мраморную чашу.

Мелькнули страусовые перья на его шляпе, которые к тому времени стали красно-сине-зелеными, и знатный путешественник скрылся под водой.

— Поймать его! Выловить голубчика! — прошипел Слыш.

Стражники бросились к мраморной чаше, расплескивая воду, принялись шарить руками по дну.

— Поймал! — закричал один из стражников, но на самом деле он схватил под водой руку Слыша.

Поднялся невообразимый шум. Вода расплес-

калась из вазы. Возмущенные рыбы высоко подпрыгивали. Брызги летели в лицо и глаза стражникам. Те, ничего не видя, хватали под водой друг друга за руки, ловили за хвосты рыб и всякий раз думали, что поймали знатного путешественника.

Наконец в мраморной чаше воды почти не осталось. Все в недоумении уставились на десяток рыб. Знатного путешественника в мраморной чаше не оказалось. Он исчез. Исчез бесследно. Пропал неизвестно куда вместе со своими розовыми башмаками и золотым носом.

— Ничего не понимаю! — прошептал главный советник Слыш, проведя рукой по взмокшему лбу.

Он упал в кресло, неизвестно каким образом очутившееся позади него. С виду кресло было как кресло и ничем не отличалось от остальных кресел, стоявших в зале вдоль стен: такие же гнутые золоченые ножки, такая же спинка, такая же шелковая обивка.

Но почему-то главный советник Слыш пролетел сквозь сиденье и грузно грохнулся об пол. При этом звук был такой, как будто все кости в нем стукнулись друг об друга.

В полной растерянности, со скрипом разогнув

спину, он поднялся с пола.

И тут случилось самое невероятное.

Кресло не спеша взлетело в воздух. Сделав небольшой круг над главным советником, оно помахало на прощание гнутыми ножками и вылетело в открытое окно.

Глава 12
Черный голубь

— Эй, лентяйка, не видишь, что ли, голуби из дворца прилетели! Накорми их да голубятню почисти. А я отправляюсь варить манную кашу! — крикнула Лоскутику со двора Барбацуца.

У крыльца черные лошади гнули шеи, отливающие лиловым серебром, копытами рыли ямки в сухой пыли.

Кучер, сидя на козлах, опасливо поглядывал на Барбацуцу. Он держал за щекой орех и боялся его разгрызть. Барбацуца, ворча, залезла в карету. С такой злобой захлопнула дверцу, что кучер подскочил на козлах. Крак! — орех раскололся. Карета укатила.

Лоскутик полезла на голубятню. Среди белых голубей Барбацуцы она вдруг увидела одного голубя, совсем черного. Такого черного, как если в безлунную ночь заглянуть себе в кулак. Она поймала голубя, провела рукой по его спинке, по крыльям. Ладонь стала черной.

— Это не твой голубь! Отдай! — услышала она.

Внизу во дворе стоял черный мальчик. Весь

черный, только кончик носа белый.

— Он сам прилетел, — обиделась Лоскутик. — На, очень он мне нужен. Забирай его, пожалуйста.

Мальчишка удивительно ловко вскарабкался на голубятню. Никогда Лоскутик не видела таких худых мальчишек. Можно было подумать, что он весь под своей черной изношенной одеждой сплетен из тонких гибких прутьев.

Голубь тотчас перепорхнул к мальчишке. Уселся у него на голове. Но мальчишка стоял и смотрел на девочку.

— Как тебя зовут? — спросила наконец Лоскутик, решив, что дальше молчать невежливо.

— Меня зовут Сажа, — охотно ответил мальчишка. — Я трубочист. Я чищу дымоходы во всем городе. Каждый день семьдесят труб. Там в трубах так темно и дымно. Иногда мне кажется, что на всей земле навсегда наступила черная ночь. Тогда я начинаю разговаривать с моим голубем. Он всегда сидит на крыше, когда я чищу дымоход. И мне становится немного веселей сидеть в длинной черной трубе и скрести сажу и копоть.

— Я тебя видела, — сказала Лоскутик.

— И я тебя. Это когда с неба текла вода. Что это было?

— А вот что! Смотри!

Лоскутик указала пальцем на выглянувшее из-за угла Облако. Облако было круглое, рот растянут до ушей. Короткие, кривые лапы прижаты к животу.

— Кто это? — тихо спросил Сажа и чуть не свалился с голубятни.

— Только не спрашивай его об этом. Он не любит! — поспешно прошептала Лоскутик. — Облако это. Ну просто Облако. Я тебе потом объясню.

— Облако!.. — Сажа в восторге заулыбался, отчего со щек у него отвалились и посыпались кусочки копоти, а с ресниц полетела черная пыль.

Облако огляделось по сторонам и взлетело на голубятню.

— Познакомьтесь. Это Облако, а это — Сажа, — весело сказала Лоскутик.

Но Облако только что-то невероятно квакнуло. Его жабьи глаза разъехались в разные стороны. Оно потемнело. В животе у него сердито повернулся гром. Ни на кого не глядя, оно уселось на крышу и с угрюмым видом стало щекотать молнией голубей.

В этот вечер Лоскутик, как всегда, устраивала Облаку постель у себя под кроватью. Она взби-

вала подушки, а Облако, мрачно насупившись, сидело на шкафу и рисовало мокрым пальцем узоры на пыльных обоях.

— Не хочу, чтобы ты с ним дружила, и все, — вдруг сказало Облако, не глядя на девочку.

— Вот те раз! — огорчилась Лоскутик. — Это почему? Я совсем одна. Ты целые дни пропадаешь у жабы Розитты. Тебе и не до меня вовсе.

— Не забывай, у меня с жабой Розиттой важные дела, — строго сказало Облако.

— Ну да. Вон какое ты стало худое, темное. Пьешь, наверное, не вовремя, кое-как. Совсем одичало. Прилетишь — и сразу спать. Со мной даже не поговоришь ни о чем.

— А о чем ты будешь говорить с этим грязнулей?

— Он не грязнуля вовсе. Где он, по-твоему, возьмет воду, чтобы помыться?

— Небось говорил тебе, что ты красивая? — ревниво спросило Облако, продолжая водить пальцем по стене.

— Ничего он не говорил.

— А ты и не верь. Ты некрасивая, — сказало Облако и добавило подозрительно: — А не говорил он: «Вот вырасту и женюсь на тебе»?

— Ну что ты! Мы же только познакомились.

Облако больше ничего не сказало и с мрачным видом полезло под кровать. Оно долго не могло уснуть, ворочалось с боку на бок, укладывало молнию поудобней.

Лоскутик слышала, как оно вздыхало под кроватью, что-то бормотало обиженно.

Когда Лоскутик на другой день утром проснулась, Облака под кроватью уже не было. Как только Барбацуца отбыла во дворец, не поймешь откуда, как чертик из-под земли, выскочил Сажа.

Лоскутик махнула ему рукой. Он быстро забрался на голубятню.

— Я чистил сегодня длинную-предлинную кривую черную трубу, — торопясь заговорил Сажа, — и придумал страну.

— Страну? — удивилась Лоскутик.

— В трубе было совсем темно, вот я ее и придумал, чтоб мне было немного светлее, — сказал Сажа. — Не будешь смеяться?

— Не буду, — покачала головой Лоскутик.

— Пускай такой страны быть не может, но я ее все равно придумал. Слушай. В моей стране столько травы, что по ней могут ходить босиком все дети, даже самые бедные. Там много деревьев. И на всех, на всех зеленые листья. И еще по ним можно бесплатно лазить. Сколько хочешь.

— Хорошо… — Лоскутик даже закрыла глаза. Так ей было лучше видно эту страну.

— Там столько воды, что она окружает эту страну со всех сторон.

— Давай назовем воду морем. Это красиво — море.

— Давай. А в небе там много облаков. На каждого человека по облаку. Знаешь, я дарю тебе эту страну. Пускай она теперь будет твоя. Хочешь?

Лоскутик открыла глаза, вздохнула:

— Очень.

— «Очень, очень»!.. — послышался язвительный голос, и откуда-то из-под голубятни вылетело лохматое, растрепанное Облако. — Значит, так!.. Значит, мало тебе меня? Подавай целую страну с облаками?

— Ты подслушивало? — укоризненно воскликнула Лоскутик.

— Ну и что тут плохого? Мы, облака, всегда подслушиваем. Мы не виноваты, что люди болтают под нами всякие глупости.

— Все равно ты должно было сказать, что ты тут и все слышишь.

— Ага, выходит, у тебя уже завелись тайны от меня? — Облако с ненавистью посмотрело на Сажу. — Я так и знало, что все кончится очень

плохо. Недаром моя бабка мне говорила: «Не дружи с людьми, не дружи! Не доведет тебя это до добра!»

В Облаке что-то заклокотало, как вода в кипящем чайнике. Оно с такой силой дернуло себя за ухо, что ухо оторвалось и полетело с ним рядом. Облако взлетело над голубятней.

— Прощай! — крикнуло Облако. — Теперь я больше никому не верю!

— Вернись! Вернись! — изо всех сил закричала Лоскутик.

Но Облако вытянулось в длину и превратилось в огромную змею. Оскорбленно шипя и извиваясь, оно улетело.

Глава 13
Кто же это был, в конце концов?

Как ты помнишь, мой читатель, знатный путешественник исчез самым таинственным образом.

Десять минут все, кто это видел, стояли в полнейшей растерянности, а еще через пять минут из дворцовых ворот вылетел отряд конных стражников. Поднимая немыслимую пыль, они промчались по улицам. Пыль повисла над городом, как серый мешок.

Стражники окружили гостиницу, в которой остановился знатный путешественник, но никакого путешественника там не оказалось.

Неизвестно куда пропали слуги в белых покрывалах, исчезли белые сундуки, а от трех верблюдов, привязанных к столбу во дворе гостиницы, остались только три небольшие лужицы.

Правда, старая, подслеповатая служанка клялась, что собственными глазами видела, как верблюды живьем взлетели на небо, а белые сундуки один за другим вывалились из открытого окна, поднялись вверх и пропали. Но никто,

конечно, ей не поверил.

Король созвал тайный совет. Во дворец съехались все королевские ученые, советники и придворные. Здесь были знаменитые алхимики в остроконечных шапках, уже много лет трудившиеся над тем, как превратить серебряные ложки и оловянные тарелки в золото. От них пахло серой, и они глядели друг на друга подозрительно и со скрытой злобой.

Здесь был даже главный астроном короля, который научно доказал, что месяц и луна — это одно и то же.

Из угла в угол, заложив руки за спину, быстро ходил маленький, пухлый человечек. У него были всклокоченные волосы и безумные глаза. Это был очень знаменитый ученый — специалист по форме блинов. Всю жизнь он посвятил одной мечте: испечь квадратный блин на круглой сковороде. Он испек несметное количество блинов, горы блинов и блинчиков, но среди них не было ни одного квадратного.

Да, что и говорить, здесь собрался весь цвет ученого мира!

— Ну-с, что вы думаете по этому поводу? — мрачно спросил король. — Кто же все-таки он был, этот путешественник?

Но даже сам главный советник Слыш, который знал, что творится в любом закоулке дворца, не мог ответить на вопрос короля.

— Ваше величество, — доложил слуга в золотой ливрее, с мокрыми до колен ногами. — Три человека просят разрешения срочно поговорить с вашим величеством. Они утверждают, что могут сообщить вашему величеству очень важные новости.

Король кивнул.

— Пропустить, — сказал Слыш.

Первым вошел в зал лавочник Мельхиор. Увидев острые сабли, и пики, и еще множество острых и колючих предметов, лавочник просто затрясся от алчности и страха.

— Очень надежный и преданный слуга вашего величества, — шепнул на ухо королю советник Слыш. — Я о нем слыш-шал только самое хорошее…

— Ваше величество… — начал лавочник. Он извивался всем телом и не мог ничего с собой поделать. — Двенадцать белых собак!..

— Что?! — изумился король.

— Вернее, одиннадцать пуделей, одна дворняжка и лев на подоконнике! — выпалил лавочник, чувствуя, что он говорит что-то не то.

— Какая дворняжка на подоконнике? — нахмурился король. — Почему ко мне пускают сумасшедших?

— Нет-нет, ваше величество, умоляю вас, разрешите ему продолжать, — насторожившись, сказал Слыш.

— Собаки летали по всей лавке и купили краски… А лев был на чердаке и улетел в окно!.. — понимая, что он окончательно запутался и получается какая-то полнейшая ерунда, уже несчастным голосом закончил Мельхиор.

— Улетел в окно… — прошептал Слыш. — Кресло тоже улетело, и именно в окно! Тут есть несомненная связь. Эй, напоить его и отпустить!

Лавочник начал извиваться, как змея, которую держат за хвост. Он не мог сделать ни шагу. Слуги под руки вывели его из зала.

Вошел капитан королевских стражников.

— А у тебя что? — спросил Слыш.

— Вода с неба, ваше величество! — рявкнул капитан.

— Какая еще вода с неба? — Король с беспокойством оглянулся на Слыша.

— Сам видел! Она хлещет, а они пляшут! — выпалил капитан, вытягиваясь так, что стал похож на крокодила, вставшего на хвост.

— Кто хлещет? Кто пляшет? — прошипел Слыш.

— Вода хлещет, ребятишки пляшут. Прямо по лужам, ваше величество! Босиком!

Лицо короля побагровело. Большой мыльный пузырь вздулся у него на губах, задрожал, мягко отделился от губ и поплыл по залу.

Капитан королевских стражников застыл неподвижно, свел глаза вместе, глядя на плывущий прямо на него мыльный пузырь. Он твердо встретил опасность, приняв пузырь на кончик носа, да так и замер, боясь пошевелиться.

— Вы слышите? — вздувался и пенился король. — Нищие ребятишки босиком пляшут по лужам! В моем королевстве — по лужам! В моем королевстве — босиком! Какова наглость! Босиком! По лужам!..

Тем временем на месте капитана королевских стражников возник круглый, как бочка, дядюшка Буль. Он делал неимоверные усилия, стараясь поклониться королю, но все было безуспешно, поскольку бочка никак не может согнуться пополам. Поэтому он попросту плюхнулся на пол и, не вставая, проговорил жалобным голосом:

— Больше не пьют!

— Кто не пьет? — Король выпустил еще один пу-

зырь — прекрасный, сияющий, бледно-лиловый.

— Вдова с Нищей улицы — раз, слепой музыкант в Сером тупике — два, старый шарманщик, у которого сдохла обезьянка, — три… — перечислял дядюшка Буль.

— К черту старого шарманщика! — Король выпустил целую стайку маленьких голубых пузырей.

— Они больше не покупают у меня воду — значит, они больше не пьют, — развел руками дядюшка Буль.

— «Значит… значит»!.. — передразнил его Слыш. — Значит, просто-напросто они достают воду где-то еще.

Дядюшка Буль выкатился из зала.

— Его величество желает знать ваше мнение, господа ученые! — прошептал Слыш.

Воцарилось неловкое молчание.

— Я думаю, что разгадку надо искать в усиленном влиянии луны, которую я недавно открыл, — проскрипел королевский астроном, низко кланяясь королю. Он считал, что, если он ничего не скажет, это может произвести на всех неблагоприятное впечатление.

Слыш только молча посмотрел на него, и королевский астроном тотчас же скрылся за чьей-то

спиной.

— Я полагаю, — воскликнул специалист по форме блинов, еще больше взъерошив свои волосы, — я полагаю, что эти летающие звери есть результат брожения дрожжей, в излишнем количестве проникших в атмосферу!

— Ваше величество, необходимо срочно поймать одну из этих летающих собак, — с важностью заявил алхимик в высокой остроконечной шапке со звездами. — Тогда я разложу эту летающую собаку на составные части при помощи окиси серебра и скажу вам, что это такое.

— Невежда! — воскликнул другой алхимик в шапке еще более высокой. — Это неслыханно — разлагать летающих собак с помощью окиси серебра! Это же просто безграмотно! Летающих собак разлагают на составные части только с помощью щелочи. Это же знает любой недоучка.

— Нет, при помощи кислоты! — возопил алхимик в шапке пониже.

— Щелочи!

— Кислоты!

Алхимики начали наскакивать друг на друга, как два петуха.

— Недавно произошла одна презабавная история, — прошептал Слыш.

В зале стало удивительно тихо. Алхимики замерли, сверля друг друга глазами.

— Наверно, вы все о ней слыш-шали. Какой-то полоумный художник, по имени Вермильон, забрался на колокольню и звонил во все колокола. Мало того. Он вопил диким голосом и призывал всех полюбоваться… чем вы полагаете?

— Облаком! — как один выдохнули все прославленные ученые и придворные.

— Так не думаете ли вы, что разгадка именно в этом? Не думаете ли вы, что в наше королевство залетело…

— Облако! — в один голос крикнули все.

— Да, — прошептал Слыш. Он всегда говорил очень тихо, но все всегда слышали каждое его слово.

Король выпустил небывало большой пузырь. Пузырь, упруго дрожа, поплыл, неся на себе бледные лица придворных.

— Какое несчастье!

— Облако!

— В нашем королевстве!

— Облако!

— Какая беда!

— Все было так хорошо, и вдруг…

— Облако!

— Это катастрофа!

Вбежал начальник королевской стражи, тот самый, до удивительности похожий на зайца.

Он заговорил, дрожа и заикаясь:

— Ваше величество! На площади Одинокой Коровы… Красный человек… Весь красный… Плачет… Брызжет вином во все стороны… Окружили… Хотели схватить… Но красный… взлетел кверху и повис на флюгере… Ваше величество, вниз головой… Висит и плачет…

— Он — это оно! — со свистом прошептал Слыш. Он резко повернулся к королю. Казалось, все кости в нем скрипнули, задев друг друга.

— Что? — переспросил король. — Ничего не понимаю!

— Это Облако! — совсем тихо сказал Слыш.

Глава 14
Удивительное происшествие в трактире «Хорошо прожаренный лебедь»

Площадь Одинокой Коровы, несмотря на свое грустное название, была самой шумной и оживленной площадью в городе. Здесь стучали молотками сапожники, загоняя гвозди в каблуки, шипели утюги портных, гром и лязг летел из кузниц.

Тише всех работал Великий Часовщик. Он неслышно мастерил крошечные пружинки и колесики, и только один раз в час из всех стенных часов выглядывали кукушки, куковали и кланялись старому мастеру.

Среди придворных короля Фонтаниуса I было много славных мастеров. Для того чтобы купить кувшин воды и каравай хлеба для своей семьи, им приходилось немало потрудиться.

Король за гроши покупал у них кинжалы с узорами на рукоятках, тончайшие кружева и вышивки, часы, которые никогда не спешили и не отставали, удивительные вазы с рисунками, просвечивающими насквозь.

Король выгодно выменивал на эти прекрасные изделия у других королей зерно и овощи — все, что не могла дать его измученная, несчастная земля. Затем втридорога продавал это своим мастерам. Так что в карманы короля ручейками текло золото. А в кузницах до поздней ночи сверкали раскаленные угли, в мастерских не останавливаясь жужжали ткацкие станки.

Великий Часовщик вынимал из глаза выпуклое стекло и ложился спать прямо тут же, на полу, на жестком тюфяке.

И, как ты уже знаешь, мой читатель, все часы, большие и маленькие, сговорившись между собой, начинали музыкально тикать в такт, чтобы усыпить его.

Посреди площади в пыли возились полуголые ребятишки. Они рисовали пальцами друг у друга на пыльных животах разные забавные картинки.

Тут же на площади был трактир «Хорошо прожаренный лебедь». Самые богатые люди в городе заходили в темный, прохладный подвальчик осушить кружку отличного вина.

Хозяин трактира, человек жадный и расчетливый, очень гордился своей необычайной лысиной. Он извлекал из нее немалую выгоду.

Каждое утро первым делом он до блеска натирал ее суконкой так, что она начинала сиять, как зеркало. Лысина отражала огоньки свечей, и поэтому в темном подвале становилось светлее. Благодаря этому трактирщик изводил вполовину меньше свечей.

Возле трактира вечно околачивался Один-Единственный Нищий. Остальных нищих король давно уже засадил в тюрьму.

— Королевство без нищих — это черт знает что, а не королевство, — любил говорить король Фонтаниус I. — Что это за король, который не смог довести до полной нищеты ни одного из своих подданных? Нет, у меня тоже должен быть свой собственный нищий! Но только один-единственный!

Так как в этом королевстве могли прожить только замечательные мастера, то и Один-Единственный Нищий стал в конце концов замечательным мастером своего дела. Он так великолепно научился клянчить, выпрашивать, ныть, просить, вымаливать, жалобно урчать животом и залезать в душу, что только очень богатые люди могли прогнать его от своего порога. От одного его вида начинало щекотать в носу. Бедняки со слезами на глазах делились с ним

последним глотком воды.

В этот день Единственному Нищему не повезло. Он думал хоть чем-нибудь поживиться в «Хорошо прожаренном лебеде». Но там сидели только одни богачи и скупердяи: дядюшка Буль, главный тюремщик, его закадычный дружок начальник королевской стражи и продавец придворных калош.

Единственный Нищий протягивал к ним дрожащую руку, тряс лохмотьями, хромал и пронзительно скрипел деревяшкой, которую он привязывал к своей совершенно здоровой ноге. Но за все свои труды он заработал только пинок от начальника королевской стражи.

Увы, ему нужно было совсем не это. Ему был необходим кусок хлеба и хотя бы один глоток воды — Единственный Нищий не ел и не пил уже целые сутки.

Все поплыло у бедняги перед глазами, и поэтому он нисколько не удивился, увидев белого человека, с необыкновенно печальным видом сидящего верхом на бочке с вином в самой глубине темного подвала.

Трактирщик, у которого на лысине слева и справа, прямо над ушами, отражались две горящие свечи, наполнил четыре кружки красным

вином. Он поставил их рядом на прилавок.

Единственный Нищий увидел, как белый человек наклонился и с тяжелым, сокрушенным вздохом припал к кружке с красным вином. Потом ко второй, к третьей, к четвертой…

Белый человечек заметно порозовел.

Заметив, что кружки таинственным образом опустели, трактирщик так быстро завертел головой, что огоньки свечей так и заплясали на его лысине. Но главное, от растерянности он забыл заткнуть бочку.

Розовый человек, который еще недавно был совсем белым, свесился с бочки, повис вниз головой и припал ртом прямо к бьющей фонтаном красной струе.

— Вот это да!.. — пробормотал изумленный Единственный Нищий и хлопнул себя по коленям.

Он не выдержал и захохотал. Наверное, в первый раз в жизни. Все уставились на него, и поэтому никто не видел, как розовый человек пил вино, раздуваясь и постепенно становясь темно-малиновым.

— Интересно, над кем это ты смеешься? — закричал очень самолюбивый продавец придворных калош и запустил в Единственного Нищего

большой обглоданной костью.

— Может быть, ты посмел смеяться надо мной? — с возмущением воскликнул начальник королевской стражи и кинул в него подушкой, на которой сидел.

— Конечно, ты смеялся не надо мной, но вот тебе на всякий случай! — сказал главный тюремщик, доставая из-под стола скамеечку, на которую он ставил ноги.

Он швырнул ее прямо в голову Единственному Нищему. Но Единственный Нищий ловко увернулся. Он был к тому же еще большим мастером увиливать и увертываться.

— О люди! Люди! — послышался печальный, укоризненный голос. — Швыряться скамейками! Ни одно облако никогда не швырнуло бы скамейку в голову облаку! Никогда! Никогда! Слышите вы?

Все обернулись на этот странный голос да так и замерли от изумления. Верхом на бочке, уныло сгорбившись, сидел темно-красный человек. Он не спеша поднял руку, дернул себя за ухо и взлетел в воздух.

Он медленно проплыл над трактирщиком, над головами сидящих за столом посетителей. У него было очень грустное лицо. Из глаз капали слезы.

Он окропил темными каплями белоснежный воротник главного тюремщика, который считался большим щеголем в городе.

Громко вскрикнул продавец придворных калош: тонкая струйка вина угодила ему прямо в глаз.

Начальник королевской стражи вытянулся, как будто проглотил собственную саблю. Нос его посинел, потому что маленькая молния стрельнула в его серебряный шлем.

Красный человек опустился на пол. Шатаясь из стороны в сторону и цепляясь ногами за табуретки, он направился к двери.

Тут все изумились еще больше. Дело в том, что красный человек как две капли воды был похож на Единственного Нищего. Стояли дыбом его нечесаные волосы. Сквозняк шевелил великолепные лохмотья.

Красный человек встал на пороге. Тут все сидящие в подвале увидели, что он прозрачен и светится красным, как бокал с вином, если сквозь него посмотреть на огонь.

— Идем отсюда, здесь нас все равно не поймут, — грустно сказал красный человек Единственному Нищему и пошатываясь вышел из трактира.

Глава 15
Что надо сделать, чтобы уговорить Облако сесть в карету

— Быть не может… — прошептал капитан королевской стражи, к тому времени он немного пришел в себя после удара молнии, нос его принял натуральный оттенок. — Его величество разрешило иметь в королевстве только Одного-Единственного Нищего. А теперь их стало двое. Что я скажу его величеству?

Между тем появление красного человека на площади Одинокой Коровы вызвало необыкновенный шум и суматоху. Жена богатого дубильщика кож чуть не налетела на него. Она уронила корзину с яблоками, которую только что выменяла на великолепно выдубленную кожу осла. Яблоки запрыгали по мостовой. Но ребятишки даже не бросились поднимать эти странные, невиданные плоды.

Все смотрели на красного человека. Люди выглядывали из окон и тут же выбегали на площадь. Даже Великий Часовщик добрел до порога и встал, ухватившись за косяк.

Красный человек, спотыкаясь, брел через площадь, размахивая руками и что-то невнятно напевая. Что-то вроде этого:

Мы все такие грустные,
Как листики капустные…
Ведь любят даже индюка,
Собаку, курицу, быка.
Но почему ж не любят Облака?

К всеобщему изумлению, красный человек посмотрел вокруг пустым взглядом, дернул себя за ухо и взлетел кверху. Он уселся прямо на вывеску сапожника.

Вывеска была в виде сапога с серебряной шпорой-звездочкой. Примостившись на этом сапоге, красный человек пригорюнился, подперев щеку ладонью, всхлипнул и сказал, не обращаясь ни к кому:

— Как я был счастлив, найдя друга здесь, на земле. Но она променяла меня на первого попавшегося трубочиста… Да, да, на чумазого, только что вылезшего из трубы мальчишку…

Грудь его начала тяжело вздыматься. Красный человек бурно зарыдал. По деревянному сапогу потекли красные струйки. В это время из трактира «Хорошо прожаренный лебедь», загре-

бая воздух руками, выскочил хозяин. С криком «Держи вора!» он бросился к лавке сапожника. Подставив дрожащую ладонь под сапог, поймал несколько капель, лизнул языком да так весь и затрясся.

— Проклятый пьянчужка! Мое самое лучшее вино! Он выпил целую бочку!

Трактирщик прыгал под сапогом. Тяжелые капли разбивались вдребезги о его прославленную лысину.

— Вот они, люди! — пробормотало Облако, печально качая головой. — Ему жаль бочку красной воды. Любой ручей дал бы мне сто бочек и не поднял бы никакого крика.

— Ты выпил мое вино! — вопил трактирщик.

— Ну, забирай его обратно!

Красный человек перекрутил свои лохмотья и окатил трактирщика широкой красной струей.

— Нет, ты заплати мне!

Трактирщик подпрыгивал изо всех сил и кончиком пальца задевал сапог. Сапог раскачивался, вместе с ним качался и красный человек.

— Вот они, люди! Деньги у них на уме, а не дружба, — всхлипнул красный человек. — Не мешайте мне отдаться моей печали…

Красный человек взлетел еще выше и повис на

флюгере вниз головой. Он висел, зацепившись за флюгер ногами. Руками он закрыл лицо и горько плакал. Слезы бежали по лбу, стекали по волосам и стучали по черепице.

В это время послышалось щелканье кнута, торопливое цоканье и ржанье. На площадь Одинокой Коровы выехала тяжелая карета, запряженная четверкой отличных лошадей.

Дверца распахнулась — показалась нога в черной блестящей калоше. Из кареты проворно выскочил главный советник Слыш. Увидев народ, он злобно оскалил зубы, но тут же, не теряя ни минуты, направился к лавке сапожника.

Старый флюгер на крыше сапожника под легким ветерком, поскрипывая, поворачивался. Поворачивался и висящий на нем вниз головой красный плачущий человечек.

— Достопочтимое Облако, вы ли это? — прошептал Слыш странно дрогнувшим голосом.

— А кто же еще?.. Только добавь: несчастное и обманутое… — жалобно ответил человечек на флюгере, сморкаясь в красный носовой платок.

— О, как бесконечно, безмерно счастлив я вас видеть! — Слыш так осторожно взмахнул руками, как будто боялся кого-нибудь вспугнуть. — Не желаете ли поехать со мной во дворец?

К Слышу подскочил трактирщик. Трогая пальцами его руку, заговорил торопливо:

— Этот негодяй выпил целую бочку моего вина! Прикажите стащить его вниз! Прикажите бросить его в тюрьму!

Слыш нажал ладонью на его лысину.

— Чтоб больше я не слыш-шал ни слова… — прошипел он.

Трактирщик осел вниз, как гвоздь, по шляпке которого стукнули молотком.

— Мне жаль вас. Вы пили эту дрянную кислятину. Я предложу вам лучшие виноградные вина, — любезно прошептал Слыш, низко кланяясь Облаку.

— Не… не надо мне… — всхлипнуло Облако и, уловив сочувствие в голосе Слыша, зарыдало еще горше: — Ничего я теперь не хочу, ничего…

— Может быть, вы желаете принять ванну? — терпеливо предложил Слыш.

— Не надо мне ванны… Нет, я так и знало, что все кончится очень плохо…

— Поплескаться в фонтане? — Слыш тихо скрипнул зубами.

— Не до плесканья мне… — безнадежно махнуло рукой Облако.

В глазах Слыша сверкнула ярость, пальцы

скрючились, как будто хватали кого-то невидимого за горло, но голос стал только еще слаще.

— Может, вы хотите сыграть со мной в карты?.. Ах, простите, — спохватился Слыш, — я совсем упустил из виду, что облака не умеют играть в карты!

— Что?! — Облако перевернулось, шлепнулось на крышу, съехало до самого ее края. Уселось, спустив вниз ноги: одна нога в стоптанном красном башмаке, другая — босая. — Это я-то не умею? Да мы, облака, только и делаем, что играем на небе в карты, в шашки, в жмурки, в прятки, в третий лишний и в крестики и нолики!

— Не может быть! — прошептал Слыш, делая вид, что он вне себя от восхищения.

— А ты что думал? Да моя старая бабка Грозовая Туча, моя старая, милая бабушка, которую я не послушался и за это так жестоко наказан, — да она никогда не начнет грозу, пока не разложит пасьянса.

— Не может быть! — снова прошептал Слыш.

— Еще как может… — всхлипнуло Облако.

— Так докажите мне это, дорогое Облако! — Слыш распахнул дверцу кареты.

Облако неловко сползло с крыши. Раскинув руки, оно, качаясь из стороны в сторону, проле-

тело над площадью и головой вперед нырнуло в карету.

— Гони! — прошептал Слыш кучеру.

Он прыгнул следом за Облаком и захлопнул дверцу.

Глава 16
Слыш узнает кое-что очень важное

Как только карета тронулась, пьяное Облако упало на грудь Слыша и разрыдалось.

Слыш сидел, остекленелым взглядом глядя поверх всклокоченной головы Облака. Его камзол, рубашка — все пропиталось вином. Но он продолжал сидеть неподвижно и терпеливо, боясь пошевелиться и спугнуть Облако.

— Давно ли вы залетели в наше королевство? — осторожно осведомился Слыш, скосив глаза на нечесаную голову Облака.

— Два месяца назад. Я и остался тут из-за нее… Из-за этой девчонки… А она… — всхлипнуло Облако.

— А как ее зовут? — прошептал Слыш, наклоняя ухо к Облаку.

— Нет, только ты, мой друг, ты один меня понимаешь! — зарыдало Облако, обвивая шею Слыша своими руками.

— Ах, дорогое Облако! Вы должны были сразу прилететь ко мне! — с мягким укором прошептал Слыш. — Я бы вас прекрасно устроил, со всеми

удобствами… — Лицо Слыша стало зловещим, но Облако не заметило этого. — Вы летали тут одно, такое нежное и беззащитное. Вас могли ранить!

— Это она нанесла мне смертельную рану! Она и этот мальчишка!.. — воскликнуло Облако, и слезы полились из его глаз еще обильней.

Руками оно по-прежнему обнимало Слыша за шею. Носовой платок сам выполз из его дырявого кармана, подлетел и вытер слезы, бегущие по щекам.

— Вас могли убить! — Слыш озабоченно покачал головой.

— Меня нельзя убить. Она показалась мне такой одинокой…

— Неужели с вами ничего нельзя сделать? — тихо спросил Слыш, с трудом скрывая свое волнение.

— Можно, только этого никто не знает. Меня можно за… И я тоже был одинок. Никто на небе не понимал меня.

— Вы не договорили. Что «за…»? — Голос Слыша заметно дрогнул: — За-задушить?

— Меня нельзя задушить. Меня можно только за… Ты не знаешь, какие все облака равнодушные. Летят себе, куда ветер дует.

— Может быть, вас можно за-забросить камня-

ми? За-заковать в цепи? За-засадить за решетку? За-заре-зать?

— Я был так счастлив у нее под кроватью. — Облако прикрыло глаза ладонью, предалось воспоминаниям. — На ночь она говорила мне «спокойной ночи»… Никто никогда не говорил мне «спокойной ночи»…

— За-засыпать песком? За-закопать в землю? Я об этом спрашиваю, потому что я ужасно за вас беспокоюсь!

— Она мне говорила: «Ты плохо выглядишь. Ты осунулось. Пей побольше!» О!.. — Облако застонало.

Все подушки в карете пропитались вином. От винных паров у Слыша кружилась голова. Даже кучер начал покачиваться на козлах, а лошади стали сбиваться с шага.

— Может быть, за-засолить в бочке с огурцами? За-зарядить вами пушку и выстрелить? — уже с отчаянием перечислял Слыш. — Как я за-за-за вас беспокоюсь! Как волнуюсь!

Если бы Облако подняло голову, оно увидело бы, каким нетерпением и ненавистью сверкают узкие глаза Слыша.

— Ох, как ты мне надоел! — наконец не выдержало Облако. — Ну так слушай: меня можно

заморозить! Понял? Заморозить! Тогда мне конец. Я не смогу летать. Стану обыкновенной ледышкой, и все. Но никто этого не знает. Так перестань беспокоиться и дай мне в тишине оплакать мою разбитую жизнь…

— Заморозить… — прошептал Слыш. Он откинулся на сырые, тяжелые подушки. На мгновение закрыл глаза. — Значит, так…

Карета ехала по улицам странными зигзагами. Ее то заносило на тумбу, то она обдирала кору сухой липы.

Кучер на козлах что-то пел, хотя у него не было ни голоса, ни музыкального слуха. Лошади восторженно ржали.

— Дорогое Облако, — сказал Слыш, стараясь поудобнее устроиться среди мокрых подушек. — Я помогу вам отомстить. Откройте мне имена мальчишки и девчонки. Они у меня просто кувырком полетят в тюрьму, а если вы пожелаете, то и дальше — прямехонько на виселицу.

— Что?! Что ты сказал?! — Облако отстранилось от груди Слыша, посмотрело ему в лицо. — Пусть я простое пьяное Облако, но… девчонку и мальчишку на виселицу? Только за то, что они подружились?.. — Облако сжало ладонью лоб, затрясло нечесаной головой: — Негодяй! Как ты

смел мне сказать такое? — Облако поднялось вверх, насколько позволяла теснота кареты. — Нет, я дальше с тобой не поеду! Останови карету, выпусти меня!

— Ну уж нет, — с ехидством прошептал Слыш, — попалась птичка!

— Куда ты везешь меня? — Облако в страхе ударилось об стекло.

По стеклу потекли винные струйки.

— В такую хорошенькую ледяную квартирку, — злорадно прошептал Слыш, наслаждаясь ужасом Облака. — Уложу тебя на ледяную кроватку. Что поделаешь, придется тебе немножко постучать зубами от холода.

— Но за что? Что я сделало плохого?

Облако билось о стекла, о стенки кареты.

— Ты сделало кое-что хорошее и за это поплатишься. У нас в королевстве этого не любят. А что касается твоих друзей, то я до них тоже доберусь, не беспокойся!

— Нет, нет, не трогайте их! — Облако умоляюще сложило руки. — Они ни в чем не виноваты.

— Ты можешь просить меня сколько угодно, — отвратительно усмехнулся Слыш, — для меня твои слова не больше чем жужжание пчелы над ухом…

Тут карету потряс такой удар грома, что стекла задребезжали, а лошади, сделав длинный скачок, понеслись стрелой. В то же мгновение Облако разделилось на тысячу маленьких кусочков.

Карета наполнилась громким жужжанием — Облако превратилось в тысячу пчел. Главный советник Слыш в ужасе замахал руками. Но, как известно, это самый наихудший способ спасения от пчел. Пчелы набросились на него со всех сторон. Пять пчел ужалили его в нос, семь — в лоб и несчетное количество — в щеки и шею. Эти пчелы жалили пребольно.

К тому же, надо добавить, это были не совсем обыкновенные пчелиные укусы. От этих укусов Слыша начало просто подкидывать на подушках. Слыш весь с ног до головы затрясся мельчайшей дрожью.

Дело в том, что у каждой пчелы вместо жала была крошечная молния — Облако разделило свою молнию на тысячу частей.

Пчелы, зловеще жужжа, кружились вокруг Слыша и с особым удовольствием жалили его знаменитые уши. Слыш метался, вскрикивая, подскакивал, хватался руками то за нос, то за ухо…

Наконец, не выдержав, он распахнул дверцу ка-

реты. Пчелиный рой не спеша, с торжественным гудением вылетел наружу.

Слыш от ярости так заскрежетал зубами, что кучер натянул вожжи и обернулся, решив, что произошла какая-то крупная поломка: по крайней мере отскочило колесо или сломалась ось.

Между тем пчелиный рой преспокойно летел над крышами.

— Поворачивай! За ним! Вдогонку! — прошептал Слыш.

Но улица была слишком узкой, и карета, став поперек, застряла — ни взад ни вперед. Слыш в бешенстве кусал себе ногти, пальцы, руки, глядя вслед Облаку.

Теперь это уже не был пчелиный рой — пчелы слились во что-то одно длинное и очень знакомое. Слыш узнал себя. Он узнал свои оттопыренные уши, свои ноги. Ноги были тощие, костлявые, в больших бледно-розовых калошах.

Глава 17
Художник Вермильон знакомится с жабой Розиттой

Облако прилетело домой тихое, присмиревшее. Послушно, без всяких капризов улеглось под кроватью.

«Вот всегда так: нашумит, а потом самому стыдно. Чувствует, что виновато», — подумала Лоскутик, вспоминая, как разозлилось Облако, подслушав ее разговор с Сажей.

Но Лоскутик не знала, Облако мучило совсем не это.

— На кого ты сегодня похоже, что-то не пойму, — спросила она, свесившись с кровати и приподнимая край одеяла. — Где только ты такие уши раздобыло? Не знаю, с кем сегодня ты виделось, но только сразу скажу: с кем-то очень злым и противным.

Облако не ответило, повернулось к Лоскутику спиной, подтянуло коленки к подбородку.

— Ничего не случилось? — забеспокоилась Лоскутик. — Здорово ли ты? Что-то ты очень розовое?

— Нет, нет, спи, — вздохнуло Облако.

Лоскутик стала уже засыпать, как вдруг в открытое окно влетела летучая мышь. Начала летать по комнате, чертить в воздухе острые треугольники. Поискала, за что бы ухватиться, чтобы повиснуть вниз головой, не нашла ничего подходящего и вдруг вцепилась Лоскутику в волосы.

Лоскутик осторожно, чтобы не сделать ей больно, разжала холодные лапки, стащила летучую мышь с головы. Летучая мышь перелетела на шкаф, обиженно пискнула — видимо, ей больше нравилось сидеть, вцепившись девочке в волосы.

Облако нехотя вылезло из-под кровати.

«Ни-пи-пи-ти-ти-ти! — тоненько заскрипела летучая мышь, как маленький ящик, который то выдвигают, то задвигают. — Ти-пи-пи-пи! Ни-ти-ти-ти!..»

Облако с досады даже беззвучно топнуло ногой в большой калоше.

— Тьфу ты! Ну не жаба, а сыщик. Откуда она узнала?

Летучая мышь покачала головой, слетела со шкафа, начертила в воздухе еще один треугольник и скрылась в окне.

— Что, что узнала? — встревожилась Лоскутик. — Ты о чем?

— Вот пристала, как туман к болоту! — огрызнулось Облако. — Собирайся, пойдем к жабе Розитте.

Лоскутик и Облако на цыпочках прошли мимо комнаты Барбацуцы. Барбацуца во сне стонала и вскрикивала: «Вулкан извергается! Спасайтесь! Бегите! Из него течет манная каша! О!.. Сколько манной каши!.. Она зальет весь город, всю землю!..»

Барбацуце и во сне не давала покоя манная каша.

— Знаешь что, — сказало Облако, когда они очутились на улице, — давай зайдем за Вермильоном. Он давно просил познакомить его с жабой Розиттой. — Облако вздохнуло и добавило что-то уже совсем непонятное: — Может, при нем она не будет меня так… Постесняется все-таки…

Лоскутик не стала его расспрашивать. Она и так видела, что Облако чем-то расстроено.

Они подошли к домику Вермильона. Рука Облака начала вытягиваться, удлиняться, без труда дотянулась до окна Вермильона, хотя он жил на самом верхнем этаже, под крышей. Заспанный Вермильон выглянул в окно, увидел Лоскутика и

Облако, радостно закивал.

Через минуту он был уже на улице.

Они пошли по пустынным ночным улицам к королевскому парку. Вспугнутая их ногами пыль поднималась столбами, как будто хотела достать до луны.

Бульдоги, сторожившие парк, еще издали заметили Облако. Они низко опустили головы, а задними лапами и хвостами станцевали танец полной покорности. После этого они, скромно глядя в сторону, удалились, делая вид, что ничего не видят и не слышат. Не понадобился даже талантливый носовой платок.

Жаба Розитта, как всегда, сидела на каменной скамейке и тяжело дышала от старости.

«Какая поразительная жаба! — восхитился художник Вермильон. — Какая мудрость, какая сдержанность во всем! Надо обязательно написать ее портрет. Да, да! Я написал бы ее в профиль, освещенную луной. К сожалению, это невозможно. Нет денег, чтобы купить краски...»

Увидев Облако, жаба Розитта сердито затрясла головой и даже выплюнула проглоченного комара. Комар, обрадовавшись неожиданной свободе, запел дрожащую песенку и исчез.

Облако стояло, виновато опустив голову, на-

кручивало платок на палец. Лоскутик к этому времени уже научилась немного понимать жабий язык. Во всяком случае, она разбирала отдельные слова.

Жаба Розитта хрипела, скрипела, каркала и строго стучала сморщенной кривой лапой по каменной скамье:

— Кхи… Кри… Какое… Ква… Ква… Пшш… Легкомысленное… Пуфф… Скрр… Ушш… Напиться пьяным… Кхх… Стыд… Позор… Кхи… Кхи… Кхи!..

Жаба Розитта раскашлялась так сильно, что больше не могла продолжать.

— Подумаешь… — пробурчало Облако. — Один-то раз в жизни. Ну, выпило этой красной воды. Я даже не помню, что со мной потом было…

Но жаба Розитта даже не посмотрела на Облако. Она с важностью, как старая королева, указала лапой художнику Вермильону на место возле себя.

Вермильон почтительно присел на краешек скамьи.

— Кви… Ква… Кхи… Кхи? — любезно проквакала Вермильону жаба Розитта.

Вермильон в растерянности оглянулся на Облако.

— Она спрашивает, как вы поживаете, —

неохотно объяснило Облако.

Облако обиженно отвернулось, глядя в темноту. Вид у него был такой, будто оно сейчас улетит куда глаза глядят. Оно уже начало вытягиваться. Это был верный признак, что сейчас оно взлетит кверху. Облако уже протянуло руку к уху.

— Неважно, совсем неважно, дорогая жаба Розитта, — сказал художник, задумчиво гладя ладонями свои колени. — Сижу без денег. Зарабатываю тем, что хожу во дворец и пишу объявления. Правда, бывают очень забавные объявления. Вот вчера, например, я писал такое… — Вермильон наморщил лоб, вспоминая. — Да, да! Очень забавное объявление. Завтра его расклеят по всему городу: «В понедельник, в три часа, во дворце состоится благородное состязание водохлебов. Кто больше всех выпьет воды, получит пять кошельков золота».

— Вот это да!.. — тихо и восхищенно воскликнуло Облако. Глаза у него вспыхнули. — Кто больше всех выпьет воды! Это по мне!

— Не пущу, и не думай, — затрясла головой Лоскутик. — Они тебя поймают!

— Не поймают! Я буду ого каким осторожным!

— Знаю я, какое ты осторожное. Поймают, сунут в кастрюлю — и на огонь. — Лоскутик от ужаса

даже зажмурилась.

— Пожалуйста, а я испарюсь и опять стану самим собой.

— А они еще что-нибудь…

— Да не выдумывай ты!

— Нет, нет, нет! — твердила Лоскутик.

— Да пойми же ты, глупышка, со мной ничего нельзя сделать! — Облако от нетерпения мягко приплясывало, втягивая в себя сверкающие капли росы. — Меня нельзя ни сжечь, ни убить, ни застрелить, как вас, людей! — Облако взглянуло на девочку, которая стояла с таким видом, как будто зажмурилась на всю жизнь. — Ну ладно уж, слушай. Меня можно погубить только одним: заморозить. Но им-то этого никогда не узнать, пойми. Я же об этом никогда никому не говорило. Только вот вам первым.

Жаба Розитта задумчиво посмотрела на Облако одним глазом. Глаз был выпуклый, прозрачный. Далеко в глубине как будто светила зеленая лампочка.

— Ты только подумай, — с мольбой сказало Облако жабе Розитте, заметив ее колебания, — я уже столько дней не могу пробраться во дворец. Они закрыли все форточки, замазали щелки, залепили воском замочные скважины. Ну поче-

му ты считаешь меня таким несерьезным? Ты даже не знаешь, что я придумало. Они никогда не узнают, что я — это я.

Жаба Розитта медленно кивнула квадратной головой.

— Розитточка! — воскликнуло Облако и бросилось ее обнимать.

На радостях оно высоко взвилось в воздух, перекувырнулось в лунном свете.

Сквозь него, пискнув, пролетела летучая мышь.

Глава 18
Благородное состязание водохлебов

Объявление, написанное художником Вермильоном, висело на ограде парка, и ветер загибал один его уголок.

Тяжелые узорчатые ворота были гостеприимно распахнуты. У ворот стояла толпа. Время от времени от толпы отделялся какой-нибудь человек и робко входил в ворота.

Но таких было немного. Все считали, что от короля все равно ждать ничего хорошего не приходится и лучше держаться от всего этого подальше.

Но все-таки в конце концов желающих набралось не так мало. Тут были и бедняки, которым нечего было терять. Они просто надеялись хоть раз в жизни вдоволь напиться воды.

Конечно же, сюда явились и богачи. Вода была для них не в диковинку. Они привыкли много пить и мечтали завладеть пятью кошельками золота.

У входа в главный зал всех участников состязания встречали два дюжих стражника: Рыжий

Верзила и Рыжий Громила в огромных безобразных калошах. Они бесцеремонно ощупывали каждого, кто входил в дверь.

Рыжий Верзила хлопал входящего по плечу. Рыжий Громила хватал участника благородного состязания за руки и держал его, пока Рыжий Верзила, наклонившись, ощупывал его коленки и башмаки.

Если бы кто-нибудь заглянул за тяжелые занавески у дверей, он обнаружил бы там главного советника Слыша. Припав глазом к щели между занавесками, облизывая пересохшие от нетерпения губы, он жадно оглядывал каждого входящего.

— Я все рассчитал… — шептал он еле слышно. — Облако прилетит. Оно не утерпит, не выдержит, знаю я его. Оно может притвориться кем угодно, но все равно его сразу узнаешь на ощупь. Но где же оно? Может, вот это Облако? Нет, это господин главный тюремщик. А это дядюшка Буль. Говорят, он продает разбавленную воду. А чем он ее разбавляет? Воздухом?.. И это не Облако. И это не оно… Вот кто явился: продавец придворных калош. Смотрите-ка, даже мастер зонтиков пожаловал! А Облака все нет. Это не оно. И это не оно. И это не оно. Какой-то старикашка с седой бородой,

в зеленой засаленной куртке. Вот Рыжий Громила хлопнул его по плечу. Он так и присел, бедняга. А это Один-Единственный Нищий. Притащился воды похлебать. Рыжий Верзила чуть не сбил его с ног. Нет, это человек из плоти и крови. И это не оно. А больше никого нет. Неужели… неужели я просчитался и Облако так и не прилетело?

В разгар этих тревожных мыслей знаменитые дворцовые часы, подумав, пробили три раза. Многие заметили, что на этот раз часы думали особенно долго.

Двенадцать трубачей вскинули золоченые трубы и затрубили. Вернее, затрубили только одиннадцать, из трубы двенадцатого вылетел фонтан воды.

Король, сидящий на троне, широко зевнул и топнул ногой в золотой калоше. Участников благородного состязания впустили в зал. Богачи расположились поближе к королю, бедняки жались к стенам. Старикашка с седой бородой скромно забился в угол.

Слыш вздохнул и вышел из-за занавески.

— Итак, начнем! — прошептал он. — Кто много пьет — тот истинный друг короля! Начнем же наше благородное состязание!

Вошли слуги, держа на подносах бокалы с

водой. Все стали жадно расхватывать бокалы. Как только кто-нибудь ставил пустой бокал на поднос, слуга тут же с почтительным поклоном подавал ему большое деревянное кольцо.

Бедняки, не привыкшие пить, с трудом смогли осушить по пять бокалов. Один-Единственный Нищий еле выпил три бокала. Он с грустью глядел на четвертый и никак не мог заставить себя допить его до дна.

Дубильщик кож так удивительно выдубил кожу на своем животе, что живот его мог растягиваться до невообразимых размеров. Он уже выпил тридцать пять бокалов и с торжеством поглядывал вокруг. На руках и даже на шее у него болтались деревянные кольца.

«Мои милые золотые монетки, — думал он, — цып-цып-цып, мои золотые цыплятки! Я устрою вам славный курятник в моем сундуке!»

Продавец придворных калош выпил десять бокалов, а одиннадцатый незаметно вылил на пол. Но Слыш заметил это, и продавец придворных калош так и не получил одиннадцатого кольца.

Главный тюремщик уговаривал сам себя:

— Ну, мой миленький, любименький! Ну-ка, из любви к себе выпей еще бокальчик! Ну-ка, за мамочку! А это за папочку! Что, больше не

можешь? А я-то думал, что ты эгоист и из любви к себе выпьешь больше всех!

Разорившийся продавец зонтиков, костлявый, длинный, сам похожий на нераскрытый зонтик, держал в руке бокал с водой и не мог сделать ни глотка. Он смотрел на него полными слез глазами и думал о своей засохшей маргаритке.

А вокруг звенели бокалы и сухо щелкали деревянные кольца. Дубильщик кож выпил уже семьдесят два бокала, и его камзол разъехался по всем швам.

Многие лежали на полу кверху животами.

У дядюшки Буля, как у утопленника, из носа и изо рта текла вода.

— Что делать, господин советник? Кольца кончаются, — сказал на ухо Слышу главный слуга.

— Не может быть, — прошептал Слыш. — Мы заготовили пять тысяч колец.

Слуга молча показал пальцем куда-то в угол.

— Что это? — бледнея, прошептал Слыш.

Все, кто еще мог повернуть голову, посмотрели в сторону, куда глядел главный советник.

Дубильщик кож уронил семьдесят третий бокал.

Скромный старичок с белой бородой, сидевший в углу, был весь завален деревянными кольцами.

Собственно говоря, старичка вообще не было видно. Вместо него была огромная куча колец, под которой что-то шевелилось, и оттуда слышалось невнятное бормотание. Из груды колец с трудом высунулась рука и взяла еще один бокал.

Кольца разъехались в разные стороны, показалась голова старичка и его борода. Борода растрепалась, распушилась.

— Еще парочку бокалов, и все, — строго сказал сам себе старичок и погладил рукой бороду.

Слыш протер глаза. «Мне кажется, борода этого старикашки растет прямо на глазах… — подумал он. — Нет, поистине я схожу с ума…»

Дубильщик кож в ярости ударил себя кулаком по животу. В его животе гулко плеснулась вода. А старичок, что-то шепча себе под нос, выпил еще пять бокалов, взял шестой и строго сказал сам себе:

— Хватит, хватит! Это последний бокал, даю честное слово!

Он даже не взял протянутые слугой шесть колец. Победа была полной. Перешагивая через лежащих на полу участников благородного состязания, Слыш подошел к старичку.

— Разрешите пожать вашу руку!.. — прошептал

Слыш, пронзительным взглядом впиваясь в лицо старичка.

— Вы очень любезны, — улыбнулся старичок, отступая в сторону. — Но это совсем не обязательно.

В глазах Слыша вспыхнул подозрительный огонек.

— Для меня это большая честь, — проговорил он, снова приближаясь к старичку, — пожать руку победителю!

— Стоит ли? — возразил старичок, прячась за колонну. — Я такой скромный и стеснительный. Пожалуй, лучше не надо.

— Нет, нет! Не лишайте меня столь редкого удовольствия! — воскликнул Слыш и преградил дорогу старичку в зеленой куртке.

— Ну, раз уж вы так настаиваете, — усмехнулся старичок и крепко пожал Слышу руку.

Слыш помертвел и покачнулся.

Под звуки труб старичку торжественно вручили пять кошельков с золотом. Тот преспокойно рассовал их по карманам своей старой зеленой куртки.

Слуги подхватили под руки перепивших, поволокли из зала. От их пяток по полу, залитому водой, разбегались маленькие волны.

Старичок, не без труда перебравшись через гору колец, пошел к двери. Кончик бороды он засунул в карман. За дверью Рыжий Верзила захохотал, разинув пасть, ударил себя по бокам:

— Ха-ха-ха! Эй, Громила, ты видел?

— Видел, Верзила! Вот умора!

— Ну и бороденка у старикашки! Презабавная.

— Не сойти мне с места, Верзила! Старикашка повернет голову, а борода не поспевает, отстает.

— Я сам видел. Громила, старикашкина бороденка залезла в бокал. Раз — и бокал пуст!

— Что?! — прошептал Слыш, появляясь неизвестно откуда. Он, как всегда, слышал все, что говорилось в любом уголке дворца. — Борода пила воду?!

Слыш хлопнул в ладоши. По всему дворцу тревожно затрещали звонки. Двери сами собой захлопнулись. Стражники скрестили алебарды, преградив выход всем, кто еще не успел уйти.

— Схватить старика с белой бородой! — приказал Слыш. — Задержать его во что бы то ни стало. Он не мог скрыться, он шел последним.

Стражники бросились в толпу. Но старика с белой бородой нигде не было. Был, правда, пожилой человек в зеленой засаленной куртке, но без всякой бороды.

— Оно опять обмануло меня, обхитрило!.. — простонал Слыш. — О, как я его ненавижу!

Нисколько не сомневаюсь, мой дорогой читатель, что ты давно уже догадался, кто был этот странный старичок с седой бородой. Ты совершенно прав! Ну конечно, конечно же, это был художник Вермильон. Ему ничего не стоило нарисовать себе великолепные морщины. А его белая борода — это наш друг, наш общий друг Облако!

Художник Вермильон благополучно выбрался из дворца — никто и не думал его задерживать. Карманы ему оттягивали тяжелые кошельки, но это его не радовало.

«Куда же девалось Облако? Я даже не заметил, как оно слетело с моего подбородка, — думал он в тревоге. — Опять оно что-нибудь натворит. Ведь оно такое легкомысленное, увлекающееся. Можно сказать, у него ветер в голове, вернее, вода…»

Глава 19
Путешествие на блюде манной каши

Итак, кто хочет узнать, что дальше случилось с Облаком, за мной, за мной! А кто не хочет, пусть закроет эту книгу и поставит на полку, только не бросает как попало.

Расставшись с подбородком своего друга, Облако тут же превратилось в большую белую вазу. Ему было просто необходимо хоть немного передохнуть и прийти в себя.

«Теперь я не улечу из дворца, пока хоть что-нибудь не разузнаю о тайном источнике!» — вот о чем думала белая ваза, но этого, конечно, никто не знал.

— Что это? — возмутился главный украшатель дворца, проходя мимо. — Кто и когда без моего ведома поставил сюда эту белую вазу? Она совершенно не в стиле этого зала. Надо хотя бы поставить в нее цветы, чем-то оживить ее. Да, да, букет красных роз, вот что спасет положение!

И он отправился за букетом.

«Не знаю, как другие, но я совсем не люблю, когда в меня ставят букеты красных роз», — обес-

покоенно подумало Облако.

Но через зал все время сновали придворные, и перелетать с места на место было небезопасно. Мимо Облака, шаркая ногами и разбрызгивая воду, прошел слуга, держа над головой золотое блюдо с горячей манной кашей.

«Вот уж кем мне никогда не приходилось быть, так это манной кашей», — подумало Облако.

Оно тут же незаметно взлетело кверху и уселось прямо на манную кашу. Это оказалось не очень-то приятным. Манная каша была только что с огня и изрядно припекала ему спину и пятки.

Слуга, который нес блюдо, был очень робкий, можно даже сказать, трусливый человек. Он всего пугался и от страха начинал туго соображать и плохо слышать. Поэтому все приходилось повторять ему несколько раз. Ему постоянно кричали:

«Иди на кухню! Эй, кому говорят, иди на кухню!»

Или:

«Блюдо давай! Кому говорят, блюдо, блюдо давай!»

Или:

«Кому говорят, неси кашу!»

Постепенно все так привыкли кричать ему «Кому говорят!», что это стало его именем, и никто

уже иначе его не называл, как Комуговорят.

«Не знаю, достаточно ли это надежное место, — рассуждало Облако, проплывая вместе с манной кашей из зала в зал, — если король зачерпнет меня ложкой и отправит в рот… Не представляю себе, что из этого получится… Нет, надо быстренько что-то придумать…»

Облако перегнулось вниз и страшным голосом прошептало слуге на ухо:

— Сейчас ты споткнешься и уронишь блюдо с манной кашей!

Слуга побледнел, споткнулся, но блюдо все-таки не уронил. Он в испуге огляделся по сторонам, но, конечно же, никого не увидел.

«Похоже, что это привидение, — со страхом подумал слуга. — Я никого не вижу, — значит, никого нет. Но все-таки я кого-то слышу, — значит, кто-то есть. А если никого нет, а вместе с тем кто-то есть, — значит, это типичное привидение!»

— Кому говорят, сейчас же споткнись и урони блюдо! — снова провыло Облако.

«Привидение уже знает мое имя! — ужаснулся слуга. — А если привидение кого-нибудь зовет по имени, тому несдобровать».

Он снова споткнулся, затрясся всем телом и с невероятным трудом удержал блюдо над головой.

Шатаясь, он вошел в главный зал, где уже сидел король и в нетерпении крутил головой, в то время как трое слуг, мешая друг другу, завязывали ему белоснежную салфетку вокруг шеи.

— Кому говорят! Сейчас же споткнись и урони манную кашу! — жутким голосом провыло Облако прямо ему в ухо.

Несчастный Комуговорят не выдержал. Носок его левой ноги зацепился за правую пятку. Бедняга споткнулся на ровном месте. Блюдо наклонилось… Короче говоря, произошло следующее: Комуговорят, золотое блюдо и горячая манная каша — все полетело на пол.

Раздался всеобщий крик. Золотое блюдо загремело и задребезжало. Манная каша грузно шлепнулась на пол, обдав всех тяжелыми белыми брызгами.

Одни загородили лица руками, другие бросились оттирать камзол короля, и никто не заметил, как Облако проплыло над их головами и повисло на окне в виде тончайшей кружевной занавески.

Глава 20
Облако узнает тайну короля, что очень хорошо, и теряет свободу, что очень плохо

Наступила ночь. Не будем скрывать, Облаку было неуютно и даже немного жутко одному в пустом зале.

Иногда к окну подлетали летучие мыши, открытыми ртами на миг прилипали к стеклу, потом отваливались, исчезали в темноте.

Несколько раз ударял крылом о стекло старый филин Ночной Философ, приятель Облака. Что-то пробовал сказать — предостеречь, что ли, — но разобрать было нельзя.

Черный, заплывший жиром королевский кот, который лежал свернувшись клубком в кресле, приоткрывал зеленые щелки глаз, неодобрительно поглядывал на Облако.

«Что я, в самом деле! — рассердилось на себя Облако. — Совсем раскисло. Надо взять себя в руки...»

Облако облетело весь зал. Внимательно оглядело все, каждый угол, каждую щель, заглянуло

повсюду. Но нигде не было ни рычага, ни дверцы, ни секретной замочной скважины. Ничего.

«Неужели, неужели я так и не узнаю эту тайну? — с огорчением подумало Облако. — С таким трудом проникнуть во дворец — и напрасно. А мне все время казалось, он здесь, тайный источник здесь, во дворце. Значит, это ошибка. Нет, никогда не надо верить предчувствиям. Даже облачным…»

Облако сделало еще один круг по залу и повисло над черным котом. Вообще-то повсюду и во все времена кошачье племя терпеть не могло облака, считая их близкими родственниками дождю и лужам. Поэтому Облако никогда не вступало с котами в разговоры. Но это была последняя надежда.

— Эй, кот! — окликнуло Облако черного кота. — Ты ведь здешний. Послушай, может, ты знаешь: откуда берет король столько воды? Нет ли тут тайного источника?

— Может быть, и есть, — фыркнул кот, брезгливо дернув шерстью на спине, когда Облако пролетело над ним.

— Источник? И ты знаешь, где он? — воскликнуло Облако. От волнения оно трижды перевернулось в воздухе.

— Может быть, и знаю. — Кот приоткрыл ослепительные зеленые щелки глаз.

— Тогда будь другом, скажи! — Облако присело на ручку кресла.

— С какой это стати я буду открывать тайны своего хозяина, своего любимого хозяина? Ни за что в жизни! Никогда. Я не предатель, — оскорбленно фыркнул кот и неожиданно добавил: — Давай мышь, тогда скажу!

— Превратись в мышь. Скорее! — шепнуло Облако своему носовому платку.

— Не желаю! — заупрямился носовой платок. — В кошку — с удовольствием.

— Один раз, пожалуйста, — прошептало Облако торопливо. — Это очень важно.

— Ладно уж!.. — буркнул носовой платок.

И тотчас из-под кресла, где мирно лежал кот, выбежала мышь. Вертляво, суетливо побежала по полу.

— Говори, говори, где источник? — закричало Облако. — Сперва скажи!

Но кот и не слушал его. Одним скачком, как будто под шкурой у него была туго сжатая пружина, перелетел половину зала. Еще прыжок. Кот настиг мышь — раздался вопль разочарования.

— Мошенник! — зашипел кот.

Где-то вдалеке послышались шаги. Облако заметалось по залу в растерянности, не зная, куда спрятаться. Шаги приближались.

В углу, на невысокой колонне, стояла белая мраморная русалка с чешуйчатым хвостом. Облако нырнуло в другой угол, превратилось в точно такую же русалку и тоже встало на хвост.

Знаменитые часы под стеклянным колпаком задумались, перестали тикать, наконец печально пробили три раза. Двери распахнулись. Вошли двое. Один нес фонарь, обернув его краем плаща.

Двери за собой закрыли плотно, фонарь поставили на стол. Теперь Облако могло их хорошенько рассмотреть. Это были король и его главный советник Слыш.

«Интересно, почему это они не спят? — удивилось Облако. — Насколько я знаю людей, их просто невозможно вытащить среди ночи из постели. Будут без конца потягиваться, зевать, охать. Это мы, облака, без отдыха ходим по небу и днем и ночью».

— Итак, дорогой Слыш, Облако опять перехитрило тебя, — сказал король кислым голосом. — К тому же мне пришлось напоить водой кучу оборванцев. Не говоря уже о пяти кошельках золота…

Черный кот, возмущенно и жалобно мяукая, стал тереться о калоши короля. Он указывал мордой на русалку, с ненавистью фыркал и косил в ее сторону зелеными глазами.

Но мысль о пяти потерянных кошельках с золотом приводила короля в такое раздражение, что он, не обратив внимания на своего любимца, отшвырнул его ногой.

Слыш прижал костлявый кулак ко лбу.

— Конечно, старик с бородой было Облако. Это несомненно. Но ведь я пожимал ему руку, вот как вам…

Слыш хотел пожать руку королю, но тот брезгливо оттолкнул его.

— Если ты не изловишь Облако, твоя песенка спета. Запомни это, Слыш!

Король в мрачной задумчивости прислонился к колонне. Перья королевской шляпы почти касались Облака. Испуганное Облако затаило дыхание, стараясь, чтоб ни одна капля воды не упала на короля с его чешуйчатого хвоста.

«Что, если король нечаянно заденет меня рукой или обопрется плечом? — с волнением подумало Облако. — Тогда все пропало…»

— Скажи мне, Слыш, — подозрительно оглядываясь, спросил король, — ты уверен, что никто не

прознал о нашей тайне?

— Можете не беспокоиться, ваше величество, — уверенно сказал Слыш. — Никто, кроме этого черного кота, не ведает о бесценном сокровище, что спрятано столь близко, но вместе с тем так надежно.

Облако навострило уши, боясь пропустить хоть словечко.

Обиженный кот молча лизал ушибленную лапу.

— Довольно болтовни, Слыш, — нетерпеливо приказал король. — Настал час! Пора пускать воду!

«Воду?! — изумилось Облако. Оно покачнулось на хвосте и чуть не потеряло равновесие. — Как это воду?»

То, что произошло дальше, было совершенно невероятно. Облако решило, что все это просто-напросто облачный сон.

Король и Слыш подошли к трону. Облако как можно шире раскрыло свои русалочьи глаза.

Как ты уже знаешь, на спинке трона был королевский герб — золотое ведро с надписью: «Вода принадлежит королю».

Слыш, встав одним коленом на трон, с трудом, с усилием повернул тяжелое золотое ведро, так

что оно встало кверху донышком.

Послышался скрежет колес какого-то скрытого под полом механизма… Вздохи и скрип насоса. Слыш отскочил в сторону.

Королевский трон вместе с массивной мраморной плитой, на которой он стоял, поднялся вверх и отодвинулся в сторону.

Облако изо всех сил вытянуло шею. На том месте, где прежде стоял трон, открылась черная квадратная дыра. Послышался отдаленный грохот, перешедший в плеск и журчание. Король заглянул в черный колодец.

— Сюда, сюда, моя водичка! — пробормотал он, потирая руки. — Иди сюда, мое золотце! Все мечтают о тебе: сухие глотки, пересохшие кишки. Ты снишься всем: людям и птицам, собакам и деревьям. Но ты только моя, только моя!..

— Ваше величество, — озабоченно сказал Слыш, заглядывая в колодец через плечо короля. — Вы не замечаете, что воды с каждым годом становится все меньше? Подземный источник, после того как вы заперли его, роет себе новое русло. Он уходит все глубже и глубже под землю.

— А… — беспечно махнул рукою король. — Лет на сто воды хватит. Для меня и моего сына.

— А после?

— Что мне думать о том, что будет после? Лишь бы сейчас наполнить подвалы золотом.

Внизу в темноте блеснуло что-то похожее на жидкое зеркало. Оно поднималось все выше и выше, перелилось через край, волнами побежало по полу. Это была вода.

Она закрутилась водоворотами вокруг черных калош Слыша. Вода по пути сама распахнула двери. Она потекла из зала в зал и дальше, вниз по мраморной лестнице.

И тут Облако не выдержало. Оно забыло об осторожности и благоразумии.

— Вода! Вода! Вода! — закричало Облако и заплясало на своем русалочьем хвосте.

Но если беспечное Облако забыло обо всем на свете, то кое-кто соображал быстро и точно.

— Оно! — шепотом вскрикнул Слыш, указывая на Облако кривым пальцем.

В мгновение ока он дернул какой-то шнурок.

Двери захлопнулись. Задребезжали звонки. Послышался топот ног, лязг оружия.

Облако в растерянности взлетело к потолку и там повисло, обвившись хвостом вокруг люстры.

— Оно узнало мою тайну! — прохрипел король; было видно, что еще немного — и он начнет пускать пузыри.

Слыш быстро повернул золотое ведро на спинке трона. Трон и мраморная плита встали на место.

— Попалось, голубчик! — прошептал Слыш, переводя дух. — Тебе отсюда не выбраться. Превращайся в кого угодно, нас не запугаешь.

— Посмотрим! — воскликнула русалка и вдруг опустилась вниз густым туманом. Все скрылось из глаз. Туман был густой, как молоко.

— Где я? — блуждая в тумане, закричал король. — Я заблудился! Где мое королевство? Где мой трон? Слыш, ко мне!

— Я тут, ваше величество!

Слыш, вытянув вперед руки, бросился на королевский голос. Но, к сожалению, угодил пальцем прямо в глаз королю.

— Вы еще не знаете, какой я замечательный парикмахер! — гулко захохотал туман. Голос шел сразу со всех сторон — сверху, снизу, из всех углов зала. — Сейчас я вам устрою прелестные прически!

В тот же момент волосы Слыша и короля, потрескивая, встали дыбом. Жирный королевский кот вскочил на спинку кресла. Вся шерсть на нем взъерошилась самым необыкновенным образом. Он превратился в черный пушистый шар с двумя зелеными огнями. Кот жалобно замяукал, пуская

во все стороны искры.

— Нет, быть туманом — это не в моем характере! — послышался голос Облака. — Туман — это что-то жидкое, доброе и глупое. А мне хочется быть сейчас кем-нибудь страшным и кусачим…

И тотчас туман стал редеть, как будто молоко разбавили водой. Из тумана проступил трон, золоченые кресла, черные окна. Через мгновенье туман исчез.

И тут все увидели посреди зала огромного белого крокодила. Крокодил разинул зубастую пасть. Волоча брюхо по полу, извиваясь всем телом, он пополз на короля.

Король с ногами забрался на трон. Кот, шипя, повис на мягкой обивке кресла.

— Не пугайтесь, ваше величество! Это всего-навсего Облако, — задыхаясь, прошептал Слыш. — Серое, некультурное Облако. Оно умеет только летать над деревьями и поливать дождем убогие деревенские крыши. Я предложил ему сыграть в карты, но оно струсило и улетело. Уверяю вас, оно не умеет ни читать, ни писать. Оно даже не знает, что такое часы и для чего они…

— Я не знаю, что такое часы? — вне себя от возмущения рыкнул крокодил. — Да знаешь ли ты, что все башенные часы на свете мои друзья!

Я знаком с их стрелками. Я качался на их маятниках. А они рассказывали мне, что такое время и почему его нельзя остановить.

— Врешь, врешь, врешь! — прошептал Слыш. — Нашел дурака. Никогда не поверю. Вот часы. А ну-ка скажи, сколько времени?

— А вот и скажу!

— А вот и нет!

— А вот и да!

Из огромного камина посыпалась копоть. В черном облаке из трубы вывалился Сажа. Он шлепнулся прямо в золу. Из черного стал серым.

— Сюда! — крикнул он Облаку, протирая глаза и кашляя. — Улетай в трубу, спасайся!

Король схватил Сажу за руку:

— Я поймал шпиона!

Но так устроен мир, что ни один король на свете не может удержать за руку ни одного трубочиста. Сажа вывернулся и бросился к Облаку:

— За мной! Облако, миленькое, скорее!

— Сначала я докажу этому невежде, что он ничего не понимает в облаках! — Крокодил, возмущенно отдуваясь, пополз к часам.

Умные часы старого мастера затикали громко и взволнованно. Конечно, они хотели предостеречь Облако, предупредить об опасности.

Но, видно, Облако от обиды совсем потеряло голову.

— Сейчас ты увидишь, что такое настоящее Облако! — рычало оно. — Часовая стрелка прошла цифру три… Уф! Я докажу тебе! Теперь минутная стрелка… Погоди, погоди, дай подумать…

От усилия Облако само стало похоже на часы.

— Я даже сниму колпак, чтоб тебе было лучше видно! — Слыш на цыпочках подошел и снял стеклянный колпак, предохранявший часы от сырости.

Мудрые часы тревожно замолчали, а потом пробили тринадцать раз, что делают часы в самых исключительных случаях.

— Три часа двадцать пять минут. Что, видишь? — с торжеством воскликнуло Облако.

В этот момент Слыш шагнул к Облаку и ловко накрыл его стеклянным колпаком.

— Вот и все, ваше величество! — тихо и устало сказал Слыш. — Теперь займемся трубочистом.

Но Сажи нигде не было. Только из каминной трубы падали невесомые черные хлопья.

Облако закрутилось внутри тесного колпака. Побелело, как взбитые сливки. Его стрелки бешено закрутились, обгоняя друг друга.

— Ну и буду сидеть тут! Мне тут как раз очень

нравится! — крикнуло Облако. Голос его из-под колпака доносился глухо и слабо. — Все равно вы со мной ничего не сделаете!

— Ты так думаешь? — с наслаждением прошептал Слыш. Он сказал это совсем тихо. Но чем тише он говорил, тем лучше его было слышно. — А мы тебя заморозим!

— Откуда знаешь? — задрожало Облако.

— Да так… Сказало одно пьяное Облако, — небрежно сказал Слыш. Но в глазах у него загорелись злоба и торжество.

— Погибло… — простонало Облако. — Я так и знало, что в конце концов все кончится очень плохо…

Стрелки его остановились.

Глава 21
О том, как жаба Розитта очутилась на столе у Барбацуцы

Лоскутик плакала. Мало сказать, плакала, — она рыдала. Она рыдала уже пять часов подряд. Нос у нее распух, а веснушек стало в два раза меньше. Лоскутик затыкала себе рот ладонями, бросалась лицом в подушку, но не могла остановиться.

Над ней, воинственно сжав кулаки, стояла Барбацуца.

Она пробовала успокоить девочку, как ей казалось, самыми верными и надежными способами: несколько раз съездила ее по затылку, дергала то за одну косичку, то за другую. Но даже это не помогало.

Тогда Барбацуца схватила Лоскутика, повернула к себе и затрясла так яростно, что остается только удивляться, каким образом голова Лоскутика осталась на плечах, а не вылетела, например, в окошко.

— Говори, что случилось!

Лоскутик продолжала рыдать.

— Отвечай, негодяйка!

Лоскутик только заливалась слезами. Тут Барбацуца повела себя самым странным и неожиданным образом. Из груди ее вырвался хриплый стон. Она обхватила Лоскутика костлявыми руками, прижала к себе, задышала все чаще и чаще и вдруг тоже зарыдала:

— Пожалей ты меня, старуху… Не могу слышать, как ты плачешь! Не могу! Помираю! Хоть скажи, что случилось?

И вот тогда Лоскутик, не переставая плакать, рассказала ей о своей дружбе с Облаком, о Вермильоне и Саже. И о том, что Облако улетело во дворец и пропало.

Барбацуца оглушительно высморкалась в подол юбки.

— Что же мы сидим сложа руки? Бежим к этому Вермильону или как его там! Где моя шаль?

Барбацуца начала метаться по комнате, с удивительной ловкостью опрокидывая стулья и скамейки.

— Очень мне надо искать это Облако! — бормотала она. — Что такое Облако? Сырость, слякоть, пустота, так — пшик, и больше ничего! Ох, старая дура, с кем на старости лет связалась… С девчонкой и сыростью!

В стекло ударила горсть песка. Барбацуца распахнула окно.

— Не твой ли это художник? Волосы долгие, сам в краске.

Под окном действительно стоял художник Вермильон.

— А ну иди сюда, мазилка! Да поторапливайся! — крикнула ему Барбацуца.

Вермильон вошел в комнату. В руке он нес маленький клетчатый узелок. Собственно говоря, это был носовой платок, в котором что-то шевелилось.

Вермильон бережно положил узелок на стол, развязал его. В узелке оказалась жаба Розитта. Она хрипло и утомленно дышала. Живот ее раздувался и опадал. Глаза глядели встревоженно и серьезно.

— Что?! — завопила Барбацуца. — Жабу ко мне на стол?! Тьфу! Тьфу! Тьфу! Прочь эту гадость! Выкинь в окошко!

Барбацуца ухватилась за уголок платка и дернула изо всех сил, но Лоскутик успела подхватить жабу Розитту в воздухе. Прижала ее к груди:

— Это жаба Розитта! Она друг Облака!

— Ох я старая карга! — Барбацуца воздела руки к потолку с таким видом, как будто только по-

толок мог ее понять и посочувствовать. — С кем связалась! С девчонкой, с Облаком, мазилкой и жабой! Нет, пора из меня сварить бульон! Давно пора!

Жаба Розитта закашляла, заскрипела на руках у Лоскутика:

— Кхи… Кри… Пхи… Трр… Фр… Ква…

— Она говорит, — объяснила Лоскутик, — что никто ничего не знает. Летучие мыши все забыли, потому что слишком долго висели вниз головой. Ночной Философ его видел. Облако превратилось в занавеску и висело на окне. Но потом принесли лампу, и он больше ничего не мог разглядеть.

На окно сел черный голубь. Черный, как ворон. От его лап на подоконнике остались черные крестики.

— Это не мой голубь! Кыш! Пошел! — завопила Барбацуца.

— Это голубь Сажи! — воскликнула Лоскутик.

И правда, под окном стоял Сажа. Можно было подумать, что Барбацуца от ярости тут же разорвется на тысячу кусков.

— Я все думала, чего мне не хватает! Теперь я знаю. Трубочиста! Именно трубочиста! Нет, пора меня провернуть сквозь мясорубку и наделать из меня котлет!

— Можно я его позову? — взмолилась Лоскутик.

— Зови его, зови! — Барбацуца с мрачным видом скрестила на груди руки. — Мне уже все равно. Пусть сюда идут жабы, художники, жулики, пожарные, сороконожки и трубочисты. Не обращайте на меня внимания, прошу вас. Я просто начинка для пирогов, не более того.

Сажа вошел в комнату. Он был похож на скелет, к тому же выкрашенный черной краской. От ветерка, влетевшего в окно, он покачнулся.

— Ну что? Что-нибудь знаешь? — нетерпеливо спросила Лоскутик.

— Я пять дней сидел в трубе, — еле слышно сказал Сажа. — Я думал, уже навсегда пришла ночь. Я почти поверил в это. А кормил меня мой голубь. Воровал крошки на кухне.

— Вот тебе, вот! — Барбацуца с такой силой заехала самой себе по лбу, что на лбу тут же вздулась здоровенная шишка. — Связалась с девчонкой, плесенью, мазилкой и жабой! Тьфу! — Она со злобой посмотрела в сторону жабы Розитты. — Теперь еще корми голодных трубочистов!

Барбацуца бегом бросилась на кухню и через минуту вернулась с целым блюдом поджаристых пирожков.

— Ешь, ешь сейчас же! — закричала она.

— А Облако? Ты ничего не знаешь о нем? — с тоской спросила Лоскутик.

— Разве я не сказал? — Сажа печально посмотрел на девочку. — Они накрыли его стеклянным колпаком… А потом они сказали: «Мы тебя заморозим!»

Жаба Розитта подняла голову и с отчаянием квакнула. Из глаз ее выкатились две прозрачные слезы.

Вермильон в отчаянии отвернулся.

— Все пропало… — прошептала Лоскутик. — Больше я его никогда не увижу, мое Облако…

В комнате наступило молчание. Так молчат люди, когда приходит большое горе и когда ни один не знает, чем утешить другого.

— А я знаю! — вдруг закричала Барбацуца. — Как же я сразу не догадалась? Почему стража у погреба? Почему пушки? Почему никого даже близко не подпускают? Значит, оно там, это ваше сокровище!

— А там нет трубы? Хоть самой узкой? — наивно спросил Сажа. Он все вертел в руке пирожок, так и не надкусив его.

— Скажешь тоже, обгорелая ты спичка! — презрительно фыркнула Барбацуца. — Если труба,

так должна быть печка. А какие в леднике печки?

— А может быть, все-таки можно как-нибудь?.. — с отчаянием сказала Лоскутик.

— Никаких «как-нибудь»! — резко ответила Барбацуца. — Туда никого не пускают. Ясно?

— А если вы попробуете?

— И пробовать не буду!

— Но…

— И не проси! — отрезала Барбацуца. — Говорят тебе, ничего сделать нельзя! Об этом Облаке надо забыть.

Глава 22
Может ли король есть манную кашу, сваренную на воде?

На кухне было жарко, как в аду. Лица у поваров были ярко-малиновые, у поварих — красные, у поварят — розовые.

Только Лоскутик была зеленовато-бледной. Барбацуца в первый раз взяла ее с собой во дворец. Лоскутик со страхом смотрела на огромную плиту. Плита шипела и пыхтела, как дракон, у которого вместо голов были кипящие кастрюли и брызжущие жиром сковороды.

Король готовился к пиру.

— Мы будем сегодня праздновать, — объявил король своим придворным, — но праздновать неизвестно что. То есть я-то, конечно, знаю, что именно, но вам это знать совсем не обязательно. Мы будем сегодня пить вино за что-то и радоваться чему-то. А кто не захочет радоваться вместе с нами, прямиком отправится в тюрьму.

Итак, в духовке вздыхали воздушные пироги, подрумянивались надетые на вертела бесчисленные индейки и утки, что-то очень интересное

нашептывал шоколадный торт, коричневые пузыри вздувались и лопались. Из каждого лопнувшего пузыря вылетало сразу по крайней мере пятнадцать прекраснейших ароматов.

Поэтому нет ничего удивительного, что на крышах всех городских домов сидели драные коты и кошки, повернув чуткие носы в сторону королевской кухни. Они жмурились и облизывались.

— Дорогая Барбацуца! — сказал главный повар, на цыпочках подходя к ней. — И все-таки самое главное блюдо должны приготовить именно вы. Вы должны сварить вашу божественную манную кашу. Для этого уже привезли пять бидонов молока.

Барбацуца заглянула во все пять бидонов. С недоверчивым видом понюхала молоко. Потрясла над бидоном руками. Затем зачерпнула поварешкой молока из одного бидона, отхлебнула немного да вся так и передернулась.

— Оно же кислое! — прорычала она.

Попробовала молока из второго, вся сморщилась:

— И это кислое!

Попробовала из третьего, из четвертого…

— Что вы мне подсовываете? Это же простокваша!

Во всех пяти бидонах оказалось скисшее молоко.

Главный повар встревожился не на шутку.

— Что такое? Отчего оно могло скиснуть? — спросил он, немного бледнея.

— «Отчего, отчего»! — передразнила его Барбацуца. — Какую жарищу развели! Я сама тут чуть не скисла, не то что молоко!

Главный повар побледнел окончательно.

— Дорогая Барбацуца, я немедленно прикажу всем королевским коровам подоиться еще раз. Будьте спокойны, я их заставлю. Молоко будет.

— А оно опять скиснет, — ехидно ухмыльнулась Барбацуца. — Нет, придется сегодня сварить манную кашу на воде.

— На воде?! — Не только глаза, но и стекла очков у главного повара стали испуганными. — Да ни один король на свете никогда не ел манной каши на воде!

— А нашему сегодня придется ее отведать. Ничего не поделаешь. Каша на воде…

— Нет, нет, не говорите этих страшных слов! Неужели ничего нельзя придумать?

— Ничего! — решительно рявкнула Барбацуца.

— Но все-таки, умоляю вас!

— Нет, нет, сделать ничего нельзя. Хотя, впро-

чем…

— Что? Что? Да говорите же!

— Если принести… Да нет, это невозможно.

— Нет, дорогая Барбацуца, вы все-таки скажите!

— Если принести из погреба льда и поставить молоко на лед, тогда оно не скиснет.

Повар отступил на несколько шагов и отчаянно замахал руками:

— Это невозможно! Вы же прекрасно знаете, в погреб никого не пускают!

— Так я вам все время и твержу, что невозможно. Просто я сварю кашу на во…

— Не говорите этих ужасных слов! — вскричал повар. — Моя заливная рыба! Она получится слишком нервной. Мои взбитые сливки! Они будут взволнованы. А король терпеть не может взволнованных взбитых сливок!

— Что поделаешь, каша будет на…

— Хорошо! Я попробую. Начальник королевской стражи — мой троюродный брат. Это такой души человек — благородный, отзывчивый, бескорыстный…

— Дело ваше, — равнодушно сказала Барбацуца и отвернулась. Но она так стиснула руку Лоскутика, что чуть ее не сломала.

— Сам спущусь в погреб, принесу ведро льда. — Главный повар со вздохом обмотал горло теплым шарфом, потуже натянул на уши свой поварской колпак.

— Иди, иди, голубчик! — Барбацуца захохотала так оглушительно, что шоколадный торт, слабо охнув, осел несколько набок.

— А что? Что? — встревожился главный повар.

— А то, что во льду тоже надо разбираться. Синий лед слишком холодный, молоко перемерзнет. Желтый — слишком быстро тает. Зеленый брать нельзя ни в коем случае — он бывает ядовит, особенно в конце месяца…

— Барбацуца! — взмолился главный повар. — Не в службу, а в дружбу: сходите сами. Я в этом ничего не понимаю.

— Ни за что! У меня и так нос заложен. — Барбацуца угрожающе затрубила носом.

— Прошу вас!

— Все кости ломит. Ночью ноги так и сводит.

— Умоляю!

— Кашель мучит! — Барбацуца вся затряслась от кашля.

— Заклинаю!

— Ладно уж, — нехотя согласилась Барбацуца.

— Не знаю, как благодарить вас, милая Барбацу-

ца! — с облегчением воскликнул главный повар.

Он поспешно схватил десяток жареных уток, фаршированного индюка, двух поросят и огромную рыбину на серебряном блюде.

— А это для кого? — насмешливо спросила Барбацуца.

Главный повар немного смутился.

— Мой троюродный брат… Он такой бескорыстный… Но знаете ли, не любит, когда к нему с пустыми руками…

И, накинув себе на шею еще три связки колбас, главный повар покинул кухню.

Глава 23
Облако, где ты?

Назад на кухню главный повар явился уже налегке, даже без серебряного блюда. Его костюм был весь в жирных пятнах. Пятно на животе было похоже на индюка, пятно на левом боку напоминало поросенка, на правом — утку.

— Какой милый, бескорыстный человек!.. — сказал он, потирая сальные руки.

— Поторапливайся, девчонка! Пойдешь вместе со мной! — закричала Барбацуца и наградила Лоскутика крепким подзатыльником.

Схватив пустое ведро и толкая перед собой Лоскутика, она вышла из кухни.

Погреб имел вид осажденной крепости. Среди мирных кустов розовых и чайных роз с угрожающим видом чернели жерла пушек. Пахло порохом и тлеющими фитилями.

Привалясь спиной к груде ядер, начальник королевской стражи с наслаждением обсасывал индюшачью ногу.

Барбацуца прошла мимо стражников, нарочно хватила пустым ведром по лафету пушки. На

двери погреба красовался новый здоровенный замок.

Начальник королевской стражи вставил в него ключ и с трудом повернул скользкими от жира пальцами.

Барбацуца выхватила из рук стражника зажженный фонарь, стала спускаться вниз по крутой лесенке. Лоскутик, боясь отстать, поторопилась за ней. Лоскутик спускалась вслед за мигающим огоньком и огромной тенью Барбацуцы. Позади, икая от сытости, топал начальник королевской стражи.

Спускаться пришлось долго. Сырость поползла по ногам, поднялась до живота, добралась до макушки. Лоскутик услышала идущий откуда-то снизу дробный стук, как будто два десятка дятлов молотили носами по крепкой сосне.

«Откуда тут дятлы?» — удивилась Лоскутик.

Но это были не дятлы. Это были четыре стражника, которые, громко стуча зубами от холода, сидели на корточках вокруг зажженной лампы.

Они грели об нее руки. Их огромные лапищи, обхватившие лампу, просвечивали насквозь, были красными и прозрачными.

Барбацуца бесцеремонно растолкала их, ногой распахнула тяжелую дверь, обитую медью. Бар-

бацуца и Лоскутик вошли в огромный ледяной подвал. Свет лампы, сверкая, побежал по острым ледяным глыбам. В дальних углах зашевелилась вспугнутая темнота.

Куски льда громоздились, как прозрачные горы, крепости, башни, нависали, как тяжелые мосты из хрусталя. На стенах ледяные узоры, стрелы, игольчатые звезды. Дрожь пробежала по спине Лоскутика. Но совсем не от холода. Только сейчас поняла она, как трудно будет ей тут отыскать Облако.

— Набирайте… ик… льда, да поскорее! — воскликнул начальник королевской стражи. — Там наверху у меня остался… ик… индюк и пол дюжины… ик… уток. А эти пушкари такие нахалы…

— Иди… — шепнула Лоскутику Барбацуца.

Лоскутик принялась переворачивать одну за другой тяжелые, скользкие ледяные глыбы.

— Скорее! — злился начальник королевской стражи. — О!.. Они уже… ик… хрустят моими косточками, то есть косточками моих уточек!

Руки у девочки окоченели от холода. Она в кровь изрезала их об острые края ледяных глыб.

«Мне не найти тут Облако и за целый год…» — в отчаянии подумала Лоскутик.

Наверно, Барбацуца подумала то же самое.

— Идем отсюда. Ничего не выйдет… — шепнула она.

Лоскутик упрямо затрясла головой:

— Не уйду без Облака… Лучше замерзну…

Барбацуца посмотрела на девочку, кивнула и вдруг тихо улыбнулась.

«Улыбается!.. — не поняла Лоскутик. — Улыбается — сейчас?»

— А ну убирайся отсюда! — зарычал начальник королевской стражи, грубо хватая Лоскутика за плечо.

Но, видимо, плохо он знал Барбацуцу.

Барбацуца подскочила и с размаху надела ему на голову пустое ведро. Кулаком изо всех сил стукнула по донышку, и оглушенный начальник королевской стражи, кроткий, как ягненок, уселся на пол.

— Скорей! — крикнула Барбацуца Лоскутику.

Лоскутик в отчаянии оглянулась по сторонам.

И вдруг в наступившей тишине ей послышался негромкий храп и сонное посапывание.

Она изо всех сил навалилась на тяжелый кусок льда, откинула его в сторону, принялась раскидывать ледяные глыбы, сваленные одна на другую. Из ее пальцев сочилась кровь, но она не обращала на это внимания.

В самой глубине она увидела кусок льда, очень странный на вид. Он был похож на часы. На очень старинные часы с обломанными стрелками.

Лоскутик наклонилась над ним. Она услышала слабый стон.

— Нашла! — вне себя от радости прошептала Лоскутик.

— Лентяйка! — завопила Барбацуца. — Все кишки мне заморозила!

Лоскутик прижала к себе ледяные часы. Ссыпала в карман передника ледяные стрелки и вывалившиеся из часов прозрачные колесики и пружинки.

Барбацуца бросила ей на плечи свою шаль, прикрыла ледяные часы. Сдернула с головы начальника королевской стражи его необыкновенный шлем. Не глядя, накидала полное ведро льда.

Начальник королевской стражи, ничего не понимая, послушно побрел за ними, качаясь и стукаясь плечами о стены на узкой лестнице.

Около погреба стражники складывали кучами пушечные ядра. Они с трудом удерживали их жирными пальцами. Губы и щеки у стражников масляно блестел и. А жареные утки, индюк и поросенок бесследно исчезли.

— Опять голубей не накормила, бездельница, лентяйка! — страшным голосом закричала Барбацуца. — Марш домой!

Лоскутик бросилась бегом по дорожке.

Барбацуца подхватила с земли камень и швырнула Лоскутику вдогонку. Но камень почему-то полетел совершенно в другую сторону. Лоскутик поплотней закрыла шалью Облако.

По ее животу текли ледяные струйки. Солнце жарило вовсю, но Лоскутик промерзла до костей. Она испугалась, что холод доберется до ее сердца и оно перестанет биться.

Облако становилось все легче. Оно шевельнулось, сонно вздохнуло, потом начало сладко зевать, потягиваться. Вдруг Лоскутик почувствовала холод вокруг шеи — это Облако выпростало руки из-под шали и обняло ее.

Лоскутик робко подошла к высоким чугунным воротам. Разомлев от жары, привалившись к воротам, сидели Рыжий Верзила и Рыжий Громила.

— Стой! — крикнул Рыжий Громила.

— Брось… — вяло пробормотал Рыжий Верзила.

— Она что-то прячет под шалью, — подозрительно заметил Рыжий Громила.

— Это Барбацуцына девчонка. Не связывайся с ней. Послушайся доброго совета, — с трудом разлепив залитые потом веки, лениво сказал Рыжий Верзила.

— Что у тебя под шалью? — зарычал Рыжий Громила.

— Оставь девчонку в покое, — зевнул Рыжий Верзила, снова закрывая глаза.

Рыжий Громила за плечо притянул к себе Лоскутика. Он сунул руку ей под шаль и тут же выдернул.

— Ну и холодище! — воскликнул он с удивлением. — Ничего там нет, а холодно, как в животе у лягушки!

Лоскутик быстро проскользнула в ворота.

Она пересекла площадь Одинокой Коровы и знакомыми улочками побежала к дому Барбацуцы.

Там с беспокойством и нетерпением ее ожидали Вермильон, Сажа и жаба Розитта.

Глава 24
Что может случиться, если нечаянно наступить на лимонную корку

Барбацуца с торжественным видом заявилась на кухню с полным ведром льда. Две скромные румяные девушки внесли бидоны с молоком. Барбацуца ударила ногой по ведру, ведро опрокинулось, лед рассыпался по полу.

— Вы сошли с ума, дорогая Барбацуца! — в испуге воскликнул главный повар. — Что вы делаете? Молоко опять скиснет!

— Не скиснет, — загадочно сказала Барбацуца. — Думаешь, молоко глупее тебя? Нет, милый, ему достаточно знать, что на кухне есть лед.

И действительно, на этот раз молоко и не подумало скиснуть. Густой белой струей оно потекло в кастрюлю. Барбацуца вскарабкалась на табуретку.

Никогда еще она не варила манную кашу с таким вдохновением. Повара и поварята испуганно прилипли к стенам. В клубах пара лицо Барбацуцы то сжималось, то растягивалось. Как бешеная вертелась поварешка. Барбацуца даже

что-то напевала. Это было потрясающе. Никто никогда не слышал, чтобы она пела.

Как ты уже знаешь, мой читатель, троюродный брат главного повара был начальником королевской стражи. Но у главного повара имелся еще двоюродный брат. Этот двоюродный брат был морским разбойником.

Главный повар, слушая песню Барбацуцы, даже струхнул немного. Эта песня живо напомнила ему самую кровожадную песню пиратов.

— Каша готова! — воскликнула Барбацуца и швырнула в угол поварешку.

О, какая это была каша! Она напоминала крем, взбитые сливки, горячее мороженое, морскую пену — все что хотите, только не обыкновенную манную кашу.

Барбацуца в изнеможении сползла с табуретки. Главный повар под руку довел ее до двери, и Барбацуца отбыла к себе домой.

— Я должен попробовать мой сладкий соус, — усталым, но успокоенным голосом сказал главный повар. — Не слишком ли он взволнован…

Он направился к плите, где в кастрюльке кипел и загадочно булькал сладкий соус. Но беда может случиться с каждым. Даже с главным поваром. И

где угодно. Даже на совершенно безопасном пути к плите, где в кастрюльке кипит сладкий соус.

Итак, повар не сделал и трех шагов, как, наступив на что-то ногой, с грохотом растянулся на полу.

— Кто это подстроил? Кто хотел, чтобы я упал? — зарычал он, с трудом вставая на ноги и держа в руке половинку выжатого лимона.

В кухне стало тихо. Только сковороды и кастрюли беспечно о чем-то своем болтали на плите.

— Я знаю! — неожиданно пискнул самый маленький поваренок.

Звали его Перецсоль. Он еще ничего не умел делать. Он только подавал поварам перец и соль, когда они были им нужны. Перецсоль пискнул: «Я знаю!» — и тут же пожалел об этом.

Все на него посмотрели. От страха маленький Перецсоль весь сжался. Если бы он мог, он спрятался бы в свой собственный поварской колпак, который был больше его самого.

— Говори!

— Это та старушка, которая варила манную кашу! — прошептал несчастный Перецсоль.

— Барбацуца?

— Она резала лимоны пополам и выжимала в

бидоны с молоком…

— Врешь! Оторву уши!

— Правда! — пищал Перецсоль, весь вспотев от страха. — Выжмет — и швырк под лавку.

Главный повар, встав на колени, сам полез под лавку. Там кучкой лежали выжатые лимоны.

— Ничего не понимаю… — в полном недоумении развел руками главный повар. — От лимонного сока молоко тут же скисает. Зачем бы ей это? А сама просила льда…

Тут главный повар быстро зажал себе рот ладонью. Молча дикими глазами оглядел всех. Его высоченный колпак сам собой немного приподнялся — это волосы на голове главного повара встали дыбом.

Ни слова не сказав, он выбежал из кухни.

Глава 25
Что помешало Облаку рассказать до конца свой сон

Облако сидело на кровати и громко чихало. Оно было похоже не поймешь на кого. Голова Лоскутика с косичками в разные стороны, длинные руки Слыша, на животе часовая и минутная стрелки. Из-под одеяла торчали рыбий хвост с чешуей — это было все, что осталось от русалки.

— Ап-чхи! — вовсю чихало Облако, и в нем дребезжал гром, как чайная ложка в треснутом стакане.

— Будь здорово! — хором говорили Сажа и Вермильон.

Жаба Розитта сидела в суповой миске, куда была налита вода, и с блаженным видом таращила выпуклые глаза.

Лоскутик — от радости рот до ушей — поила Облако чаем с малиновым вареньем.

— Пей, пей, пока не остыло, — уговаривала она Облако.

В комнату, рыча, влетела Барбацуца.

Выбила чашку с чаем из рук девочки, сорвала

с постели одеяло и бросилась на Облако. Она попробовала ухватить Облако за руку, потом за хвост, но, как ты прекрасно понимаешь, это было совершенно невозможно.

— Ой, щекотно!.. — извивалось и хихикало Облако.

— Как?! — вопила Барбацуца. — Ведь его и нет вовсе! Из-за этого пустого места столько суматохи?!

— Ап-чхи! — чуть не разорвалось на части Облако.

— Чихает… — изумилась Барбацуца и тяжело плюхнулась на стул. — Ох и устала же я…

— Главное, я теперь знаю… ап-чхи… — возбужденно говорило Облако, — источник под королевским троном в главном зале. Надо его… ап-чхи! Я хочу сказать, надо его выпустить на волю. Тогда река наполнится… ап-чхи… водой. Трава разбежится по всему королевству. Деревья опять научатся зеленеть. Цветы вспомнят… ап-чхи… как надо цвести!

— Но согласится ли король? — робко спросила Лоскутик.

— С тех пор как Облако помогло мне раздобыть пять кошельков золота, я снова начал писать портреты, — задумчиво сказал Вермильон. — Но

теперь богачи не заглядывают ко мне. Я стал рисовать простых людей. Вы знаете, это гораздо интереснее. Сквозь одно лицо у них не просвечивает другое. В них все настоящее: отвага и честность. Я написал портрет Великого Часовщика. Каждая его морщинка говорит о мудрости. Я познакомился с оружейниками. Я писал кузнецов, освещенных блеском раскаленных углей. Все они смелые люди. Они не будут просить у короля милости. Они будут требовать.

Барбацуца прыгнула вперед и вцепилась в плечи Вермильона.

— Пусть мои друзья простые повара и пекари, — закричала она, — но они кочергой и поварешкой до полусмерти исколотят твоих дурацких оружейников!

— Дорогая Барбацуца, — улыбнулся художник, — нет никакой нужды вашим друзьям нападать на моих друзей.

— Это я сказала, чтобы ты не очень-то задирал нос, — проворчала Барбацуца.

— Мы все должны объединиться, тогда королю придется уступить, — сказал Вермильон.

В это время Облако раскашлялось с такой силой, что голова и руки у него оторвались и некоторое время, кашляя и чихая, плавали под потолком,

пока наконец не смогли соединиться снова.

— Что смотришь? — набросилась Барбацуца на Лоскутика. — Укутать его надо потеплее. Горло завязать. Горчичники ему надо поставить, вот что!

— Горчичники? — заинтересовалось Облако. — Клянусь громом, я буду первым Облаком, которому поставили горчичники! Пожалуй, я не прочь…

— Сначала надо смерить ему температуру. Градусник! Где градусник? — закричала Барбацуца.

Градусник почему-то отыскался в корзине для белья. Барбацуца занесла его над Облаком, как кинжал.

— Сейчас же поставь градусник! Да где у этого дрянного Облака подмышка? Отвечай, где у тебя подмышка?

В конце концов градусник положили на постель. Облако прилегло сверху, но в тот же миг градусник разлетелся на тысячу мельчайших осколков.

— Ой! У него сто градусов! — испугалась Лоскутик.

Барбацуца засуетилась:

— Врача ему, лекаря! А какого? Почем я знаю, кто облака лечит? Может, ветеринара позвать?

— Не беспокойтесь… — томно простонало Об-

лако, которому на самом деле очень нравилась эта суматоха. — Ну, задело я градусник молнией, и все…

— Ах ты, притворяла! — обрушилась на него Барбацуца. — Никакой сырости у этой совести! Ох, мозги врозь! Никакой совести у этой сырости. И эта лягушка небось не кормлена. — Барбацуца ткнула пальцем в жабу Розитту, сидевшую в суповой миске. — Тьфу! Эй, вы! Все до одного! Живо марш за мухами!

Сказав это, Барбацуца бросилась сама ловить мух. Поднялся звон и грохот.

В погоне за мухами Барбацуца уронила два стула и сломала табуретку. Разбила вдребезги любимую вазочку, в которую она мечтала когда-нибудь поставить хоть один-единственный цветок. В конце концов Барбацуца, проклиная все на свете, тяжело дыша, упала в кресло.

Тем временем Вермильон и Сажа наловили по окнам мух.

Жаба Розитта деликатно съела пять мух и одного комара.

— Ква… Кхи… Кхи… Ква… Ква… Пхи… Пши… — вежливо прохрипела жаба Розитта.

— Чего это она? — строго спросила Барбацуца. — Ничего не поняла, ни словечка.

— Она говорит, — объяснила Лоскутик, — что в старости надо думать о возвышенном, а не о мухах.

— Тьфу ты, лягушка, а туда же… — сказала Барбацуца и с уважением посмотрела на жабу Розитту. — Спроси у нее, может, она кофейку хочет?

— Ква… Кхи… Ква… Ква… Тхи… — благосклонно кивнула головой жаба Розитта.

Барбацуца потрясла Лоскутика за плечо:

— Ну-ка растолкуй, что она там квакает! Как мне теперь узнать: хочет она кофе или нет?

— Жаба Розитта говорит, что не откажется выпить чашечку кофе в такой приятной компании, — сказала Лоскутик, потирая плечо.

— А какой мне сон приснился, когда я лежало в ледяном подвале!.. — Облаку показалось, что на него обращают слишком мало внимания. — Мне приснилось, что я уснуло на цветах и меня съела большая облачная корова. Когда ее стали доить, я превратилось в облачное молоко. Это было очень интересно… Нет, нет, вы слушайте, что было дальше. Дальше еще интересней. Я попало к столяру и прилипло к табуретке, намазанной столярным клеем…

Но Облаку не удалось рассказать до конца свой

удивительный сон. В это время в дверь Барбацуцы застучало сразу двенадцать кулаков.

Глава 26
Бочка смолы

Итак, в то время как все наши друзья сидели в маленькой комнатушке под крышей и Облако рассказывало им свои сны, в дверь заколотила сразу дюжина кулаков.

Барбацуца высунулась из окна. Сверху она увидела только железные шлемы и пики, как будто у нее во дворе расположился торговец оружием со своим товаром. На самом деле весь крошечный двор возле ее дома был забит вооруженными стражниками. Из переулка слева выехал отряд конной стражи. Из улочки справа вывезли три здоровенные пушки. Отовсюду к дому Барбацуцы валил народ. Барбацуца так страшно зевнула, что передние ряды стражников попятились.

— Чего это вы заявились ко мне в гости без приглашения? Да еще не дали мне вздремнуть после обеда!

— Нам все известно, Барбацуца! Все твои штучки с лимонами! — взвизгнул главный повар, который тут же прямо из горлышка флакона глотал успокоительные капли.

— Эй, Барбацуца, выдай нам девчонку и Облако! — грозно крикнул начальник королевской стражи. — Тогда король простит тебя!

— Я скорее сама из себя сварю суп, чем отдам вам такую девчонку и такое славное Облако! — отрезала Барбацуца и захлопнула окно.

Главный тюремщик забежал за угол и сказал Лоскутику, которая как раз в это время выглянула из окна:

— Милая сиротка, бедная крошка! Выдай нам эту дрянную старуху и это никому не нужное Облако! За это король подарит тебе настоящих живых маму и папу!

Но Лоскутик вместо ответа только высунула язык. Помощник главного тюремщика, который мечтал сам стать главным тюремщиком, а главного тюремщика сделать своим помощником, обежал дом с другой стороны и крикнул мелькнувшему в окне Вермильону:

— Эй, художник, выдай нам Облако, старуху и девчонку! Тогда наш король объявит тебя самым лучшим художником в королевстве!

Но художник только погрозил ему кулаком.

Сажа, решив получше разглядеть, что творится около дома, нырнул в камин, без труда через дымоход выбрался на крышу и уселся на трубе.

— Трубочист! — тихо позвал его главный советник Слыш.

Конечно, Слыш тоже был тут. Ты бы сразу его заметил. Он стоял около кареты в своих вечно черных калошах. Он заговорил совсем тихо. Но его услышали все, даже старый, оглохший трубач, живущий за три улицы от дома Барбацуцы.

— Выдай нам Облако, старуху, девчонку и художника! Я прикажу тебя позолотить с ног до головы. Ты будешь единственный золотой трубочист на свете.

— Можешь позолотить свои калоши! — крикнул ему Сажа и показал длинный нос.

Облако разделилось на четыре части и выглянуло сразу из четырех окон.

— Ого, кажется, нас окружили… — озабоченно пробормотало Облако. — Жаль, что я не научило Лоскутика летать. Она такая хорошая и добрая, что, может быть, и могла бы этому научиться… Так, так… Что же придумать?

— Эй, Лоскутик! — крикнуло Облако. — Поскорей выпусти всех голубей Барбацуцы!

— Ах ты, мокрое место, туман, сырость, слякоть!

Ты еще распоряжаешься в моем доме! Кто здесь хозяйка: ты или я?

И Барбацуца принялась изо всех сил тузить Облако кулаками. Ее кулаки проходили прямо сквозь Облако, и оно не обращало на это ни малейшего внимания. Оно о чем-то сосредоточенно думало, нахмурив лоб.

Наконец Барбацуца больно ушибла кулак о спинку стула, тяжело дыша, она опустила руки.

Тем временем белоснежные голуби Барбацуцы вылетели из голубятни и принялись беспорядочно кружиться над крышей.

Сажа пронзительно свистнул и громко позвал:

— Чумазик, Чумазик, ко мне!

Невесть откуда появился черный, как уголь, голубь. Он доверчиво уселся на плечо маленького трубочиста.

— Милый мой Чумазик! — торопливо сказал Сажа. — Ты умница и верный друг. Теперь вся надежда на тебя. Смотри не подведи…

Облако сверху навалилось на Сажу и Чумазика, что-то невнятно прошептало. Но, видно, голубь все понял, он старательно кивнул круглой головкой.

Чумазик тенью мелькнул в окне, и только черное перышко, кружась, упало на подоконник.

Быстро взмахивая крыльями, он полетел над городом. Все голуби Барбацуцы устремились

вслед за ним.

— Взломать двери! Их надо взять живыми или мертвыми, — приказал Слыш. — Лучше живыми…

Из толпы вышел оружейник. Тяжелый меч воткнул в землю, руки сложил на рукоятке меча.

— Мы хотим знать, в чем виноваты двое детей, старуха и художник, — старым, усталым голосом спросил оружейник.

— В тюрьму его… — прошептал Слыш.

Десять стражников бросились на старика, схватили его. Но десять молодых оружейников оторвали от старика их цепкие руки и швырнули стражников на землю.

— Мы виноваты лишь в том, что знаем королевскую тайну! В этом, и больше ни в чем! — завопила Барбацуца, высовываясь из окна.

— Выбить двери! — крикнул начальник королевской стражи.

Но перед дверью, как из-под земли, выросла толпа пекарей, гончаров и ткачей.

— Зарядить пушки!

Но кузнецы и оружейники оттеснили пушкарей от пушек. Они повернули тяжелые пушки и направили их на стражников. И тут Слыш прошептал странное слово: Смола…

Никто не успел опомниться.

Рыжий Громила и Рыжий Верзила, согнувшись, выкатили откуда-то небольшую черную бочку. Охнув, подняли ее и ударили об угол дома.

Бочка, хрустнув, раскололась. Густая, липкая смола облепила стену, стала сползать вниз. Рыжий Громила через головы стоящих швырнул горящий факел. И в тот же миг стена дома разом вспыхнула. Оранжевое пламя рванулось кверху. Закружилась косматая, черная копоть.

— Пожар, пожар! Я боюсь! — вскрикнул тонкий детский голос.

В королевстве, лишенном воды, пожар был самой большой бедой. Пожаром пугали непослушных детей.

А пламя словно догадалось, что оно здесь хозяин, что все перед ним бессильны. Оно охватило вторую стену, крыльцо и дверь.

— Эй, люди! — крикнула Барбацуца, размазывая по щеке черную копоть. — Знайте: король украл у вас воду! Вы слышите? Великий источник во дворце! Под королевским троном!

— Заставьте ее замолчать! — прохрипел Слыш.

Расталкивая стражников, к горящему дому бросились плотники. Они несли топоры, волокли длинные лестницы.

— Куда?! Назад! — заорали стражники.

Все смешалось на маленьком дворике Барбацуцы. С хрустом завалился забор, упали ворота. Замелькали кулаки. Слышен был только треск ломающихся пик и удары сабель о молоты каменотесов.

Стражников оттеснили в узкую улочку, приперли к стенам. Тотчас с четырех сторон к пылающему дому плотники прислонили длинные лестницы. Кузнецы, передавая с рук на руки, спустили вниз Лоскутика и Сажу.

По другой лестнице сошел вниз художник Вермильон, держа жабу Розитту, завернутую в клетчатый носовой платок.

Барбацуца помедлила, стоя на подоконнике. Она скрестила на груди руки. Оглянулась, посмотрела внутрь горящего дома. Там гудело и выло пламя.

— Барбацуца, иди сюда! — плача крикнула Лоскутик.

Последним вылетело из дома Облако. От копоти оно стало полосатым и пятнистым. Плотники рубили топорами горящие бревна, растаскивали их в разные стороны, засыпали песком.

Оружейники окружили Слыша, начальника королевской стражи и главного тюремщика.

Пекари и ткачи разбирали оружие, в страхе брошенное стражниками.

Но пламя уже охватило весь дом. Плясали рыжие языки огня, и на каждом была шапочка копоти. Крыша дома с грохотом завалилась. Во все стороны полетели искры и красные головешки.

Задымилась и вспыхнула соломенная крыша на маленьком доме, куда недавно перебрался старый мастер зонтиков. Потом загорелся крытый иссохшей дранкой дом бедной кружевницы. Сухое дерево вспыхнуло легко и сразу. Горело жарко, разбрасывая снопы искр.

Облако бросалось прямо в огонь, выпускало из себя струи воды. Оно сморщилось, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух, с трудом взлетело вверх, кашляя от дыма.

Теперь уже полыхали все дома вокруг. Дымились и тлели дальние крыши. Оружейники и плотники отшвырнули стражников от колодца. Но добраться до воды было не просто. Колодец до самого верха был забит камнями. Со всех сторон к горящим домам бежали люди. Они несли воду. Последнюю воду. Кто на дне ведра, кто в кувшине, кто в маленькой кружечке.

Но разве кружкой воды можно потушить пылающий город?

Глава 27
Молния старой бабки Грозовой Тучи

— Ха-ха-ха! — загремела Барбацуца. — Гляньте-ка на Слыша! Сейчас он уползет под карету!

Все посмотрели на Слыша. Слыш, прислонившись спиной к карете, сползал вниз. Он присел на корточки, съежился так, что его лицо очутилось между поднятых колен.

Он смотрел вверх с ужасом, яростью и изумлением. И тут только люди увидели, как потемнело небо над их головами. Как будто вдруг, внезапно наступил вечер.

На город наползала темная, тяжелая туча, волоча лиловые лохмотья по крышам домов. Внутри ее что-то мрачно погромыхивало, будто она тащила за собой сундуки, набитые медной посудой, встряхивала их и стукала друг о друга.

— Остановить! Прекратить! Запретить! — во весь голос закричал Слыш.

И хотя он кричал первый раз в жизни, его никто не услышал.

— Капелька! — зазвенел вдруг детский голосок. — Мама, мне на нос с неба упала капелька.

И тут будто кто опрокинул большое, во все небо, ведро. Потоки воды с шумом, плеском полились на пылающий город.

— Ах ты, негодное Облако! Вечно от тебя нет покоя старой бабке! — раздался рокочущий, грохочущий голос откуда-то сверху.

И вдруг сверкнула яркая молния. На миг она остановилась в небе, как серебряное дерево. Все осветилось дрожащим, мерцающим светом. Молния вонзилась прямо в острую кровлю дворца. А вслед за ней огромная сизая рука кинула в окно дворца пригоршню шаровых молний, горящих, как круглые лампы.

Вскрикнули все люди на площади, схватились за руки, чтобы удержаться на ногах.

Главная башня дворца покачнулась, наклонилась и рухнула. Гул прокатился по земле. И все увидели, как из груды развалин вырвался светлый фонтан воды и поднялся до самой тучи. Это бил в небо освобожденный Великий Источник.

Грохот смешался с треском и криками. И сейчас же ливень хлынул с новой силой. Вода пригнула книзу языки пламени. Огонь шипел, извивался, корчился, прятался в густых клубах дыма. Но вода настигала его, сбивала с крыш, с мокрых бревен до тех пор, пока нигде не осталось ни одного

красного уголька.

Тут дождь пошел еще веселее.

Люди выскакивали из домов. Они протягивали вверх руки, и вода сбегала по их рукам до самых плеч. Седые старики выходили из дверей. Они вспоминали детство, и дождь смывал слезы с их щек.

Ребятишки запрыгали по лужам, поднимая фонтаны брызг. Можно было подумать, что дождь идет сверху и снизу, с земли. Мокрые голуби, кружа над домами, взмахами крыльев разогнали дым.

И тут все увидели, что на площади нет ни главного советника Слыша, ни начальника королевской стражи, ни главного тюремщика, ни солдат. Можно было подумать, что потоки дождя смыли этих злых людей, как дождь смывает с мостовой мусор и грязь.

И правда, больше никто и никогда их не видел. Видно, великий ливень так их напугал, что они убежали невесть в какие дальние страны и уже не посмели вернуться.

Дождь неплохо отмыл маленького трубочиста. Оказалось, что волосы и брови у него совсем белые, даже мокрые они были светлыми.

— Ах ты, дрянь такая! — набросилась Барбацу-

ца на Лоскутика. — Спалила-таки свое платье! Добилась своего! Придется покупать тебе новое.

Но Лоскутик только крепко прижалась к Барбацуце и поцеловала ее в закопченную щеку.

— Вот тебе! Вот тебе! — послышался гулкий, катящийся по земле голос.

Сквозь падающий дождь все разглядели старую бабку Грозовую Тучу, которая таскала за ухо бедное Облако. Она дергала его из стороны в сторону:

— Будешь еще не слушаться старую бабку? Будешь летать куда не следует? А как надо, голубей за мной посылаешь?! «Помогай, старая бабушка, выручай!» А?!

Облако с отчаянными воплями приплясывало на одной ноге.

— Отпусти его! Сейчас же отпусти! — закричала Барбацуца, подпрыгивая изо всех сил и тыча кулаками вверх. — Вы все бессовестные! Бросили нас, не прилетали! Только оно помогло нам! Так что нечего трепать ему уши!

Видимо, слова Барбацуцы произвели впечатление на старую бабку Грозовую Тучу, она, ворча и сердито клубясь, отпустило Облако.

Облако, потирая ухо, которое стало больше колеса, бросилось к Лоскутику.

— Какое поразительное лицо у вашей уважаемой бабушки! — с восхищением сказал Вермильон Облаку. — О, если бы она согласилась мне позировать… С каким наслаждением я написал бы ее портрет!

Между тем толпа окружила наших друзей. Люди подняли их на плечи и понесли. Барбацуца брыкалась, как могла, и молотила кулаками по чьим-то головам. Но старый оружейник шепнул ей:

— Тише, тише, дорогая Барбацуца! Разве ты забыла, что я сватался за тебя пятьдесят лет назад? А когда ты мне отказала, я так и не женился.

Барбацуца съездила его по затылку, но брыкаться все-таки перестала.

Пять оружейников, три ткача, семь пекарей и мастер зонтиков бережно понесли невесомое Облако. Здоровенный кузнец посадил на одно плечо Сажу, а на другое — Лоскутика.

И только жаба Розитта попросила оставить ее в луже и дать ей хоть немного прийти в себя и отдышаться.

— Мне хочется немного отдохнуть от суматохи и подумать о вечности… — заявила она. — О том, как из икринки получается головастик, как он превращается в лягушку и все идет своим чере-

дом. А потом я прискачу на ваш праздник.

А дождь все шел и шел. Все промокли до нитки, но никто не хотел, чтобы он кончался. На площади Одинокой Коровы под дождем танцевал Один-Единственный Нищий, а в мастерской Великого Часовщика звонили от радости все его умные часы.

Толпа остановилась на старом мосту. Люди перегибались через перила, смотрели вниз. По сухому дну, между голых пыльных камней, робко бежал мутный ручеек. Но люди смотрели на него, как на чудо.

А воды все прибывало. Скоро уже вода забурлила между камнями. Закрутилась водоворотом вокруг свай моста.

— Это моя вода! Моя! — закричал дядюшка Буль, по колено входя в реку.

Глаза у него были пустые и мертвые. Он начал хватать воду руками, но она убегала у него между пальцами. Вода поднялась уже ему по самую грудь.

— Все мое!.. Никому бесплатно не дам ни одной капли, ни одной капельки! — бормотал он.

— Он сошел с ума от жадности и злобы, — сказали люди.

И женщины отогнали мальчишек и запретили

им дразнить сумасшедшего. Наконец все пришли на Дворцовую площадь. Ворота в парк были широко открыты. Девушки нарвали полные корзины цветов. Они плели венки и бросали их в реку.

— Нет, больше я не могу сидеть на одном месте! Никогда в жизни так не уставала… — проворчала старая бабка Грозовая Туча, вылетая из окна мастерской художника Вермильона.

Но Вермильон уже закончил портрет.

Он был счастлив. Правда, он сидел почти по пояс в воде. Вся штукатурка на стенах и на потолке размокла и обвалилась. Но портрет получился очень похожим. Старая бабка Грозовая Туча была на портрете как живая.

Этот портрет и до сих пор висит в городском музее. Если ты, дорогой читатель, когда-нибудь попадешь в этот город, обязательно загляни в музей и посмотри на портрет старой бабки Грозовой Тучи. Не пожалеешь!

— Ну, пора прощаться! — громыхнула старая бабка Грозовая Туча, появляясь над площадью.

— Не улетай! — крикнула Лоскутик, обнимая Облако.

— Ох уж эти мне прощания! — Старая бабка Грозовая Туча сердито дернула Облако за руку и

подняла его в воздух. — Сейчас оба начнут ныть и проливать дождик!

— Прощай, Лоскутик! — крикнуло Облако, стараясь вырвать руку из лиловой лапищи своей бабки.

Рука Облака все удлинялась и удлинялась, но старая бабка Грозовая Туча все-таки уводила Облако за собой.

Слезы лились из глаз Облака прямо на Лоскутика.

— Я побегу за тобой! — плача, закричала Лоскутик.

Но Барбацуца крепко ухватила ее за руку.

— Пусти же меня, пусти! — попробовала вырваться Лоскутик.

— Девчонки не бегают по всей земле за облаками, — печально сказала Барбацуца. — Так не бывает.

— Когда ты прилетишь опять? — крикнула Лоскутик.

— Теперь облака будут часто прилетать в вашу страну! — уже издали ответило Облако.

— А ты? Ты прилетишь? — изо всех сил крикнула Лоскутик.

— Прилечу… Прилечу… — донес до девочки ветер.

— Я буду ждать… — прошептала Лоскутик. — Я буду думать о тебе всю жизнь, каждую минуту…

Барбацуца так крепко обняла ее, что у Лоскутика на спине скрипнули лопатки.

Дождь кончился. Только звонко падали крупные капли с крыш. И каждая капля, падая, говорила какое-то короткое, непонятное, но очень веселое слово.

Старая бабка Грозовая Туча на лету обернулась. Она пошарила в бесчисленных складках своего серого плаща и вытащила оттуда какой-то полосатый и сверкающий шарф. Встряхнула его за конец и бросила в воздух.

И тотчас над городом изогнулась дугой сияющая радуга.

Она перекинулась мостом над толпой, над мокрыми, умытыми крышами города, над рекой, по которой плыли, сталкиваясь и кружась, венки цветов.

Астрель и Хранитель Леса

Моей невестке Астрид,
вдохновившей меня на образ
принцессы Астрель,
посвящается эта сказка

Глава 1
Домик, нарисованный на асфальте. И главное: загадочное письмо

Волшебник Алеша сидел за столом и в глубокой задумчивости глядел на лежащее перед ним письмо.

Солнце светило прямо в окно, и, хотя волшебник Алеша плотно задернул шторы, все равно яркие лучи проникали сквозь тонкий желтый шелк и слепили глаза. Крепкий чай в стакане казался красным, золотом горел кружочек лимона.

Чай давно успел остыть, а волшебник Алеша все сидел, подперев щеки кулаками, и разглядывал письмо, лежавшее перед ним на столе.

Письмо было написано на небольшом клочке сероватой, совсем тонкой, почти прозрачной бумаги с неровными краями. Уголки бумаги загнулись, как у сухого кленового листа.

Загадочное письмо! Откуда оно взялось? Волшебник Алеша просто терялся в догадках. Утром его не было, это точно. Потом волшебник Алеша пошел в магазин купить себе что-нибудь на обед, а заодно коту Ваське молока. А когда он вернулся

— письмо лежало на столе.

«Какой странный почерк, — подумал волшебник Алеша. — Буквы такие узкие, хрупкие, как будто озябли. И еще, похоже, тот, кто писал это письмо, очень торопился...»

А написано было вот что:

«Всем, всем добрым волшебникам!

Поскорее придите в наш город. Если нам никто не поможет, случится большое несчастье. Обойдите стороной королевский дворец и разыщите башню Ренгиста Беспамятного. Вам каждый покажет. Только не удивляйтесь, что дверь не скоро откроют. Пожалуйста, не уходите, подождите у дверей. Потому что тетушка Черепаха спускается по лестнице очень медленно. Неужели, неужели вы не придете?»

Внизу стояла подпись: Астрель. А с краю, совсем маленькими буквами, потому что места почти уже не осталось, было еще приписано: принцесса Сумерки.

Волшебник Алеша еще раз перечитал письмо. Сердце почему-то сжалось от страха за этих неизвестных ему людей, от страха и сочувствия. Да, это был призыв о помощи. Но какой-то безнадежный, полный покорной тоски. Как будто тот, кто писал, уже больше ни во что не верил, ни на что

не надеялся.

Кот Васька лежал на диване и, не мигая, смотрел на волшебника Алешу поблескивающими глазами. Смотрел кот Васька на волшебника Алешу снисходительно, с видом превосходства, как часто смотрят взрослые на ребенка.

«Что за манера, право! — с раздражением подумал волшебник Алеша. — Глядит, можно сказать, свысока. Как будто умнее меня. Или знает, чего я не знаю. И я должен почему-то это терпеть. А кто он такой, собственно говоря? Еще недавно был всего-навсего нарисованный кот. Просто рисунок. И если бы я его не оживил, так бы и висел до сих пор на стене под стеклом в рамочке».

Да, друзья мои, не удивляйтесь, волшебник Алеша оживил нарисованного кота! А случилось это вот как. Волшебник Алеша очень любил детские рисунки. Одна стена в его комнате с полу до потолка была завешена всякими детскими картинками. И вот однажды Вася Вертушинкин из сорок восьмой квартиры принес ему в подарок нарисованного кота. И этот кот так понравился волшебнику Алеше, что он взял и оживил его.

И опять-таки, ничего тут нет особенного. Потому что настоящему волшебнику оживить нарисованного кота, можно сказать, пара пустя-

ков: прочел заклинание и оживил.

— Никто без меня не приходил? — спросил волшебник Алеша кота Ваську. — Ну, пока я в магазин ходил.

— Не… — равнодушно отозвался кот Васька. — Никто. А-а, соседка забегала. Спрашивала, нет ли у нас морковки для супа. Я ей сказал: не знаю, не интересуюсь я вашими морковками.

Так. Значит, письмо никто не принес. В таком случае откуда же оно все-таки появилось у него на столе? Астрель… Принцесса Сумерки. Да, это какая-то сказка. Но волшебник Алеша не знал такой сказки, никогда не читал.

Тем временем солнце зашло. Небо стало бледно-серым, листья ясеня под окном теперь казались совсем черными, и в комнату вошла тишина.

«Всем, всем добрым волшебникам! Поскорее придите в наш город. Если нам никто не поможет…» — в который раз прочел волшебник Алеша и вдруг с изумлением увидел, что тонкая бумага письма как будто тает в вечернем воздухе, узкие буквы становятся зыбкими, еле видными, как паутинки. И все письмо постепенно исчезает. Мгновение еще можно было разглядеть загнутый уголок бумаги, но вот и он пропал из глаз. Письмо словно растворилось в серых сумерках.

В мягком вечернем свете волшебник Алеша еще отлично видел стакан с чаем, шариковую ручку, тюбик клея, старинную книгу в кожаном переплете. Но таинственное письмо исчезло.

Необъяснимо, невероятно. Волшебник Алеша крепко зажмурился, взглянул снова: письма не было.

Волшебник Алеша бессильно уронил руки на стол, и вдруг что-то еле слышно зашуршало под его пальцами. Что-то невидимое. Волшебник Алеша поспешно нажал кнопку настольной лампы, теплый круг света уютно лег на стол. Так вот же оно, загадочное письмо! Лежит себе, как и лежало.

Волшебник Алеша погасил лампу, письмо снова исчезло.

«Да, ясно одно: письмо исчезает в сумерках, — с волнением подумал волшебник Алеша. — Но в таком случае… Принцесса Сумерки… Нет ли тут какой-то закономерности, скрытой связи? Как вы считаете? О, несомненно!..»

— В сказку, что ли, собрался? — Кот Васька проницательно прищурил глаза. — Вижу, вижу! Одного не пущу, не надейся. Наделаешь там глупостей.

— Ох, дал я тебе волю, совсем распустился! —

строго прикрикнул на него волшебник Алеша. — Помолчи, пожалуйста, не мешай.

Вдруг из голубого термоса, стоявшего на полке, вырвалась темная струйка дыма, поднимаясь к потолку. С треском и шипением посыпались колючие искры. Постепенно из густых клубов дыма проступили могучие плечи, огромная голова в полосатой чалме.

Да, это был джинн! Впрочем, опять-таки чему тут удивляться? Ведь у каждого волшебника есть свой собственный настоящий живой джинн.

«Как всегда, забыл закрыть термос, — досадуя на себя, подумал волшебник Алеша. — И вот теперь изволь с джинном объясняться».

— И я с тобой в сказку! — азартно воскликнул джинн, но тут же добавил с сомнением: — А как же телевизор? Сегодня такой фильм интересный. А еще я хотел покататься на лифте. Вверх-вниз… Обожаю… Нет уж, в сказку когда-нибудь в другой раз… Спокойной ночи, о повелитель!

Джинн смущенно вздохнул, скрестил на груди руки и превратился в туманное облако под потолком. Мгновение… и тонкой струйкой он исчез в термосе.

Старинные часы в углу гулко и протяжно пробили, напоминая, что время уже позднее.

— И правда, спать пора. Все равно ничего путного не вычитаешь, — недовольно проворчал кот Васька.

Волшебник Алеша ничего не ответил — так был занят своими мыслями.

Он лег на диван и укрылся пледом. Кот Васька тут же пристроился у него в ногах, повозился немного, ища в складках пледа самое уютное, самое приятное местечко, чтоб было тепло и удобно. Потом вздохнул и затих.

«Астрель… Принцесса Сумерки… — уже засыпая, подумал волшебник Алеша. — Интересно, какое там время года? Оденешься потеплей, так непременно угодишь в жарищу. А то придется стучать зубами от холода. Нет, на всякий случай обязательно теплый шарф и свитер. Ну что ж…»

Проснулся волшебник Алеша оттого, что кот Васька лапой гладил его по щеке.

— Все спишь и спишь, тоже нашел время, — с обидой сказал кот Васька. — Я уже сколько дел сделал. Во двор сбегал. Всем рассказал, и кошке Мурке, и ребятам, что мы с тобой сегодня отбываем не куда-нибудь, а в самую удивительную сказку. Давай вставай и ставь чайник. Ведь от тебя, пока ты чаю не напьешься, толку никакого.

Волшебник Алеша сел, спустил ноги на пол,

провел ладонями по лицу.

— Смотри, лопнет мое терпение, — сказал он, зевая. — Вчера тоже мне нагрубил. Твое счастье — не до тебя было. А собираюсь я в сказку или нет, вот уж это тебя совершенно не касается. Ты-то уж, во всяком случае, останешься дома. Мало ли что меня там ждет, а тут еще беспокойся, как бы с тобой чего не случилось. Ведь сам отлично знаешь, это здесь я волшебник, а в сказке я просто человек, как все.

— Тем более я с тобой. — Кот Васька с важным видом вскинул голову. — Умный совет подать, все объяснить, что да как. Пропадешь там без меня, как мышонок.

— Нет, каков нахал! — Волшебник Алеша даже не сразу нашелся от возмущения. — Да чтоб я больше слова не слышал об этом! Останешься дома как миленький! Будешь доставать газеты из почтового ящика и поливать цветы. А если еще раз нагрубишь, смотри, отправлю обратно в рамочку, будешь висеть на стене.

— Ха-ха!.. — развязно начал было кот Васька, но, увидев, как сурово сдвинулись брови волшебника Алеши, благоразумно исчез под диваном. Превратиться снова в нарисованного кота? Нет уж, спасибо! Этого кот Васька боялся больше

всего на свете.

Волшебник Алеша поглядел на стол с тайной надеждой, что никакого письма нет, может, просто приснилось, померещилось… Но нет, письмо на тонкой бумаге, почти невесомое, по-прежнему лежало на столе, и залетевший в форточку ветер играл его загнутым уголком.

Кот Васька чем-то гремел на кухне, видимо, пытался зажечь газ и поставить чайник.

«Ни за что не возьму его с собой, — окончательно решил волшебник Алеша, — ну совсем от рук отбился».

Итак, в сказку! Как попасть в сказку — дело известное. Достаточно нарисовать ключ волшебным мелом на любой двери. И все. Потом открой эту дверь, шагни… И вот ты уже в сказке.

Но вот беда: нарисовать ключ на двери можно только один раз. Второй раз нарисуешь — дверь просто не выдержит волшебного напряжения, рассыплется в пыль, в прах.

Итак, какую же выбрать дверь? Волшебник Алеша в задумчивости оглянулся. Он уже побывал в стольких сказках… Пожалуй, все двери в его квартире уже сослужили свою службу. И дверь в ванную, и дверь в переднюю, и даже вот эта дверца книжного шкафа, плотно набитого ста-

ринными книгами, с потемневшими от времени корешками.

— А вон и мой пушистый Вертушинкин! — с нежностью проговорил кот Васька. Он сидел на подоконнике и смотрел на улицу. — И Катя с ним, конечно. Вася Вертушинкин! Вот человек! А рисует как! Как меня нарисовал, а? Великий художник, можно сказать!

И кот Васька с довольным видом оглядел свои лапы и хвост.

— Нет, вы только посмотрите, какой домик нарисовал на асфальте мой Вертушинкин! — продолжал восхищаться кот Васька. — Какая крыша! А на крыше труба, и из нее дым. А какое окошко! Чудо что за окошко! Я уж не говорю о крылечке. В жизни не видел такого крылечка! Клянусь! А дверь? Да где вы еще такую найдете? Лучшая на свете дверь!

— Дверь? — заинтересовался волшебник Алеша и шагнул к окну.

На улице как раз под его окном Вася Вертушинкин цветными мелками рисовал домик на асфальте. А возле него стояла Катя и по привычке закручивала на палец кончик косы. Бант, аккуратно завязанный у нее на затылке, сверху казался большой коричневой бабочкой, которая

вот-вот взмахнет крылышками и улетит.

— Дверь! Отлично! То, что мне нужно! — вскричал волшебник Алеша. — Шарф, теплый свитер!..

Он поспешно стал натягивать свитер, от нетерпения не попадая в рукава и стараясь сообразить, что еще может пригодиться в дороге.

Он рассовал по карманам всякие мелочи: расческу, шариковую ручку, носовой платок.

Старинные часы как-то особенно настойчиво и громко пробили десять раз, словно напоминая ему, чтобы он ничего не забыл.

— Спасибо, — повернувшись к часам, поблагодарил волшебник Алеша.

Ну конечно же! Мел, волшебный мел. Он разыскал его в старой коробочке из-под чая, завернул в обрывок бумаги, сунул в карман. Теперь, кажется, все.

— Подходи к телефону, спрашивай, кто звонит, не смотри целый день телевизор! — Волшебник Алеша погрозил пальцем коту Ваське и торопливо вышел из квартиры.

Круглая кнопка звонка возле двери на миг превратилась в маленькую вертлявую птичку.

— Возвращайся скорее, нам без тебя скучно, — тоненько пропищала птичка. И добавила застенчиво и совсем тихо: — Мы тебя любим…

И тут же снова превратилась в кнопку звонка.

Волшебник Алеша быстро захлопнул дверь, чтоб кот Васька за ним не увязался, и побежал вниз по лестнице.

Но как вы думаете, друзья мои, кто был первый, кого он увидел на улице? Ну конечно же, это был кот Васька. Что такое запертая дверь для отважного, любящего приключения кота? И для чего, собственно, существует форточка? Ловкий прыжок, потом пройтись по карнизу до соседнего балкона. А там уже лапой подать до пожарной лестницы. И вот, пожалуйста, через полминуты ты во дворе.

Когда волшебник Алеша подошел к ребятам, кот Васька что-то хвастливо и возбужденно говорил им, привстав от волнения на задние лапы.

— Вот увидите… Мы сейчас… Да волшебник Алеша без меня…

— Дядя Алеша, а мы? Можно и мы с вами? — словно сговорившись, вместе сказали Катя и Вася Вертушинкин, с мольбой глядя на волшебника Алешу.

Волшебник Алеша покачал головой. Конечно, взять с собой в сказку таких славных и надежных ребят было бы очень неплохо, но вот вопрос: в какую сказку они попадут, что их там ждет. Нет,

это было слишком опасно, слишком рискованно.

— Исключено, — твердо сказал волшебник Алеша. Но тут же улыбнулся, обнял Васю Вертушинкина за плечи. — Вот что, мои дорогие, у меня к вам просьба, причем очень серьезная. Не удивляйтесь. Я сейчас войду в дверь этого домика, нарисованного на асфальте. А ты, Вася, должен все время подновлять рисунок. Следить, чтоб его не стерли, не затоптали. Понятно? Иначе я не смогу вернуться обратно. Катя, а ты последи, пожалуйста, чтоб он не забыл. Мало ли, человек в футбол заиграется, в кино пойдет… Так что смотрите, дело ответственное.

— Ответственное! — повторил Вася Вертушинкин. Видно было, что это его немного утешило.

— А ему можно с вами? — негромко спросила Катя, указывая на кота Ваську.

— Конечно нет, — решительно отрезал волшебник Алеша. Он вообще был сердит на кота Ваську за его распущенный и нагловатый тон. — Как всегда, одни выдумки и хвастовство.

Кот Васька возмущенно фыркнул. Говорить с ним таким тоном в присутствии Васи Вертушинкина! Разве это не оскорбительно?

Волшебник Алеша наклонился и попытался взяться за нарисованную ручку нарисованной

двери. Однако из этого ничего не вышло. Волшебник Алеша только почувствовал шероховатость асфальта и сухость пыли на пальцах.

— Ах да! Я же забыл нарисовать ключ волшебным мелом, — спохватился волшебник Алеша.

Он достал из кармана заветный кусочек мела, присел на корточки и, отбросив за плечо конец шарфа, нарисовал старинный ключ с затейливыми завитушками.

Волшебник Алеша, стараясь унять стук сердца, взялся за ручку нарисованной двери. Он почувствовал, что воздух под его пальцами как бы сгустился, постепенно твердея и принимая форму гнутой дверной ручки. Он ухватил ее покрепче, потянул на себя, сначала слабо, нерешительно, потом сильней. Но дверь не поддавалась, как будто ее давно не открывали.

Волшебник Алеша поднатужился, дернул изо всех сил и вдруг… В асфальте появилась длинная черная щель. Дверь открывалась все шире и шире с негромким, каким-то особым таинственным скрипом. Все больше становился черный провал в асфальте, ведущий куда-то глубоко вниз.

— Темнотища какая! Даже я, кот, а и то ничего не вижу! — перегнувшись через край, испуганно пискнул кот Васька. — Я туда и за сто мышей не

полезу!

— На самой дороге копают! Не смотрят, что люди ходят! — возмущенно воскликнула проходившая мимо старушка в лиловой шляпке и с досадой махнула зонтиком.

— Так ты не забудь домик, нарисованный на асфальте… — стараясь казаться спокойным, сказал волшебник Алеша.

— Н-не забуду, — заикаясь, прошептал Вася Вертушинкин.

— Не забудем! Ой, ой, дядя Алеша! — Катя от волнения закусила кончик косы. — Не надо, не ходите туда!

Волшебник Алеша осторожно спустил ногу в темноту открывшейся двери, нащупал что-то твердое: не то камень, не то ступеньку. Да, вниз уходила лестница. Вот еще одна ступенька и еще одна.

— А если люди туда попадут, кто отвечать будет? — не унималась сердитая старушка в лиловой шляпке, ожесточенно стуча зонтиком по асфальту.

Алеша спустился еще ниже, обеими руками поддерживая тяжелую дверь. И вдруг он не то споткнулся, не то просто дальше не было ступенек, но он почувствовал под ногами пустоту,

почувствовал, что падает, проваливается куда-то вниз… Дверь с грохотом захлопнулась у него над головой, и вместе с ней исчез свет.

Глава 2
Сказочный город. И главное: мост Зевни-Во-Весь-Рот

— Ап-чхи! — чихнул волшебник Алеша. Он сидел на земле, весь окутанный клубами желтовато-рыжей пыли. Пыль жгла глаза, першило в горле.

Волшебник Алеша протер глаза. Пыль оседала слоями, редела. Он увидел удаляющуюся карету, спину кучера, сидевшего на высоких козлах, поднятую руку с кнутом. Тускло блеснуло в пыли стекло кареты.

Мимо прошел старик в коротких залатанных штанах, в полосатых чулках. На голове — высокая шапка.

Приземистые дома с крутыми черепичными крышами тесно жались друг к другу.

«Сказка…» — почему-то с тоской подумал волшебник Алеша. Он с трудом встал, потирая ушибленный локоть.

Что-то заставило его оглянуться назад. На стене, сложенной из грубо отесанных камней, он увидел нарисованную цветными мелками дверь.

Изогнутую дверную ручку, замочную скважину.

Дверь эта показалась ему такой родной, спасительной, манящей…

Всего-то нарисовать волшебным мелом ключ и… Но нет! Нечего раскисать, не для того он сюда явился.

«И ребята такие славные, не подведут… — подумал он. — Это уж точно. Надежные ребятки».

Из травы выкатился кто-то рыжий с вытаращенными зелеными глазами. Встряхнулся, подняв желтоватое облачко пыли, и вдруг превратился в полосатого кота Ваську.

— Ты-то тут как очутился, голубчик? — ахнул волшебник Алеша. — Я же тебе строго-настрого…

— А я и не хотел! А я и не собирался! — захлебнулся от возмущения кот Васька. — А та старуха в шляпе, чтоб ей десять собак приснилось, взяла да как пихнет меня зонтиком. Я и полетел неведомо куда!

— Что же мне с тобой, братец, делать? — озабоченно потер лоб волшебник Алеша. — Надо же, какая незадача. Сам знаешь: волшебную дверь можно открыть только дважды — один раз, чтоб войти в сказку, второй — чтоб вернуться домой, назад. И все. Тут уж, братец, ничего не поделаешь. Но ведь ты и сам просился со мной. Так и

получилось…

Волшебник Алеша подхватил кота Ваську на руки, погладил, прижал к себе, чувствуя, как утихает дрожь испуганного зверька, мягкими становятся лапы, втягиваются когти.

— А интересно, коты тут есть? — полюбопытствовал кот Васька. — А что они пьют? Ну не воду же, быть такого не может. Наверно, молоко, как все порядочные коты.

— Все узнаем, все скоро узнаем, — рассеянно сказал волшебник Алеша. — Значит, так. Для начала мы с тобой должны разыскать башню Ренгиста Беспамятного. Это самое главное.

Волшебник Алеша пошел по теневой стороне узкой улочки. Он заглянул в открытое окно низкого домика. Всюду на полках, на лавках рядами стояли туфли, башмаки с пряжками. Звездочкой сверкнула золоченая шпора на высоком сапоге.

Возле окна сидел пожилой человек, быстро и ловко прибивая каблук к башмаку.

«Надо бы спросить… Но как трудно в первый раз заговорить в сказке, — подумал волшебник Алеша. — Потом легче, но в первый раз…»

— Скажите, пожалуйста, — чуть дрогнувшим голосом спросил волшебник Алеша, наклоняясь к окну, — как пройти к башне Ренгиста Беспа-

мятного?

— Э, отсюда далековато будет, не близкий путь, — не поворачивая головы, ответил сапожник. — Иди все прямо, прямо, через мост Зевни-Во-Весь-Рот, потом…

— Через мост… Как вы сказали? — с изумлением переспросил волшебник Алеша.

— Через мост Зевни-Во-Весь-Рот, — загоняя еще один гвоздь в каблук, повторил сапожник. Голос у него был спокойный, будничный. — А там спросишь…

Волшебник Алеша дошел до конца улицы.

Откуда-то потянуло влажной прохладой, донесся негромкий разговор воды. Волшебник Алеша увидел изогнутый мост над быстрой, круто бурлящей рекой.

Навстречу шла молодая женщина, бедно, но опрятно одетая. Она тащила за руку сонного мальчугана.

— А-ах! — сладко зевнул малыш, запрокинув голову. Волшебник Алеша увидел его розовый язычок.

— Вот, зевнул, пришлось заплатить денежку, — с ласковым упреком сказала женщина.

— И ты, мама, тоже зевнула, — малыш бочком привалился к ней. — На ручки хочу…

— Так я один раз только, а ты… — Мать взяла разморенного усталостью ребенка на руки.

Волшебник Алеша с удивлением проводил их глазами. Но тут на него налетел человек с влажной, не просохшей еще рыболовной сетью, перекинутой через плечо. Человек широко зевнул и даже зажмурился.

— А-ах!.. — сонно зевнула высокая женщина в темном платье, споткнулась и чуть не выронила из рук румяный круглый каравай хлеба.

Волшебник Алеша ступил на мост.

— А-ах!.. — широко зевнул молодой гончар. К его холщовой рубахе прилипли комочки глины. Он нес в руках два расписных кувшина с витыми ручками. Шедшая рядом с ним девушка тоже зевнула, старательно прикрыв рот ладошкой.

Зевали все люди на мосту.

«А-ах!» — слышалось отовсюду.

Зевки как будто носились в воздухе, перелетая от одного человека к другому.

Все прохожие, которые шли ему навстречу, зевали так заразительно, что удержаться не было никакой возможности.

— А-ах!.. — зевнул волшебник Алеша.

— Зевнул! Зевнул! — послышался злорадный голос, и кто-то цепко ухватил за рукав волшебни-

ка Алешу. — Зевнул — плати денежку. Денежку плати!

Волшебник Алеша увидел тощего человека с изможденным лицом. Веки его припухли, глаза покраснели, словно от долгой бессонницы. Его дорогой костюм из серого бархата был весь измят и покрыт пылью.

Человек в сером зябко ежился и не переставая зевал. Но его быстрый взгляд жадно следил за всеми, кто шел по мосту.

— Нет у меня денег, — растерянно проговорил волшебник Алеша, глядя, как все проходившие по мосту неохотно совали человеку в сером мелкие монеты.

Кот Васька, сидевший на плече волшебника Алеши, потянулся и тоже уютно зевнул.

— И за кота плати! — взвизгнул серый человек.

Волшебник Алеша отступил назад, не зная, что ему делать.

Мимо прошла старушка, закутанная в темный платок. Тихонько зевнула, прикрыв рот уголком платка. Человек в сером подскочил к старухе и грубо сдернул платок с ее седой головы. Та вздохнула и сунула ему в руку тусклый медяк.

— Ишь исхудал-то, в чем душа держится, — с

укоризной покачала головой старушка. — Все забросил: родной дом, семью. Так и живешь тут на мосту, как пес на цепи. А все жадность проклятая. Боишься, пройдет бедняк какой-нибудь и не отдаст тебе последний грош. Помяни мое слово: плохо ты кончишь. Сгубит тебя твоя жадность. Посмотри, весь иссох, кожа да кости. Ведь не спишь совсем. Оттого так и зеваешь, что хочешь не хочешь, а поглядишь на тебя, ни за что не удержишься — зевнешь!

— И буду зевать, и буду! — Человек в сером потряс тугим кошельком. С наслаждением прислушался. — Звенят мои милые, монетки мои! Век бы слушал… Даже спать расхотелось. Всех вас, бродяг, вижу, всех! Никого даром не пропущу!

Человек в сером повернулся к волшебнику Алеше, исподлобья посмотрел на него красными, воспаленными глазами.

— А ну плати! Не то стражу кликну! — с угрозой прошипел он.

Волшебник Алеша понял, что серый человек не пропустит его.

Поневоле он повернулся и сошел с моста. А вдогонку ему неслись сонные, усталые зевки и звяканье монет.

— Всего-то пустяк — перейти мост, а вот попро-

буй перейди… — Волшебник Алеша со вздохом посмотрел на далекий берег реки. — Как мне туда перебраться? Я должен, мне просто необходимо найти башню Ренгиста Беспамятного…

Глава 3
Заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное: Астрель, принцесса Сумерки

Астрель подошла к окну.

Солнце, уже не золотое, а багрово-красное, тяжело опускалось за Олений лес. Вот солнце коснулось верхушки высокой ели, и острая верхушка, как черная стрела, вонзилась в его жарко пылающую середину.

Словно оплавленные огнем, горели нижние края облаков.

Астрель посмотрела вниз. Широкие мраморные ступени дворцовой лестницы полукругом спускались в сад. На каждой ступени по два стражника. Дальше у чугунных витых ворот — тоже стража. Стражники стояли опершись на алебарды, лениво поглядывали по сторонам.

Было тихо. Король уехал на охоту в Олений лес. Затих заливистый лай собак, ржание коней, резкие повелительные окрики. Вместе с королем ускакали оба принца, Игни и Трагни. За ними свита, слуги, заносчивые, наглые.

Солнце совсем ушло за Олений лес, и лишь

в одном месте, словно раздвинув густую хвою столетней раскидистой ели, сверкал последний пучок лучей. А внизу уже скапливались густые, глубокие тени. Белые и желтые розы словно плавали в темной листве.

«Это мой час…» — подумала Астрель.

Она подошла к высокому зеркалу. Гладкое прохладное стекло отразило бледное лицо. Большие, родниковой прозрачности глаза, нежный рот. Слишком длинные, тяжелые, словно влажные, ресницы. Тонкие зеленовато-серебристые волосы падали на узкие плечи, зыбкими прядями лились вниз. Капельками ртути слабо мерцали туфельки.

Астрель тихо вздохнула, глядя на себя в зеркало. Ее лицо, серебристое платье, стянутое узким поясом, все меркло, таяло, словно растворялось в вечернем воздухе. Мелькнули две темные точки — зрачки ее глаз.

Какое-то время Астрель еще видела в зеркале что-то туманное, еле уловимое, гаснущее с каждым мгновением. На миг ей показалось, что в воздухе повисли прозрачные нити дождя. Или это были ее волосы? Но вот и это исчезло. Из зеркала на нее смотрела пустота. Астрель, как всегда, туго переплела пальцы на руках, стиснула

изо всех сил.

— Я — здесь. Вот она я. Только меня не видно, — прошептала Астрель.

Она приложила руку к сердцу. Сердце билось часто и сильно. Резкие удары стучали в ладонь.

— Не бейся так… — попросила Астрель. — Меня не должны ни видеть, ни слышать.

Астрель приоткрыла дверь. Торопливо сбежала по лестнице. Мягкий ковер глушил шаги. Залы наполнены глубоким вечерним полумраком. Астрель замерла. Мимо прошел придворный, хитро и недобро улыбаясь каким-то своим мыслям.

Снова лестница, и вот, наконец, высокая двустворчатая дверь, а за ней приглушенные голоса стражников.

Астрель обеими руками толкнула дубовую дверь. Неслышно шагнула через порог.

— Сквозняки… — проворчал один из стражников и пнул дверь ногой так, что она с грохотом захлопнулась.

Астрель, затаив дыхание, на цыпочках стала спускаться по широким ступеням.

— Что это стучит? Вот так: тук-тук — и замрет? — оглядываясь, спросил высокий стражник.

— И вправду, словно дождь стучит, — откликнулся другой.

Это испуганно стучало сердце Астрель. Она быстро сбежала со ступеней.

Розы слабо светились в густой листве. Ей показалось, что они поворачиваются и следят за ней.

«Нет, они меня не выдадут», — подумала Астрель.

Теперь осталось только незаметно пройти мимо стражников, охраняющих ворота, и она на воле.

Астрель вошла под высокую темную арку ворот. Вдруг под ее ногой скрипнул камешек.

— А? — испуганно вскинулся верзила-стражник.

— Стой! Кто идет?

Он опустил алебарду и перегородил проход. Астрель подобрала юбку, гибко наклонилась и с быстротой белки проскользнула под древком алебарды.

— «Стой! Кто идет?» — передразнил его второй стражник. — Глаза протри. Кто тут? Ты да я. Кого еще видишь?

Тем временем Астрель летела по улицам, задыхаясь, не оглядываясь. Ей надо было спешить. Через час во дворце зажгут свечи, и тогда…

Она взбежала на крутой и высокий мост Зевни-Во-Весь-Рот.

Человек в сером вздрогнул, услышав ее быстрые шаги. Он повел головою вправо, влево, но никого не увидел и принялся снова, шевеля губами, пересчитывать медяки. Астрель торопилась знакомым путем.

Вот и башня Ренгиста Беспамятного. Старая, полуразрушенная и заброшенная. Высоко в тусклом небе еще четко были видны осыпающиеся, источенные непогодой и временем зубцы. Астрель забарабанила кулачками в потемневшую от дождей и ветров дверь.

— Иду, иду! — послышался глухой ворчливый голос.

Видимо, ее ждали. Скрипнул ключ, дверь отворилась ровно настолько, чтобы пропустить Астрель.

На темной лестнице стояла старая служанка со свечой в руке. Дрожащий язычок пламени осветил ее лицо. Морщины, жесткие и глубокие, как щели в камне, набегали одна на другую. Казалось, и за тысячу лет не могло так состариться человеческое лицо.

— Здравствуй, тетушка Черепаха, — тихо сказала Астрель.

— Здравствуй, девочка, — медленно роняя слова, проговорила старуха. — Иди, иди. Господин

Ренгист ждет тебя.

Астрель стала подниматься по стертым, выщербленным ступеням, а огонь свечи слабел и мерк где-то внизу. Она уже поднялась на самый верх, а медлительная служанка за это время с трудом одолела несколько ступеней.

— Отец! — Астрель обняла старого человека, сидевшего в глубоком кресле у горящего камина.

Он сидел неподвижно, словно погруженный в вечную дремоту. Его седые волосы были похожи на высушенные ветром и временем дикие травы. Они в беспорядке падали на ветхий бархат воротника.

Астрель опустилась перед ним на колени, взяла его вялую, безжизненную руку, прижалась к ней щекой.

Нет, этот старик не был ее отцом. Но в этом чужом, враждебном ей мире он был самым близким, единственным ее другом, если не считать ворчливой и неповоротливой служанки.

«Когда же я первый раз прибежала в эту башню? — подумала Астрель. — Давно, очень давно. Он был тогда совсем не такой, добрый волшебник Ренгист. Он тогда еще многое мог вспомнить, пусть ненадолго, на минуту, но вспоминал. Хотя и тогда не сумел мне помочь».

Да, прошло уже, пожалуй, года три, а то и больше.

А случилось это вот как. Однажды Астрель в сумерках незаметно скрылась из дворца. Она мчалась по улице, словно наперегонки с ветром, лишь бы убежать подальше от королевского дворца. Вдруг ее заметили стражники с факелами: волосы Астрель зеленым дождем блеснули в свете огней. Она кинулась в переулок, кружила, как испуганный зверек. До сих пор ей помнится топот сапог за спиной и грубые голоса. Она нырнула в первую же открытую дверь. Это была дверь башни Ренгиста Беспамятного.

Она крикнула: «Спасите! Помогите!» Тетушка Черепаха схватила ее в охапку и живо спрятала в сундук. А сама как ни в чем не бывало уселась на тяжелую крышку сундука, зажав в руке длинную деревянную скалку.

Стражники ворвались в башню толпой, рыскали повсюду, не было уголка, куда бы они не сунули нос.

А тетушка Черепаха все сидела на сундуке и бранила их на чем свет стоит:

— Видно, вы все с ума спятили! Ищете, чего нет. Бездельники и лоботрясы! Трусы и лентяи! Какая девчонка, где вы ее видели? Спите на ходу, вот

вам и мерещится невесть что!

При этом она так размахивала скалкой, что стражники и подступиться к ней не посмели. Так ни с чем, как побитые собаки, ворча, убрались восвояси. Тогда тетушка Черепаха подняла крышку сундука и потащила Астрель за руку к своему господину, по дороге приглаживая ее растрепавшиеся волосы.

Ренгист посадил Астрель перед собой на низкую скамейку и так по-доброму взглянул на нее, что она все-все рассказала о себе и о своем горе.

С тех пор каждый вечер, дождавшись, когда солнце скроется за Оленьим лесом, она тихонько прокрадывалась в башню Ренгиста Беспамятного…

— Ты, ты… принцесса Сумерки? — неуверенно, с трудом проговорил Ренгист Беспамятный. Он хмурил брови в мучительном усилии сосредоточиться и вспомнить.

— Да, я — Астрель, отец. Видишь, ты вспомнил меня.

Ренгист Беспамятный с нежностью поглядел на девушку, но его взгляд вдруг начал тускнеть, угасать, словно уходил куда-то вглубь.

— Отец, отец! — повторила Астрель, теребя старика за руку. — Спаси меня! Ты — могучий

волшебник. Вспомни, вспомни какое-нибудь заклинание! Чтоб у меня выросли крылья. Или пусть все слуги во дворце уснут так надолго, чтобы я успела убежать далеко-далеко. Ведь я невидима только в сумерках, а когда зажгут свечи, слуги сразу хватятся меня. Мне не убежать. Они торопят меня со свадьбой, отец. А я лучше умру…

Шаркая жесткими подошвами, вошла тетушка Черепаха с большим серебряным подносом в руках.

— Кофе, Пачереха, наконец-то, — пробормотал Ренгист Беспамятный. — Придвинь стол к огню и оставь нас.

— Чай, а не кофе, — проворчала тетушка Черепаха. — Когда бы я успела сварить кофе, если ты велел сварить его только сегодня утром? Вот чай. Ты заказал его вчера. Как раз хорошо настоялся.

— Ступай, Харечепа, ступай, — равнодушно махнул рукой Ренгист Беспамятный. — Все равно…

Астрель помогла тетушке Черепахе придвинуть небольшой столик, расставить чашки. Цветной узор на столике стерся, лишь кое-где тускло поблескивал перламутр.

Астрель старалась не глядеть на руки тетушки

Черепахи, морщинистые, древние.

— А ведь они были братья. Ренгист и Каргор. Ренгист и Каргор… — Голос тетушки Черепахи звучал глухо и заунывно, как осенний ветер. И хотя она всегда рассказывала одно и то же, всякий раз Астрель с волнением ловила каждое ее слово. — Братья… Они играли вместе. Вон в старом сундуке до сих пор лежат их игрушки. А когда подросли да возмужали, оба стали волшебниками. И оба влюбились в одну девушку. Говорят, краше ее не было никого на свете. Дождирена Повелительница Дождя. Так ее звали. Она полюбила моего господина, доброго волшебника Ренгиста. И они уехали куда-то далеко-далеко. Счастливые, молодые. Только с тех пор о ней никто ничего не слышал. Словно сгинула, пропала без следа красавица Дождирена Повелительница Дождя… (При этих словах сердце Астрель почему-то всегда сжималось от непонятной тоски.) Ох, давненько это было! Бегала я тогда босоногой девчонкой. А как исполнилось мне шестнадцать, нанялась я в служанки к господину Каргору. Недобрые дела творились в его Черной башне! А меня только смех разбирал, когда, бывало, влетит в окно летучая мышь или филин. Ударится об пол — и вот тебе знатный гость, весь в шелку да в бархате.

Только глаза светятся, как угли в темноте. А потом в башне завелись какие-то голоса. Никого нет, а голос то стонет, то плачет. Слуги по догадливей разбежались кто куда. Ну а я что? Молода была да глупа, а платил господин Каргор щедро. Прислуживала ему, как умела. Только с каждым днем становился он все злей да придирчивей, никак не угодишь. Однажды я что-то замешкалась. «Что ты тащишься, как черепаха! — закричал он в ярости. — Вот и стань черепахой, старой черепахой!» Он прочел какое-то заклинание, и вмиг кожа моя сморщилась, потемнела, на спине вырос твердый панцирь. Я превратилась в старую черепаху. Даже душа у меня постарела. Что делать? Я уползла в лес, и если бы не господин Ренгист… Как раз в те дни возвратился он из дальних краев. Один-одинешенек, без красавицы жены. Молчаливый, не по годам седой. И поселился в этой башне, заброшенной и унылой, под стать ему.

Да, был он уже не тот, что прежде, как подменили. Но его еще не прозвали в городе Ренгист Беспамятный.

Хотя уже и тогда, бывало, битый час все думает, хмурится, трет лоб, пока припомнит, что надо. Пожалел он меня. Начал читать заклинание, да вот беда, забыл посередке. Так и не смог победить

до конца злые чары Каргора. Вот я и стала тетушкой Черепахой, вот кем я стала…

Тетушка Черепаха глубоко вздохнула, постучала своей жесткой рукой по твердому, как панцирь, переднику.

— Так и живу теперь на посмех людям, — глухо проговорила она, уже стоя на пороге. Закрыла за собой дверь, затихли ее шаркающие шаги.

Астрель снова взглянула в окно, и бледная звездочка на темнеющем небе словно уколола ее.

— Я еще помню, смутно помню какие-то заклинания, волшебные слова, — как во сне проговорил Ренгист Беспамятный. — Но что они значат, их тайный смысл, он ускользнул от меня, я все забыл…

— Не будем терять надежды. — Астрель припала к его плечу. Почему-то на миг ей представился белый парус далеко в темном море. — Нам ничего не осталось, кроме надежды. А вдруг ты вспомнишь!

— Да, да… — равнодушно пробормотал Ренгист Беспамятный. Веки его безвольно опустились, он снова погрузился в свою безжизненную дремоту.

— Отец! — взмолилась Астрель. Такое отчаяние звучало в ее голосе, что Ренгист Беспамятный вздрогнул и открыл глаза.

Мгновение он бессмысленно озирался по сторонам, словно стараясь понять, где он, кто рядом с ним.

— Я был далеко… — прошептал он.

Ренгист Беспамятный посмотрел на Астрель, взгляд его становился все пронзительней, глубже. Вдруг он заговорил, и по мере того, как он говорил, голос его креп, обретал величие и звучность:

Ивер и авер, венли и вемли!
Слову волшебному, тайное, внемли.
Снежными звездами, вниз или ввысь,
Тайна, откройся, тайна, явись!

Астрель замерла, ожидая сама не зная чего. Может быть, содрогнется старая башня или вдруг она взлетит с легкостью птицы. Но ничего не случилось. Только в мрачной комнате стало еще темней.

Астрель глянула в окно. Мимо окна медленно-медленно, покачиваясь, проплыла крупная звездочка-снежинка. Астрель проводила ее недоуменным взглядом. Вот пролетела еще одна снежинка, а за ней еще и еще. С каждым мгновением снежинок становилось все больше. Налетевший ветер вдруг взвихрил их, закружил, завивая столбами. Астрель с трудом могла раз-

глядеть сквозь их беспокойный танец дальние крыши домов, потемневшие деревья с поникшей листвой. С ветвей рушились белые обвалы, а вверх струились туманы из снежной пыли.

Мгновение, и все скрылось за сплошной пеленой падающего снега.

Прерывая завывание ветра, донеслись неясные крики:

— Снег! Снег!

— А ветрище-то!

— Какой холод!

— Ай-ай! Мой салат и горошек…

Астрель посмотрела на Ренгиста Беспамятного.

«Опять ничего, просто снег, пусть волшебный, но зачем, ведь он не может мне помочь. Опять все попусту, а времени больше нет».

Ренгист Беспамятный сидел безучастный ко всему, уронив руки на подлокотники кресла.

— До завтра! — Астрель улыбнулась, стараясь скрыть печаль и разочарование. — Спасибо, отец. Ты наколдовал снег, такой белый, красивый. Я приду завтра в сумерках, как всегда. Жди меня…

Ренгист Беспамятный слабо кивнул головой, не открывая глаз.

За дверью ждала тетушка Черепаха со свечой.

— Неужели я так долго заваривала чай, что

наступила зима? — проворчала тетушка Черепаха. — А мне еще надо взбить подушки на ночь моему господину. И еще я хотела пойти в лес и поискать добрых трав и кореньев. Старая Черепаха хоть и безобразна, но знает толк в травах, уж поверь мне.

— До завтра, добрая, милая тетушка Черепаха. — Астрель с нежностью коснулась губами ее морщинистой жесткой щеки.

— Только ты одна меня целуешь, — проскрипела тетушка Черепаха. И огонь свечи, отразившись в одинокой слезе, золотой каплей скатился по глубокой морщине.

Тетушка Черепаха подняла свечу повыше, и Астрель быстро сбежала по темной лестнице.

— Час, чтобы спуститься вниз по лестнице и запереть дверь, и час, чтобы подняться, — охала тетушка Черепаха, с трудом спускаясь следом. — Ах, милая девочка, милая девочка…

Глава 4
Кот Васька жалуется на жизнь. И главное: волшебник Алеша все-таки оказывается на другом берегу реки

Волшебник Алеша в полном унынии стоял и смотрел на темную быструю воду реки, где закипали пенные водовороты.

Вплавь, что ли, перебраться? По правде говоря, плавает он неважно. К тому же в толстом свитере, в ботинках, все это намокнет, отяжелеет, потянет ко дну. Ну да ладно, он как-нибудь переплывет. А кот Васька? Он до смерти боится воды. Что же теперь делать?

Кот Васька уныло понюхал траву, покрутил головой.

— Ну ладно, будь волшебником, я не против. — Кот Васька с упреком посмотрел на волшебника Алешу. — Нарисованных котов оживлять — дело хорошее, кто спорит. Но по сказкам шататься — охота была! Как будто нет у нас своего теплого угла. Дом есть? Есть. Молоко в холодильнике есть? Есть. Так надо дома сидеть. Логично? Логично!

— Слушай, прекрати. И без тебя тошно, — не выдержал волшебник Алеша. — Мне надо сосредоточиться, подумать как следует…

Вдруг невесть откуда налетел леденящий порыв ветра, иглами впиваясь в лицо и руки.

Кот Васька весь взъерошился, прижался к ноге волшебника Алеши, продолжая свою еле слышную воркотню:

— Опять-таки, если уж отправляться в сказку, тоже надо с умом выбирать, куда идешь. Чтобы сказочка была теплая, чтоб солнышко грело. Где собак нет, а кругом мышки бегают. А здесь — бр-р!.. Холодище какой! Сплошное мяу! Никакого мур!

Ветер крепчал. Шарф волшебника Алеши рванулся, вытянулся, грозя улететь.

— Батюшки, снег! — растерянно мяукнул кот Васька.

И тут же их словно накрыло густым белым облаком. Никогда в жизни волшебник Алеша не видел такого снегопада. В один миг все скрылось: мост, деревья, дома на том берегу.

Кот Васька сразу провалился в сугроб. Волшебник Алеша поспешно подхватил его, прижал к груди. Казалось, весь мир исчез, кругом был только снег, снег…

Волшебник Алеша с трудом справился с улетающим шарфом, потуже обмотал вокруг горла, заодно укутал им кота Ваську.

На миг свист ветра умолк, и в этой короткой тишине волшебник Алеша не услышал шума и плеска речных волн.

Снег норовил залепить глаза, но все же волшебник Алеша сумел разглядеть зеркало льда, по-зимнему сковавшего реку.

— Лед! — с изумлением ахнул кот Васька. Он выскользнул из-под шарфа и скатился с обледенелого берега. — Не бойся, пушистый Алеша, иди сюда, — донесся его голос. — Лед! Клянусь хвостом и ушами, до самого того берега — лед! Настоящий!

«Гм… Там, где может пройти кот, вовсе не обязательно смогу пройти я», — с сомнением подумал волшебник Алеша.

Но это была единственная возможность перебраться на тот берег.

Волшебник Алеша спустился к реке, ступил на гладкий, почти прозрачный лед. На всякий случай постучал по нему ногой, лед прямо-таки звенел под каблуком.

Волшебник Алеша торопливо пошел по льду. Под снегом лед был чистый и скользкий, как

стекло.

Снегопад вдруг кончился как-то до странности сразу. Последняя снежинка упала на щеку волшебника Алеши и растаяла.

Теплые струи воздуха смешивались с холодными, слоились, переплетались. Откуда-то донесся густой сладкий запах жасмина.

К своему ужасу, волшебник Алеша увидел, что лед потемнел, потрескался. Он крошился, расползался под его ногами. Впереди мелькнули зловещие мутные полыньи.

Волшебник Алеша огромными скачками бросился бежать, но все-таки возле самого берега провалился в крошево холодной воды и осколков льда. К счастью, там было уже совсем мелко. Он только зачерпнул воду одним башмаком.

— Вот копуша! — шипя от страха, набросился на него кот Васька. — Надо же быть таким нескладехой! Зимовать ты, что ли, собрался посреди реки?

Но на этот раз волшебник Алеша совсем на него не рассердился.

Понял: просто переволновался за него преданный кот Васька.

Глава 5
Астрель возвращается в замок. И главное: следы на снегу

А теперь, друзья мои, вернемся к башне Ренгиста Беспамятного.

Мы расстались с Астрель, когда она сбегала по лестнице, а тетушка Черепаха стояла на верхней площадке со свечой в руке.

Посмотрим теперь, что же случилось дальше. Астрель торопливо шла узкими улочками. Она вся сжалась от холода, скрестила на груди руки. Здесь, на улице, она опять стала невидимой, словно растворилась в вечернем воздухе.

Распахнулось оконце высоко под крутой крышей дома. Из окна выглянула девушка. Она накинула на голову теплый платок, прихватила его рукой под подбородком. Отворилось окно в доме напротив. Из окна высунулся юноша, помахал ей рукой.

— Мы сегодня не встретимся, — печально улыбнулась ему девушка. — Из дома не выйти, дверь замело снегом до самого верха.

— Я пробовал открыть дверь, Ильти, но ее даже

вот на столько не сдвинешь, — отозвался юноша. — Посмотри, у пирожника Ринтуса сугробы выше окна.

— Я брошу тебе цветок! — крикнула девушка. — Лови!

Она сорвала ветку алой герани и бросила через дорогу. Но легкий цветок не долетел и упал на снег посреди улицы.

— Теперь он замерзнет, — с жалостью сказала девушка.

Цветок упал прямо к ногам невидимой Астрель. Она подняла его, кинула юноше.

— Что это? — ахнула девушка. — Цветок сам взлетел в воздух. Вот чудо-то!

— Смотри, Ильти! — юноша протянул руку. — Видишь, следы на снегу!

— Вижу, вижу! — откликнулась Ильти. — Маленькие какие! И будто бегут друг за дружкой. Откуда они берутся, ведь по улице никто не идет?

«Мои следы…» — подумала Астрель. Она оглянулась. Позади нее тянулась узкая неровная цепочка следов. Ее маленькие туфли с острыми каблуками оставляли четкий след на гладком, нехоженом снегу.

«Следы ведут от башни Ренгиста Беспамятного

прямо к королевскому дворцу, — мелькнуло в голове у Астрель. — Мало ли кто их увидит. Не трудно догадаться…»

Астрель скинула туфли и в тонких ажурных чулках побежала по снегу. Осколки льда вмиг порвали чулки в клочья. Снег холодом обжег босые ноги. Астрель вихрем перебежала через мост Зевни-Во-Весь-Рот.

В воротах королевского дворца угрюмо переругивались мокрые, продрогшие стражники.

На лестнице Астрель остановилась. Она нагнулась и вытерла обрывком кружевной манжеты кровавый след на мраморной ступени.

Она увидела где-то далеко на окраине города отблески факелов. Словно струя расплавленного золота влилась в город и, извиваясь, потекла по улицам. Это возвращался с охоты король.

Когда слуга, держа тяжелый подсвечник с зажженными свечами, вошел в комнату Астрель, она, как обычно, сидела в глубоком кресле, поджав под себя ноги, и неподвижно смотрела в ночное небо.

Глава 6
Неудавшаяся охота. И главное: странный прохожий

Волшебник Алеша едва отдышался.

Снял башмак, вылил из него воду. Взял на руки озябшего кота Ваську. Обтер концом шарфа холодные лапы.

Город оживал, стряхивая с себя тяжесть тающего снега. С крыш текло, кое-где проступила мокрая земля с поникшей, примятой травой. То там, то тут в домах приветливо затеплились свечи.

Волшебник Алеша заглянул в окно низкого дома. Он увидел молодую женщину с ребенком на руках. Ее милое кроткое лицо было омрачено заботой и печалью.

Ребенок потянулся к свече.

— Нельзя, нельзя, — женщина ласково перехватила маленькую ручку. — Пальчик сожжешь… Скоро отец вернется. Рыбки принесет. Только какой улов в такую непогоду?

Женщина подошла к окну и задернула старенькую занавеску.

— У кого бы спросить? Хоть бы какой прохожий

попался, — посетовал волшебник Алеша. — Все попрятались по домам. Впрочем, вон кто-то идет…

Навстречу ему, косолапо ставя короткие ноги, брел человек. Он бережно нес большую шкатулку, по углам окованную медью.

Пятнистый свет фонаря у входа в трактир осветил прохожего. У него было темное, словно вылепленное из глины лицо. Из-под уродливо нависшего лба хитро и подозрительно посверкивали злые глазки.

Прохожий в свою очередь с откровенным изумлением уставился на волшебника Алешу и даже приоткрыл рот. Блеснули длинные кривые клыки. Быстрым потаенным движением он прикрыл плащом шкатулку, окованную медью.

Преодолевая себя, волшебник Алеша все-таки спросил у прохожего:

— Извините, пожалуйста. Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

И тут случилось нечто неожиданное. Странный человечек высоко и резко подпрыгнул, вскинул руку с растопыренными пальцами. Он словно хотел поймать нечто невидимое, пролетевшее над его головой. Он сжал руку в кулак, будто и впрямь поймал что-то. Потом быстро сунул свою

добычу в шкатулку и поспешно захлопнул крышку. Жадное торжество мелькнуло у него в глазах.

С поспешностью он сделал несколько скачков, стараясь подпрыгнуть повыше. Его хваткие, ловкие пальцы опять что-то поймали в воздухе и сунули в шкатулку. Потом, угловато и нелепо подпрыгивая, он помчался по улице, словно хотел догнать что-то, улетающее от него.

«Что он ловит: жука, ночную бабочку?» — с недоумением подумал волшебник Алеша.

Он уже пожалел, что заговорил с этим странным человеком.

Тем временем прохожий вернулся, тяжело дыша и отдуваясь. Его крючковатые пальцы с нежностью поглаживали крышку шкатулки.

— Так вы мне не ответили. Как… — начал было снова волшебник Алеша.

— М-м!.. — вдруг тупо промычал человек.

Глаза его стали пустыми, тусклыми.

«Да он немой! — догадался волшебник Алеша. — Но все равно, что-то в нем удивительно злобное, хитрое».

Волшебник Алеша пошел дальше по улице, но шагов через пять оглянулся. Странный человек стоял под фонарем и смотрел ему вслед пристальным, выслеживающим взглядом.

По стенам домов запрыгали золотистые мигающие вспышки огня. Послышался разноголосый говор вперемешку с лаем и визгом собак.

Волшебник Алеша свернул в узкий переулок и прижался боком к стене.

Мимо него проскакали всадники с факелами. За ними на белой породистой лошади ехал грузный человек в шляпе с обвисшими страусовыми перьями. В свете факела золотой змеей шевельнулась цепь на груди всадника с подвеской в виде зубчатой короны.

«Да это сам король!» — догадался волшебник Алеша.

За королем ехали двое юношей, оба сильные, широкоплечие, с тупыми надменными лицами. А дальше пестрой толпой — придворные. Позади всех псари с трудом удерживали на сворках усталых, хрипло лающих собак.

— Тысяча дьяволов! — услышал волшебник Алеша резкий голос короля. — Будь проклят этот снегопад! Провались все на свете! Уже почти затравили оленя, как все пошло к черту!

— Ваше величество! — подхватил тощий юркий человечек с лукавым острым лицом, подъезжая поближе к королю. — По вашему королевскому приказу я, как всегда, ни во что не верю и во всем

сомневаюсь. С чего бы снегопад в это время года? Кто-то подстроил, не иначе.

— Спрошу Каргора… — проворчал король.

— Глянь-ка, Игни, — негромко окликнул один из юношей другого. — Какие странные следы!

— Где, Трагни? Здесь столько следов, весь снег истоптан, — отозвался Игни. — А-а, эти?..

Он придержал коня, наклонился, рассматривая следы. Следы были маленькие, узкие. Кто-то прошел по снегу в туфельках с острым треугольным каблуком.

— Уж не наша ли это птичка, Астрель? — подозрительно протянул Игни.

«Астрель? — вздрогнул волшебник Алеша. — Кажется, он сказал: Астрель…»

Волшебник Алеша сделал несколько шагов вперед, прячась в тени дома.

Юноши поехали рядом, не сводя глаз с тонкой цепочки следов.

— Точно — Астрель. Провалиться мне на этом месте! — с угрозой, сквозь зубы процедил Трагни. — У кого еще такая крошечная ножка? Поглядим, куда ведут эти следы.

— Смотри, смотри! — вдруг грубо захохотал Игни. — Это сумерки нас морочат. Да ты вглядись получше: нога-то босая!

— А… — Трагни выпрямился в седле. — Какая-то девчонка-нищенка босиком шлялась по снегу.

— Сомневаюсь! Сам во всем сомневаюсь и вам советую, — откуда-то сбоку вынырнул юркий человечишко.

— Опять ты тут, Врядли! Вечно суешь нос, куда не просят, — надменно отмахнулся от него Трагни.

— Погоди, может, Врядли прав? — угрюмо проговорил Игни. — Вот что. На всякий случай я прикажу усилить стражу возле ее дверей.

— Почему это ты прикажешь? — вскинулся Трагни. — Мои слуги надежнее. Будут день и ночь сторожить Астрель.

Тягучий топот всадников по раскисшей дороге смолк в отдалении. Волшебник Алеша вышел из своего укрытия и снова зашагал вдоль притихших, спящих домов.

«Город будто вымер, спросить не у кого, — с огорчением оглянулся по сторонам волшебник Алеша. — Делать нечего, придется подождать до утра. Астрель… Да, все может оказаться гораздо сложнее, чем я предполагал».

С неба на длинных лучах свисали крупные звезды.

Откуда-то потянуло запахом сена. Волшебник

Алеша увидел неплотно притворенные двери старого сарая. Там, в глубине, было приютно и тихо.

— Хоть раз в жизни переночевать на сене, — сонным, разомлевшим голосом пробормотал кот Васька. Шерсть его высохла, он стал мягким, пушистым. — А пахнет как…

Глава 7
Голос Дождирены Повелительницы Дождя. И главное: что было спрятано в шкатулке, окованной медью

В глубоком кресле, перед камином, сидел худой, костлявый человек, с ног до головы одетый в черное.

Черный плащ, небрежно перекинутый через ручку кресла, свисал до полу, как надломленное крыло.

Его иссохшее лицо было мертвенно-бледным. Крупный нос с хищной горбинкой придавал ему жесткое и заносчивое выражение. Глубоко запавшие глаза и серые запекшиеся губы говорили о тайном страдании, а руки, судорожно стиснувшие подлокотники кресла, — о бессильной, застарелой злобе.

Человек в черном наклонился вперед. Жадным неотрывным взглядом он смотрел на пламя, метавшееся в утробе огромного камина.

Но это был не просто огонь! Это, встав на хвосты, в жаркой пляске извивались огненные змеи. Они шевелились, раскачивались. Вот они сви-

лись в одно нестерпимо пылающее кольцо… И вдруг на мгновение в самой его середине сверкнула маленькая голубая искра. Она казалась такой беззащитной и слабой. Огненные змеи тянулись к ней, с их острых жал сыпались раскаленные искры.

Человек в черном откинулся в кресле, словно свет этой маленькой искры ослепил его.

— Какая ты стала крошечная и дрожишь, словно чуешь свою гибель! — с ненавистью прошептал он. — А когда-то ты освещала голубым светом весь зал. Ты сводила меня с ума! Что? Жарко тебе? Нравятся тебе мои огненные змейки? Я раздобыл их своим черным колдовством. Змейки, мои вечно голодные змейки! Вам надо все время что-то пожирать, жечь. Вы можете уничтожить все: камень, железо, верность, любовь, сострадание. Я подкинул вам лакомый кусочек. Так покончите же с ней наконец. Пусть она сгинет навеки, проклятая… О, как трудно тебя убить, маленькая голубая искра!

На выступ окна опустилась небольшая птичка. Пестрая, с черными полосками на крыльях и острым хохолком на макушке.

— Чересчур! — недовольно заверещала птичка, прикрывая головку крылом. — Ф-фу! Чересчур

жарко натоплено, вот что я вам доложу, господин Каргор!

Человек вздрогнул, так глубоко он ушел в свои мысли.

— А, это ты, птичка Чересчур. Ты испугала меня. Я задумался, я был далеко отсюда…

— Опомнитесь, да что с вами? — пожала плечиками птичка Чересчур. — Нельзя же так! Целыми днями сидите в кресле как приклеенный и смотрите на огонь, когда вокруг столько событий, мух, комаров, новостей и всего прочего.

— Ну какие там еще новости, птичка Чересчур? — Каргор со вздохом оторвал взгляд от огня. — Ну, выкладывай.

— Во-первых, мы тут чуть было не погибли под снегом, — с важным видом сообщила птичка Чересчур. — Вдруг снег! Как вам это нравится, когда на дворе лето? Но слушайте дальше, господин Каргор, хотя и этого чересчур много. В нашем лесу появился страшный ворон. Какой клюв, какие когти! Ну, доложу вам, в дрожь кидает! Если бы не Гвен…

— Гвен? Это еще кто такой? — настороженно спросил Каргор, и его черные косматые брови нахмурились.

— Ах, Гвен! — с нежностью пропела птичка. —

Вот что значит чересчур долго сидеть взаперти. Гвен — Хранитель Леса! Он строит для нас, птиц, чудесные домики, с крепкими дверями и запорами, с резными балкончиками и круглыми маленькими окнами.

— Гвен… — глухо прошептал Каргор. — Так вот откуда в чаще леса эти резные дворцы и башни для летающей мелюзги.

— А какой у него топор! — не унималась птичка Чересчур, в восторге запрокинув голову. — Он с ним никогда не расстается. Говорят, этот топор достался ему еще от деда. Ах, господин Каргор, какое счастье — надежный домик! Но ведь этот ужасный ворон налетает внезапно и невесть откуда. Как убережешься?

Схватит птичку железными когтями — и бедняжке конец. Вы такой могучий волшебник! Избавьте нас от этого чудовища. Помогите нам в нашей беде, добрый, добрый господин Каргор!

— Что ж, надо подумать, чем вам помочь. — Губы Каргора искривились, но нет, это была не улыбка. — Вот только одно неотложное дельце, никак не разделаюсь с ним. И тогда весь к вашим услугам. Мне надо кое-что уничтожить, погасить…

— Вот эту голубую звездочку, да? — подхватила

птичка Чересчур. — Вы глядите на нее так сердито. А ведь вы не умеете сердиться, я знаю, знаю. У, противная искорка! Доставляет столько хлопот нашему доброму господину Каргору. Да прикажите вашим золотым змейкам проглотить ее, и делу конец. Они всегда такие голодные, ваши змейки, и от них такой жар, ух! Что ж, желаю вам удачи, дорогой господин Каргор! Боюсь, не утомила ли я вас. Чересчур разболталась. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур взмахнула крыльями и исчезла, скользнув в поток солнечных лучей за окном.

Каргор с усилием встал. Он поднял руки в широких рукавах, и, покорные его знаку, огненные змеи в камине, извиваясь, вспыхнули еще ярче и со свистом окружили голубую искру.

В огненном вихре видно было, как плавятся, тают ее тонкие голубые лучи. И все же она светила, упрямо светила, крошечная дрожащая искорка!

— Откуда в тебе столько силы? — бесконечная усталость прозвучала в голосе Каргора. — Тебе не спастись все равно. Так сгинь, исчезни! Твой слабый свет уже все равно не поможет Ренгисту, моему брату Ренгисту…

Каргор на мгновение прикрыл глаза ладонью.

Вдоль северной стены шла длинная дубовая полка, и отсветы огня падали на нее. На полке сто-

яло подряд множество шкатулок и ларцов. Здесь были ларцы из простого дерева грубой работы, в сальных пятнах и подтеках, словно их хватали жирными руками. И легкие узорные шкатулки, поражающие искусством резьбы. Ящички из куска цельной яшмы, кованые медные ларцы. Но взгляд Кар гора только безразлично скользнул по ним.

Он сунул руку за пазуху и нащупал у себя на груди маленький прохладный медальон на серебряной цепочке. Каргор осторожно снял его через голову.

Обеими руками, стараясь унять дрожь, он держал серебряный медальон. Тонкая цепочка просочилась между пальцами и повисла, качаясь, как паутинка.

— Дождирена Повелительница Дождя… — голосом, полным боли, простонал он. — Я похитил тебя глубокой ночью, тайно. Похитил и заточил в этой башне. Тебе на погибель, себе на вечное горе. Дождирена… Ты не покорилась мне. И вот тебя больше нет. Остался только твой голос. Да, он в моей власти. Я его повелитель. Пожелаю — и он зазвучит. Послушно зазвучит для меня одного. Но клянусь, Дождирена, он убивает меня! И я не могу жить без него…

Каргор нажал замочек медальона словно бы с огромным усилием. Пальцы его свела судорога.

Крышка медальона беззвучно откинулась.

И в тот же миг зазвучал голос, тихий, невесомый, но, казалось, проникающий в самую душу. Все вокруг наполнилось неясным плеском, влажным шелестом струй дождя.

Каргор упал в кресло, закрыл глаза.

— Отпусти, отпусти меня… — звенел и дрожал в воздухе прозрачный голос. — Я умру, но не стану твоей женой. Ренгист узнает… Он отомстит за меня… Где моя дочь? Где моя дочь?.. Дочь… Дочь…

И слово «дочь», повторяясь словно эхо, стало звучать все тише, невнятней и постепенно превратилось в слово «дождь… дождь…».

Каргор закрыл медальон.

Голос смолк. Смолк тихий и влажный шепот дождя.

Каргор опустил лицо в ладони, прижался лбом к прохладной серебряной крышке медальона.

— Но я не отпустил тебя, — глухо проговорил он, — и ты плакала наверху башни, плакала день и ночь, пока сама не превратилась в серебряный дождь. И когда я увидел этот дождь за окном, я сразу все понял. Я понял, что больше нет Дождирены Повелительницы Дождя. Но твой голос,

Дождирена, я запер его в медальоне. И потом сыграл неплохую шутку с Ренгистом. С милым моим братцем Ренгистом, могучим добрым волшебником.

Каргор хрипло рассмеялся.

— Только с тех пор мне стало труднее дышать, труднее ступать по земле.

Каргор снова накинул на шею тонкую цепочку, спрятал медальон под кружева, застегнул камзол.

Послышался топот грубых башмаков.

— Войди, Скипп! — властно крикнул Каргор.

Дверь отворилась. На пороге появился приземистый человек, с нависшим тяжелым лбом. Глубоко упрятанные глаза смотрели угодливо и настороженно. В руках он держал черную шкатулку, обитую медью. Человек низко поклонился, весь согнулся, будто свернулся улиткой.

— Ну что приволок сегодня, Скипп? — спросил Каргор, бросив равнодушный взгляд на шкатулку. — Опять какое-нибудь старье? Брань торговок или крики королевских стражников?

— М-м… — замотал головой немой слуга.

Его заискивающая улыбка была хитрой и вместе с тем самодовольной. Он несколько раз с нежностью погладил крышку черной шкатулки,

качая головой и причмокивая губами. Мол, принес такое, что хозяин будет доволен.

— Ну, так что там у тебя? — Каргор нетерпеливо взял черную шкатулку, откинул крышку.

— Извините, пожалуйста… — зазвучал на всю комнату взволнованный голос волшебника Алеши. — Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

Голос умолк. Теперь слышно было только, как падают в бочку капли талой воды. Где-то тявкнула собака.

Каргор захлопнул шкатулку. В тяжелой задумчивости провел рукой по лбу.

— Странный, странный голос. Ума не приложу, кто бы это мог быть? Чужак, не из наших мест, по голосу слышно. Ищет, где башня Ренгиста Беспамятного. Не нравится мне это. Слышал я, что по городу шляется какой-то бродяга, не то с котом, не то с обезьянкой. Но зачем ему понадобился мой братец, а? Вот в чем загадка. Молчишь, Скипп, славный парень. Ты всегда молчишь. Но все равно ты молодчага, Скипп. На этот раз и вправду принес кое-что стоящее. О чем следует подумать на досуге.

Каргор подошел к дубовой полке и поставил шкатулку, окованную по углам медью, в ряд с

другими ларцами и шкатулками.

Глава 8
Игран Толстый. И главное: удивительное превращение Каргора

Немного терпения, друзья мои, и вы узнаете, почему король сегодня был в самом скверном расположении духа.

Он ходил по мраморному залу из угла в угол, и шаги его отдавались под потолком четко и тупо, как шаги караульного солдата.

Холодные мраморные стены, в углах мраморные вазы с цветами, вытесанными из разноцветных камней. Все мертвое и холодное. Даже ясные лучи солнца теряли здесь свое живое тепло. Зеркала, льдисто поблескивая, подхватывали отражения короля, передавали друг другу.

Король взял золотой колокольчик, позвонил.

В дверях появился слуга, склонился в молчаливом поклоне.

— Послали за Каргором? Велели ему немедленно явиться во дворец? — нетерпеливо спросил король.

— Да, ваше величество, — прошептал слуга.

По знаку короля он бесшумно исчез.

Вдруг за окном мелькнула быстрая крылатая тень, что-то резко стукнуло в стекло. Король увидел большую, черную как уголь птицу. Птица пролетела мимо, вернулась и снова ударила клювом, по стеклу скрипнули кривые когти.

Король, подхватив край тяжелой мантии, шагнул к окну и распахнул его.

В зал влетел большой ворон. От взмахов могучих крыльев качнулись занавески. Ворон сделал круг под высоким сводом зала и опустился перед королем.

На его шее между гладкими черными крыльями блеснул маленький серебряный медальон.

Король поднял руку, словно отгораживаясь от чего-то. И действительно, в этот миг произошло невероятное.

Ворон натужно и хрипло каркнул. Карканье его перешло не то в стон, не то в тяжелый вздох, и в тот же миг он превратился в худого, словно иссохшего человека, с ног до головы одетого в черное.

— Каргор… — невольно отшатнулся король.

Да, он не в первый раз видел эти превращения, но всякий раз страх колючими ледяными шариками скатывался по спине.

Каргор молча и низко поклонился королю, так что черный плащ у ног собрался складками.

— Я уже больше часа жду тебя, Каргор, — недовольно проговорил король. — К тому же, не знаю, разумно ли тебе летать над городом?

В глазах Каргора под нависшими бровями сгустился непроглядный мрак.

— Ваше величество… — Каргор заговорил сбивчиво и глухо. — С каждым днем мне труднее ходить по земле. Все для меня стало чужим: эти руки, плечи, грудь. Мне тесно, я задыхаюсь в этом теле. Все чужое, как маскарадный костюм. — Каргор выпростал из-под плаща свои худые желтоватые руки и как-то странно оглядел их. Потом поднял глаза на короля и мрачно усмехнулся: — Зато как легко я теперь превращаюсь в ворона! Стоит мне только трижды каркнуть… и вот: это уже не руки, а крылья. Один свободный взмах — и я лечу. Но… Увы, ваше величество! Я волшебник, только пока я в обличье человека. Тогда, вы знаете сами, я всесилен, никто со мной не может сравниться в могуществе. А когда я превращаюсь в ворона, я теряю свой волшебный дар. Мне хорошо, мне привольно быть вороном, но я не смею им долго оставаться. Потому что вернуться в это тело, снова превратиться в человека мне с каждым днем все трудней и мучительней.

— И все же мои придворные, слуги, — помор-

щился король, — все видят тебя во дворце. Но никто не знает, как ты появляешься здесь и выходишь отсюда.

Каргор надменно повел плечом.

— Пустое. Пусть это не тревожит ваше величество. Придворные и так трясутся как в лихорадке при виде меня.

— Ну хорошо, хорошо, — нетерпеливо махнул рукой король. — Я не за тем позвал тебя.

Король прошелся по залу и остановился перед Каргором.

— Ты знаешь, как долго я ждал этого дня, — начал король, с трудом сдерживая нарастающий гнев. — Мечтал! Большая королевская охота в Оленьем лесу. Сколько там оленей! Ну, да не мне говорить тебе об этом. Прекрасных оленей с глазами…

Король не договорил, но и Каргор не вымолвил ни слова.

Они молча смотрели друг на друга и, не выдержав, оба одновременно отвели глаза.

— Проклятые твари! — король топнул ногой. — Они слишком умны и осторожны. Весь день я гонялся за ними. И наконец-то! Под вечер из чащи на меня выскочил олень. Красавец! Он замер, дрожа, в трех шагах от меня. Я прицелился. Черт

побери! В этот миг на нас обрушились лавины… Да что там! Обвалы снега! Все перемешалось: небо, земля. Клянусь преисподней, в жизни не видел такого снегопада. Проклятый олень удрал, а мы, увязая в снегу, еле живые выбрались из леса. Чьи это штучки, Каргор? Уж не подстроил ли все это твой брат, Ренгист Беспамятный?

Каргор презрительно усмехнулся и покачал головой:

— Не думаю, ваше величество. Ренгист почему-то совсем потерял память. Так, отдельные слова без всякой связи. Обрывки, осколки…

— Но тогда кто же… — начал король, но не успел договорить. Высокие двери зала распахнулись, и вошли оба принца, Игни и Трагни. Еще в дверях они принялись пихать друг друга плечами. Каждый хотел войти первым.

— Отец! — воскликнул Игни. — Эта ночь принесла мне удачу. Астрель — моя! Я добыл целый сундук золотой и серебряной посуды.

— Плошки и миски! — завизжал Трагни. — Что они стоят по сравнению с изумрудами, которые я выудил из поклажи богатого путешественника три дня назад? Отец справедлив! Правда, отец? Ты сказал, что Астрель достанется тому, кто больше награбит добра!

— А жемчуг? Забыл про жемчуг?! — завопил Игни, стиснув кулаки и наступая на брата. — Я ограбил купцов, а они везли жемчуг из заморских стран. А каждая жемчужина — ну те орех. Астрель — моя! Отец, ну скажи ему, скажи!

— Игни! Трагни! Опомнитесь, дети мои! — попытался утихомирить расходившихся принцев король. — Да любая красавица почтет за счастье, если вы бросите на нее благосклонный взгляд. А тут три косточки и печальные глаза — вот и вся ваша Астрель. И вы завели из-за нее свару?

Игни и Трагни переглянулись с упрямой ненавистью.

— Прямо какое-то наваждение, — король огорченно вздохнул. — Она вас приворожила, не иначе. Что вы в ней нашли, не пойму? Волосы зеленые, словно водоросли. От нее тянет сыростью, болотом и лягушками. Бр-р!..

— Все равно я женюсь на Астрель, — насупившись, буркнул Игни.

— Нет, я! — крикнул Трагни.

Спор готов был вспыхнуть снова.

— Да вы разглядите ее получше. Жалкая девчонка. Вечно молчит, жмется по углам, обирает там паутину. Вот мы сейчас ее позовем, и вы сами убедитесь, мои родные, она недостойна вас. Ее

место в поварне, на скотном дворе, а не во дворце. Эй, позвать сюда Астрель!

— Астрель! Астрель! — Петушиная перекличка голосов затихла вдали.

Каргор еще плотнее запахнул на себе длинный черный плащ. Отступил в тень, за колонну.

Послышался легкий перестук каблуков, такой негромкий, как будто падали и разбивались о камни капли дождя.

Вошла Астрель. И казалось, вместе с ней вошла прохлада и тишина.

Астрель остановилась перед королем, опустив глаза. Тени от длинных ресниц полились по ее щекам, делая их еще бледнее. Волнистые пряди длинных волос влажно поблескивали.

В зале стало чуть темнее. Мраморные колонны словно подернуло зыбью в полусвете. За окнами повисли нити редкого дождя.

В этом неясном свете Астрель в своем серебристо-сером платье казалась легкой, как тающее вечернее облако.

— Астрель… — как-то неуверенно сказал король.

Его голос заставил ее вздрогнуть. Астрель подняла на него глаза, бездонные, полные привычной печали.

С мольбой сложила ладони. Кончики ее пальцев казались прозрачными.

— Отпустите меня, отпустите… Я умру, умру, если вы меня не отпустите, — послышался ее тихо звенящий голос.

— Нет! Нет! — вдруг дико и пронзительно вскрикнул Каргор. Он вскинул руки и закрыл плащом лицо. — Дай забыть! Я не могу, не могу видеть тебя! Ты ходишь за мной по пятам. Будь ты про… проклята!

Вопль Каргора перешел в хриплое удушливое карканье.

В тот же миг Каргор исчез. И к потолку, грузно взмахнув крыльями, взлетел угольно-черный ворон. Он заметался по залу, слепо ударяясь в зеркала, задевая мраморные колонны, и вылетел в распахнутое окно.

В глазах Астрель мелькнуло изумление и погасло.

— Не обращайте внимания, — недовольно сказал король. — Каргор великий волшебник, но у него есть свои причуды. Итак…

— Решено, я женюсь на Астрель! — Игни грубо схватил Астрель за плечо. — Эй, радость моя, не вырываться!

— Она моя! — Трагни вцепился брату в горло,

так что тот невольно выпустил Астрель.

Вбежали слуги, придворные. По знаку короля растащили принцев в разные стороны.

— Маленькая ведьма! Ты поссорила моих добрых мальчиков! — гневно воскликнул король. — Я прикажу бросить тебя в подземелье. Там, в темноте, ты пропадешь, сгниешь от холода и сырости!

— Пусть! Мне все равно! Лучше умереть! — с мужеством отчаяния крикнула Астрель.

Дождь усилился. Струи дождя льнули к окнам, словно хотели проникнуть в зал, заливали стекла сплошной завесой.

Астрель бросилась к дверям, слуги расступились. Стук ее каблуков затих, слившись со стуком дождевых капель.

Откуда ни возьмись, как из-под земли, выскочил проворный, юркий Врядли.

— Ваше величество! — Врядли сокрушенно развел руками. — Какой-то богатый купец просит у вас аудиенции. Твердит, что его ограбили. Но сомневаюсь, как всегда сомневаюсь…

В зал вкатился коротконогий толстячок. Его коричневый бархатный камзол был весь заляпан землей и глиной. Мясистые щеки прыгали и тряслись.

— Ваше величество! Защиты и справедливости! — еще с порога запричитал коротышка. — Меня бессовестно ограбили! Ночью на дороге на меня напали разбойники. Отняли сундук, полный посуды из серебра и золота. Цены ей нет! Я разорен!

По щекам толстяка покатились крупные слезы. Они казались сладкими и розовыми.

— Стоит ли огорчаться из-за таких пустяков, — лениво протянул король. — Что такое богатство? Так, суета, тлен. Смотрите на все философски, друг мой. Эй, кубок вина моему гостю!

Слуга с поклоном подал толстяку золотой кубок на серебряном подносе.

Тот изумленно охнул, вытаращил глаза, и вдруг лицо его расплылось в счастливейшей улыбке.

— Вот те на! Это же мой кубок. Из моего сундука! — Толстяк прямо-таки подпрыгнул от радости. Вино из кубка потекло по его пухлым, словно вылепленным из теста пальцам. — Видите, видите, вот мои инициалы «И» и «Т». Игран Толстый! Игран Толстый — так меня зовут.

— «И» и «Т» — это инициалы моих сыновей, принцев Игни и Трагни, — со скучающим видом проронил король. — И подумайте сами, каким чудом ваш кубок мог очутиться у меня во дворце?

— Справедливо, справедливо, ваше величество, — запинаясь, забормотал Игран Толстый. — Но извольте взглянуть. Вмятинка на боку. Вот она, вмятинка. Мой слуга ненароком уронил этот кубок…

— Боюсь, ох, боюсь, и вас тоже могут уронить ненароком. А что, если у вас на боку тоже появится вмятинка, бесценный господин Игран? — пропел под самым ухом Играна Толстого юркий Врядли. В глубине его глаз поблескивали быстрые, ускользающие искры, и он лукаво опускал глаза. — Сомневаюсь, что это приведет к добру. Вряд ли, вряд ли! Сомневаюсь во всем и вам советую. Лучше отправляйтесь-ка восвояси подобру-поздорову. Налегке оно и сподручнее. Мой вам добрый совет, пока с вами не приключилось чего похуже.

Игран Толстый испуганно выронил золотой кубок, и тот со звоном покатился к ногам короля.

— Помилуйте, ваше величество! — Игран Толстый упал на колени, словно плюхнулся на толстые подушки. — Негодяи были в масках, но я догадался, кто они. Это рыбаки! Чуть рассвело, мои слуги нашли на дороге рыболовную сеть.

Игран Толстый оперся ладонью об пол, неуклюже поднялся с колен.

— Смотрите, ваше величество! Рыболовный крючок! Впился в мой дорожный плащ.

Игран Толстый ухватил крючок, вырвал его вместе с куском бархата и протянул королю на дрожащей ладони.

Игни, не сдержавшись, пихнул локтем брата.

— Да, похоже, вы правы. Вас ограбили рыбаки, — король брезгливо тронул кончиком пальца рыболовный крючок. Вместе с тем, как ни странно, затаенная улыбка скользнула по его губам. — Что ж! Виновные будут наказаны, и наказаны сурово.

— А… мои сундуки? — с трепетом и надеждой спросил Игран Толстый.

— Сомневаюсь! — тощий Врядли с деланным сочувствием развел руками. — Вряд ли, вряд ли найдутся. Сомневаюсь и вам советую. Народец — дрянь. Пошаливает тут народец. Вот не далее как неделю назад… Ну точно, прошла неделя. Ехали путешественники из дальних стран. Везли редкие жемчужины. И что вы думаете? Вот так же ночью на них напали разбойники. Всех перемазали сажей да еще в спешке обронили кузнечные клещи и подкову. Ясное дело — кузнецы, кто же еще. Брошены в тюрьму, заточены в подземелье.

— А жемчуг? — встрепенулся Игран Толстый.

Вря дли скорбно покачал головой.

— Ищи ветра в поле! Представьте себе только, жемчужины были величиной с грецкий орех, вот жалость-то, а, господин Игран? Ну что вы скажете?

Игни и Трагни, потешаясь, переглянулись. Игни хихикнул в кулак.

Игран Толстый открыл было рот, но Врядли не дал ему сказать и словечка:

— Еще послушайте. Ехали тут как-то лесом богатые люди, знатные люди, всем известные, только я вот их не знаю. Везли с собой изумруды… Никогда не видел изумрудов такой красоты!

— Так вы их видели? — Игран Толстый даже привстал на цыпочки. — Значит, они нашлись?

— Гм… — несколько смешался Врядли, но тут же затараторил еще быстрее: — Разве я сказал «видел»? Я сказал «никогда не видел». Помилуйте, как я мог их видеть, если их украли. Просто я хотел сказать, что если бы их не украли и я бы их увидел, то тогда, конечно, я бы мог сказать, что никогда не видел изумрудов такой красоты. Поняли теперь, милый, славный господин Игран?

Игран Толстый только растерянно поморгал глазами. Он хотел что-то сказать, но Врядли не умолкал, слова сыпались, как горох:

— Впрочем, могу вас порадовать: разбойников мы изловили. Ими оказались пекарь с подмастерьями. Тащили мешок с мукой, а в мешке прореха. Да еще в канаве нашли пирожки с капустой, сдобные булочки и…

— Довольно! — нетерпеливо прервал король его болтовню. — Я устал. Рыбаков — схватить, предать суду. Каргор, наш судья, мудр, справедлив и скор на расправу. В этом наш почтенный гость сможет убедиться сам. И не далее как завтра.

Игран Толстый с молчаливой тоской посмотрел на золотой кубок, лежавший на полу в луже пролитого вина. Отвесил несколько поклонов и, пятясь, выбрался из зала.

Глава 9
Ребята приходят на помощь. И главное: кинжал с надписью на рукояти

А теперь, друзья мои, нам пора вернуться к волшебнику Алеше. Ведь мы уже давно ничего о нем не знаем.

Рассветало. Сквозь неплотно прикрытую дверь сарая было видно бледное небо, чуть подсвеченное розовой полоской над самыми крышами. В дверь тянуло утренним, зябким холодком.

Волшебник Алеша не спал всю ночь. Ворочался с боку на бок. Думал, напряженно искал ключ к непонятным загадкам. Зато кот Васька беспечно дрыхнул за двоих на сухом пахучем сене.

Волшебник Алеша пригладил взлохмаченные волосы, стряхнул сухие травинки, зацепившиеся за свитер, и окликнул кота Ваську.

Кот Васька лениво и сонно потянулся и вдруг вскочил, тараща круглые глаза.

— Вот те на! Мы еще тут? А я-то думал, посплю немножко, а проснусь уже дома! — разочарованно протянул он.

Волшебник Алеша ничего не ответил. Он сполз

с копны сена и выбрался из сарая. Кот Васька мигом вскарабкался ему на плечо.

Пухлые облака в несколько слоев закрывали солнце. Но дул ровный теплый ветер.

Волшебник Алеша сложил шарф, сунул в карман и зашагал по улице.

Его тут же окружила стайка любопытной ребятни.

— Он — хороший, — застенчиво сказала худенькая рыжая девчушка.

— Подумаешь, важная птица! — засмеялся вихрастый мальчуган. Он приплясывал на месте, вскидывая босые ноги, и поднял целую тучу пыли. — Ишь как чудно вырядился. Где плащ? Где шляпа?

— А почему у него кот на плече? Может, он фокусник? Бродячий фокусник? — закричал другой мальчишка.

— Эй ты! А кот тебе зачем? Верно, билетики вынимает на счастье?

Кот Васька возмущенно зашипел и выгнул спину.

— Погадай! Погадай нам!

Мальчишки с веселыми воплями закружились вокруг волшебника Алеши. У него запестрело в глазах: рваные локти, смеющиеся рожицы, вес-

нушки и нечесаные вихры. Кто-то показал ему длинный нос. Чья-то проворная рука вытянула шарф из кармана. Еще кто-то повис у него на руке, болтая ногами.

— Погадай! Погадай! Купит мне матушка к зиме башмаки? Нас вон сколько! Семеро братьев. А башмаки одни!

— Нет, пусть сперва мне погадает!

— Пусть скажет, как найти серебряную монетку!

— Скоро ли сборщик налогов лопнет от злости и околеет?

На ребят налетело облако пыли.

Послышалось громкое «Тпру!», и рядом остановилась карета. На козлах — дюжий кучер с широкой спиной.

Ребята с визгом бросились врассыпную, кого-то успел задеть длинный безжалостный кнут.

Из окна кареты выглянул плюгавый человечек. Увидев волшебника Алешу, так и замер. Впился в него острыми, как буравчики, глазами. Забормотал про себя что-то непонятное:

— Сомневаюсь и всем советую… На кого похож?

Ни на кого не похож. Странно, очень странно, непонятно и подозрительно. Кто такой, зачем,

откуда и так далее?

— Это господин Врядли, — вихрастый мальчишка ткнул волшебника Алешу локтем в бок. — Удирать надо!

— Плохой… — прошептала рыжая девчушка, выглядывая из-за угла.

— Эй, стража! — во весь голос завопил Врядли. — Сюда! Схватить вот этого!

Вряд ли протянул руку, повелительно указал на волшебника Алешу.

С запяток кареты спрыгнули два долговязых лакея с разбойничьими рожами. В руках у обоих — ножи.

Из-за угла вихрем вылетело несколько стражников на лошадях. Сколько их, волшебник Алеша не успел сосчитать: пять или шесть. Он только услышал грохот сапог, когда они спешились.

Быстрый, как обезьянка, вертлявый человечек выскочил из кареты и двинулся на волшебника Алешу. В руке его, заведенной за спину, потаенно сверкнул холодным блеском тонкий отточенный кинжал.

«Окружают! Подлая шайка… — мелькнуло в голове волшебника Алеши. — Дело дрянь».

Он перехватил руку Врядли, сжимавшую кинжал, и стал по одному быстро разгибать холодные

цепкие пальцы. Врядли пронзительно взвизгнул, но волшебник Алеша резким толчком отшвырнул его в сторону. Кинжал упал на землю. В тот же миг сзади на волшебника Алешу, как тяжелый мешок, навалился кучер. Они оба рухнули на дорогу, но волшебник Алеша успел нащупать в мягкой пыли чуть блеснувшую рукоять кинжала.

Волшебник Алеша извернулся, коленом надавил на толстое брюхо кучера, угрожающе вскинул руку с кинжалом.

— Берегись! — послышался звонкий мальчишеский голос.

За спиной волшебника Алеши стояли двое слуг с ножами наготове.

— Прикажете связать, господин Врядли? — злорадно ухмыльнулся один из них. — Или прирезать? Это мы мигом!

Волшебник Алеша отскочил в сторону, сжимая кинжал. Пусть теперь только попробуют схватить его!

Где-то воинственно мяукнул и зашипел кот Васька. Видно, отважный кот тоже ввязался в драку.

«Не пришибли бы его ненароком...» — тревожно подумал волшебник Алеша. Он прижался

спиной к шаткому забору. Толстый кучер, расставив руки, шел прямо на него. Через канаву разом перемахнули трое стражников. Один из них по-звериному пригнулся, приготовился к прыжку.

— Живьем хватайте! Он мне живой нужен! — простонал Врядли, корчась на земле. — Негодяй! Он переломал мне все ребра.

— Ни с места! Так просто я не сдамся! — крикнул волшебник Алеша.

В этот миг толпа ребятишек с криком и гомоном высыпала на дорогу. Словно в дикой пляске они завертелись вокруг стражников. Мягкая пушистая пыль поднялась густыми клубами. Гибкие, скользкие, как рыбки, ребятишки ловко увертывались от неповоротливых верзил.

Уже ничего нельзя было разглядеть в мутном буром облаке пыли.

Толстый кучер споткнулся и всей тяжестью рухнул на господина Врядли. Стражники, кашляя и задыхаясь, бестолково метались, терли глаза, налетали друг на друга. Все смешалось: испуганное ржание, проклятия, лязг оружия.

Волшебника Алешу схватила за край свитера чья-то маленькая рука. Куда-то потянула. Он доверчиво двинулся вслед за невидимым вожатым, крикнув только:

— Кот Васька, за мной, не отставай!

— Тут я, тут! — бодро отозвался из самой гущи пыльного облака кот Васька. Волшебник Алеша вздохнул с облегчением: жив и невредим верный кот.

— Нагнись! — приказал тоненький детский голосок.

Волшебник Алеша послушно нагнулся, пролез под перекладиной в щель забора. Он немного отдышался и протер глаза.

Так вот кто спас его! Маленькая босая девочка в длинном платье с обтрепанным подолом. Волшебник Алеша увидел серьезное бледное личико, россыпь веснушек на щеках и две тощие рыжие косички.

— Сюда, сюда, скорее…

Волшебник Алеша неведомо как очутился возле уже знакомого ему старого сарая. Скрипнула дверь, косо висящая на одной петле. Он упал в душистое сено, с наслаждением почувствовал, как колют щеку ломкие стебли.

— Славное было сраженьице, а? — хвастливо заявил кот Васька. В глазах его еще горел боевой огонь. — Даже не сосчитать, скольких я перецарапал. Самого господина Врядли за нос цапнул. Попомнит он мои коготки!

Кот Васька куда-то исчез, но скоро вернулся, очень довольный, благостно мурлыча и облизываясь.

Рыжая девчушка принесла волшебнику Алеше горбушку хлеба и глиняную кружку с парным молоком.

— А далеко ли отсюда до башни Ренгиста Беспамятного? — спросил волшебник Алеша.

Тут сверху, из-под самой крыши, как белки из дупла, посыпались босоногие веселые мальчишки.

— Близко! Мы проводим, покажем!

Мальчишки окружили волшебника Алешу. Самый маленький весь закутался в его шарф. Обмотался им до самой макушки, оставив только щелочку для глаз.

— Хороший… — ласково шепнула рыжая девочка и погладила кота Ваську, а тот благодушно потерся мордой о ее ладонь.

В сарае было достаточно светло, и волшебник Алеша смог разглядеть надпись, опоясывающую рукоять кинжала: «Сомневаюсь и вам советую».

Он сунул кинжал за пояс. Еще соскользнет в пышную груду сена: потом ищи — не найдешь.

Поразмыслив, волшебник Алеша решил — разумнее дождаться темноты. Днем на улице как

раз угодишь в лапы стражников.

Бессонная ночь брала свое. Тепло пахло сухими цветами и травами. Волшебник Алеша сам не заметил, как задремал.

Его разбудил кот Васька. Бесцеремонно ткнулся в щеку холодным мокрым носом.

— Ты что, решил тут навсегда поселиться? — недовольно спросил он. — Очень мило, ничего не скажешь.

Волшебник Алеша вздохнул, потянулся. В дверном проеме было еще светло, но в сарае уже скопилась темнота и только поблескивали ребячьи глаза.

«Пора!» — решил волшебник Алеша.

Ребята всей гурьбой вывели его на пустынную улицу.

— Вон там, там, — показали они на темневшую вдали за крышами домов башню. Издали она казалась плоской, словно угловато и неровно вырезанной из черной бумаги.

— Хороший… — ласково и грустно шепнула ему на прощание рыжая девочка.

Волшебник Алеша обернулся и помахал рукой стайке ребятишек. Они притихли и смотрели ему вслед. Их рваные одежки слились в одно темное пятно, и только белели лица и босые ноги.

«Славные ребятки! Как им помочь?» — подумал волшебник Алеша.

— Неплохие, — солидно согласился кот Васька. Видно, волшебник Алеша думал вслух. — Котов уважают. Особенно нарисованных. А что касается меня, я с хорошими людьми всегда договорюсь. Мы друг друга поймем.

Волшебник Алеша шел, осторожно оглядываясь, прижимая к груди кинжал. С ним он чувствовал себя уверенней и спокойней.

Одинокие прохожие не обращали на него внимания.

Над темной башней Ренгиста Беспамятного, словно указывая ему путь, зажглась робкая звездочка.

Уже близко…

И вдруг случилось нечто невероятное. Кинжал словно ожил в его руке, задрожал и сам собой повернулся острием вперед. Волшебник Алеша судорожно стиснул рукоять, стараясь удержать его, но куда там!

Кинжал с силой вырвался из его руки и быстро полетел вдоль улицы. Свет фонаря коротко сверкнул на его отточенном клинке.

Волшебник Алеша проследил взглядом его полет. Кинжал долетел до конца улицы и скрылся

в темноте.

— Ты чего? Вот еще придумал! — сонно пробормотал кот Васька. — Зачем такой хороший ножик кинул? Острый…

Волшебник Алеша ничего ему не ответил. Да и что он мог сказать? Он сам не знал, почему кинжал вырвался из его руки и улетел. Одно только ясно: он опять остался без оружия. Досадно и не вовремя. И к тому же — еще одна загадка!

Глава 10
Последнее заклинание Ренгиста Беспамятного. И главное: неожиданная встреча

Дождь кончился. Все вокруг казалось умытым и свежим. Вечерний воздух был таким чистым, что можно было разглядеть за крышами дальних домов башню Ренгиста Беспамятного, похожую на темную зубчатую тень.

Астрель невольно протянула вперед руки. О, если бы она могла каким-то чудом хоть ненадолго очутиться в башне! Среди тех, кто ее любит, в безопасности и тепле. Услышать хоть одно доброе, ласковое слово.

А вместо этого… Из-за двери доносились сиплые, резкие голоса стражников. Стражники играли в кости, бранились, ссорились из-за медяков. Нет, их не разжалобишь, не уговоришь!

Астрель ломала голову, как ей выбраться из дворца, и ничего не могла придумать.

Облака, розовея, длинными рядами бежали на запад. Солнце опускалось за верхушки Оленьего леса. Скоро, очень скоро начнет смеркаться. Что

же ей делать?

Неожиданно дверь распахнулась. В комнату, отвешивая мелкие частые поклоны, вкатился толстенький человечек, маленький, приземистый, в туфлях на высоченных каблуках.

Позади теснился целый штат подмастерьев. У каждого в руках волны кружев, тонкие вуали, белый как снег шелк.

«Королевский портной», — догадалась Астрель.

Но круглого человечка тут же грубо отпихнул в сторону еще один портной, длинный, тощий, на журавлиных ногах.

— Меня прислал сам принц Игни, чтоб я снял мерку для подвенечного платья, — хвастливо заявил толстяк, — так что тебе, дружок, нечего здесь делать. Отваливай!

— А меня прислал сам принц Трагни, — заносчиво и чванливо возразил тощий. — Это я должен снять мерку для подвенечного платья. А ты убирайся!

Оба портных принялись безжалостно крутить, вертеть и поворачивать Астрель.

При этом они толкали друг друга, сыпали на пол дождь булавок и трещали, как сороки:

— До чего тонкая талия! Первый раз вижу!

— Плечи! До чего узенькие.

— Я сделаю юбку пошире и всю в оборках.

— Вот уморил, оборки! Ха-ха-ха! Да невеста просто утонет в оборках, и ее не будет видно. Я украшу платье сверху донизу бантами, бантами, бантами!

— Невежа! Ты, верно, хочешь сшить платье на ветряную мельницу, вот что я тебе скажу.

Астрель с тоской поглядела в окно. Небо теряло свою дневную яркость, словно выцветало на глазах.

Наконец примерка кончилась, и портные отправились восвояси. Остался только маленький портняжка. Он начал ползать на четвереньках, терпеливо подбирая рассыпанные булавки. Астрель принялась помогать ему.

— Что вы, что вы! Я сам… — смущенно пролепетал мальчик. Он глядел на Астрель с робким восхищением.

Когда он уходил, Астрель, в наступивших сумерках, быстро и беззвучно проскользнула вслед за ним…

Астрель торопилась знакомым путем. На этот раз она сильно запоздала.

Вот и башня Ренгиста Беспамятного. По сырой стене ползли густые плети дикого винограда,

словно старались укрепить, поддержать старые, потрескавшиеся камни.

Тетушка Черепаха, как всегда, ждала Астрель на лестнице, высоко подняв свечу своей словно окаменелой рукой.

Астрель быстро взбежала по разбитым, выщербленным ступеням.

Как изменился Ренгист Беспамятный! Минул только один день, а он одряхлел и состарился, словно прошли долгие годы.

Астрель села на низенькую скамейку у его ног. Камин дохнул жаром в спину. Она положила подбородок на колено старика.

Глаза Ренгиста на миг равнодушно скользнули по ней, и он снова пустым, словно невидящим взглядом уставился в огонь.

— Отец! Отец! Боже мой… Что с тобой сегодня? — с ужасом позвала Астрель. — Отец, слышишь, мне страшно, я боюсь. Король грозит заточить меня в подземелье. Там темно и холодно. Там тихо. Там не слышно шума дождя. Я там умру…

Астрель потянула Ренгиста Беспамятного за руку, он качнулся, как кукла, и снова застыл, далекий, чужой.

Отчаянье навалилось на девушку каменной плитой. Она скорчилась на скамейке. Все пропа-

ло… Дождь, дождь, живительный, смывающий печаль и усталость. Стук капель по крыше усыпительно-добрый. Никогда больше она не услышит голоса дождя.

— Прощай, отец…

Она обняла Ренгиста Беспамятного, и ее слеза, тяжелая и горячая, упала на висок старика, сбежала по его щеке к уголку губ.

Ренгист Беспамятный вздрогнул.

— Слеза! Какая горькая! Кто плачет так горько? — дико озираясь, проговорил Ренгист Беспамятный. Глаза его вдруг ожили, и все лицо сразу просветлело.

— Отец! — вскрикнула Астрель. — Это я, принцесса Сумерки!

— Сумерки… — затихающим голосом, полусонно проговорил старик.

— Только не уходи опять туда, отец. Туда, где ты забыл меня, — торопливо и бессвязно заговорила девушка. — Подожди! Не бросай меня тут одну. Дай я согрею дыханием твои руки. Отец! Вспомни, вспомни какое-нибудь заклинание. Ведь ты знал их без счета. Вдруг оно спасет меня!

— Знал, знал, — как эхо, повторил старик. — Все рассыпалось… Я все забыл. А-а! Вот какие-то слова. Или это стая журавлей? Они кружатся надо

мной. Последние… Треугольник журавлей. Не улетайте! Слова… Треугольник…

Ренгист Беспамятный со стоном стиснул лоб рукой, стараясь удержать ускользающие слова. Он заговорил, напрягая голос:

Ивер и авер, венли и вемли!
Силе волшебной, тайное, внемли.
Острое, звонкое в стены вонзись!
Тайна, откройся, тайна, явись!

Астрель глотнула воздуха, замерла в ожидании.

Вдруг мимо ее щеки пролетел сверкающий кинжал и вонзился в стену между камнями.

И в тот же миг воздух наполнился звоном и блеском.

Со всех сторон, легко проникая сквозь толстые камни стен, в зал влетело множество ножей, кинжалов, стрел с цветным опереньем. Со свистом рассекая воздух, они проносились мимо старика и испуганно прильнувшей к нему девушки. Втыкались в щели между камнями и замирали дрожа. Со звоном сталкивались в воздухе. Впивались в закопченные балки потолка.

Из камина вылетела старинная шпага, покрытая рыжими пятнами ржавчины, волоча за собой

ветхие ножны. Воткнулась в пол прямо у ног Ренгиста Беспамятного.

Дверь заскрипела, и вошла тетушка Черепаха с подносом в руках. На подносе стояли две чашки и медный кофейник.

— Тетушка Черепаха! Скорее уходи! — со страхом вскрикнула Астрель.

Но тетушка Черепаха все так же неспешно пересекла зал, будто не сыпались вокруг нее стрелы, не сверкали клинки мечей и кинжалов.

— Ваш кофе, господин Ренгист, — медленно проговорила она и принялась расставлять чашки на столике.

Широкий нож мясника ударил ее прямо в грудь и отскочил, как от крепкого щита. Стрела со скрежетом скользнула по ее переднику.

— Ты наколдовал ножи и кинжалы, отец, — шепнула Астрель, скорее себе самой, чем вновь погрузившемуся в свое дремотное забытье Ренгисту Беспамятному. — Но они меня не спасут.

Над ее головой пролетел тонкий отточенный кинжал и глубоко ушел в высокую спинку кресла. Астрель успела разглядеть крошечные золотые буквы вокруг рукояти.

«Лучше бы он вонзился в мое сердце…» — подумала Астрель.

Ей показалось, что замшелые камни подземелья неумолимо надвигаются на нее, смыкаются над головой. Все кончено.

Астрель с трудом встала. Какая слабость…

И вдруг… Что-то на миг заслонило свет. Через зал пролетел тяжелый топор, сверкнув в блеске огня. За ним — человек, крепко ухватившийся за топорище. Острый топор так и рвался из рук, но человек не выпускал его.

Пролетая над низким столиком, он смахнул ногой кофейник и чашки. Тонкий звон разбитой посуды потонул в железном лязге и грохоте.

Топор с силой врубился в дубовую скамью. Человек рухнул перед скамьей на колени. Он мгновенно вскочил на ноги, вырвал туго заклинившийся топор и с изумлением огляделся.

Он был совсем юн. Сероглаз и высок. Светлые волосы путано падали на лоб. На юноше была простая холщовая куртка с широким кожаным поясом, какие носят мастеровые. Он отлепил от щеки влажный дубовый листок.

— Лес так и хлестал меня ветками. Я пролетал между деревьями… — словно оправдываясь, сбивчиво проговорил юноша. Похоже, он сам не очень-то понимал, что говорит.

— Ах ты бессовестный! — набросилась на него

тетушка Черепаха. — Где это видано без спросу влетать сквозь стены в чужой дом? Заявился без приглашения, да еще перебил дорогую посуду моего господина!

Но юноша, казалось, не слышал ее. Остановившимся, полным изумления взглядом он смотрел на Астрель. Словно глазам не верил.

Астрель стояла, держась за плечо Ренгиста Беспамятного. Ее волосы с серебристо-зеленым отливом упали на выцветший камзол старого волшебника.

Между тем пронзительный свист ножей и кинжалов становился все тише и реже. Да и с самими ножами и шпагами творилось что-то странное. Они медленно уходили в стены, в балки потолка, постепенно исчезали между камнями. Старая ржавая шпага по рукоять ушла в пол и вдруг рассыпалась в прах вместе со своими источенными временем ножнами.

Только остро отточенный топор в руках юноши блестел, отражая игру огня в камине. И все глубже уходил в спинку кресла Ренгиста Беспамятного тонкий кинжал с золотой надписью вокруг рукояти.

— А ну, убирайся отсюда, чтоб духу твоего здесь не было! — в сердцах проговорила тетушка Чере-

паха и со скрипом наклонилась, чтобы подобрать осколки посуды.

Юноша, не отводя взгляда от Астрель, как во сне, попятился к двери. Вдруг из кармана его куртки выпорхнула юркая птичка с хохолком на макушке и уселась у него на плече.

— Ну уж это чересчур! — затараторила птичка Чересчур, ибо это была именно она. — Знаете ли вы, с кем говорите? Это же Гвен — Хранитель Леса! Собственной персоной. Извольте говорить с ним повежливей!

— Гвен Хранитель Леса… — еле слышно прошептала Астрель, и голос ее был как шелест тихого дождя.

— Гвен строил мне такой хороший домик! — гневливо тараща круглые глазки, не умолкала птичка Чересчур. — С башенкой и балконом. Да, да, с балконом, обратите внимание. Я тем временем шмыг к нему в карман. Там попадаются иногда превкусные крошки. И вдруг что-то налетело, закружило. И вот те на! Нас куда-то несет. Летать на собственных крыльях — с удовольствием! Но летать в чужом кармане — это уж, согласитесь, чересчур!

— Это правда, — еще задыхаясь, проговорил юноша. — Я мастерил домик для птички Черес-

чур. Вдруг топор рванулся из моих рук. Это топор моего отца, а ему он достался еще от деда. Я сжал его изо всех сил. Вдруг я почувствовал — ноги мои отрываются от земли и я куда-то лечу. Ветки, деревья, потом, кажется, я летел над городом. И вот я тут. Я не знаю, где я и кто вы.

— Он сказал, что не знает господина Ренгиста! — тетушка Черепаха обомлела от возмущения. — Вот до чего я дожила. Ну и времена! Не знать господина Ренгиста и Астрель — принцессу Сумерки! Ведь это свету конец!

— Астрель… — дрогнувшим голосом повторил Гвен. — Так звенит ручей на камнях в глубине леса, поздно вечером, в темноте.

— В темноте! — вскрикнула Астрель.

Она подбежала к окошку. В густой синеве вечернего неба уже зашевелились первые звезды.

— Я погибла! — Астрель посмотрела на Гвена прощальным взглядом, полным боли и недосказанности, и бросилась к двери.

— Астрель! — крикнул юноша.

Она остановилась, оглянулась через плечо.

— Кто бы ты ни была, Астрель, я пойду за тобой. Клянусь, я защищу тебя от любого врага! — торопливо шагнув к ней, проговорил юноша.

Астрель благодарно улыбнулась Гвену и пока-

чала головой. Мудрой и горькой не по годам была ее улыбка.

— Ты не сможешь идти туда, куда я иду, и никогда не найдешь меня.

— Поторопись, девочка, — позвала тетушка Черепаха, и сколько нежности было в ее глухом голосе! Она стояла в распахнутых дверях с горящей свечой. — Скоро ночь. Как бы тебя не хватились. Поторопись. Терпеть не могу это слово, да делать нечего.

Астрель побежала вниз по уходящим в темноту ступеням. Гвен опрометью бросился за ней.

Птичка Чересчур уселась на каминную доску, недовольно переступая лапками: слишком жарко. Потом перепорхнула на спинку кресла.

— Глупо, очень глупо, — недовольно прочирикала она. — Не знаю, как у вас, у людей, но у нас, у птиц, это называется любовь с первого взгляда. А потом, глядишь, все не то и не так. Чересчур поспешно!

Птичка Чересчур сорвалась с места, покружилась немного и уселась на плечо Ренгиста Беспамятного.

— А все равно она мне понравилась, эта Астрель, — с вызовом вскинула голову птичка Чересчур. — Да! Очень мила и такая легкая. Ей бы

немного перышков, пару крыльев, и я бы научила ее летать. Вот что я вам скажу, и не пытайтесь меня переубедить!

Дверь со стуком распахнулась, в зал ворвался Гвен.

— Где она? Куда вы ее спрятали? — закричал он, озираясь по сторонам. Юноша начал метаться по залу, с грохотом опрокинул стул. — Я бежал за ней, а она… Как в воду канула. Где она?

Никто ему не ответил. Тетушка Черепаха хмуро молчала. Ренгист Беспамятный дремал. Лицо его подергивалось, и было видно, что ему снятся бессвязные, путаные сны.

— Я увидел ее внизу на лестнице, — топнул ногой Гвен. — Она обернулась и, клянусь, поглядела на меня. Ей мешали волосы, она откинула их и поглядела на меня. А когда я выскочил на улицу, ее не было. Исчезла! Шли люди, но ее нигде не было. Потом мне показалось, что она пробежала мимо таверны. Блеснули ее волосы в свете фонаря. Я кинулся туда — опять никого! Где она, говорите, я заставлю вас сказать!

— Бедная, бедная девочка… — вместо ответа прошептала тетушка Черепаха. Охая, она принялась подбирать осколки посуды и складывать их в свой жесткий передник. — Лишь бы она

успела.

Снизу послышался стук. Кто-то стучал в дверь. Сначала негромко. Потом кто-то несколько раз ударил в дверь кулаком.

— Она! — Гвен как молния бросился к окну, и тут же голос его разочарованно упал: — Нет… Это не она. Какой-то человек. Странный такой…

Тетушка Черепаха выпрямилась, кряхтя потерла поясницу.

— Кого еще принесло? — проговорила она. — Нет покоя моему господину. А он так слаб и болен.

Тетушка Черепаха заковыляла к окну.

— Чудной какой-то, — удивленно протянула она. — И одет несуразно. На шее шарф, а на плече…

Птичка Чересчур перепорхнула к окну.

— Да это же кот! У него на плече кот! — возмущенно запищала она. — Да еще полосатый. Ну, знаете ли! Это уже чересчур!..

Тем временем Астрель, невидимая в сумерках, одним духом перебежала мост Зевни-Во-Весь-Рот. Ей казалось, что в груди у нее, раскачиваясь, бьет колокол. Не вздохнуть.

Заслышав ее частые, пугливые шаги, сборщик податей протянул свою короткопалую руку и

чуть было не ухватил девушку за край платья.

— Кто тут? — хрипло крикнул он в пустоту. — Эй, деньги плати! Плати деньги!

Но Астрель была уже далеко. Не чуя под собой ног, она бежала по улицам. Каждое освещенное окно пугало ее. Свет уличного фонаря на углу заставил ее шарахнуться в сторону, словно она была ночной птицей.

Еще издали она увидела, как одно за другим зажигаются окна в королевском дворце. Слуги вереницей переходили из зала в зал, зажигая висячие люстры.

Астрель застонала. Нет, быстрее она бежать не может. А надо быстрее.

Под навесом темной арки неподвижно стояли стражники, не то люди, не то статуи. Надвигающаяся ночь давила тишиной, унынием, медленно текущим временем.

Волосы Астрель зацепились за чугунный завиток решетки. Астрель безжалостно рванула спутанную прядь. Один из стражников закашлялся, прочищая горло.

Но Астрель уже торопливо бежала через сад. Розы погасли в темноте, утонули в густой черной зелени.

Лестница… Боже мой, какая она длинная! Ка-

жется, тысячи и тысячи ступеней. Скорее! За ее спиной слышны мерные, важные шаги. Это поднимается по лестнице слуга, чтобы зажечь свечи в ее комнате.

Астрель собрала последние силы. Что с ней? Ноги словно скованы цепями. Стон вместо дыхания…

Астрель рывком распахнула дверь. Все! Какое счастье, она не опоздала.

Слуга с тяжелым канделябром в руках, ступая по мягкому ковру, поднялся на самый верх лестницы.

В последний миг он успел увидеть, как закрывается дверь в комнату принцессы Сумерки. Мелькнул край серебристого платья и туфелька с острым каблуком.

Глава 11
Суд над братьями-рыбаками. И главное: король сам скрепляет приговор печатью

Рано утром, едва только стукнула в окне первая рама, по улицам города прошел королевский глашатай.

Одежда его пестрела пышными гербами, в руке он нес длинный свиток, перевитый лентой.

— Суд! Сегодня в десять утра состоится суд! Справедливый и великодушный, в десять утра! — монотонно и равнодушно выкрикивал он на всех перекрестках.

Но у каждого, кто его слышал, тоскливо замирало сердце. Что-то будет!

День выдался непогожий, унылый. Клочковатые тучи затянули солнце. Ветер разгонял их, но тут же наползали новые.

Задолго до назначенного срока у высоких стрельчатых дверей собрались жители города. Тревожные лица. Старики грузней, чем обычно, опирались на посохи. Дети пугливо жались к матерям.

Ровно в десять стражники распахнули двери, на створках которых были вырезаны львы с грозно оскаленной пастью.

Люди, притихнув, вошли в тускло освещенный зал.

На помосте стоял длинный стол, покрытый скатертью с тяжелыми кистями, и судейские кресла. Все виделось в какой-то дымке. Судьи в черных мантиях шевелились, как летучие мыши. Мутно белели в полумраке их руки и лица.

Пустовало только одно кресло. Это было кресло главного судьи Каргора. Время шло, но Каргор на этот раз что-то запаздывал. Так еще не бывало.

Судьи перешептывались, наклонялись друг к другу, искоса то и дело поглядывали на пустое кресло.

Люди в зале примолкли настороженно и тревожно, и дыхание их было как один тихий вздох.

Стрелка башенных часов совершала круг за кругом. Каждые полчаса слышался гулкий, раскатистый звон, но Каргор все не появлялся.

Заметное беспокойство охватило судей. Они отрывисто переговаривались. Опрометью куда-то побежал слуга. Писец уронил перья, неловко и торопливо собрал их дрожащими руками и снова рассыпал.

В стороне сидел Игран Толстый. Он нетерпеливо ерзал на скамье, словно никак не мог усесться поудобней. Не без опаски поглядывал на людей в зале, сокрушенно вздыхал, вытирал платком потную шею.

Время давно перевалило за полдень.

С улицы послышались повелительные громкие голоса, щелканье бичей, звон оружия. Четкое цоканье копыт по плитам площади.

— Король! Прибыл сам король! Виданное ли дело… — прошелестело в толпе.

Вошел король, опираясь рукой на плечо маленького пажа. Это был худенький, бледный мальчик в голубом бархате с круто завитыми волосами. Но рот его был напряженно сжат, в глазах застыл недетский испуг.

— Где Каргор? Почему его нет? — голосом тихим, но не предвещающим ничего доброго спросил король.

Его долговязая фигура, одутловатое лицо, сплющенный утиный нос могли бы показаться смешными, если бы не надменность движений и холодный взгляд.

Растерянные, перепуганные судьи с виноватым видом разводили руками, подобострастно кланяясь.

Вдруг слуги шарахнулись в стороны, из дверей пахнуло леденящим холодом, и в зале появился Каргор. Он на миг помедлил в дверях и направился к своему креслу. Но все заметили, что походка его была неверной, шаткой, будто каждый шаг давался ему с трудом.

— Ты с ума сошел, Каргор! — прошипел король, бросив косой взгляд на толпу. — Это нельзя тянуть долго…

И только маленький паж расслышал слабый, измученный голос Каргора:

— Ваше величество… это случилось со мной впервые. Я обернулся вороном и вылетел из своей башни загодя. Времени у меня было довольно, я мог не спешить. Пролетая над башней Ренгиста Беспамятного, я не удержался и заглянул в окно. Много лет я не видел своего братца. Дряхлая развалина — вот каким он стал, я едва узнал его. Я не почувствовал жалости, нет. Старые счеты, государь, старые счеты. Радость, торжество охватили меня. Но я помнил, сегодня суд над рыбаками и надо поспеть вовремя. Я опустился на землю, чтобы принять обличье человека, и… не смог. Проклятье! Вновь обернуться человеком мне не удавалось. Десятки раз я взмывал вверх и с силой ударялся о землю. Все напрасно! Как описать

мой ужас! Но вдруг я почувствовал: да, я снова человек и обеими ногами стою на земле. Это не к добру, государь. Мне следует быть осторожней…

Паж съежился под тяжелой рукой короля. Крепко прижал ладонь к губам, у него зуб на зуб не попадал от страха.

— Пустое, — нетерпеливо дернул плечом король. — Глупости и бредни. Пора начинать, поторопись!

По знаку Каргора ввели братьев-рыбаков, рослых, рыжеволосых. У обоих были мужественные, открытые лица с добрыми веснушками на щеках. Звон цепей сопровождал каждый их шаг.

Невнятный ропот пронесся по залу и стих.

Кто-то из подручных слуг кучей вывалил на стол перед судьями спутанную рыболовную сеть. Кое-где поблескивала прилипшая чешуя.

— Это они, они! Что, попались, голубчики! — вдруг взвизгнул Игран Толстый. Он оперся ладонями на скамью и неуклюже приподнялся. — Это они украли мою чудесную посуду! Золотую и серебряную. Я их узнаю, хотя я их не видел. То есть я их видел, только вот беда, не мог разглядеть толком. А как их разглядишь, если эти разбойники и негодяи были в масках?

Гул возмущения волной прокатился по залу:

— Коли не разглядел, так и молчи!

— Такие честные парни!

— Мы все их знаем! Они не воры!

Король окинул беглым взглядом толпу и резко повернулся к Каргору:

— Довольно! Молчать! Вина их доказана. Зачитай приговор, судья!

— Мы никогда не видели этого толстого господина. Не понимаем, о чем он говорит! — крикнул старший из братьев. Он поднял руку. Зазвенели цепи. — Клянусь, наша совесть чиста!

— А почему рыболовная сеть оказалась на дороге? Чья она?

Каргор посмотрел на рыбака своими леденящими душу глазами.

— Мы вернулись с ловли как всегда. Сеть повесили сушиться на жердях возле дома. Потом она пропала. Это святая правда! — упрямо тряхнул головой старший брат и сделал шаг вперед. Но рука стражника тяжело надавила ему на плечо.

— Посуда! Моя посуда! — снова взвизгнул Игран Толстый. Он с мольбой протянул к судьям руки с розовыми, как у младенца, пухлыми пальцами, заговорил угодливо, льстиво: — Господа, добренькие судьи! Пусть они отдадут мне мои кубки и подносы, а потом делайте с ворами что вашей

милости угодно. Мне все равно, только верните мне мое добро!

— Мне надоел этот человек, — король нетерпеливо нахмурился.

Двое стражников вмиг подхватили Играна Толстого под мышки и стянули с лавки. Они пронесли коротышку через весь зал, а он истошно выкрикивал что-то, болтая в воздухе толстыми ножками. Стражники вынесли его из дверей. Писклявый голос затих.

Каргор медленно-медленно развернул свиток.

Пальцы не слушались его, словно это была не бумага, а скатанный в трубку лист железа. На впалых висках проступили капли пота.

— Именем справедливейшего из королей, — начал он. Голос его звучал глухо и невнятно, словно доносился из-под земли. — Братья-рыбаки Ниссе и Лесли с Окуневой улицы, из дома, что напротив лавки башмачника, виновны в ограблении достопочтенного господина Играна Толстого! Улики налицо, и вина их доказана. Суд присуждает их к вечному заключению. Отныне и до скончания жизни они не увидят никого и никто не увидит их!

Из глубины зала послышались громкие горячие голоса:

— Они же ни в чем не виноваты, за что?

— Не они первые ложно осуждены!

— Где пекарь и его подмастерья? Где кузнец Верлик?

Надрывно зарыдала какая-то женщина:

— Ниссе, мой Ниссе, родной!

Зал грозно шумел. Невидимые в полумраке люди вскакивали с мест, и гнев волнами прокатывался по их рядам.

— Каргор, надо кончать… — торопливо, шипящим шепотом приказал король. Паж съежился возле него, сжался комочком. — Скрепи приговор печатью!

Но Каргор почему-то медлил.

— Ну! — бешено топнул ногой король. — Торопись! Разве ты не видишь?..

Каргор медленно потянулся к большой печати, лежавшей на столе перед ним.

Но тут лицо Каргора начало странно меняться. Брови нависли над глазами, а сами глаза стали круглыми, и тусклый огонь зажегся в их глубине. Нос вытянулся, хищно загнулся книзу и заострился.

Рука Каргора повисла в воздухе, словно не решаясь опуститься. Наконец, собравшись с духом, Каргор схватил судейскую печать…

И в тот же миг его рука превратилась в птичью лапу. Длинные кривые когти блеснули как старый янтарь.

Каргор хрипло вскрикнул и выронил печать. И тотчас же птичья лапа снова стала человеческой рукой.

— Мамка, это ворон! — тоненьким испуганным голосом вскрикнул маленький мальчик на руках у матери.

— Ворон? — Каргор быстро, по-птичьи повернул голову, круглыми страшными глазами уставился на толпу. — Кто сказал… ворон?

Никто не ответил ему, все словно оцепенели под этим взглядом.

— Боюсь! Боюсь! — заплакал ребенок, но мать прижала его личико к своей груди, заглушая плач.

— Ну что ж, если так… я сам скреплю приговор печатью, — стараясь скрыть замешательство, проговорил король, голос его утерял былую властность.

Кто-то из судей подал королю печать. Капнул расплавленный сургуч. И король с силой надавил на сургуч печатью.

Стража окружила со всех сторон братьев-рыбаков. Отныне их никто не увидит. Никогда…

— Прощайте! — донесся голос старшего брата.

Но все заглушили грубые окрики стражников, лязг цепей, звон и скрежет оружия.

Слуги распахнули золоченые дверцы королевской кареты.

— Славно я поохочусь! — облегченно вздохнул король, садясь в карету. Он всей тяжестью оперся о плечо пажа, так что мальчишка еле устоял на ногах. — Дело кончено. Вот теперь это будет поистине королевская охота!

У маленького пажа в глазах стояли слезы, и ему показалось, что у короля четыре ноги, а спина застилает полнеба. Он поскорей захлопнул дверцу кареты с золоченым гербом.

«При чем тут охота? — подумала, пролетая мимо, птичка Чересчур. — Суд, рыбаки и вдруг королевская охота! Одно не вяжется с другим. Бестолочь, воробьям на смех. Э, да кто их разберет, этих людей? Мне-то уж, во всяком случае, некогда. Столько дел, столько дел! Особенно сегодня. Просто чересчур много дел!»

Глава 12
Гвен дает поручение птичке Чересчур. И главное: волшебник Алеша узнает о голубой искре

Теперь вернемся назад, друзья мои.

Вы, надеюсь, помните, что Астрель так быстро убежала из башни Ренгиста Беспамятного, что Гвен Хранитель Леса не смог догнать ее.

И конечно, вы догадались, кто в это время постучал в дверь башни. Да, да, вы не ошиблись! Это был не кто иной, как волшебник Алеша. А на плече у него сидел сердитый и вконец изголодавшийся кот Васька.

Если бы вы пять минут спустя заглянули в зал, где у горящего камина безразличный ко всему сидел в своем кресле Ренгист Беспамятный, вы бы сильно удивились.

Посреди зала, как всегда суровая и невозмутимая, стояла тетушка Черепаха, а Гвен и волшебник Алеша, перебивая друг друга, засыпали ее вопросами.

— Куда она убежала? Что вы молчите? Отвечайте, ну? — это нетерпеливо спрашивал, конечно,

Гвен Хранитель Леса.

— Кто этот величавый старик? Это и есть Ренгист Беспамятный? — это уже спрашивал волшебник Алеша.

— Почему она так торопилась, будто за ней кто-то гнался?

Тем временем сверкающие ножи и мечи ушли в толщу стен и пропали. Последняя стрела с пестрым оперением скрылась между плитами пола.

Острый кинжал, опоясанный по рукояти золотыми буквами, пронзил насквозь спинку кресла Ренгиста Беспамятного и полетел прямехонько к распахнутому окну. В последний момент волшебник Алеша ловко ухватил его за рукоять.

— Посмотри-ка! Вернулся ко мне старый знакомец. Вот и надпись та же самая: «Сомневаюсь и вам советую», — удивился волшебник Алеша, разглядывая кинжал. — Хотя, по правде сказать, я сразу смекнул: неспроста в этом зале столько всяких ножей и кинжалов. Тут какое-то волшебство, ясное дело. А теперь, похоже, они возвращаются назад, откуда прилетели. Что ж, может статься, ты мне еще пригодишься, кинжал господина Врядли!

Кинжал шевельнулся в его руке и затих.

— Какая опасность грозит Астрель? Я должен

знать! — Гвен схватил за плечо тетушку Черепаху. Но она сердито стряхнула его руку.

— Я получил это письмо. Его написала принцесса Сумерки. Взгляните, пожалуйста, — волшебник Алеша сунул руку в карман, но письма не было, хрупкая бумага рассыпалась в прах, в мелкие клочья.

— Все врешь. Нет у тебя никакого письма, обманщик! — с угрозой прохрипела тетушка Черепаха.

— Было письмо, подтверждаю! — оскорбленно пискнул кот Васька.

Птичка Чересчур, с любопытством вертя головкой, поглядывала то на Гвена, то на волшебника Алешу.

— Я пришел сюда, чтобы помочь вам, но я должен знать…

— Она чего-то боялась! — перебил волшебника Алешу Гвен. — Сердце мне сказало. Где она? Где мне ее искать?

— Эх, молочка бы попить… — вздохнул кот Васька.

Тетушка Черепаха с каменным спокойствием слушала их и, похоже, вовсе не собиралась отвечать. Она повернулась и не спеша затопала к двери. Каждый ее шаг раскатисто и гулко

отдавался под сводами зала. Тетушка Черепаха вернулась, держа в руках глиняную миску с молоком, с натугой наклонилась, так что скрипнуло жесткое платье, словно сделанное из костяных пластинок. Подтолкнула кота Ваську ногой к миске с молоком.

Кот Васька перевернулся в воздухе и неловко растянулся на полу, к большому удовольствию птички Чересчур.

— Нет, каковы манеры! Никакого представления о вежливости, — оскорбленно зашипел кот Васька.

Но, отведав молока, нашел, что оно преотличное. Он снисходительно посмотрел на тетушку Черепаху и принялся с удовольствием лакать молоко.

— Своих дел по горло, а тут еще с вами болтай попусту, — досадливо пробурчала старуха. Но, увидев, с каким отчаянием ждет Гвен, кивнула ему. — Астрель… Принцесса Сумерки… Ну и что Астрель? Я все про нее знаю, у девчонки нет от меня секретов. Она не помнит ни отца, ни матери. Росла одна в холодном пустом замке. Сама мне рассказывала: бывало, весь день напролет зябла возле высокого окна, все ждала чего-то. Бедная малышка! Ничего не знала, где отец, где мать,

живы ли. Спрашивала слуг — они ни гу-гу. Как будто боялись чего-то. Один за другим уходили и не возвращались, словно замок был зачумленный. Шли годы. И вот Астрель одна-одинешенька отправилась в путь. Она готова была объехать весь свет, лишь бы хоть что-нибудь разузнать о своих. Немало дней скиталась она, пока однажды на проезжей дороге ее лошадь не схватили под уздцы братцы, добрые и славные Игни и Трагни, детки нашего короля, будь они прокляты! С тех пор и держат ее во дворце, как птичку в клетке.

— В клетке?! — в ужасе подпрыгнула птичка Чересчур. — В клетке… Ах, не говорите таких слов! Это чересчур страшно.

— Между прочим, нигде так не погреешься, как у камина, — очень довольный, заметил кот Васька. Он тем временем свернулся клубочком на ковре у ног Ренгиста Беспамятного. — Камин! Прелесть какая! Живой огонь, не то что батареи у нас в доме. Конечно, не надо лезть слишком близко, особенно тем, у кого такая красивая шерстка. Вот когда вернемся, я всем котам во дворе расскажу…

— Прекрати, — негромко, но строго одернул его волшебник Алеша.

— А почему Астрель не пробует убежать из

дворца? — с волнением спросил Гвен.

— Попробуй убеги, какой умник нашелся! Сколько раз она убегала, — проворчала тетушка Черепаха. — Слушай последнее. И довольно. Больше я ничего не скажу. Все равно нет ей спасенья. Знай: в сумерках Астрель становится невидимой. Она может незаметно ускользнуть из дворца. А дальше что? На всех улицах стража с фонарями. Ночью не схватят, так утром поймают. Да и куда ей бежать?

— В лес! — Гвен вскочил на ноги. — Только бы ей выбраться из дворца. Я спрячу ее в лесу, там никто ее не сыщет. Деревья — мои друзья — скроют ее в своей тени, птицы будут служить ей.

— Служить?! Только не я! — надменно и гневно взъерошила перья птичка Чересчур, но тут же смягчилась: — Впрочем, я могу стать ее подругой. Она — милая. Я даже расскажу о ней господину Каргору. Он мой хороший приятель. Я к нему запросто летаю и рассказываю все новости.

— Да я сверну тебе шею! Посмей только сказать ему хоть слово! — свирепо прохрипела тетушка Черепаха. — Как ты посмела сюда явиться, дрянь ты этакая, если якшаешься с этим дьяволом Каргором!

— А вот тут вы не правы! — бесстрашно вос-

кликнула птичка Чересчур. Но на всякий случай она взлетела повыше и уселась на прокопченную потолочную балку.

Птичка Чересчур, чувствуя себя в безопасности, строптиво вскинула головку.

— Это вот вы вздорная и злая, госпожа тетушка Черепаха! А господин Каргор самый добрый на свете. Он обещал спасти нас от страшного ворона, который завелся в нашем лесу и губит невинных птичек. Вот что он мне сказал: «Я только закончу одно неотложное дельце — и весь к вашим услугам. Мне надо кое-что уничтожить, погасить…» Вот что он мне сказал. А я сама видела, что он хочет погасить. Маленькую голубую искру. А она горит и не гаснет. Прямо беда!

— Что ты сказала, птичка Чересчур? Голубая искра? Горит и не гаснет? — встрепенулся волшебник Алеша. — Это любопытно! Ну-ка расскажи поподробней.

— Да слушай ты ее больше, — гневно проскрипела тетушка Черепаха. — Была бы у меня под рукой метла или жердь подлиннее, я бы ей показала…

— Да, горит и не гаснет, — птичка Чересчур насмешливо посмотрела на тетушку Черепаху. — Но он ее непременно погасит, и тогда господин

Каргор обещал…

Но птичка Чересчур не успела договорить…

Потому что Ренгист Беспамятный, до сих пор равнодушный ко всему, словно окаменевший, вдруг вздрогнул и медленно приоткрыл глаза.

— Каргор… Обещал… Знакомые слова. Ты обещал мне… — глухо проговорил он, и столько страдания, неизжитой боли было в его голосе, что все стихли, глядя на него. — Каргор, ты обещал мне, что я услышу ее голос. Голос моей Дождирены. Взамен ты потребовал: «Отдай мне за это, что бы я у тебя ни попросил». Я согласился и скрепил свое слово клятвой. И я услышал ее голос…

Ренгист Беспамятный оперся на ручки кресла и встал. Он встал так тяжело, как если бы мраморная статуя поднялась с мраморного кресла. Он стоял выпрямившись, величественный, словно былое могущество вернулось к нему. Волосы седым серебром падали ему на плечи, в глазах, не проливаясь, стояли крупные слезы.

Вдруг он пошатнулся, словно силы покинули его.

Волшебник Алеша бросился к нему и успел поддержать рухнувшего ему на руки дряхлого, беспомощного старика. И только он один услышал его угасающий шепот:

— Потом… Потом я сдержал свою клятву, Каргор. Я отдал тебе то, что ты потребовал. Хотя знал, что это смерть, что это страшнее смерти…

Волшебник Алеша и тетушка Черепаха усадили в кресло Ренгиста Беспамятного, и он снова погрузился в безжизненный сон и молчание.

— Растревожили моего доброго хозяина, — причитала тетушка Черепаха, заботливо укутывая старика мягким бархатным плащом. — Явились сюда какие-то бродяги, коты, дрянные пичужки. Мальчишка из леса. И вправду, кто ты такой, и не пойму, чего тебе надо? — Тетушка Черепаха подозрительно покосилась на волшебника Алешу.

— Мяу! — отчаянно взвыл кот Васька. Тетушка Черепаха нечаянно наступила ему на хвост. — Ну и лапа у вас, надо сказать! Будьте поосторожней, если у вас такие лапки! Поспать не дают порядочному коту.

И он снова свернулся клубком у ног Ренгиста Беспамятного.

Волшебник Алеша в задумчивости потер лоб. Слишком много странного и необъяснимого обрушилось сразу на него. Как будто в этой сказке все страницы перепутаны.

Птичка Чересчур… А тетушка Черепаха? Почему она так ненавидит Каргора? Ренгист Беспа-

мятный. Его непонятная, бессвязная речь. Какая тайна стоит за ней? И главное: голубая искра. Почему она горит и не гаснет и почему ее хочет погасить Каргор? Не здесь ли разгадка всего? Может быть, это и есть та ниточка, за которую надо потянуть, и тогда весь клубок…

Значит, так. Значит, надо непременно проникнуть в башню Каргора. Чем бы это ни грозило. К тому же у него есть кинжал с надписью на рукояти. Так что голыми руками его не взять.

— Птичка Чересчур, — негромко окликнул Гвен маленькую птичку. — У меня к тебе дело. Очень важное. От этого зависит жизнь и смерть. Слышишь, птичка Чересчур?

— Ты — наш друг, Гвен Хранитель Леса. — Птичка Чересчур перелетела к нему на плечо и на миг с нежностью прижалась своей быстрой головкой к его щеке. — Поверь, я сделаю для тебя все, что смогу.

— Добрая душа, хоть и дуреха, — вздохнула тетушка Черепаха.

Дрова в камине догорели. Казалось, алые угли тихо шевелятся под мягким пеплом.

Небо на востоке посветлело. Проплыло высокое розовое облако.

— Вот и утро. Развели разговоры на всю ночь, —

недовольно проскрипела тетушка Черепаха. — А толку что? Одна болтовня, и все. Разве кто поможет в нашей беде?

Глава 13
Птичка Чересчур прилетает во дворец. И главное: Каргор узнает, для кого Гвен построил новую башню

Астрель сидела в большом глубоком кресле, поджав под себя ноги.

Солнце грело ей руки и колени. Теплое, полное радости, оно говорило ей о какой-то другой жизни, мешало думать.

«Гвен… Гвен Хранитель Леса… Какие у него добрые глаза! Он совсем молодой, а руки старше. Видно, много поработали. Он — сильный. А как он смотрел на меня! Удивленно. Ну точно ребенок».

Астрель слабо улыбнулась, но улыбка быстро угасла. За эти годы она совсем разучилась улыбаться. Она больше никогда, никогда не увидит Гвена Хранителя Леса. Там, в глубоком подземелье, куда ее бросят, будут только камни вокруг, бездушные, мертвые. Но даже там кто ей запретит думать о Гвене?

За окном послышался капризный тоненький голосок:

— Чересчур, чересчур много окон! Поди отыщи,

какое нужно. А, вот она, Астрель! Ну наконец-то.

В окно влетела птичка Чересчур. Облетела всю комнату, с любопытством оглядывая стены, все вокруг. Нисколько не боясь, опустилась прямо на плечо Астрель.

— Никогда не бывала во дворце и прямо скажу: ничего особенного! — быстро заговорила она. Перепорхнула на руку Астрель, уселась на указательном пальце, перебирая цепкими лапками и хлопотливо вертя головкой. — Чересчур много ненужных вещей, вот что я считаю. Чересчур! А палец у тебя такой тонкий, как веточка. Нет, не сравнить ваш дворец с башенками и домиками, которые строит нам Гвен Хранитель Леса. Ах да, кстати, о Гвене. Он прислал меня к тебе.

— Прислал ко мне? — с нетерпением переспросила Астрель. — А что он сказал, милая, добрая моя птичка Чересчур! Что он сказал?

— Не перебивай меня, — строптиво заупрямилась птичка Чересчур. — Все равно мы с Гвеном старые друзья, а ты только вчера с ним познакомилась. Есть разница?

— Конечно, конечно, птичка Чересчур, — поспешно согласилась Астрель. — Ты его друг, самый близкий друг. И все-таки что он сказал?

— Ну уж так и быть, — смилостивилась птич-

ка Чересчур. — Слушай. Ты должна в сумерках убежать из дворца. Только ты не беги к Ренгисту Беспамятному. Все равно он тебе ничем не поможет. Видела его сегодня, залетала к нему. Совсем плох Ренгист Беспамятный, вот что я вам скажу! Его глупая служанка — гнал бы он ее в шею! — отправилась в лес собирать целебные травы и коренья. Ах, кажется, я опять не о том… Так на чем я остановилась?

— Не надо бежать к Ренгисту Беспамятному, а куда бежать? — осторожно подсказала Астрель, боясь рассердить строптивую птичку.

— Ах, ты вечно меня перебиваешь, слова не даешь сказать! — Птичка Чересчур сердито взъерошила хохолок. — Я все уже тебе объяснила. Кто виноват, что ты такая бестолковая? Ты должна в сумерках прийти на опушку Оленьего леса. Гвен будет ждать тебя там. Он уже построил для тебя чудесную башню. Такую высокую, что ты сможешь видеть верхушки деревьев, как будто летишь над ними.

Птичка Чересчур ревниво покосилась на Астрель и перепорхнула на подоконник.

— Чересчур много хлопот из-за такой девчонки, как ты. — Она надменно вскинула головку, но, взглянув на кроткое и нежное лицо Астрель,

быстро вздохнула и защебетала ласково и доверчиво: — Мы с тобой тоже друзья. Ты милая. Хотя, конечно, Гвен… Ах, я заболталась. Мне надо залететь еще к одному моему другу. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур кивнула Астрель и скрылась за окном.

«Неужели спасение, свобода? Как я ненавижу этот дворец! — Астрель соскользнула с кресла, подбежала к окну. — Стражники повсюду: у ворот, на лестнице. Но в сумерках я все равно убегу. Гвен спрячет меня в своей башне, я верю…»

А птичка Чересчур тем временем летела над городом. Ненадолго опустилась на порог пирожника Ринтуса. Тот, как всегда, кинул ей горсть сладких крошек.

Но птичка Чересчур так была взволнована, что только клюнула разок-другой и, наспех поблагодарив, помчалась дальше. Маленькие, короткие мысли теснились и путались у нее в голове:

«Все передала, как велел Гвен… Вкусные крошки… Астрель — милая, но башня, которую построил для нее Гвен, намного красивее дворца. Верхушки деревьев… Чересчур много дел! Крошек не поклевала. Там был такой вкусный кусочек с изюминкой. Ах, нужно все, все рассказать господину Каргору, доброму господину Каргору».

Птичка Чересчур глянула вниз. Тусклые черепичные крыши города остались позади. Теперь она летела над Оленьим лесом. Снизу поднимались столбы холодного болотного воздуха.

«Ну и местечко, хуже не найдешь. Вечно тут хозяйничают туманы. В толк не возьму, зачем господин Каргор построил здесь свою башню? Говорят, король позволил ему выбрать любую поляну, а он облюбовал себе место возле самой трясины. В Оленьем лесу столько уютных полян…»

Птичка Чересчур стремительно влетела в окно башни Каргора. И только жар, полыхнувший из камина, заставил ее с писком ринуться назад. Она уселась, как всегда, на каменный выступ окна и принялась махать крылышками, чтобы хоть немного охладиться.

Каргор сидел перед камином и, наклонившись вперед, ласково, почти нежно гладил огненных змей, плясавших на раскаленных углях.

«Как он может их гладить? Они такие страшные и злые…» — с невольным содроганием подумала птичка Чересчур и тут же беспечно защебетала:

— Сколько новостей, сколько новостей, господин Каргор! Вот уж действительно когда можно сказать: чересчур много новостей! А вы, вижу,

все никак не можете погасить голубую искру?

— Ну, выкладывай, какие новости ты принесла, — равнодушно сказал Каргор. — Представляю…

— Это невозможно, невозможно себе представить! — захлебываясь от волнения и восторга, воскликнула птичка Чересчур. — Крошки пирожного… Нет, я не о том. Какую башню построил Гвен! Какие окна, какие резные двери! Лучше всех башен на свете! — Тут птичка Чересчур немного смешалась, оглядела мрачные своды темного зала. — Впрочем, о вкусах не спорят. У вас тоже очень, очень уютно. По-своему, конечно… А главное, вы никогда, никогда не догадаетесь, для кого Гвен построил эту башню!

Птичка Чересчур закатила глаза и захлопала крыльями.

— Ну, для кого? — Каргор со скукой посмотрел на птичку Чересчур.

— Ни за что не догадаетесь! — Птичка Чересчур с торжеством посмотрела на Каргора. — Для Астрель, принцессы Сумерки, вот для кого.

— Для Астрель? — помедлив, переспросил Каргор. — Ты сказала — для Астрель?

— Ну да! Ну да! — продолжала беспечно заливаться птичка Чересчур. — Астрель должна

сегодня в сумерках прийти на опушку Оленьего леса. Гвен спрячет ее в своей новой башне. Об этом никто, никто не знает. Правда, Астрель милая?

— Милая, милая… — глухо проговорил Каргор. Он нахмурил свои косматые брови, размышляя о чем-то. — Да, это новость, птичка Чересчур.

— Почему ваше лицо вдруг потемнело? — с испугом воскликнула птичка Чересчур. — Что с вами? Вы прямо на себя не похожи! На вас страшно смотреть, господин Каргор… Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур стрелой вылетела из башни. Куда девалась ее веселость! Ей стало отчего-то тоскливо и тревожно.

«Наверно, чересчур много новостей, — решила наконец птичка Чересчур. — И они просто дерутся, ссорятся у меня в голове. Но какие мрачные глаза у господина Каргора! Я как-то прежде никогда не смотрела ему в глаза…»

Едва птичка Чересчур скрылась из глаз, Каргор встал и громко хлопнул в ладоши.

Дверь отворилась, и вошел Скипп. Как всегда, согнулся в поклоне.

— Слушай, Скипп! — властно заговорил Каргор. — Вникни получше в то, что я тебе сейчас скажу. Я отнял у тебя твой голос и запер его в

волшебной шкатулке. Собрал все твои слова, что ты успел наболтать в своей жизни. Жалкая горстка слов! Все больше хвастовство да ругань. Но недаром я великий чародей! Знай, Скипп, я проник в твое будущее! И все слова, какие бы ты мог сказать до конца своих дней, до последнего вздоха, я собрал, сгреб, как мусор, и тоже запер их крепко-накрепко.

Маленькие глазки Скиппа сверкнули тоскливой жадностью. Он искоса бросил быстрый взгляд на сундук в углу.

— Верно, Скипп, шкатулка с твоим голосом в этом сундуке, — кивнул Каргор. — Там она, Скипп, там. До времени там ее место. Да, я сделал тебя немым, и не прогадал. Ты возненавидел всех, кто может сказать хоть словечко. Сколько в тебе злобы, Скипп, славный ты парень, нравишься ты мне. Тебе полюбилось ходить повсюду, подкрадываться, подслушивать, ловить и прятать чужие голоса в мои волшебные ларцы и шкатулки. Доволен ли ты своей работенкой, Скипп?

Скипп часто-часто закивал головой, угодливо поклонился. Он настороженно ждал, что дальше скажет его хозяин.

Каргор в раздумье прошелся по залу, по странной привычке потирая и разглядывая свои руки.

Остановился перед камином.

Голубая искра светила, словно изнемогая, из последних сил. Лучи ее дрожали. Казалось, она задыхается в душном кольце раскаленных змей.

— Скоро, скоро… Еще немного, и ты навсегда исчезнешь, — тихо проговорил Каргор. Но сколько ненависти было в его голосе!

Он с трудом оторвал взгляд от слабо мерцающей голубой искры.

— Ах да!.. — Каргор снова посмотрел на Скиппа. — Мы не договорили, славный ты парень, Скипп. Ты принес сегодня забавный голос. Незнакомый голос. Хотел бы я знать, чей он. Опасаюсь я этого человека, сам не знаю почему. Может, я зря тревожусь. Но что-то не хочется мне оставлять сегодня мою башню без охраны. А мне, как нарочно, надобно отлучиться. Тут в лесу живет один человек, а я и не знал. Гвен Хранитель Леса его зовут. Его в округе все любят. Может, и я с ним подружусь, а, Скипп, как ты думаешь, славный парень Скипп? Ну, а вечером сам король пожелал меня видеть. Знаю, знаю, зачем я ему нужен. Ничего не поделаешь, любит наш король всякие затеи да забавы. Вот я и развлекаю его иногда, только в темноте, поближе к ночи, чтоб никто не видел… Ну, да это не твоего ума дело, Скипп. А вот теперь

слушай повнимательней. И получше соображай своей глиняной головой. Все запомни и сделай, как я прикажу. Сам знаешь, Скипп, нет у меня ни слуг, ни стражников. Я никому не доверяю, таков уж я, и думаю, что прав. Но у меня есть на кого положиться, а, Скипп, как ты считаешь, парень? И если кто-нибудь чужой захочет заглянуть без меня в мою башню, что ж, милости просим, мы всегда рады незваному гостю.

Только позаботься, Скипп, чтоб ему не было одиноко здесь одному. Не было скучно и одиноко. Ты понял, Скипп, понял? Так что потрудись на совесть. И если все сделаешь, как надо, я завтра же отдам тебе навсегда твой нудный голос. Болтай себе сколько хочешь. Слышишь, Скипп? Слово мое крепко!

Скипп согнулся в низком поклоне. Казалось, он сейчас лизнет руку хозяину. Но Каргор досадливо отмахнулся, и Скипп, не разгибаясь, попятился и исчез за дверью.

Каргор накинул на себя свой длинный плащ, в складках которого словно бы поселилась сама непроглядная ночь.

Спустя короткое время в Оленьем лесу раздался тревожный разноголосый птичий гомон.

Маленькие пичужки в страхе собирали своих

птенцов, прятали в укрытые среди ветвей резные домики, в маленькие дворцы с крепкими запорами на дверях.

Потому что над верхушками деревьев показался большой черный как уголь ворон. Он неторопливо летел, сильно взмахивая широкими крыльями, зорко глядя вниз. Он что-то высматривал среди густых деревьев Оленьего леса.

Глава 14
Чудесная лестница. И главное: Астрель на опушке Оленьего леса

Никогда Астрель с таким томительным нетерпением не ждала вечера. Время как будто остановилось.

— Ну отдохни, уйди за лес, поспи, ты устало… — шепнула Астрель, глядя на солнце.

Нет, этот день, наверно, никогда не кончится.

— Еще немного, еще капельку потерпеть, и наступит вечер. — Астрель то и дело подбегала к окну.

Но что это? Поглядев вниз, Астрель увидела перед дворцом множество стражников. У ворот, на ступеньках лестницы, на бархатистых газонах толпились стражники, о чем-то переговаривались. Астрель показалось, что она услышала свое имя.

Астрель выглянула из окна.

— Вон, вон она, смотрите! — послышались грубые голоса. — Девчонка! Свесила зеленые волосы! Думает, не заметим.

Астрель в страхе отпрянула назад.

Настежь распахнулась дверь. Вошли принцы Игни и Трагни. Оглядели ее насмешливо, подозрительно.

— Вот как? Надумала обхитрить нас, удрать? — сквозь зубы процедил Игни. — И не пытайся. Мы все знаем. Все двери заперты. Стража повсюду. Двести стражников окружили дворец.

Астрель отступила, прижалась спиной к стене.

Как им стала известна ее тайна? Откуда? Как могли они дознаться, что сегодня вечером она…

— Сиди тихонько, как мышка. Поплачь немного, если хочешь. Но не вздумай улизнуть! — с угрозой проговорил Трагни. — Каргор сказал нам…

— Помолчи, — оборвал его Игни.

И оба брата вышли.

В дверях, щелкнув, повернулся ключ. Послышались резкие, повелительные голоса принцев. В ответ — приглушенные ответы стражников и журчащий, как сладкий ручеек, голосок Врядли. Значит, даже он тут и сторожит ее.

Что же ей делать? Астрель глянула в окно. Боже мой, солнце уже уходит за Олений лес. А внизу стражников стало еще больше, толпятся повсюду с алебардами в руках.

Кто-то зажег смоляной факел. Было еще слиш-

ком светло, и огонь казался бледным и расплывчатым. Над пламенем факела плясал черный колпак копоти. Поблескивал полированный мрамор ступеней и колонн.

Все пропало! Ей не выбраться отсюда. Напрасно Гвен будет ждать ее на опушке Оленьего леса…

За окном внезапно потемнело. Крыши дальних домов, верхушки деревьев Оленьего леса — все затянуло серой дымкой.

Послышался нарастающий шум и вкрапленный в него стук крупных капель.

Снизу донеслись недовольные возгласы стражников:

— Дождь!

— Ишь как припустил!

Но никто не посмел и сдвинуться с места.

Астрель глубоко вдохнула чистый влажный воздух, пробуждающий затаенные запахи земли.

— Дождь, дождь… — Теплая волна надежды вдруг согрела ее. Нет, Астрель по-прежнему понимала, что ей не уйти, не ускользнуть из дворца, но этот дождь…

Что-то было успокоительное в нем, словно он хотел помочь ей.

И вдруг… Астрель замерла, не веря своим глазам. Не сон ли это? Астрель стиснула руки,

укусила себя за палец.

От ее окна до самой земли протянулась еле различимая в воздухе лестница, построенная из дрожащих прозрачных капель. Огонь факела, распластавшийся от бьющих струй дождя, заставлял вспыхивать и угасать то одну каплю, то другую, и от этого вся невесомая лестница светилась и мерцала.

Астрель увидела узорные перила, тонкие, как струны. Налетающий ветер натягивал и рвал их.

Легкий ковер, сквозной, как паутина, лег на едва видные ступени.

Астрель широко распахнула окно и вскочила на подоконник.

Вот она, ступенька, совсем прозрачная, зыбкая. Капли дождя срывались с нее, падали вниз, как будто им тяжело было неподвижно висеть в воздухе. И вся лестница, качаясь и вспыхивая от света факела внезапным блеском, грозила рухнуть, не удержавшись в воздухе.

Значит, надо спешить. Отбросить все сомнения и верить. Астрель, уже ни о чем не думая, не боясь, не радуясь, шагнула на первую ступеньку. Она протянула руку к перилам, но они осыпались вниз водопадом капель.

Астрель спускалась по лестнице. Под ногами

она чувствовала в пустоте только ненадежную опору скользких капель. Капли перекатывались под ее ногами. Она спускалась вниз, боясь оглянуться. Стоило ей сделать шаг, как позади нее с шелестом облегчения рушились вниз, проливаясь дождем, прозрачные ступени.

Перед дворцом все притихли, замерли, словно остолбенели. И вдруг молчание взорвалось громом изумленных, возмущенных голосов:

— Смотрите!

— Девчонка идет по воздуху!

— Да по лестнице она идет, по лестнице! По лестнице из прозрачного хрусталя!

— Откуда тут лестница, дубина ты этакая?

— Да чего там! Спустится, и хватай ее!

Астрель не вслушивалась в их крики. Она торопливо сбегала вниз, чувствуя, что ступени лестницы уже с трудом удерживают ее.

Крики стражников вдруг потонули в шуме дождя. Нет, это было что-то другое. Это был звон и дребезг металла. Звон монет, бренчащих о мрамор.

Астрель спрыгнула на землю, и тотчас вокруг нее заблестели, скатываясь с ее плеч, серебряные монеты. Они потоком, сверкая, сыпались сверху.

Весело, заманчиво звеня и подпрыгивая, они

покатились в разные стороны.

Чьи-то руки выронили факел. Забыв обо всем на свете, стражники бросились собирать монеты. Блеск серебра словно заворожил их. Стражники ползали на коленях, сгребали монеты горстями, сыпали за пазуху, в кошели, за голенища сапог.

На Астрель никто не обращал внимания, она незаметно пробежала мимо.

Один из стражников, стоя на коленях, ухватил было ее за край платья. Астрель вскрикнула. Но стражник даже не повернул головы. Он схватил монету, на которую она в спешке наступила ногой.

В воротах тоже не было ни души. Стражники ползали по всему двору, высматривая монеты, выгребали их из-под кустов роз.

Астрель скользнула в ворота и растворилась в вечерних сумерках.

Дождь как-то сразу утих.

— Посчитать бы, сколько собрал кругляков. — Здоровый верзила-стражник с довольным видом похлопал себя по карману и вдруг замер, растопырив руки и выпучив глаза. Снова, еще не веря, сунул руку в карман и с воплем выдернул, стряхивая с пальцев капли воды: — Вода, вода! Провалиться мне на этом месте, вода! А монеты

пропали!

— И у меня пропали! Чертовы деньги, куда они девались? — закричал второй стражник, с диким видом оглядываясь по сторонам.

— А у меня в кошеле лягушка!

— Кто налил мне воды за пазуху? Куда девались мои денежки?

Стражники с ошалелым видом переглядывались. Ничего не понимая, отряхивались, как мокрые собаки.

— А девчонка, похоже, тем временем дала деру, — негромко сказал один из стражников, самый старший.

Все с испугом посмотрели на него.

— Я ничего не видел, — запинаясь, сказал долговязый стражник. — Я сторожил дверь, дверь я сторожил. Никто не вышел, это точно.

— И я сторожил дверь. Велено было сторожить, вот я и сторожил, — подхватил второй.

— Чего там! Дверь заперта. Как было приказано. Вон и ключ торчит. Никто в дверь не выходил, — загалдели стражники. — Ничего не видели, не знаем. Наше дело такое — сторожить! Мы и сторожили! Как было велено.

И только маленький мальчик-паж, спрятавшись за колонной, широко открытыми, светлыми

от изумления глазами смотрел на распахнутое окно там, наверху, в комнате Астрель.

Астрель тем временем, невидимая в сумерках, бежала по улицам города.

Скорей к опушке Оленьего леса! Теперь дикая чаща уже не пугала ее. Там, на опушке, ее ждет Гвен. Он уведет ее в дом, который он для нее построил. Там их никто не разыщет. А потом они уйдут далеко-далеко. Больше она никогда не увидит королевский дворец, злых и наглых принцев Игни и Трагни.

— Прощай! — звонко крикнула она, пробегая через мост Зевни-Во-Весь-Рот.

Человек в сером вздрогнул, вскочил, озираясь, как со сна, выронил тяжелый кошель. Он выскользнул из его рук и, булькнув, ушел под воду.

— Прощайте! — шепнула Астрель, пробегая мимо низких домов, придавленных высокими черепичными крышами.

Вдали показалась башня Ренгиста Беспамятного, уходящая в вечернее небо неровными осыпающимися зубцами.

— Прощай, отец… — Сердце Астрель сжалось от глубокой печали и нежности. — Спасибо тебе. Я никогда не забуду тебя, хотя ты уже не помнишь обо мне…

Вот и опушка Оленьего леса.

Астрель остановилась, тревожно огляделась. Темные неподвижные ели. Могучий дуб, ствол его до корней расщеплен не то молнией, не то глубокой старостью. Тишина. Глянешь вглубь, между деревьями, там уже шевелится темнота.

«Где же Гвен? — Астрель напрягла слух: не послышатся ли шаги, не хрустнет ли где ветка. — Гвен не мог меня обмануть. Он сейчас придет. Он уже близко. Вот раздвинутся ветки орешника и…»

Но все было тихо и пустынно. Неподвижно стояли деревья, окутанные зеленой мглой. Гвена не было.

— Что-то случилось, — с отчаянием прошептала Астрель. — Гвен…

Глава 15
Дом Гвена. И главное: заклятье, наложенное на топор

Да, предчувствие не обмануло Астрель. А случилось вот что.

Если вы помните, друзья мои, Каргор превратился в ворона и вылетел из окна башни.

Светило солнце, заливая теплым золотом верхушки деревьев. Лучи солнца пробирались сквозь густую листву, и тогда клочок зеленого мха вдруг вспыхивал живым изумрудом, а капли смолы, сбегавшие по стволам, вытягивались как бесценное ожерелье.

Каргор, редко взмахивая крыльями, летел над лесом. Он пристально вглядывался в просветы между деревьями.

Иногда он видел удлиненное движением гибкое тело белки. Малые пичужки, кто побеспечней, в ужасе суетливо бились в листве, стараясь поскорее укрыться в своих домиках.

— А… вот что я ищу!

На небольшой круглой поляне, поросшей ровной бархатистой травой, стоял высокий дом,

срубленный из медово-желтых бревен. Затейливые карнизы украшали окна. На дверях резной узор из листьев. На ставнях вырезаны лесные цветы: фиалки и ландыши.

Каргор сложил крылья и опустился на зеленую траву поляны.

Как трудно ему теперь превращаться в человека, с каждым разом все труднее! Он ненавидит это тело. Ребра, словно тугие обручи, мешают дышать…

Каргор собрал все силы. Мгновение пустоты, чувство, что тебя нет… О, как это тяжко! И вот Каргор, глубоко вздохнув, расправил плечи. Длинный плащ черным кругом упал на траву. По давней привычке Каргор оглядел свои руки, холеные, с зеленоватогладкой кожей. Перстень с черным камнем и магическими знаками.

Дверь дома широко распахнулась, и на пороге появился Гвен, усталый, с топором в руках. Влажные от пота волосы прилипли ко лбу. Он улыбался. Это была невольно возникающая улыбка счастья.

— Так вот ты какой, Гвен Хранитель Леса, — негромко сказал Каргор, пристально глядя на юношу.

— Я не знаю вас, господин, — тихо ответил

Гвен. — Войдите в дом, там прохладно.

Каргор покачал головой, поднял золотистый завиток стружки, понюхал его. На мгновение тяжелые веки закрыли глаза.

— Как пахнет… — прошептал Каргор. И тусклый, неясный свет каких-то далеких воспоминаний оживил его холодное, замкнутое лицо. — Гвен, не ходи сегодня вечером на опушку Оленьего леса, — ровным, невыразительным голосом сказал Каргор.

— Что вы знаете? Откуда? — с волнением воскликнул Гвен. — Астрель не придет? Почему? Что случилось?

— Забудь Астрель, — глухо проговорил Каргор. — Забудь, забудь Астрель, принцессу Сумерки!

Руки Гвена невольно крепче стиснули топор.

— Забыть Астрель? — повторил юноша. Он даже усмехнулся. Недоверчиво и тревожно. — Забыть ее? Никогда! Скорее я забуду себя, забуду все, жизнь, солнце…

— А… Я так и думал, — почти равнодушно протянул Каргор, но в бездонной глубине его глаз вспыхнул багровый огонек. — Букашки… Шевелятся, упираются, думают, что от них хоть что-то зависит. Я в силах тебя убить просто взглядом,

Гвен Хранитель Леса. Но это может мне дорого обойтись. Слишком дорого. Ты не стоишь этого, мальчишка. Все можно сделать проще. Ты не выйдешь из этого дома. Ты сам построил себе тюрьму. Славную тюрьму, Гвен Хранитель Леса!

Каргор пробормотал несколько невнятных слов. И вдруг дверь, украшенная узором из листьев, сама собой захлопнулась, резко втолкнув Гвена внутрь дома. Со стуком накрепко закрылись ставни.

Изнутри донесся бешеный стук топора.

— Что ж, потрудись, Гвен, — усмехнулся Каргор. — Все равно тебе не выбраться из дома. Не открыть ни окно, ни дверь. Я наложил заклятье на твой топор. Ты не сможешь прорубить им даже узкую щель. Маленькая зарубка и та будет тут же зарастать, словно ее и не было. Твой заветный топор — бессилен!

Каргор взмахнул рукой. Этого было достаточно. Плеснув крылом, от земли косо оторвался большой ворон с оперением, отливающим синевой.

«Как все просто. Как мне легко стать вороном, — подумал Каргор, летя вровень с верхушками деревьев. — Не слишком ли легко?»

Солнце, опускаясь, заливало светом верхушки елей, словно надев на них золотые шлемы.

«Скоро… — подумал Каргор. — Король, наверно, уже выехал из дворца. Да, ни Астрель, ни Гвен не увидят этого. Не увидят, что сегодня случится на опушке Оленьего леса. Там будет забавно. Когда-то это меня тоже развлекало. Теперь мне все на свете безразлично. Но случайный прохожий, пожалуй, поседеет, увидев такое. Впрочем, каждый раз одно и то же, а королю все мало».

Глава 16
Тайна башни Каргора. И главное: похищение голубой искры

Волшебник Алеша все утро просидел на лавке, слушая тягучее ворчанье тетушки Черепахи. Старуха целый час убирала посуду со стола.

— Уважаемая тетушка Черепаха, — ласково обратился к ней волшебник Алеша. — Не найдется ли у вас какого-нибудь плаща для меня? Я верну его непременно. Надеюсь, во всяком случае. Ночи холодны. Да нет, не в том дело. Но вы видите сами, я одет несколько необычно для ваших мест.

Тетушка Черепаха долго рылась в сундуках, вздыхала, бережно перебирая пропахнувшие пылью плащи, пока не выбрала самый изношенный и потертый.

— И этот для тебя слишком хорош, проходимец, — угрюмо проворчала она. — Он хоть и в дырах, да из чистой шерсти. Кто ты такой, чтобы я разбазаривала добро своего господина?

Потом она заперла все сундуки, искоса поглядывая на волшебника Алешу.

— Пойду в Олений лес. Насобираю трав и ко-

реньев моему господину. Я уйду надолго. Может, вернусь только утром. А ты смотри, не вздумай тут что-нибудь трогать. Все крепко заперто, не надейся.

Продолжая ворчать, она взяла большой мешок и ушла.

Ренгист Беспамятный неподвижно сидел в кресле и дремал. И казалось, жизнь угасала в нем вместе с пламенем камина.

Волшебник Алеша дождался вечера. Днем выйти из башни он опасался.

— Пора!.. — Волшебник Алеша закутался в старый плащ. Сунул за пояс кинжал, вернувшийся к нему столь неожиданным образом.

Кот Васька крепко спал на ковре у камина. Волшебник Алеша на цыпочках прошел мимо, опасаясь его разбудить. Нет, брать с собой беспечного и легкомысленного кота в башню Каргора он вовсе не собирался. Мало ли что ждет его там?

Волшебник Алеша тихо вышел из башни Ренгиста Беспамятного.

Вот уже остались позади ласковые, теплые огоньки свечей в низких окнах.

Вдаль уходила вымощенная крупным булыжником дорога. Длинные тени деревьев пересекали ее, она слабо светилась в лунных лучах.

Что-то прошелестело в листве. Откуда ни возьмись, появилась птичка Чересчур, усталая, очень довольная собой.

Задев щеку волшебника Алеши крылом, уселась ему на плечо.

— Сделай это да сделай то, — с показной досадой прочирикала она. — Все я да я. Как будто никого на свете нет, кроме птички Чересчур. Слетай к этой девчонке… Правда, она очень милая. Да предупреди, да скажи… Потом, не могла же я не залететь к моему другу, господину Каргору. Теперь вот тебе надо дорогу показать, ведь заблудишься, клянусь родным гнездышком! Впрочем, ты идешь верно. Эта дорога приведет тебя как раз к башне господина Каргора. Так и иди, не сворачивай!

Она спорхнула с плеча волшебника Алеши. На миг повисла в воздухе, часто взмахивая крылышками.

— Я должна торопиться на опушку Оленьего леса. Там должны сейчас встретиться… Ах, некогда, некогда! Чересчур много дел. Впрочем, лечу!

Птичка Чересчур уже скрылась было в темной листве, но вдруг снова вернулась:

— Верь, верь Каргору. Он добрый, добрый, добрый…

Теперь дорогу с двух сторон окружали высокие деревья. Из лесной чащи потянуло болотной гнилью, запахом прелого листа.

Но вот на фоне глубокого, полного звездной жизни неба поднялась высокая черная башня.

Что-то жуткое было в этой угрюмой башне с острыми хищными зубцами, стоявшей среди пугливо притихших громадных деревьев. Сова, мерцая зелеными глазами, тяжело сорвалась с ветки и, зловеще ухнув, исчезла во мраке.

Показалась высокая стена и пустая темная арка ворот. Из-под арки тянуло зябкой ночной сыростью.

Под навесом волшебник Алеша разглядел висящие гроздьями старые, давно покинутые гнезда ласточек.

«Даже ласточки не живут здесь…» — с внезапной тревогой почему-то подумал волшебник Алеша.

Хорошо, что он не взял с собой кота Ваську. Тот был бы ему сейчас только обузой. Путался бы под ногами, лез со своими советами. В этот миг что-то мягкое и теплое ткнулось в ногу волшебника Алеши.

— Вздумал удрать потихоньку? — с ехидством спросил кот Васька. — Что, не вышло? Учти,

одного никуда не пущу, наделаешь без меня глупостей, потом выручай тебя.

Волшебник Алеша с досадой взял кота Ваську на руки. «Вот беда с этим котом, честное слово. Самонадеянный нахал, по-другому не назовешь. Никогда не знаешь, что от него ждать. Но не бросить же его сейчас одного в темноте?»

Кот Васька тем временем забрался под плащ, немного повозился и устроился на груди волшебника Алеши, грея ему шею.

— Неплохой плащ, хоть и старый, — промурлыкал он. — Чистая шерсть, между прочим, уж в этом-то я разбираюсь.

— Тс-с!.. — на всякий случай шепнул волшебник Алеша.

— Эй, кто идет? — послышался вдруг резкий окрик, и железо алебарды царапнуло по камню.

Волшебник Алеша прижался к стене, покрытой хрустящими, ломкими ветками засохшего винограда. Замер, не дыша.

Опять послышался тот же мертвенно-монотонный голос:

— Эй, кто идет? — и снова скрежет железа по камню.

«Похоже, что стражники не заметили меня. Окликают просто так, на всякий случай. Может,

все-таки попробовать пробраться?..»

Волшебник Алеша осторожно прокрался вдоль стены к воротам. Проем ворот был пуст, тихая неподвижная темнота, казалось, дремала под круглым замшелым сводом.

Волшебник Алеша бегом пробежал сквозь ворота и спрятался за углом башни.

— Эй, кто идет? — снова услышал он, но уже позади себя. Те же слова, тот же голос, и опять стражник задел алебардой за камень.

«Так и есть, не заметили, — перевел дыхание волшебник Алеша. — Но это только начало, что-то будет дальше?»

Он пошел вдоль стены. От грубых камней тянуло холодом. Из-за тучи выглянула ярко-серебряная луна, и волшебник Алеша увидел широкую крепкую дверь, всю в острых медных заклепках.

Медная ручка показалась волшебнику Алеше холодной как лед. Он потянул ее на себя, дверь неожиданно легко открылась, скрипнув в тишине голосом одинокой ночной птицы.

За дверью была непроглядная, как черный бархат, темнота. Вдруг это ловушка? Неосторожный шаг через порог, а там пустота, пропасть?

— Не видишь, что ли, пол каменный и лест-

ница, — шепнул кот Васька, щекоча усами ухо волшебника Алеши. — Ох, что бы ты без меня делал!

Волшебник Алеша шагнул через порог и постоял немного, чтобы глаза после лунного света привыкли к потемкам.

Каменная лестница круто уходила вверх.

Волшебник Алеша стал осторожно подниматься по ступеням. Низкие, нависающие своды. Дверь. Еще дверь. Нигде ни луча света, ни шороха, ни движения.

Волшебник Алеша свернул куда-то в сторону. Вдруг на него, как густая сеть, опустилась паутина, от пыли мохнатая, как мех. Паутина липла к рукам, к одежде, опутывала его, сковывала движения.

Волшебник Алеша с трудом высвободил руку и кинжалом разрезал упругие и крепкие, как веревка, нити паутины. Пригодился все-таки кинжал Врядли! И снова его окружила давящая тишина. Опять ступени и молчаливые темные двери. Куда идти? Похоже, в башне пусто, никого нет.

— Выкинь потроха собакам! — вдруг оглушил волшебника Алешу пронзительный до визга громкий женский голос.

Волшебник Алеша от неожиданности застыл

на месте как пригвожденный. Сердце застучало с бешеной силой. Он прижал к себе кота Ваську так сильно, что тот сдавленно пискнул.

— Тусли! Ах ты дрянь! Опять лижешь подливку! — послышался еще один резкий женский голос, а вслед за ним звук шлепка и обиженное хныканье.

Нет, там, за дверью, была жизнь. Гремели крышки медных котлов. Что-то сочно булькало и кипело.

— Не забудь перец и мускат!

«Там, скорее всего, поварня», — мелькнуло в голове у волшебника Алеши.

— Щелоку подсыпь, а то разве отстираешь! — донесся голос из-за другой двери.

— Да это же свечка, свечка! Хозяин закапал камзол свечным воском.

— Крути, крути точило, видишь, какие зазубрины?

Это был уже мужской голос, грубый и сильный.

Послышался скрежет металла о точильный камень, шипение искр.

Волшебник Алеша повернул было назад, но, словно преграждая ему путь, снизу послышался голос слуги и лай собаки.

— Пошла вон!

Собака жалобно взвизгнула, видимо, слуга пнул ее ногой.

Зазвенел переливчатый, летучий смех. Лукавый и холодный женский голос произнес:

— Ваша карта бита! Вы проиграли. Чем вы расплатитесь сегодня: золотом или чужими тайнами?

— Летучими мышами, моя прелесть, — ответил низкий властный голос, чуть смягченный любезностью. — Знаю, они у вас на посылках. Три дюжины летучих мышей — и мы квиты!

— Летучие мыши, экая невидаль! — хихикнул кто-то пронзительно и тонко. — Спросите лучше у вашей красавицы, сколько голов у нее засолено в бочке?

«Дело плохо! — Волшебник Алеша ускорил шаг. — В башне полно народу. Слуги, гости, может, и сам хозяин здесь. И негде даже спрятаться».

Он бегом пересек узкую галерею и заблудился в темных переходах. Прыжками побежал вверх по какой-то лестнице. Вдогонку из-за всех дверей неслись громкие голоса. Жирный хохот сменялся звяканьем монет. Шутки звучали как злобные таинственные угрозы.

Кот Васька дрожал так, что его хвост прыгал

под локтем волшебника Алеши.

— Дались тебе эти сказки… — шептал он, прижимаясь к плечу волшебника Алеши. — Домой хочу! Тут обидят! Пропадем мы с тобой, как последние мышата. Шкурку снимут, а головы засолят в бочке…

Волшебник Алеша не слушал его.

— Три монеты за эти гнилые груши, мерзавка? — послышался грубый женский голос.

— Ишь какая! Попробуй, сыщи дешевле!

Откуда-то сзади волшебник Алеша услышал сдавленный, приглушенный шепот:

— Тише, тише! Нападем из-за угла. Он нас не видит!

— В спину! Воткни нож в спину!

Волшебник Алеша стремительно обернулся. Никого. Темнота. Глухие, закрытые двери.

Лязг железа, стук ножей, собачий лай, визг и хохот окружили волшебника Алешу со всех сторон, слились в один ужасающий, оглушительный хор.

— Пустите меня, да пустите же, больно! — перекрикивая вой и гомон, вдруг раздался горький женский вскрик. — Мои косы, мои чудесные длинные косы! Не стригите их, господин!

— Это отучит тебя вертеться перед зеркалом! —

насмешливо ответил мужской голос.

Где-то за дверью щелкнули ножницы.

— Ну уж нет! Что бы ни было, я не позволю! — прошептал волшебник Алеша, стараясь уловить в путаном хоре голосов, откуда слышатся несмелые жалобные всхлипывания.

Волшебник Алеша покрепче прижал к себе кота Ваську. Он поднял кинжал и изо всех сил толкнул ногой ближайшую дверь. Дверь распахнулась, волшебник Алеша замер на пороге.

Комната была пуста.

Жидкое серебро лунного света растекалось по каменному полу. Пусто. Ни души. Запах пыли. Заброшенная, нежилая комната. «Может, я открыл не ту дверь?» — подумал волшебник Алеша, отступая назад в темноту.

И вдруг замер от неожиданности.

— Извините, пожалуйста, — услышал он чей-то до удивления знакомый голос. Такой привычный, домашний. — Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?

— Зачем ты это спрашиваешь? — ахнул кот Васька. Его когти больно вонзились в плечо волшебника Алеши. — Молчи! Ты что, с ума спятил?

Да, ошибиться было невозможно. Волшебник Алеша вздрогнул. Это был действительно его соб-

ственный голос. Знакомые слова! Да, да, именно эти слова он сказал там, на улице, возле трактира, человеку с квадратным нависшим лбом и злыми острыми глазами.

Как объяснить, что эти слова снова звучат здесь, в этой башне, словно живут сами по себе, особой, непонятной ему жизнью? Нет, надо сейчас же, немедля найти разгадку!

И снова со всех сторон послышались шум, крики, звон черепков.

Не в силах больше терпеть загадочность всего происходящего, волшебник Алеша стал лихорадочно распахивать одну дверь за другой.

Пустые комнаты, наполненные лунным светом и словно висящими в воздухе голосами. Сломанное кресло. Свисающая до полу истлевшая скатерть. Опрокинутые кубки. На потемневших серебряных блюдах густая пыль. Холодом, заброшенностью веяло из всех дверей. И только снова и снова в пустоте звучали, возникая неведомо откуда, одни и те же слова:

— Не скажете ли, как пройти к башне Ренгиста Беспамятного?..

Словно преследуемый своим голосом, волшебник Алеша бросился вверх по лестнице.

— Не хочу больше! — отчаянно цепляясь за его

плечо, шептал кот Васька. — Жуть! Страшно-то как. Милый, пушистенький Алеша, я буду хорошим, посуду мыть буду. Только уйдем отсюда! Сплошное мяу!

— Ничего, ничего… Еще немного, потом всем котам во дворе… Молочка попьем, — что-то бессвязно твердил волшебник Алеша, пытаясь успокоить дрожащего кота Ваську.

Опять темные, плотно закрытые двери. Волшебник Алеша пересек длинную галерею, на бегу распахивая все двери. Смех, шум, брань выплескивались из темных покоев и затихали за его спиной.

Луна скрылась за облаком и вместе с ним устало опустилась в гущу ветвей и там погасла.

В полной темноте волшебник Алеша поднялся на самый верх лестницы.

Последняя дверь. Волшебник Алеша помедлил. Что ждет его за нею?

В щель из-под двери выбивался живой подвижный свет.

Сильным ударом волшебник Алеша решительно толкнул дверь. Дверь неспешно, будто бы нехотя, отворилась.

Богато убранный зал был ярко освещен огнем камина. Резные скамьи, кресло с блестящей позо-

лотой на ручках.

Вдоль стены тянулась широкая полка из мореного дуба. На ней подряд стояли резные шкатулки и ларцы с откинутыми крышками. Одна из шкатулок, сделанная из темного дерева, показалась ему знакомой…

Ах! Волшебник Алеша чуть не вскрикнул от изумления. Ну да! Именно эта шкатулка, по углам окованная медью, была в руках у злобного человечка, который повстречался ему тогда возле трактира. Так вот что он поймал в воздухе своей хваткой хищной рукой и сунул в шкатулку! Слова волшебника Алеши, его голос. Похоже, что все эти голоса, звучащие сейчас во всех комнатах и галереях башни, такие же пленники. Они до времени хранились в этих ларцах и шкатулках, а теперь их зачем-то выпустили на волю.

Кот Васька между тем соскочил на пол, потянулся, зевнул и лениво направился к камину.

— Продрог чего-то. Лапки мои бедные. Как приятно погреться. Сплошное мур! — Кот Васька беспечно улегся на ковре перед камином и вытянул лапы. — Тепло. Ух! Даже жарко. Смотри, пушистый Алеша, голубая искорка! На звездочку похожа, честное слово. Только маленькая, еле разглядишь.

Волшебник Алеша быстро обернулся.

Он сразу заметил: языки пламени в камине были гибкими, длинными, словно живыми. Тяга не уносила их в трубу. Нет, в своем свободном движении, приплясывая и извиваясь, они свились в пылающее кольцо. И в самой его середине, то вспыхивая, то замирая, сияла пронзительной хрустальной чистоты голубая искра.

Так вот она какая, голубая искра, которую никак не может погасить Каргор! Она притягивала к себе взгляд, завораживала лучистым блеском. На миг, словно теряя силы, голубая искра угасала, и сердце замирало от внезапного страха за нее.

Волшебник Алеша шагнул к камину, но раскаленный язык пламени вырвался наружу и полыхнул ему в лицо. Волшебник Алеша успел разглядеть узкую змеиную головку и раздвоенное жало.

Да это вовсе не огонь, это огненные змеи!

Волшебник Алеша взял каминные щипцы и попытался вытащить из клубка змей голубую искру.

Змеи с голодным шипением обвились вокруг железных щипцов. Капли раскаленного металла потекли вниз. Щипцы в тот же миг расплавились в пылающем кольце змей.

Что же делать? Как вырвать из огненной власти змей голубую искру? К тому же надо торопиться. С каждым мгновением ее трепещущий свет слабеет, меркнет.

— Ничего себе перышко! Ни у одного ворона такого не видал, — пробормотал кот Васька.

Кот Васька лежал на ковре, лениво пошевеливая лапой, играл с огромным птичьим пером.

Что это не простое перо, волшебник Алеша определил с первого взгляда. Черное, отливающее то синим, то лиловым, острое по краям, как лезвие ножа.

А что, если?.. Уж не волшебное ли оно? Может, у мрачного хозяина этой башни слуги вороны?

Волшебник Алеша поднял с пола перо и поднес к огню. Раскаленные змеи разом отпрянули от черного пера.

— А, испугались? — прошептал волшебник Алеша. Кончиком пера он выгреб из камина голубую искру и подхватил на ладонь, обернутую краем плаща.

Огненные змеи разом выплеснулись за край каминной решетки, но волшебник Алеша успел отскочить. Брови и прядка волос на лбу были опалены.

Теперь бежать! Бежать скорее из этой башни.

Пока не вернулся ее могучий страшный хозяин.

Волшебник Алеша нагнулся и подхватил кота Ваську. Тот возмущенно и протестующе взвизгнул, но волшебник Алеша не обратил на это внимания. Было не до того!

Он бегом мчался по галереям, спотыкаясь, сбегал с лестниц. Голубая искра у него в руке благодарно и освобожденно вспыхивала, освещая низкие, давящие своды, свисающие пологи паутины, выщербленные неровные ступени.

Из распахнутых дверей неслись голоса, шорохи, смех, сдавленные вздохи, шкворчание сала на сковородках.

— Как пройти к башне Ренгиста Бес… — услышал волшебник Алеша свой голос, тут же заглушенный чьим-то сытым, самодовольным смехом и собачьим ворчаньем над костью.

Волшебник Алеша в промозглых рассветных сумерках быстро пересек двор. Пробежал под темной аркой ворот, где по-прежнему витали в воздухе монотонные голоса стражников.

В это время в верхнее окно башни, прошелестев крыльями, влетел черный зловещий ворон.

Глава 17
Страшное заклинание Каргора. И главное: Астрель узнает тайну

Теперь, друзья мои, вернемся к Астрель. Мы оставили ее на опушке Оленьего леса, одну, растерянную и испуганную.

Астрель, невидимая в сумерках, стояла, прижавшись спиной к старому дубу. Его ствол был глубоко расщеплен сверху до самых корней. Закинув руки назад, Астрель прижала ладони к шершавой грубой коре.

Она не думала о себе. Она знала, куда бы она ни пошла, на любой дороге утром ее схватят стражники. Ее мучило одно: что с Гвеном, что случилось? Где он?

Все вокруг теряло свои дневные краски. Деревья окружили опушку неподвижной темной стеной.

Послышался топот копыт, громкий говор.

По слабо светящейся в вечернем свете дороге скакали всадники.

Задев крылом ветку дуба, на траву слетел огромный угольно-черный ворон. Ветер, под-

нятый взмахами его крыльев, пахнул холодом прямо в лицо Астрель.

Астрель услышала тяжелый вздох, так вздыхает измученный привычной болью человек. Затем стон сквозь стиснутые зубы… И на траве совсем рядом с ней поднялась, словно выросла из земли, черная фигура Каргора.

— А, ты уже тут, Каргор!

Астрель увидела короля. Слуга ловко подставил плечо, и король слез с лошади.

Каргор молча поклонился. Трава, цветы, все, что задевал его плащ, приникало к земле, словно увядало.

Король нетерпеливо оглянулся. В сгустившейся темноте Астрель еще могла разглядеть его оживленное лицо.

— А где же наши мальчики, где рыбаки? — весело спросил король.

Послышался звон цепей. Астрель увидела двух высоких молодых мужчин.

«Они похожи — наверно, братья», — подумала Астрель. Она боялась шевельнуться, дохнуть. Она едва чувствовала свое сердце.

Юноши шли медленно, с трудом. Тяжелые цепи сковывали их движения.

— Снять цепи! — приказал король.

Кто-то из слуг нагнулся, цепи, загремев, упали.

Король, добродушно улыбаясь, обошел вокруг братьев, похлопал одного по плечу.

— А они ничего, Каргор. Как ты находишь? Молодые и сильные. И бегают, поди, неплохо.

Король рассмеялся. От его смеха холод сковал Астрель, проникая до самого сердца.

По знаку короля слуги, стража — все исчезли. Притихшей толпой, не глядя друг на друга, отступили, скрылись за деревьями.

Теперь на опушке остались только король, Каргор в своем черном плаще и братья-рыбаки.

Братья удивленно переглянулись, не понимая, что происходит, зачем их привели сюда. Младший потер запястья рук, онемевшие от тяжелых цепей.

— Я милосерден, таков уж я есть, — неторопливо, с каким-то тайным наслаждением проговорил король. — Да, я дарю вам свободу! Вы будете жить в лесу, беззаботные и счастливые. Что же вы не кланяетесь, не благодарите меня? Э, да что с вас взять, вы простые, неотесанные парни. Ну да ладно… Каргор, теперь твой черед. За дело! Пусть свершится!

Король отступил в широкую тень дуба.

Он стоял так близко от Астрель, что, протянув

руку, она могла бы его коснуться. Он весь трясся от тихого смеха, потирая руки.

Каргор выступил вперед и отбросил мешающий ему край плаща.

Мрачный, хриплый его голос поднялся и упал:

Трижды ухнула сова.
Значит, сбудутся слова!
Мрак, спустись, сгустись! Навек
Стань оленем, человек!

И в тот же миг, Астрель даже не заметила, как это случилось, братья-рыбаки исчезли. Там, где они только что стояли, Астрель увидела двух молодых прекрасных оленей с гордыми могучими рогами.

Один из оленей, кося глазами, отбежал в сторону.

Вдруг послышался крик, полный отчаяния и ужаса, и на поляну выбежала молодая женщина в простом платье. Она прижимала к груди ребенка.

— Ниссе, мой Ниссе! Что вы с ним сделали, проклятые колдуны?

— И ее тоже! — весь трясясь от злости, завизжал король. — Каргор, преврати ее тоже и мальчишку! Скорее, пока она не убежала!

И снова прозвучал нечеловеческий, словно каменный, голос Каргора:

Мрак, спустись, сгустись! Навек
Стань оленем, человек!

Один из оленей протяжно, с тоской протрубил. На опушке больше не было женщины с ребенком. Рядом с двумя оленями стояла серебристо-серая олениха. К ней робко прижимался маленький олененок на тонких дрожащих ножках.

Астрель зажмурилась! Боже, как страшно! Она услышала только хруст сухих сучьев, плеск ветвей.

Когда она открыла глаза, на поляне оленей уже не было. Только качались ветки орешника.

Король с довольным видом поглядел в глубь леса.

— А, каковы? У кого из королей есть еще такие олени в лесу? Ну, что ты смотришь так хмуро, Каргор?

— Простите, государь, мне что-то не по себе сегодня, я нездоров, — глухо ответил Каргор. Он выпростал из-под плаща свои руки, быстро оглядел их и снова спрятал под плащ.

— Пустяки, Каргор, — небрежно повел плечом король. — Ты жаждал земной власти, я дал ее

тебе. Ты главный королевский судья! При виде тебя все трепещут. Ты властен любого заточить в тюрьму, а потом, потом… Ах, какие олени! И сколько их! И еще четыре сегодня… О, это будет поистине королевская охота! Забавно, я даже не узнаю, кого я затравлю первым. Был он прежде пекарем, рыбаком, кузнецом?

Король вдруг умолк, какая-то тревожная мысль заставила его нахмуриться.

— Постой, постой! — Король повернулся к Каргору, заговорил негромко, свистящим шепотом: — Ты могучий волшебник, не спорю. Но скажи, колдовство твое надежно? Они не могут снова… Ну, ты понимаешь меня. Снова превратиться в людей? Я жалостлив и слишком добр, Каргор, мне не хотелось бы пронзить стрелой женщину или ребенка…

Если бы заговорила сама темнота, это был бы ее голос, так мрачно и угрюмо отвечал Каргор:

— Нет, ваше величество, эти олени никогда не станут снова людьми. Никогда! Для этого надо сказать тайное заклинание, а его никто не знает, кроме меня. Никто на свете.

— Никто? — с облегчением переспросил король. — Ты уверен? Да?

Астрель прижала руки к губам, чтоб не вскрик-

нуть. Она так дрожала, что боялась, как бы не затрепетали листья дуба и шорохом не выдали бы ее.

— Никто, государь, — твердо повторил Каргор. — Это заклинание неведомо никому. Я вычитал его в древних книгах. Надо сказать волшебные слова: «Мрак, исчезни, вспыхни, день! Человеком стань, олень!» А кто сможет их сказать, ведь я сжег эти волшебные книги, скормил их моим огненным змеям.

— Разумно, Каргор, разумно. Осторожность никогда не мешает. А теперь не порти мне моей радости. Это скучно, наконец. Мне надоел твой угрюмый вид. Твои насупленные брови.

— Слишком много забот, государь, — покачал головой Каргор. — Мои руки тяжелы, будто они налились свинцом. Грудь сдавлена словно тисками. Мне тяжко, душно.

— Душно! — беспечно воскликнул король. — О чем ты? Душно в такой теплый прекрасный вечер! Все обещает чудесную охоту. Вот и луна!

Над лесом, стряхнув с себя легкое волнистое облако, поднялась луна.

Круглые пятна света рассыпались под орешником. Волны прохладного серебра побежали по траве к ногам Астрель. Она сильнее прижалась к

шершавой коре дуба. Только бы ее не заметили! Если бы она могла скрыться в самой сердцевине дерева!

Луна еще выше поднялась над лесом, и волосы Астрель зеленым стеклом блеснули в лунном свете.

— Девчонка! — Король вытянул трясущуюся руку, указывая на Астрель. — Проклятая девчонка! Она все слышала!

Каргор повернул голову, увидел Астрель и замер от неожиданности.

Король с воплем ярости бросился на Астрель, но та оказалась проворней.

Она метнулась сквозь густой колючий терновник, перепрыгнула через поваленное дерево. Туда, туда, в глубину чащи, где ее не выдаст лунный свет.

Астрель, протянув вперед руки, бежала, ныряя в густые тени, в провалы между деревьями. Лес словно притих. Ни одна сухая ветка не затрещала у нее под ногой.

Король подскочил к Каргору, ухватил его за плечо:

— Что же ты! Скорее! Девчонка слышала заклинание. Она… нет, нет, это невозможно! Я не перенесу этого. Она же может теперь превратить

всех оленей опять в… — король захлебнулся от ужаса. Смертельный страх душил его. — Каргор, убей ее!

Каргор долгим взглядом поглядел на короля.

— Хорошо. Она умрет. Я остановлю ее сердце, — сказал он медленно, и слова его падали тяжело, как камни. — Она — умрет!

— Да, да! Останови ее сердце! — вне себя воскликнул король. — Пусть она упадет мертвая! Скорее же!

Каргор властно поднял руку:

— Сердце, не бейся, сердце… — Но Каргор не договорил. Он глухо, затравленно вскрикнул и поспешно спрятал руку под плащ. В свете луны сверкнули загнутые птичьи когти, а край плаща на миг превратился в длинное крыло ворона. — Не могу, государь, вы сами видите, не могу… — в изнеможении простонал Каргор, поворачивая к королю синевато-темное лицо. — Я превращаюсь в ворона. Против своей воли. В ворона…

— Но ее надо убить! Все равно! — не слушая его, вопил король. — Как она могла улизнуть из дворца? Двести стражников, рослых болванов, сторожили все выходы. Ну, придумай что-нибудь, Каргор! Да пойми же, если она убежит, это конец всему!

— Но если я превращусь в ворона, я утрачу все свое могущество. Я стану просто птицей… обычной птицей, — измученным, прерывающимся голосом ответил Каргор.

И ни Каргор, ни король не заметили, что, часто взмахивая крыльями, в лунном луче над их головами пролетела маленькая птичка с хохолком на макушке.

Это была птичка Чересчур. Она спряталась в густой листве дуба, маленькая, как желудь.

«Странно и невозможно! Где Астрель и Гвен Хранитель Леса? — Птичка Чересчур оглядела поляну. — Я бы сказала, чересчур странно. И как это добрый господин Каргор может превратиться в ворона?.. Ах…»

Птичка Чересчур сдавленно пискнула и чуть не свалилась с ветки. Она все поняла. Что она натворила! Глупая, беспечная птица. Кому она доверила тайну Астрель и Гвена! Она невольно предала их, а может быть, даже погубила…

— Ну сделай хоть что-нибудь! — уже с мольбой простонал король. — Ты только подумай, если олени снова превратятся в людей и все об этом узнают… Нет, что со мной будет?

Король схватился руками за голову, пошатнулся, оперся плечом о старый дуб.

— Успокойтесь, государь, — тихо ответил Каргор. Его слова звучали в безветренной тишине четко и внятно, и каждое из них заставляло вздрагивать птичку Чересчур, как от удара. — Я превращу Астрель в дерево. На это у меня еще хватит сил.

— В дерево? — радостно встрепенулся король.

— Да, — хмуро кивнул Каргор. — Корни уйдут глубоко в землю, и Астрель навсегда забудет, кто она. Навсегда забудет.

— Так поспеши! — весь трясясь от нетерпения, воскликнул король. — Колдуй, колдуй, Каргор! Преврати ее в дерево!

Каргор поднял голову и взглянул на небо. Нечеловеческая тоска была в его взгляде.

Он отступил в глухую тень, и оттуда, из ночного мрака, послышался его тяжелый, пугающий голос:

Слову древнему покорись —
Девушка, в дерево превратись!
Руки-ветви ты опусти,
Глубже корнями в землю врасти!

Каргор устало перевел дыхание. С низко опущенной головой подошел к королю, волоча плащ по росистой траве.

— Вот и все, государь. Больше нет Астрель, принцессы Сумерки!.. — Голос Каргора дрогнул. — Я превратил ее в дерево.

— Навсегда? — недоверчиво спросил король.

— Не тревожьтесь. Ее может снова превратить в человека лишь тот, кто отыщет ее в лесу и трижды назовет по имени. Но если пройдет хоть один день, корни дерева слишком глубоко уйдут в землю, ветер поселится в ветвях. И Астрель забудет себя, забудет, кто она, навсегда.

— А если все-таки кто-нибудь?.. — Король опасливо покосился в сторону леса.

Каргор покачал головой.

— Сколько деревьев в лесу! Даже мне не найти среди них Астрель. Шумят ветвями, а слов не знают. Ищи — не найдешь.

— Ну, денек! — перевел дух король. Видно было, что он успокоился. — Теперь в теплую постель и спать, спать. Все забыть. Проклятый день, хорошо, что все обошлось. Ну, прощай, Каргор! — Король небрежно махнул рукой и пошел туда, где вдалеке на большой дороге покачивалось тусклое пятно факелов.

Он даже не оглянулся. Забыть, все забыть. Отдых на пуховиках, и никаких забот. А завтра… Завтра охота на прекрасных оленей!

Каргор стоял неподвижно. Ветер обегал его стороной, словно боясь пошевелить край плаща.

«Уж не окаменел ли он?» — Птичка Чересчур, вся дрожа, посмотрела на него из густой зелени.

— Астрель… Принцесса Сумерки… Прощай навек… — вдруг послышался его невнятный, словно надломленный голос.

Луна зашла за тучу, капли росы погасли. И с потускневшей травы взлетел ворон, черный, как ненастная ночь.

Птичка Чересчур со страхом посмотрела ему вслед.

— А я-то верила доброму господину Каргору! — с горечью прошептала она. — Все просила его избавить нас от страшного ворона. Но я же не знала… Астрель, Гвен, что теперь с ними будет?

Глава 18
Шкатулка с голосом Скиппа. И главное: Каргор обнаруживает пропажу

Каргор застывшим взглядом смотрел, как золотые змеи извивались в камине. Там больше не было голубой искры.

Дверь распахнута настежь, угол ковра загнут, кресло отодвинуто впопыхах… Ясно, здесь кто-то побывал. Нет, голубая искра не погибла, ее не успели сожрать огненные змеи — голубую искру похитили!

Скипп, словно куча жалкого тряпья, скорчился в углу.

Огненные змеи, встав на хвосты, нетерпеливо плясали в камине. С голодным шипением разевали пылающие пасти.

— Есть хотите, мои маленькие, мои бедные голодные змейки, — рассеянно пробормотал Каргор. — Потерпите немного, я накормлю вас.

Огненные змеи потянулись к Каргору. Раскаленные капли яда стекали с каминной решетки, гасли на мраморном полу.

Каргор утомленно опустился в кресло, заслонил

глаза ладонью.

— Кто же все-таки украл голубую искру? — неторопливо проговорил Каргор. — Почему-то я уверен, что это тот самый незнакомец. Но как он прошел через весь лабиринт голосов? Да, он не трус! Многие пытались проникнуть сюда, но никто не шагнул дальше порога. Ты видишь, я не спешу, Скипп, славный ты парень. Я все равно догоню воришку. Он не успел далеко уйти, я это знаю, чувствую.

И, словно подтверждая его слова, огненные змеи все разом закивали своими пылающими головами, зашипели еще громче.

— Он еще пожалеет об этом, Скипп, можешь мне поверить. Я превращу его в лягушку, в камень, в улитку, во что захочу. Пустяковое это дело. И все же хотелось бы мне знать, какие голоса встретили его здесь, в залах, на лестнице, в темных переходах?

Каргор быстрым взглядом обежал стоящие на полке шкатулки и ларцы и вдруг коротко присвистнул. Он увидел грубую шкатулку из черного дерева, по углам окованную медью. Она стояла раскрытая, с откинутой крышкой, как и все остальные.

Каргор резко рассмеялся, закинув голову:

— А!.. Вот оно что! Он услышал свой собственный голос и кое о чем догадался. Он к тому же не глуп, этот незнакомец. Что ж, тем более нам надо встретиться и поговорить по душам. Но сперва одно дельце, Скипп. Ты славный парень, Скипп, да вот оплошал. Размечтался, что получишь назад свой голос и будешь трепать языком на всех перекрестках. Это вместо того, чтобы радеть о делах своего доброго господина. Что ж, я обещал отдать твой голос… Вот где спрятан твой голос, смотри!

Каргор отомкнул большой сундук, стоявший в углу, и достал из него незатейливый ларчик. Скипп весь затрясся, увидев его. Он на четвереньках вылез из угла, не сводя с ларчика жадного, молящего взгляда.

— Что ж, я выполню свое обещание, — невозмутимо продолжал Каргор. — Только я отдам твой голос не тебе. Моим золотым змейкам — вот кому я его отдам. Моим вечно голодным змейкам. Пусть они полакомятся. Вот уж вправду редкое угощение! Хоть и приправлено бранью и глупостью. А все же, может статься, придется им по вкусу!

Каргор повертел ларчик перед самым лицом Скиппа, дразня его. Скипп рванулся к нему, отча-

янной хваткой обнял его колени, но Каргор ногой отпихнул его.

Он поднял ларчик над головой и с размаху швырнул его в камин.

Золотые змеи на мгновение замерли и вдруг разом с жадностью набросились на ларчик. Он мигом вспыхнул со всех сторон.

Из огня донесся грубый, тусклый голос, неясное бормотание, сопение, ворчливое оханье, щелкнула скорлупа расколотого ореха:

— Налей… Я те потолкаюсь… Свинья ты этакая… Самому нужно… А ну убирайся…

Слова, как невесомые пузырьки, вылетали из дотлевающего ларчика, вспыхивали огоньками, и ненасытные змеи с жадностью глотали их. Последняя щепка догорела, и змеи улеглись в камине, сытые, довольные.

— Вот и все. Больше нет твоего голоса, Скипп, — лениво сказал Каргор. — Теперь ты навсегда остался немым. Впрочем, ты сам виноват. А ведь я мог, Скипп, славный ты парень, а ведь я мог и тебя самого бросить моим огненным змейкам!

Каргор отвернулся и уже не смотрел, как Скипп в пыли и золе ползал на коленях перед камином. Скипп тянулся к огню в напрасной надежде схватить, спасти хоть одно слово.

Каргор тем временем накинул на плечи свой черный, ниспадающий до пола плащ.

— Светает, но отдыхать нет времени. Пора встретиться с моим ночным гостем. Клянусь, он никогда не забудет нашей приятной беседы. О, как легко мне стало теперь превращаться в воро…

Каргор не договорил, и к потолку взлетел большой ворон. Словно дотлевающий уголек, сверкнул его круглый глаз.

Несколько взмахов шуршащих крыльев, и он вылетел в окно башни.

Глава 19
Приключения в тумане. И главное: тайна голубой искры

Друзья мои, вы помните, конечно, что волшебник Алеша в предрассветной мгле выбежал из башни Каргора.

Ночная темнота рвалась на куски и расползалась. Отовсюду, изо всех низин и оврагов, поднимались, лениво потягиваясь, слоистые туманы.

Волшебник Алеша на мгновение остановился, раздумывая, что ему делать дальше.

Голубая искра уже начинала жечь руку, обернутую плащом. Кот Васька примостился на плече, спрятался от утренней сырости, уютно зарылся носом в шарф и притих.

Вокруг плыли белые клочья тумана, свивались в призрачные ограды, невесомые стены. Белые замки вырастали и качались, опадали, беззвучно растекались, таяли.

Волшебник Алеша с трудом разглядел дорогу, мощенную круглым булыжником. Дорога слабо поблескивала от капель росы. Она вела прямиком

к городу, мимо башни Ренгиста Беспамятного.

«И все же… Нет, лучше пойду-ка я через лес, — решил волшебник Алеша. — На этой пустынной дороге меня всякий заметит».

Волшебник Алеша перепрыгнул через канаву и очутился в царстве тумана.

Идти было трудно. За два шага ничего не видать. То вдруг из мутного облака прямо перед ним вырастало замшелое дерево. То волшебник Алеша вламывался в колючие кусты терновника. Ноги скользили на поросших болотной травой кочках. Следы сразу же заполнялись мутной водой.

«Голубая искра… — сомнение точило волшебника Алешу. — Не зря ли я все это затеял? Мне померещилось, будто есть какая-то связь между Ренгистом Беспамятным, его странным забытьем и голубой искрой. Но может ли это быть? Боюсь, я только зря упустил время».

Волшебник Алеша вдруг почувствовал усталость, почти отчаяние. Он так хотел помочь Астрель, такой беззащитной и юной, несчастному Ренгисту Беспамятному…

«Да и что такое голубая искра? Скорее всего, это просто волшебный огонек, который горит и не гаснет. Мало ли чудес в сказке? Я затеял пустое.

Все напрасно…»

Между тем жар от голубой искры становился все сильней. Запахло паленым — искра прожгла насквозь шерстяной плащ.

И вдруг волшебник Алеша услышал тихий, мягкий, будто завивающийся колечками, шепот:

— Я была овечкой… Меня стригли, стригли, стригли. Мою шерстку чесали, пряли… Потом ткали, ткали, ткали…

— Вот еще фокусы, плащ заговорил! — недовольно шевельнулся на груди волшебника Алеши кот Васька. — Если ты плащ, так молчи, согревай кота как следует, вот твое дело.

Рука волшебника Алеши дрогнула, и голубая искра скатилась на землю. Она упала на круто выпирающий из-под земли изогнутый корень, гладкий, словно отполированный столетиями. И сам великан-дуб вдруг надвинулся на волшебника Алешу из тумана, простирая над ним широкие ветви. Волшебник Алеша увидел черную овальную дыру дупла.

Стоило голубой искре коснуться корня, как тут же послышался приглушенный землей тягучий, еле уловимый шепот. Шепот поднимался снизу, уходил вверх, перемешиваясь со слабым шелестом мокрых листьев.

— Я был желудем, желудем, желудем, — шептал воздух вокруг волшебника Алеши. — В земле темно, тепло и тихо… Силы земные вошли в меня… Дупло, дупло… Я помню белку, белку, белку…

Все стихло, и только утренний слабый ветер срывал и ронял капли с дубовых листьев.

Голубая искра повисла на гибкой травинке, и тихий шепот заставил волшебника Алешу наклониться и прислушаться.

— Просто травинка, травинка… Тонкая, тонкая травинка… Помню копыта всадников… Помню, помню…

«Да, я не ошибся. Голубая искра — это память! Дерево, даже трава — все вспоминает свою прошлую жизнь. Память Ренгиста Беспамятного! Каргор не успел, не смог погасить голубую искру. Человеческая память. Да, тебя трудно убить!»

Волшебник Алеша несколько раз обернул руку плащом, бережно, даже благоговейно поднял с земли сияющую голубую искру.

«Бежать! Как можно скорее, — мелькнуло как молния в голове волшебника Алеши. — Каргор так легко не расстанется со своей добычей. Тут полно загадок, видимо, я многого не знаю. Он, конечно, уже хватился пропажи. А тогда…»

Волшебник Алеша огромными скачками бро-

сился вперед, не разбирая дороги.

Лишь бы успеть! Лишь бы успеть отдать эту маленькую драгоценную искру Ренгисту Беспамятному!

Он бежал, спотыкаясь о корни, налетая на стволы деревьев, проваливаясь в ямы, полные гнилых веток и прелых листьев.

— Что ты меня так подкидываешь?! — возмущенно взвыл кот Васька. — Идти не можешь нормально? Эй, волшебник Алеша! Всю душу так из меня вытрясешь!

Но волшебник Алеша, не слушая его причитаний, продолжал со всех ног бежать по лесу.

— Да что же это, честное слово! — продолжал возмущаться кот Васька. — Нет, это ты назло! Да не тряси ты меня так! Прекрати дурацкие прыжки!

— Замолчи! Изволь без капризов! — прикрикнул на него волшебник Алеша. — Я тебе потом все об…

В этот миг волшебник Алеша зацепился ногой за пенек и с размаху рухнул на землю. Кот Васька кувырком шлепнулся в траву, всю увитую туманом.

Из белесого марева послышался полный обиды голос:

— Так, значит? Выбросил? Иди куда знаешь, кот Васька? Ну, волшебник Алеша, не ждал я от тебя такого… Ладно, и без тебя доберусь. Тетушка Черепаха хоть молока даст. Вот когда назло делают, это я уже терпеть не могу!

«Ничего, найдет дорогу и без меня, — торопливо пробираясь между деревьями, подумал волшебник Алеша. — Тут уж не так далеко. Лишь бы мне успеть…»

Туман начал оседать вниз. Теперь деревья словно по пояс стояли в белой дымке. Волшебник Алеша увидел знакомый дуб, огромный и корявый, с черным овальным дуплом, похожим на разинутый рот.

«Кажется, я сбился с пути. — Волшебник Алеша остановился перед дубом. — Сделал круг по лесу и вернулся на то же место».

В это мгновение он услышал вдали приглушенное воронье карканье. «Птицы проснулись», — подумал волшебник Алеша.

Сквозь густую листву дуба он вдруг увидел ворона. Широко раскинув могучие крылья, ворон низко летел над лесом. Он был такой огромный, что казалось, летит сорванная бурей крыша колокольни.

Глава 20
Схватка в болотной низине. И главное: неожиданная находка волшебника Алеши

Кот Васька шел не торопясь.

«Туман — вещь препротивная, — рассуждал он. — Вроде дождя, да еще дразнится, на молоко похоже. Но раз молоко выпить можно, значит, и туман кто-нибудь выпьет, ну там трава, земля. Зато я один сам по себе гуляю по сказке. Кое-кто у нас во дворе просто от зависти лопнет, когда я расскажу…»

Мокрая блестящая лягушка испуганно скакнула в сторону. Кот Васька не стал ее ловить, только так, пугнул для острастки. Ладно уж, чего там, небось лягушата дома плачут. С другой стороны, нечего перед котом нахально прыгать.

Но волшебник Алеша! Вот уж не ожидал! Просто слов нет. Носится как угорелый без толку. Так тряс, словно из коврика пыль выбивал. А попросишь: «Эй, потише!» — он, извините, ноль внимания!

Кот Васька вконец растравил себя обидой.

Честное слово, какой же это друг! Он лично для волшебника Алеши готов на все, а в ответ…

Бродить в тумане коту Ваське надоело. Капли влаги покрывали всю шерсть. Лапы озябли. Так и простудиться недолго! Сплошное мяу!

Кот Васька увидел, как совсем невысоко между деревьями, над клубами болотного тумана, пролетел большой ворон.

«Ворон!.. Ах да, ворон. Еще маленьких птичек обижает, — вспомнил кот Васька. — Уж не об этом ли злодее говорила птичка Чересчур? Славная, между прочим, птичка. Умная. Я бы даже не прочь с ней подружиться. Хотя что такое дружба? Нет, я разочаровался во всем. Если уж сам волшебник Алеша… Впрочем, я не таков. Я для друга, если могу, уж расстараюсь!»

Кот Васька нырнул в траву и словно окунулся в густое молоко. Ворон был теперь совсем близко. Слабо блеснуло что-то серебряное на его шее среди взъерошенных перьев. Кот Васька прижался к земле, приготовился к прыжку.

И в тот самый миг, когда ворон косой тенью пролетал над ним, кот Васька пружиной взвился кверху, вцепился в ворона всеми когтями и вместе с ним рухнул на сырые сучья. Он поймал ворона за крыло, но сейчас же перехватил

повыше, почувствовал под когтями жилистую, жесткую шею.

— Попался! — с торжеством прошипел кот Васька. — Я тебе покажу, как маленьких птичек обижать.

Ворон рванулся, но кот Васька держал его мертвой хваткой.

— Сейчас придушу, и конец вопросу, — с издевкой прохрипел кот Васька.

Ворон метался и бился. Черные перья летели во все стороны и пропадали в тумане.

— Удрать хочешь? Не выйдет! Не на такого напал. С котом Васькой шутки плохи!

Кот Васька еще глубже запустил когти в шею ворону, пригнул его голову книзу, ткнул клювом в землю.

— Если хочешь живым уйти, проси прощенья, кланяйся и обещай…

Кот Васька не договорил. Он даже не очень понял, что, собственно, произошло.

Он только почувствовал, что держит когтями что-то мягкое, тонкое, вроде кружев. Кружева трещали, рвались. На миг мелькнуло человеческое лицо, щека с прилипшей мокрой травинкой, страшные черные глаза. Все тут же пропало. Кот Васька успел только перевести дух и прошептать

с облегчением:

— Померещилось…

Но вдруг он с ужасом увидел, как из болотного марева высунулась длинная рука. Она медленно тянулась к нему, зеленоватая, страшная, загребая пальцами гнилые листья и землю.

— Ах ты дрянь! — прогремел грозный голос.

И какой-то человек огромного роста, мазнув кота Ваську по носу полой плаща, вскочил на ноги. — Жалкая тварь, да я тебя!..

— Батюшки! — в смертельном страхе пискнул кот Васька и стрельнул в сторону, не глядя куда. Провалился в яму, полную кислой воды и плавающих листьев.

До него донеслось зловещее раскатистое карканье. Громко захлопали крылья.

Если бы не студеная болотная жижа, кот Васька, наверно, долго бы еще просидел в этой яме.

Но через какое-то время он все-таки, дрожа от холода и страха, выбрался наконец на сухое место.

Туман тем временем поредел, растаял, бледными лентами уполз в овраги. Теплые лучи солнца то там, то тут пробивались сквозь густую листву, зажигали цветы в траве.

Кот Васька, не оглядываясь, затрусил по лесу.

Его еще била дрожь, лапы подгибались. Шерсть обсохла на ветру, но от грязи свалялась комьями.

— К пушистому Алеше хочу, к моему Алеше… — чуть не плача, шептал кот Васька. — Он самый хороший, самый лучший, мой пушистый Алеша…

А что же волшебник Алеша? Он со всех ног торопился к башне Ренгиста Беспамятного. Перебегал от дуба к дубу, прячась за могучие стволы. Чутко прислушивался, не хрустнет ли ветка, не закричит ли тревожно сорока — лесной сторож.

— Каргор! Злой волшебник! Он ведь может бросить за мной в погоню кого угодно: всадников, зверей, чудовищ…

Теперь, когда показалось солнце, волшебник Алеша мог без труда найти дорогу.

Чтобы хоть немного отдышаться, он прислонился плечом к толстой шероховатой ели с низко раскинутыми широкими зелеными лапами. Утреннее солнце согрело разноцветные капли смолы, и волшебник Алеша почувствовал их крепкий целительный запах.

Снова над верхушками деревьев показался ворон.

Он летел косо, одно крыло было помято. Перья на шее растрепаны, выдраны.

«Почему меня жуть берет, когда я гляжу на этого ворона? — невольно вздрогнул волшебник Алеша. — Мерзкая птица, словно черный сгусток злобы».

И вдруг его словно что-то стукнуло прямо в сердце. Черное перо в башне Каргора! Как отшатнулись, отпрянули от него огненные змеи. А что, если этот ворон и есть сам хозяин мрачной башни? И теперь он выслеживает его.

Волшебник Алеша сорвался с места и со всех ног бросился вперед, то прячась в тени деревьев, то зарываясь в густой орешник. Только на миг он остановился. Он увидел разбросанные в примятой траве, отливающие синевой огромные птичьи перья вперемешку с клочьями кошачьей шерсти.

«Ничего не понимаю! Уж не мой ли кот Васька тут воевал? — ахнул волшебник Алеша. — Ничего не скажешь, смелый кот! Сразиться с таким чудищем!»

Волшебник Алеша уже хотел бежать дальше, но вдруг что-то круглое, блестящее сверкнуло в мокрой траве.

Он нагнулся и поднял небольшой медальон на тончайшей серебряной цепочке.

Глава 21
Тетушка Черепаха. И главное: кот Васька не может развязать заколдованный узел

Лес редел. Все чаще попадались светлые полянки с пестрым царством лесных цветов и бабочек.

Волшебник Алеша увидел что-то пятнистое, коричнево-зеленое, мелькнувшее в перелеске. Кто-то брел, то и дело наклоняясь, неторопливо раздвигая палкой кусты и траву.

Это была тетушка Черепаха в своем негнущемся платье, твердом и морщинистом, как скорлупа грецкого ореха. Вот она протянула свою корявую руку, сорвала бледный незаметный цветок. Растерла в пальцах, понюхала, удовлетворенно кивнула. Цветок исчез в просторном мешке.

В три скачка волшебник Алеша пересек поляну. Ухватил тетушку Черепаху за рукав, рывком втянул ее в тень большой липы.

— Уважаемая Чере… Простите, дорогая тетушка Черепаха, — заикаясь от спешки и волнения, проговорил волшебник Алеша. — Какое счастье, что я вас встретил! Я вас умоляю, скорее…

— «Скорее, скорее»! Я никогда не спешу, — сердито оттолкнула его руку тетушка Черепаха. — А успеваю побольше других. Застелила постель моему доброму господину и пошла в лес. Много кореньев и трав знает тетушка Черепаха. Я нашла корень светлых снов, пусть хоть во сне мой добрый хозяин отдохнет душой.

— Тетушка Черепаха, умоляю вас, — перебил ее волшебник Алеша. — Надо отнести эту голубую искру вашему господину. И как можно скорее, да, да, скорее, не сердитесь. Эта голубая искра может все спасти!

— Спасти? — Тетушка Черепаха насмешливо и недоверчиво посмотрела на волшебника Алешу своими темными, глубоко посаженными глазами без ресниц. — Глупости все это. Только тревожите моего доброго господина и знай себе прожигаете дыры на его плащах.

— Заклинаю вас, тетушка Черепаха! — уже в отчаянии воскликнул волшебник Алеша. — Если вы хотите добра господину Ренгисту!

Тетушка Черепаха глубоко вздохнула.

— Ну, будь по-твоему, хотя я не верю ни одному слову, — угрюмо согласилась тетушка Черепаха. — А если она принесет вред моему господину, твоя голубая искра? Берегись тогда! Я разыщу

тебя хоть под землей, и плохо тебе придется.

Она медленно подняла свои тяжелые руки, словно угрожая волшебнику Алеше, и опустила их.

— Голубая искра спасет его, спасет Астрель, принцессу Сумерки! — Волшебник Алеша разжал жесткие пальцы тетушки Черепахи и вложил ей в руку голубую искру. — Только она горячая, может обжечь.

— Какое там! Чуть тепленькая, — проворчала тетушка Черепаха. — И откуда только ты пожаловал, бродяга? И что тебе за корысть помогать нам? Не верю я никому, вот что!

Тетушка Черепаха повернулась и, неуклюже переваливаясь, зашагала вдоль опушки.

— Глупости все это… — донесся до волшебника Алеши ее скрипучий голос.

Волшебник Алеша свободно вздохнул. Ну что ж, дело сделано! Медленно, но все-таки через пару часов доплетется до башни своего хозяина тетушка Черепаха. А Гвен и Астрель, принцесса Сумерки, уже в безопасности, в глухой чаще леса. Теперь только отыскать кота Ваську и…

Волшебник Алеша опустился на землю. Ему захотелось зарыться лицом в траву, в цветы, в тихий мир, полный чистых запахов и легкого

движения, шуршания, покоя. Закрыть глаза и уснуть. Солнце грело ему плечо и спину.

И вдруг… Что-то заставило его вздрогнуть и поднять голову.

Волшебник Алеша увидел, как из чащи леса вышел человек с темным лицом. Длинный плащ волочился по траве, и трава уже не выпрямлялась там, где ее коснулся край плаща. Человек шел мерной уверенной походкой, оставляя за собой словно выжженную полосу.

Волшебник Алеша вскочил на ноги, попятился, прижался спиной к стволу старой липы. Человек подошел ближе. Черный плащ его в свете солнца чуть отливал синевой на сгибах. Кружевной воротник был смят и разодран. Волшебник Алеша увидел рваные царапины на шее. Правая рука была окровавлена. Плащ на плече висел клочьями.

Ледяной холод словно сковал волшебника Алешу.

— Ничего плохого… — тихим, вкрадчивым голосом проговорил человек в черном. — Свобода, деньги, драгоценности любые и много. И самое главное — жизнь. Все, что ты пожелаешь. А в обмен пустяк, мелочь. Отдай мне голубую искру!

— Каргор… — еле слышно прошептал волшебник Алеша. Он понял, кто его страшный

собеседник.

— Ты похитил голубую искру. Ну нет, нет! Скажем так: взял по ошибке, для забавы. — Каргор говорил спокойно, мягко, словно это была дружеская беседа. — Отдай мне эту искорку и иди себе без забот, позванивая золотом в карманах.

— Нет… — Волшебник Алеша с трудом перевел дыхание.

— Нет? — словно бы думая о чем-то своем, рассеянно повторил Каргор. — Разве мало стоит солнечный свет, ветерок, голос синицы и то, что ты можешь это видеть, чувствовать, слышать? Я ведь могу отнять у тебя все это. Весь мир вместе с жизнью.

Каргор замолчал, пристально глядя в глаза волшебнику Алеше. Но волшебник Алеша, не дрогнув, выдержал этот сверлящий, пронзительный взгляд.

— Впрочем, о чем я? Вижу, у тебя нет голубой искры. Ты кому-то успел ее отдать. Только имя. Одно слово. Назови имя, кому ты отдал голубую искру. И ты свободен. Иначе… — в бездонной глубине глаз Каргора вспыхнул и померк опасный огонек.

«Тетушка Черепаха, наверно, уже вышла из леса и бредет по дороге…» — мелькнуло в голове

волшебника Алеши.

— Не знаю, о чем вы говорите. Я вас не понимаю, — стараясь казаться спокойным, сказал волшебник Алеша.

Он поднял голову. Небо было такое голубое, и плыли в нем чистые, белые облака. И ветер бережно нес их на своих невидимых ладонях. Пролетела птица и будто звякнула маленьким колокольчиком. Нет, ни за что он не скажет Каргору, где голубая искра.

— Ах так! Тогда ты умрешь бессмысленно, глупо. Все равно никому не войти в башню Ренгиста Беспамятного. — Каргор говорил теперь, словно рубил железо. — Ты погибнешь, несчастный, но сначала убедишься, что даром проиграл свою жизнь!

Каргор прошептал несколько невнятных слов, и вдруг тени деревьев зашевелились, отделились от стволов, поднялись с травы. Темнея, сгущаясь, меняя свои очертания, они превратились в толпу людей. Это были полулюди, полутени. Плоские, с неуловимо сумрачными лицами, неотличимо похожие один на другого.

— Тени-слуги, покорные мне одному! — прозвучал властный голос Каргора. — Кольцом окружите башню Ренгиста. Пусть никто не по-

дойдет к башне. Никто! Добудьте мне голубую искру. А человека, который несет искру, убейте! Так я повелел!

— Мы убьем человека! Голубую искру принесем тебе! — одинаковыми, неживыми голосами откликнулись слуги-тени.

Они прошли мимо волшебника Алеши, равнодушные, бесчувственные, даже не взглянув на него, и скрылись за деревьями.

— Вот и все… — Каргор проводил взглядом длинную вереницу слуг. — Я устал. Мне прискучило все: убивать, превращать, сжигать. Превратить тебя в букашку, в камень? Стоит ли тратить силы? Можно и проще. Ты умрешь медленной смертью, которую ты заслужил.

Неведомо как в руках Каргора вдруг очутилась длинная веревка, скрученная из темно-бурых волокон.

Концы ее шевелились как живые.

Каргор проговорил голосом, полным торжества и насмешки:

Волшебная веревка!
Мне службу сослужи:
Надежно, крепко, ловко
Скрути его, свяжи!

В тот же миг веревка вырвалась из рук Каргора, обвилась вокруг ног волшебника Алеши и туго прикрутила его к дереву. Она по-змеиному, кольцами сжималась вокруг него, поднимаясь все выше, выше…

Волшебник Алеша судорожно выхватил кинжал и перерезал веревку. Но обрезанные концы мгновенно срослись. Веревка захлестнула руки, обхватила его грудь, плечи. Теперь он уже не мог пошевелиться.

Кинжал выпал из его рук и вонзился в землю.

Каргор рассмеялся. Его смех колол, как ледяные иглы.

— Я ухожу, незнакомец, — презрительно бросил Каргор. — Тебе будет о чем подумать на досуге. Знай! Узел, которым завязана эта веревка, волшебный! Кто его развяжет — тут же упадет мертвым. А ты, простак и герой, не захочешь, чтоб кто-нибудь погиб из-за тебя. Зря ты пришел сюда, незнакомец, зря. Астрель, принцесса Сумерки… — Голос Каргора вдруг дрогнул, отзвук какой-то былой тоски, боль утраты послышались в нем. — Ее больше нет, нет… И корни ее все глубже уходят в землю.

— Что вы с ней сделали? — рванулся волшебник Алеша, но веревка только туже затянулась

вокруг него.

Лицо Каргора снова стало непроницаемым. Он оттянул рваные кружева на груди, как будто они душили его, глубоко вздохнул… и в воздух тяжело взмыл огромный ворон с помятым крылом и ободранной шеей.

Он сделал широкий круг над старой липой и скрылся за лесом.

Стоило только исчезнуть страшной птице, как из ближайшего куста высунулся кот Васька.

Он подполз на брюхе к волшебнику Алеше и дрожа прижался к его ноге.

— Пушистый Алеша, — пискнул он. — Ты нашелся… Вернее, это я нашелся… Да все равно. Главное, мы нашлись и опять вместе. Сейчас я тебя развяжу, и бегом отсюда! Вот только узел развяжу. Это я мигом…

— Остановись! Назад! — громовым голосом крикнул волшебник Алеша. — Это смерть! Веревка заколдована. Тот, кто развяжет узел, умрет!

Где-то в отдалении раздался торжествующий хохот, от которого кот Васька сжался в комок.

— Как же это? — растерянно прошептал он. — Что же теперь делать, котики-братики? Так и пропадать тут? Сплошное мяу!

Глава 22
Птицы отправляются на поиски. И главное: как освободить Гвена?

Уж как дрожала всю ночь птичка Чересчур, укрывшись в листве дуба на опушке Оленьего леса, просто невозможно описать словами.

«Надо скорее разыскать Гвена Хранителя Леса, — твердила она себе. — Разыскать Гвена… Скорее… Все ему поведать без утайки. Пусть он будет презирать меня, пусть даже проклянет! Все равно. Ах, я глупая, безмозглая птица!»

Чуть забрезжил рассвет, птичка Чересчур помчалась на розыски. Она расспрашивала всех встречных птиц, не видел ли кто Гвена Хранителя Леса. «Нет», — отвечали все. Это еще больше встревожило и смутило птичку Чересчур.

— Я слышал, как вчера днем стучал его топор в доме, что он построил на круглой поляне, — припомнил старый скворец, домосед и мечтатель. — Даже подумал: что это он так размахался топором? Словно хочет изрубить свой новый дом в щепки. Все хорошо в меру! А потом все затихло.

Скоро за птичкой Чересчур уже летела целая стая встревоженных жаворонков, пеночек, синиц, дроздов.

Птичка Чересчур, опередив всю стаю, первая вылетела на круглую поляну. Вот он, дом Гвена Хранителя Леса!

Но что это?

Двери наглухо закрыты, ставни захлопнуты. Дом казался пустым и заброшенным. Печальная тишина легла кольцом вокруг запертого дома. Свежие бревна истекали смолой, как слезами.

— Гвена Хранителя Леса тут нет, — пискнула синица.

— Тихо и пусто, — прозвенел жаворонок.

— Здесь страшно… — шепнул маленький щегленок.

По вершинам крутой волной пронесся рокот и стон.

Откуда-то издалека долетел свист ветра, завывание, похожее на горестный плач.

— Это Смерч! Смерч Себе-На-Беду! — всполошились разом все птицы. — Он идет на нас! Он где-то близко. Надо прятаться, надо укрыть птенцов!

Но все стихло. Видимо, Смерч прошел стороной.

И все же птицы боязливо переглядывались, по-

думывая, не разлететься ли им на всякий случай по своим домам.

— Гвен Хранитель Леса, ты тут? — без всякой надежды спросила птичка Чересчур и постучала клювом по закрытой ставне.

Неожиданно внутри дома послышались торопливые шаги, удары кулаков обрушились на крепкую дверь.

— Где Астрель? — раздался измученный, задыхающийся голос Гвена. — Где Астрель? Кто знает, где она?

Но птичка Чересчур предпочла не отвечать на его вопрос. Она всплеснула крылышками и засуетилась.

— Все сюда! Все сюда! Гвен Хранитель Леса здесь!

Птицы, взволнованно галдя, сели на крышу дома, опустились на ступеньки, облепили закрытые ставни.

— Гвен Хранитель Леса, почему ты не отопрешь дверь и не выйдешь?

— Что случилось?

Невероятным и страшным показался им ответ Гвена:

— Злой волшебник наложил заклятье на окна и двери! Я не могу ни открыть их, ни выломать!

— А твой чудесный топор? — воскликнула птичка Чересчур. — Руби дверь, Гвен! Не жалей! Только выйди скорей из дома!

— Мой топор заколдован! Даже маленькая зарубка зарастает, стоит лишь мне вонзить его в доску или бревно, — простонал Гвен. — Мне не выйти из этой ловушки!

Большой дятел, седой от старости, уселся на резной наличник окна. Своим острым клювом он несколько раз для пробы стукнул по дубовому ставню.

Во все стороны полетели мелкие щепки.

— Дерево поддается моему клюву, — деловито заявил дятел. — Но даже если я, и мои старшие сыновья, и мои младшие сыновья будем трудиться весь день, мы не освободим тебя скоро, Гвен Хранитель Леса. К вечеру мы сможем пробить только небольшое отверстие, а у тебя широкие плечи.

— Дятлы, пробейте дыру! Птицы, раздобудьте мне другой топор! — взмолился Гвен. — Хотя бы нож. Или кинжал!

Птицы растерянно переглянулись.

— Топоры не растут в лесу, как лопухи, — огорченно сказал скворец.

— Ножи не созревают, как стручки гороха, —

грустно добавила синица.

— Мы же птицы, просто птицы, где мы найдем тебе нож или кинжал?

Птицы умолкли в огорчении, беспомощно разводя крыльями.

— А я видел человека, привязанного к старой липе! У ног его в траве блестел кинжал! — вдруг осмелев, пискнул маленький щегленок.

— Что ты болтаешь! — сурово накинулись на него птицы. — Где это ты видел у нас в лесу человека, привязанного к дереву? Как ты смеешь лгать взрослым!

— Малыш всегда говорит правду, — вступился за него папа-щегол.

Уже через минуту вся стая щеглов летела за маленьким щегленком. Он с гордостью показывал дорогу.

— Ох, смотри! Не опозорь нас перед всем лесом, — предупредил его старый щегол.

— Что ты, дедушка! — обиделся щегленок. — Я хорошо видел кинжал. И даже разглядел золотые буковки вокруг рукояти.

А все дятлы, от мала до велика, дружно принялись долбить деревянный резной ставень. Щепки веером полетели во все стороны на гладкую шелковую траву поляны. Вокруг порхали птички

помельче. Синицы, чижи, поползни криком подбадривали дятлов.

Только птичка Чересчур, нахохлившись, сидела в стороне на ветке. Черные полоски на ее крыльях стали белыми — она поседела за одну ночь.

«Сейчас щеглы принесут Гвену кинжал. Гвен выберется из дома. Он спросит: «Где Астрель? Что с ней?» — и я должна буду все ему рассказать!» — Маленькое сердце птички Чересчур просто разрывалось от горя, стыда и раскаяния.

Глава 23
Снова кинжал Врядли. И главное: Смерч Себе-На-Беду и неожиданное избавление

Но, друзья мои, вернемся к волшебнику Алеше.

Он по-прежнему стоял, накрепко прикрученный к дереву волшебной веревкой.

Положение и впрямь было отчаянное. Развязать узел ничего не стоило, но заклятье, наложенное на него!

Кот Васька с горя впал не то в сон, не то в дрему и прикорнул у его ног. Во сне пугливо вздрагивал, прижимая уши.

По башмаку волшебника Алеши пробежала верткая золотисто-зеленая ящерица. Подняла блестящие глаза, предложила свои услуги:

— Не могу ли быть полезной? Мы, ящерицы, великие мастерицы распутывать и развязывать всякие узлы.

— Благодарю вас, не надо, — с трудом разлепил запекшиеся губы волшебник Алеша.

Ящерица, блеснув атласной спинкой, пропала в траве.

Послышался птичий щебет. Откуда ни возьмись, налетела стая щеглов. Тревожно закружились вокруг старой липы, хлопотливо пристроились в густых ветвях.

— Видите, кинжал! Что я вам говорил! — с торжеством пискнул маленький щегленок. Он не боясь опустился прямо на башмак волшебника Алеши.

На тонкую ветку перед самым лицом волшебника Алеши уселся старый щегол. Спросил вежливо, с достоинством:

— Тебя кто-то привязал к дереву, незнакомец. Мне жаль тебя! У нас цепкие коготки и ловкие клювы. Хочешь, мы развяжем узел и освободим тебя!

— Н-нет… — Волшебник Алеша помотал головой.

Кот Васька на миг оживился, разглядывая мелькающих в густой листве щеглов. Но тут же равнодушно закрыл глаза. Не до птиц теперь, не до развлечений.

— Если так, о незнакомец, — спросил старый щегол, — не позволишь ли ты взять нам этот кинжал? Он послужит доброму делу.

— Берите, конечно, — тихо ответил волшебник Алеша. Губы его неслышно прошептали: — Он

мне больше не нужен. Мне теперь ничего не нужно…

Щеглы разом опустились в траву, все дружно уцепились за рукоять кинжала. С писком вытащили его из земли.

— А ну, поторапливайтесь! — озабоченно приказал старый щегол. — Где-то неподалеку бродит Смерч Себе-На-Беду. Скорее, дети мои! Слушайте умудренного годами деда, поспешим!

Тут на помощь подоспели сороки. Все вместе подхватили кинжал и скрылись вдали.

«Славные пичужки! — Волшебник Алеша посмотрел им вслед. — Разве я мог погубить хоть одну из вас?»

Волшебнику Алеше все сильнее хотелось пить. Руки и ноги у него затекли. Но больше всего его мучил страх, что слуги-тени схватят тетушку Черепаху и отнимут у нее голубую искру. Он не освободил Астрель, не помог Ренгисту Беспамятному. Неужели все кончено?

Волшебник Алеша так погрузился в эти тревожные и печальные мысли, что не заметил, как боязливо затрепетали верхушки деревьев, а кусты наклонили ветви, стараясь плотно прижаться к земле.

Послышался, все нарастая, вой ветра, треск

ветвей и свист. Но странно! К шуму вихря примешивались плач, ропот, похожие на протяжную жалобу, словно кто-то стонал и всхлипывал.

Пролетел рой разноцветных бабочек. Их полет был смят налетевшим ветром.

— Смерч Себе-На-Беду! Смерч Себе-На-Беду! — донеслись до волшебника Алеши их тонкие, еле слышные голоса.

Цветы вокруг волшебника Алеши, как руками, закрылись листьями. Казалось, все вокруг хочет спрятаться, скрыться.

И тут волшебник Алеша увидел мутный воздушный столб, высоко уходящий в облако.

Изгибаясь и раскачиваясь, он надвигался прямо на него. В своем диком танце Смерч втягивал в себя все на пути. Он поднял вверх и закружил сухие листья, вырванные с землей пучки травы, птичьи гнезда.

Маленькая синичка, попав в его середину, завертелась волчком, теряя перья, не в силах вырваться.

И снова до волшебника Алеши донесся все тот же тоскливый голос.

— Я был ветром, добрым свежим ветром, — стонал и завывал Смерч. — Я надувал паруса, нес запах жасмина… Я охлаждал горячие щеки, дул

на усталые руки. Я рассеивал семена по земле. Все любили, все любили меня…

Смерч налетел на маленький клен, скрутил его, рванул вверх. Клен зашатался, видно было, как шевелятся его корни, отчаянно цепляясь за землю. Но Смерч с силой вырвал его из земли, поднял в воздух, ломая и обрывая ветви.

— Прости меня, прости. — Рыдания прорвались сквозь свист и вой. — Это Каргор превратил меня в убийственный смерч. В Смерч Себе-На-Беду! О, если бы я мог утихнуть навсегда…

Смерч подхватил кота Ваську, и тот, взвизгнув от неожиданности, взлетел кверху.

— Прости меня, маленький зверек! Я не хочу тебя губить, но это не в моей власти! — простонал Смерч Себе-На-Беду. — О, если бы я мог остановиться, умереть, уснуть…

Волшебник Алеша с ужасом смотрел, как Смерч крутит и уносит кота Ваську. Тот, растопырив лапы и кувыркаясь, стремительно поднимался все выше и выше вместе с роем сухих листьев, крыльев бабочек, птичьих перьев.

— Уснуть, уснуть навсегда, навсегда… — донесся тоскливый голос вперемешку с шорохом листьев и свистом.

— Эй, ты, послушай! — задыхаясь, пропищал

кот Васька откуда-то сверху. — Если так — развяжи этот узел! Он заколдованный. Кто его развяжет — умрет. Только учти, я тебя предупредил, как порядочный.

На мгновение Смерч Себе-На-Беду остановился в своем безумном кружении. Клубясь и дрожа, он замер в воздухе. И вдруг, словно решившись, рухнул на старую липу, к которой был привязан волшебник Алеша. Вздыбились ветви. Воздух, казалось, позеленел от пляшущих перед глазами листьев. Непосильная тяжесть навалилась на волшебника Алешу, грозя раздавить его. Он чуть не задохнулся от тугого ветра…

И вдруг все стихло. Плавно кружась и покачиваясь, опускались листья. Словно сорвавшись с крыши, вниз полетел кот Васька и шлепнулся в траву на все четыре лапы.

Волшебник Алеша вдруг почувствовал, что он свободен. Веревка скользнула по его телу и упала на землю.

И где-то у его ног послышался постепенно замирающий, гаснущий голос:

— Тишина, покой, сон, вечный сон, освобожденье… Никого больше не губить… Какое счастье, счастье…

— Это все я! — хвастливо заявил кот Васька. Он

отряхнулся и громко чихнул. — Ловко я сообразил, хотя и летел вверх тормашками. Ну, а теперь, пушистый Алеша, давай бегом отсюда. Скорей бы домой попасть. Надоело мне тут! Сплошное мяу!

Тут кот Васька прижал уши и оглянулся, видимо, вспомнил страшного ворона.

— Ну, молодец, ну, умница! — Волшебник Алеша присел на корточки, прижал к себе кота Ваську. Что ни говори, а кот Васька, можно сказать, спас его. — Лучший из котов! Храбрец, каких мало! Вот только потерпи еще самую чуточку, братец. Заглянем ненадолго в башню волшебника Ренгиста — и тогда домой.

Волшебник Алеша решил не смущать кота Ваську своими опасениями. Слуги-тени! Если они отнимут голубую искру у тетушки Черепахи, считай, все пропало.

— К тетушке Черепахе в гости? Молочка попить? Это неплохо, — беспечно согласился кот Васька. — Я не против.

Кот Васька уткнулся носом в шею волшебника Алеши и завел длинную уютную песенку.

— А что нам делать с этой веревкой? — оглянулся волшебник Алеша. — Может, с собой прихватить?

— Нечего беспорядок в лесу разводить, — с важ-

ностью согласился кот Васька, хотя сам вечно все раскидывал и терпеть не мог прибираться.

Волшебник Алеша наклонился и хотел было поднять с земли волшебную веревку, но она вдруг зашевелилась в траве, как живая, смоталась в клубок и сама скользнула в карман волшебника Алеши.

Глава 24
Гвен теряет надежду. И главное: огненные змеи выползают из камина

Как безумный, не разбирая дороги, бежал Гвен Хранитель Леса. Он продирался сквозь колючие кусты, скатывался в овраги, метался от дерева к дереву.

— Астрель! Астрель! Астрель! — далеко разносился полный отчаяния призыв.

Но деревья молчали, печальные в своей неподвижности.

Вслед за Гвеном торопилась пестрая стая птиц. Птицы шумно переговаривались, не зная, как помочь своему любимцу.

— Надо найти Астрель, превращенную в дерево, и трижды окликнуть по имени! — в который раз объясняла подругам птичка Чересчур. — Ах, сколько в лесу деревьев, я даже как-то раньше не замечала!

Ветви исхлестали лицо Гвена, острые сучья изорвали в клочья его одежду.

«Если до восхода луны он не отыщет Астрель…» — шептала про себя птичка Чересчур.

От одной мысли, что тогда может случиться, у птички Чересчур даже в глазах потемнело. Она стала падать, но два скворца подхватили ее под крылья, и она опомнилась.

— Я видела осинку, которая дрожит каждым листиком до самой верхушки! — с надеждой крикнула Гвену синичка. — Вдруг это…

— А я видел дубок. Молодой дубок, а в нем дупло, похожее на сердечко. Ну точь-в-точь! — сообщил быстрый стриж.

— А плакучая ива возле ручья! Она такая грустная! — догоняя Гвена, крикнула иволга.

Гвен метался от ивы к молодому дубу, падал, вскакивал, снова бросался бежать.

Иногда между деревьями мелькали олени. Они подходили совсем близко, безбоязненно бежали рядом с Гвеном. Глаза их светились молчаливым сочувствием, но никто из них не видел Астрель. Потом плавный скачок, и они исчезали в чаще.

— Астрель! Астрель! Астрель!

Но все было напрасно.

Огромный лес молчал в ответ.

А в этот самый час Каргор, ссутулившись в кресле, сидел перед камином.

В башне царило мертвое давящее безмолвие. Голоса, хохот, звон монет — все стихло. Шкатул-

ки, ларцы снова стояли закрытые, храня в себе звуки прошедшей жизни.

— Тяжко, тяжко… — простонал Каргор, оттягивая рваные кружева у горла. — Каждый вздох мне дается с трудом.

Западное окно уже заалело от заходящего солнца. Беззвучно пролетела большая стая птиц. Птицы казались черными, словно обугленными, на фоне закатного неба.

Огненные змеи, встав на хвосты, беспокойно метались в камине. Они тянулись к Каргору, разевали багровые пасти.

— Мои змейки, мои вечно голодные змейки, — пробормотал Каргор. — Чем же мне накормить вас? Скоро слуги-тени принесут мне голубую искру, и вы утолите свой ненасытный голод.

Золотые змеи нетерпеливо зашипели. Капли огненного яда, стекая вниз, плавили решетку камина.

— Подождите немного, мои славные змейки! — Каргор сунул руку в огненное кольцо змей, стал ласково перебирать их пылающие головы, нежно поглаживать. — Скоро голубая искра будет снова вашей, и вы расправитесь с ней наконец. Слуги-тени! Их ничто не остановит и никто не разжалобит. Скоро, скоро!

Но огненные змеи, шипя все громче, высунули головы из камина. Змеи обвились вокруг его руки. Вспыхнула кружевная манжета, запахло паленым.

Каргор оборвал горящие кружева, кинул в камин. Они вспыхнули, как бабочка над лампой, и сгорели.

— А! Не хотите ждать, мои змейки? Что ж… — Каргор криво усмехнулся. Он закрыл глаза на мгновенье, словно собираясь с силами. — Что ж! Прощай… Прощай, Дождирена Повелительница Дождя! Пришла пора сжечь твой голос. Я сожгу серебряный медальон. Круг завершился. Я погубил твою дочь Астрель, принцессу Сумерки. И больше никогда не смогу услышать твой голос, я не вынесу этой муки. Прощай…

Каргор сунул руку за пазуху, стараясь нашарить там медальон, и вдруг замер.

Он вскочил на ноги, и вопль его был похож на рычание дикого зверя.

— Его нет! Я потерял его! Где? Когда? Неужели там, в лесу, когда в меня вцепился этот жалкий кот, эта ничтожная тварь?!

Каргор раскинул руки, взвились края его широкого плаща.

И вот уже растрепанный огромный ворон вы-

летел в распахнутое окно высокой башни.

Огненные змеи разом рванулись из камина вслед за Каргором. Неистово шипя, перекинулись через каминную решетку. Напрягая все силы, они старались оторваться от раскаленных углей. Наконец одна из змей выскользнула из камина и поползла по полу.

Ковер затлел, струйка дыма поднялась к потолку…

А в глубине леса, над болотистой низиной из вечернего багрового облака, камнем упал вниз громадный ворон.

Мгновение — и по земле на коленях ползал человек, путаясь в полах длинного плаща.

Он раздвигал острую осоку, разрывал влажную землю, перемешанную с прелым листом. Кругом валялись черные перья, отливающие синевой.

Да, это самое место! Знакомая болотная низина.

Но серебряного медальона на тонкой цепочке не было. Медальон исчез.

Потянуло запахом гари. Горький тяжелый дым пополз вниз по склонам оврагов.

Каргор, не поднимаясь с колен, вскинул голову.

Над лесом вздыбился огненно-красный столб.

В мерцающем зареве тонули и вновь проступали острые каменные зубцы.

Это горела Черная башня Каргора.

Из окон хлестали длинные языки пламени, брызги искр летели высоко вверх, мигая, рассыпались и гасли в вечернем небе.

Глава 25
Дождь показывает дорогу. И главное: дикая яблоня, исчезающая в сумерках

Тем временем измученный, отчаявшийся Гвен продолжал метаться по лесу, не узнавая знакомых полян и просек. Он падал, поднимался и, как безумный, снова бросался бежать, не разбирая дороги.

Птицы притихшей печальной стаей, не отставая, следовали за ним.

Солнце медленно, но неуклонно уходило за Олений лес. День угасал, тени скопились в оврагах. И только светились еще верхушки самых высоких елей.

— Все кончено… — простонал Гвен. Он без сил упал на крутой пригорок, зарылся лицом в жесткий мох, почувствовал, как скрипит песок на зубах. — Я потерял ее! Все, все пропало, жизнь, счастье…

Верхушки елей погасли. Последние лучи солнца запутались в редких нитях дождя. И странное дело, дождь лился с чистого неба: ни единого облачка, ни тучи не было в его вечерней глубине.

Прохладные крупные капли падали на исхлестанные ветвями руки и плечи Гвена. И вот — усталость и боль исчезли.

Гвен вскочил на ноги.

Полоса дождя вдруг стала уходить дальше, за деревья. Влажно, глянцево заблестели мокрые листья берез. Дождь как будто манил его за собой.

Гвен протянул руки, ловя на лету ускользающие капли, и сбежал с пригорка. Тихий перестук капель по листьям был как шаги дождя.

Гвен понял: дождь ведет его куда-то. И неуверенная надежда заставила сильнее забиться сердце.

Он шел за плывущим смутным покрывалом дождя. И дневные птицы, которым давно было пора разлететься по гнездам, все как одна молчаливо летели за ним.

Деревья расступились, открывая дорогу лесному ручью. Ручей бежал по промытому, чистому песку. Изредка кидал звенящие струи вниз на разноцветные камни.

И вдруг Гвен увидел молодую дикую яблоню.

Могучие ели, словно оберегая маленькое деревце, заботливо окружили его плотной стеной. Ветви яблони были осыпаны чуть прозрачными бело-розовыми цветами. Птицы, изумленно пе-

реговариваясь, кружили над дикой яблонькой, боясь опуститься на ее хрупкие ветви.

— Дикая яблоня! Смотрите, смотрите!

— Все яблони давно отцвели!

— А эта будто только сейчас расцвела. Виданное ли дело!

Струи дождя окутали дикую яблоню. Капли, дрожа и сверкая, замирали в чашечках цветов.

Гвен вздрогнул. Что это? Может ли быть? В сумерках яблоня начала таять, исчезать, растворяться в вечернем воздухе.

Ветви теряли свои очертания. Бледным серебром тускнели и меркли цветы, пропадали из глаз.

По-прежнему стояли темные ели, уходя верхушками в глубокое небо. Погасшими свечами белели стволы берез. А дикая яблоня исчезла.

— Астрель! Астрель! Астрель! — громко крикнул Гвен, еще боясь поверить в свое счастье.

Невидимые ветви невесомо легли ему на плечи.

— Гвен! — послышался тихий, еле слышный голос.

Теплое живое дыхание коснулось его щеки. Нет!

Это не ветки, это тонкие руки…

Луна поднялась над верхушками Оленьего леса и озарила Астрель.

Гвен увидел запрокинутое бледное лицо Астрель, огромные бездонные глаза, устремленные на него.

Лунный свет словно накрыл их серебряным колоколом. Блестящие лучи вплелись в прозрачные волосы Астрель.

— Гвен… — шепнула Астрель. — Я не могу шагнуть. Земля еще держит меня…

Гвен подхватил Астрель на руки. Струи дождя, лунный свет сбегали по их плечам.

— Как мне было одиноко! Я чувствовала, корни уходят все глубже. Мысли путались, я уже начинала забывать, кто я…

Астрель зябко вздрогнула и прильнула к плечу Гвена.

— Гвен, я узнала страшную тайну. Но если Каргор прознает, что ты спас меня, — все погибло!

Глава 26
Слуги-тени. И главное: снова волшебная веревка

Тетушка Черепаха медленно тащилась по лесу.

— Старая я дуреха, поверила какому-то плуту и проходимцу, — укоряла она себя. — Вместо того чтобы собирать добрые травы и коренья моему господину, несу ему невесть что. Огонек не огонек, светлячок не светлячок…

Тетушка Черепаха в сердцах бросила в траву голубую искру. Голубая искра исчезла под широкими листьями ландышей.

Послышался невнятный говор множества голосов, тонких, шелестящих, звенящих.

Тетушка Черепаха оглянулась. Голубая искра осветила снизу белый ландыш, и он казался фарфоровым. Травинки чутко наклонились к голубой искре, ловя ее лучи.

— Может, зря я бросила этот огонек? — сама себя спросила тетушка Черепаха. — Да нет! Еще чего! И на что он моему господину? Все кругом лгуны и обманщики, а то и похуже. Ничего в нем нет хорошего, в этом огоньке.

И все-таки тетушка Черепаха, скрипнув своим твердым платьем, наклонилась и подобрала голубую искру. Продолжая сердито ворчать, неспешно заковыляла к городу.

Голубая искра ласково грела ее корявую ладонь.

Но вот лес кончился. Показались первые дома с низкими подслеповатыми окнами, крутыми крышами с тусклой, почерневшей от дождей черепицей.

Погоняя откормленную лошадку, мимо с важным видом проехал богатый трактирщик. На лице застыла жирная самодовольная улыбка. Увидев тетушку Черепаху, он брезгливо отвернулся, сделал вид, что ее не заметил.

«Нет, видно, никогда я не поумнею. Что за толк от этого огонька? Ни тепла настоящего, ни света, — помрачнев от обиды, подумала тетушка Черепаха. — Давно пора надавать мне тумаков и вытолкать взашей. Вижу, вижу, в чести одни зазнайки да богатеи. Житья нет тому, кто честен и прост душой…»

Тетушка Черепаха с досадой бросила голубую искру на дорогу и, сердито ворча, зашлепала дальше.

Но неведомо какое чувство заставило ее огля-

нуться.

Голубая искра закатилась в щель между грубыми булыжниками и словно смотрела ей вслед. Что-то сиротливое, беспомощное было в ее робком свете.

«Что за наваждение? Да пропади она пропадом, эта голубая искра! Вот словно просит, возьми меня да возьми», — удивилась тетушка Черепаха.

Она нехотя вернулась назад, снова подняла голубую искру, зажала в кулаке.

— Ладно уж, так и быть, отнесу тебя к моему господину. А то, я вижу, не дашь ты мне покоя.

Тетушка Черепаха брела по городу.

Вдруг она заметила, как в тени колокольни что-то зашевелилось. Оттуда появились долговязые стражники с алебардами в руках. Они и сами походили на тени: все одинаковые, плоские, темные, вместо лиц злые маски.

Стражники отрывисто и негромко переговаривались. Голоса их звучали монотонно и бесцветно, словно это были только тени голосов.

— Человек?

— Черепаха!

— Схватить?

— На что нам черепаха?

И они снова бесшумно исчезли в тени коло-

кольни.

Чем ближе тетушка Черепаха подходила к башне Ренгиста Беспамятного, тем чаще попадались на пути эти полулюди-полутени.

Подозрительно оглядывали ее, переговаривались за спиной:

— Человек?

— Черепаха!

Освещенная вечерним светом, башня Ренгиста Беспамятного казалась особенно дряхлой и древней. Черными морщинами зияли глубокие трещины. Двери покосились, а медные петли истерлись и позеленели.

«Эта башня такая же старая, как и мой господин, — с горечью подумала тетушка Черепаха. — Нет сил видеть, как господин Ренгист умирает заживо. Лучше бы эта башня рухнула и погребла нас обоих под своими камнями. Ведь я и дня не проживу без моего господина…»

Тетушка Черепаха так глубоко ушла в эти мрачные мысли, что и не заметила, как ее окружили кольцом темные стражники. Они преградили ей путь, скрестив перед ней алебарды.

— Идет к башне! — подозрительно сказал один из стражников.

— Не человек, черепаха! — отрывисто возразил

другой.

— У черепахи не может быть искры! — добавил третий.

— Мерзкая черепаха!

— Пусть ползет, безобразная образина!

Тетушка Черепаха посмотрела на них исподлобья, и сердце ее переполнилось обидой и болью. Никто никогда так не оскорблял ее.

— Вот и врете! Я — человек! Да! Человек! — напрягая свой сиплый голос, крикнула тетушка Черепаха. — А вот вы-то кто? Пустота, тени! Пшик — и больше ничего. А голубая искра у меня, потому что я человек!

Тетушка Черепаха разжала кулак, с торжеством и злорадством показала стражникам голубую искру. Голубая искра словно сжалась у нее на ладони, стараясь вобрать в себя слабые дрожащие лучи.

— Вот вам!.. — едва успела выговорить тетушка Черепаха, как темные стражники бросились на нее со всех сторон.

Алебарда с размаху врезалась в ее плечо. И каким крепким ни было платье-панцирь, тетушка Черепаха пошатнулась, охнула и выронила голубую искру.

Голубая искра прочертила сияющую дугу в

воздухе и упала на булыжники мостовой.

Темные стражники бесшумно, все как один, бросились к голубой искре…

Но какой-то человек опередил их. Это был волшебник Алеша.

Его рука мелькнула между темных рук стражников. Он схватил голубую искру и одним прыжком отскочил в сторону.

Кот Васька с трудом удержался на его плече. Он выгнул спину, вздыбил шерсть и угрожающе зашипел.

Стражники-тени мгновенно построились полукругом и неумолимо двинулись на волшебника Алешу.

— Что я натворила… — хрипло проскрежетала тетушка Черепаха. Она еще ничего не понимала, но догадалась: случилась беда!

Волшебник Алеша прислонился к стене дома.

Один-одинешенек, безоружный, он зажал в кулаке голубую искру и спрятал руку за спину.

— Человека убить! Искру отнять! Так повелел господин! — Темные стражники надвинулись на волшебника Алешу. Он увидел их мертвые, пустые глаза. Это была безжалостная сила, направленная чужой волей.

«Хотя бы кинжал… Мог бы защищаться, сра-

зиться с ними. Все погибло! Что же делать? — лихорадочно подумал волшебник Алеша. — А... волшебная веревка? Что, если?..»

Повернувшись к стражникам, волшебник Алеша громко крикнул:

Волшебная веревка!
Мне службу сослужи:
Надежно, крепко, ловко
Скрути их и свяжи!

В тот же миг волшебник Алеша почувствовал, что моток веревки словно ожил и шевельнулся у него в кармане.

Сначала показался кончик веревки.

Мгновение, и вот уже вся веревка выскользнула из кармана. Она хлестнула по толпе стражников, обвилась вокруг них, стягиваясь все туже и туже. Концы ее сами собой перекрутились и завязались крепким узлом.

Притиснутые друг к другу, задыхаясь от тесноты, стражники не могли даже пошевелиться.

— Узел заколдован! — крикнул волшебник Алеша. — Кто его развяжет — умрет!

— Мяукнуть не успеет! — с торжеством добавил кот Васька, прижимаясь к шее волшебника Алеши.

Волшебник Алеша, бережно сжимая в руке голубую искру и даже не чувствуя жгучей боли, бегом бросился к башне Ренгиста Беспамятного.

Глава 27 Король отправляется на охоту И главное: необыкновенные происшествия на опушке Оленьего леса

Каким безоблачным и светлым было это утро!

Лучи солнца на опушке Оленьего леса зажигали в каждой капле росы многоцветный огонек. Ветер перебирал травинки осторожно, чтобы не стряхнуть ненароком каплю-фонарик.

Ни одна птица не молчала в лесу. И казалось, их голоса звучат не вразнобой, а согласно. Будто в лесу кто-то невидимый управляет птичьим хором и они все вместе, в лад поют одну песню, веселую и ликующую.

Но вот голоса птиц рассыпались.

Послышалось цоканье подков, отрывистый лай собак, окрики псарей, смех, голоса.

По дороге к Оленьему лесу скакали всадники, пестрые, как павлины. А за ними — шумная толпа слуг, пажей, охотников.

Впереди ехал король, разрумянившийся от утреннего холодка. Перья на шляпе порой щекотали ему шею, и он невольно улыбался.

— Наконец-то! Наконец-то! Наконец-то! — то

и дело восклицал он. — Какая будет охота! На зависть всем моим соседям. У кого еще в лесу сыщется столько оленей? А? Молодых красавцев. Сильных и быстроногих. Сколько я ждал этой чудесной охоты!

Из рядов свиты вынырнул юркий Врядли, со своей вкрадчивой улыбкой и скользким взглядом.

— Вряд ли, вряд ли кто-нибудь может похвастаться такими оленями! — Его приторно-сладкий голосок тек липкими струйками. — Всегда во всем сомневаюсь и всем советую. Но сегодня! Прочь сомненья. Все будет прекрасно! О, это будет поистине королевская охота!

Вслед за королем ехали принцы Игни и Трагни, оба как в воду опущенные, угрюмые, насупленные.

— Отец приказал Каргору превратить ее в дерево. — Игни косо, исподлобья поглядел на брата. — Я ее не увижу больше, никогда не увижу.

— Девчонка что-то прознала, сунула нос куда не следует, — процедил Трагни сквозь стиснутые зубы. — Если бы я только мог разыскать это дерево. Я бы срубил его под корень!

— А я бы сначала оборвал листья. По одному, по одному, по одному… — с ненавистью прошептал

Игни.

Некоторое время братья ехали молча, не глядя друг на друга.

— Зато она не досталась тебе! — ехидно усмехнулся Игни.

— И тебе тоже, — оскалил зубы Трагни.

Король, услышав их негромкий отрывистый разговор, оглянулся.

«Обойдется, — подумал он. — Девчонки нет, скоро они забудут ее бледное лицо и волосы цвета болотной осоки. Они снова станут дружны и неразлучны, мои славные мальчики. А все, что они награбили, — моей казне прибыток. Так что немного смекалки, хитрости и тайны… Главное — тайны! И на всем можно нагреть руки».

Король пришпорил коня и первым въехал на поляну, топча ромашки и колокольчики.

Послышалось больное прерывистое карканье, и на поляну неуклюже опустился черный, как головешка, ворон.

— Каргор… — недовольно нахмурился король. — Никто не звал тебя сегодня.

В тот же миг к королю шагнул высокий человек с почерневшим, словно обугленным лицом.

Все невольно отшатнулись от Каргора. Его было трудно узнать. Королевский конь, кося глазом и

хрипя, отпрянул в сторону.

Длинные волосы и густые брови Каргора были опалены. Копоть въелась в кожу, обгоревший плащ повис неровными жалкими лохмотьями.

— Все… Больше нет моей Черной башни. — Голос Каргора звучал прерывисто, еле слышно. — Огненные змеи… Сгорело все: колдовские книги, шкатулки с голосами.

— А мне-то что? — с равнодушным недоумением посмотрел на него король. И тут же отвернулся. — Какой прекрасный выдался денек! Эй, глоток вина мне!

Услужливый слуга тут же подставил золотой кубок под алую густую струю.

Король с улыбкой торжества поднял кубок с вином, и лучи солнца вспыхнули, втянутые в игру драгоценных камней.

— Я пью за счастливейший день моей жиз… — начал король и смолк, словно задохнувшись.

Рука его дрогнула. Вино, алое, как кровь, выплеснулось и потекло по рукаву. Кубок упал в траву.

Полный ужаса, остекленевший взгляд короля был прикован к двум молодым березам на краю опушки.

Березы склонили друг к другу верхушки и, пе-

ремешав ветви, образовали бело-зеленую арку.

Под березами, взявшись за руки, стояли Астрель и Гвен Хранитель Леса.

Гибкие ветви ласково падали им на плечи. Молодые листья берез блестели. Лучи солнца сплели в просветах золотые венки и гирлянды.

— Призрак! Тень! Тебя нет! Сгинь, рассыпься… — Посиневшие губы короля не слушались его.

— Вряд ли, вряд ли призраки, ваше величество! Просто бунтари и разбойники, — прошептал Врядли. Он весь вытянулся и словно прилип к сапогу короля. — Прикажите схватить их!

— Девчонка! — Игни покачнулся и выронил поводья.

— Страшно! — прошептал Трагни. — Смотри, брат, что это? Что это?

Вдруг зашевелились, словно ожили, все деревья на опушке леса. Раздвигая ветви, на поляну разом вышло множество людей.

Они были молоды, все как один. Но лица их были не по годам суровы. Одежда на сильных плечах была изорвана в клочья, обувь поизносилась.

Из толпы шагнули двое рыжеволосых мужчин. С ними молодая женщина с испуганным ребенком на руках. Малыш так крепко обхватил шею

матери, что ей было трудно дышать. Она разняла ручки ребенка, часто-часто целуя маленькую ладошку.

Плеснув ветвями орешника, одним крутым гибким движением на поляну выпрыгнул могучий прекрасный олень. Словно умоляя о чем-то, склонил голову с тяжелыми ветвистыми рогами к ногам Астрель.

— Бедный мой… — прошептала Астрель. — Как ты далеко ушел…

Она коснулась рукой его лба, лаская и успокаивая. Олень еще ниже наклонил голову, трепеща всем телом. Голос Астрель зазвенел:

Тьма, рассейся, вспыхни, день!

Человеком стань, олень!

И едва она проговорила последнее слово — олень исчез. Все увидели красивого юношу. На нем был потертый кожаный передник, какие носят кузнецы. На щеке пятно сажи.

Он растерянно огляделся, и вдруг улыбка счастья, еще слабая, неуверенная, появилась на его губах.

А из леса выходили все новые и новые люди. Они клали руки на плечи друг другу. Их взгляды, грозные, горящие гневом, были устремлены на

короля.

— Нет!.. — тонким заячьим голосом взвизгнул король. — Я не хочу! Вы не посмеете…

Он повернулся к темной фигуре, похожей на немое, обгорелое дерево.

— Каргор! — Голос короля прервался от страха. — Возьми полцарства, что хочешь. Помоги мне, спаси! Их глаза…

Каргор сделал несколько неверных шагов и, чтоб не упасть, схватился за ствол тонкой березы. Молодая березка согнулась под его рукой.

— Я одолею их, государь, — с такой ненавистью сказал Каргор, что все вокруг померкло.

Шмель в своей меховой шубке застыл в воздухе, мерцая крылышками. И только горестно вскрикнула птичка Чересчур, сидевшая на плече у Гвена.

— Чего бы мне это ни стоило, я уничтожу вас! — Каргор повернул свое почерневшее лицо к Астрель и Гвену. Березка, согнувшись дугой, вся трепетала, будто хотела и не могла стряхнуть его руку. — Я превращу вас в жалкие пылинки, добычу ветра! Без имени и без прошлого…

— Ну, скорее же, Каргор! Скорее! — изнывал от нетерпения король, стиснув кулаки. Но Каргор даже не поглядел на него.

— Силы мои на исходе, — глухо продолжал он. — Я знаю, отныне я превращусь в ворона. Навсегда. Мне больше не быть человеком. Что ж, пусть! Но я стану ужасом местных лесов. Бедой, вечным ужасом и гибелью, вот кем я стану! Ни одной птице никогда не петь в этом лесу!

— Птицы будут петь! — раздался глубокий, сильный голос.

Все разом оглянулись.

Посреди опушки стоял высокий старик. Его седые волосы отливали серебром. Серый бархатный плащ падал до земли. Глаза его смотрели твердо и ясно.

Вьюнок с розовыми цветами доверчиво потянулся к нему и вдруг обвился вокруг его руки, поднимаясь все выше, до плеча.

— Ренгист! Мой брат Ренгист… — Рука Каргора скользнула по шелковистому стволу березы. Он рухнул на колени. — Пощади!..

Ренгист осторожно распутал вьюнок, боясь помять его нежные, наполненные воздухом цветы.

— Он был мне как отец, — прошептала Астрель. Она подняла глаза на Гвена, делясь с ним своим изумлением, радостью.

За Ренгистом, ухватившись за его рукав, пряталась молоденькая девушка в зелено-коричневом

клетчатом платье. Глазастая, большеротая, с веснушками на носу и на щеках.

— И не вздумайте, господин, пожалеть его. Это все он! Он превратил меня в черепаху. — Она опасливо дергала за руку своего хозяина. — Не верьте ему!

Чуть в сторонке стоял волшебник Алеша.

Он прижимал к груди кота Ваську. Кот Васька сонно таращил глаза. Он так устал от всех приключений, что хотел только одного: спать, спать, спать.

Сердце волшебника Алеши учащенно билось. Никогда, никогда он не забудет, как вбежал в башню к Ренгисту Беспамятному, держа на ладони голубую искру. И глаза старого волшебника. Сначала равнодушные, почти лишенные жизни. А уже через мгновение… Да, волшебник Алеша успел вовремя.

— Ты хотел стать вороном, будь по твоей воле! — Ренгист повелительно поднял руку:

Радости светлой не стой на пути!
Вороном черным в чащу лети!

И в тот же миг с травы тяжело взлетел ободранный ворон. Желтая кожа просвечивала на жилистой шее между редкими перьями. Хвоста

не было и в помине, крылья были как рваные тряпки.

— Помни, Каргор! — Голос Ренгиста звучал величественно и властно. — Если ты нападешь хоть на одну малую пичужку, в тот же миг твои крылья вспыхнут и ты сгоришь. Живи, старый ворон! Злое сердце само казнит себя. Ты будешь видеть радость, и она заставит тебя корчиться от злости. Слышать смех — и задыхаться от зависти. Тобой, уродливым и ненавистным, будут пугать птенцов!

Ворон, с трудом взмахивая крыльями, пролетел над опушкой леса и скрылся. Затихло вдали его карканье, похожее на бессильные проклятья.

А из леса, взвихрив ветви, вылетали на опушку все новые и новые серебристо-серые олени.

Они склонялись перед Астрель, и снова она радостно и громко говорила слова заклинания.

Со стороны города по дороге бежала толпа людей.

Матери обнимали своих сыновей. Дети смотрели пугливо и несмело, не сразу узнавали отцов. А старики, глядя на возвращенных им внуков, возмужавших, с повадками суровых воинов, проливали невольные слезы.

Голубые и синие колокольчики старались

поймать эти горько-соленые капли. Ведь если в колокольчик упадет слеза, он научится звенеть. Светлый, неумолкаемый перезвон летел над травой.

— Эй, одним волшебством сыт не будешь, — зевнул кот Васька, потягиваясь и распрямляя усталые лапы. — Молочка бы попить…

— А где же король и его наемники? — Гвен Хранитель Леса с удивлением оглянулся.

Далеко по дороге мутным шаром катилось облако пыли. Это, гонимые смертельным страхом, удирали король и его свита.

— Астрель! Дочь моя… — глубоким, полным любви голосом проговорил Ренгист.

Он подошел к девушке, она подняла голову и вдруг, пошатнувшись, упала ему на грудь.

— Ты угадала сердцем. Я твой родной отец. — Он взял в ладони лицо девушки. — Глаза… Чистые и прозрачные. Такие же… У тебя глаза твоей матери, Дождирены Повелительницы Дождя.

— Повелительницы Дождя? — тонким, совсем детским голосом повторила Астрель. — Мама…

— Нам, пожалуй, уже пора. — Волшебник Алеша подошел к Астрель и Ренгисту. — Путь не близкий, пока мы дойдем…

Солнце уже опускалось за Олений лес, и его за-

алевший свет брызгами окропил траву поляны.

Астрель, обнимая отца за шею, повернула лицо к волшебнику Алеше. Ренгист тоже посмотрел на него. Но волшебнику Алеше показалось, что они как будто с трудом понимают его слова. Они и смотрели на него как-то странно, словно издали, будто не узнавая его.

«Видят ли они меня?» — мелькнуло в голове волшебника Алеши.

— Вот, пожалуйста, возьмите, — волшебник Алеша вынул из кармана серебряный медальон на скользкой тончайшей цепочке. — Чуть не забыл. И счастья вам всем!

Вдруг повеяло влажной свежестью. И легкая дымка дождя повисла в воздухе.

Лучи заходящего солнца высвечивали каждую каплю, и она искрилась и сверкала.

Ренгист дрожащими руками открыл серебряный медальон.

И, смешавшись с шелестом и шепотом падающих капель, раздался еле различимый, полный тихой радости голос:

— Ренгист вернулся… Ренгист нашел нашу дочь… Дочь… Дочь…

Астрель вытянулась на носках, подняла руки ладонями вверх, ловя падающие капли. Дождь и

слезы струились по ее лицу.

Последние пурпурно-лиловые лучи солнца соскользнули с верхушек деревьев. Больше не сверкали капли смолы на сосне. Словно кто-то дунул на них, и они погасли, как крошечные свечи.

Навевая покой, отраду, утихал шепот дождя.

— Мама, не уходи! — с мольбой крикнула Астрель.

Ренгист обнял ее:

— Не плачь, моя девочка. Ко мне возвратилась память, былое могущество. — Лицо Ренгиста словно помолодело. — Я буду вспоминать ее, Дождирену Повелительницу Дождя. Вспоминать со всей силой моей любви. И ты увидишь, она вернется к нам, прекрасная, нежная, такая, как была. Иначе быть не может. Она вернется!

В глубине леса уже сгустился ночной сумрак. Небо налилось бездонной синевой, готовясь встретить первые звезды. И сумерки окутали все вокруг.

Волшебник Алеша в последний раз оглянулся на Ренгиста, на Гвена Хранителя Леса… А где же Астрель?

Ее уже не было видно. Только две звезды сияли в сумерках. Это были слезы счастья в глазах

Астрель.

— Ну что ж, нам пора, пойдем, — шепнул волшебник Алеша коту Ваське.

— Давно пора, — ворчливо отозвался кот Васька. — А где ихнее спасибо?

Волшебник Алеша поплотней укутал шарфом усталого кота и зашагал в сторону города.

— Вымокли, оголодали совсем. А уж страху-то натерпелись, — с обидой рассуждал кот Васька, поглубже зарывая нос в теплый шарф. — И никакой тебе благодарности. Как же так, пушистый Алеша?

Луна выбелила каменную дорогу, и шаги волшебника Алеши звучали гулко и одиноко.

«Так и должно быть, наверно, — подумал волшебник Алеша. Он сунул руку под шарф и принялся тихонько поглаживать кота Ваську, почесывать за ушком, пока не услышал довольное и сонное мурлыканье. — Они забудут нас. А может, уже забыли. Потому что мы другие, из другой жизни. Это закон сказки, тут уж ничего не поделаешь. Но разве в этом дело? Астрель позвала нас, и мы пришли. Она надеялась. И вот мы спасли Астрель, спасли надежду… Вот что главное».

Волшебник Алеша улыбнулся в темноте и уже бодро зашагал к еще далеким огням города.

Глава 28
Освобожденный город. И главное: дверь, нарисованная цветными мелками

А город встречал их разноцветной россыпью огней. Ворота в городской стене были широко распахнуты.

Навстречу волшебнику Алеше шли люди с разноцветными фонариками, подвешенными на длинных палках. Фонарики раскачивались и мигали, и от этого казалось, качается и пляшет все вокруг: и дома, и длинные тени, и вывески над дверями.

Во всех домах были настежь растворены окна, всюду горели свечи. Никто не спал. Оживленные, веселые восклицания перелетали через темную улицу:

— Они вернулись!

— Все!

— Все до одного!

— И пекарь с подмастерьями!

— И кузнец!

— И гончар со своим сыном!

— И братья-рыбаки!

— А вы видели жену Ниссе? Малыш-то как подрос.

Колеблющиеся на ветру огни фонарей озаряли радостные, растроганные лица.

Волшебник Алеша устал, да и проголодался.

«Уж дома отосплюсь вволю. И котлеты есть в холодильнике…» — вспомнил он.

Волшебник Алеша перешел через мост Зевни-Во-Весь-Рот. Сборщик податей, растерянный, с разинутым ртом, метался от одного прохожего к другому. Жадно заглядывал в лица, хватал идущих за руки. Но нет, никто не зевал. Люди улыбались. И каждая веселая улыбка пугала его, и он с воплем шарахался в сторону.

Свет фонарей падал с моста в воду, и река подхватывала и уносила разноцветные огни. Они плыли, качаясь и расплываясь кругами. Вся река далеко-далеко искрилась и сверкала.

— Ку-ка-ре-ку! — послышалось откуда-то издалека.

Надрывные крики все приближались, не умолкая.

На мост взбежал короткий, приземистый человечек с тяжелым нависшим лбом. Он держал в руках небольшую грубую шкатулку. Пробегая

мимо волшебника Алеши, он по-петушиному вытянул шею и выкрикнул раскатисто и громко:

— Ку-ка-ре-ку!

Свет зеленого фонаря отразился в его глазах, пустых и безумных.

Волшебник Алеша заметил черные дыры на его одежде, обгорелые рукава куртки. Шкатулка, которую он держал в руках, с одного бока была обуглена.

— Ку-ка-ре-ку! — снова пронзительно выкрикнул человечек и, нелепо подпрыгивая, бросился бегом через мост.

Волшебник Алеша остановился, поглядел ему вслед.

— Это Скипп! Вот уж о ком доброго слова не скажешь, — промолвила словоохотливая старушка с маленьким синим фонариком в руке. — Он служил, да будет тебе ведомо, у самого Каргора. А как загорелась Черная башня, говорят, бросился прямо в огонь. Уж что с ним сейчас делается, и в толк не возьму. Только не будет добрый человек кукарекать.

Старушка заторопилась дальше, и синий свет ее фонарика затерялся в пестром кружении огней.

«Видимо, он хотел вернуть себе голос, да второпях схватил что под руку подвернулось, — дога-

дался волшебник Алеша. — Первую попавшуюся шкатулку, а там был только петушиный крик. Вот оно что».

— Ку-ка-ре-ку! — донеслось издалека. И какие-то петухи, разбуженные не вовремя, начали перекликаться то близко, то далеко за рекой: «Ку-ка-ре-ку!»

— Чего это? Утро, что ли? — шевельнулся под шарфом кот Васька. — Если утро, то пора завтракать. Логично? Логично!

— Спи, спи… — погладил его волшебник Алеша. — Уже недолго. Поспи пока.

Небо чуть посветлело, и звезды, словно поеживаясь от утреннего холода, таяли одна за другой.

Волшебник Алеша прошел мимо королевского дворца. Его стены поднимались вверх черной зубчатой громадой. Ни звука, ни единого огонька.

Чугунные витые ворота были распахнуты настежь. Нигде никого. Вдруг послышался скользящий быстрый шорох, и волшебник Алеша разглядел маленькую серую мышку. Она выбежала из-под арки ворот, спокойно присела на задние лапки и начала лапками чистить мордочку. Оттого, как беспечно вела себя эта маленькая мышка, огромный королевский дворец показался волшебнику Алеше каким-то особенно заброшен-

ным и безлюдным.

«Все убежали. Да, да, конечно, — подумал волшебник Алеша. — Король, придворные, стража — все. И они не посмеют вернуться. Теперь, когда люди узнали о злодейском волшебстве. И эти смелые юноши, которых превратили в оленей! Как гневно горели их глаза!..»

От королевского дворца тянуло запустением и холодом.

Волшебник Алеша ускорил шаг и прошел мимо.

Кот Васька крепко спал, весь мягкий, теплый, не разберешь — где голова, где лапы. Тоже ведь намаялся, бедняга.

Волшебник Алеша с радостью узнал улицу сапожников.

С черепичных крыш стекало утреннее золото. Легкий ветер надувал занавески на низких окнах. Они, казалось, ждали, когда люди проснутся и примутся за работу.

Ну вот, наконец-то! Знакомая стена, сложенная из грубо отесанных камней. Только перейти дорогу — и волшебник Алеша у цели. Он сунул руку в карман и нащупал небольшой твердый кусочек мела, завернутый в шуршащий клочок бумаги. Слава Богу, цел! Ведь вполне мог выпасть из кар-

мана, потеряться. А это вам не какой-нибудь мел. Волшебный. Такого в этой сказке и не сыщешь.

Волшебник Алеша окликнул кота Ваську:

— Э-эй, просыпайся, любезный! Мы с тобой, можно сказать, уже дома!

Кот Васька вяло зевнул и высунулся из-под свитера, вытаращил зеленые глаза.

— Ага! Вот стена, та самая! — радостно мяукнул он. — Тут где-то еще кротовая норка была, ну да ладно. Давай, пушистый Алеша, действуй! Рисуй ключ. Ой, батюшки!.. — Кот Васька вдруг задохнулся. — А… где же дверь? Ну эта, нарисованная?

Волшебник Алеша не ответил. Он даже не почувствовал, как острые когти кота Васьки прошли сквозь свитер и впились в его плечо.

Нарисованной двери не было.

— Домой хочу! — завизжал кот Васька. — К мышам эти шуточки! Мне дверь подавайте!

Волшебник Алеша смотрел на шероховатые серые камни. Неужели кто-то стер домик, нарисованный на асфальте, а Вася Вертушинкин забыл снова нарисовать его? Быть не может! Но если так, никогда, никогда им не уйти из этой сказки, не вернуться домой…

Холодок пробежал по спине волшебника Алеши. Задыхаясь, он провел ладонью по неровным

камням стены. Кое-где между камнями известка искрошилась. Пробежал паучок, похожий на капельку молока на тонких ножках. Неужели все кончено?

— Пушистый Алеша, как же так? Не оставаться же нам тут… — не то простонал, не то всхлипнул кот Васька.

— Тс-с… Что это? — прошептал волшебник Алеша.

Он стянул кота Ваську с плеча и приложил ухо к стене. Услышал приглушенный камнем широко и вольно раскатившийся гул грома. И вслед за ним обвал ливня.

Там, за стеной, бушевала гроза. Теперь волшебник Алеша уже различал и бульканье воды, стекающей в водосток, и звонкие удары отвесных струй по лужам. И снова сыто ворчащие перекаты грома.

— Дождь… — тихо завыл кот Васька. — Всегда его терпеть не мог. И правильно делал. Это что же, котики-братики? Сплошное мяу! Смыл наш домик, нарисованный на асфальте, дождик проклятый! Все!

— Да помолчи ты! — прикрикнул на него волшебник Алеша и снова приник ухом к стене.

Гроза уходила. Из-за стены доносились только

отдельные, вразнобой, удары капель по асфальту. Кап!.. Кап!.. Шлеп!.. Все реже и реже.

— Пропали мы! — заголосил кот Васька. — Я домой хочу. Не желаю здесь оставаться. Мне мой дом подавайте!.. Ой, что это?

На каменной стене вдруг появилась неровная, расплывчатая, нарисованная мелом полоса. Она растеклась и пропала.

Волшебник Алеша и кот Васька замерли, не отрывая взгляда от стены.

Но вот полоска появилась снова. От нее побежали две полоски вниз. Вот уже показалась нарисованная оранжевым мелом дверная ручка.

— Дверь! Дверь! — не своим голосом завопил кот Васька. — Это он! Мой пушистый Вертушинкин! Он меня нарисовал, и вот вам, пожалуйста, дверь!

«Лишь бы он не забыл замочную скважину…» — мелькнуло в голове волшебника Алеши.

И в тот же миг рядом с дверной ручкой появилась замочная скважина, аккуратно нарисованная ярко-голубым мелком.

— Что ты копаешься, честное слово! — вдруг вскинул голову кот Васька. Снисходительно посмотрел на волшебника Алешу. — Что бы ты без меня делал, ума не приложу. Ну, теперь слушайся

меня: доставай мел и рисуй ключ!

— Вот нахал! — не выдержал волшебник Алеша.

Он вынул из кармана кусок мела. Развернул бумагу, вытряхнул белые крошки.

Подождал немного, пока утихнет дрожь в пальцах…

Медленно и старательно волшебник Алеша нарисовал на стене старинный ключ с завитушками.

Кот Васька примолк, прижавшись к его плечу, он, кажется, забыл и дышать.

Волшебник Алеша взялся за оранжевую дверную ручку и рывком дернул дверь на себя.

Дверь неожиданно легко распахнулась.

Навстречу волшебнику Алеше, прямо ему в лицо, хлынул ослепительный поток света.

Волшебник Алеша невольно зажмурился. Лучи били в лицо, веки просвечивали красным, как будто он смотрел прямо на солнце.

Волшебник Алеша покрепче прижал к себе кота Ваську и уверенно шагнул вперед. Свет ослепил его… Он только услышал радостный крик детей.

Вася Вертушинкин и Катя, мокрые, счастливые, давно поджидали его на асфальте.

Девочка по имени Глазастик

Глава первая
Разговор с котом Васькой. И главное: Вася Вертушинкин рисует сказочный город

Вася Вертушинкин положил на стол лист бумаги, достал новые акварельные краски, старую любимую кисточку, сел на стул и задумался.

Он так глубоко задумался, что я даже не заметил, как мимо него прошла мама и поплотней прикрыла форточку.

— Уроки выучил? — спросила мама особым голосом, которым все мамы на свете спрашивают про отметки и уроки.

— М-м… — невнятно ответил Вася Вертушинкин.

— Выучил? — повторила мама.

Вася Вертушинкин промолчал, а мама, взглянув на сосредоточенное лицо сына, не стала больше спрашивать.

«Что бы мне нарисовать? — подумал Вася Вертушинкин. — Что-нибудь такое, чего я раньше не рисовал».

Вася Вертушинкин очень любил рисовать. А с

тех пор как он подружился с волшебником Алешей, готов был рисовать с утра до вечера. Он бы даже ночью рисовал, если бы мама разрешила и спать не хотелось.

Но постойте, постойте, друзья мои, ведь вы ничего не знаете! Ну да, вы, наверно, даже не знаете, кто такой волшебник Алеша!

Дядя Алеша, как звали его все ребята во дворе, жил в новом высоченном доме. Вася Вертушинкин из своего окна мог видеть балкон дяди Алеши, и веревку, натянутую на балконе, и цветы, которые цвели круглый год и ничуть не боялись самых лютых морозов. Прямо из снега выглядывали доверчивые маргаритки и внимательные анютины глазки. И всем было ясно — волшебные это цветы. Никто даже особенно не удивлялся. Потому что такая уж профессия у дяди Алеши — волшебник.

Всем было известно, что волшебник Алеша любит детские рисунки. У него в комнате одна стена с полу до потолка была завешана всякими картинками. Посередине висело рогатое оранжевое солнышко. Рядом с ним елки, похожие на зеленые юбочки. А еще — портрет девочки с тремя большими голубыми глазами. Два глаза у девочки были веселые, а один грустный.

— Вы только посмотрите, — любовался картинками волшебник Алеша, — как хорошо и чудесно нарисовано!

Однажды Вася Вертушинкин нарисовал смешного полосатого кота, внизу написал: «Портрет кота Васьки» — и подарил его дяде Алеше. Этот кот до того понравился волшебнику Алеше, что он взял и оживил его. Не верите? Но все было именно так. Дядя Алеша прочел какое-то волшебное заклинание и оживил кота Ваську.

А если кто не знал, что когда-то прежде этот кот был просто нарисованным и висел на стене в рамочке, то просто не обратил бы на него никакого особого внимания. Ну кот и кот. Ну полосатый, глаза хитрющие, а так — ничего особенного.

Но об одном умолчать просто невозможно. Дело в том, что кот Васька, после того как волшебник Алеша его оживил, научился отлично разговаривать. У кота Васьки был веселый нрав. Он любил поболтать, пошутить, рассказать какую-нибудь забавную историю из кошачьей жизни.

Итак, Вася Вертушинкин сидел глубоко задумавшись, а кот Васька лежал на столе под лампой и, сладко потягиваясь, все время норовил вытянуть лапы и положить их прямо на белый лист бумаги.

— Так что же мне нарисовать? — уже вслух сказал Вася Вертушинкин.

— Видно, делать тебе нечего, пушистый Вертушинкин, — снисходительно усмехнулся кот Васька. — Ведь все равно самое интересное, самое главное ты уже давно нарисовал. Я имею в виду мой портрет. Зачем же еще что-то придумывать? Только время попусту тратить. Логично? Логично!

— Так ведь у Кати сегодня день рождения, — окунув кисточку в стакан с водой, сказал Вася Вертушинкин. — А ей нравятся мои рисунки. Вот я и хочу ей что-нибудь в подарок нарисовать.

— Суета все, — зевнул кот Васька. — Я, пожалуй, пойду прогуляюсь. Если пушистый Алеша спросит, где я, скажи ему, я на крыше. Вторая труба справа. Мурка всегда там на солнышке греется. А если ночью оттуда на луну смотреть, то луна совсем близко, просто лапой достать можно.

Кот Васька не спеша направился к двери. На пороге он обернулся и с деланным равнодушием добавил:

— Удивляюсь я на пушистого Алешу, честное слово. Ну никуда без спросу пойти нельзя. Беспокоится обо мне, словно я маленький котенок. Куда идешь да когда вернешься… по сторонам

гляди да под машину не угоди.

Кот Васька самодовольно улыбнулся и исчез за дверью.

Вася Вертушинкин подпер щеку рукой, глядя на белый лист бумаги. Что же все-таки нарисовать? Может быть, морской бой и самолеты? А может быть, вазу, а в ней цветы? Все-таки Катька — девчонка, ей, наверно, больше цветы понравятся.

Катя училась с Васей Вертушинкиным в одном классе, сидела с ним за одной партой, но почему-то всякий раз, когда Вася Вертушинкин смотрел на нее, он удивлялся.

Удивлялся, что у нее такие ровно заплетенные косички и слишком глубокие прозрачные глаза. Ему казалось: если долго-долго смотреть в ее глаза, то он увидит там что-то необыкновенное, чего он раньше никогда не видел и не знал.

«А нарисую-ка я сказочный город, — решил Вася Вертушинкин. — Все-таки что-то новенькое».

Он стал рисовать город с крутыми черепичными крышами и узорными флюгерами.

Кап! — упала с кисточки голубая капля. Она повисла над сказочным городом, как роза-снежинка.

— Пусть будет зима! — сказал себе Вася Вертушинкин, и, словно подхваченные порывом ветра,

закружились голубые снежинки над крышами и башенками сказочного города.

Вася Вертушинкин принялся рисовать веселый хоровод на площади.

Он нарисовал смеющуюся девчонку, чем-то чуть-чуть похожую на Катю. Девочка смеялась. Смеялись ее большие глаза с ресницами длинными, как сосновая хвоя.

«Может быть, сделать ей глаза чуть поменьше? — засомневался Вася Вертушинкин. — Нет уж, пусть такими остаются. Еще испорчу. Зато они как звезды».

Ветер раздувал ее голубую юбочку, похожую на перевернутый цветок колокольчик.

Девочку в пышной голубой юбке держала за руку тоненькая девушка с длинными волосами.

Вася Вертушинкин выскреб из баночки остатки золотой краски, и волосы девушки чистым золотом полились ей на плечи и дальше до земли, до башмаков, напоминающих ореховые скорлупки.

Девушка улыбалась тихо и нежно юноше в старой поношенной куртке и старом плаще. А тот улыбался ей в ответ. Рядом с ними Вася Вертушинкин нарисовал веселую женщину в пестром платье, этакую хохотушку, которая никогда не унывает.

Все люди на площади держались за руки и улыбались. Неслышный смех словно дрожал и позванивал в воздухе. Или это позванивали, сталкиваясь, голубые розы-снежинки.

«Здорово получается», — подумал довольный Вася Вертушинкин.

Вася встал, чтобы полюбоваться на рисунок издали. И вдруг увидел нечто невероятное. Он просто глазам своим не поверил.

Девочка в голубом платье больше не смеялась. Улыбка исчезла с ее лица. Испуганно и печально глядели большие немигающие глаза. Даже голубая юбочка сложилась, как веер, потускнела и повисла унылыми серыми складками.

Грустно и как-то безнадежно смотрела золотоволосая девушка на печального юношу.

И весь город, казалось, загрустил. Тяжелые, засыпанные снегом крыши словно вдавили дома в сугробы. Свечи в окнах притушили свои огненные язычки.

— Вот это да! — воскликнул пораженный Вася Вертушинкин. — Это уже чудеса какие-то! А если чудеса, то… рвану к Катьке сперва, расскажу ей все. И вместе с ней к волшебнику Алеше…

Глава вторая
Улыбка кота Васьки. И главное: таинственный незнакомец

Утро было серое, пасмурное. Низко плыли тучи мышиного цвета, и казалось, вот-вот пойдет не то дождь, не то снег.

У волшебника Алеши с утра побаливала голова.

«Заварю-ка я чай покрепче и сяду за работу», — решил он.

Волшебник Алеша любил очень крепкий чай и заваривал его не спеша, по всем правилам.

Конечно, ему ничего не стоило при помощи заклинания превратить холодную воду из крана в горячий чай. Но он предпочитал обычный чай, а не волшебный. Ему казалось, что у волшебного чая и вкус не тот, и аромат какой-то не настоящий, и вообще не то, не то!

Итак, волшебник Алеша стоял возле плиты, в задумчивости ожидая, пока закипит вода в чайнике.

Из комнаты донесся гулкий бой старинных часов. Звук этот был какой-то необычный: взвол-

нованный, даже тревожный.

— Странно, часы бьют совсем не вовремя, — удивился волшебник Алеша. — Что бы это значило?

В тот же миг волшебник Алеша услышал легкий шорох у себя за спиной. Он стремительно обернулся.

Позади него, прижавшись к стене, стоял совершенно незнакомый человек.

На незнакомце был плащ из тусклого серого бархата с вышитым по краю узором из золотых снежинок. На голове шляпа с павлиньим пером, падавшим на плечо. Перо заканчивалось ярким зелено-синим переливчатым пятнышком, чем-то напоминавшим широко раскрытый глаз. Тут волшебник Алеша даже несколько растерялся: этот глаз на конце пера смотрел на него пристально и неотрывно.

Лицо незнакомца было почти невозможно рассмотреть: тень от низко надвинутой шляпы скрывала его.

«Дверь на лестницу, как всегда, открыта, это правда. Кот Васька только и делает, что шастает то во двор, то обратно. Но я не слышал шагов этого незнакомца, а у меня такой острый слух, — промелькнуло в голове у волшебника Алеши. — Остается предположить одно: он про-

шел прямо сквозь стену».

Волшебник Алеша не слишком удивился. Как всякий волшебник, он привык к самому неожиданному и необыкновенному.

И все-таки голос волшебника Алеши чуть-чуть дрогнул, когда он сказал:

— Присаживайтесь, прошу вас! — и придвинул таинственному гостю белую кухонную табуретку.

Незнакомец, как показалось волшебнику Алеше, с некоторым трудом отделился от стены и уселся на табурет.

«Какие, однако, у него неприятные глаза, — невольно подумал волшебник Алеша. — Острые… Взгляд вонзается, как колючка. И вместе с тем движения чересчур мягкие, скользящие. Впрочем, не будем делать преждевременных выводов. Для начала неплохо было бы заставить его разговориться».

— Может быть, чашку чаю? — предложил волшебник Алеша, стараясь рассеять неловкость первых минут знакомства. — Как раз закипает. Я сейчас заварю отличнейший чай. Но вы с дороги и, наверно, проголодались. Ах, какой же я, право! В момент зажарю вам яичницу.

Но загадочный гость только снова покачал

головой.

— Я к вам по делу и совсем ненадолго, — сказал он. Голос у него был вкрадчивый, мягкий и словно закладывал уши ватой. А его гибкие длинные пальцы все время шевелились, как будто стараясь ухватить что-то невидимое.

— По делу? — переспросил волшебник Алеша. — Пожалуйста, если я только смогу помочь. В таком случае отчего же мы на кухне? Пройдемте в комнату. Вот сюда.

Незнакомец неслышными шагами пошел вслед за волшебником Алешей. Он ступал так легко, словно скользил по воздуху. Войдя в комнату, незнакомец, как ночная птица, быстрым рыщущим взглядом поглядел по сторонам, выбрал самый темный угол и опустился в низкое кресло.

— Мне нужны ключи, — негромко сказал он.

— Ключи? — удивился волшебник Алеша.

— Да, да, ключи, — нетерпеливо повторил незнакомец. — Именно. А что же еще?

— Какие ключи, простите? — спросил волшебник Алеша.

— Как это какие? Мне нужны ключи от всех сказок! — воскликнул незнакомец и с беспокойством добавил: — Может, я не туда попал? Вечно эта путаница с адресами. Вы — волшебник, наде-

юсь? Хоть в этом нет ошибки?

Волшебник Алеша растерянно кивнул. По правде говоря, он ровным счетом ничего не понимал.

— Тогда у вас должны быть ключи от сказок, от всех сказок. — Тут голос загадочного гостя упал до шепота: — Мне нужны… улыбки! У одной Спящей Красавицы имеется тридцать три улыбки на разные случаи жизни. А у Золушки? Ее улыбка кроткая и печальная. А на балу, во дворце? Ее улыбка освещает весь зал. Впрочем, я заболтался. — Незнакомец впился глазами в волшебника Алешу. — Итак, ключи от сказок. Надеюсь, они у вас?

— Ключи от сказок… Ну, не совсем так, — несколько сбивчиво принялся объяснять волшебник Алеша. — Видите ли, для того чтобы попасть в сказку, нужен не ключ, а волшебный мел. Вы рисуете этим мелом ключ на какой-нибудь двери и входите через эту дверь в любую сказку.

— Да, да! Без стука, без спроса, — лихорадочно подхватил незнакомец. Пальцы его рук опять гибко зашевелились, как водоросли под водой. — В любую сказку, куда пожелаю. Беспрепятственно. Неожиданно. Когда все беспечно спят. Я могу и ночью подкрасться… А у вас есть этот волшебный мел?

— Кажется, еще остался кусочек, — в задумчивости потер лоб волшебник Алеша.

— Дайте мне его, дайте! — глухо проговорил незнакомец. Глубоко в его глазах вспыхнул тусклый красноватый огонь.

— Но, простите, зачем он вам? — внимательно вглядываясь в незнакомца, спросил волшебник Алеша.

— Для того чтобы… — Тут загадочный гость, словно боясь проговориться, умолк и, оттолкнувшись пятками от пола, вместе с креслом отодвинулся подальше в темный угол.

Чем больше волшебник Алеша присматривался к своему гостю, тем тяжелее становилось у него на душе.

Волшебнику Алеше даже показалось, что тени из всех углов стягиваются к незнакомцу и окружают его темным кольцом.

«Нет, положительно ему нельзя доверить волшебный мел, — решил волшебник Алеша. — Совершенно неясно, что он замышляет. Думаю, что-то недоброе. Как вы считаете? О, несомненно…»

Видимо, простодушный волшебник Алеша не смог скрыть своих мыслей, и его проницательный гость догадался, о чем он думает.

— В таком случае продайте мне его. — Незнакомец наклонился вперед.

— Это вы бросьте! Я не торгую волшебством! — возмутился волшебник Алеша.

— Не притворяйтесь! — Незнакомец презрительно скривил узкие губы. — Это пустые отговорки: все на свете продается. Дело только в цене. Так назначьте ее, любезнейший. Мой повелитель щедро заплатит вам.

— Мы не поймем друг друга, — устало покачал головой волшебник Алеша. — Я не отдам вам волшебный мел ни за какие сокровища на свете. И кончим этот разговор.

Глаза незнакомца злобно сузились.

— Вы еще пожалеете об этом! — прошипел он.

Незнакомец резко вскочил, с досадой одернул зацепившийся за ручку кресла бархатный плащ.

— Вы мне угрожаете? — тихо сказал волшебник Алеша и улыбнулся.

Странный посетитель осторожным движением протянул руку, словно возле губ волшебника Алеши порхала бабочка и он хотел ее поймать. Волшебник Алеша невольно отшатнулся.

Но незнакомец тут же отступил назад, и его хищно скрюченные пальцы разжались.

— Улыбаетесь! — с бессильной яростью про-

шептал он. — О, если бы мы были в сказке! Там бы я быстро отнял у вас вашу доверчивую и беззащитную улыбку… А здесь… здесь я бессилен.

— Мяу! — послышался сладкий голос, и в щелку двери, вильнув плоским телом, вошел кот Васька.

Он весь лучился благодушием, уютной ленью и радостью. Он улыбался. Он просто не мог не улыбаться. Еще бы! Ведь только что кошка Мурка, сидя возле трубы на крыше, призналась ему, что ей больше всего нравится шерсть полосатой расцветки. И мило, и практично. А вы только поищите во всем городе кого-нибудь полосатей, чем кот Васька! Уверяю вас, не найдете. Ну как тут не улыбнуться, скажите на милость!

— Нет, это уже слишком! Даже какой-то жалкий кот смеет улыбаться! — в ярости воскликнул незнакомец. Он пристально вгляделся в кота Ваську. — Что это? Да он нарисованный! Нарисованный кот! Живая сказка… В таком случае он мне подвластен!

Незнакомец сделал несколько мягких неслышных шагов, приблизился к коту Ваське, наклонился и вдруг легко, почти ласково коснулся его усов. Он как будто схватил что-то невидимое. Кот Васька испуганно отскочил в сторону, а зага-

дочный гость попятился к стене, прячась в тень книжного шкафа.

Волшебник Алеша с изумлением увидел, что незнакомец не то уходит в стену, не то тает в воздухе.

Он становился все прозрачней, сквозь него уже начали просматриваться букетики фиалок, нарисованные на обоях.

Некоторое время на стене был еще виден слабо очерченный силуэт человеческой фигуры. Но скоро и он исчез. И только шляпа незнакомца с длинным павлиньим пером, покачиваясь, осталась висеть на стене, случайно зацепившись за гвоздь.

— Ничего себе! — с трудом переведя дух, сказал волшебник Алеша. — Немало я повидал за свою жизнь, но такого… Что скажешь, друг Васька?

Тут волшебник Алеша увидел, что кот Васька, встав на задние лапы и отчаянно вытянув шею, заглядывает в старинное зеркало, висящее над столом. Кот Васька озабоченно поворачивал голову из стороны в сторону, топорщил усы, шевелил ушами.

— Что ты кривляешься? Придумал еще — смотреться в зеркало. Что за мода! — сердито прикрикнул на него волшебник Алеша.

— Да, пускаете в квартиру всех, даже не спрашиваете «кто?», — проворчал кот Васька, продолжая разглядывать себя в зеркало. — И вот, пожалуйста, уж и не знаю, как он ухитрился, а только схватил мою улыбку и — в карман. Мало того что я нарисованный, теперь и без улыбки остался!

— Не может быть! — воскликнул волшебник Алеша.

Он подхватил кота Ваську, оглядел его и посадил перед собой на край стола.

— Довольно глупостей, сейчас же улыбнись! — строго приказал он.

Кот Васька поднял на него несчастные, испуганные глаза.

— Не могу, — жалобно сказал он. — Не получается. Пропала моя улыбочка, как мышь в понедельник.

Глава третья
Джинн в голубом термосе. И главное: волшебник Алеша отправляется в сказку

Волшебник Алеша налил стакан крепкого чая, да так и забыл его выпить.

«Странно, можно даже сказать — невероятно, — рассуждал волшебник Алеша, припоминая визит таинственного незнакомца. — Для чего ему понадобился волшебный мел? И потом — отобрать улыбку у нарисованного кота? Зачем, спрашивается?»

Кот Васька, свернувшись клубком, спал на диване. Его от всех огорчений клонило в сон.

— Посплю подольше, — в таких случаях говорил кот Васька. — Проснусь, а, может быть, все неприятности разбежались. Или их, как собак, на цепь посадили.

В передней послышались голоса, топот ног.

— Входите! Кто там? — позвал волшебник Алеша.

В комнату вбежали Вася Вертушинкин и Катя.

Оба запыхались.

— Дядя Алеша, — торопясь и волнуясь, начал Вася Вертушинкин и положил на стол перед волшебником Алешей рисунок, скатанный в трубочку. Бумага развернулась, чуть загибаясь по краям. — Я нарисовал… Может, вам некогда, вы чай пьете… Здравствуйте! А то я не поздоровался. Вот смотрите!

Волшебник Алеша отхлебнул глоток чаю.

— Ну, грустный город, вижу, — сказал волшебник Алеша, разглядывая рисунок. — Что ж, очень неплохо, надо признаться. Только не пойму, почему тебе пришло в голову нарисовать столько грустных людей? И все вокруг такое грустное. Эти дома, башни, даже снежинки.

— Да они сами, честное слово! — закричал Вася Вертушинкин. — Я не хотел! Я их веселыми нарисовал. А они сами взяли и загрустили.

— Не может быть, — изумился волшебник Алеша.

Катя наклонилась над рисунком, закусила зубами кончики косичек, чтоб не свисали вниз, не загораживали нарисованный город.

— У этой девочки что-то блестит вот тут, — сказала Катя и потрогала пальцем свою щеку. — Слеза?

— Странно, весьма странно. — Волшебник Але-

ша тоже наклонился над рисунком. — Может быть, тебе только показалось, что ты их веселыми нарисовал? Думал о чем-нибудь печальном, вот они такими и получились?

— Да нет же. Правда, они сами, честное слово, — упрямо повторил Вася Вертушинкин.

— Тогда вот что. — Волшебник Алеша потер лоб ладонью. — Я дам тебе краски. Попробуй-ка их немного развеселить.

Волшебник Алеша достал из ящика письменного стола кисточки и краски, и Вася Вертушинкин принялся снова старательно рисовать улыбки.

Он начал с большеглазой девочки. Ее лицо от улыбки сразу ожило, посветлело, на щеках засветился нежный румянец. Ветер раздул голубую юбку, похожую на цветок колокольчик.

Вот уже заулыбалась девушка с золотыми волосами, похожая на нищую принцессу. От ее волос повеяло мягким теплом.

Вася Вертушинкин еще рисовал улыбку женщине в пестром платье… А большеглазая девочка уже перестала улыбаться, румянец ее погас. Девушка и юноша разжали руки, будто между ними, разлучая их, встала печаль.

И снова толпа грустных людей стояла на площади грустного города, и сверху на них падали

крупные розы-снежинки.

— Эта девочка, — прошептала Катя, — до чего же она грустная. А глаза какие большущие… Мне почему-то кажется, ее так и зовут: Глазастик.

— Невероятно! О!.. — Волшебник Алеша выпрямился и потер поясницу. — Никогда бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами. Они не могут улыбаться!

— И я не могу. — Кот Васька зашевелился на диване, сокрушенно вздохнул. — Нет у меня больше моей милой, обаятельной улыбки. Вот скажите, как я теперь во двор выйду? Кому я теперь без улыбки нужен?

Кот Васька прыгнул на стол, уселся прямо посередине рисунка, поднял кверху морду, чтобы все видели, какой он грустный и несчастный.

— Такая тоска на душе, — пожаловался он. — Думал, посплю, легче станет… Нет! Даже сливок не хочется.

Волшебник Алеша взял кота Ваську, посадил к себе на плечо.

— Все это достаточно необычно, все это надо хорошенько обдумать, — сказал волшебник Алеша, рассеянно смахивая кошачью шерсть со своей уютной домашней куртки. — Если вы не возражаете, ребятки, рисунок я оставлю у себя. А

вы пока идите веселитесь. К тебе, наверно, уже собираются гости, Катя.

Катя ахнула и схватилась за щеки. Ну конечно же, как она могла забыть. И мама, наверно, волнуется.

Ребят словно ветром сдуло. А волшебник Алеша сел на стул и, глядя на странный рисунок, погрузился в глубокое раздумье.

Одно было очевидно: в какой-то сказке случилась беда. Но что это за сказка? Что там стряслось? Чем можно помочь этим грустным людям? Их печальные, омраченные лица словно взывали о помощи и участии.

«С джинном, что ли, посоветоваться? — с сомнением подумал волшебник Алеша. — Нет, к услугам джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно… Но, может быть, это и есть как раз тот самый крайний случай?»

Прошу вас, не улыбайтесь, друзья мои! Да, да, это все истинная правда: у волшебника Алеши был джинн. И, если вдуматься, это вполне естественно. Ну что за волшебник без джинна?

Беда только, что медный кувшин, в котором прежде обитал джинн, от времени пришел в полную негодность. Дно у него прохудилось, ручка

отвалилась и где-то затерялась.

Пришлось подыскать для джинна новый волшебный сосуд. Это оказалось не так-то просто. Обидчивому и самолюбивому джинну все кувшины и вазы казались жалкими и недостойными.

Наконец джинн облюбовал старый голубой термос. Ему понравилось, что термос внутри такой блестящий и гладкий.

Итак, волшебник Алеша достал с полки голубой термос. Он смахнул ладонью пыль с пластмассовой крышки и вытянул потемневшую пробку.

Послышался оглушительный грохот и свист.

Из горлышка термоса, рассыпая мерцающие искры, вырвалась тонкая струйка дыма. Разрастаясь, она поднялась до самого потолка, сгустилась, темнея, и превратилась в огромного джинна.

От его могучего дыхания качнулась люстра, взлетели к потолку шторы.

«Любит старик эффекты. Древнейший, можно сказать, джинн, а ведет себя хуже мальчишки, — не без досады подумал волшебник Алеша. — Впрочем, может быть, я не прав, и в этом есть своя особая прелесть…»

— Послушай, как насчет того, чтобы отправиться со мной в сказку? — спросил волшебник Алеша.

— В сказку, о мой благородный повелитель? — в восторге завопил джинн. — Мои ничтожные уши не ослышались? В сказку? О, как я счастлив! Сколько унылых тысячелетий я безнадежно мечтал об этом, обливаясь слезами!

— А ты не отвык от сказки? — немного засомневался волшебник Алеша. — Ты вот телевизор любишь смотреть, на такси кататься. А на той неделе, помнишь? Удрал из квартиры и два часа ездил в лифте вверх-вниз, вверх-вниз. Ох, боюсь, боюсь, забыл ты, что такое сказка. Королевские дворцы, стража и всякое прочее.

— Не сомневайся! — самодовольно усмехнулся джинн. — Сказка — мой дом родной. Я, можно сказать, воспитан в королевских дворцах, на коврах, среди мраморных колонн. Смело положись на меня во всем, о повелитель!

— Ты еще учти, что мое волшебство там бессильно, — прервал его волшебник Алеша. — В сказке я просто гость. Обычный гость, не более того. Так что всякое может случиться.

— О повелитель! Клянусь чудесным термосом, это будет для тебя веселой прогулкой! — взревел джинн. — Пикник на зеленой полянке. Отдых в выходной день. Я буду сдувать с тебя пушинки, ты не будешь знать в сказке никаких забот!

— Что ж, в таком случае отправимся в сказку, — с невольным вздохом сказал волшебник Алеша. — Остается только выбрать дверь, на которой нарисовать ключ волшебным мелом.

— А чем тебе не подходит этот милый книжный шкаф, о повелитель? — предложил джинн, стараясь сдержать раскаты могучего голоса. — Клянусь своей чалмой, в этом шкафу столько волшебных книг, что он просто насквозь пропитался волшебством. А как таинственно скрипят его дверцы!

— Подходит, — рассеянно кивнул волшебник Алеша. — Что ж, пожалуй, последую твоему совету.

— Неужели скоро я окажусь в сказке! — Джинн оглушительно прищелкнул языком от удовольствия.

Затем деликатно, на цыпочках, чтоб не потревожить волшебника Алешу, подошел к термосу, начал сжиматься, таять и, наконец превратившись в тонкую струйку дыма, исчез в узком горлышке.

— В сказку? Наконец-то… О, как я счастлив! — затихая, донеслось из термоса.

Волшебник Алеша плотно завинтил термос и поставил его на край стола. Шею закутал толстым вязаным шарфом. Совершенно неизвестно, какая

погода ожидает его в сказке. Затем он принялся выдвигать один за другим ящики письменного стола.

Волшебный мел! Он должен быть где-то тут. Наконец волшебник Алеша отыскал его в старой железной коробочке из-под чая.

С трудом сдерживая волнение, волшебник Алеша нарисовал на дверце книжного шкафа большой ключ старинной формы, украшенный сложным узором.

Главное — ничего не забыть! Так-так. Носовой платок. В сказку без носового платка? Ни в коем случае. Термос с джинном? Непременно. Коробок спичек? Обязательно. Ах да! Захватить еще шляпу сегодняшнего таинственного гостя. Надо при случае вернуть ее владельцу. Вдруг он повстречает его в сказке.

Волшебник Алеша снял с гвоздя шляпу с павлиньим пером. Ему показалось, что иссиня-зеленый глаз на конце пера странно подмигнул ему.

«Да, да, да! Вот еще что! Надо взять с собой волшебный мел», — сам себе напомнил волшебник Алеша. Он завернул мел в серебряную бумажку и сунул в карман.

Ну, теперь, кажется, все. Кажется, ничего не забыл. Осталось только остановить волшебные

часы.

Волшебник Алеша подошел к часам, придержал рукой маятник. Теперь время для него остановилось. Теперь он вернется домой из сказки в тот самый миг, как остановился маятник.

Чуть громким от волнения голосом волшебник Алеша проговорил заклинание:

Сказка, близко иль далеко,
Сказка, низко иль высоко,
Где ты прячешься теперь?
Открывайся в сказку дверь!

Протяжно заскрипели дверцы старого книжного шкафа и медленно растворились.

Волшебник Алеша невольно задержал в груди дыхание, зажмурился и шагнул прямо в книжный шкаф.

Ему показалось, что воздух как будто уплотнился. Верхняя полка книжного шкафа, которую он недавно вставил, пришлась как раз на уровне груди. Волшебник Алеша почувствовал легкий толчок, словно полка прошла сквозь него.

— Ты в сказку? И конечно, в ту самую! — вскричал кот Васька. — И я с тобой! Нет, я выцарапаю назад свою улыбку у этого ворюги, у этого нахала! Уж будьте спокойны!

Кот Васька одним махом слетел с дивана. Волшебник Алеша даже не заметил, как он проскочил у него между ног.

— Дядя Алеша, у вас дверь не заперта! — послышался запыхавшийся Катин голос.

Катя весело вбежала в комнату. Она держала тарелку, на которой лежал большой кусок торта.

— Мама сказала, чтобы я вас угостила! — закричала Катя. — Он вкусный-вкусный-превкусный! Это я сама пекла.

Катя вбежала как раз в тот момент, когда волшебник Алеша проходил сквозь книжный шкаф. Она еще успела увидеть спину волшебника Алеши и перекинутый через плечо конец мохнатого полосатого шарфа.

— Дядя Алеша, вы куда? — воскликнула Катя. — А торт попробовать? Хоть кусочек. А то я обижусь.

И Катя просто влетела вслед за волшебником в распахнутый книжный шкаф.

Но волшебник Алеша уже не слышал Катиного голоса. В лицо ему ударил стремительный, слепящий порыв ветра. Очки сползли ему на нос.

Волшебник Алеша загородился локтем от острых снежинок, стараясь не уронить при этом термос да еще удержать шляпу с извивающимся

на ветру пером…

Ветер внезапно утих. Волшебник Алеша поправил очки и огляделся.

Он стоял на площади сказочного города.

Был вечер. Смеркалось. В узких окнах, приседая, пугливо мигали язычки свечей. Тихо позванивая, падали небывало крупные розы-снежинки.

— …Хоть кусочек! — крикнула Катя и налетела сзади на волшебника Алешу. Она ахнула и уронила тарелку с тортом.

— Не могли предупредить, что тут зима, — проворчал кот Васька, прижимаясь к ноге волшебника Алеши.

— П… постойте, друзья, вы-то как тут очутились? — заикаясь, спросил волшебник Алеша. — Вас только не хватало! Катя, ты зачем?..

Но Катя, казалось, не слышала вопроса. Широко открытыми глазами она смотрела на незнакомый город, на островерхие крыши, с которых местами сполз снег, открыв отсыревшую темную черепицу.

— Это… это у вас за шкафом? — еле слышно прошептала она.

— Ну, успокойся, Катя, ничего, ничего. Ты только… Ну не надо… — сбивчиво проговорил волшебник Алеша, стараясь успокоить бледную

и перепуганную девочку. — Это только вначале так необычно. Приглядишься — и ничего.

— Нет, правда, где вы это прятали? — Катя тесно прижалась к волшебнику Алеше. — Ой, какие дома! А снежинки какие большие. Чудеса!

— Совершенно верно, девочка, именно чудеса, — уже несколько спокойней сказал волшебник Алеша и смахнул с плеча Кати розу-снежинку с прозрачными лепестками. — Дело в том, что мы попали в сказку. Но нет никаких оснований для беспокойства и страхов. У меня с собой — волшебный мел. Сейчас я нарисую ключ на любой двери, и ты без промедления тут же окажешься у себя дома!

Волшебник Алеша сунул руку в карман, нащупал твердый кусочек мела и огляделся.

— Хм, да… — несколько растерянно протянул он. — Нарисовать ключ… Опасаюсь, что двери этих домов не совсем подходят. Вон как их замело, совсем занесло снегом. Боюсь, что на такой двери ключ не нарисуешь, только мел искрошится. Впрочем, в любой сказке столько подходящих дверей, не сосчитать!

— Лично я пока домой не собираюсь, — проворчал в усы кот Васька. — Лично мне надо еще кое с кем повидаться и поговорить по душам. Не же-

лаю я всяким проходимцам дарить свою улыбку!

— И я хочу здесь еще немножко побыть, дядя Алеша, а дядя Алеша, можно? — жалобно попросила Катя.

Волшебник Алеша достал из кармана кусок мела, завернутый в серебряную бумажку, вложил Кате в руку и сжал ее пальчики.

— Хорошо, девочка. Но вот что… Волшебный мел все время должен быть у тебя. На всякий случай. Чтоб ты могла в любой момент… Тогда я буду спокоен.

Ах, волшебник Алеша, волшебник Алеша! Ну как можно так уверенно, так легкомысленно говорить: «Я буду спокоен». Ведь мы не знаем, что с нами может случиться ровно через минуту, а тем более, тем более в сказке!

Глава четвертая
Король Краподин Первый. И главное: золотые поющие колокольчики

Ступени, кружась вокруг каменного столба, уходили вниз, в темноту.

Король осторожно, боясь оступиться, спускался по скользким ступеням. Снизу тянуло сыростью и гнилью. Мерно падали капли воды, как стеклянные, разбивались о каменные ступени, стекали в трещины, обведенные ржавым мхом.

Откуда-то снизу, из глубины, появился слабый неровный свет — это был свет факела.

Король услышал глухое тоскливое бормотанье.

— О великая тайна, не мучай меня, откройся! Покорись моей воле и искусству. Кажется, ты рядом — и вновь ускользаешь из рук. Я собрал воедино все самое черное, безнадежное, темное, что только есть в мире: угли дьявольского костра, перья ворона, совесть убийцы, черные зубы дракона. Все облил ядом гадюки. Три дня кипятил в медном котле… И все-таки это не то, не то…

«Старый, выживший из ума Мираклюс, — с раздраженьем подумал король. — Если бы я мог,

я немедля приказал бы слугам гнать тебя взашей. Но я вынужден ждать, слушать твой бред да еще спускаться в это проклятое подземелье. А здесь так промозгло и холодно, даже дверная ручка позеленела от сырости. Того и гляди, схватишь насморк. Только этого не хватало».

Король поплотней запахнул тяжелый бархатный плащ.

Двое неподвижных стражников, казалось, сторожили собственные тени. Тени, как живые, зашевелились за их плечами, когда в открывшуюся дверь влетел сквозняк и распластал по стене пламя факелов.

Посреди подземелья на огромном столе в беспорядке стояли всевозможные колбы, реторты, мраморные ступки. Валялись пожелтевшие свитки, древние книги с медными застежками.

В очаге пылали дрова. Пламя жарко лизало дно медного котла, подвешенного на цепях. Человечек крошечного роста, тщедушный и хрупкий, чуть приоткрыв крышку котла, сыпал туда черный порошок.

Это был Мираклюс, магистр Мираклюс. Его ярко-голубые глаза казались фарфоровыми. У него был взгляд безумца или человека, одержимого одной-единственной мыслью.

Мираклюс считал себя великим музыкантом. С трудолюбием муравья выучился игре на всевозможных инструментах. Долгие годы скитался по городам, скупая бесценные старинные скрипки и темные виолончели, в которых, казалось, поселились сумерки. Он жил как повелитель целого царства молчаливых и покорных слуг, готовых по его воле зазвучать и запеть.

Но власть эта была призрачной. Музыка не хотела покориться ему. Скрипка под его смычком пронзительно взвизгивала, флейта пищала, а звук виолончели напоминал голос бранчливой рыночной торговки.

«Нет, все равно я великий музыкант, — утешал себя Мираклюс. — Виноваты эти грубые, жалкие флейты и арфы. Я должен отыскать инструмент, достойный моего несравненного таланта. Тогда весь мир заговорит обо мне».

По соседству, под самой крышей маленького дома, на чердаке, жила юная кружевница Миэль. Девушка частенько сидела возле узкого окна, подперев щеку кулачком, разглядывала летящие мимо снежинки. А потом плела кружева, легкие и мерцающие, как падающий снег.

Однажды Мираклюс услышал звуки прекрасной незнакомой музыки. Чистая мелодия лилась,

поднималась куда-то ввысь, улетала и вновь возвращалась. От нее веяло живым теплом, она рассказывала о скорой весне, о первых робких подснежниках, о любви.

Мираклюс выбежал на улицу. Перед домом Миэль стоял высокий, немного сутулый юноша с черными волосами, густыми прядями падавшими на плечи.

Он играл на скрипке, а кружевница Миэль сидела у окна и задумчиво слушала, по привычке подперев щеку маленьким кулачком.

— Продай мне твою скрипку! — бросился к нему Мираклюс. — Я заплачу за нее вдесятеро больше, чем она стоит!

Но музыкант только покачал головой.

— У меня нет ничего, кроме этой скрипки. Я не продам ее.

— Целый кошель золота. Никто не заплатит тебе больше. Ты еще пожалеешь, — упрашивал и угрожал Мираклюс.

— Нет, нет, нет, — твердил свое юноша.

«Я не ошибся. Весь секрет в скрипке, — решил Мираклюс. — Не может этот жалкий мальчишка играть так прекрасно, так вдохновенно. Ах хитрец, ах проныра! Теперь понятно, почему он не продал мне эту скрипку!»

В тоске бродил Мираклюс по пустынным комнатам своего дома, не прикасаясь больше ни к одному инструменту, а пыль и паутина натягивали на них серые покрывала.

Однажды на стук молочницы никто не открыл дверь. Мираклюс исчез. Ни один человек не знал, где он. Умер или ушел бродить по свету.

На самом деле его пристанищем стало глубокое подземелье королевского дворца.

Со страстью принялся он изучать черную магию, пытаясь раскрыть ее мрачные туманные тайны.

«Я создам самый совершенный инструмент, которому нет подобных, — мечтал Мираклюс. — И тогда люди поймут: я величайший музыкант в мире. Все птицы беспечно поют и щебечут, но надо иметь золотое соловьиное горло».

Король, с трудом скрывая досаду, слушал его бессвязные речи, не мешал ему жить в стране путаных грез и сновидений…

Итак, король Краподин Первый, зябко кутаясь в плащ, переступил порог глубокого подземелья.

— Ну, чем ты порадуешь нас сегодня, Мираклюс? — с трудом сдерживая нетерпение, спросил король.

— Взгляните сюда, ваше величество! — Мирак-

люс чуть приподнял крышку медного котла. — Взгляните сюда!

В котле кипела и бурлила черная как ночь маслянистая жидкость. На миг что-то золотое, разбрызгивая лучи, засветилось, поднявшись со дна котла. Но Мираклюс поспешно опустил крышку.

— Улыбки, улыбки, моя единственная отрада, моя мечта! — Мираклюс с нежностью и дрожью прикоснулся к узорной крышке котла и тут же отдернул руку. — О бесценные улыбки! Вы здесь! И хоть на короткий миг я могу видеть ваш ослепительный блеск.

Да, да, друзья мои, приготовьтесь узнать нечто удивительное! Я понимаю, это слишком невероятно, и все-таки прошу вас мне поверить. Все было именно так.

В тайных колдовских книгах разыскал Мираклюс проклятый секрет, как отбирать у людей их заветное сокровище — улыбку.

И тогда король Краподин Первый послал по дорогам, тропинкам, городам и селеньям тайных сборщиков улыбок. Неслышно, как тени, входили они во все дома, во все хижины и лачуги. Они прислушивались, не звучит ли где тихий затаенный смех, приглядывались, не мелькнет ли у кого-ни-

будь на губах случайная улыбка. Равнодушные и безжалостные, они отнимали у всех жителей королевства улыбки и уходили, оставляя после себя мертвую тишину и отчаянье.

Эти улыбки магистр Мираклюс превращал в золотые поющие колокольчики на дне своего дьявольского котла.

Но золото это обладало одним поистине удивительным свойством. Стоило только упасть на золотой колокольчик случайному отблеску солнца, робкому лучу свечи, как колокольчик тут же вновь превращался в улыбку.

Колокольчик таял в воздухе, слышался еле уловимый щекочущий смех, и улыбка вновь возвращалась к своему владельцу.

Конечно, королевские сборщики улыбок без труда находили беглянку. По особому блеску глаз, по дрожанию губ они обнаруживали улыбку и снова отбирали ее.

Но что толку! Вновь превращал улыбку в золотой колокольчик магистр Мираклюс. Однако капризное золото по-прежнему исчезало при первом луче света.

«Если старик исполнит свое обещание, — стараясь унять дрожь, подумал король, — если и вправду колокольчики перестанут бояться света,

тогда… О, только бы убить улыбки, убить это живое золото! Я тотчас же прикажу перелить все колокольчики в монеты, в полновесные золотые монеты. Я стану богат, несметно, неслыханно богат. Тогда прощай, жалкий фантазер Мираклюс, прощай, моя невеста, королева Ветреница…»

— Если золото перестанет бояться света, — простонал где-то у ног короля магистр Мираклюс, — я сделаю из поющих колокольчиков чудесный музыкальный инструмент. Ведь у каждого колокольчика свой дивный, неповторимый голос. А когда они зазвучат все вместе — это будет поистине золотая музыка. Тогда слава, как служанка, покорно и униженно сама постучит в мою дверь!

Так оба этих человека, глядя на пылающие угли в очаге, мечтали каждый о своем.

— Что ж, пора! — решительно сказал король. — Туши свечи, Мираклюс. Я забираю колокольчики, уношу их. Ты слышал, старик? Задуй свечи!

— Какая печаль!.. — Мираклюс заломил худые узловатые руки. — Как тяжко с ними расставаться! Когда я увижу их снова? Когда?

— Это зависит от тебя, только от тебя, — вкрадчиво проговорил король.

— О ваше величество! — Глаза Мираклюса ярко блеснули. — Случайно в одной древней забытой

книге я прочел таинственные слова: «Кромешный мрак убивает свет». Эти слова пронзили меня, как клинок. Они живут во мне. «Мрак убивает свет, мрак убивает свет...» — будто кто-то день и ночь шепчет мне на ухо. И вот, не зная ни сна, ни отдыха, я ищу секрет эликсира мрака. Я собрал воедино все темное, черное, беззвездное. Порой мне кажется, я уже близок к заветной тайне. Но нет! Эликсиру еще не хватает колдовской силы, чтоб убить золотые улыбки. Мертвые, они уже не будут бояться света. Клянусь, скоро мой эликсир соберет весь мрак и ужас вселенной! И тогда...

— Довольно болтовни, я уже слышал это, — нетерпеливо прервал его король. — Я приказываю: туши свечи!

Мираклюс плеснул водой на раскаленные угли в очаге. Угли зашипели, вспыхивая и шевелясь, как живые. Мираклюс одну за другой потушил все свечи. Звякнула медная крышка котла.

В темноте послышался прерывающийся голос Мираклюса:

— Вот они, людские улыбки — лукавые, шаловливые, нежные! Пусть эти люди никогда не смогут улыбнуться, но наступит час — и они услышат музыку, очищающую душу. А!.. Вот

он у меня в руках маленький колокольчик, маленький колокольчик — это улыбка ребенка! Вы только послушайте, как он звенит! Впитайте в себя его звон.

Подземелье наполнил негромкий ясный звон, свежий и прозрачный.

— А-а! — пронзительно закричал Мираклюс. — Теперь послушайте этот! О мой чудесный колокольчик! Это — улыбка матери!

Под нависшими сводами поплыл ласковый, убаюкивающий звон, глубокий и нежный.

— Дай мне их! Ну дай же мне их скорее! — протягивая руки в темноту, проговорил король. — Вот они! Какие они тяжелые! Тяжеленькие, и как их много…

Король с жадностью схватил золотые колокольчики. Он пересчитывал их в темноте, сбивался со счета, начинал сначала.

— Вот последний колокольчик, — с печалью и страданьем проговорил Мираклюс. — Как больно, как тяжко мне расставаться с ними. Неужели вы, как всегда, унесете их, не оставите мне ни одного?

— Еще бы! Конечно, унесу, — проворчал король. Он заботливо завернул колокольчики в свой черный бархатный плащ. — Конечно, унесу и спрячу

в надежное местечко. Никто не знает, где я храню бесценные колокольчики. Это тайна, великая тайна. Впрочем… Даже если бы кто и узнал, где они спрятаны, все равно туда не доберется самый ловкий вор, самый искусный взломщик. Это не в человеческих силах, потому что… Но тс-с! Довольно об этом.

— Да, да, спрячьте их понадежней, ваше величество, — замирающим голосом проговорил Мираклюс. — Это хорошо и разумно. Да, да, схороните их понадежней, заприте. Спрячьте их до поры до времени, мои колокольчики.

— Ну, скорее, зажги свечи. — Король лязгнул зубами от холода. — Какая здесь, однако, болотная сырость. Я совсем окоченел. Ах, я, кажется, сейчас чихну. Терпеть не могу чихать в темноте. Нет, не иначе как я схватил насморк!

Король отчаянно боялся простуды, и насморк казался ему величайшим несчастьем.

Магистр Мираклюс, тихо вздыхая про себя, зажег свечи в высоких подсвечниках. Язычки огня, распрямляясь, осветили сырые низкие своды.

Король направился к двери, ведущей из подземелья, и вдруг чуть не упал, споткнувшись о груду черных камней, небрежно сваленных у порога.

— Я мог упасть и рассыпать колокольчики, — в

ярости прошипел король. — Что это за мерзкие камни?

— Это? — Мираклюс на мгновенье смущенно замялся. — Не удивляйтесь, ваше величество. Все улыбки бедняков, мечтателей, художников, веселых бродяжек давно отобраны. Теперь сборщики улыбок приносят мне улыбки придворных, доносчиков и льстецов. Вернее, ухмылки, по-другому их не назовешь — такие они алчные, злобные, завистливые. Я читаю колдовское заклинание. Но не в золотые колокольчики превращаются они, а в уродливые камни.

— На что мне эти черные камни? Выброси их, вышвырни. Мне нужно золото, много золота! — Тут король повернулся к Мираклюсу и настороженно поглядел на него. Подозрительно прищурился. — Постой, постой, а моя улыбка? Скажи мне, маленький Мираклюс, во что превратилась моя добрая, обаятельная улыбка? В золотой колокольчик, в алмазный? Говори же!

Магистр Мираклюс с виноватым видом отвел глаза.

— Увы! — в замешательстве проговорил он и протянул королю на дрогнувшей ладони невзрачный камушек жгуче-черного цвета. — Вот ваша улыбка…

Король оттолкнул руку Мираклюса.

— Лжешь, старик, я не верю тебе! Не верю ни одному твоему слову. А эликсир мрака? — Король недобрым взглядом впился в лицо Мираклюса. — Может, ты и тут хитришь, морочишь меня, нарочно тянешь время? Смотри, со мной шутки плохи. Даю тебе три дня сроку, не более. Если через три дня эликсир не будет готов… Запомни, Мираклюс, из бездельников получаются отличные висельники!

Король так резко захлопнул за собой дверь, что порыв ветра сорвал с фитилей языки пламени и погрузил в беспросветную тьму подземелье и магистра Мираклюса…

Король поднимался по крутым ступеням, торопясь оставить внизу сырость и темноту.

Чем выше он поднимался, тем громче становился голос ветра.

Там, снаружи, словно все ветры мира свились в кольцо вокруг королевского дворца.

Они пересвистывались, завывали на разные голоса. Косо летели голубые снежинки. Прогремел лист железа, сорванный с какой-то крыши.

«Это она, моя невеста, королева Ветреница. Она летит, она уже близко…» — зябко передернув плечами, подумал король.

На верхней площадке лестницы короля поджидали придворные и его любимец барон Нибумбум.

— Какая прелестная погода, ваше величество! — воскликнул барон Нибумбум. — Не понимаю только, почему сегодня все петухи в королевстве передрались и так громко хлопают крыльями?

Барон Нибумбум считался первым глупцом в королевстве. Он смотрел на всех наивными доверчивыми глазами и вечно молол всякую чепуху. Но король подозревал, что он из хитрости прикидывается таким дуралеем, и потому не слишком доверял ему.

— Ее величество королева Ветреница ожидают вас, — с поклоном сказал барон Нибумбум.

Страна королевы Ветреницы находилась как раз по соседству с владениями короля Краподина Первого.

Население этой страны было на редкость шумным, беспокойным и непоседливым. Впрочем, и неудивительно — ведь там жили ветры.

Когда королева решала навестить своего жениха, она приказывала отпереть тяжелые чугунные ворота. И тогда вслед за своей повелительницей в распахнутые ворота со свистом вырывались ее

прозрачные слуги: ветры, вихри и сквозняки.

Стоило королеве появиться во дворце Краподина Первого, как все двери начинали хлопать, занавески взлетать к потолку.

Мелкие ветерки, пажи королевы, лукавые и любопытные, проникали во все щели и замочные скважины, заглядывали в кастрюли на кухне, гремели крышками, шалили с оборками и прическами придворных дам. Борзые и гончие королевы, прозрачные, чуть видимые, с лаем носились по лестницам. Дуло и сквозило из всех углов. На разные голоса завывали каминные трубы, будто в каждой поселилось больное привидение.

«Нет, королева Ветреница вовсе не в моем вкусе, — думал Краподин Первый, переходя из зала в зал, а невидимые придворные королевы со свистом сгибались в поклонах. — Она вся сквозная, порывистая. Эти ускользающие глаза и быстрые пальчики… Бр-р!.. А характер? Непостоянный, капризный. Как говорится, ветер в голове! В любой момент может сдуть меня с трона. К тому же каждый день что-нибудь новенькое. Сегодня у нее северное настроение, завтра — южное. «Ах, как мне холодно! Согрейте меня!» И южные ветры согревают ее, кутают в меха прозрачных

соболей и лис. «Ах, мне жарко! Остудите меня!» И северные ветры пудрят ее ледяной пылью. А мне каково? Непременно чихну или в ухе стрельнет. Нет, мне нужна совсем другая жена: милая и нежная. Теплая и послушная. И главное — каждый день одинаковая. Барон Нибумбум недавно рассказывал мне что-то о красавице с золотыми волосами. Я люблю все золотое… Однако пока королева Ветреница мне необходима. Я должен ждать, ждать до тех пор… Но, тс-с! Об этом даже думать опасно. Проклятый сквозняк так и свистит в ушах. Наверно, он хочет подслушать мои мысли».

Король на мгновение остановился. Взглядом выделил из толпы придворных человека с холодными острыми глазами и мягкими вкрадчивыми движениями. Тускло-серый бархатный плащ, вышитый узором из блестящих снежинок, падал до земли. В руке он держал шляпу с длинным павлиньим пером.

Это был Главный Сборщик Улыбок, самый опасный и влиятельный человек при дворе.

— Ну что, ты выполнил мое поручение? — резко и нетерпеливо повернулся к нему король. — Достал ключи от всех сказок, как я тебе приказал?

— К сожалению… — Главный Сборщик Улыбок

с огорченным видом развел руками, склонился в поклоне. — Этот волшебник, к которому я проник, оказался на редкость глуп и упрям. Бестолков и совершенно лишен здравого смысла. Я предложил ему кошель золота за кусочек мела, но он отказался. Непостижимо! Я давно заметил: эти волшебники такой странный народец.

— Проклятье! — У короля от злости потемнело лицо. — Тем более я должен беречь… — Он с жадностью прижал к себе завернутые в край плаща колокольчики. Один из колокольчиков слабо прозвенел, безнадежно и печально. — Обо всем этом после, после, сейчас я тороплюсь. Моя невеста, королева Ветреница, уже прибыла и ожидает меня.

Прошло совсем немного времени, и от придворного к придворному полетел еле слышный тревожный шепоток:

— Человек-ключ… Человек-ключ… Дверь-загадка… Король приказал… Человек-ключ…

Этих коротких слов было достаточно, чтоб на дворец опустилась гнетущая тишина. Дворец словно вымер. Слуги, бледнея, разбежались, придворные попрятались.

В конце пустой зеркальной галереи появились четыре стражника. Они вели стройного

худощавого юношу со спутанными белокурыми волосами. Он шел медленно, неуверенно ступая, закрыв бледное лицо руками, как будто дневной свет жег ему глаза.

Угрюмые и молчаливые стражники остановились перед тяжелой дверью из гладкого темного дуба, по углам окованной медью. Странная это была дверь: без замочной скважины и дверной ручки.

Торопливо вошел король. Левой рукой он прижал к себе нечто бережно укутанное бархатным плащом. Пальцы правой руки скрючились и дрожали. Вдруг на его ладони что-то засверкало, остро, льдисто, рассыпая бриллиантовые лучи.

— О мои руки, такие нежные и зябкие! — простонал король. — Какой холод, я не выдержу… Я отморожу пальцы!

Король нетерпеливыми быстрыми шагами подошел к юноше. Стражники отступили в сторону. Темные и безгласные, они скрылись за колоннами.

— Трот, замочных дел мастер! Помнишь ли ты свою невесту? — в глубокой тишине негромко, но внятно спросил король.

И вдруг словно слабый луч солнца прошел по изможденному лицу юноши, лишенному всех

красок жизни.

Его губы дрогнули, и он улыбнулся. Улыбнулся туманной улыбкой утраченного счастья.

И в тот же миг, в тот же самый миг, словно отвечая его улыбке, дверь-загадка медленно, с таинственным скрипом отворилась сама собой.

Король поспешно шагнул через порог, и тяжелая дверь с грохотом тотчас захлопнулась за ним.

Стражники появились из-за колонн.

— Я не хочу снова туда, в темноту… — глухим, измученным голосом проговорил юноша. — В этом мраке меркнут, гаснут ее золотые волосы. Я не могу удержать в памяти ее глаза, ее кроткое нежное лицо.

Юноша рванулся, пытаясь освободиться, но стражники окружили его, скрутили ему руки.

Они снова повели его притихшими безлюдными залами. Куда-то вниз по лестницам, все ниже, глубже в темноту.

Да, немало тайн скрытно и молчаливо хранили мрачные подземелья дворца Краподина Первого!

И все же, друзья мои, все же кое-что проясняется в этой загадочной истории.

Теперь мы знаем, кто был тот странный незнакомец в сером плаще и шляпе с павлиньим

пером, столь неожиданно появившийся на кухне волшебника Алеши.

Да, да! Совершенно верно. Это был Главный Сборщик Улыбок. Теперь становится понятным, зачем понадобился ему волшебный мел. Добавим еще: какое счастье, что волшебник Алеша сразу заподозрил недоброе…

Но, однако, довольно. Нам пора, давно пора вернуться к нашим друзьям. Как вы, наверно, помните, волшебник Алеша с термосом под мышкой, Катя и кот Васька неожиданно очутились на пустой заснеженной площади старинного сказочного города.

Итак, не будем медлить, поскорее отправимся туда и посмотрим, что же там происходит.

Глава пятая
Кот Васька боится улететь. И главное: девочка по имени Глазастик

— Начнем с того, что не будем волноваться, — сказал волшебник Алеша, глядя на своих притихших друзей. — Ты, Катя, застегнись первым делом, в такой холод пара пустяков простудиться. То, что мы попали в сказку, — несомненно. Но я надеюсь, что эта сказка интересная, добрая и с хорошим концом. И главное — главное, я спокоен. Волшебный мел у тебя, Катя, и ты в любой момент можешь… Так что волноваться нет никаких оснований. Логично?

— Нечего котам подражать, — буркнул кот Васька. — Отлично знаешь, что это я люблю так сам себя спрашивать и сам себе отвечать: «Логично?» — «Логично!» Ой, да держите меня!

Неожиданно по площади, позванивая ломкими снежинками, пронесся порыв ветра, и кот Васька, часто перебирая лапами, взлетел в воздух.

— Держите меня, ловите! — взвыл кот Васька, отчаянно пытаясь за что-нибудь уцепиться когтями и делая круг над волшебником Але-

шей. — Улетаю, улетаю! Что же вы смотрите?

Волшебник Алеша подпрыгнул и в последний момент успел схватить улетающего кота за лапу. Он притянул кота Ваську к себе, ласково стряхнул с его шерсти осколки снежинок.

— С чего это я вдруг стал такой летучий? — еще тяжело дыша, проговорил кот Васька, прижимаясь к волшебнику Алеше. — Что же это, братики-котики? Я вам не птичка какая-нибудь, чтобы летать.

— Погоди, погоди, — задумчиво сказал волшебник Алеша. — Попробуем разобраться. Ветер, конечно, сильный, но не настолько…

— Дядя Алеша! — Катя незаметно толкнула локтем волшебника Алешу, указывая куда-то.

Из-за угла дома вышла девочка, закутанная с головой в грубый платок, — ну прямо скворечник на двух тонких ножках.

— Девочка! — окликнул ее волшебник Алеша.

Девочка сделала несколько неуверенных шагов и остановилась.

Ее темные волосы какими-то грустными прядями лежали вдоль щек. Серое платье, туго стянутое в талии пояском, падало до земли унылыми прямыми складками.

Худенькое и бледное лицо девочки светилось в

сумерках. А глаза были громадные и глубокие.

— Вы вашего кота привяжите, — негромко сказала девочка. — Это еще маленький ветерок, а вот если прилетят большие ветры, он улетит, улетит…

Она так глубоко вздохнула, что у нее что-то зазвенело в груди.

Вдруг девочка выпустила углы платка, и тот сполз на землю. Она глядела на снег позади волшебника Алеши с таким удивлением, что он тоже невольно оглянулся.

— Следы… — прошептала девочка.

— Ну и что? — не понял волшебник Алеша.

— Какие глубокие… — Она подошла поближе, присела на корточки и сунула тонкий пальчик в ямку на снегу.

И только тут волшебник Алеша увидел, что девочка подошла к ним, не оставляя на снегу никаких следов. Снег, по которому она прошла, был свежий, непримятый, будто ее ноги легко скользили по воздуху.

Волшебник Алеша от удивления выпустил кота Ваську, и тот взмыл кверху с негодующим воплем.

— Привяжите его скорее! Привяжите… — Девочка поспешно развязала свой поясок, протянула

его волшебнику Алеше.

— Только не за шею. Я вам не собака, учтите! — возмутился кот Васька, плавно покачиваясь в воздухе.

Волшебник Алеша обвязал кота Ваську поперек живота, стараясь, чтобы было и не туго, и надежно.

Девочка удивленно следила за каждым шагом Кати, за каждым отпечатком ее ноги на снегу.

— Меня зовут Катя. А тебя? — спросила Катя.

— Меня? Глазастик, — ответила девочка.

— Я почему-то так и думала. — Катя улыбнулась.

— Что это? — воскликнула Глазастик. Она смотрела на Катю растерянно, изумленно.

— Что? — переспросила Катя. — Ты о чем?

— У тебя на губах, — попробовала объяснить девочка, — как будто расцвел цветок! Чудесный цветок. На губах… Я никогда не видела.

Глазастик робко протянула руку, тронула холодным пальчиком Катины губы.

— Как это ты делаешь? Я так не могу.

Катя вопросительно оглянулась на волшебника Алешу. Тот, чуть нахмурившись, прислушивался к их разговору.

— Это она про твою улыбку, — негромко сказал

он. — Странно. Похоже на то, что эта девочка не умеет улыбаться. Неужели? Девочка без улыбки…

Между тем совсем стемнело. Крыши домов слились с небом, и, словно повисшие в бархатной пустоте, ярче засветились окрепшие огоньки свечей.

— Какое у вас тут все чудное, — не выдержала Катя. — Ты в каком классе учишься?

— Погоди, погоди, Катя, — мягко остановил ее волшебник Алеша. Он к чему-то прислушивался. — Пока не надо лишних вопросов.

Послышались голоса. Где-то в конце площади мелькнул и закачался свет. Шли с фонарями.

— Это королевские сборщики улыбок, — вздрогнула Глазастик. Она торопливо подняла со снега платок и вся закуталась в него.

— Как? Как ты сказала? Сборщики улыбок? — не веря своим ушам, переспросил волшебник Алеша.

— Идемте со мной. Идемте… — пугливо оглядываясь, проговорила Глазастик.

Она заспешила через площадь, маня их за собой.

Глазастик ступала легко и неслышно. Маленький башмак свалился с ее ноги, и она нетерпеливо

сунула в него ногу.

— Скорее, скорее… — обернулась Глазастик.

Они свернули в переулок. Здесь дома были пониже, огоньки в окнах домов попадались не так часто.

Мимо них прошел бедно одетый человек с мешком за плечами. Он шел опустив голову, погруженный в мрачную задумчивость, и не заметил их.

— Это продавец грустных игрушек, — на ходу объяснила Глазастик. — Его куклы плачут. А зверушки жалобно пищат. Такие игрушки никто не покупает, а других он делать не может… Других не может…

— Вот оно что, — пробормотал волшебник Алеша.

Они дошли до конца переулка.

— Следы! Смотрите! Какие глубокие! — послышались издалека приглушенные голоса.

Среди голосов выделялся один резкий и повелительный:

— Немедленно разузнать, чьи это следы!

— Через забор… так мы быстрее, через забор… — лепетала Глазастик, убегая вперед.

Волшебник подсадил Катю, помог ей перелезть через забор, утыканный сверху железными

остриями.

Кот Васька плыл над ними ворчливым воздушным шариком.

— Занесло нас неведомо куда, — раздраженно ворчал кот Васька. — И с чего это я летаю, если я этого вовсе не хочу и не желаю?

Снег пошел еще гуще. Снежинки, небывало крупные, слабо светились в темноте. С сухим шорохом устилали все вокруг.

Путники завернули за угол, и вот навстречу им из мрака теплом и уютом зажглись окна низкого дома.

Распахнулась дверь. На крыльцо выбежала женщина в пестром платье с испуганным, расстроенным лицом.

— Ох! Совести у тебя нет, — набросилась она на Глазастика. — Я тут извелась совсем. На улице ветер, а ты гуляешь. Одна! Ниточка все глаза исплакала.

Тут женщина увидела Катю и волшебника Алешу и умолкла, с удивлением глядя на них.

— Тетушка Ох! Я правда не виновата, — принялась оправдываться Глазастик. — Я их встретила на площади. Вы только посмотрите, они совсем проваливаются в снег. Не могла же я… Не могла…

Катя уже заметила, что Глазастик повторяет слова, как будто она свое собственное эхо. И звучало это как-то необычайно грустно.

— Ох! — сказала женщина и посторонилась, пропуская в дверь волшебника Алешу и Катю.

Свет и тепло окутали вошедших.

Навстречу им торопливо поднялась со скамьи тоненькая девушка с нежным, кротким лицом.

Только тут Катя поняла, почему так светло в этой бедной комнате, освещенной одной-единственной свечой в медном подсвечнике, закапанном зеленым воском.

Волосы девушки сами излучали свет. Они лились на плечи потоком чистого золота, озаряя все кругом, и падали вниз почти до земли, до грубых башмаков, похожих на ореховые скорлупки. Девушка так крепко обняла Глазастика, что та застонала.

— Больше никогда… — проговорила девушка, отворачивая лицо.

— Ниточка, правда, я не хотела… — виновато сказала Глазастик. — Потом, на площади был Вихрик. И он сказал, что большие ветры улетели на море качать корабли… Качать корабли…

— Держись от них подальше, — не отпуская Глазастика, прошептала Ниточка. Ее золотые

волосы совсем закрыли девочку. — И нечего тебе болтать с Вихриком. Господи, ты стала такая легкая, легче перышка. Я боюсь…

— Ох! Что нам ждать хорошего, — пробормотала тетушка Ох.

Тетушка Ох поставила на стол глиняное блюдо с лепешками. Потрогала Катины озябшие руки, посадила ее поближе к печке.

Коту Ваське налили миску молока. Он неохотно подошел к миске, понюхал молоко, повел носом и отошел прочь.

— Надо же! Совсем аппетит потерял, — пробормотал кот Васька. — Может, он улетел?

Случайный сквозняк проник в приоткрывшуюся дверь, и кот Васька с отчаянным мяуканьем взмыл кверху. Он сделал круг под потолком и пристроился поближе к теплой печной трубе.

— Поспать, что ли, — меланхолично сказал кот Васька. — Может, проснусь, а я уже не летаю, хожу по земле, как все порядочные коты.

Продолжая висеть в воздухе, кот Васька свернулся клубком, нос прикрыл кончиком хвоста, чтоб снились хорошие сны, вздохнул и задремал.

Глядя на него, Катя не выдержала и улыбнулась.

— Смотрите, да смотрите же! — пронзительно

закричала Глазастик, указывая на Катю.

Она протянула руку и осторожно тронула Катины губы.

— Она улыбается, — тихо и недоуменно сказала Ниточка.

— Значит, вот что такое улыбка! — сказала Глазастик. — А то я все слышу «улыбка», «улыбка», а никогда не видела. Я так не могу.

— Чудно! — удивилась Катя. — Как это не можешь? Возьми да улыбнись. Что проще?

— Не могу. — Глазастик подняла на нее свои огромные глубокие глаза, в которые было страшно смотреть. — Я не могу улыбнуться. У меня нет улыбки… нет улыбки…

— Как это нет улыбки? — еще больше удивилась Катя.

— Я тоже хотел бы знать, — нерешительно начал волшебник Алеша. — Как вы догадываетесь, мы прибыли сюда очень издалека. И, по правде говоря, я пока ровным счетом ничего не понимаю. Почему Глазастик не может улыбнуться? Кто такие королевские сборщики улыбок? Почему от них надо убегать и прятаться?

— Это они отобрали у нас улыбки! — вырвалось у Глазастика.

— Прикуси язык, болтушка, — строго одернула

ее тетушка Ох и вдруг добавила, глядя на Глазастика взглядом, полным нежности: — Девочка моя, ты была совсем крошка, когда у тебя отобрали улыбку. А Главный Сборщик Улыбок, — тут голос тетушки Ох упал до шепота, — он… он умеет проникать повсюду. Глубокой ночью ходит он по городу. Ох, вы не поверите, как это страшно. Он пробирается в наши сны. Да, да, отнимает улыбки, которые нам снятся. И тогда…

Тетушка Ох с тревогой посмотрела на Глазастика и замолчала.

— Продолжайте, прошу вас, — попросил волшебник Алеша.

— Не знаю, для чего нужны наши улыбки королю, — вздохнула тетушка Ох, — но, видно, очень нужны. Вот они и рыщут повсюду, эти сборщики улыбок. Это вовсе не больно. Только легкий укол в сердце, и ты больше уже не можешь улыбнуться. И такая тоска на душе. Еще беда: люди без улыбок уже не те, совсем не те. Ох, так меняются, что и не узнать! Они всегда печальны, ни о чем не мечтают. Они худеют, бледнеют, словно превращаются в собственную тень. От грусти они становятся совсем легкие. А уж если Главный Сборщик пробрался в сон и отобрал улыбку и она даже не может присниться…

— Замолчи, замолчи. — Ниточка снова прижала к себе Глазастика. — Не говори об этом.

— А мне уже все равно… Все… — Глазастик почти равнодушно опустила голову. Тени от длинных ресниц потекли по щекам, делая ее еще бледнее, еще печальней.

Где-то далеко на городской башне сонно и гулко отбили полночь часы.

Катя так устала, что слова до нее доходили словно сквозь шум волн. Глаза слепили золотые волосы Ниточки, они отражали и множили свет догорающей свечи.

Катя сама не заметила, как, уткнувшись лицом в рукав волшебника Алеши, она задремала.

— Что ж, утро вечера мудренее, как говорится в одной сказке, — сказал волшебник Алеша. — Все это надо хорошенько обдумать. Как вы считаете? О, несомненно!

Глава шестая
Обманутые надежды. И главное: волшебник Алеша отправляется во дворец

Катю разбудил чей-то пристальный взгляд.

Катя открыла глаза. Над ней наклонилась Глазастик. При свете дня ее лицо казалось голубоватым, как тающая льдинка.

— Ты все спишь и спишь, — тихо сказала она. — А мне так хочется с тобой поговорить. Поговорить…

Катя села, спустила ноги на пол. Видно, она вчера так и уснула на лавке, а кто-то сунул ей под голову подушку, укрыл теплым плащом.

— Вот вроде бы и все, — негромко сказала тетушка Ох и вздохнула.

Она и волшебник Алеша сидели рядышком за столом и разговаривали.

— Так, так, — задумчиво проговорил волшебник Алеша. — Люди без улыбок… Как это раньше не приходило мне в голову? От грусти они становятся легкими. Оно и понятно — без улыбки нарушается сказочное притяжение. Но позвольте, позвольте, уважаемая тетушка Ох, как же в

таком случае придворные? Ведь они тоже остались без улыбок, насколько я понимаю.

Тетушка Ох пожала плечами.

— Ох! Да ведь они и прежде были угрюмые, неулыбчивые. По-настоящему, по-доброму никогда и не улыбались. Отобрали у них улыбки, они и не заметили даже. Им что есть улыбка, что нет — все равно. Верно, поэтому они и не улетают.

Тетушка Ох печально и строго посмотрела на волшебника Алешу:

— Это у нас, у бедных людей, всего-то и было радости: посмеяться от души.

— Пожалуй, вы правы, да, да. — Волшебник Алеша с сочувствием кивнул головой.

— Мало нам этих бед, — вздохнула тетушка Ох, — а тут еще печаль: пропал Трот, жених Ниточки. Что за парень был! А какой искусник, второго такого не сыщешь. Но вот уже больше года мы ничего о нем не знаем.

Ниточка порывисто отвернулась к окну, пряча лицо. Золотые волосы окутали ее всю, и она стала похожа на маленький стожок золотого сена.

— Мур-мяу! — подал голос кот Васька. Он потянулся, зевнул и открыл пронзительные зеленые глаза. — Впрочем, никакого «мур», одно сплошное «мяу»!

Глазастик встала на цыпочки, дотянулась до кота Васьки, осторожно потянула его вниз. Посадила на лавку, ласково погладила своей тонкой рукой, еле касаясь спинки.

— Может, молочка попьешь? — спросила она. Но кот Васька только сокрушенно вздохнул.

— Дорогая, уважаемая тетушка Ох! Скоро все изменится, и главное — к лучшему, поверьте мне. Должен вам сообщить, что я прибыл сюда отнюдь не с пустыми руками, — торжественно проговорил волшебник Алеша. Он не без гордости поставил на стол свой старый голубой термос. Заметив недоверчивый взгляд тетушки Ох, добавил: — Не удивляйтесь. В этом сосуде у меня сидит кое-кто. Не будем пока уточнять, кто именно. Важно другое. Этот «кое-кто» поможет нам справиться со всеми бедами. Он вернет вам отобранные улыбки. Я ничуть в этом не сомневаюсь. Более того. Это даже не составит для него особого труда!

Волшебник Алеша поднял глаза, прикидывая расстояние от пола до потолка. Да, потолок низковат. Как бы джинн не стукнулся головой.

Волшебник Алеша встал, положил руку на крышку термоса.

— Катя и вы все! — сказал он. — Только, по-

жалуйста, не пугайтесь. Это вовсе не опасно. Воспринимайте это, ну, что ли, как игру воображения, фантазию, наконец. Словом, тут у меня — джинн!

Волшебник Алеша отвинтил пластмассовую крышку. Ниточка обняла Глазастика, прижала ее к себе. Тетушка Ох нахмурилась и скрестила руки на груди.

Волшебник Алеша вытянул пробку и поспешно проговорил:

— Джинн, осторожно, не стукнись головой! Эй!

В тот же миг послышался оглушительный грохот, треск, вопль боли и возмущения. Джинн, как и опасался волшебник Алеша, нетерпеливо вырвавшись из термоса, с размаху ударился головой о потолочную балку. Полосатая чалма свалилась на пол. Крепкая доска с трудом выдержала удар, откуда-то с крыши со звоном посыпались остроконечные голубые снежинки.

— Какой нехороший… — прошептала Глазастик, раздвигая пряди опутавших ее сверкающих волос.

— О-о! — жалобно простонал джинн, согнувшись и схватившись руками за голову. — О, я несчастный и невезучий. Горе мне, горе! Я вдребезги разбил свою древнюю многострадальную

голову!

— Ну ладно, ладно! Так уж сразу многострадальную и несчастную, — добродушно сказал волшебник Алеша. — Вечно ты все преувеличиваешь. Потри немножко, и пройдет. Можно холодненького приложить. На вот, чалму надень.

Джинн надел чалму на свою кудлатую голову.

Он медленно оглянулся и замер, словно не веря своим глазам. Сначала на лице его появилось выражение недоумения, которое быстро сменилось растерянностью и, наконец, откровенным страхом.

— О повелитель! — проговорил джинн дрожащим голосом. — Скажи, куда ты меня принес? Что это? Ящик, коробка, старый сундук? Мне здесь тесно. Я не могу даже разогнуться.

— Хоть поздоровайся! — сконфузился волшебник Алеша. — Ну можно ли быть таким бестактным, даже если ты джинн?

— Нам здесь будет плохо! — Джинн обежал глазами бедную комнату, деревянные лавки, простой струганый стол. — О повелитель, где мы? Здесь нет ни лифта, ни водопровода. Нет даже электричества. Как же мы тут?

— А еще просился со мной, — огорченно сказал

волшебник Алеша. — Еще говорил: «Сколько тысячелетий я мечтал об этом, тосковал», и так далее…

Глазастик выпуталась из золотых сетей, села рядом с Катей на лавку, тесно прижалась к ней. И Катя почувствовала ее острый худой локоть, тонкий, как рыбья косточка. В ее хрупкости было что-то пугающее.

Джинн тем временем попятился в темноту, в угол, прижался к стене, исподлобья оглядывая всех вспыхивающими, как угли, глазами. От его частого, взволнованного дыхания кот Васька сорвался с лавки и плавно поплыл к потолку, перебирая в воздухе лапами и руля хвостом.

— А я все летаю и летаю! — печально сообщил кот Васька, делая круг над джинном.

Джинн с нескрываемым ужасом проводил взглядом летящего кота Ваську.

— Мне тут не нравится, — слабым голосом проговорил джинн. — Тут летают… О повелитель, прикажи ему опуститься. Не дело это — котам летать по воздуху.

— Ну хватит, — решительно сказал волшебник Алеша. — Мне надоело твое нытье. Мы сюда не в гости пришли. У нас здесь полно важных дел.

— Важных дел?! — дрожащим голосом повто-

рил джинн. — Опомнись, о повелитель! По-моему, у нас только одно важное дело: поскорее вернуться домой, назад!

— Ну нет! — Волшебник Алеша с трудом сдержал раздражение. — Об этом не может быть и речи. Возьми себя в руки. Нельзя так распускаться, быть таким малодушным. Ты говорил, что тебе здесь тесно, негде разогнуться? Ну так я тебя пошлю в королевский дворец!

— Куда?! — обмирая от ужаса, прошептал джинн. — В королевский дворец?

— Ну да, — стараясь казаться спокойным и уверенным, продолжал волшебник Алеша. — Ты же сам говорил, что королевский дворец для тебя — как дом родной. Что ты, можно сказать, вырос на коврах, среди мраморных колонн. Твои же слова, разве не так?

Джинн втянул голову в плечи и закрыл лицо корявыми ладонями.

— Итак, о джинн, слушай и повинуйся! — властно проговорил волшебник Алеша. — Отправляйся в королевский дворец! Ты должен сначала узнать, а потом раздобыть…

Но волшебник Алеша не успел договорить. Лицо джинна исказилось страхом, из груди вырвался стон отчаяния, и джинн неуклюже рухнул

на пол перед волшебником Алешей. Волосатыми ручищами он обхватил колени волшебника Алеши, так что тот пошатнулся и ухватился за стол.

— О повелитель! — с мольбой простонал джинн. Он весь дрожал, и от этой дрожи звенело стекло в низком окне. — Не посылай на верную гибель своего ничтожного слугу! Я хочу домой! Я хочу проехаться на такси, хочу снова услышать, как хлопнула дверь любимого лифта. Я ошибся, я все забыл. Здесь, в сказке, мне все незнакомое, чужое. Я… Я ничего тут не понимаю. Почему они не улыбаются? Почему у нее светятся волосы? Так не бывает! Я здесь пропаду. Здесь каждый может меня обидеть, прихлопнуть, как жалкую муху. Я боюсь, мне страшно!

— С таким настроением, конечно… Полный провал обеспечен. — Волшебник Алеша безнадежно махнул рукой. — Ступай в термос, глаза бы мои на тебя не глядели. Нет, к помощи джинна надо прибегать только в самых крайних случаях. Как вы считаете? О, несомненно!..

Джинн торопливо отвесил низкий поклон, несколько раз жадно поцеловал ботинок волшебника Алеши. Потом сложил руки над головой, очертания его огромного тела начали таять, становиться зыбкими, размытыми. И скоро тонкой,

чуть заметной струйкой он исчез в узком горлышке термоса.

Волшебник Алеша устало опустился на лавку. Не будем скрывать, он был огорчен. Да что там говорить, он был совершенно растерян. Он так надеялся на помощь джинна. Было столько обещаний — и такое разочарование! Что же теперь делать?

— Значит, придется мне самому… — потирая лоб, пробормотал волшебник Алеша. — Да, да, самому пробраться во дворец. По правде говоря, я рассчитывал… Хотя, к сожалению, теперь безразлично, на что я рассчитывал. Впрочем, сожалеть о чем-либо теперь тоже совершенно бесполезно. Если бы я еще не оставлял таких глубоких следов на снегу…

— Ох! Если ты об этом, то я могу тебе помочь. — Тетушка Ох вытащила из-за печки крепкую метлу на длинной палке. — Попробуем обойтись без этого твоего… уж не знаю, как его и звать. Я пойду сзади и буду заметать твои следы. Никто ничего не заметит. Если только я правильно тебя поняла.

— Уважаемая тетушка Ох, в высшей степени правильно, — обрадовался волшебник Алеша. — Я именно это имел в виду или что-нибудь

подобное, в этом роде.

Тетушка Ох с сомнением оглядела волшебника Алешу, неодобрительно покачала головой.

— Девочка моя, быстренько какой-нибудь плащ ему, — сказала она Ниточке. И добавила с гордостью: — Она у нас лучшая швея в городе. Такая искусница. Случается, даже придворные заказывают ей плащи с золотым шитьем. А ей достаточно один свой волос вшить по краю, плащ так и блестит.

Ниточка порылась в сундуке и достала тускло-серый бархатный плащ с тонко вышитой каймой из золотых снежинок.

— Посмотрите, а у меня как раз подходящая шляпа! К тому же с павлиньим пером, — сказал волшебник Алеша. — А на кончике пера, вы только присмотритесь, как будто глаз. Можно даже подумать, что этот глаз все время следит за нами.

Волшебник Алеша накинул на плечи бархатный плащ, надел на голову черную шляпу с пером.

— Что ж, по-моему, неплохо. Как вы считаете? О, несомненно! — Волшебник Алеша, нагнувшись, глянул в маленькое тусклое зеркальце, висевшее на стене. — Катя, смотри не потеряй

волшебный мел. Нарисуешь ключ на любой двери — и в тот же миг окажешься дома. Так что за тебя я спокоен.

— Ну, в добрый час! — озабоченно сказала тетушка Ох.

Катя прижалась носом к стеклу, глядя на уходящего волшебника Алешу.

Тетушка Ох шла за ним по пятам и, круто взмахивая метлой, заметала его следы.

Они дошли до конца переулка и скрылись из глаз.

Глава седьмая
Наоборот Первый и Наоборот Второй. И главное: голубой термос

В доме стало тихо. Ниточка накрутила свой золотой волосок на палец, дернула. Вдела сверкающий волосок в иглу, принялась за шитье.

Глазастик, притихнув, стояла у окна, в сером платье, туго стянутом в талии, худенькая, как шахматная фигурка.

Пальцы ее крепко ухватились за край подоконника. Катя уже заметила: Глазастик все время за что-то держится, наверно, по печальной привычке.

«Она боится… она боится улететь», — с замиранием сердца подумала Катя.

— О чем ты думаешь? — робко спросила она Глазастика. — У тебя такое странное лицо сейчас. Будто ты видишь то, чего никто не видит.

— Я думаю, что скоро меня здесь не будет. Не будет… — тихо сказала Глазастик и подняла на Катю свои печальные глаза, глубокие, как чистая озерная вода в тени.

— А ты об этом не думай, — в тоске попросила

Катя. — Так только хуже.

— Я стараюсь, — покачала головой Глазастик. — Но бывают такие мысли. Их гонишь, а они сами думаются. Иногда я уже больше ничего не хочу, ничего не боюсь, только бы скорее…

Ниточка бессильно уронила руки на колени. Тяжелый алый плащ, который она вышивала, сполз на пол.

Она с отчаянием посмотрела на Глазастика:

— Так нельзя, родная моя. Даже я надеюсь, что Трот вернется.

— А я уж ни на что не надеюсь. Не надеюсь… — прошептала Глазастик.

Послышалось пение и скрип полозьев. К дому подкатили нарядные сани. Сытые лошади гнули крутые шеи, под копытами сахарно хрустели крупные розы-снежинки.

С саней соскочили двое мужчин в дорогих плащах, в шляпах с перьями. Остановились, разглядывая по окна ушедшие в сугробы домики, словно сомневаясь, туда ли они попали.

— Ой, они идут к нам! — с испугом воскликнула Глазастик. — А зачем?

— Девочки, только вы тише, тише, ни словечка, — успела шепнуть Ниточка.

Вошли два человека, удивительно похожие

друг на друга.

Это были королеские сборщики улыбок — братья-близнецы Наоборот Первый и Наоборот Второй.

Похожие друг на друга как две капли воды, они отличались удивительной несхожестью характеров. Наоборот Первый был слащав и сентиментален. Наоборот Второй — желчно-сварлив.

— Отвратительная дыра, — проворчал Наоборот Второй и, казалось, даже пожелтел от злости. — Может ли здесь быть та, ради которой мы сюда приехали? Сомневаюсь!

— Наоборот! — воскликнул Наоборот Первый. — Взгляни на эту девушку с золотыми волосами! Она трогательна и прелестна. Этот скромный дом только оттеняет ее несравненную дивную красоту.

— Какие замызганные девчонки! — Наоборот Второй брезгливо покосился на Катю и Глазастика. — Наверно, ее сестры. Слишком много родни. Слишком много родни.

— Наоборот, очень милые сестрички, — возразил Наоборот Первый. — Надеюсь, король их осчастливит и возьмет в судомойки.

— Впрочем, вот эта, пожалуй, скоро улетит, — с

жестоким равнодушием заметил Наоборот Второй, указывая на Глазастика.

— Наоборот! — нежно и ласково сказал Наоборот Первый. — Я уверен, от счастья она станет чуть веселее, то есть чуть тяжелее, и не вздумает огорчать нас всякими капризами и глупостями… Собирайся, прелестное дитя, — обратился он к Ниточке. — Ты едешь с нами во дворец. Тебя желает видеть сам король!

— А можно мне не ехать? — робко попросила Ниточка. — Мне что-то не хочется сегодня.

— Ах, как она еще наивна! — Наоборот Первый в притворном восторге поднял глаза к потолку.

— Наоборот, хитра и увертлива, — проворчал Наоборот Второй.

Ниточка дрожащими руками развязала передник, уронила его на пол, оправила косынку на плечах.

— Никуда не выходите. Окна и двери держите на запоре, — шепнула она девочкам.

Наоборот Первый тем временем, присвистывая, оглядел убогую комнату, грубые лавки, простой струганый стол.

Вдруг взгляд его упал на голубой термос.

— Однако какой странный, необычный сосуд! — удивленно воскликнул Наоборот Первый.

«Только бы они не вздумали его открыть», — испугалась Катя. Она быстро протянула руку, схватила термос и прижала его к груди, невольно выдав себя этим движением.

— Однако… — обескураженно протянул Наоборот Первый.

— Не иначе как… — подозрительно добавил Наоборот Второй.

— Если она так крепко держит этот сосуд, значит, не хочет его отдать, — предположил Наоборот Первый.

— А если она не хочет его отдать, значит, необходимо его отнять, — закончил Наоборот Второй.

Тут Наоборот Первый и Наоборот Второй со злобой покосились друг на друга. Они терпеть не могли думать о чем-нибудь одинаково.

— Поехали, раз уж нельзя не ехать! — мужественно сказала Ниточка, выступая вперед и загораживая собой Катю.

Но было поздно. Наоборот Второй, беззвучно и мягко ступая, подошел к Кате и вдруг резко вырвал из ее рук голубой термос.

Наоборот Первый тем временем с любезным поклоном распахнул дверь, пропуская Ниточку вперед.

Ниточка бросила взгляд, полный тревоги, на

девочек и вышла.

Девочки подбежали к окну.

Кони легко взяли с места. Запели дорожную песенку полозья санок.

Ветер поднял и развернул в воздухе длинные волосы Ниточки. Голубая роза-снежинка, сверкая, запуталась в золотых волнах волос.

Глава восьмая
Мышь в золотой короне. И главное: дверь-загадка

Волшебник Алеша и тетушка Ох подошли к тяжелым воротам из кованого чугуна. Завитки наверху поддерживали королевский герб: золоченую корону и ключ.

— Вот незадача, — прошептала тетушка Ох и толкнула волшебника Алешу к темной отсыревшей стене. — Как назло: ворота сторожит сегодня Рыжий Нос. Самый что ни на есть противный. Такой въедливый.

— Эй, тетушка Ох! — подозрительно окликнул ее высокий стражник с алебардой в руке. — Не сойти мне с этого места, ты всегда приходишь попозже, куда позже, чтобы взбить королевские подушки и перины. С чего это ты так рано сегодня?

Стражник, широко расставив ноги, встал в воротах. У него был тупой взгляд и грубое лицо. Из ноздрей торчали рыжие волосы, похожие на пучки осенней сухой травы. Поэтому его так и прозвали Рыжий Нос.

— Все-то ты примечаешь, голубчик, — мягко согласилась тетушка Ох. — Только вчера увидела я, что седьмая перина на постели его величества, того и гляди, прохудится. Не приведи Бог, полетит из нее пух.

— Провалиться мне сквозь землю! Не иначе как ее мыши погрызли! — Рыжий Нос даже пристукнул о землю древком алебарды. — Как раз вчера говорю я своей невесте: «Милая Турнепс, говорю, в королевском дворце мышей развелось видимо-невидимо».

— Все-то ты знаешь, голубчик, — ласково кивнула головой тетушка Ох.

— А как же, — самодовольно подтвердил Рыжий Нос. — Ты только послушай. Иду я на кухню. Точно, точно, я как раз шел к моей милой Турнепс. Она в тот день пекла мои любимые пироги с грибами. Вдруг смотрю, зола в камине зашевелилась и вылезает из нее… Кто ты думаешь? Мышь! А на голове у нее, чтоб мне шагу не ступить, — золотая корона!

— Все-то ты видишь, — снова одобрительно сказала тетушка Ох.

— Видишь, видишь… — засомневался Рыжий Нос. — Вот это-то мне и не дает покоя. Как бы мне достоверно узнать: взаправду я видел мышь

в золотой короне или она мне только померещилась?

— Ох, голубчик, — с сочувствием покачала головой тетушка Ох. — Не простое это дело — достоверно узнать, видел ты мышь в золотой короне, или она тебе только померещилась. Знавала я таких, что и полжизни были готовы отдать за эту тайну.

— Полжизни? — вздрогнул Рыжий Нос. — Провалиться мне на этом месте, полжизни! А ты знаешь эту тайну, тетушка Ох?

— И за что я только тебя так люблю, голубчик, — вздохнула тетушка Ох.

— Значит, знаешь! — нетерпеливо воскликнул Рыжий Нос. — Так открой, открой мне эту тайну!

— Разве уж и вправду сказать… — словно в нерешительности проговорила тетушка Ох. — Но уж ты, голубчик, смотри, никому ни словечка.

— Никому, никому, — часто закивал головой Рыжий Нос.

— Тогда слушай! — таинственным голосом начала тетушка Ох. — Значит, так. Если ты увидел мышь в золотой короне, самое главное тут хорошенько зажмуриться. Да не как-нибудь, а так, чтоб ничегошеньки не видеть. Потом, через минутку-две, можешь открыть глаза. И если ты

опять увидишь мышь в золотой короне, значит, можешь не сомневаться: ты и вправду видишь мышь в золотой короне. Но совсем другое дело, если ты увидишь мышь в золотой короне и зажмуришься чуть-чуть только. Так, немножечко сощуришь глаза, и все. Тут уж не взыщи, сам виноват, дружок. Откроешь глаза, увидишь мышь в золотой короне, и уже никто тебе достоверно не скажет: вправду ты видишь мышь в золотой короне или мышь в золотой короне тебе только мерещилась. Понял, голубчик?

Рыжий Нос даже пошатнулся. Видно было, что тетушка Ох его вконец запутала.

— Понял, — неуверенно протянул он. — Только пропади все пропадом, как же я узнаю: правильно я зажмурился или нет?

— Уж так и быть, научу тебя, голубчик, — вздохнула тетушка Ох. — Ну-ка, давай зажмурься, а я посмотрю.

Рыжий Нос старательно зажмурился.

— Нет, это никуда не годится, — решительно сказала тетушка Ох. — Уж постарайся, голубчик, зажмурься покрепче.

— Ну а так? — жалобно спросил Рыжий Нос. От усилия лицо его сморщилось, как грецкий орех.

— Получше, так уже получше, — снисходитель-

но похвалила его тетушка Ох. — Еще немножко, и будет в самый раз.

Рыжий Нос зажмурился изо всех сил. Он даже присел на корточки и заткнул глаза кулаками, как пробками.

— Вот это уж ты зажмурился по всем правилам. Ах ты умница, золотая головка! — сказала тетушка Ох, приоткрывая тем временем полукруглую дверь в дворцовой стене и делая знак волшебнику Алеше. Тот на цыпочках, неслышно проскользнул мимо стражника и исчез за дверью.

— Ох! Теперь можешь открыть глаза, голубчик, — с облегчением проговорила тетушка Ох. — Сказать по чести, славно ты зажмурился на этот раз. Уж теперь, если ты увидишь мышь в золотой короне, ни за что не ошибешься: видишь ты мышь в золотой короне или нет. Ну да прощай, дружок. Еще бы с тобой поговорила, да недосуг мне.

Тетушка Ох закрыла за собой дверь.

Она повела волшебника Алешу куда-то в темноту. Каменные своды нависали здесь так низко, что волшебнику Алеше то и дело приходилось нагибаться и придерживать шляпу.

Вдруг из-под неровных плит пола приглушенно, словно сквозь толщу воды, до них донесся стон

такой невыносимо тоскливый, что у волшебника Алеши кровь заледенела в жилах.

— Кто это так ужасно стонет, тетушка Ох? — Волшебник Алеша остановился и схватил тетушку Ох за руку.

— Тс-с! — испуганно оглянулась по сторонам тетушка Ох. — Одни зовут его Человек-улыбка, другие Человек-ключ… Толком никто ничего о нем не знает. Да и говорить об этом запрещено под страхом смерти.

Они поднимались и опускались по узким лестницам, шли крытыми галереями.

Послышался чей-то негромкий надтреснутый голос.

Навстречу им понурив голову, ничего не замечая вокруг, шел старый человек с лицом, измятым временем.

На голове старика был нелепый пестрый колпак, на плечах — плащ из разноцветных лоскутьев.

— Это старый актер. Когда-то он… — прошептала тетушка Ох.

— Можно ли быть несчастней? — безжизненным голосом бормотал старик. — Актер… Нет, я не актер, я только жалкий фигляр. Я могу играть лишь мрак и безумие. Что я могу дать людям?

Ни света, ни надежды. Ветер, бездушный и безжалостный, закружи, унеси мою ненужную жизнь…

Старый актер прошел мимо.

Вдруг стены дворца сотрясла внезапная дрожь. Там, снаружи, гремя, пронесся порыв ветра.

Звук этот безжалостно нарастал, становясь оглушительным. Собачий лай смешался с воем, звоном и визгом.

Тетушка Ох согнулась, заткнув уши.

— Ох, не иначе это сама королева Ветреница! — простонала тетушка Ох.

Волшебник Алеша бросился к окну.

В воздухе беспорядочно кружились взвихренные снежинки. Пролетел сорванный с чьей-то крыши железный флюгер-петушок. Ветер швырнул его о камень башни, расплющил, и петушок, скрежеща крыльями, соскользнул вниз.

Волшебник Алеша увидел что-то сквозное, словно дым, летящее между снежинок. Он разглядел длинные прозрачные волосы, прекрасное лицо, надменно запрокинутое вверх, чуть светящуюся корону.

На миг королеву заслонила свора прозрачных гончих. Собаки мчались, устало высунув языки, — видно, им было нелегко поспевать за

королевой.

Но вот они отстали, и волшебник Алеша снова увидел королеву Ветреницу. Она летела, опершись локтем о голову косматого ветра, капризно и быстро перебирая облачные кружева на груди. Маленькие пажи-вихри несли ее невесомый шлейф. Туфелька соскочила с ее ноги и летела рядом. Не останавливая своего полета, маленький паж нагнулся, подхватил туфельку и надел ее на ногу своей госпожи.

Все это длилось одно мгновение. Стихли безумный вой и лай собак. Королева исчезла.

— Девочка, моя маленькая… Бедная, бедная… — с горьким отчаянием прошептала тетушка Ох.

Волшебник Алеша догадался, что в этот миг она подумала о Глазастике.

— Дорогая тетушка Ох, — сказал волшебник Алеша. — Я вам очень признателен. Я во дворце, и это самое главное. А вам надо поспешить домой, к Глазастику. Нельзя оставлять девочку так долго одну в такой ветреный день.

Тетушка Ох с сомнением посмотрела на волшебника Алешу.

— Вы можете совершенно обо мне не беспокоиться, — поспешил успокоить ее волшебник Алеша. — Уверяю вас, все будет просто прекрасно,

поверьте. Я тут огляжусь не спеша. У меня целая тысяча планов.

Это все была чистейшая ложь. На самом деле волшебник Алеша совершенно не знал, что ему делать, мысли его разбегались.

— Ох, голубчик, боязно мне оставлять тебя тут одного, да ведь и за Глазастика вся душа изболелась. — Тетушка Ох озабоченно покачала головой. — Главное — запомни хорошенько: как дойдешь до конца этой галереи — сверни налево. Боже тебя упаси свернуть направо: попадешь в зеркальный зал. Там стены, потолок — все зеркальное. Ни за что не выбраться тебе оттуда. Без привычки никто не найдет там дверей.

— Хорошо, хорошо, тетушка Ох. — Волшебник Алеша ободряюще похлопал ее по руке. — Уж не такой я бестолковый. Я отлично запомнил: надо дойти до конца галереи и повернуть налево. Верно?

Тетушка Ох глубоко вздохнула. Она махнула рукой и начала спускаться по лестнице, придерживая юбки и сокрушенно качая головой.

Волшебник Алеша остался один.

«Будем надеяться, что все постепенно разъяснится, — сам себе сказал волшебник Алеша. — Хотя надеяться пока что особенно не на что и

ясности тоже никакой нет. Однако обдумаем положение вещей. Я во дворце — это бесспорно. И скорее всего, именно где-то здесь король прячет отобранные улыбки. Значит, я должен узнать, где он их прячет. Ах, если бы только это! Где вообще можно спрятать улыбку и как? Да и что такое «улыбка»? Звук, движение, знак?»

Рассуждая таким образом, волшебник Алеша дошел до конца галереи и, совсем забыв, о чем ему только что говорила тетушка Ох, свернул направо.

С насмешливым звоном захлопнулась за ним дверь, блеск зеркал ослепил его. Волшебник Алеша очутился в зеркальном зале.

«Опять моя злосчастная рассеянность, — в смятении оглядываясь по сторонам, подумал волшебник Алеша. — Я, конечно, свернул не туда, куда надо. Попасться таким глупым образом!»

Волшебник Алеша увидел дверь в противоположном конце зала. Он поспешил туда, но с разочарованием убедился, что дверь эта была лишь только отражением двери.

«Может быть, вернуться назад?» — с беспокойством подумал волшебник Алеша.

Он бросился назад и снова наткнулся на гладкое прохладное зеркало.

Всюду отражались двери, бесчисленное количество дверей, но определить, какая из них настоящая, было совершенно невозможно.

Из всех зеркал на волшебника Алешу смотрел человек с растерянным лицом, в сером плаще и шляпе с длинным павлиньим пером.

Где-то пропела и захлопнулась дверь.

Волшебник Алеша увидел в зеркалах, что человек в сером плаще и черной шляпе вдруг пошатнулся и схватился руками за голову.

«Невероятно! — подумал волшебник Алеша. — Неужели это я? Неужели зеркала так исказили мое лицо? Но если это я, то почему я схватился за голову? Я и не думал этого делать. Ах, это вовсе не я! Как странно! Кажется, это тот самый незнакомец, который столь загадочным образом появился у меня на кухне вчера утром. Но, пожалуй, сейчас совсем не подходящий момент, чтобы вернуть ему шляпу».

Два одинаково одетых человека беспорядочно кружили по залу. Таинственный незнакомец изо всех сил старался настичь волшебника Алешу, в то время как волшебник Алеша всячески старался ускользнуть от него.

«Сейчас он кликнет стражу, и все пропало! — пронеслось в голове у волшебника Алеши. — Если

бы я только мог найти дверь...»

В этот момент волшебник Алеша почувствовал, как кончик павлиньего пера легко, чуть ощутимо коснулся его щеки. Волшебник Алеша увидел, что сине-зеленый глаз на кончике пера пристально глядит на узкую дверь в зеркальной стене.

Волшебник Алеша, замирая, протянул руку. Какое счастье, эта дверь не была отражением!

Волшебник Алеша распахнул дверь и выбежал из зеркального зала. В последний момент он увидел в сверкающих зеркалах, как человек в сером бархатном плаще и шляпе с павлиньим пером в отчаянии протянул ему вслед длинные руки.

Волшебник Алеша почти бегом миновал еще несколько комнат, слыша за собой тихие плывущие шаги. Он скользнул за тяжелую занавеску и там затаился.

Человек в сером бархатном плаще, нервно оглядываясь, быстро прошел мимо.

Волшебник Алеша, стараясь утихомирить бьющееся сердце, выглянул из-за портьеры.

Он был один в пустом зале. Ему сразу бросилась в глаза тяжелая дверь из темного дуба, по углам окованная медью.

«Странная дверь! Интересно, что за этой дверью? — подумал волшебник Алеша, подходя

ближе. — Нет дверной ручки — в таком случае как же она открывается? Однако нет и замочной скважины — тогда как же она запирается, хотел бы я знать? Похоже, что в этом дворце столько же тайн, сколько муравьев в муравейнике».

Волшебник Алеша приналег на дверь плечом — дверь не поддавалась.

Послышался писк, еле слышные голоса, не громче шелеста бумаги, когда листаешь страницы книги. Волшебник Алеша замер, прижавшись к двери.

Из угла выбежали две мышки. Суетливо заторопились куда-то, держась поближе к стене.

— Ее величество сегодня опять встали не с той лапки! — озабоченно пропищала одна мышка.

— Королева жалуется, что ей смертельно скучно сидеть в норке. «Ах, говорит, никакого разнообразия!» — пропищала вторая.

— Что же делать? — взволнованно пискнула первая мышка. — Королева больше не желает кататься в карете из яичной скорлупки!

— Она больше не хочет танцевать при свете чудесных вкусных сальных свечек! — добавила вторая.

Мышки скрылись в незаметной норке.

«Подумать только, мышиная королева умирает

со скуки, — подумал волшебник Алеша. — Забавно!»

И волшебник Алеша невольно улыбнулся.

Что это? Загадочная дверь негромко заскрипела и сама собой медленно отворилась.

Волшебник Алеша застыл на месте потрясенный, боясь поверить своим догадкам. Это было слишком невероятно. Он улыбнулся, и дверь отворилась. Улыбка — ключ! Значит, эта дверь открывается улыбкой!

«Какая, однако, дьявольская хитрость! Да, король может быть спокоен: никто из придворных не в силах открыть эту дверь. Но как же в таком случае ее открывает сам король? «Человек-ключ… Еще его называют Человек-улыбка…» — припомнились волшебнику Алеше слова тетушки Ох. — Неужели этот страдалец, брошенный в подземелье…»

Почти не отдавая себе отчета в том, что он делает, волшебник Алеша перешагнул порог, и тяжелая дубовая дверь тотчас за ним затворилась.

Глава девятая
Старый пегаш. И главное: маленький Вихрик

— Что же теперь будет с джинном? — Катя от огорчения чуть не плакала. — Вдруг они откроют термос? Ведь пропадет, пропадет джинн! Да он просто умрет со страху, очутившись во дворце.

— Может, они вовсе и не откроют термос. Зачем он им? — пробовала утешить ее Глазастик. Но голос ее звучал не очень уверенно. — Ну, улыбнись. Мне так нравится, когда ты улыбаешься. Улыбаешься…

Но Катя не могла улыбнуться.

— И Ниточку они увезли, — печально сказала Глазастик. — Вдруг король захочет жениться на Ниточке? Она такая красивая. Но ведь она любит Трота.

— Кто это Трот? — спросила Катя.

— Жених Ниточки. Он очень хороший. Он замочных дел мастер.

— Как это замочных дел мастер?

— О!.. — Глазастик посмотрела через голову Кати куда-то далеко. Взгляд ее затуманился. —

Трот… Ты не знаешь! Трот придумывал такие замки, которые никто не мог открыть. А какие он мастерил ключи! Ты только подумай, один раз Трот сделал ключ из зеленого стекла. Он был похож на русалку. Им можно было открыть все подводные гроты на самом дне моря, глубоко-глубоко. А однажды я уснула и увидела во сне ключ. Серебристый, как лунный свет. Ну я взяла и рассказала об этом Троту. Трот сказал: «Вот увидишь, Глазастик, я сделаю такой ключ. И крепко-накрепко запру твои сны. Отныне никто не сможет в них проникнуть и отнять улыбку, которая тебе снится». Правда, правда! Трот сделал много таких ключей из лунного света и ночной росы. Все соседи приходили к нему, и он всем дарил лунные ключи. Люди улыбались во сне и уже не были такими грустными. Но король прознал про это и приказал сборщикам улыбок отнять наши чудесные лунные ключи. Отнять… И вот прошло совсем немного времени — и Трот исчез. С тех пор мы ничего о нем не знаем. И если у Ниточки утром волосы не так сияют, я знаю, ночью она плакала. Плакала…

Откуда-то издалека прилетели печальные звуки скрипки.

— Слышишь? — Глазастик чутко повернула

голову. — Это грустный скрипач. Он стал такой легкий, что давно уже летает над городом.

За окном послышался тревожный, предупреждающий свист.

Кто-то прозрачный, еле различимый, на мгновение приник к окну. Катя успела разглядеть волосы, взметнувшиеся, как бесцветные языки пламени, круглые глаза, вздернутый нос. Над носом плавали веснушки, словно горсть бисера.

— Это Вихрик! — Глазастик беспомощно оглянулась на Катю. — Неужели прилетел большой ветер? Уже? Скорее, скорее запереть дверь. Запереть дверь…

Но было поздно. Дверь широко распахнулась, гулко стукнув о стену, будто вошел кто-то наглый и властный.

— Это он… ветер! — Глазастик вся сжалась, обхватив Катю руками.

Ветер вмиг выдул из дома все тепло. Косяком влетели снежинки, покатились по полу.

Катя, задыхаясь от ветра, обняла Глазастика. Сзади в спину Кате всеми когтями вцепился кот Васька.

Ветер неумолимо потащил Глазастика к порогу. Глазастик застонала. Катя увидела ее закрытые глаза, бледное, словно неживое лицо.

И вдруг все стихло. За окном зазвенели, рассыпаясь, ледяные хрупкие столбы.

— Я еще… тут? Еще тут? — Глазастик приоткрыла глаза. «Нет, нельзя вот так просто сидеть и ждать, — в отчаянии подумала Катя. — Надо дядю Алешу найти, сказать, чтоб он поскорее…»

— Если бы я еще следов не оставляла. — Катя закусила губу.

Глазастик посмотрела на нее:

— А не боишься? Там во дворце столько стражников.

— Да пойми ты, мы с дядей Алешей вдвоем… Все-таки вдвоем легче.

— Не вдвоем, а втроем! — возмущенно воскликнул кот Васька. — И я с тобой. Я тут не останусь ни за какие сливки!

Глазастик стояла посреди комнаты, бессильно опустив руки. Лицо ее стало совсем бледным, почти голубым. А плечи такие узенькие…

— Если ты уйдешь, я, наверно, улечу, — негромко проговорила Глазастик. — А может быть, это и лучше. Пусть уж скорее. Ведь все равно…

— Нет, не все равно. — Катя стиснула кулаки. — Глупая, плохая, как ты могла такое подумать? Неужели я тебя тут брошу одну! Нам бы только дядю Алешу разыскать. Но я проваливаюсь в снег.

Глазастик всплеснула тонкими руками.

— Пегаш! Наша старая грустная лошадь. Он не оставляет следов. Мы доедем на нем до дворца.

— Видишь, как ты все хорошо придумала, — стараясь казаться веселой, сказала Катя. — А он не лягается?

— Ой, что ты!

Пегаш оказался старым конем с гривой цвета осенней палой листвы. Он понуро и равнодушно ждал, пока Катя неумело вскарабкается ему на спину. Глазастик уселась позади. Катя почувствовала на своей щеке ее слабое, частое дыхание.

Катя одной рукой держала поводья, другой прижимала к себе кота Ваську.

Пегаш неспешно трусил по улице.

— Видела бы моя Мурка, как я славно езжу верхом, — подбадривал себя кот Васька. — Настоящий кот-ковбой! А чем это пахнет так непривычно? Хотя, извините, чем может пахнуть от лошади, если не лошадью. Логично? Логично! Просто до сих пор я видел только нарисованных лошадей. А нарисованные лошади не пахнут.

Голова у Кати слегка кружилась. Катя глядела прямо вперед на дорогу. Раз только она оглянулась и увидела: Пегаш бежал по улице, не оставляя следов.

— Слышишь? — прохладно шепнула ей на ухо Глазастик.

Печальная и мягкая, как лунный свет, мелодия плыла над городом. И крупные розы-снежинки, казалось, позванивали в такт, подхватив эту мелодию, как бесконечный голубой оркестр.

Мимолетная тень пробежала по лицу Кати. Девочка подняла голову.

Над улицей летел человек и играл на скрипке. И если он смычком касался воздуха — даже воздух пел под его смычком. Скрипач был еще совсем молодой, а волосы — как серебряный дождь. Он смотрел куда-то далеко, поверх острых крыш, страдальчески хмуря брови.

Длинный кусок тончайшего кружева, привязанный к его руке, мерцая, летел за ним и исчезал в путанице падающих снежинок.

— Видишь кружево? — спросила Глазастик. — Это Кружевница Миэль… Мне тетушка Ох рассказывала, Миэль часто сидела у окна и, подперев щеку кулачком, все смотрела, смотрела, как падают снежинки. Однажды она задумалась так глубоко, что забыла затворить окно, и ветер унес ее. Она так и летела над городом, подперев щеку кулачком. А скрипач играл на скрипке у нее под окном. В руке у Миэль был моток тонких кружев.

Скрипач успел ухватить его за конец, когда она улетала. Но моток все разматывался, разматывался, и наконец Миэль отпустила его… Отпустила…

— Как грустно! — У Кати слезы навернулись на глаза. — Тут у вас и вправду разучишься улыбаться.

— Нет, нет, не разучивайся! Пожалуйста, не надо! — в испуге воскликнула Глазастик. — Когда ты улыбаешься, я не знаю, но мне становится теплее. Теплее…

«Наверно, музыка не дает скрипачу улететь от земли, — подумала Катя. — Такая красивая! Она не отпускает его».

Снежинки все падали и падали, и звуки скрипки затерялись за их однообразным звоном.

«А туда ли мы едем?» — хотела спросить Катя.

И тут она увидела высокие башни, островерхую крышу, такую крутую, что снег сполз с нее, открыв влажную потемневшую черепицу.

Катя сразу узнала королевский дворец. Таким он был на рисунке Васи Вертушинкина.

Но теперь дворец мрачной сырой громадой нависал над Катей, тяжелый и недобрый, словно говоря ей, какая она маленькая и беспомощная.

Девочки слезли с лошади. Кот Васька совсем притих, примолк на руках у Кати.

— Пегаш, хорошая моя лошадка, домой, домой, — негромко приказала Глазастик.

Девочки пошли вдоль витой чугунной ограды. Вдруг Катя схватила Глазастика за руку.

У ворот они увидели рыжего стражника с алебардой. Стражник стоял, вяло привалившись к воротам, и тихо бормотал себе под нос:

— Значит, если я увижу мышь в золотой короне, теперь уж не ошибусь: вправду я вижу мышь в золотой короне или мне только мерещится мышь в золотой короне…

Девочки попятились за угол, присели на корточки.

— Злющий, сразу видно, — хмуро сказала Катя. — Такой не пропустит.

— Не пропустит, — упавшим голосом повторила Глазастик. — Все равно…

— А ты уже сразу свое любимое «все равно». Вот заладила, — огорчилась Катя. — Может быть, мы еще что-нибудь придумаем!

— Придумаем! Придумаем! — послышался озорной голос. И быстрый вихрь закружился вокруг девочек. Стоило ему чуть-чуть замедлить движение, и Катя разглядела круглую мордашку, руки с растопыренными пальцами и блестящие глаза.

— Это — Вихрик! Он хороший, теплый. Познакомься! — сказала Глазастик.

— Я теплый, теплый, теплый! — послышалось сразу со всех сторон.

— Здравствуй! — неуверенно сказала Катя, вертя головой, потому что Вихрик был как-то сразу и справа, и слева, и над ней.

— Я знаю, она не хочет дружить со мной, потому что я прозрачный! — с обидой просвистел Вихрик и остановился на мгновение. Катя успела увидеть, как углы его рта горько опустились.

— Неправда. Я с тобой дружу. — Глазастик протянула руку, и на короткий миг ей на ладонь опустилась прозрачная рука с растопыренными пальцами.

Но тут же Вихрик снова закружился, свившись в кольцо. Он сдул со лба Кати челку, сунул руку за воротник ее пальтишка. Руки Вихрика были неуловимо быстрые. Катя даже не была уверена, что у него только две руки.

Мелькнуло лицо Вихрика все в веснушках. Эти веснушки так и плясали у него на носу и на щеках.

— А ну-ка, посмотри получше, что это? Что это? — Вихрик потянул Катю за шарф. — Не отгадаешь!

— Разве не веснушки? — сказала Катя.

— Может, и веснушки! Может, и веснушки! — просвистел Вихрик. — А может, просто горсть песка. Просто горсть песка, которую я кручу-верчу у себя на носу, чтобы больше походить на мальчишку! — И добавил застенчиво: — Это я чтобы понравиться Глазастику, чтобы она со мной дружила, дружила, дружила!

— А я и вправду с тобой дружу, — серьезно сказала Глазастик.

Вихрик радостно взмыл кверху и тут же снова вернулся.

— Вы что-то говорили, но я забыл, забыл, забыл! — просвистел Вихрик, и голос его вдруг зазвенел печалью. — Я все так быстро забываю. Все вылетает у меня из головы!

— Мы не знаем, как нам пройти мимо стражника. Может, ты нам поможешь, Вихрик? — попросила Катя.

— Пусть Глазастик скажет: «Вихрик, помоги, помоги, помоги!» — С этими словами Вихрик кольцом завертелся вокруг Глазастика. Дунул ей в лицо.

— Помоги, пожалуйста, — кашляя, сказала Глазастик. — Ну какой ты! Зачем в лицо дуешь?

— Я умею, умею, умею, — послышалось сразу со

всех сторон. — Я умею говорить на разные голоса, на всякие голоса!

Вихрик рванулся с места и вмиг очутился возле ворот.

— Рыжий Нос, Рыжий Нос! — послышался неизвестно откуда визгливый женский голос.

— Турнепс, милая, это ты? — радостно вскинул голову Рыжий Нос, оглядываясь по сторонам.

— Это я, я, я, твоя Турнепс, — продолжал все тот же визгливый голос. — Я принесла твои любимые пирожки с грибами, с грибами, с грибами!

— Мои любимые пирожки, — растроганно повторил Рыжий Нос. — А где мои пирожки? То есть я хочу сказать, где ты, моя милая Турнепс?

— Я тут, тут, тут. — Теперь визгливый голос доносился откуда-то издалека. — Я жду тебя за углом, за углом, за углом. Пирожки еще тепленькие, тепленькие!

— Тепленькие! — умилился Рыжий Нос. Прислонив к воротам алебарду, он заспешил вдоль дворцовой стены и скрылся за углом. Оттуда послышался свист, похожий на смех, и разочарованный голос Рыжего Носа:

— Турнепс, милая, где же ты?

Девочки не стали медлить. Схватившись за руки, они проскользнули в ворота.

— Спасибо! — шепнула Глазастик.

— Спасибо, спасибо, спасибо! Глазастик сказала мне «спасибо»! — ликуя, прозвенели взлетевшие кверху снежинки. Катя еще успела заметить, как их подбрасывают сквозные, прозрачные руки Вихрика.

Глава десятая
История одного «нет!». И главное: снова термос волшебника Алеши

Голубой свет падал в узкие окна дворца и рисовал на гладком паркете голубые окна, только еще более вытянутые.

Король от нетерпения не мог усидеть на троне. Он вздрагивал, кутался в горностаевую мантию и нервно щипал кружева на манжетах.

— Сделано ли все, как я приказал? — в который раз спросил король.

— Щели замазаны, замочные скважины заткнуты, — изгибаясь и кланяясь, сказал Главный Королевский Обхитритель. Он был такой длинный и гибкий, что, когда кланялся, казалось, он завязывается узлом. — Во дворце ни одного ветра, ветерка или даже невинного сквозячка. Проникнуть во дворец нельзя, подслушать невозможно. На всякий случай у каждой двери поставлены хитроумные капканы и ловушки для ветра. Если какой-нибудь ветер и проберется — угодит в капкан.

— Давно пора вить из ветра веревки и кана-

ты, — заметил барон Нибумбум, наивно мигая голубыми глазами. — А из тех ветров, что покрепче, — ковать якорные цепи.

— Она здесь! Она прибыла! Она поднимается по лестнице! — зашелестели придворные.

— Не слишком ли тихо она ступает? Я что-то не слышу ее шагов, — взволнованно проговорил король. — Я не хотел бы, чтобы она оказалась слишком легкой. Королева должна кое-что весить. Ах нет! Вот ее прелестные шаги: топ-топ-топ!

Двери распахнулись. Придворные вытянули шеи, дамы привстали на цыпочки.

Наоборот Первый и Наоборот Второй ввели в зал слегка упирающуюся Ниточку.

Ниточка вошла и остановилась посреди зала.

От ее сияющих волос по стенам побежали золотые искры. Померк голубой свет, падавший в окна. Все озарилось теплым блеском, словно в зал внесли сразу множество зажженных свечей.

— Она, несомненно!.. — воскликнул король и умолк, разглядывая Ниточку.

Придворные в растерянности переглянулись. Что имел в виду их повелитель? Это нищее платье, пальчики, исколотые иглой. Грубые башмаки, похожие на ореховые скорлупки.

Но с другой стороны — милое испуганное лицо,

голубые глаза и золотые волосы!

Молчание тяжело повисло в воздухе. Все головы невольно повернулись к Главному Сборщику Улыбок. Обычно он раньше всех догадывался, что, собственно, имел в виду его величество король.

Но на этот раз Главный Сборщик Улыбок витал мыслями где-то далеко.

И неудивительно. Дело в том, что, проходя через зеркальный зал, Главный Сборщик Улыбок увидел не кого-нибудь… а самого себя. Что это был он сам, и никто другой, сомневаться не приходилось. Сборщик Улыбок узнал свою шляпу с павлиньим пером и свой плащ, вышитый по краю узором из золотых снежинок.

Главный Сборщик Улыбок хотел было окликнуть, но, позвольте, кого, кого окликнуть? Самого себя? К тому же как это сделать? Крикнуть самому себе вдогонку: «Мой дорогой Я, погоди! Я догоню тебя, вернее, себя!»

Все это была какая-то бессмыслица. Главный Сборщик Улыбок терялся в догадках.

— Ну! — нетерпеливо проговорил король.

Наоборот Первый решился наконец прервать мучительное молчание.

— Ваше величество, я предполагаю, что в ней, несомненно, есть то, что вы в ней находите, —

осторожно заметил Наоборот Первый.

— Наоборот! — с возмущением возразил Наоборот Второй. — Его величество предполагает найти в ней именно то, что в ней, несомненно, есть!

Тут оба они обескураженно умолкли, сообразив, что говорят одно и то же и к тому же совершеннейшую чепуху.

— Мила! — растроганно сказал король, рассеяв этим все сомнения.

— Очаровательна! — воскликнул Подтыкатель Королевского Одеяла. Это был очень влиятельный человек при дворе. Никто лучше его не умел подтыкать одеяло со всех сторон, чтобы ниоткуда не дуло.

— Прелестна!

— Бесподобна!

— Эта гибкость белочки!

— Хрупкость снежинки!

— А глаза! Какие они голубые!

— А золотые волосы!

Король с видом собственника обошел вокруг Ниточки.

— Я научу ее природному изяществу и врожденной изысканности, — самодовольно заявил король. — И тогда она станет само совершен-

ство!

Вокруг Ниточки тут же поднялась какая-то невообразимая суматоха.

Кто-то обмерил ее талию, шепча: «Сто метров тончайших кружев на оборки, не меньше». Кто-то просил ее вытянуть ножку, чтобы снять мерку: «Какая крошечная ножка. Туфельки из белого атласа…»

Ниточка с ужасом увидела здоровенную дыру у себя на пятке. А ведь вчера только штопала чулок.

На палец словно само собой скользнуло кольцо с тяжелым сверкающим камнем.

У Ниточки закружилась голова.

— Скажите его величеству, что вы счастливы! Что вы благодарны, что вы вне себя от восторга, — шептал ей на ухо чей-то вкрадчивый голос. — Но пока это все должно храниться в глубочайшей тайне. Пока королева Ветреница наша невеста. Ну, поклонитесь же, прелестное дитя. Король делает вам предложение руки и сердца. Хотя пока втайне, втайне, втайне…

Слова отдавались звоном в ушах Ниточки.

«Только бы не хлопнуться в обморок, — подумала она. — Так вот он каков, наш король. Востренький нос, и весь закутан, как будто озяб.

А говорят, он жесток и коварен».

Все отступили от нее.

Ниточка стояла как маленькое чудо, одна посреди зала. Она была похожа на лодочку под золотым парусом, плывущую по зеркальной воде.

Все молча глядели на нее, ожидая чего-то.

Сердце повернулось у Ниточки в груди. Она вдохнула побольше воздуха.

— Нет! — громко сказала Ниточка.

— Нет! Нет! Нет! — кругло запрыгало по паркету, затихая.

— Не хочу. Лучше улететь, — шепотом добавила Ниточка и зажмурилась.

Молчание нависло над ней и вдруг рухнуло, разбившись на множество злобных голосов:

— Скверная девчонка!

— Какая невоспитанность!

— Как она посмела сказать «Нет»!

— Маленькая дрянь!

— Надо запереть ее, пусть одумается!

— Раскается!

— Поймет, какая честь оказана ей!

— Запереть ее!

Ниточку куда-то повели. Она так и шла, не открывая глаз. На пороге она споткнулась, чуть не упала.

«Вот я и сказала единственное, что могла сказать, — подумала Ниточка. — Страшно было, а потом уже ничего. Что я могла сказать другое? Правда, Трот?»

В одной из галерей Ниточку увидел стражник Рыжий Нос. Стражник шел, прищелкивая языком от удовольствия. Он только что побывал на кухне, у своей невесты — королевской поварихи Турнепс. Она угостила его пирожками. Рыжий Нос съел целое блюдо пирожков с грибами и пришел в отличнейшее настроение. Он даже забыл странное происшествие у дворцовых ворот.

Рыжий Нос проводил взглядом тоненькую фигурку в облаке золотых волос.

— Эта скоро улетит, — самодовольно решил Рыжий Нос. — Такие как раз и улетают. То ли дело моя милая Турнепс. Она такая крепкая и тяжелая. Ходят слухи, что королю нравятся ее пирожки с грибами. Значит, когда мы поженимся, я буду есть королевские пирожки. Ведь королевские пирожки будет печь моя жена. Или, вернее, король будет есть мои пирожки. Ведь это моя жена будет печь королевские пирожки. Так или иначе, провалиться мне сквозь землю, если при помощи пирожков с грибами я не породнюсь с самим королем.

«Я должен был непременно догнать самого себя, — рассуждал между тем Главный Сборщик Улыбок. — Пригласить себя попросту, без церемоний, дружески отобедать у меня. Впрочем, пригласить самого себя к себе на обед, возможно ли это?»

Он даже не услышал, что Ниточка сказала королю «Нет!».

Как только Ниточку вывели из зала, золотой свет в зеркалах померк, резные рамы картин словно покрылись морщинами, все потускнело. Серые сумерки вышли из углов.

Король зябко поежился. Достаточно было этого слабого движения плечами, как к королю подскочил Подтыкатель Королевского Одеяла.

— Не пора ли в постельку, ваше величество? Пригреться под одеялом? Преуютненько свернуться калачиком? — сладчайшим голосом предложил Подтыкатель Одеяла.

Но король с досадой отмахнулся от него.

— Ужасный день! — простонал король. — Меня совсем расстроила эта глупая красавица с золотыми волосами. Отказать королю! Как она посмела? Ну, что ты скажешь? — слезливым голосом обратился он к Главному Сборщику Улыбок.

Главный Сборщик Улыбок вздрогнул, потер

лоб, словно отгоняя путаные мысли.

— Ничего не понимаю, ваше величество… — невнятно пробормотал он.

Придворные в растерянности переминались с ноги на ногу, перешептывались, не зная, чем развлечь своего повелителя.

— Ваше величество, соизвольте взглянуть, какой забавный сосуд! Это я его разыскал, — нежно проворковал Наоборот Первый и выхватил из рук Наоборот Второго голубой термос волшебника Алеши.

— Наоборот! Я первый увидел этот необыкновенный сосуд! — злобно возразил Наоборот Второй, отнимая голубой термос у Наоборот Первого.

— Ах! Что вы пристаете с какими-то пустяками! Меня сейчас ничто не интересует. — Король вяло махнул рукой. — Какой ужасный день! Золотые волосы… К тому же я уверен, что в этом сосуде ничего нет. В такой день, ничуть не сомневаюсь, он, конечно, окажется пустым. О, как я разочарован!

— Уверяю вас, он пуст, потому что в нем ничего нет! — подобострастно подхватил Наоборот Первый.

— Наоборот! В нем ничего нет, потому что он пуст! — тут же откликнулся Наоборот Второй.

Тут незадачливые братцы, сообразив, что опять говорят одно и то же, зашипели друг на друга, как два драчливых кота.

— Его надо просто выкинуть! — заключили они вместе.

Главный Сборщик Улыбок немного пришел в себя. Стряхнув рассеянность, он взглянул на голубой термос. Нахмурился, взял термос в руки, оглядел его со всех сторон:

— Что-то знакомое… Мне кажется, я его уже видел однажды, но где? А-а! Припоминаю, припоминаю!

Комната, книги, улыбка волшебника, которую я не смог отнять. Так вот он откуда! Нет, совершенно необходимо открыть этот сосуд и выяснить, что в нем!

Главный Сборщик Улыбок не сразу догадался, как отвинтить круглую крышку. Зато вытянуть пробку не составило никакого труда.

И тут… нет слов, чтобы описать, что произошло в следующее мгновение.

Задрожали стены. Клубы дыма, разрастаясь, достигли потолка. С сухим треском посыпались горячие искры. Они ударялись о прохладные мраморные колонны и с шипением гасли. Эхо подхватило грохот и гул.

И, выпрямившись во весь свой гигантский рост, посреди зала возник джинн.

Король издал губами жалобный скрип и забрался на трон с ногами.

Придворные сбились в кучу. Главный Сборщик Улыбок побледнел как смерть, с трудом удерживая термос в трясущихся руках.

Но и джинн, казалось, был испуган не меньше. Блуждающим диким взором он оглядел все вокруг. Лицо его позеленело от страха, колени застучали друг о друга, издавая при этом медный звон. И вдруг с протяжным и отчаянным воплем джинн рухнул на мраморные ступени перед троном. Все словно окаменели. Джинн боялся поднять голову, придворные не решались пошевелиться.

Беспечная муха, наискосок перелетев зал, покружилась над королем, удивляясь наступившей тишине.

Главный Сборщик Улыбок проследил взглядом за этим будничным полетом и немного пришел в себя.

— Этот огромный… Он… он боится, — с трудом собравшись с силами, прошептал Главный Сборщик Улыбок на ухо королю.

Но король ничего не слышал и не понимал.

— Ваше величество, да он вас боится, вы только взгляните, — снова повторил Главный Сборщик Улыбок.

— А? — выдохнул король и одним глазом посмотрел на джинна.

Увидев раболепную позу, дрожь, сотрясающую могучие плечи, король чуть приободрился. В этом было что-то привычное.

— Кто ты и откуда? — дрожащим голосом спросил король.

— Твой ничтожный раб, о мой повелитель! — заголосил джинн. — Позволь мне служить тебе, исполнять малейшие твои желания. Не приказывай ввергнуть меня в такую бездну, откуда и джинну нет возврата!

И джинн, всем своим видом изъявляя полную покорность, прижался щекой к ноге короля.

— Как ты проник в мое королевство? — спросил король. Голос его немного окреп.

— Это все он, он! — жалобно простонал джинн. — Я не виноват! Я не хотел! Я его умолял, заклинал: «Не надо, говорю, туда. В гости нас не звали, не приглашали. Даже как-то совестно». Клянусь любимым термосом, я попал сюда по ошибке, я из другой сказки. Это все он, он!

Джинн снизу вверх по-собачьи посмотрел на

короля.

«Кто этот загадочный «он»? — пронеслось в голове у Главного Сборщика Улыбок. — Неужели мой плащ и моя шляпа?»

— Кто «он»? Я желаю знать! — Король уже с важностью выпрямился на троне.

Глаза джинна беспокойно забегали по сторонам. Видно было, что он колеблется, его терзают сомнения. Ему не хотелось говорить, но он не осмеливался и молчать.

— Ну! — топнул ногой король.

— Волшебник Алеша… — убитым голосом еле слышно проговорил джинн.

Он виновато опустил голову, закрыл лицо руками и застыл на полу.

Глава одиннадцатая
Неоконченный разговор. И главное: таинственный сундук

Как вы помните, друзья мои, волшебник Алеша улыбнулся, и тяжелая дубовая дверь сама собой отворилась.

Волшебник Алеша очутился в небольшой комнате.

Голубоватый свет падал в узкое окно. Слабо светился круглый циферблат высоких старинных часов. Кроме старинных часов да еще тяжелого железного сундука с чеканным узором на крышке, в комнате ничего не было.

Но что это? Сундук был прикован к стене двумя массивными цепями.

— Забавный, забавный сундучок, — с удивлением пробормотал волшебник Алеша. — Вот замочная скважина. А если существует замочная скважина, то где-то наверняка имеется и ключ. Это становится интересным. Как вы считаете? О, несомненно!

И, словно подтверждая эту мысль, важно и гулко пробили старинные часы.

С первым же ударом резная дверца над циферблатом распахнулась, оттуда выглянула Кукушка, качая головой, старательно прокуковала двенадцать раз и скрылась. Захлопнулась маленькая дверца.

— Часы изумительной работы. — Волшебник Алеша рассеянно взглянул на часы. — Но, к сожалению, разгадка тайны не в них.

В тот же миг Кукушка выглянула снова. Она наклонила круглую серую головку, внимательно оглядела волшебника Алешу. Ее блестящие круглые глазки были полны жизни и любопытства.

— Ку-ку! — кокетливо сказала она.

— Ку-ку, милая пташка! — поспешно отозвался волшебник Алеша.

Оказывается, это вовсе не обычные часы. А Кукушка… неужели она живая?

— Не ку-ку! — капризно повела крылышком Кукушка и резко захлопнула дверцу своего домика.

— Однако разговор пока не ладится, — пробормотал волшебник Алеша. — А как было бы важно заставить ее разговориться.

Волшебник Алеша подошел к часам, деликатно, одним пальцем, постучал по резной дверце.

Снова выглянула Кукушка.

— Может, поговорим? Потолкуем-покукуем,

а? — ласково предложил волшебник Алеша.

— Ку-ку! Не ку-ку! — словно дразня его, насмешливо прокуковала Кукушка и скрылась.

Волшебник Алеша с досадой закусил губу. Как вам это нравится? Тон, манера точь-в-точь как у избалованного ребенка. Нет, к этой Кукушке надо найти какой-то особый подход. Может, сыграть на ее самолюбии или на доброте и отзывчивости?

Волшебник Алеша сел на пол, прислонившись спиной к сундуку, вытянул усталые ноги.

— Да, немало я повидал на своем веку часов с кукушками. Но такой Кукушки, как эта, я, признаться, не встречал ни разу, — не спеша, словно рассуждая сам с собой, начал он. Краем глаза заметил, что резная дверца чуть приоткрылась. Хитрая птица явно прислушивалась к его словам. — Грустно только, что никто и слыхом не слыхал об этой чудной Кукушке, — продолжал волшебник Алеша. — Прозябает тут в полной безвестности. Вот если бы мы подружились, я бы всем рассказал о ней. О мудрой Кукушке. О Кукушке, знающей тайны. Все бы узнали, что живет в этом королевстве поистине великая Кукушка!

— Ку-ку! — разнеженным голосом отозвалась Кукушка и приоткрыла дверцу.

«Кажется, я нашел верный тон, — обрадовался

волшебник Алеша. — Видимо, она стосковалась по теплому слову. Никто, наверно, не говорит с ней просто, по-человечески».

— Хотите помочь мне, славная милая Кукушка? — уже прямо обратился к ней волшебник Алеша.

— Ку-ку! — кивнула Кукушка.

— Тогда, в таком случае… — Волшебник Алеша встал, снял шляпу, почтительно поклонился Кукушке. — Бесценная птичка, я вас очень прошу ответить: вам известно, что спрятано в этом железном сундуке?

Волшебник Алеша замер в ожидании ответа.

— Ку-ку! — с важностью кивнула Кукушка.

— Может быть, золото? — неуверенно спросил волшебник Алеша.

— Ку-ку! — немного подумав, откликнулась Кукушка.

— А! Просто золото. — Волшебник Алеша не мог скрыть своего разочарования. — Ну да, конечно, что еще может прятать король? Естественно, золотые монеты, всякие украшения, драгоценности.

— Не ку-ку! — лукаво посмотрела на него серая птичка.

— Ах так? Значит, это золото не простое? Мо-

жет быть, оно какое-нибудь необыкновенное, волшебное?

— Ку-ку! — с гордостью подтвердила Кукушка.

«Ага, это становится интересным», — подумал волшебник Алеша.

В задумчивости он прикоснулся к узорчатой крышке сундука, качнул тяжелую цепь и вздрогнул от неожиданности. Из сундука донесся многоголосый звон, будто сотни колокольчиков негромко переговаривались друг с другом. Волшебник Алеша наклонился и жадно прислушался.

«Что это? Этот шаловливый переливчатый звон, он чем-то удивительно напоминает смех ребенка! — Волшебник Алеша снова тронул крышку сундука. — Да, да! А этот глубокий, полный нежности звон? На что он похож? Это же ласковый смех матери, когда она смотрит на свое дитя».

— Неужели, неужели?.. — дрогнувшим голосом проговорил волшебник Алеша.

— Ку-ку! — нетерпеливо воскликнула Кукушка, словно желая сказать: «Наконец-то! Какой же ты, однако, недогадливый!»

— Улыбки! — ахнул волшебник Алеша. — В этом сундуке спрятаны улыбки! Я не ошибся?

Это так?

— Ку-ку! — с довольным видом посмотрела на него Кукушка. — Ку-ку!

— Улыбки, улыбки! — подхватил чей-то беспечный летучий голос. В воздухе мелькнуло сквозное лицо, осыпанное веснушками, оттопыренные губы. Взметнулся край плаща волшебника Алеши, качнулось перо на шляпе. Воздушный голос продолжал: — А я-то все думал, что в этом дурацком сундуке? А в нем — улыбки! Я расскажу об этом своей подружке, подружке…

— Говорящий ветерок, — пробормотал волшебник Алеша. — Забавно. Чего только не встретишь в этом дворце!

Волшебник Алеша снова повернулся к высоким часам, откуда, поблескивая острыми глазками, на него смотрела Кукушка.

— Хотел бы я знать, чудесная птичка, — с трудом сдерживая дрожь в голосе, начал волшебник Алеша. — Хотел бы я знать, у кого ключ от этого сундука? Скорее всего, он у короля, не правда ли? Конечно, ключ у короля. Можно не сомневаться.

— Ку-ку не ку-ку! — загадочно покачала головой Кукушка.

— Извините, дорогая Кукушка, я что-то вас не понимаю. — Волшебник Алеша в растерянности

потер лоб. — Странно, странно. Просто невероятно. Что значит ваше «Ку-ку не ку-ку»? Вы хотите сказать: ключ у короля, а вместе с тем ключа у короля нет? Так я вас понял?

— Ку-ку! — подтвердила Кукушка, не спуская с волшебника Алеши блестящих черных глаз.

— Вот те на! — изумился волшебник Алеша. — Все-таки ключ есть или ключа нет?

— Ку-ку не ку-ку! — последовал тот же загадочный ответ.

— Как это может быть? — Волшебник Алеша от волненья с трудом устоял на ногах. — Мудрая Кукушка, простите, но я вконец запутался. Значит, ключ есть и одновременно ключа нет! Это так? Я не ошибся?

— Ку-ку! — протяжно вздохнула Кукушка, словно давая понять, что больше ей сказать нечего. С сочувствием поглядела она на волшебника Алешу.

— Ну и дела… — пробормотал волшебник Алеша. Он присел на корточки возле сундука. Ему было просто необходимо хоть немного прийти в себя. — Итак, обдумаем хорошенько, что мне, собственно, удалось узнать? Ключ у короля, и вместе с тем ключа у короля нет. Но это еще не все. Ключ одновременно существует, и вместе с

тем ключа нет. Это все просто невероятно! Загадка за загадкой, тайна за тайной.

— Вот так штука! Ключ есть, и ключа нет! — раздался над ухом волшебника Алеши все тот же порхающий летучий голос.

— Ты еще тут, болтушка ветерок — танцующие веснушки? — рассеянно проговорил волшебник Алеша. — Не до тебя мне сейчас, дружок. В другое бы время…

Волшебник Алеша встал, охнул, потер поясницу. Кукушка чуть насмешливо смотрела на него. Волшебник Алеша шагнул к часам.

— Замечательная птичка, — начал он. — Я чувствую, что несколько утомил вас, и все же… Мне так важно еще о многом расспросить вас. Для начала мне просто необходимо узнать…

Но волшебник Алеша не успел договорить.

Произошло нечто невероятное. Словно сгустившись из пустоты, перед волшебником Алешей возник джинн, огромный, могучий, в полосатой чалме.

Кукушка мигом исчезла в своем домике. Слышно было, как она изнутри задвинула засов.

— Джинн, дружище, живой и здоровый! — вне себя от радости воскликнул волшебник Алеша.

Как все сразу упростилось! С помощью джинна

он в два счета без всякого ключа откроет таинственный сундук. Видно, не выдержал джинн, проснулась в нем совесть! Все-таки, что ни говорите, свой джинн, можно сказать, родной, столько лет вместе.

— Вот что, джинн, славный мой, как я рад тебя видеть! Итак, слушай и повинуйся! Быстренько открой этот сундук. В нем спрятано самое главное, как раз именно то, ради чего мы сюда явились, — сказал волшебник Алеша с радостным облегчением. Ему даже захотелось впервые в жизни обнять джинна, расцеловать его.

Но вместо того чтобы исполнить приказание волшебника Алеши, джинн уныло покачал головой.

— Ты что? Слушай и повинуйся! — прикрикнул на него волшебник Алеша.

— Не гневайся… — смущенно вздохнул джинн, пристально разглядывая загнутые кверху носки своих туфель. — Ты теперь для меня всего лишь мой бывший повелитель. Поверь, я опечален, но так уж случилось. У меня теперь новый хозяин. Он владеет чудесным термосом. — Тут джинн с обидой надул толстые губы. — Ты хранил термос в простом деревянном шкафу. Он грустил там одинокий, несчастный, униженный. А мой новый

повелитель поставил бесценный термос у себя в спальне на золотой столик, украшенный драгоценными камнями. Да, мой новый повелитель могуч и всесилен! Он добр и милосерден к покорным рабам. Отныне я повинуюсь только ему!

— Бессовестный! — возопил волшебник Алеша, но крик остановился у него в груди.

В тот же миг могучая, словно каменная, рука джинна схватила волшебника Алешу и подняла вверх, как пушинку.

Все закружилось перед его глазами. Ему показалось, что он растворяется в воздухе, исчезает, превращается в ничто…

И вдруг все стихло. Безумное вращение остановилось.

Волшебника Алешу окружала стылая неподвижная темнота. Нигде ни огонька, ни света. Волшебник Алеша протянул руки и нащупал мокрые шершавые камни.

«Как на дне колодца, — подумал он. — Какое счастье, что я прихватил с собой коробок спичек».

Недолгий огонек спички осветил угрюмые низкие своды. Между камнями сбегали ледяные струйки воды.

Волшебник Алеша зажигал одну спичку за

другой. Может быть, какая-нибудь незаметная лестница, маленькая приоткрытая дверь… Но нет, кругом был только холодный, бездушный камень. Последняя спичка вспыхнула и погасла.

Глава двенадцатая
Что рассказали восемь мышек. И главное: неожиданная помощь

Катя, поминутно оглядываясь, шла по залам дворца. Сердце ее замирало и падало.

Она вела за руку Глазастика, но ей казалось, что Глазастик не идет, а беззвучно скользит по натертому паркету, почти летит по воздуху.

Кот Васька, мрачный, недовольный, цеплялся за Катино плечо.

— Какие потолки… ух! — ворчал он, прижимаясь к Катиной шее. — Держи меня покрепче! А то потянет сквозняком — я и улечу под самый потолок. Как меня оттуда достанешь?

«Куда я с ними? — подумала Катя. — Одна я бы скорее нашла дядю Алешу. Но Глазастик боялась остаться без меня дома. Не могла же я ее бросить».

Девочки вошли в просторный холодный зал.

Катя ахнула, попятилась, закрывая собой Глазастика.

У дверей, не шевелясь, стояли два рыцаря, с ног до головы закованные в тяжелые блестящие

доспехи.

— Пустые железки, только и всего! — буркнул кот Васька. — Ох уж эти мне люди! Даже нарисованный кот сразу скажет, что они пустые, как консервная банка из-под сгущенки, если ее вылизать до донышка.

Послышались чьи-то голоса. Катя дернула Глазастика за руку, девочки спрятались за тяжелую занавеску.

Вместе с голосами и шагами влетел ветер, и Катя испугалась, что занавеска, натянувшись вокруг них, выдаст их присутствие.

Но, к счастью, девочек никто не заметил. Голоса стихли.

— Все равно… — тихо и безвольно прошептала Глазастик.

Катю охватило отчаяние. Нет, так нельзя. Спрятать надо Глазастика. Спрятать надежно. Чтоб ее не нашли, да еще чтобы не улетела к тому же. А что, если спрятать ее в пустые доспехи? Она такая худенькая. Ведь туда никто не догадается заглянуть.

Катя постучала пальцем по стальной груди.

— Видишь, пусто! Если снять шлем — туда совсем нетрудно забраться, — сказала Катя.

Глазастик боязливо заглянула в черную пустоту

внутри доспехов.

— Ой! А темно как! Там кто-то шевелится. Кто-то маленький. Шевелится и шуршит.

— Теперь мне все равно, — вздохнул кот Васька. — Но когда-то я в этом здорово разбирался. Ну-ка, дайте я все-таки посмотрю, что там такое!

Кот Васька нырнул в остроносый металлический башмак. Послышался тонкий писк, словно иголкой провели по стеклу.

Появился хвост кота Васьки, а затем и весь он. В лапах у него замерла, как неживая, серенькая мышь.

Холеная шкурка мышки отливала жемчужным блеском. Лапки, сложенные на животе, были розовые, нежные, словно она ходила всю жизнь только по коврам. Но не это так удивило Катю. На голове у мышки сияла крошечная золотая корона тончайшей работы.

— Это королева мышей! Мне рассказывала о ней тетушка Ох, — прошептала Глазастик. Она ухватила пальчиками юбку с двух сторон и почтительно присела.

Мышка томно приоткрыла глаза, но, увидев так близко от себя острые усы кота Васьки, снова зажмурилась.

— А я в титулах не разбираюсь. По мне, что гра-

финя, что судомойка — вкус один, — проворчал кот Васька. — Просто подумал: если я ее съем, так стану немножко потяжелее. Особенно если проглотить ее вместе с короной.

— Проглотить королеву? — ахнула Глазастик.

— Что ты, Васька, честное слово, — укоризненно сказала Катя. — Вот уж не ожидала от тебя такого! И не совестно тебе?

— Да пожалуйста, зачем столько разговоров, — равнодушно проговорил кот Васька и выпустил мышку.

Королева мышей, очутившись на полу, с достоинством отряхнулась и встала на задние лапки. Внимательным, долгим взглядом посмотрела на кота Ваську.

— Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезна? — милостиво, как и подобает королеве, спросила мышка.

— Спрятаться! — вырвалось у Кати. — Вот Глазастика спрятать!

Королева мышей повелительным жестом протянула узкую розовую лапку, указывая на огромный мраморный камин.

— Зола еще теплая и очень приятная. Места хватит всем, — сказала она. — А вы, любезный кавалер? — обратилась королева к коту Ваське.

Кот Васька прыгнул в камин, с безразличным видом понюхал золу, улегся, вытянув лапы.

— Как он не похож на других, обычных котов, — словно про себя прошептала королева мышей.

Катя и Глазастик перелезли через каминную решетку, присели на корточки. Над их головами нависал кирпичный прокопченный свод. Вверх уходила черная труба. Но из зала заметить их было невозможно.

— Позвольте узнать, что вас привело ко мне во дворец? — участливо спросила королева мышей, усевшись на каминные щипцы.

— Нам нужно найти одного человека… дядю Алешу, — сказала Катя. — Он во дворце. Но как его найти, мы не знаем. Дворец такой большой!

— Ничего не понимаю, — капризно перебила ее королева. Она повернулась к коту Ваське: — Дорогой друг, может быть, вы объясните?

Кот Васька несколько опешил. Мышь назвала его «дорогой друг»! Что это, королевская милость или мышиное нахальство?

«А не все ли равно?» — решил он.

— Дядя Алеша — это пушистый Алеша, — снисходительно объяснил кот Васька. — Он где-то здесь, а мы где-то тут. Но мы, хоть мы и здесь, не знаем, где он. А он, хоть он и тут, даже не подо-

зревает, что мы здесь.

— Вот теперь я все поняла, — благосклонно кивнула королева мышей. — Я немедленно прикажу все разузнать. У меня во дворце повсюду свои мыши.

Королева негромко, но повелительно пискнула. В тот же миг зола в камине зашевелилась, и оттуда показалось сразу несколько мышиных мордочек.

Мыши вылезли из золы, отряхнулись и покорно склонились перед своей королевой.

— Я же тебе говорила, что она настоящая королева, — шепнула Глазастик.

— Найдите дядю… — величественно начала королева.

— Алешу! — подсказала Катя. — И пусть он скажет, что нам делать?

Королева мышей подняла крошечную лапку.

— Вы слышали? — властно произнесла она, повернувшись к своим хвостатым подданным. — Найдите дядю и все разузнайте! Следите за ним, не спускайте с него глаз.

Мгновение — и мыши разбежались в разные стороны. Видимо, в каждом углу у них было по тайной норке.

— Любезный друг, как вам нравится у меня во

дворце? — ласково обратилась королева мышей к коту Ваське. На девочек она по-прежнему не обращала ни малейшего внимания. — Пожалуй, дворец несколько великоват, вы не находите? Мог бы быть поменьше, а норок в нем побольше. Впрочем, есть такие норки, где вы можете пройти, не опуская головы. А в моем тронном зале вы можете даже встать на задние лапы. Я решила устроить бал в вашу честь. Не в моем характере хвастаться, но это будет незабываемо. Мышиные танцы, угощение и все прочее.

— Мышиные танцы? Когда-то я нашел бы, что это прелестно. Но теперь… — Кот Васька уныло вздохнул. — К тому же я не могу покинуть в беде своих друзей.

— Это ваши друзья? — Королева мышей бросила пренебрежительный взгляд на девочек. — Что ж, хорошо. В таком случае я обещаю им свое покровительство!

В этот миг зола в камине словно ожила, и сразу восемь мышек предстали перед своей королевой.

— Ваше величество! — пискнула одна из них. — Мы нашли дядю.

— Дядя заперт! — пискнула вторая.

— Дядя в подземелье! — подхватили остальные

мыши.

— Ой! Дядя Алеша! — горестно воскликнула Катя, но королева мышей даже не посмотрела на нее.

— Вы расспросили дядю, как я приказала? — сурово спросила королева.

— Расспросили! Все поняли! Запомнили! — запищали мыши.

— Какое мучение! — поморщилась королева мышей и снова повернулась к коту Ваське: — Право, как они бестолковы! Порой так трудно быть королевой… особенно без короля.

— Только мы запомнили по одному словечку! — смущенно пискнула одна из мышек. — Все бежали, бежали, и каждая твердила свое словечко.

— Ну говорите же наконец, — строго прикрикнула на них королева. — Что он велел передать?

— Надо! — пропищала самая толстая мышь с золотой ниткой на шее. — Я отлично помню, дядя сказал: «Надо!»

— Пробраться! — пискнула вторая.

— В термос! — добавила третья.

— Спальню!

— И! — пропищала совсем крошечная мышка, почти мышонок. Видимо, ей доверили самое

короткое слово.

— Разбить!

— Короля! — закончила последняя мышь.

— Если сложить все слова вместе, — Катя совсем растерялась, — то получится: «Надо пробраться в термос-спальню и разбить короля». Что такое термос-спальня? И как я могу разбить короля?

Глазастик устало склонила голову Кате на плечо. Кот Васька разочарованно отвернулся.

Королева мышей с беспокойством глянула на него и тут же напустилась на своих придворных:

— Что вы болтаете? Вечно вы все путаете! Поменяйтесь местами, может быть, тогда получится что-нибудь толковое.

Мыши засуетились, меняясь местами, и снова построились цепочкой.

— Ну! — топнула лапкой королева.

Мыши одна за другой торопливо пропищали:

— Надо!

— Разбить!

— Спальню!

— И!

— Пробраться!

— В короля!

— Термос!

— «Надо разбить спальню и пробраться в коро-

ля термос», — прошептала Катя. — Как я разобью спальню? И разве можно пробраться в короля?

Кот Васька слегка подпрыгнул и тут же очутился у Кати на руках. Он уткнулся носом в теплое местечко между плечом и шеей и затих. Он даже не поглядел на королеву.

— Дрянные мыши! Клянусь последней сухой коркой на этом свете, вы раскаетесь! Не в моем характере бросать слова на ветер! — гневно крикнула королева. Глаза ее засверкали.

Насмерть перепуганные мыши торопливо перестроились и вытянулись перед своей повелительницей, как солдатики в серых мундирах.

Они старательно запищали тонкими острыми голосами:

— Надо!

— Пробраться!

— В спальню!

— Короля!

— И!

— Разбить!

— Термос!

— «Надо пробраться в спальню короля и разбить термос»! — повторила Катя. — Вот теперь я поняла.

В каминной трубе засвистел ветер. Кот Васька

слетел с Катиного плеча и повис в воздухе, перебирая лапами.

— Он еще летает! — Королева мышей в восторге закатила глаза. — Сколько в нем обаяния!

— Спроси королеву, вдруг ее слуги могут узнать, где Ниточка? — шепнула Глазастик на ухо Кате. Ее дыхание было как вздох. Сама спросить об этом у королевы она, видимо, не решалась.

Кот Васька небрежно повел в воздухе хвостом.

— Все разузнаем, — самоуверенно заявил он. — Узнать, где Ниточка? Это нам пара пустяков.

— «Нам», — мечтательно повторила королева мышей. — Он сказал «нам»…

Теперь Катя знала, что ей делать. Она резко вскочила и стукнулась головой о низкий кирпичный свод камина.

— Глазастик! Спрячься в железном рыцаре и никуда не вылезай. Ладно? Там тебе никакой ветер не опасен. А я… но здесь столько комнат, как мне найти спальню короля?

— Я, пожалуй, тоже останусь тут, — лениво заметил кот Васька, опускаясь вниз. — Надеюсь, я не вылечу в трубу.

— Мои подданные вас удержат, не беспокойтесь, — с нежностью глядя на кота Ваську, сказала королева. — А маркиз Свечной Огарок тем време-

нем отведет девчонку, куда ей надо.

Из толпы мышей вышла толстая мышь с золотой ниткой на шее и низко склонилась перед своей повелительницей.

— Отведешь девчонку в королевскую спальню! — приказала королева мышей.

— А Ниточка? — напомнила Глазастик и тихонько ткнула кота Ваську пальцем в бок.

— Да, вот еще Ниточка… — сонно отозвался кот Васька. Он свернулся клубком и закрыл глаза. — Она такая худенькая, и у нее золотая шерсть, то есть я хочу сказать — золотые волосы. Я желаю знать, где она и что с ней.

— Ваше желание для меня закон! — торопливо воскликнула королева мышей. — Спокойно почивайте и не извольте ни о чем беспокоиться. Я сама все разузнаю и разведаю.

Глава тринадцатая
Рыжий Нос снова видит мышь в золотой короне. И главное: золотой локон

Ниточка сидела на куче соломы, обхватив колени руками. Она скинула грубые башмаки, они натирали ее маленькие ноги. Внутри деревянных башмаков, казалось, клубком свернулась темнота.

В медном подсвечнике догорала свеча. Наконец свеча догорела и погасла, захлебнувшись в лужице растаявшего воска.

Теперь светили только волосы Ниточки. Стоило ей повернуть голову, как ломкий летучий свет перебегал со стены на стену.

Ниточку томило странное беспокойство. Ей все время чудилось, будто чьи-то глаза неотрывно следят за ней. Не то смотрят из угла, не то подглядывают в щель между камнями, не поймешь.

Ниточка встала, босиком обошла все подземелье, ведя пальцем по сырым каменным стенам.

«Да что это я, право, — подумала она. — Никого нет. А тихо как!»

Стоило ей только это подумать, как глухой по-

лу-вздох-полустон нарушил тишину. В нем было столько отчаяния, столько безысходной тоски, что Ниточке стало страшно.

И опять ей померещился чей-то взгляд.

— Ай! — вскрикнула Ниточка.

Потому что вдруг темнота в одном из башмаков зашевелилась, сверкнули круглые глаза-бусинки, и из башмака не спеша вылезла мышка с удивительно гладкой жемчужной шкуркой. На голове у нее сверкала золотая корона, такая крошечная, что Ниточка могла бы надеть ее, как кольцо, на мизинец.

Мышка надменно оглядела Ниточку.

— Только и всего? — небрежно проговорила она. — А я-то думала… Стоило ли беспокоиться из-за нее. Конечно, золотые волосы, но и только.

— Ты умеешь разговаривать? — ахнула Ниточка.

— С таким же успехом я могла бы спросить тебя то же самое, — строго одернула ее мышка. — К тому же изволь, обращаясь ко мне, говорить «ваше величество».

Опять послышался стон, безнадежный и заунывный, как ненастный ветер темным осенним вечером.

— Что это? — не выдержала Ниточка. — Ты не

знаешь, кто так ужасно стонет?

— Ваше величество, — подсказала мышка.

— Стонет, ваше величество! — послушно повторила Ниточка. — Сердце рвется на части. Вы слышите? Вот опять!

— Ах, мне-то что за дело! — равнодушно сказала королева мышей. — Это стонет кто-то в самом глубоком подземелье. Там внизу так темно, что не видно ни меня, ни моей короны, ни благородного выражения моего лица. Этот человек твердит все время одно и то же: «В этом мраке гаснут ее волосы… Я забываю ее лицо, ее кроткие глаза. Малая искорка света, и я открыл бы этот проклятый замок…» И опять все снова в таком же духе.

— Это Трот! — задохнулась Ниточка.

Она упала на колени, опустила голову, заглянула мышке в глаза.

— Мышка, милая, — с мольбой проговорила она.

— А где «ваше величество»? — Мышка недовольно сморщила мордочку.

— Милое ваше величество, — дрожащим голосом сказала Ниточка. — Это Трот, мой жених. Умоляю вас, пожалуйста, отнесите ему вот это.

Ниточка проворно вскочила на ноги, схватила ножницы, всегда висевшие на шнурке у ее пояса.

Ножницы лязгнули, и золотой светящийся локон упал на пол. Он лежал на полу, как свернувшийся кольцом язычок пламени.

Ниточка приложила ладонь к каменным плитам пола. Теперь, когда она знала, что там, под ними, томится Трот, ей показалось, что сами камни стали теплее.

— Если бы не этот удивительный, обаятельный кот… — словно про себя, прошептала королева мышей. — Я это сделаю только для него!

Королева мышей подхватила золотой локон и исчезла в незаметной норке между камнями. Мгновение золотой локон, дрожа, светил где-то в темной глубине, затем превратился в золотую искру и погас.

Королева мышей без труда пробиралась по извилистой норке. Ничего удивительного. Ведь она знала во дворце все ходы и выходы. Норка круто вела вниз. Иногда светящийся волосок, отделившийся от локона, падал на пол, и, оглянувшись, королева мышей видела позади себя разбросанные обрывки золотой паутины.

Потянуло промозглой сыростью, и королева мышей очутилась в темной и мрачной камере.

В углу, зябко завернувшись в потертый плащ, сидел юноша. Спутанные волосы падали ему на

лоб. Ясный свет золотого локона отразился в его широко открытых, неподвижных, немигающих глазах.

— Что это? — Голос юноши дрогнул.

Юноша взял в ладони светящийся локон так бережно, так благоговейно, как будто боялся погасить его свет своим дыханием.

— Не в моем характере говорить о пустяках! — с раздражением пропищала мышка. — Гораздо важнее заметить, что я не кто-нибудь, а королева мышей. Всего-навсего прядь золотых волос, а сколько глупой суеты! Впрочем, все это я делаю только ради него, ради кота Васьки. Он такой обаятельный!

— Я думал, что ослеп в этом мраке, но нет — я вижу! — воскликнул Трот. — Но то, что я вижу, так странно, так необычно. Этот светящийся локон, мышь в золотой короне… Может ли это быть? Уж не сплю ли я? Нет, нет! Вот медное колечко на моем пальце! Его подарила мне Ниточка. Вот знакомая заплатка на колене. Это не сон. Спасибо тебе, милая мышка!

— Королева, — надменно поправила его мышка.

— Маленькая прядь волос, ты вернула мне жизнь! — Трот прижал золотой локон к щеке,

словно греясь его теплом. — Это волосы Ниточки! Дорогая королева, вы ее видели? Где? Когда?

— Если бы ты мог пролезть в эту норку, ты бы ее тоже увидел, — недовольно проворчала королева. — Только не возьму в толк, к чему столько волнений.

— Ее держат в подземелье! — Трот вскочил на ноги. — Ниточку, такую тихую и хрупкую. Но теперь я могу выйти отсюда!

Трот шагнул к двери. Держа на ладони золотой локон, осветил им замочную скважину.

— Запереть меня таким замком! Не смешно ли?

Одного движения руки было достаточно — замок послушно, даже как-то радостно щелкнул — дверь приоткрылась.

— В щель под дверью я видела тень стражника, значит, и сам стражник тоже там, — предупредила Трота королева мышей.

Неожиданно из темного угла мягким шариком выкатилось нечто серое. Шарик развернулся и превратился в крошечную мышку.

— Там за дверью стражник Рыжий Нос! Такой сердитый, страшный просто — И! — тонким сверлящим голоском пропищала она. Видимо, это была та самая мышка, которая запомнила только

букву «И».

— Сама погляжу, — решила королева.

Через минуту королева мышей вернулась, с недоумением передернула узкими плечиками:

— Не в моем характере чему-либо удивляться, но скажу вам, странное дело! Рыжий Нос увидел меня и вдруг зажмурился. Потом принялся бормотать невесть что: «Мышь в золотой короне. Мышь в золотой короне… Для того чтобы достоверно узнать, вижу я мышь в золотой короне или мышь в золотой короне мне только мерещится…» Попробуем незаметно скрыться, пока у него не прошла охота стоять зажмурившись и молоть всякую чепуху.

Королева мышей и Трот успели уже завернуть за угол, когда позади них раздался вздох, полный разочарования.

— Нет, уж теперь я достоверно знаю: на этот раз мышь в золотой короне мне только померещилась!

Трот и королева мышей поднялись по узкой лестнице.

Королева с трудом карабкалась со ступени на ступень, и Трот вынужден был каждый раз подставлять ей свою ладонь.

Открыть дверь Ниточки для Трота не составило

никакого труда.

Ниточка бросилась к нему и вдруг остановилась, замерла, глядя на него.

— Какой ты… — с состраданием проговорила она.

Трот провел рукой по ее волосам.

— Ты не улетела, моя радость, мое счастье! Только ты стала совсем прозрачной, словно светишься насквозь. Или меня ослепляют твои волосы. Но ты не улетела!

— Потому что я… я надеялась! — Ниточка прямо и ясно посмотрела ему в глаза. Вдруг слезы потекли по ее щекам, и каждая была как капля жидкого золота. — Улыбнуться… Сейчас я так хотела бы, мне так надо улыбнуться. Сердце не в силах выдержать. Но я не могу.

Трот улыбнулся ей в ответ, но улыбка его была полна скорби и печали.

— Ты улыбаешься? — Ниточка, словно не веря, пальцем обвела его губы. — Да, улыбка! Настоящая. Но как же сборщики улыбок не отобрали ее у тебя?

— Я попался на крючок своей же выдумки, — с горечью сказал Трот. — Я изобрел замок, пожалуй, самый удивительный на свете. Замок, который открывался улыбкой. И тогда король решил,

чтоб я сам стал ключом. Поэтому мне оставили улыбку. Человек-ключ — вот кем я стал! Человек-ключ… Они заперли меня в темноте. Простой расчет: в темноте невозможно разглядеть, как устроен замок. И если бы эта мышка не принесла мне твой золотой светящийся локон…

— Не мышка, а королева! — послышался возмущенный тонкий голосок. — Не в моих привычках повторять одно и то же, но скажу вам: остается только удивляться глупости людей: столько переживаний из-за пустяков! Замки, улыбки — кого это может интересовать? И не отдавите мне лапку! Вы топчетесь без толку на этой соломе и такую подняли пыль!

Мышь тоненько чихнула, будто звякнула маленькая ложечка в чашке.

Ниточка наклонилась, из золотого облачка пыли подняла мышку, посадила к себе на ладонь.

— Ваше величество, чем мы можем вас отблагодарить? — почтительно сказал Трот.

— Держи ладонь лодочкой, чтоб мне было удобно! — капризно пропищала королева и добавила, высокомерно оглядев Ниточку и Трота: — Отблагодарить меня? Кто? Вы? Это просто смешно! Впрочем, вы можете подарить мне вот это! — Узкой лапкой она указала на золотой локон. — Мне,

возможно, надо будет принарядиться. Из этих волос можно сплести премилый наряд. Дело в том, что я ожидаю некоторых перемен в своей жизни.

— О, конечно! — воскликнула Ниточка. — Но скажи мне, милая мышь… Ох, ой, простите! Соблаговолите сказать мне, ваше величество, откуда вы узнали обо мне?

— Мне сказал о тебе самый обаятельный, самый прекрасный кот на свете. К тому же он умеет летать! — с нежностью проговорила королева мышей. — Не помню, кажется, там была еще какая-то девчонка. Вернее, два чересчур больших глаза, и больше ничего.

— Это Глазастик! — ахнула Ниточка.

— Вроде бы с ней была еще девчонка потолще, — небрежно добавила королева мышей. — Впрочем, не в моих привычках обращать внимание на девчонок и прочие пустяки.

Мышка соскользнула на пол, повелительно пискнула. Тотчас из всех углов выбежало сразу с десяток мышей. Они подхватили золотой локон и разом исчезли, словно провалились сквозь каменные плиты.

— Глазастик здесь, во дворце! Надо ее найти! — Ниточка схватила Трота за руку. — Мне страшно!

Зачем она пришла сюда? В любой миг может прилететь королева Ветреница, и Глазастик…

Ниточка не договорила и, побледнев, умолкла.

— В этом дворце есть потайной ход, — задумчиво сказал Трот. — Это узкая винтовая лестница, надежно скрытая в каменной кладке стен. Она поднимается снизу до самого верха и соединяет все залы и галереи. Может быть, нам повезет.

Трот обошел подземелье, пристально вглядываясь в каждую щель между камнями.

— Вот она, потайная дверь! — Трот обрадованно оглянулся на Ниточку. — Смотри! Да как ловко упрятана.

По камню бежала еле приметная трещина. Маленькая замочная скважина смотрелась черным сердечком.

— И ты сможешь открыть этот замок? — с надеждой спросила Ниточка.

— Этот замок открыть не просто, но секрет его мне известен. Не удивляйся, моя дорогая. Этот замок открывается… взглядом.

— Открывается взглядом? — недоверчиво и изумленно повторила Ниточка.

— Да, я сам придумал этот удивительный замок. Но сейчас, Ниточка, не отвлекай меня, погоди.

Ниточка замерла на месте. Трот пристально

посмотрел на замочную скважину. Казалось, он все силы сосредоточил в этом взгляде. Взгляд его становился все острей, напряженней. Ниточке показалось, что камень сейчас сдвинется с места. И действительно, в замке что-то негромко щелкнуло. В стене приоткрылась незаметная дверца. За ней виднелись темные ступени.

— Трот, милый!.. — шепнула Ниточка и скользнула в дверь.

Они поднимались по узкой винтовой лестнице, задевая за стены плечами. Ниточка шла первой. Она шла босиком, неся в руках свои деревянные башмаки. Волосы она перекинула за спину, чтобы они освещали ступени Троту. Иногда узкий луч проникал сквозь маленькое овальное отверстие. Это была тайная замочная скважина, и Ниточка, наклонившись, могла сквозь нее увидеть зал и придворных. Вдруг Ниточка отшатнулась, чуть не уронила башмаки.

— Король! — прошептала она.

Ниточка заглядывала по очереди во все замочные скважины. Один зал сменялся другим, мелькали придворные. Пробежал сероглазый паж с подносом в руках. У него были длинные волосы, как у девочки, и тесная нарядная куртка, которая жала ему под мышками. Юная придвор-

ная дама, поставив ножку на стул, поправляла розу-пряжку на туфле.

Но нигде, нигде не было Глазастика.

Ниточка в отчаянии села на ступеньку. Она закрыла лицо руками, волосы ее потускнели, словно потеряли свой волшебный дар сиять.

Глава четырнадцатая
Джинн и его новый повелитель. И главное: волшебник Алеша чуть было не остается без улыбки

Король ходил по залу и недовольно поглядывал на скорчившегося за троном огромного джинна. Джинн тяжко, со скрипом дышал, по его измученному лицу стекали громадные капли пота.

Король совсем загонял беднягу джинна.

Глупый, наивный джинн! Он простодушно похвастался, что за одну ночь может воздвигнуть новый дворец. А уж если очень постарается, то, пожалуй, и побыстрее.

Король тут же приказал джинну взяться за работу, не теряя ни минуты. И уже часа через полтора с восхищением рассматривал невиданное доселе сооружение из голубого мрамора с остроконечными серебряными башенками.

Но тут же короля начал точить червь сомнения.

«Два дворца! Не слишком ли я доверчив? Допустим, я буду править в новом дворце, а вдруг кто-нибудь захватит мой старый дворец и объ-

явит себя королем? Уж нет ли тут коварного умысла? Нет, нет, главное в жизни — покой и безмятежная уверенность».

Король с сожалением приказал джинну разрушить новый дворец.

Но стоило джинну превратить в пыль и прах последнюю мраморную колонну, как короля вновь одолели сомнения.

«Что и говорить, новый дворец был куда красивее старого, — терзаясь, подумал король. — Зря я поторопился. Может быть, лучше разрушить старый, а новый дворец оставить себе? Во всяком случае, надо еще раз это обдумать».

И король вновь приказал джинну воздвигнуть дворец.

«Но ведь в новом дворце нет тайного хода, — холодея, сообразил король. — А если я прикажу джинну его создать, то тайный ход уже не будет тайным, потому что джинн будет знать о нем. И тогда прощайте навеки, спокойствие и тихие теплые сны».

Король опять повелел джинну сровнять дворец с землей.

И так без конца. Построй — разрушь. Построй — разрушь.

В глазах измученного джинна завертелись

бесконечные колонны, арки, ступени, башенки, и, почти теряя сознание, он рухнул на пол за троном.

Джинн лежал неподвижно. От усталости искры вылетали у него изо рта и с тихим шипением гасли на мраморном полу.

Джинн с тоской вспомнил длинные, молчаливые вечера у волшебника Алеши. Теплый круг света от настольной лампы. Доброе лицо волшебника Алеши, склонившегося над старинной книгой. А как уютно было сидеть, прижавшись спиной к теплым батареям, да еще можно было тихонько поворчать, что дует в шею из форточки.

Джинн тихонько застонал, глянул на хмурое, недовольное лицо короля и закрыл глаза.

«О я несчастный, невезучий джинн, — с отчаянием подумал он. — Мне совсем не нравится мой новый повелитель. Но я не смею его ослушаться, ведь он владеет волшебным сосудом. Отныне я должен повиноваться ему вечно. А вечность, по правде говоря, — это так долго!»

Между тем король, с беспокойством поглядывая на джинна, тоже размышлял, как ему быть.

«Такие ручищи, ножищи, кошмар какой-то! Вдруг он перестанет мне повиноваться, что то-

гда? Пожалуй, лучше всего было бы приказать ему посадить самого себя на цепь. Да еще такую крепкую, чтоб он сам не мог ее порвать. Как только Мираклюс создаст волшебный эликсир и королева Ветреница в последний раз принесет… Но тс-с! Об этом опасно даже думать. Как только королева Ветреница принесет в последний раз… Тогда я посажу джинна у ворот, сквозь которые влетают ветры в мое королевство, и прикажу ему сторожить ворота день и ночь, чтоб не пролетел даже маленький ветерок».

— Решено! Я сделаю тебя привратником! — после некоторого раздумья сказал король.

— Привиратником? — вздрогнул джинн. — Прости своего бестолкового слугу, о новый повелитель! Я не знаю, кто такой привиратник. Что я должен привирать и кому?

— Не привиратником, а привратником, — рассердился король.

— Вот я и говорю, привиратником.

— Какой еще привиратник! — топнул ногой король. — Ты будешь привратником. Будешь стоять у ворот и никого не пускать. Понял?

— Это я еще могу, о новый повелитель! — уныло кивнул головой джинн.

«И посажу тебя на цепь», — подумал король.

Джинн с испугом и укором посмотрел на него.

«Еще мысли читает», — поежился король.

«А какие мысли были у волшебника Алеши, — с тоской и сожалением припомнил джинн. — Добрые, задушевные. Так подумает иногда: «С джинном лучше не связываться». Но ведь он был прав, тысячу раз прав! Лучше бы он меня не знал, не встретил на своем коротком, скорбном пути».

— Я желаю поговорить с твоим бывшим повелителем, — прервал его мысли король. Он подозвал слугу. — Привести ко мне этого… как его… волшебника Алешу!

— Позволь, о, позволь превратиться мне в ничтожный комочек пыли и закатиться под трон! — отчаянно взвыл джинн.

— Не позволяю. — Король уже понял, что с джинном можно не церемониться.

Зал наполнился свистом и шелестом шелка, тихим говором. Придворные жались к стенам. Они издали с опаской и любопытством разглядывали огромного джинна.

Где-то в самом конце зала мелькнул потрепанный пестрый плащ старого актера.

Двое стражников ввели волшебника Алешу.

Джинн так и съежился под его взглядом, втянул голову в плечи, замер на полу.

К волшебнику Алеше скользящей походкой подошел Главный Сборщик Улыбок в плаще с каймой из золотых снежинок.

— Как я счастлив вас видеть! Наконец-то мы встретились! — с трудом скрывая мстительное торжество, проговорил он. — Согласитесь, теперь обстоятельства несколько изменились. И отнюдь не в вашу пользу. Разрешите вам напомнить. Когда я сквозь стену проник в ваш дом, вы отказались отдать мне волшебный мел. Вы даже не пожелали его продать, хотя я предлагал за него груды золота. Теперь все будет иначе: я попросту отниму его у вас!

— Но у меня нет никакого мела. Хоть обыщите, — твердо глядя ему в глаза, сказал волшебник Алеша.

«Какое счастье, что я сразу же отдал волшебный мел Кате. Хоть за нее я могу быть спокоен», — пронеслось у него в голове.

— Эй, джинн, это правда? — подозрительно прищурился Главный Сборщик Улыбок.

Но джинн только злобно покосился на него кроваво-красным глазом. Он всхлипнул и вытер нос огромным кулаком.

— Отвечай, джинн, я приказываю! — повысил голос король.

— Нет у него волшебного мела, о повелитель! Нет у него мела, — покорно и уныло простонал джинн.

— Жаль, жаль… — Главный Сборщик Улыбок от злости скрипнул зубами. Он с такой ненавистью поглядел на волшебника Алешу, что тот невольно отшатнулся. — Тогда поговорим о другом. О вашей улыбке. Там, в ином мире, у вас в доме я был бессилен и не смог ее отобрать. Теперь другое дело. Не упрямьтесь! Это один миг и, уверяю вас, совсем не больно. Ну улыбнитесь же!

Главный Сборщик Улыбок протянул к волшебнику Алеше свою страшную руку с мягко изгибающимися пальцами.

— Улыбнитесь, его величество ждет! — повторил он.

Но волшебник Алеша только плотней запахнул плащ и отступил назад.

— Зачем вам улыбка? — вкрадчиво проговорил Главный Сборщик Улыбок. — От улыбки только ненужная легкость на губах и шарики смеха во рту. Вы посмотрите, — он широко повел рукой, — сколько достойных людей, и никто из них не может улыбнуться. Ну, станьте таким, как мы, и наш милостивый повелитель дарует вам свободу.

— Я не отдам вам свою улыбку. И вовсе не желаю стать таким, как вы, — сказал волшебник Алеша, отстраняясь от ласковых, усыпляющих движений его руки. — Извините, но я не улыбнусь.

— Так рассмешите же его! — нетерпеливо приказал король. Тотчас из толпы вприпрыжку выбежал старый актер.

Он принялся вперевалку ходить вокруг волшебника Алеши, взмахивая руками, как крыльями.

— Я курочка, курочка! Жирная, откормленная курочка, — кричал он. — Ку-дах-тах-тах! Ой, до чего смешно! Животики надорвешь!

«Бедняга», — с сочувствием подумал волшебник Алеша.

— Кошка с собакой подрались. Кошка тявкает! Собака мяукает! — надрывался старый актер. — Ой, братцы, лопну от смеха! Хи-хи-хи! Хо-хо!

Но это был не смех, а лишь жалкое, мертвое его подобие. Звуки, лишенные смысла и жизни.

Актер прошелся на руках. Волшебник Алеша увидел его старые башмаки, сверху залатанные, а подошвы совсем не сношенные.

«Несчастный, он совсем легкий. Скоро улетит…» — Сердце у волшебника Алеши сжалось.

Старый актер сбоку подскочил к волшебнику

Алеше, сделал вид, что хочет его пощекотать, а сам незаметно шепнул:

— Если ты не улыбнешься, добрый господин, меня повесят.

«Старый шут! Ты поймал меня, — в смятении подумал волшебник Алеша. — Видно, придется улыбнуться, хотя чертовски жаль. К тому же не знаю, смогу ли я при всем желании сейчас улыбнуться?»

Главный Сборщик Улыбок заметил растерянность на его лице.

— Собственно, зачем вам улыбка? Мелочь, безделушка, признак слабоумия и младенчества. — Главный Сборщик Улыбок снова протянул свою отвратительную руку. — Я жду! Ну, будьте же благоразумны!

В этот миг дверь в зал распахнулась. Вбежал запыхавшийся придворный. Все невольно повернули к нему головы.

— Ф-фу! Триста тридцать три ступеньки! Преодолел без остановки, — задыхаясь, проговорил он и, собрав все силы, воскликнул: — Ваше величество, невероятное, удивительное происшествие! Магистр Мираклюс сошел с ума!

— Что ты мелешь, бездельник? — нахмурился король.

— Ваше величество! — Придворный развел руками. — Магистр разбил все колбы и тигли. Стол опрокинул. Визжит и скачет. Без сомнения, он потерял рассудок!

— Проклятый Мираклюс! Нет новых улыбок, видно, поэтому он и бесится, — злобно прошипел король. — Я найду способ его успокоить. А этого упрямца увести. Пусть себе улыбается в подземелье.

— Ваше величество, — хмурясь, заметил Главный Сборщик Улыбок. — Это небезопасно — оставлять улыбку в королевстве.

— Когда он уснет, ты проберешься в его сон, — шепнул ему король, — отнимешь улыбку, которая ему снится. Остальное будет уже проще…

Стражники окружили волшебника Алешу. Джинн подтянул колени к подбородку, чтоб не видеть своего бывшего повелителя, закрыл лицо руками.

— Предатель! — не выдержав, сказал волшебник Алеша.

Огромное тело джинна всколыхнулось.

— Я не предатель! — горестно всхлипнул джинн. — Король стал расспрашивать о тебе, кто ты да откуда? В его руках был волшебный термос. Я не мог, не мог не сказать. Но я не обмолвился и

лишним словечком! Я не выдал девочку Катю, не выдал кота Ваську!

— Замолчи! — в ужасе крикнул волшебник Алеша.

Но было уже поздно.

Король ткнул лежащего джинна носком башмака под ребра:

— Ах, негодник, да ты посмел что-то скрыть от меня? Что еще за девчонка? Немедленно доставить ее сюда! А потом и кота, о котором ты говорил. Слушай и повинуйся!

— Не смей этого делать! Не смей! — в отчаянии воскликнул волшебник Алеша.

Джинн бросил на волшебника Алешу умоляющий, униженный взгляд. И в тот же миг очертания его огромного тела начали таять. Джинн превратился в сгусток тумана, вихрь движения закружил его, и джинн исчез из глаз.

«Какое несчастье, что я взял джинна с собой, — в отчаянии подумал волшебник Алеша. — Конечно, джинн не человек. У него нет души. Он существо сказочное, фантастическое. И все-таки такого предательства я не ждал. Не мог ждать! Что же теперь будет? Что будет?»

Глава пятнадцатая
Побегушка. И главное: бездомный джинн

Тем временем Катя торопливо шла по залам. Впереди нее проворно, несмотря на свою толщину, бежала круглая мышка с золотой ниткой на шее.

Катя приложила руку к сердцу.

— Не бейся так, не надо, — прошептала она.

Но сердце подпрыгивало при малейшем шорохе и стуке.

— Где же спальня короля? Далеко еще? Сколько комнат? — спросила Катя.

— Не знаю, — с важностью ответила мышка. — Мы не умеем считать.

На Катю налетел сероглазый паж с подносом в руках. Ахнул и замер как вкопанный, глядя на Катю. У него были длинные, как у девочки, волосы, нарядная куртка, которая была ему мала и жала под мышками.

Толстая мышь с золотой ниткой на шее испуганно метнулась под кресло и исчезла.

— Ты кто? — удивленно спросил мальчик. — Я

никогда не видал таких… Как тебя зовут?

— Тс-с! — Катя оглянулась, прижала палец к губам.

— Тс-с! — повторил мальчик. — Какое чудесное имя: Тс-с! А меня зовут Побегушка. Я все время бегаю. То одно велят принести, то другое. Но я надеюсь, что когда-нибудь они оставят меня в покое хоть на минуту. И тогда я смогу немного отдохнуть и посидеть. Просто посидеть и никуда не бежать. На полу, а если повезет, даже на стуле. Не помню, кажется, я никогда не сидел на стуле. Я весь день бегаю, бегаю, а когда вечером прихожу к маме, она погладит меня по голове, и я сразу засыпаю.

— Бедный Побегушка, — с жалостью сказала Катя.

— А что ты здесь делаешь, Тс-с? — спросил мальчик.

— Мне надо пробраться в спальню короля, — призналась Катя. Она сразу почувствовала, что Побегушке можно довериться. — Только чтоб никто-никто не видел.

— Тогда вот что, Тс-с, — предложил Побегушка. — Хочешь, я побегу впереди тебя, и, если кого-нибудь увижу, я уроню поднос. Тогда ты сразу прячься.

Побегушка беззвучно и быстро скрылся за дверью.

— Побегушка! Где ты, бездельник? — послышались издали чьи-то голоса.

Где-то на лестнице загремел поднос.

Катя спряталась за колонну. Мимо Кати прошла юная придворная дама с хорошеньким и злым лицом.

— Несносный Побегушка уронил поднос и напугал меня. Я его хорошенько оттрепала за вихры! — Придворная дама подула на свои растопыренные пальчики. — Ф-фу! Даже волос прилип!

Катя проводила ее глазами.

Все платье придворной дамы было обшито тончайшим кружевом. Кружево серебрилось и мерцало.

«Это кружево вязала Миэль! Она улетела… — почему-то подумала Катя. — А скоро улетят скрипач и Глазастик. Нет, я должна сделать все, как велел дядя Алеша».

Снова послышался звон и грохот упавшего подноса.

Катя едва успела присесть за спинкой дивана, как в зал вошел барон Нибумбум.

— Дрянной мальчишка! — проворчал он. —

Уронил поднос, и я тут же забыл глупость, которую только что придумал. Какая досада! Такая чудесная, очаровательная глупость! Такую не скоро придумаешь: вся естественная и наивная. Неужели у меня не хватит ума придумать еще что-нибудь столь же глупое?

Барон Нибумбум, ворча, удалился.

Чья-то рука удержала Катю в дверях. Это был Побегушка.

— Ну, я побежал! — часто дыша, проговорил он. — Вот спальня короля. Потому что не знаю, встретимся ли мы еще раз. Я бы хотел с тобой подружиться. Но моих шагов уже почти не слышно и…

Лицо мальчика омрачилось, и он убежал.

Катя огляделась. С потолка на нее смотрели золоченые купидоны, поддерживающие тяжелый полог над кроватью. Пышные перины и одеяла поднимали подушки чуть не до потолка. Но Катю интересовало совсем другое. Голубой термос. Да вот же он! Голубой термос стоял на золоченом столике возле кровати. Такой знакомый и такой домашний, с полустертыми черными знаками с одного бока.

«Ну, слава Богу, нашла термос, — подумала Катя. — Сейчас сделаю все, как велел дядя Але-

ша. Разобью его, грохну как следует об пол. Что уж из этого получится, не знаю, но дяде Алеше виднее».

Катя уже шагнула к золоченому столику, но вдруг почувствовала, что не может пошевелиться. Какая-то невидимая сила сковала все ее движения. Ноги оторвались от пола, и она медленно поднялась в воздух.

Что-то держало ее. Постепенно проступили контуры громадной волосатой руки, могучее плечо, напоминающее холм, заросший осенней травой, косматая голова. И Катя увидела джинна.

— О Катя! — густым голосом пророкотал джинн. — Мой новый повелитель — король пожелал увидеть тебя. Я сам удручен этим, поверь мне, но что поделаешь? Джинн не смеет ослушаться своего господина!

— Что ты! Что ты! Меня к королю? — взмолилась Катя. — Не надо, пожалуйста! Джинн, миленький!

Катя попробовала освободиться, но куда там! Рука джинна держала ее, как цыпленка.

«Всегда я так, — пронеслось в голове у Кати. — Надо было скорее схватить термос. А я стояла, думала… Копуша!»

— Погоди, погоди, — заторопилась Катя. — Как

же так, к королю? Я не могу так сразу.

— К королю! — уныло подтвердил джинн. — Может быть, тебя казнят, но что поделаешь. Мне очень жаль, но я должен повиноваться. Джинн покорен обладателю волшебного термоса.

— Я не могу к королю! — Катя лихорадочно соображала, что ей придумать. Но не так-то просто что-нибудь придумать, когда ты висишь под потолком и ноги болтаются в воздухе. — Я тут забыла… уронила одну вещь. А без нее никак нельзя к королю… Невежливо.

— Ты уронила вежливость, о Катя? — удивился джинн. — Я не знал, что вежливость можно уронить.

— Вежливость, знаешь, она… Ну, как тебе объяснить? Она такая круглая и… блестит. — Катя с тоской покосилась на золоченый столик, где стоял голубой термос. — Вечно я все теряю, одно слово — растяпа!

— Так найди скорей свою вежливость, о девочка Катя! — с беспокойством воскликнул джинн. — Без вежливости ты можешь наговорить королю грубостей! И мой повелитель разгневается на меня, на своего верного слугу! Поищи хорошенько, может, вежливость у тебя в кармане, о Катя?

Джинн плавно опустил Катю на пол. Он расте-

рянно глядел на нее, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

— Что ты все время глядишь на золотой столик? — прогремел джинн. — Ищи скорее свою вежливость, и нечего смотреть по сторонам!

— Ищу, ищу! — Катя трясущимися руками один за другим вывернула все карманы. Она и не заметила, как из правого кармашка вывалился кусочек заветного мела и с легким пустым стуком упал на пол. Ей было не до этого. Огромный джинн стоял перед ней, растопырив тяжелые руки, не давая ей сделать и шагу.

— Опять ты смотришь на золотой столик! Я не спорю — он прекрасен. Но ищи свою вежливость, о несчастная! — Джинн с угрозой сжал кулаки.

— Вижу, вижу! Вон моя вежливость! — тонким голосом отчаянно вскрикнула Катя, указывая на золоченый столик. — Вон куда она закатилась!

— Так что же ты! Скорей достань ее, о девочка Катя! — с облегчением воскликнул джинн и отступил в сторону. — Какая удача, что ты ее наконец отыскала!

Катя опрометью бросилась к золоченому столику. В мгновение ока она схватила термос и изо всех сил прижала его к груди.

— Что ты делаешь, о Катя! — Джинн застыл на

месте, безумным взором глядя на голубой термос в руках Кати.

— Вот! Теперь я твоя повелитель… повелительница! — Голос у Кати звенел и срывался. Она почему-то заплакала. — Ты плохой! Ты — нехороший! Ты предал дядю Алешу!

Джинн попятился, вздрагивая от каждого ее слова.

И тут случилось непоправимое. Джинн наступил ногой на кусочек волшебного мела, и тот только слабо хрустнул под его широкой пяткой. Тонкое облачко сухой пыли да еще белое пятнышко на полу — вот все, что осталось от бесценного мела. Но ни Катя, ни джинн не обратили на это ни малейшего внимания.

— Чем я заслужил твою немилость, о повелительница громов и молний? — простонал джинн.

Катя двумя руками подняла термос над головой:

— Ты струсил! Не захотел помочь. Вот я сейчас тебя!..

Насмерть перепуганный джинн с мольбой сложил руки, ноги его подкосились, и он с сотрясающим грохотом рухнул на колени перед Катей.

Казалось, весь дворец содрогнулся, задребезжали стекла.

Катя поднялась на цыпочки, почему-то зажмурилась и со всей силой швырнула термос об пол. Послышался звон и хруст. Крышка термоса отскочила. На ковер посыпались блестящие осколки, похожие на серебряные скорлупки.

И Катя и джинн оба замерли, в каком-то оцепенении глядя на разбитый термос.

— Так тебе и надо, — неуверенно сказала Катя. — Все равно ты бессовестный!

Но джинн не слушал ее. Одинокая слеза скатилась по его грубой, истертой временем щеке. Своей нескладной ручищей он легко и тихо, словно прощаясь, с нежностью прикоснулся к разбитому термосу.

— Все погибло, — прошептал он. — Прощай, мой любимый термос, где я мечтал провести столько уютных тысячелетий! Тебя больше нет! О я несчастный, бездомный джинн, затерянный в чужой, неведомой сказке. Да и джинн ли я отныне? Ибо кто такой джинн, лишенный волшебного сосуда?

Глава шестнадцатая
Снова мышь в золотой короне. И главное: волшебник Алеша не может улыбнуться

Двое стражников, крепко держа волшебника Алешу за руки, вели его по дворцовым залам.

Один из них был Рыжий Нос. Он шел неровным шагом, шатаясь, задевая за дверные косяки, и заунывно бормотал какую-то несуразную чушь.

Волшебник Алеша искоса поглядывал по сторонам, ища способ обмануть свою стражу и незаметно скрыться.

Послышался шорох, приглушенный писк множества тонких голосов. Из угла появилась удивительная процессия.

Впереди вертляво семенил маленький мышонок. За ним две мышки торжественно несли что-то золотое, легкое и пушистое, похожее на моток золотой пряжи. По бокам бежали несколько мышей, бережно подбирая с полу упавшие золотые нити. Последней с важностью выступала мышка с шерстью жемчужного оттенка, с маленькой золотой короной на голове.

Невозможно описать словами, что произошло с Рыжим Носом, когда он увидел мышь в золотой короне.

Он весь затрясся, зажмурился изо всех сил и выпустил руку волшебника Алеши.

— Опять! — в тоске простонал он. — Провалиться мне на этом месте! Опять мышь в золотой короне. Я больше не желаю мышей, не хочу, не могу! Мне уже все равно: вижу я мышь в золотой короне или я не вижу мышь в золотой короне. Я устал, я измучился, я сойду с ума!

Мыши давно скрылись, а Рыжий Нос продолжал что-то бессвязно бормотать.

Второй стражник, глядя на него, просто остолбенел от изумления и тоже выпустил руку волшебника Алеши.

Тот, воспользовавшись моментом, отступил на шаг, соединил руки стражников, а сам, пятясь, на цыпочках вышел из зала.

Когда стражники немного пришли в себя, они увидели, что опасный преступник таинственным образом скрылся, а они, неизвестно почему, крепко держат за руки друг друга, словно пара испуганных малышей.

Между тем волшебник Алеша торопливо шел, почти бежал, пересекая один зал за другим.

«Мы совсем одного роста, я и Главный Сборщик Улыбок, — прикинул он. — Одеты мы одинаково. Ну, выручайте меня, чужая шляпа и плащ, вышитый Ниточкой».

Волшебник Алеша отлично помнил, с каким нескрываемым ужасом, как завороженные смотрели придворные на шевелящиеся пальцы Главного Сборщика Улыбок.

Он надвинул шляпу на самые брови, выпростал из-под плаща руку и принялся шевелить пальцами, словно собираясь схватить что-то невидимое, порхающее перед ним в воздухе.

Первый же придворный, попавшийся ему навстречу, шарахнулся в сторону.

Юная придворная дама с хорошеньким злым личиком почтительно присела перед ним в низком реверансе. Кружева на ее платье всколыхнулись, вспыхнули и погасли. Ее взгляд был прикован к руке волшебника Алеши.

Откуда-то сбоку выскочил маленький паж с подносом в руках, в узкой нарядной курточке.

Зазвенели, падая с подноса, тонкие бокалы, похожие на золотистые мыльные пузыри на тонких ножках. Паж случайно глянул в лицо волшебнику Алеше…

— Ах! — вскрикнул маленький паж и беззвучно

исчез.

«Будем надеяться, что он меня не выдаст, — подумал волшебник Алеша. — Мальчишка симпатяга, сразу видно. Однако надо торопиться».

Еще один зал с колоннами — и вот она наконец дверь-загадка из тяжелого темного дерева. Волшебник Алеша провел по ней ладонью.

Вдруг позади себя волшебник Алеша услышал легкий стук и шорох, словно кто-то стучал ногтем по яичной скорлупе. Оглянувшись, волшебник Алеша увидел толстую мышь с золотой ниткой на шее. Она перебежала зал и спряталась под креслом.

— Сейчас я улыбнусь, и дверь-загадка откроется, — пробормотал волшебник Алеша. Ему показалось, что мышь с золотой ниткой на шее выглядывает из-за ножки кресла и словно бы прислушивается к его словам. Сверкнули внимательные глазки-бусинки. — Хорошо, допустим, я открою дверь-загадку. А дальше? Сундук, прикованный к стене цепями, где заперты улыбки. Как я смогу его открыть? Ведь для этого необходим ключ. А ключа от сундука у меня нет. И я понятия не имею, как его раздобыть. Слишком много невероятного и загадочного. Ну, за Катю я спокоен. Волшебный мел у нее, и она в любой момент…

Но все остальное? Например, как появились у меня в подземелье говорящие мыши? Кто их послал? Непонятно. Как оказался термос с джинном во дворце? Необъяснимо. Ох уж этот изменник джинн! Как он подвел меня. Что теперь будет?

От всех этих тревожных мыслей сердце волшебника Алеши тоскливо сжалось.

— Улыбнись сейчас же! — сам себе приказал волшебник Алеша. — Ну же!

Но сколько он ни старался улыбнуться, ничего не получалось. Он растягивал губы на все лады, но все напрасно. Улыбка, едва зародившись в уголках губ, тут же исчезала.

Дверь-загадка оставалась наглухо запертой и неприступной.

Послышались грубые, угрожающие голоса. Звонко звякнула о мрамор алебарда.

— Ищите незнакомца в сером бархатном плаще!

Волшебник Алеша узнал повелительный голос Главного Сборщика Улыбок.

— Обыскать весь дворец! Он не мог скрыться!

Волшебник Алеша с отчаяньем посмотрел на глухую и молчаливую дверь-загадку. Голоса неумолимо приближались. Волшебник Алеша поспешно отступил в тень высокой колонны.

— Все погибло… — безнадежно прошептал волшебник Алеша.

Глава семнадцатая
Король узнает множество печальных новостей. И главное: волшебный эликсир мрака

Король сидел на троне и зябко кутался в горностаевую мантию. Всюду ему мерещились сквозняки и тайные завихрения воздуха. Ему казалось, что кончики пальцев у него просто ледяные. Боясь чихнуть, на всякий случай он держал в каждой руке по носовому платку.

«Не слишком ли много впечатлений и переживаний? — рассуждал король. — Я не спал днем. К тому же меня томит какое-то беспокойство. Где-то пищат мыши, кто-то роняет подносы. Во дворце что-то происходит, и это меня нервирует. И противный бездельник джинн словно сквозь землю провалился. Надо как можно скорее прийти в приятное расположение духа, иначе это может иметь самые скверные последствия для моего здоровья».

— Привести сюда эту упрямицу с золотыми волосами, — приказал король. — Уверен, она давно уже одумалась, образумилась и раскаялась. Я по-

смотрю на нее, и это меня несколько успокоит.

По толпе придворных пробежал шепоток тревоги и замешательства.

К королю приблизился барон Нибумбум. Вид у него был на редкость простодушный и наивный.

— Ваше величество, скорее всего, красавица отправилась в лес собирать ножи и вилки и рвать пуговицы. Они как раз созрели и налились соком. — Барон Нибумбум доверчиво поморгал глазами, словно сам себе удивляясь, но вдруг так и осел под гневным взглядом короля. — Ее нет. Она… она исчезла!

— Убежала?! — воскликнул король. — Немедленно найти ее, разыскать, вернуть назад! Я желаю, чтоб она была здесь, во дворце. Чтоб она плакала, просила прощения и вытирала слезы золотыми волосами. Э… Да уж не подстроил ли все это Человек-ключ? Ведь когда-то она была его невестой!

Из толпы придворных вышел Главный Обхитритель. Извиваясь всем телом, он поклонился королю:

— Ваше величество, я пущу в ход всю свою хитрость, изворотливость, применю все лисьи уловки. Заверяю вас, мы его разыщем в самое ближайшее время.

— Как? Что? — побагровел король. — Он тоже сбежал? Проклятие! Мне нельзя столько волноваться. Это мне вовсе не полезно. — Король повернулся к Главному Сборщику Улыбок: — Как ты думаешь, уж не замешан ли в этом… уж не помог ли им тот чужестранец, явившийся к нам неведомо откуда? Сторожить его как зеницу ока! Удвоить стражу!

Главный Сборщик Улыбок низко поклонился королю. Он был бледен.

— Я говорил вам, ваше величество, я предупреждал вас, как опасно оставлять в королевстве улыбку. К сожалению…

— Не вздумай мне сказать, что он тоже сбежал, — дрожащим голосом прервал его король. — Это уже слишком. От таких новостей у меня стреляет в ухе и колет в боку.

— Ваше величество, умоляю вас, успокойтесь! Все меры приняты. Двери заперты, у окон выставлена стража. Незнакомец во дворце, и с минуты на минуту он будет схвачен.

Король резко вскочил.

— Но у меня есть еще джинн! Я прикажу ему немедленно доставить всех беглецов сюда. Всех до одного. Немедленно! Эй, джинн! — крикнул король, но голос его сорвался на жалкий визг. Он

прокашлялся и снова крикнул: — Джинн! Явись! Я приказываю: явись!

Из стены, пройдя сквозь нее без усилия, вышел джинн.

Вид его был ужасен. Глаза погасли и казались черными ямами. Морщины на лице углубились еще больше и напоминали трещины на древней каменной плите. Волосы свалялись в черный войлок. Он шел шатаясь. Зацепился туфлей с загнутым носком за кресло, чуть не упал.

— Джинн! Слушай и повинуйся! — Король повелительным жестом простер руку. — Немедленно доставь сюда…

Но джинн даже не повернул головы. Он прошел мимо короля, бормоча замогильным голосом:

— О, если бы я знал, кого слушать и кому повиноваться! О, я несчастный! Бездомный джинн, затерянный в бесконечности, повисший в пустоте!

Не обращая ни на кого внимания, джинн медленно пересек зал и исчез в противоположной стене, войдя в нее с такой же легкостью, как человек входит в тень.

Приглушенное камнем, послышалось его бормотание:

— Злосчастный я горемыка! Теперь я никто и

ничто. О мой чудесный термос!..

— Это уж слишком. Королевский джинн вышел из повиновения, — замирающим голосом простонал король. — Смогу ли я это перенести? От неприятностей у меня всегда начинается насморк. Немедленно обыскать весь дворец и весь город. Искать по всем бедным домам, лачугам и развалюшкам. Засады у каждой каморки. Поймать преступников! Отнять улыбку у замочных дел мастера! Джинном мы займемся позднее.

Откуда-то издали послышался надтреснутый и ликующий голос. Кто-то бежал по залам. Крик приближался.

Двери зала резко распахнулись, и вбежал Мираклюс.

Вздыбленные пряди седых волос делали его смешным и страшным. Голубые, словно фарфоровые глаза сверкали безумием и счастьем.

Он держал в высоко поднятой руке флакон с какой-то черной жидкостью.

В зале сразу стало угрюмо и сумрачно. От граненого флакона во все стороны траурными лентами, извиваясь, поплыл мрак. Руки Мираклюса, держащие флакон, казались черными, будто опаленными адским пламенем.

— А это что? А это что? — завизжал, высоко

подпрыгивая, Мираклюс, наклоняя голову то на одно плечо, то на другое. — А это что?

— Ты смеешься надо мной! — в бешенстве закричал король. — Схватить его!

Мираклюс остановился. Медленно и бережно, как сокровище, он прижал черный флакон к груди.

— Ваше величество, — тихо проговорил он. — Я создал… Это волшебный эликсир, волшебный эликсир мрака!

— Что?! — Король с трудом перевел дыхание. — Что? Я не ослышался?

Одного взгляда, одного движения руки короля было достаточно, и придворные, беспрестанно кланяясь, попятились к дверям. Только Главный Сборщик Улыбок остался возле короля, не сводя горящего взгляда с черного флакона.

Король потянулся к флакону, но Мираклюс отскочил в сторону.

— Ваше величество, сначала выслушайте меня. От счастья мысли мои путаются.

— Говори, — нетерпеливо приказал король.

— Начну с того, что сборщики улыбок оставили мне улыбку, забыли ее отнять.

— Оставить улыбку! Ни на кого нельзя положиться, — прошептал король. — Предатели и

бездельники…

— Я и сам забыл о ней, ваше величество, на что она была мне? — дрожа, как в лихорадке, продолжал Мираклюс. — С тех пор как я услышал музыку летающего мальчишки со скрипкой, сжигаемый тайной мукой, я ни разу не улыбнулся. Я только день за днем превращал улыбки бедняков, поэтов, бродячих певцов в золотые колокольчики. А улыбки льстецов, лицемеров — в черные камни. И вот наконец…

Мираклюс слабо вскрикнул. Он с нежностью поцеловал черный флакон, и лицо его на миг погрузилось в густейшую тень.

— Я испытал в своих колбах и тиглях все черные вещества и элементы, — задыхаясь и торопясь, продолжал Мираклюс. — И вдруг меня осенило! Вот оно, самое черное на свете. Оно тут, рядом, у меня под рукой, а я и не догадывался. Это черные камни: коварные и лицемерные улыбки доносчиков, палачей, придворных. Я растер их в тончайший порошок, расплавил на огне и превратил в черный эликсир. Зловещая темнота сгустилась, но все-таки это еще не было воплощеньем Великого Мрака. И тогда… тогда я добавил в эликсир… — Мираклюс умолк, бледнея, не решаясь договорить.

— Продолжай! — Король от нетерпения стиснул руки. — Ну же, говори!

— Тогда я добавил в эликсир… вашу улыбку, — замирая, прошептал Мираклюс. Он весь съежился и словно стал меньше ростом.

— Мою улыбку?! — вскричал король. — Несчастный, ты осмелился?

— И тут наконец свершилось! — Голос Мираклюса зазвенел. — Во все стороны брызнули черные лучи. Я понял, что достиг цели!

— Чем ты докажешь, что это и есть тот самый волшебный эликсир? — Король наклонился вперед.

Мираклюс не сводил глаз с черного флакона. Казалось, эликсир мрака завораживает его.

— Тут я не выдержал, — как в бреду продолжал Мираклюс. — Я улыбнулся давно забытой улыбкой, улыбнулся близости счастья, потому что кончиками пальцев я коснулся своей мечты. Я не мог ждать, я чувствовал, что умру от нетерпения. И тогда я сорвал улыбку со своих губ! Я превратил ее в колокольчик. Какой маленькой, какой жалкой оказалась моя улыбка. Колокольчик не больше наперстка! Боясь разочарования, раздираемый нетерпением, я капнул на колокольчик чудесным эликсиром. Я зажег одну свечу, потом

вторую. Я зажег все свечи. Подкинул дров в очаг. Все осветилось… Вот он, смотрите!

Мираклюс бережно положил на ладонь короля доверчиво звякнувший колокольчик. Король испуганно вскрикнул, но нет, колокольчик не исчез. Сверкая, он лежал на ладони.

Король подбежал к окну. Подкинул колокольчик кверху, любуясь игрой золотых лучей.

— Золото… Настоящее… — прошептал король. — Оно больше не боится света!

— Как странно, — проговорил Мираклюс, — моя мечта сбылась, но как-то пусто на душе. Нет, что я говорю! Я — счастлив! Отныне я самый величайший музыкант в мире. Я сделаю из поющих колокольчиков золотой инструмент, которому нет подобных. Я прославлюсь! Весь мир заговорит обо мне!

Король поманил к себе Мираклюса.

— Ближе… Еще ближе… Подойди ко мне, не бойся, — ласково позвал король. — Ну что же ты? Ко мне, ко мне, мой милый!

Мираклюс боязливо приблизился. Король резко и властно вырвал флакон с черным эликсиром из его рук.

— Вот твоя улыбка, старик. — Король небрежно швырнул колокольчик Мираклюсу. Трясущиеся

пальцы Мираклюса не удержали его, и колокольчик, сделав круг по полу, закатился под кресло.

— Твоя улыбка мне больше не нужна. Как и ты сам, впрочем. Безумец, надоедливый глупец, неужели ты думал, что мне и вправду нужна твоя музыка? Эй, слуги, сюда! Уведите его, вышвырните вон!

— Не верю! Не верю! — Мираклюс упал перед королем на колени. Такое страдание было на его лице, что слуги на мгновение замерли, стоя над ним. — Мой инструмент, мой чудесный, божественный… — закрыв лицо руками, горестно простонал Мираклюс.

Двое слуг без труда подхватили под мышки тщедушного, высохшего, как пустой стручок, Мираклюса и поволокли к дверям, а его ноги чертили две полосы по пушистому ковру.

Король устало и глубоко вздохнул, как человек, прошедший длинный путь и наконец достигший цели.

— Скорее, немедленно слуг, скороходов, гонцов к королеве Ветренице! Просить ее величество пожаловать ко мне, отложить все государственные дела. Прилететь незамедлительно! — И добавил неслышным шепотом: — В последний раз, в последний… Неужели?

Глава восемнадцатая
Королева мышей падает в обморок. И главное: Глазастик принимает решение

Глазастик озябла и совсем приуныла. Катя велела ей не вылезать из стальных доспехов, даже не высовываться и ждать ее. Но время шло, а Катя за ней не приходила.

Глазастик тронула кончик своего носа — он был как ледышка.

«Наверно, они сами были холодные, эти рыцари, — подумала Глазастик. — Потому и не зябли в такой одежке».

Взвились и захлопали, как крылья птицы, тяжелые шторы. По комнате колесом прокатился ветер.

«Королева Ветреница… А вдруг она прилетит прямо сюда? — поежилась Глазастик. — Страшно-то как! Но почему сюда? Дурочка я, во дворце так много комнат. Плохо только, что я отсюда ничего не вижу».

Наверху в пустом шлеме светилась узкая прорезь для глаз. Упираясь локтями и коленками в

холодную сталь, Глазастик вскарабкалась повыше. Теперь ей была видна часть зала и громадный мраморный камин.

В камине, на теплой мягкой золе, лежал кот Васька, уныло глядя вверх в черную трубу. Вокруг него с почтением и некоторой опаской суетилось по меньшей мере десятка два мышей и мышат.

На каминных щипцах восседала королева мышей. Она с восхищением поглядывала на кота Ваську, озабоченно отдавала приказания своим слугам и придворным.

— Пусть они не шуршат хвостами, — капризно протянул кот Васька. — Это меня волнует. Понимаете?

— Не шуршать! — повелительно пискнула королева. — Вы совершенно правы, любезный друг, что за манеры. Как будто не во дворце, а в каком-то чулане.

— Надеюсь, вы не сочтете это бестактным, — вздохнул кот Васька. — Но когда вокруг меня столько мы... То есть, я хочу сказать, столько ваших аппетитных подданных, я должен быть все время сыт. Логично! А то черт знает что лезет в голову.

Королева повелительно подняла лапку, и сразу же перед ней появились две ловкие мышки в

белых фартучках. На головках белые чепчики, украшенные бантами размером с комара.

Поклонившись коту Ваське, мышки вывалили перед ним целую гору хлебных корок и объедков сыра.

— Издеваетесь! — оскорбился кот Васька. Глаза его невольно блеснули. — Пусть я без улыбки, но я пока еще кот, а не кто-нибудь!

— Ничтожные твари! — накинулась на своих подданных королева. — Вы недостойны называться мышами! Не в моих привычках повторять что-либо дважды! Марш на кухню. Рискуя шкурой, раздобыть лучшее мясо, куриные потроха.

— Это другое дело, — проворчал кот Васька. — А то еще, честное слово, налетит ветер — и с голодухи вылетишь в трубу. И так не жизнь, а сплошное мяу!

— Как он обаятелен в своей печали… — с нежностью прошептала королева мышей.

Быстро, будто по мановению волшебной палочки, две проворные мышки в белых передничках поставили перед котом Васькой серебряное блюдо с кусками мяса и курятины.

— Король мышей, к вашему сведению, дорогой друг, всегда может иметь на обед все, что пожелает, — как бы между прочим заметила королева

мышей. — И никакая труба ему не опасна.

Кот Васька облизнулся, отчего все придворные с писком шарахнулись в разные стороны.

— Я бы тоже что-нибудь съела, — тихонько вздохнула Глазастик. — Наверно, я от холода проголодалась. У меня вместо живота уже ямка. Наверно…

— Крутятся тут, только на нервы действуют. Лучше бы узнали, где мой пушистый Алеша. — Кот Васька стряхнул теплую золу с лап и принялся за еду.

— Наш высокочтимый гость желает знать… — проговорила королева, и тотчас же из толпы мышей появился маркиз Свечной Огарок. Тяжело дыша, поклонился королеве, поправил золотую нитку на шее. Из-за своей тучности он страдал одышкой.

— Как вы приказали, ваше величество, проводив девчонку до спальни короля, я последовал за пушистым Алешей, — отдуваясь, проговорил маркиз Свечной Огарок. — Сейчас он находится возле двери-загадки. И похоже на то, что хочет ее открыть.

— Что ж, двери для того и существуют, чтобы их открывать, — меланхолически заметил кот Васька, уплетая последний кусок мяса.

— Еще он бормотал о каком-то железном сундуке, — продолжал маркиз Свечной Огарок. — Будто в этом сундуке заперто что-то очень ценное. Не помню… Не то сны, не то старые обиды, не то зимние шубы. Забыл, что спрятано. А, вспомнил! В этом сундуке спрятаны улыбки!

Глазастик с трудом удержалась, чтоб не вскрикнуть, зажала себе рот ладошкой. Сердце ее застучало часто-часто.

— Сундук, — сонно пробормотал кот Васька. — Теперь меня уже ничего не интересует.

— А потом он простонал, что ему никогда, никогда не открыть этот сундук, — добавил маркиз Свечной Огарок. — Для этого ему нужен какой-то ключ.

— Ах, стоит ли беспокоиться о каких-то ключах! — зевнул кот Васька. — Все суета. Ну, не сегодня откроет, так завтра. Какая разница?

Тем временем две услужливые мышки в белых чепчиках накинули на плечи королевы что-то мягкое, пушистое, излучающее золотистый свет.

«Похоже на волосы Ниточки, — удивилась Глазастик. — Золотой локон. Только как он мог попасть к мышам?»

— Не правда ли, мило, — кокетливо заметила королева мышей, спуская золотой локон на одно

плечо. — Пауки соткут мне очаровательную мантию для торжественного случая. Например, для свадьбы. И что такое наша жизнь, в сущности? Цепь неожиданностей. Всякое может случиться… — с загадочным видом добавила она.

Кот Васька ничего не ответил. Трудно было даже сказать, слушает он королеву или нет. Казалось, мысли его витают где-то далеко.

Глазастик вся извертелась в тесных доспехах.

«Хоть бы Катя скорей пришла, — томилась она. — Ведь Катя ничегошеньки не знает. Сундук с улыбками…»

— Неограниченная власть, и никаких забот о пропитании, — вскользь заметила королева мышей. — Я имею в виду, конечно, короля мышей. Взгляните, дорогой друг, к лицу ли мне золотой цвет, как вы находите?

— А что? Неплохо блестит, — равнодушно заметил кот Васька. И тут же добавил с печальным вздохом: — Эх, видели бы вы кошку Мурку. Вот, доложу вам, кто блестит! Особенно когда она сидит на трубе и загораживает солнце. Клянусь жареной куриной ножкой, она похожа тогда на золотое облако! Нет, лучше об этом не думать. Это надрывает мне душу.

— Что еще за кошка Мурка? — дрогнувшим

голосом спросила королева мышей.

— Моя подружка, — не замечая отчаяния в глазах королевы, объяснил кот Васька.

— Она… она тоже королева? — вся помертвев, воскликнула повелительница мышей, и дрожь пробежала по ее жемчужной спинке.

— Какая там королева! — Кот Васька махнул лапой.

— Значит, она принцесса, герцогиня? — слабея, еле слышно проговорила королева мышей.

— Какое там! Самая обыкновенная бездомная кошка. Как говорится, подзаборная. Вот это была жизнь! — Кот Васька увлекся воспоминаниями: — Мы встречались на крыше или в укромном местечке во дворе. Я улыбался, она мурлыкала. А с каким изяществом она ловила всяких…

Тут кот Васька взглянул на королеву и несколько сконфуженно умолк.

Королева мышей слабо пискнула, розовые уши ее задрожали, она подняла трепещущие лапки и запрокинулась на спину. Придворные кинулись и подхватили ее.

— Предпочесть мне… предпочесть королеве какую-то подзаборную хищницу! — И королева мышей лишилась чувств.

Золотой завиток упал на пол.

Мыши засуетились, бережно подняли королеву, понесли. Самый маленький мышонок поддерживал безжизненно повисший хвост королевы.

— Какое ужасное и несчастное происшествие! Просто И! — тонким голосом пищал он.

Мыши исчезли.

Глазастик осторожно выбралась из железных доспехов. Руками потерла худенькие плечи — ой и озябла же она!

Подняла с полу золотой завиток. Так и есть — волосы Ниточки! Золотой локон мягко сиял у нее в руках. От него веяло теплом, какой-то надеждой.

«Они не бросят меня тут», — подумала Глазастик.

Неожиданно ветер с силой навалился на окно, швырнул в стекло звонкие снежинки и с разбойничьим свистом протиснулся в оконную щель.

Он наполнил зал холодом, свил вокруг Глазастика ледяное кольцо. Золотой локон сдуло с ее ладони, разметало, разнесло по волоску во все стороны.

— Ай! — воскликнула Глазастик.

Вдруг в лицо ей повеяло чем-то теплым. Она разглядела круглое прозрачное лицо с веснушками на носу, волосы — как языки бесцветного

пламени.

— Вихрик, ты! Посмотри, волосы Ниточки! — горестно воскликнула Глазастик. — Тот злой колючий ветер разбросал их во все стороны, видишь? Волосы Ниточки…

Действительно, все вокруг блестело, словно порвались на части и повисли в воздухе разорванные нити золотого дождя.

Родниковой чистоты слезы побежали по щекам Глазастика.

— Не плачь, Глазастик, не плачь. — Бесчисленные теплые пальцы ласково погладили щеки Глазастика. — Сначала я высушу твои слезы, а потом…

В воздухе повсюду замелькали чуть видимые руки, собирая в пригоршни золотые волосы Ниточки.

Через мгновение золотой локон невесомо опустился на ладонь Глазастика.

— А я что знаю! А я что знаю! — Вихрик скользнул по плечу Глазастика. — Я старался все запомнить, ничего не перепутать. Ты так удивишься! Слушай: улыбки спрятаны в сундуке! В железном сундуке.

— Да, да, Вихрик, я знаю, — торопливо сказала Глазастик. — Мышка с золотой ниткой на шее

говорила об этом.

— Знаю, знаю! — с обидой передразнил ее Вихрик. — А вот спорю на что хочешь, ты не знаешь, что улыбки звенят! Вот так: динь-динь-динь! Но открыть этот сундук он никак не может!

— Кто не может, кто? — Глазастик протянула к Вихрику руки, но перед ней уже была пустота. — Ты где, Вихрик?

— Динь-динь-динь! — беспечно прозвенел Вихрик где-то под потолком. — Тебе нравится, как я звеню?

— Очень, очень нравится, — поспешно кивнула Глазастик. — Вихрик, ты не договорил, кто хочет открыть сундук и не может?

— Такой хороший, добрый, я его люблю. В шляпе с павлиньим пером! — Вихрик свился голубым кольцом, закружился вокруг люстры.

— Дядя Алеша! — всплеснула тонкими руками Глазастик.

— Не знаю, не знаю! Динь-динь-динь! — Теперь звон доносился сразу из всех углов. — А еще я могу звенеть совсем тоненько, послушай. Динь-динь! Как, по-твоему? Правда, красиво?

— И звенит, и звенит… — проворчал кот Васька, растянувшись в камине на теплой золе. — Покоя не дают старому коту. Впрочем, я совсем не

старый.

— Еще я принес тебе перышко! Белое перышко голубки. Ты любишь играть с перышками?

Быстрые руки Вихрика взлетели вверх. По воздуху, покачиваясь, как по волнам, проплыла белая пушинка, плавно опустилась вниз, зацепилась за рукав Глазастика.

— Люблю перышки, очень люблю. До чего хорошенькое, прелесть, — едва взглянув на перышко, сказала Глазастик. Она знала, какой Вихрик обидчивый. — И все-таки… Сундук с улыбками. Ты знаешь, как его открыть?

— А ключ от сундука: он есть — и его нет! Есть и нет, все сразу. Динь-динь-динь! — снова не удержался Вихрик.

— Как это: есть и нет? Так не бывает. — От удивления Глазастик моргнула.

— Бывает, бывает, все бывает! — Вихрик вдруг перестал крутиться, повис перед Глазастиком. Блеснули мелкие песчинки на его носу и щеках. — А тебе здесь вовсе нечего делать, Глазастик, дурочка! Такая худенькая и такая глупая. Или все худенькие такие глупые?

— Почему глупая? Вихрик, ну что ты делаешь, зачем ты меня щекочешь?

— Конечно, глупая! — Пальцы Вихрика пробе-

жали по ушам и шее Глазастика. — Ведь как раз сюда, в этот зал прилетает королева Ветреница!

— Сюда? Королева Ветреница? — Глазастик невольно со страхом оглянулась на окно.

— Ну да. Если у нее северное настроение, то северные ветры ледяными щипцами завивают ей волосы, снежной пылью пудрят лицо. А если южное настроение, я украшаю ее ароматами цветов.

— Прилетает сюда, ой! — вздрогнула Глазастик. — Я хочу уйти скорее отсюда! Уйти…

Глазастик прислушалась. Там снаружи бились в стены и бесновались ветры, дробя в воздухе голубые розы-снежинки, поднимая столбами ледяную пыль.

— Еще не сейчас, не сейчас, не сейчас! — Вихрик закружился вокруг Глазастика. — Вот когда во дворце зазвенят все стекла — тогда пора. Тогда, значит, она уже близко.

— Нет, я хочу уйти сейчас, — чуть не плакала Глазастик. — Я так ее боюсь! Боюсь больше всего на свете. Вихрик, миленький, уведи меня отсюда. Спрячь где-нибудь. Ты же знаешь весь дворец. А зачем она прилетает?

— Королева Ветреница приносит вашему королю ключ-невидимку! — просвистел Вихрик.

— Ключ-невидимку? Разве такое бывает? — ахнула Глазастик. — А не врешь?

— Мы, ветры и вихри, никогда не врем, не обманываем. — Вихрик обиженно взвился к потолку, зашевелил подвесками люстры. — Есть буйные, злые, губительные ветры. Но мы свистим только правду, правду, правду… И я больше никогда не скажу тебе ни одного словечка!

— Прости меня, Вихрик! — Глазастик с мольбой сложила тонкие руки. На миг она увидела перед собой глаза Вихрика с маленькой синей точкой печали в каждом. — Я не хотела… Я тебе верю. Скажи, ты видел когда-нибудь ключ-невидимку? Какой он, этот ключ?

— Не скажу! — заупрямился Вихрик.

В воздухе мелькнули его обиженно надутые губы.

— Ну, Вихрик! — взмолилась Глазастик. — Скажи, какой он? Мне очень надо. Ты его видел хоть раз?

— Да как же его увидишь? — удивился Вихрик и весело закружился вокруг Глазастика. Видно, обида уже выветрилась из его головы. — Он же невидимый. Северный ветер высекает его из самого чистого прозрачного льда. Королева Ветреница приносит его, когда у нее северное

настроение.

— Ключ изо льда?! — ахнула Глазастик.

— Да, да, да! Ключ-невидимка висит на цепочке из ледяных алмазов на груди у королевы. Она снимает ключ с цепочки и отдает королю.

В этот миг весь дворец сотрясла звенящая дрожь. Задребезжали все дворцовые стекла, со скрежетом и треском волчком завертелись флюгера.

— Она летит, она близко, близко, близко! — Вихрик дохнул Глазастику в лицо. — Сейчас королева Ветреница распахнет окно. Торопись, иначе ты не успеешь убежать отсюда. Спеши за мной, за мной!

Но Глазастик не тронулась с места. Она стояла, хмуря тонкие брови, словно о чем-то мучительно думала.

— Я никуда не пойду, Вихрик, — сказала Глазастик. — Тут останусь. Только, наверно, я умру со страху или северный ветер унесет меня, прежде чем я успею…

— Ты с ума сошла! — просвистел Вихрик. — Что ты надумала?

— Не дуй мне в лицо, а то мне трудно говорить, — попросила Глазастик. — Я скажу тебе тихонько, шепотом. А то вдруг кто-нибудь услы-

шит.

На миг Глазастик увидела перед собой круглое оттопыренное ухо Вихрика.

— Говори скорей! Я не могу долго стоять на месте, как вы, люди, — поторопил ее Вихрик. — Я должен крутиться, вертеться!

Глазастик наклонилась к прозрачному уху Вихрика.

— Я спрячусь в железного рыцаря, — прошептала она.

Вихрик рванулся с места.

— Ты такая худенькая и такая смелая! Или все худенькие такие смелые? Я боюсь за тебя, боюсь!

— Сама боюсь, — глубоко вздохнула Глазастик, и что-то зазвенело у нее в груди. — Ужас до чего боюсь. А надо. Вдруг это как раз тот самый ключ? Похоже на то. Значит, это он открывает сундук с улыбками. Как же я могу уйти отсюда? Если мне повезет, то я…

— Тогда подыши на меня, чтоб я стал еще теплее. Такой же теплый, как ты! — просвистел Вихрик.

Глава девятнадцатая
Дверь-загадка. И главное: замок, который не может открыть Трот

Волшебник Алеша стоял в тени высокой мраморной колонны, без сил прислонившись к ней плечом. Сейчас больше всего на свете ему хотелось одного: открыть дверь-загадку.

— Я должен улыбнуться, — уговаривал он сам себя. — В сущности, все складывается не так-то уж плохо. За Катю я спокоен. Волшебный мел у нее. Я уверен, Катя уже давно дома и, конечно, прихватила с собой летающего беднягу, кота Ваську. Однако… Как же в таком случае я вернусь из сказки? Но об этом сейчас не время думать. И так слишком много сложного и запутанного. Взять хотя бы джинна. Как я в нем разочарован. Изменник и предатель, потерявший всякую совесть. Боже мой, ведь в любой момент король может приказать ему…

Волшебник Алеша понял, что улыбнуться он не сможет.

Где-то в дальних залах гулко прозвучал голос:

— Побегушка! Где ты, негодник?

Волшебник Алеша в смятении оглянулся. В этом пустом зале с полукруглыми окнами было совершенно негде спрятаться. Неожиданно большая темная картина в золоченой раме качнулась, сдвинулась с места, по стене сверху вниз побежала трещина. Обозначилась щель, она все расширялась, и наконец в стене приоткрылась маленькая дверца.

«Или все погибло, или, может быть, наконец произойдет что-то счастливое, что изменит столь мрачный ход событий!» — пронеслось в голове волшебника Алеши. Потайная дверца распахнулась. Из дверцы вырвалось сияние — на пороге стояла Ниточка. Она держала за руку юношу с бледным лицом. Его бледность переходила в зеленоватость, цветом напоминая росток, никогда не видавший солнца.

Ниточка тряхнула волосами — на пол упала соломинка.

— Они заперли нас, но мы убежали. Это Трот, мой жених. Он замочных дел мастер, — задыхаясь, словно от быстрого бега, сказала Ниточка. — Во дворце его зовут Человек-ключ, а еще Человек-улыбка. Но сейчас не время об этом. Скажите скорее, где Глазастик? Вы не знаете, где она? Ветер ее не…

— Так это вы Человек-улыбка? Вы открывали эту дверь? — с облегчением воскликнул волшебник Алеша, не отвечая на вопрос Ниточки. — Ну вот все и наладилось! Прошу вас, скорее улыбнитесь. Нам надо, нам просто необходимо как можно скорее открыть эту дверь!

— Где Глазастик? — нетерпеливо перебила его Ниточка. — Вы не видели ее?

— Дома, наверно, где же ей еще быть. — Волшебник Алеша успокоительно похлопал Ниточку по руке. — Я велел им сидеть тихо и ждать меня.

— Значит, вы ничего не знаете, — бледнея, прошептала Ниточка. — Они здесь, они во дворце — и Глазастик, и Катя!

— Ах, девчонки! — всплеснул руками волшебник Алеша.

— Боюсь, что я не смогу улыбнуться, — покачал головой Трот.

Послышались звучные бегущие шаги.

— Здесь все ходят так тихо. — Волшебник Алеша оглянулся на Трота. — Кто бы это мог быть? Шаги все ближе…

В этот момент в зал вбежала Катя. За ней — сероглазый мальчик с пустым подносом в руках, в тесной бархатной курточке.

— Видишь, Тс-с, ты нашла его, — печально шеп-

нул маленький паж. — Прощай, Тс-с!

Мальчик посмотрел на Катю и легко, неслышно выбежал из зала.

Ниточка бросилась к Кате, схватила ее, сжала ей щеки ладонями так сильно, что губы у Кати оттопырились.

— Катя, Катя, говори скорее, ты не знаешь, где Глазастик? — спросила она, нетерпеливо и вместе с тем боясь услышать в ответ что-то страшное.

— Глазастик в рыцаре, в пустом, я ее туда спрятала! — с трудом проговорила Катя. — Ой, пустите! Там ей никакой ветер не страшен!

Ниточка благодарно обняла Катю, и Катя почувствовала, какие невесомые руки у Ниточки, будто они из воздуха или это только тени рук.

В дальних дверях на миг появилась юная придворная дама со злым личиком. Она резко остановилась. Кружева на ее платье поднялись, засеребрились и, опадая, погасли.

Она бесшумно и незаметно исчезла.

— Дядя Алеша, ой! А я термос разбила! — торопясь и радуясь, проговорила Катя, отводя от лица золотые волосы Ниточка. — Я его схватила и бряк об пол! Он — дзынь! — и разбился!

— Прекрасно! — воскликнул волшебник Алеша. — Если термос разбит, джинн нам больше не

опасен. Это просто великолепно!

Тут Катя, Трот и волшебник Алеша, не сговариваясь, улыбнулись все вместе. И от их улыбок, и от звенящего Катиного голоса дверь-загадка стремительно распахнулась.

— Скорее, да скорее же, пока нас никто не увидел, — заторопился волшебник Алеша.

Все четверо переступили порог небольшой комнаты, и дверь-загадка тотчас же за ними затворилась.

Из часов, из маленького домика над круглым циферблатом, выглянула Кукушка, с важностью поклонилась вошедшим. Лукаво и благосклонно поглядела на волшебника Алешу.

— Познакомьтесь, это мой друг, ученая Кукушка, мудрая и благородная. — Волшебник Алеша указал на Кукушку. — Потом я расскажу вам о ней много замечательного. Но сейчас главное — открыть этот старинный сундук. В нем — улыбки. Это удивительно. К тому же они звенят. Мы должны их освободить. Я знаю, Трот, что вы можете открыть любой замок, для вас нет тайн подобного рода. В таком случае за дело, дружище!

Трот присел на корточки, внимательно осмотрел замочную скважину. Встал, рассеянно хмуря брови, качнул цепь, которой сундук был

прикован к стене. Снова нагнулся к замочной скважине.

Волшебник Алеша следил за ним с нарастающим беспокойством.

Трот выпрямился и безнадежно покачал головой.

— Да, я создал этот замок, но беда в том, что открыть его я не в силах. Его может открыть только самый таинственный ключ на свете, ключ-невидимка! Северные ветры вытачивают его из тончайшего чистого льда. Ключ-невидимка открывает замок и тут же тает в руках. Несколько хрустальных капель — и все, ключа больше нет. Увы, только им можно открыть сундук с улыбками. Здесь я бессилен!

— Вот оно что! Теперь я понимаю, почему этот ключ существует и одновременно его нет, — потерянным голосом прошептал волшебник Алеша. — Ключ-невидимка…

— Ку-ку! — печально подтвердила Кукушка, выглядывая из домика над часами и качая головой. — Ку-ку!

Глава двадцатая
Королева Ветреница. И главное: ветер уносит Глазастика

Глазастик, спрятавшись в стальных доспехах, дрожала мелкой дрожью. Она прижала ладошку к губам, чтобы зубы не стучали.

Кот Васька зарылся в теплую золу и задремал.

Вихрик тоже притих, только из разных углов время от времени доносились его вздохи и шепот. Что он шепчет, было не разобрать.

Глазастик напряженно прислушивалась к нарастающему свисту ветра за окнами. Но вот к голосу ветра подметался лай собак, смутные звуки труб.

«Она! — в страхе подумала Глазастик. — Не могу! Зачем я только… А холод какой! Наверно, я превращусь в сосульку с двумя глазами, и все».

Неожиданно весь дворец содрогнулся от самого основания до верхушек зубчатых башен. Ветер ударил с такой силой, что, казалось, стекла прогнулись, как паруса.

Безумный свист, оглушая, приблизился. Глазастик сжалась в комочек.

Окна зала со свистом распахнулись. Одно стекло зазвенело и треснуло.

Во все окна полились потоками, тесня друг друга, прозрачные гончие, пажи, косматые слуги-ветры.

И наконец Глазастик, замирая, увидела ту, которой она боялась больше всего на свете.

В окно влетела сама королева Ветреница.

Глазастик увидела струи воздушных волос, колеблющиеся по краям, едва различимое, надменно поднятое кверху лицо, хрустальную корону. Ярче всего сверкала цепь из граненых алмазов на груди королевы Ветреницы. На мгновение что-то блеснуло среди острых алмазов. Это был ледяной ключ. Казалось, он сделан из прозрачного серебра.

— Ключ-невидимка! — обомлела Глазастик.

— Подайте мне зеркало и придвиньте кресло! — послышался повелительный звенящий голос.

Чуть видимые слуги усадили королеву в кресло, обитое узорным шелком, тоньше любой кисеи. Маленький паж, которого Глазастик с трудом рассмотрела, подал королеве зеркало. Зеркало текло, лилось, как ключевая вода.

— На кого я похожа! — послышался капризный, ломкий голос. — Я не могу показаться жениху

на глаза в таком виде. Северные ветры, завейте мои волосы, вихри, напудрите меня, расправьте мой плащ, уложите его складками, как волны северного моря.

Вокруг королевы засуетились слуги-ветры. Прозрачный гребень погрузился в струящиеся волосы. Слабо блеснули щипцы, укладывая волосы легкими, словно стеклянными локонами.

Холод сковал руки и ноги Глазастика. Стальные латы стали совсем ледяными.

Слуги-ветры сновали по залу. Одна из гончих, принюхиваясь, подбежала к стальному рыцарю. Залаяла звонко, но лай ее смешался с голосами и свистом.

— Хорошая псина, не надо, не надо… — прошептала Глазастик. Она осторожно высунула руку, погладила плоский лоб гончей. И вдруг холодный язык ласково лизнул ей ладонь. Почему-то это немного подбодрило Глазастика.

На миг она увидела веснушки и лицо Вихрика. Веснушки порхали в воздухе, как рой мошек.

Отворилась дверь, и вошел король, зябко кутаясь в горностаевую мантию. Весь мех на мантии встал дыбом, когда он приблизился к королеве Ветренице. Король поцеловал ее прозрачную руку и поспешно отошел в сторонку.

— Моя прекрасная невеста, вы очаровательны, как всегда! — зеленея от холода, проговорил король. — Надеюсь, вы не забыли и принесли наше маленькое, но бесценное сокровище? Наш ключ-невидимку!

— Да, мой милый жених, я принесла его. Но боюсь, в последний раз. — Королева Ветреница грозно нахмурила серебряные брови.

«Она принесла ключ-невидимку. Я не ошиблась», — вся дрожа, подумала Глазастик.

— Почему же так, моя самая очаровательная, моя самая прозрачная невеста? — Король кашлянул в кулак и плотнее запахнул мантию. — Почему так мрачно, почему в последний раз?

— Опасаюсь, ваше величество, что вы отняли не все улыбки у ваших подданных. Откуда-то взялись улыбки, и они на свободе! — дохнула холодом королева Ветреница, и голубой иней тут же покрыл узорами все окна и зеркала. — От этих улыбок тают северные льды. Мой преданный северный ветер с трудом отыскал одну-единственную льдинку, из которой он смог выточить бесценный ключ!

— Проклятые улыбки, — процедил сквозь зубы король. Он натянул мантию повыше, уткнулся носом в теплый мех. — Этот волшебник из друго-

го пространства, а с ним еще какая-то девчонка. Они улыбаются…

— Чего ж тогда удивляться, ваше величество? От улыбок слишком много тепла, — гневно повторила королева. Глаза ее опасно сверкнули. — Там, где еще недавно расстилались ледяные поля, где я каталась на оленях, теперь плещется море. Зеленые волны бьются о скалы. И потому это последний ключ-невидимка!

«Последний…» — неслышно прошептала Глазастик.

— Что поделаешь, моя прекрасная невеста. — Король отвернулся, пряча глаза. Он притворно вздохнул. — Последний так последний.

— Ну так берите ключ-невидимку и поторопитесь! — пронзительно крикнула королева.

Глазастик увидела, как из-за колонны выскользнул Вихрик. Раскинув руки, он принялся кружиться над королевой Ветреницей. Наконец он подлетел к ней совсем близко, но королева отшатнулась от него.

— Что ты здесь делаешь сегодня, негодник? — прозвенел ее властный голос. — Ты же знаешь, что у меня сегодня северное настроение. А ты, наверно, опять валялся на горячих песках пустыни. Ступай отсюда! Я призову тебя, когда у меня будет

южное настроение.

— Я летал в весеннем лесу, я принес вам тени и аромат фиалок, фиалок! — просвистел Вихрик.

— Прочь! Сегодня я не желаю фиалок! А когда у меня южное настроение, тебя невесть где носит, бездельник! — сердито сказала королева Ветреница, поворачивая лицо и разглядывая себя в зеркале. — Поднимите мои волосы повыше и перетяните их узким снежным облачком.

Вихрик подлетел еще ближе.

— Еще я был в летнем лесу. Я собрал для вас вкус и запах земляники. Он расцветит ваши щеки, а губы сделает розовыми.

— Ты надоел мне, дрянной мальчишка! — Королева Ветреница нетерпеливо махнула рукой. И от этого движения невесомые пажи и слуги разлетелись в разные стороны.

— Я был в осеннем поле, — пропел Вихрик. — И раздобыл для вас золотую пыльцу. Я позолочу ею вашу цепь!

— Мне жарко, душно! — гневно крикнула королева Ветреница. — От тебя веет человеческим теплом. Ты обжигаешь меня!

Глазастик увидела, что Вихрик совсем близко подлетел к королеве Ветренице. Мелькнули его вытянутые трубочкой губы. Он подул на ледяную

цепь. Одно из ледяных звеньев растаяло, цепь распалась и со звоном лопнувшей струны упала на пол.

— Дрянной мальчишка, волчонок, что ты наделал! — в неистовой ярости крикнула королева Ветреница.

Она стремительно вскочила с кресла, и тотчас же все вокруг со свистом взвихрилось, завертелось. Пажи, слуги, собаки взмыли к потолку, путаясь, пролетая друг сквозь друга. Кресло и зеркало превратились в струи ветра.

Кот Васька, подхваченный сквозняком, вылетел из камина и закружился вокруг люстры, пытаясь зацепиться за нее, скользя когтями по гладким хрустальным подвескам.

Стальной рыцарь покачнулся. Тяжелый шлем упал и покатился со звоном и грохотом. Глазастик выскочила из доспехов, но поскользнулась на оледеневшем мраморном полу и упала на колени посреди зала.

В этот миг отворились высокие двери, появился Главный Сборщик Улыбок, да так и застыл на пороге.

Вихрик обхватил Глазастика своими бесчисленными руками, помогая ей встать.

— Проклятье! Откуда тут девчонка? — завопил

король.

Глазастик вскочила на ноги, но королева Ветреница опередила ее. Она наклонилась, волосы ее распустились и заполнили весь зал.

Глазастик, задыхаясь, продиралась сквозь волосы королевы. Они мешали ей дышать, душили ее, хлестали по глазам.

Королева Ветреница уже протянула руку к алмазной цепи, но в этот миг кот Васька, кружась и кувыркаясь, безнадежно запутался в диких струях ее прозрачных волос.

— Ай! — вскрикнула королева Ветреница, хватаясь за виски. — Кто так больно дергает меня за волосы?

Глазастик увидела палец Вихрика, указывающий на что-то прозрачное среди рассыпавшихся ледяных алмазов.

Глазастик не стала медлить. Она наклонилась, дрожащей рукой нашарила на полу что-то невидимое и холодное и зажала в кулаке. Она сразу почувствовала — это ключ.

— Девчонка украла ключ-невидимку! — простонала королева. Она никак не могла вытащить кота Ваську из перепутанных прядей своих струящихся волос.

— Хватайте ее, держите! — как безумный заво-

пил король.

Глазастик, дрожа с головы до ног, попятилась к окну.

— Прошу вас, ваше величество. — Главный Сборщик Улыбок почтительно отстранил короля. И добавил шепотом: — Ее надо уговорить, обмануть, обхитрить...

Глазастик сложила ладони лодочкой, она чувствовала обжигающий холод ледяного ключа.

— Девочка, милая девочка, отдай мне этот маленький ключик! И ты будешь жить во дворце, — ласково и вкрадчиво проговорил Главный Сборщик Улыбок, протягивая к Глазастику свои страшные гибкие руки.

— Нет, — замирая, прошептала Глазастик.

— А золотые туфельки? — еще слаще проговорил Главный Сборщик Улыбок, незаметно подкрадываясь к Глазастику. — Ты только представь себе: твои шаги будут слышны во всех залах! А зависть? Все придворные дамы, все до одной, — да они сойдут с ума от зависти!

— Слишком много чести! — яростно просвистела королева Ветреница. Слуги, суетясь, расчесывали ее волнистые волосы, торопливо завязывали их бантами из голубого тумана, посыпали изморозью.

— Мы присвоим тебе титул Легкая Принцесса, Принцесса-облачко, Принцесса-пушинка! — Голос Главного Сборщика Улыбок усыплял, обволакивал. Он уже совсем близко подобрался к Глазастику.

— Слишком много чести! — гневно воскликнула королева Ветреница. Король согнулся, кашляя от порывов ледяного ветра.

— Ну, моя девочка, ну, моя хорошая! — Главный Сборщик Улыбок скользил по мраморному полу, как по льду. — Соглашайся же, не упускай своего счастья! Вот и умница, я вижу, ты сейчас отдашь мне этот маленький холодный ключик!

— Нет! — словно засыпая, еле дыша, прошептала Глазастик.

— Проклятье! Почему все они говорят мне: «Нет! Нет! Нет!» — не выдержав, взвизгнул король. — Приказываю, отныне всем говорить мне «Да!». Только «Да!» — и ничего другого!

Глазастик невольно обернулась на голос короля, и в этот миг, улучив момент, Главный Сборщик Улыбок подпрыгнул, как отвратительное насекомое, и ухватил Глазастика за подол наполненного ветром платья.

— Попалась, маленькая дрянь, воровка! — с неистовым торжеством крикнул он.

Глазастик увидела: в воздухе мелькнула растопыренная пятерня Вихрика. Он разом сгреб все веснушки-песчинки со своего носа и щек и швырнул их прямо в лицо Сборщику Улыбок. Тот взвыл не своим голосом и выпустил платье Глазастика. Прижав кулаки к глазам, Сборщик Улыбок завертелся на месте.

— Проклятый ветер! Засыпал глаза песком! Ничего не вижу! — завопил он.

Глазастик вскочила на подоконник и толкнула раму. Высокое окно со скрипом распахнулось. Глазастик едва чувствовала биение своего сердца, вся жизнь в ней словно остановилась.

— Я опутаю тебя волосами! Я задушу тебя! — дико закричала королева Ветреница. Ее прозрачные руки все удлинялись, они тянулись к Глазастику, грозя схватить ее.

«Прощайте, Ниточка, Катя… — подумала Глазастик. — Прощайте, все… Все…»

Глазастик наклонилась. Ей показалось, под ней открылась бездна. Она наклонилась еще больше. Могучий ветер подхватил ее, поднял и легко вынес из окна.

«Я лечу все выше! Как страшно…» — Голова у Глазастика закружилась. Она глянула вниз и увидела крыши, крыши, заснеженные крыши,

влажную темную черепицу, флюгера, черные провалы труб и площадь перед дворцом, на которую со всех сторон сбегались стражники.

С жалобным мяуканьем мимо нее пронесся кот Васька.

— Мои волосы! Они зацепились за люстру. Перережьте ленты! — пронзительно крикнула королева Ветреница. В воздухе звякнули прозрачные ножницы. Королева Ветреница со свистом вылетела из окна вслед за Глазастиком.

Глава двадцать первая
Вихрик улетает из дворца. И главное: король приходит к выводу, что все складывается очень удачно

— Это все ты виноват, ты! Девчонка, ветер, ключ! — Король от ярости не мог устоять на месте. Он подскакивал, подпрыгивал. Можно было подумать, что король танцует какой-то нелепый танец. Горностаевая мантия сползала с его плеч, он судорожно подхватывал ее и снова закутывался в мех до подбородка. — Подумаешь, какая-то горсть песка. Неженка, глупец, бездарность! Упустить девчонку, да еще с ключом! Да тебя мало повесить за такое!

Но Главный Сборщик Улыбок не слышал отчаянных криков и опасных угроз короля. Согнувшись в три погибели, стеная и охая, он прикладывал носовой платок то к одному глазу, то к другому. На зубах у него скрипел песок.

С разных сторон доносились тихие всхлипывания Вихрика. В одном углу Вихрик плакал глухо и безнадежно, в другом — тонко, жалобно, по-детски шмыгая носом.

По всему залу с сухим шорохом беспорядочно носились розы-снежинки, сталкивались, роняли непрочные лепестки.

— Я весь окоченел! Закрой скорее окно! — Король острым носком ботинка заехал в бок Главному Сборщику Улыбок. Тот выпрямился, моргая слезящимися, красными глазами. Преодолевая тугие порывы ветра, плотно закрыл окно. В последний момент, горько всхлипнув, в оконную щель выскользнул Вихрик и исчез.

— Проклятый ветерок, я задушил бы тебя своими руками! — прошипел ему вслед Главный Сборщик Улыбок.

— Ну! — сквозь зубы процедил король. — Что ты скажешь в свое оправдание?

Главный Сборщик Улыбок немного отдышался, высморкался, брезгливо смахнул последние песчинки со лба и щек.

— Как посмотреть на все случившееся, ваше величество, — вкрадчиво, словно расстилая перед королем мягкий бархат, проговорил Главный Сборщик Улыбок. — Девчонка улетела, тут я не спорю. Но скорее всего маленькая дрянь отморозит пальцы, выронит ключ, и он разобьется вдребезги. Так что этим мерзавцам все равно не удастся открыть сундук, что, несомненно, для нас

самое главное.

— Допустим, — неохотно согласился король. — Но все остальное…

— Далее, ваше величество… — Голос Главного Сборщика Улыбок словно заворачивался мягкими складками. — Вы приказали узнать, где скрывается красавица с золотыми волосами. Теперь нам известно, где она. Скоро Ниточка у ваших ног со слезами станет молить о пощаде и прощении.

— Что ж, это будет очень мило, — разнеженным голосом проговорил король. Он мечтательно сощурился. — Пусть она немного поплачет. Чужие слезы меня всегда успокаивают. Да, да, я женюсь на ней. Это решено. Мне нужна именно такая жена. Послушная и теплая. С золотыми волосами и главное — всегда одинаковая.

— Но это еще не все, — перебил его Главный Сборщик Улыбок. Он был не в силах скрыть зловещего торжества. — Вы приказали поймать пришельца со странным именем «волшебник Алеша». Так вот, извольте! Он прячется там же, где красавица Ниточка. Более того, девчонка Катя тоже вместе с ними. Но и этого мало. Трот, Человек-улыбка, не где-нибудь, а тоже там. Мы накроем их, как малых пташек, одной сетью.

Захватим всех сразу. Согласитесь, это редкая, исключительная удача. Они сами устроили себе такую хорошенькую ловушку!

— Пожалуй, ты не так глуп, — пробормотал король. Настроение у него явно улучшилось. — Ниточку я запру в дальних покоях. Остальных прикажу казнить без всякого промедления. Надеюсь, это послужит им хорошим уроком.

Король с довольным видом потер тощие синеватые руки. Они походили на скрюченные птичьи лапки. По лицу короля было видно, что он думает о чем-то заманчивом и приятном.

— Однако нельзя терять ни минуты, — осторожно напомнил ему Главный Сборщик Улыбок.

— Да, да, поторопимся. — Король расправил складки мантии, гордо вскинул голову. — Мираклюс, путаник и мечтатель! Наконец твой гений сослужит мне верную службу. О, эликсир мрака! Я уже чувствую в руках вес золота. Его холодную тяжесть!

Глава двадцать вторая
Королева Ветреница ловит Глазастика. И главное: золотые колокольчики

Волшебник Алеша в глубокой задумчивости стоял возле прикованного к стене сундука. Катя держала его за рукав, молчала, ни о чем не спрашивала, только иногда боязливо заглядывала ему в лицо.

Из домика над часами выглянула Кукушка. С сочувствием посмотрела на волшебника Алешу, покачала головой. Не скрывая любопытства, оглядела Ниточку, ее золотые волосы. Потом с важным видом разгладила серые перышки у себя на груди, явно давая понять, что они ничуть не хуже.

— Моя улыбка тоже тут? — тихо спросила Ниточка.

Трот отвернулся, кусая губы.

— Я проклинаю себя, проклинаю свое мастерство, — простонал Трот. — Я наказан за гордость, тщеславие! Мне нравилось создавать то, что не доступно никому другому. И как жестоко я наказан!

Ниточка с нежностью прижала ладонь к его губам.

— Не надо так, любимый, — прошептала она. — Ты — великий мастер, и ты ни в чем не виноват. Злые люди обманули тебя, воспользовались твоим чудесным даром. Так случалось во все времена.

Неожиданно из-за двери-загадки послышался приторно-ласковый голос Главного Сборщика Улыбок. Голос тек медленно, тягуче, как горький мед.

— Эй вы, там! Отоприте двери, послушайтесь доброго совета. Игра проиграна, имейте мужество признаться в этом. Откройте дверь, мои дорогие, и король вас помилует. А если нет, вас вздернут на виселицу, всех, и тяжелых, и легких!

Катя, всхлипнув, уткнулась носом в грудь волшебника Алеши.

— Эликсир мрака готов! Все равно улыбки погибнут. — Наслаждение послышалось в голосе Главного Сборщика Улыбок. — Откройте дверь!

— Эликсир мрака, я читал о нем… — В отчаянии волшебник Алеша на мгновение закрыл глаза рукой. — Он убьет улыбки, и уже ничто не сможет их оживить!

Неожиданно тревожным легким движением

павлинье перо коснулось его щеки. Волшебник Алеша скосил глаза на кончик пера. Сине-зеленый глазок пристально смотрел на окно.

Волшебник Алеша перегнулся через подоконник. Откуда-то сверху свалился маленький камушек, со свистом пролетел мимо его щеки. Волшебник Алеша поднял голову. Зацепившись за зубцы башни, сверху на веревках спускались стражники.

Вся площадь у подножия башни кишела стражниками в тяжелом вооружении. Их было множество, не сосчитать. Одни волокли длинные лестницы, поднимали их, прикидывая, как забраться повыше. Другие карабкались по уступам башни, ломая хрупкие ветки сухого плюща. Все смешалось: крики, брань, стеклянный хруст снежинок под грубыми сапогами.

Послышался скрежещущий звук, и вдруг Катя увидела за окном верхушку лестницы с железными крючьями.

— Ой! Дядя Алеша! — вскрикнула Катя.

Волшебник Алеша дотянулся до верхней перекладины лестницы и изо всех сил оттолкнул ее от стены. Стражники, гремя оружием, с воплями посыпались вниз. Донесся треск сломавшейся лестницы, проклятья, стоны.

В это время под сокрушительными ударами задрожала дверь-загадка. Из каминной трубы, как обрывки черных кружев, полетели клочья сажи.

«Стражники, и там стражники…» — догадался волшебник Алеша.

Послышались приглушенные голоса:

— Ты самый тощий, полезай первым!

— Чего бояться? У них нет оружия!

— Бросимся на них все сразу!

Волшебник Алеша в отчаянии переводил взгляд от окна к камину, от камина к двери-загадке. Дверь тяжело затрещала, выскочил острый дубовый клинышек.

— Трот, милый, мы все-таки встретились! Пусть ненадолго, но встретились. — Ниточка просто и мужественно взглянула в глаза Троту. — Прощай! Теперь ветер, холодный ветер решит мою судьбу…

— Нет, так не будет! Мне не нужна моя улыбка. Пусть она пропадет, сгинет! — с силой отчаянья воскликнул Трот. — Ветер унесет нас обоих. Никто и ничто не сможет нас разлучить!

— О Трот… — Ниточка благодарно обняла его, припала головой к его груди. — Ты будешь держать меня за руку до последней минуты! Правда, Трот? Пока нас не встретят холодные звезды…

Трот молча кивнул, не в силах сказать ни слова.

— Друзья мои, еще не все потеряно, — торопливо сказал волшебник Алеша. — У Кати в кармане лежит кусочек заколдованного мела. Достаточно нарисовать этим мелом ключ на любой двери — и мы можем навсегда уйти из этой сказки. Прежде всего это касается тебя, Катя. Ты должна непременно…

— А Глазастик? — Слезы бежали по щекам Кати. — Нет, нет, ни за что!

— А мама? — Волшебник Алеша поднял Катино лицо за подбородок, заглянул ей в глаза.

— А Глазастик?.. — еле слышно прошептала Катя.

Послышалось жалобное мяуканье. Мимо окна, весь взъерошенный, пролетел кот Васька. Он отчаянно вытягивал лапы в надежде за что-нибудь уцепиться.

Катя бросилась к окну.

— Васька! Кис-кис-кис! — позвала она.

Кот Васька, растопырив лапы, пролетел мимо окна. Но слишком далеко, и Катя не смогла до него дотянуться.

— Улетаю! Сплошное мяу! — в отчаянии крикнул кот Васька.

Катя встала коленом на подоконник, изловчившись, в последний момент ухватила бедного кота за хвост и втянула в окно.

— Ой! — вдруг в ужасе вскрикнула Ниточка. — Летит! Летит! Это Глазастик! Она летит!

— У нее ключ-невидимка! — весь дрожа, с трудом выговорил кот Васька.

Волшебник Алеша бросился к окну.

Ветер нес, кружил Глазастика вокруг башни. На мгновение она скрылась, потом появилась вновь. Она была еще внизу, под ними, но с каждым кругом поднималась все выше и выше. Ветер неумолимо уносил ее.

— Глазастик! Глазастик! — горестно закричала Катя. — Зачем ты… Зачем?..

Плача, она закрыла лицо руками.

Волшебник Алеша увидел: за Глазастиком, сияя хрустальной короной, мчится королева Ветреница. А за ней, запутавшись в бесконечном потоке ее распустившихся волос, теряя очертания, сливаясь во что-то одно, вихревое, воздушное, несутся пажи, гончие псы и слуги.

Глазастик летела, сложив руки на груди. Ее лицо было таким бледным, что казалось, оно светится. Огромные глаза неподвижно смотрели куда-то вверх, в небо. Между ее ладоней на миг

что-то блеснуло. Прозрачные капли срывались с ее рук, и ветер уносил их.

— Глазастик, сестренка! — рыдая, крикнула Ниточка.

Глазастик с трудом повернула голову. Надежда мелькнула в ее глазах, но тут же погасла.

— Ключ-невидимка! Вот он! — донесся ее слабый голосок, разорванный ветром.

Еще круг, еще выше, теперь Глазастик летела мимо окна.

— Даже если она бросит мне ключ-невидимку, я не смогу его поймать, увидеть… — прошептал Трот. — Ведь он совсем прозрачный!

Но Глазастик словно услышала безнадежный шепот Трота. Она достала из-за пазухи что-то сверкнувшее чистым влажным золотом. Это был локон Ниточки.

Глазастик обернула золотыми волосами ключ-невидимку и, пролетая мимо окна, бросила его Троту.

Ключ прочертил в воздухе золотую дугу. Трот протянул руки и поймал его.

Но Глазастик уже не видела этого.

Королева Ветреница настигла ее. Она тряхнула головой, и длинные волосы опутали Глазастика. Она мстительно закружила ее, как сухой лист,

оторванный от родимой ветки.

В это мгновенье к окну со стуком прислонилась длинная лестница. Два стражника, застилая свет, вскочили на подоконник.

— Попались! — Стражник оскалил зубы и выхватил длинный кинжал. — Сейчас вы у нас покрутитесь, как курочки на вертеле!

Дверь-загадка стонала и шаталась. Жалобно скрипели медные петли.

Из камина, чертыхаясь, выскочил тощий, словно жердь, стражник. За ним другой со зверским лицом.

— Дядя Алеша… — Катя сжалась, зажмурилась.

Трот опустился на колени перед железным сундуком. Ключ таял у него в руках, и ему казалось, что с каждой каплей тает его сердце.

— Не могу… — простонал Трот.

Дрожь в руках мешала ему вставить ключ в замочную скважину.

— Позвольте, я помогу вам! — Волшебник Алеша быстро выхватил ледяной ключ из рук Трота. В последний миг он вставил исчезающий ключ в узкую замочную скважину. Дзынь! Ключ повернулся с музыкальным звоном и тут же растаял. Несколько капель, чистых, как утренняя роса на траве, скатились с пальцев волшебника Алеши.

Это было все, что осталось от ключа-невидимки.

И тут случилось чудо. Тяжелая крышка сундука без труда откинулась сама собой, словно какая-то невидимая сила помогала, подталкивала ее изнутри.

Глазам присутствующих предстали лежащие в беспорядке, сияющие, как найденный клад, золотые колокольчики.

Воздух в комнате наполнился звоном. Стены, казалось, раздвинулись от их радостного блеска.

Волшебник Алеша потянулся к золотым колокольчикам, но они сами нетерпеливо взмыли к нему навстречу, поднимаясь из темного сундука. Они улетали, благодарно коснувшись ладоней, на миг ласково прижавшись к щеке, к плечу.

В своем полете и сверкании они звонили освобожденно и счастливо. Их звон превращался в еле слышный смех.

Волшебник Алеша окунул руки в сундук, поднял вверх последние колокольчики и, как стаю птиц, выпустил их на волю. Золотые колокольчики исчезали один за другим, и крики радости и изумления неслись откуда-то снизу, с площади.

И вдруг губы Ниточки дрогнули — она улыбнулась. Слабо, неуверенно, но улыбнулась. Ниточка пошатнулась и ухватилась за плечо Трота, словно

улыбка была ей не под силу.

Но и этой робкой улыбки было достаточно.

Дверь-загадка скрипнула и медленно отворилась сама собой.

За дверью стоял король. Он держал в руках граненый флакон с черным эликсиром.

Волны мрака захлестнули лицо короля, и оно казалось могильно-темным, лишенным жизни. Из-за его плеча выглянул Главный Сборщик Улыбок. Он что-то по-змеиному прошипел, но король не слышал его.

Полным отчаянья, остановившимся взглядом король глядел на опустевший сундук. Он пошатнулся и выронил из ослабевших пальцев флакон с эликсиром. Флакон разбился, эликсир мрака выплеснулся и, растекаясь по полу, прожег насквозь тяжелые мраморные плиты. В открывшийся провал с дребезгом посыпались стеклянные осколки флакона.

Счастливый, торжествующий смех летел вверх с площади.

Король, бледнея, попятился, вздрагивая и озираясь как безумный. Смех настигал его, ликующий и беззаботный.

Король не выдержал и, зажав уши руками, со стоном ужаса выбежал из зала. Стража, слуги,

придворные, подгоняемые волнами смеха, бросились вслед за ним.

Глава двадцать третья
Музыка на площади. И главное: заветный кусочек мела

Катя изумленно оглядывалась, ахала, никак не могла прийти в себя.

— Дядя Алеша, а никого нет! Смотрите, все-все убежали. И стражников нет!

Только брошенный второпях остро отточенный кинжал валялся возле окна.

— Что-то щекочет мне усы, — философски заметил кот Васька. — Кажется, это улыбка. А если это улыбка, то, несомненно, это моя собственная улыбка. Логично? Логично! Пожалуй, это мур!

— Ниточка, скорее на площадь! — крикнул Трот.

Волшебник Алеша подхватил кота Ваську на руки. Перескочив через провал в мраморном полу, они побежали пустыми залами, удивляясь, что никто не попадается им навстречу, никто не пытается их задержать.

Во дворце было тихо и пустынно. Носовой платок, обшитый тонким кружевом, лежал на блестящем паркете.

Волшебник Алеша выбежал из дворца, остановился на верхней ступени лестницы, спускавшейся веером на площадь, и не узнал города.

Лучи солнца пробились сквозь редеющие облака и позолотили каждую розу-снежинку, отчего весь воздух засверкал и заискрился.

— Обопрись на меня, не бойся, Глазастик! — послышался голос Вихрика. — Подумаешь, летать! Что тут такого?

Над площадью, плавно опускаясь, летела Глазастик. Она испуганно улыбалась. От улыбки легкое сияние порхало вокруг ее лица.

— Боюсь! Держи меня, Вихрик! — лепетала она. — Ой, разобьюсь! Еще как далеко до земли!

— Какая ты стала тяжелая, ф-фу! — отдувался невидимый Вихрик. — Никаких ветреных сил не хватит!

На нижней ступени лестницы стоял молодой скрипач с седыми волосами, и мелодия жизни и освобождения вдохновенно лилась из-под его смычка.

Он не сводил счастливых глаз с девушки, стоявшей рядом. Это была кружевница Миэль.

Миэль глубоко вздохнула, словно пробуждаясь от тяжелого сна. Она опустила руку, прижатую к щеке и крепко стиснутую в кулачок. Легкий

красный след остался на нежной коже.

— Неужели?.. — растерянно улыбнулась Миэль, с трудом распрямляя затекшие пальцы. — Это было так страшно: ветер и пустота. Иногда звезды, совсем близко…

— Как долго ты летала, как долго длилась смерть, — шептали губы скрипача.

Волшебник Алеша увидел улыбающуюся тетушку Ох, а рядом с ней Глазастика.

Глазастик подпрыгивала на месте и не переставая смеялась. И от этого смеха и лучей солнца ее юбка стала голубой и пышной и теперь была похожа на перевернутый цветок колокольчик.

— Тетушка Ох, посмотри, как я улыбаюсь! — без конца повторяла Глазастик. — А улыбка не потеряется? А во сне ее никто у меня не отнимет?

— Родная моя, — сказала тетушка Ох. — Не бойся, больше никто ее не отнимет. Но посмотри, посмотри! Вон старый фонарщик. Он всегда зажигал фонари на нашей улице, и, когда у него было хорошее настроение, они становились разноцветными. Как я грустила, когда он улетел. Но теперь он вернулся. А вон тетушка Крем! Забыла, какие она пекла пирожные? Она тоже вернулась. Все возвращаются!

— А я еще умею смеяться! — не умолкала Гла-

застик. — И я теперь могу дружить с Вихриком, правда?

— Правда, правда, правда! — послышалось откуда-то сверху. — Глазастик будет дружить со мной! Поэтому я не улетел с королевой Ветреницей!

Мелькнули вечно беспокойные руки Вихрика. На этот раз они освободили тонкое кружево, привязанное к руке скрипача, с которым он не расставался с тех пор, как улетела Миэль.

Кружево полетело над площадью, свиваясь кольцами и распускаясь, и казалось, волны музыки поднимают его и несут.

Катя услышала звук шагов и оглянулась. Позади нее в высоких дверях стоял Побегушка.

Побегушка сбросил вниз с лестницы поднос, и тот с грохотом заскользил по ступеням, подскакивая и блестя.

— Слышала мои шаги, Тс-с? — крикнул он. — Теперь я не улечу!

Внизу на площади старый актер читал детям веселые стихи. А птицы, наклевавшись вкусных крошек, которые им кидали из окон старушки, смирно сидели на ветках и с почтением слушали мудрую Кукушку. По такому случаю она позволила себе на время покинуть свой домик над

часами.

— Неплохо бы перекусить, — облизнувшись, сказал кот Васька. — Обедать, между прочим, пора, а не смеяться.

— А где же король, где все придворные, стража? — оглядываясь, спросил волшебник Алеша.

— Вы ничего не знаете? — удивился Побегушка и тут же звонко рассмеялся. — Что было! Я спрятался за креслом и все видел. Король закричал королеве Ветренице: «Они улыбаются! Я не могу слышать их смех! Он вонзается в меня, как тысячи кинжалов. Я боюсь их улыбок! Скорее унеси меня отсюда!» Королева Ветреница завернула его в свои волосы, обхватила рукой и полетела. Придворные уцепились за ее плащ, а кто не успел, побежал следом. А король еще твердил на лету: «Мне холодно, холодно, теперь я, наверно, никогда не согреюсь. Простужусь...» Но тут они скрылись с глаз, вот и все.

— Что ж, пожалуй, это наилучший выход, — задумчиво сказал волшебник Алеша. — Как вы считаете? О, несомненно...

А внизу на площади тетушка Ох попеременно целовала то Ниточку, то Глазастика, то опять Ниточку.

— Я смастерю такой замок на воротах в страну

королевы Ветреницы, что король никогда не сможет его открыть, — сказал Трот.

Из дворцовых ворот бочком вылез джинн. Он словно покрылся пятнами ржавчины. Он двигался с трудом, в его глазах застыла безнадежная тоска. С видом побитой собаки джинн робко приблизился к волшебнику Алеше.

— О мой любимый бывший повелитель! — Джинн вздохнул столь глубоко, что, казалось, сама земля вздохнула вместе с ним. — Позволь мне снова стать твоим верным рабом. Пусть моим пристанищем будет кофейник, скворечник на дереве, все, что ты прикажешь. Я согласен жить в бутылке из-под кефира. Лишь бы только я мог еще раз услышать столь дорогие моему сердцу священные слова: «Слушай и повинуйся!»

— Бессовестный! — Волшебник Алеша в сердцах оттолкнул громадную руку джинна. — Не ждал я от тебя такого.

— А может, это был не я? — с надеждой спросил джинн. — Может, это был какой-нибудь другой джинн?

Но по укоризненному взгляду волшебника Алеши он все понял и с сокрушенным стоном опустил голову.

А между тем скрипка пела и пела. И все люди

на площади взялись за руки, и веселый хоровод праздничных лиц и улыбок закружился по площади.

Мимо волшебника Алеши, шатаясь, прошел Мираклюс. Казалось, он еще постарел за это время, сгорбился, высох, стал еще меньше ростом.

Он шел и тихо звонил в маленький колокольчик. Наклоняя голову, прислушивался к этому звону и снова звонил.

— Они все улыбаются, все, кроме меня. Вот моя улыбка, вот она! Она навеки останется золотым колокольчиком. Когда я позвоню в колокольчик, все будут знать, что я улыбаюсь. Но теперь я понял: если люди, слушая музыку, не могут растроганно улыбнуться, музыка для них умирает.

Мираклюс медленно сошел со ступеней, и с каждым шагом удалялся и угасал звон его колокольчика.

— Пойдем, Тс-с! — нетерпеливо потянул Катю за рукав Побегушка. — Пойдем и мы туда, на площадь. Там весело!

— Я бы с удовольствием… — Катя неуверенно оглянулась на волшебника Алешу. — Но нам, наверно, уже пора домой.

— Давно пора, — откликнулся кот Васька.

— Это твое «домой» где-то очень далеко, — огор-

чился Побегушка. — Я вижу по твоим глазам. Но ты вернешься, Тс-с? Я теперь умею говорить «до свидания», не только «прощай».

— Не знаю. — Кате было больно смотреть на Побегу шку, на его опечаленное лицо.

— Оставайся с нами, Тс-с! — с безнадежной мольбой попросил Побегушка. — Неужели я больше тебя никогда не увижу?

— Вряд ли, малыш. — Волшебник Алеша ласково погладил Побегушку по спутанным, длинным, как у девочки, волосам. — По правде говоря, вряд ли. Но если ты захочешь, ты можешь думать о ней, помнить ее. А это тоже немало. Ты поймешь это, мой мальчик, когда вырастешь.

Побегушка, то и дело оглядываясь на Катю, стал спускаться по мраморной лестнице. Постепенно шаги его становились все быстрее. Он побежал вниз по ступенькам. А там, на площади, Глазастик схватила его за руку, и он исчез в общем мелькании, движении и музыке.

И Катя почувствовала, что и Побегушка, и все те, кто был на площади, и Глазастик, и Ниточка, и Трот как-то далеко от нее и уходят все дальше. Словно невидимая глазу стена выросла между ними.

— А нам действительно пора. — Волшебник

Алеша устало вздохнул. — Ну, Катя, теперь давай сюда наш заветный мел. Славно погостили мы тут, но пора и домой. По правде говоря, я порядком устал. Впрочем, дальше минутное дело: я нарисую волшебным мелом ключ на любой двери — и мы дома!

Волшебник Алеша улыбнулся, торопя Катю.

Катя сунула руку в один карман, в другой… Потом принялась суетливо ощупывать каждый карман по нескольку раз.

— Ай! — Лицо Кати стало бледным-бледным.

— Нечего «Ай!» говорить. Надо домой собираться, — сонно отозвался кот Васька и вздохнул. — Надоело мне тут, и воспоминания замучали. Кошка Мурка… Как тяжела разлука!

— Господи… Дядя Алеша, я его вроде потеряла. Волшебный мел… Тогда, в спальне короля. — Катя с испугом подняла глаза на волшебника Алешу.

— Так оно и было, о Катя! — Джинн высунул из-за угла свою косматую голову. — Ты обманула меня, маленькая, но коварная женщина! Ты сказала, что ищешь свою вежливость, и стала шарить по карманам. Вот тогда-то волшебный мел вывалился и упал на пол. А я раздавил его своей недостойной пяткой. Он — крак! И только жалкое облачко пыли!

— Растяпа! — горестно воскликнула Катя. — Ну какая же я дура. Ведь слышала, что-то упало. А мне не до того было.

— Не до того ей было! — возмущенно сверкнул зеленым глазом кот Васька. — Ужинать пора, между прочим!

Волшебник Алеша стоял молча. «Упрекать Катю?

Бесполезно. Разве этим поможешь? Бедная девочка еще не понимает, какое непоправимое несчастье свалилось на них. Остаться в сказке без волшебного мела — хуже этого, пожалуй, ничего не придумаешь. Теперь они уже никогда, никогда не смогут вернуться назад, домой!»

— Что же теперь будет? — еле слышно выговорила Катя. — А мама?

— А Мурка? — Кот Васька даже привстал на задние лапы.

Из-за угла на коленях выполз джинн, с мольбой протянул к волшебнику Алеше могучие руки.

— Прости, что я без спроса прочел твои мысли, о мой старый повелитель! — взвыл джинн, отмахиваясь, как от мелкой мошкары, от голубых звонких снежинок. Огненные искры с шипеньем вылетали у него изо рта. — Позволь мне исполнить твое желание! Я обыщу весь дворец и

раздобуду твой трижды благословенный кусочек мела. Только скажи мне заветные слова: «Слушай и повинуйся!»

— Слушай и повинуйся! — с бьющимся сердцем проговорил волшебник Алеша.

— Но… я не могу без волшебного сосуда! Мы, джинны, так созданы, — приниженно, даже как-то виновато проговорил джинн и покорно прижался щекой к ноге волшебника Алеши. — О, меня устроил бы любой сосуд, самый ничтожный! Лишь бы не нарушать вековых традиций.

— Но у меня ничего нет, — растерялся волшебник Алеша. — Разве что вот: пустой спичечный коробок!

— О повелитель, сойдет и спичечный коробок! — возликовал джинн. — Пусть мне будет в нем тесно и неудобно. Пусть!.. Но что видят мои ничтожные глаза? Там в коробке осталась еще одна спичка. О! Она станет моей возлюбленной сестрой! Я буду нежить ее, холить, оберегать ее покой. Как я счастлив! У меня снова есть волшебный сосуд и обожаемый повелитель. Приказывай, я внимаю тебе!

— Слушай и повинуйся, джинн! — дрогнувшим голосом сказал волшебник Алеша. — Немедленно… доставь сюда кусок волшебного мела!

Джинн гулко стукнул лбом о мраморные ступени, охнул, поправил съехавшую чалму и мгновенно исчез.

Прошли короткие секунды, которые, по правде говоря, показались целой вечностью волшебнику Алеше и Кате. И вдруг, возникнув неизвестно откуда, словно сгустившись из наступивших сумерек, на верхней ступени лестницы появился джинн. На его огромной ладони с вековыми мозолями лежал маленький кусочек мела. Маленький, но спасительный!

— О повелитель, я собрал его из мельчайших пылинок! — хвастливо прогремел джинн. — Никто лучше меня не справился бы с такой работенкой. Ведь эти глупые пылинки разлетелись по всему дворцу. Я звал: «О пылинка, милая малышка, покажись!» И вот он тут, твой волшебный мел, такой же, как был, целехонький и белоснежный!

— Ну, скоро ты, пушистый Алеша? Обед пропустили, так хоть поужинать! — сонно проворчал кот Васька.

Волшебник Алеша, стараясь скрыть волнение, взял мел и нарисовал узорный ключ на высокой дворцовой двери.

— А попрощаться? — напомнила ему Катя. —

Глазастик, Ниточка, Побегушка…

— Их нет, дитя мое. Все разошлись, и площадь пуста, — ласково сказал волшебник Алеша. — Потому что мысленно мы с тобой уже дома. А сказка пойдет без нас своим чередом. Мы сделали для них все, что могли. Ведь правда?

Катя оглянулась и увидела, что сумерки окутали город и площадь опустела. Только тоненький мальчик в слишком тесной курточке, удаляясь, пересекал площадь.

На улицах горели разноцветные фонари, и от этого сугробы снега тоже казались разноцветными. Во всех окнах весело приплясывали огоньки свечей. И вместе со светом, рисовавшим на синем снегу золотые окна, лились веселые, счастливые голоса и смех.

— Ну что ж, пора… — Волшебник Алеша окинул взглядом площадь перед дворцом.

— Э-эй! Смотри, не забудь сунуть в карман мой новый волшебный сосуд, о бесценный повелитель! — очень довольный, напомнил джинн и тут же добавил, обиженно оттопырив нижнюю губу: — Знаю, знаю, какой ты рассеянный. Не хватало только, чтоб ты забыл в чужой сказке своего верного родного джинна!

— Поговори еще у меня! — погрозил ему паль-

цем волшебник Алеша. — Тоже мне верный джинн!

Джинн смиренно склонился перед ним, затем выпрямился и сложил над головой волосатые руки. Очертания его могучего тела стали бледнеть, расплываться. Невидимый вихрь закрутил его, завертел. Все быстрей и быстрей. Вот уже от него осталось только зыбкое волнистое облачко. Уже нельзя было разглядеть ни рук, ни ног, и наконец тающей струйкой тумана джинн исчез в спичечном коробке.

Волшебник Алеша сунул спичечный коробок в карман. Он покрепче прижал к себе кота Ваську и распахнул дверь с нарисованным на ней узорчатым ключом. За дверью была непроглядная бездонная чернота.

— Ну! — Волшебник Алеша потянул Катю за руку.

Катя изо всех сил зажмурилась и шагнула куда-то в пустоту, куда тянул ее за собой волшебник Алеша…

— Ну, долго ты будешь изображать статую с закрытыми глазами? — услышала Катя голос волшебника Алеши.

Катя открыла один глаз, потом второй.

Она стояла в комнате волшебника Алеши.

Все было точно таким же, как всегда. И старый книжный шкаф, где за стеклами тускло блестела полустертой позолотой волшебная энциклопедия. И письменный стол, и стакан чаю, и так же мягко светила настольная лампа.

Кот Васька понюхал ножку кресла, лениво потянулся и отправился на кухню.

Оттуда донесся его довольный голос:

— Молоко еще не скисло! Напьюсь молока и пойду во двор, ладно, пушистый Алеша? Потом не говори, что я ушел, не спросясь… А в сказке молоко не такое! Водой они его, что ли, разбавляют?

Катя поморгала глазами.

— Приснилось? — недоуменно спросила она.

Волшебник Алеша молча покачал головой и указал на длинный кусок тончайшего кружева, обвившийся вокруг Катиной руки. Кружево мерцало и переливалось. Оно казалось чуть голубоватым и было похоже на цепь узорных снежинок.

— Миэль, — прошептала Катя.

— Ах да! Ведь, уходя, я остановил время! — воскликнул волшебник Алеша, открывая дверцы старинных часов и указательным пальцем подталкивая маятник. — Какой я, однако, рассеянный! Время не любит стоять без особой нужды.

— Дядя Алеша! — позвала Катя. — Посмотрите!

На письменном столе рядом со стаканом еще не остывшего чая лежал рисунок Васи Вертушинкина.

На рисунке по площади сказочного города, словно подхваченный танцем, кружился хоровод празднично одетых людей.

Катя увидела веселую большеглазую девочку с ресницами длинными, как сосновая хвоя, в пышной голубой юбке. Улыбающуюся девушку с золотыми волосами, юношу в старом плаще, сероглазого мальчика…

— Как вы считаете, друзья мои, — сказал дядя Алеша, разглядывая рисунок, — уж не записать ли мне всю эту совершенно невероятную историю? Пожалуй, еще никогда со мной такого не случалось. Мне кажется, ребятам будет интересно узнать о наших приключениях. Как вы считаете? О, несомненно…

— Ой, правда, конечно, интересно! — Катя радостно захлопала в ладоши.

— Зачем тебе попусту тратить время, о повелитель? — уныло отозвался из угла джинн.

— Боишься, что другие джинны узнают? — прищурился волшебник Алеша. — Да ведь джинны читать не умеют. Так что можешь не беспоко-

иться.

А теперь давай тихо-тихо закроем эту книгу.

Волшебник Алеша сел за стол и углубился в работу. Не будем ему мешать!

Пока бьют часы

Глава 1
Необыкновенные происшествия в королевской спальне

Король проснулся.

Прежде всего по привычке ощупал голову. Проверил, не съехал ли ночью колпак набок? Не дай Бог, не свалился ли с головы?

И лишь убедившись, что колпак туго натянут на уши, с облегчением вздохнул, откинул одеяло, сел и спустил ноги с кровати.

Справа от короля, на огромной кровати с кривыми поросячьими ножками, сладко похрапывала королева.

— Хрю-хрю!.. — говорила она во сне. — Хрю-хрю!.. — Возможно, ей снились поросята. Но скорее всего, это был обычный королевский храп. Одеяло, вышитое золотом, мерно поднималось и опускалось. Но королевы не было видно. Не было видно ее головы на подушке.

Рядом с кроватью королевы стояла еще одна кровать. Но уже поменьше, на золотых птичьих лапках. На этой кровати спала принцесса.

— Цып-цып!.. — свистела она во сне. Возможно,

ей снились цыплята.

Но принцессы тоже не было видно. На подушке вмятина, под отогнувшимся одеялом — пустота.

Скажем сразу, король ничуть не удивился. Он был совершенно спокоен. Он прекрасно знал, что его жена и дочь вовсе не исчезли, а преспокойно спят в этот тихий утренний час.

Что ж, мой дорогой маленький друг, пришла пора, чтобы и ты перестал удивляться и узнал, что ты попал не в обычное королевство, а в королевство невидимок. Да, да! В этой удивительной стране и король, и королева, и принцесса, все министры и придворные, вся их многочисленная родня, даже двоюродные племянники, — все носили колпаки-невидимки. Дворец надежно охранялся, но стражников никто никогда не видел. Невидимый повар на королевской кухне орудовал поварешкой, и невидимый парикмахер осторожно завивал локоны невидимой принцессы.

Король подошел к окну и отдернул тяжелую штору. Утреннее солнце так и хлынуло в спальню, будто только этого и дожидалось.

Солнечный зайчик упал на лицо короля и замер. Да что там какой-то солнечный зайчик! Все-все, кто видел портрет короля, прямо-таки

застывали на месте.

Дело в том, что король был удивительно, необыкновенно красив. Все в его лице поражало красотой. А уж о глазах просто нечего и говорить. Глаза у короля были ясные, смелые, гордые, умные, великодушные и чуть-чуть задумчивые.

Рядом с портретом короля висел портрет королевы. Стоило только раз взглянуть на портрет королевы, и сразу же можно было понять, что она самая первая красавица на свете. Никаких сомнений! Эти сияющие глаза, этот нежный розовый румянец…

Портрета принцессы в спальне еще не было. Придворный художник еще не закончил ее портрет. Но и без того всем было известно, что принцесса самая хорошенькая девочка в королевстве.

Во всех залах дворца, во всех галереях, повсюду висело еще множество портретов придворных дам и министров.

Дамы поражали блеском глаз, шелковыми ресницами и тонкими талиями, министры — мужеством и благородством.

— Да нет! Куда там! Художник все равно не мог передать нашу удивительную красоту, — вздыхали невидимки. — Ах, если бы мы сняли

наши колпаки, вот тогда… Но это запрещено. Это строжайше запрещено. Вы все, конечно, читали королевский указ? Кто снимет с головы колпак — тому голову прочь! И все это из-за наших подданных. Из-за этого простого, нищего люда. Вот послушайте. Говорят, однажды бедная торговка рыбой, на свое несчастье — она вовсе этого не хотела, — случайно увидела одну придворную даму без колпака-невидимки. И надо же! Бедняжка ослепла. А ее соседка, которая, на беду, оказалась где-то рядышком, окривела на один глаз. Теперь вы понимаете, почему мы скрываем от этих несчастных наши божественные, прекрасные лица! Ведь какими уродами они покажутся себе! Они просто умрут от зависти и отчаянья.

Но не пора ли вернуться нам в королевскую спальню и посмотреть, что там происходит?

— Ха-ха-ха! — неожиданно рассмеялся король.

Золотое одеяло зашевелилось, розовое сползло на пол. Королева и принцесса проснулись.

— Еще рано! Почему ты не спишь? — недовольно спросила королева.

— Спать? В такой день спать? — возбужденно воскликнул король. — Ну и ну, моя милая! Неужели ты забыла, что сегодня наконец-то расцветет…

— Ах да, — виноватым голосом откликнулась королева. — Конечно, не забыла. Он мне даже приснился сегодня ночью. Такой маленький, на тонком стебле, и весь светится.

— Цветок-невидимка! — король от удовольствия причмокнул губами.

— А вечером будет бал! Я так люблю танцевать. — Принцесса захлопала в ладоши.

— Конечно, моя красавица, — с нежностью сказала королева.

— Танцевать! В такой жаре, духотище! — пробормотал маленький Лесной Гном, выглядывая из мышиной норки. — Я здесь просто задыхаюсь. То ли дело на моем холме, поросшем маргаритками…

Лесной Гном, мудрец и философ, снова спрятался в мышиной норке. Год назад Лесной Гном из любопытства пробрался во дворец. Думал побродить по залам часок-другой. Но не тут-то было! Узкий лаз тут же законопатили, и бедный Гном так и остался во дворце.

Окна в спальне были наглухо закрыты. Остро пахло розами и ландышами. А еще… еще пахло чем-то совершенно загадочным и непонятным. Этот запах не был похож ни на один запах на свете.

Однако король даже не подумал открыть окно. А за окном струйки свежего ветра перебирали листья и цветы. На ветках сидели яркие птицы и пели разноцветные песенки. Но за толстыми стеклами не было слышно ни разговоров ветра, ни пения птиц.

— А почему цветок-невидимка так долго не расцветал? — капризно спросила принцесса. — Ты бы приказал ему, папочка, чтоб он расцветал, когда ты пожелаешь.

— Цветку нельзя приказать, дитя мое, — с сожалением сказал король. — Цветы живут по своим глупым законам. И все же, все же… Раз в десять лет цветок-невидимка расцветает. И тогда мы делаем новые колпаки-невидимки.

— Но зачем нам новые колпаки-невидимки? — спросила принцесса. — У тебя, у меня и у мамочки уже есть колпаки. У нас есть даже запасные колпаки.

— Ах, дитя мое, видишь ли… Нам надо… Но ты этого не поймешь. И притом… Тс-с-с!.. Это государственная тайна. Главное — колпаки нужны для… Но ты этого тоже не поймешь.

«Как бы мне выбраться на волю? — думал тем временем Лесной Гном. — Мягкая, рыхлая земля, нежные корни, немного выше — трава. И марга-

ритки. Розовые и белые. А мой маленький домик с крылечком, дверь и замок на ней. Сколько во всем этом очарования. И все это бросить, чтобы посмотреть на этот холодный, равнодушный дворец? О, как я жестоко наказан! — Гном тихонько всхлипнул. — Вот еще незадача, я, кажется, опять потерял носовой платок…»

— Ой! А я тебя вижу, папочка! — вдруг сказала принцесса.

— Что?! Что?! Не может быть! — задохнулся король.

Он бросился к зеркалу. И — о ужас! В солнечном луче, среди золотистых пылинок, мерцающих искрами, плавало какое-то мутное облако.

— Какое несчастье! — простонал король. — И надо же, именно сегодня!

— И тебя, мамочка, я тоже вижу, — сказала принцесса. — Не так хорошо, как папочку, но все равно вижу.

Королева взвизгнула и нырнула под одеяло.

— Отчего же эта беда, отчего? — всхлипнула она.

— Отчего, отчего! — с досадой передразнил ее король. — А оттого, моя милая, что колпаки-невидимки не стирались уже пять лет. А от грязи, сама знаешь, они теряют свои волшебные свойства.

Немедленно, моя радость, вылезай из-под одеяла и берись за стирку!

— Что ты! Что ты! — со слезами в голосе воскликнула королева. — Я не могу их стирать, не могу! Какой ужас!

— А как же твои придворные дамы? Они же сами стирают свои колпаки-невидимки. Чем ты хуже их?

— Хуже?! Я лучше их! И… и поэтому я не могу их стирать. К тому же, к тому же я даже не знаю, как это делается.

— Кажется, белье сначала гладят утюгом, а потом кладут в воду, — неуверенно сказала принцесса.

— Да нет же, — с раздражением возразил король. — Ты все путаешь. Сначала белье трут мылом. Потом гладят. А потом уже бросают в кипяток.

— Как это все сложно, — простонала королева. — Но мне кажется, его сначала вешают на веревку. Это самое главное.

— Вешают? Тогда, может быть, поручить стирку нашему палачу? — предложила принцесса. — Он умеет вешать.

— Ах, как она еще наивна! — сквозь зубы пробормотал король.

— Принцесса должна быть наивной! — набросилась на него королева. — Во всяком случае, девочка права. Надо найти какую-нибудь придворную даму и приказать ей…

— Нечего сказать, отлично придумала, — рассердился король. — Что ей стоит нас околпачить? Украсть наши колпаки! А если она невидима, как мы будем ее искать?

— Тогда, может быть, нанять какую-нибудь другую женщину, у которой нет колпака-невидимки?

— Ах, замолчи, пожалуйста! Это тоже опасно.

— Значит, мы не будем сегодня танцевать? — всхлипнула принцесса.

Маленький Гном подвинулся, чтоб не мешать мышке с бархатной шкуркой подметать свою норку. Надо сказать, что они вполне мирно жили в мышиной норке и часто засиживались за полночь, обсуждая все дворцовые новости.

Мышку звали госпожа Круглое Ушко. Она была очень опрятна, и в норке у нее все так и блестело. Каждое утро она давала Лесному Гному чистый носовой платок.

Вдруг король громко хлопнул себя по лбу. Госпожа Круглое Ушко чуть было не уронила горячий кофейник.

— Придумал! Придумал! — с торжеством воскликнул король. — Вот это мысль! Поистине королевская мысль. Я придумал, как найти прачку! Она выстирает наши колпаки-невидимки. И она не украдет их, потому что… Но тс-с! Это государственная тайна!

Король позвонил в колокольчик и громко крикнул:

— Позвать ко мне министра чистого белья!

Глава 2
Татти приходит в город

— Эй, девчонка, прочь с дороги!

Татти едва успела отскочить в сторону. Тяжелые копыта лошадей со звоном ударили о мостовую. Большая карета с блестящими стеклами остановилась.

В ту же секунду в воздухе свистнул кнут. Татти вскрикнула от боли. Ей показалось, что ее разрезали пополам.

В карете кто-то засмеялся, задвигался.

— Посмотрите, какая смешная деревенская девчонка! — с насмешкой сказал женский голос.

— Какие глупые круглые веснушки! — отозвался второй голос.

— Какие некрасивые зеленые глаза! — добавил третий. — А эти растрепанные кудряшки? Ха-ха-ха!

Татти подняла голову и заглянула в карету. Но в карете никого не было. Карета была пуста. Татти увидела малиновые бархатные подушки, тисненную золотом кожу.

Потом Татти увидела, что на козлах нет кучера.

Концы вожжей висели в воздухе и шевелились в пустоте, как живые.

Но Татти ничуть не удивилась. Ведь она не в первый раз была в городе. К тому же ей сейчас было слишком больно. Особенно когда она шевелила лопатками.

— Ничего, — прошептала Татти. — Ничего, до свадьбы заживет.

Конечно, Татти вовсе не собиралась выходить замуж. Ведь ей исполнилось только одиннадцать лет. Но так любила говорить тетушка Пивная Кружка. Она была хозяйкой трактира «Три желудя». Трактир находился как раз напротив дома, где жили братья Татти. Когда девочка приходила в город, она всякий раз забегала в трактир «Три желудя». Тетушка Пивная Кружка сажала ее на низкую скамейку, и уж всегда у нее находилось для Татти что-нибудь вкусное.

Татти быстро пробежала темный переулок и вышла на рыночную площадь. Здесь стоял шум голосов, беспечно звякали монеты. Бледные женщины продавали румяные яблоки, а худые старушки — жирных поросят.

Между рядов с надменным видом ходили богатые горожанки. За каждой — девочка-служанка с большой плетеной корзиной.

Вдруг на деревянный помост вскочил человек в полосатой одежде. Он громко протрубил в сверкающую трубу. Солнце повисло на трубе золотой каплей.

Полосатый человек сплюнул на помост и закричал:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Король приглашает во дворец прачку для стирки королевских колпаков-невидимок! Любая женщина с чистой совестью и умеющая стирать грязное белье может уже сегодня стать королевской прачкой. Спешите! Спешите! Спешите! Торопитесь! Торопитесь! Торопитесь! Вас ждет улыбка короля, богатство, почет! Золотая монета за каждый выстиранный колпак!

Началась давка. Молоденькая служанка рассыпала яблоки, и они, подскакивая, раскатились по булыжной мостовой.

— Ах ты, дрянь! — замахнулась на служанку хозяйка, злая плечистая женщина с зелеными серьгами в желтых ушах. — Подбирай их скорее, иначе ты отведаешь плетки. Из-за тебя я опоздаю во дворец, глупая девчонка!

— Дочки! Мои ленивые дочки! — кричал толстый лавочник, оглядываясь по сторонам. — Где вы? Оставьте свою лень дома и бегите во дворец!

Татти толкали, швыряли, вертели и крутили так, что у нее закружилась голова. Наконец она вылетела из толпы и очутилась как раз перед домом своих братьев.

Татти ахнула и схватилась за щеки. От дома тянуло тоскливым холодом и тишиной. Окна крест-на-крест были заколочены шершавыми досками. Сквозь пыльные стекла виднелись засохшие цветы. На двери висел тяжелый замок.

— Что же это? — с ужасом прошептала Татти.

Вдруг кто-то потянул ее за руку. Татти оглянулась. Возле нее стояла тетушка Пивная Кружка. Она потащила Татти через улицу прямо в трактир «Три желудя».

В это раннее утро в трактире было еще пусто. Но тетушка Пивная Кружка повела Татти по крутым каменным ступеням в погреб и заперла дверь на засов.

— Послушай, моя девочка, — сказала она, с жалостью глядя на Татти. — Только не надо плакать. От слез девочки глупеют в десять раз, и больше ничего. А тебе надо сейчас быть очень умной и мужественной. Потому что твои братья по приказу короля брошены в тюрьму.

Татти закрыла лицо руками и расплакалась. Ее узкие плечи вздрагивали. А кудрявые волосы,

блестевшие в свете фонаря, потускнели.

— Ну, ну, ну! — огорченно сказала тетушка Пивная Кружка. — Конечно, невидимки очень красивые. Кто спорит! Но все-таки они очень жестокие. Их сердца совсем не такие красивые, как их лица…

Послышался топот крохотных лап, будто кто-то рассыпал на каменном полу сухое зерно. Из угла выскочила серая мышка и скрылась где-то под бочками.

— Опять эта мышь! — покачала головой тетушка Пивная Кружка. — Так и шныряет повсюду. Хотя, по правде сказать, в жизни не видела такой славной мышки. Спинка просто бархатная. А ушки словно сшиты из серого шелка, да еще на розовой подкладке.

Откуда было знать тетушке Пивной Кружке, что это вовсе не простая мышь, а сама госпожа Круглое Ушко. Она любила быть в курсе всех городских новостей.

Но Татти ни на что не обращала внимания и плакала так сильно, что даже в ее деревянных башмаках хлюпали слезы.

Тетушка Пивная Кружка отвела волосы, прилипшие к мокрым щекам Татти, и наконец сказала:

— Это случилось уже неделю назад. Ночью… Да, да, как раз, когда часы на башне пробили три раза. Я еще проснулась и подумала: «Почему так тревожно и грустно бьют часы на большой башне?» Так вот. В три часа ночи к твоим братьям пришел сам министр Войны. Конечно, его нельзя увидеть, но его нельзя не услышать. Ведь у нашего министра Войны самый громкий голос в королевстве. Господи помилуй, что за голос! А сказал он вот что: «Нашему королю нужно много новых колпаков-невидимок!!! Вы лучшие ткачи в королевстве!!! Вы одни знаете секрет материи, которая сто лет носится и не рвется!!! Вы будете ткать материю для новых колпаков-невидимок!!! А король вам хорошо заплатит за это, будьте уверены!!!» А твои братья ответили: «Мы не будем ткать материю для новых колпаков-невидимок! Знаем мы невидимок. От них не жди добра!» Я слышала это очень хорошо, потому что в темноте перебежала через улицу и притаилась под самым окошком. Тогда министр Войны как рявкнет: «Взять их!!!» Тут в доме все начало падать и разбиваться. И вот теперь твои братья заперты в Черной башне. Люди даже говорить о ней боятся. В башню ведет тайный подземный ход. Никто не знает, где он. В Черной башне множество дверей,

входов, выходов, длинные запутанные галереи. А сторожат башню невидимые стражники. Да не плачь же так горько, Татти! От слез девочки болеют и глупеют? Ну что мне с тобой делать?

Но Татти просто заливалась слезами. Даже подол ее юбки так намок, хоть выжимай. Бархатная мышка смотрела на нее из угла с большим сочувствием и тоже смахнула слезинку с носа тонкой лапкой.

— Ну вот что, — сказала тетушка Пивная Кружка. — Оставайся-ка ты у меня. Будешь помогать мне печь лепешки. Я дам тебе шесть мягких подушек, а по утрам разрешу тебе подольше поваляться в постели.

Но Татти покачала головой.

— Спасибо, тетушка Пивная Кружка, — сказала она. — Я уйду обратно в деревню. У меня разорвется сердце, если я каждый день буду ходить мимо дома моих братьев. Даже если я буду закрывать глаза. Нет, не могу, я себя знаю. Не могу, и все.

Татти вышла из трактира «Три желудя». Она посмотрела на дом своих братьев, и сердце у нее действительно чуть не разорвалось.

На площади было пусто. Покупатели разбежались, а продавцы разошлись. Мимо Татти пробежала высокая женщина с зелеными серьга-

ми в желтых ушах.

— Ах ты, маленькая дрянь! — крикнула она своей худенькой служанке. — Ты собирала яблоки, которые сама рассыпала!.. Это из-за тебя я опоздала во дворец. Все богатые горожанки побежали наниматься в королевские прачки! Посмотри на эту деревенскую девчонку. Она тоже сейчас помчится туда. Еще бы! Она тоже хочет получить королевскую улыбку и все прочее!..

Слезы горя и обиды с такой силой брызнули из глаз Татти, что даже не намочили ей щек. Татти сжала кулаки и топнула ногой.

— Да я… — не выдержав, крикнула она, — да я скорее умру, умру, чем буду стирать ваши противные, дурацкие колпаки!

И вдруг Татти почувствовала, что ее ноги оторвались от земли и ее сжимают чьи-то грубые невидимые руки.

— Наконец-то нашли! — услышала Татти злорадный голос. — Вот ты-то как раз нам и нужна! Эй, сюда!

— Уж очень неказиста! — с сомнением протянул другой голос. — Да и худа! Кожа да кости.

— Ничего, сойдет и такая, — рявкнул третий.

— Ай! — закричала Татти и попробовала вырваться. Но безжалостные руки потащили ее в

переулок.

— Ой! — закричала Татти.

Ноги ее болтались в воздухе. Деревянные башмаки соскочили с ног и остались валяться на площади. Издали они были похожи на двух грустных утят.

— Мои башмаки! — закричала Татти. — Что вы делаете? У меня нет других…

Злые руки сунули ее в открытые дверцы кареты. Вслед за ней в карету по воздуху сами собой влетели башмаки.

Кто-то тяжело плюхнулся рядом с Татти на сиденье.

— Поехали! — приказал грубый голос. — Да держи девчонку покрепче.

Дверцы захлопнулись, и карета тронулась.

Глава 3
Черный шкаф

Было раннее утро. Встало солнце, и все дома в городе с одного бока стали теплыми и розовыми. Острый шпиль над башней с часами вспыхнул и засветился, и маленькое круглое облако опустилось на него, как золотое кольцо.

Случайный луч невесть как пробрался в мрачную, темную комнату королевского дворца. Он растерянно пробежал по стене и замер, осветив громадный черный шкаф. Шкаф был тяжелый, высокий, до потолка, и к тому же на всякий случай был еще прикован к стене двумя длинными железными цепями.

Возле черного шкафа стоял высокий сутулый человек со страшными глазами и большим мягким носом, чем-то похожим на башмак.

Глаза у него были цвета мертвого серого пепла, но под этим пеплом светилось что-то жгучее, как глубоко спрятанные раскаленные угли. Рядом с ним на стуле сидел противный носатый мальчишка и болтал кривыми ногами. Сразу можно было догадаться, что это отец и сын. Да, это были

Главный Хранитель Королевских Запахов Цеблион и его сын Цеблионок.

Хранитель Запахов наклонился к черному шкафу и вставил большой узорный ключ в замочную скважину. Дверцы шкафа длинно заскрипели и отворились. Все полки шкафа были уставлены разными флаконами. Здесь были флаконы, украшенные стеклянным кружевом, с золотыми пробками и флаконы из грубого стекла, заткнутые просто куском скомканной бумаги.

Хранитель Запахов взял с полки один из флаконов и поднес его к носу Цеблионка.

— Ну ладно, ладно, сыночек, не болтай ногами, не отвлекайся, — сказал он. — Моя радость, скажи, какой это запах?

Цеблионок неохотно обнюхал флакон.

— Порох, — сказал он скучным голосом, — министр Войны!

— Мое сокровище! Умница! — с восторгом воскликнул Хранитель Запахов.

— А это что? — спросил он, поднося к носу Цеблионка другой флакон.

— Похоже, цветочное мыло. Наверное, это министр Чистого Белья, — сморщив нос, проворчал Цеблионок.

— Прекрасно! Восхитительно! — Хранитель

Запахов в восторге потер руки. — Ах ты, мое сокровище! Ну, а это что?

— Не то фиалки, не то рыбьи потроха…

— Понюхай еще разок! — с беспокойством проговорил Хранитель Запахов. — Цеблионок, миленький, ну сосредоточься. Умоляю тебя, понюхай хорошенько! Ты же у меня такой умный, способный!

Цеблионок со свистом втянул носом воздух и ничего не ответил.

— Ну что же ты! — с огорчением воскликнул Цеб-лион. — Это же… Это же запах нашего короля. Самый великий запах в нашем королевстве. Сколько сил я потратил, чтоб создать этот необыкновенный запах! Я учил тебя, помнишь? Чувствуешь, пахнет чем-то загадочным и непонятным — значит, это король! Мой обожаемый, ну давай повторим все сначала…

Тебя, мой маленький друг, конечно, очень удивляет, зачем невидимкам нужны были все эти духи? Зачем понадобилось их запирать в черном шкафу? И вообще, к чему все эти секреты и тайны, замки и запоры? Минутку терпения, сейчас я тебе все объясню.

Как ты уже понимаешь, невидимки не могли видеть друг друга. И вот, чтобы не спутать короля

с министром, а королеву с какой-нибудь придворной дамой, у каждого невидимки были свои особые духи.

Знатные невидимки, едва открыв глаза, выливали на себя полфлакона духов. Те, кто победнее, обязаны были натереть пуговицы лимонной коркой, или съесть натощак сырую луковицу, или набить карман еловыми шишками.

Цеблион в задумчивости прошелся по залу. Благодаря своему удивительному носу, похожему на башмак, он лучше всех различал запахи и за сто шагов мог узнать любого невидимку. Все невидимки ненавидели его и строили ему исподтишка всяческие пакости. Да, забот было много, неприятностей еще больше, а жалованье при этом он получал совсем мизерное.

Но не ради денег терпел все это Цеблион. Дело в том, что король обещал дать ему два колпака: один для него, другой для его сына. Получить колпаки было самой большой мечтой его жизни.

Часто в сумерках, закончив дневные труды, он опускался в глубокое кресло и мечтал о колпаках-невидимках.

О колпаки, колпаки!

В мечтах они летали перед ним, как две волшебные птицы, и нашептывали ему что-то

заманчивое. Он протягивал к ним дрожащие жадные руки, но колпаки исчезали. Колпаки — это власть! Колпаки — это богатство!

А пока что он каждое утро открывал шкаф и учил сына различать запахи.

Цеблион протянул руку и достал с верхней полки хорошенький флакон. Круглую пробку украшал стеклянный бант. Цеблионок жадно обнюхал флакон с розовым бантом.

— Пахнет ландышами, — сказал он и облизнулся. — Принцесса!

— Моя радость! — дрогнувшим голосом сказал Хранитель Запахов. — Вот увидишь, когда ты чуть-чуть подрастешь, ты непременно женишься на принцессе.

— Да-а-а! — захныкал Цеблионок. — Как бы не так! Принцесса — самая красивая девчонка на свете, а у меня, видишь, какой нос!

— Мое сокровище, как только ты наденешь колпак-невидимку, все это потеряет всякое значение. Нет, ты женишься на принцессе, я это тебе обещаю.

— Обещаю, обещаю, — проворчал Цеблионок. — Надоело…

В этот момент в дверь кто-то негромко постучал. Главный Хранитель Запахов наклонился к

замочной скважине и принюхался.

— Запах ваксы, — прошептал он. — Это Начищенный Сапог. Любопытно, какие он принес известия.

Начищенный Сапог был один из невидимых стражников.

— Ну? — нетерпеливо спросил Главный Хранитель Запахов, приоткрыв дверь.

— Расцвел! Цветок-невидимка расцвел! У-у, какой красивый! — шепнул Начищенный Сапог.

— А Великий Садовник?

— Спит. Он не спал целую неделю, каждый час поливал цветок-невидимку. Бедный старик, он так устал. А теперь спит.

— Ну хорошо, хорошо, ступай.

Хранитель Запахов захлопнул дверь.

— Наконец-то, — хрипло сказал Цеблион, с нежностью глядя на сына. — Я уже почти потерял надежду увидеть тебя когда-нибудь невидимым.

Хранитель Запахов достал из кармана большие ножницы.

— Я должен спешить, — сказал он. — Умоляю тебя, поставь на место все флаконы и пузыречки. Сам знаешь, если хоть один флакон потеряется, в королевстве все пойдет кувырком.

— Вот еще, и не подумаю, — недовольно про-

ворчал Цеблионок.

Хранитель Запахов беспомощно развел руками.

— У меня нет ни минуты времени, — с мольбой сказал он. — Мне надо пробраться в Белую башню, пока Великий Садовник не проснулся. Главное — не забудь хорошенько запереть шкаф с духами. Слышишь?

«Надо же, какой ленивый мальчишка, — покачал головой Лесной Гном, выглядывая из-под шкафа. — Ах, как я любил запирать мой домик на холме маргариток, когда я отправлялся погулять. Ключ говорил: «Цвинь!» — и поворачивался в замочной скважине».

Маленький Гном достал из кармана гребенку и принялся аккуратно расчесывать свою бороду. Ведь его ждала к завтраку сама госпожа Круглое Ушко!..

Цеблион бросил большой узорный ключ прямо в руки сына и торопливо вышел из зала.

Он сделал несколько шагов по темной галерее и вдруг чуть не налетел на маленького худого негритенка, на беду выглянувшего из-под лестницы.

— Ах, это ты, Щетка! — прошипел он. — Вечно ты путаешься под ногами.

Цеблион сильно ударил его ногой, но мальчик даже не застонал. Видимо, он боялся, что за это его ударят еще сильнее.

Цеблион подошел к низким дубовым дверям, окованным медью. Это была дверь, ведущая в подземный ход. Невидимые стражники молча пропустили его.

Цеблион бегом пробежал через подземный ход и стал подниматься по стертым ступеням из белого мрамора. В щели между камней проникали лучи солнца. В трещинах неподвижно лежали зеленые ящерицы. Открывали изумрудные глаза и снова погружались в теплый сон.

Цеблион поднялся на самый верх Белой башни. Там, подстелив под себя ветхий плащ, лежал старик. Он крепко спал, иногда слабо улыбаясь во сне. Это был Великий Садовник.

Лицо Великого Садовника было землистого цвета, а волосы и борода напоминали высушенную солнцем и ветрами траву. Но он улыбался детской счастливой улыбкой. Так улыбается человек, когда ему удается создать то, о чем он мечтал всю жизнь.

Над Великим Садовником, бросая на него сквозную узорную тень, наклонился белоснежный цветок. Он сиял и светился. Каждый его лепесток

изгибался и дрожал, как язычок прохладного пламени. Это и был цветок-невидимка.

Над ним разноцветным облаком роились бабочки, пчелы и стрекозы. Но стоило только какой-нибудь бабочке опуститься на цветок, как она тут же становилась невидимой.

— Дон-н-н! Дон-н-н! — громко, словно предупреждая о чем-то, пробили круглые часы на городской башне.

Но Великий Садовник все равно не проснулся.

Цеблион наклонился и срезал цветок-невидимку под самый корень. Ножницы лязгнули, как волчья пасть, и мгновенно исчезли. Цеблион дрожащими от жадности руками схватил цветок-невидимку и крадучись направился к лестнице.

Глава 4
Цветок-невидимка

Тронный зал освещали громадные люстры, похожие на хрустальных пауков. Мигали, истекая воском, бесчисленные свечи. Ярко сверкал позолотой и драгоценными камнями королевский трон. К нему вели мраморные ступени, покрытые алым ковром.

В зале можно было просто задохнуться с непривычки. Там тяжело колыхался запах сорока пяти всевозможных садовых и полевых цветов. Еще к ним примешивался запах собачьей шерсти, кислых щей, лимонных корок, пороха, конского пота, сухой малины и свежих еловых шишек.

Но сильнее всего в зале пахло чем-то таинственным, загадочным и совершенно ни на что не похожим. Это значит, в зале находились не только министры и придворные дамы, но и сам король Невидимка Великий.

Над королевским троном висело не то мутное облако, не то сгусток тумана, слабо напоминая очертаниями фигуру человека.

Да, это был король. Не будем скрывать, он был

в отвратительном настроении. Он сидел и в раздражении кусал ногти.

— Черт побери, где министр Чистого Белья?

В это время двери в зал широко распахнулись, послышались торопливые шаги, и кто-то, благоухая цветочным мылом, упал на колени перед троном.

— Ну?! — с волнением спросил король. Мутное облако наклонилось вперед.

— Уф!.. Минутку отдышусь и все доложу по порядку, — проговорил министр Чистого Белья. — Мы ее нашли. Как раз такая, как вы хотели.

У короля вырвался вздох облегчения, но он тут же перешел в недоверчивое ворчанье:

— А ты сделал все, как я приказал?

— Клянусь мылом и мыльницей! — поспешил успокоить короля невидимый министр. — Все сделано точь-в-точь, как вы изволили приказать. Я расставил невидимых стражников повсюду, на рыночной площади, в кустах, под каждым балконом. И они нашли…

— Нашли! И она действительно не хочет?..

— Не хочет стирать ваши колпаки, — подхватил министр Чистого Белья. — Прекрасная мысль! Ведь та, которая не захочет их стирать, не захочет их…

— Украсть! — хором воскликнули все придворные.

Послышались льстивые, подобострастные голоса:

— Какая глубокая тонкая мысль!

— Я поражен!

— А я восхищен!

— Постой, постой, министр! — Голос короля вновь стал мрачным и подозрительным. — Неужели в моем королевстве нашлась женщина, которая не пожелала стирать колпаки-невидимки? Трудно поверить. Может, тут что-то кроется? Может быть, даже… заговор? Измена?

— Что вы, ваше Величество, что вы! — поспешил успокоить короля министр Чистого Белья. — Это всего-навсего простая нищая девчонка! Она сидит в подвале около корыта и плачет в три ручья. Ха-ха-ха! Глупая кудрявая девчонка!

— А, ну что ж… — Король поудобней уселся на троне, одернул кружевные манжеты, напоминавшие зыбкую морскую пену. — Пожалуй, беспокоиться нечего. Девчонка даже не сообразит, какое сокровище она стирает. Так что…

В это время двери распахнулись, и в зал вошел Хранитель Запахов. Позади него с угрюмым видом плелся Цеблионок.

В руке Главного Хранителя что-то светилось, озаряя все вокруг трепещущим, мерцающим светом. Это был цветок-невидимка!

— Ваше Незримое Величество! — громко и торжественно провозгласил Цеблион. Глаза его увлажнились. Нос покраснел. — Я счастлив, что первый могу сообщить вам великую новость. Наконец-то… Цветок-невидимка расцвел!

Цеблион подошел поближе к трону и протянул цветок в пустоту. Король резко вскочил. Послышалось его прерывистое дыхание.

— А… это действительно цветок-невидимка? Вдруг это просто какой-то обычный цветок с какой-нибудь дрянной поляны? Чем ты можешь мне доказать, что это он?

— Доказать? — Цеблион растерянно моргнул.

— Да, да, доказать, — прошипел король. — Знаю я вас! Насквозь вижу. И вашу невидимую хитрость тоже вижу. Если ты меня… Тогда я тебя за то, что ты меня…

Нос Хранителя Запахов заметно позеленел.

— Цеблионок, — лихорадочно заторопился он. — Мой мальчик, дай мне скорее что-нибудь маленькое. Ну что-нибудь!

— Вот! — сказал Цеблионок и бросил к ногам Хранителя Запахов ключ от черного шкафа. —

Больше у меня ничего нет.

Цеблион поспешно нагнулся над ключом. Он слегка нажал на стебель цветка-невидимки. Грустная, удлиненная капля, похожая на слезу, сверкнула и упала на ключ.

Ключ исчез.

— Ваша Светлейшая Прозрачность, — задыхаясь от волнения, проговорил Цеблион. — Я надеюсь, вы не забыли? Два первых колпака… Мне и моему сыну!

Но голос его потонул в криках и воплях невидимок. Придворные, отталкивая друг друга, бросились к цветку.

— Дайте мне на него посмотреть!

— Он похож на маленькую корону!

— Да, да, на маленькую светящуюся корону!

— Пустите меня! Дайте, дайте мне его потрогать. Одним пальчиком!

Цветок-невидимка покачнулся. У кого-то под ногой звякнул невидимый ключ.

— Ключ! Умоляю! Осторожнее, ключ! — отчаянно закричал Хранитель Запахов. — Не трогайте цветок!

Но невидимые придворные повисли у него на руке, стараясь пригнуть ее книзу.

— Что такое? — с возмущением крикнул ко-

роль, вскакивая с трона. — Прочь! Прочь от моего цветка! Под страхом смертной казни не прикасаться к нему!

Придворные отшатнулись, попятились, тихо и злобно ворча. Цеблион стоял посреди зала, загородив цветок ладонью, как горящую свечу.

— А ты, мой Хранитель Запахов, — приказал король, — немедленно ступай в свою лабораторию и займись приготовлением эликсира-невидимки. Немедленно, слышишь?

— С превеликим наслаждением! — низко наклонился Цеблион и, пятясь, вышел из зала.

— Сыночек, отыщи ключ! — крикнул он, обернувшись с порога. — Кажется, он отлетел под трон. Я слышал, как он звякнул. Отыщи ключ!

Но в это время кто-то из невидимок с досады больно ущипнул Цеблионка за ухо. Кто-то другой отвесил ему хорошую затрещину.

— Они дерутся! Щиплются! — взвизгнул Цеблионок. — Сам ищи ключ!

И Цеблионок со всех ног бросился вслед за отцом.

— Терпеть не могу беспорядка. Что за манера все кидать и разбрасывать! — проворчала госпожа Круглое Ушко. Своими ловкими, проворными лапками она нащупала под троном невидимый

ключ. — Пожалуй, в моей норке для него найдется уютное местечко. Надо будет рассказать о нем Лесному Гному. Невидимый ключ! Все-таки диковинка, что ни говори!

Глава 5
Колпак с красной кисточкой

В сыром темном подвале с низким потолком Татти стирала колпаки-невидимки. В маленькое оконце падал один-единственный робкий луч солнца.

Дверь в подвал была крепко-накрепко заперта. А во всех четырех углах сидели невидимые стражники; борясь с дремотой, они протяжно зевали от скуки.

Татти стирала колпаки-невидимки и плакала. Ее слезы падали в корыто. По грязной воде плыли серебристые пузыри.

Сначала Татти решила, что она ни за что на свете не будет стирать колпаки-невидимки. Так она просидела два часа, с ненавистью глядя на золотой таз, в котором лежали грязные колпаки. Колпаки были в пятнах от варенья и в жирных подтеках.

«Их и в руки-то взять противно», — подумала Татти.

Татти была простой деревенской девчонкой. Она умела печь лепешки, топить печку и полоть

грядки. Она любила собирать ягоды в лесу и сушить грибы. Она просто не могла сидеть без дела. Ну не могла, и все.

В конце концов Татти не выдержала и, громко всхлипывая, принялась за стирку. Вода в корыте сразу стала мутной и грязной.

Татти отжала колпаки и бросила их в золотой таз. Потом она подняла корыто и выплеснула мыльную воду прямо на невидимого стражника, сидевшего в дальнем углу. Стражник в это время сладко зевал во весь рот.

— А-ах! Р-р-р! — зевок перешел в рычание. Кто-то, грохнув сапогами, вскочил на ноги. — Тьфу-тьфу-тьфу! Мерзкая девчонка! Ты вылила грязную воду прямо на меня! Как ты посмела?

Татти растопырила пальцы, взялась за подол своей полосатой юбки и почтительно присела.

— Извините, господин невидимый стражник! Я думала, здесь никого нет. Смотрю, пустой угол…

— Хр-р-х… — отфыркивался невидимый стражник. — Я весь мокрый. Пойду погреюсь на солнышке. А ты не вздумай тут примерять колпаки. Это бесполезно. Пока они мокрые, все равно невидимкой не станешь!

Дверь сама собой со скрипом отворилась и тут же захлопнулась.

Когда вода в корыте снова стала грязной, Татти выплеснула ее в другой угол.

— А-а! — взревел стражник, сидевший в этом углу. — Ты чего, спятила? Что ты натворила! Сейчас я тебя отколочу как следует.

Слышно было, как на нем с тихим музыкальным звоном лопаются мыльные пузыри.

— Я же не знала, что в этот угол тоже нельзя выливать грязную воду. — Татти с невинным видом широко распахнула глаза.

— Ты глупая девчонка! — злобно проворчал невидимый стражник. — Тебя следует выпороть. Но сначала я высушу на солнце свои штаны и куртку. И запомни, пока колпаки мокрые, они все равно что обычные колпаки. Так что не вздумай их примерять.

Невидимый стражник вышел, оглушительно хлопнув дверью.

«Ну что ж, попробуем еще разок», — решила Татти. Когда вода в корыте стала кислой и мутной, Татти выплеснула ее в темный угол двери. Пустота в углу мгновенно ожила, кто-то, отряхиваясь и вскрикивая, вскочил на ноги.

— О-о! Что ты натворила! — несчастным голосом простонал третий стражник. — Какая холодная вода! Ой, ой, ой, у меня дрожат зубы

и стучат коленки. Нет, я хотел сказать, стучат коленки и дрожат зубы. Ах, неважно! Скорее на солнышко. На теплое солнышко…

Стражник, стеная и охая, оставляя за собой мокрые следы, выскочил из подвала.

— Я здесь тоже не останусь, — проворчал четвертый стражник. — Не ровен час, проклятая девчонка и меня окатит водой.

Стражник вышел из подвала, и слышно было, как брякнул тяжелый замок.

Татти вздохнула и принялась развешивать мокрые колпаки на длинной веревке, наискосок протянутой через подвал.

Татти взяла в руки маленький колпак с красной кисточкой на конце. На нем было вышито голубыми нитками «принцесса». Татти повесила его на веревку. Луч золотой соломинкой протянулся через подвал и осветил маленький колпак.

Время шло, и ласковый луч стал уходить вправо. Татти от нечего делать передвинула колпак с красной кисточкой.

Луч двигался, уходил в сторону. Татти снимала и снова вешала колпак, опять и опять, пока с удивлением не увидела, что колпак становится все более прозрачным. Прошло еще немного времени, и колпак вдруг исчез.

«Вот это да! — подумала Татти. — Высох и стал невидимый. И кисточка пропала...»

И тут случилось именно то, что должно было случиться. Татти повертела колпак в руках, а потом взяла и натянула его себе на голову.

«Представляю, какой у меня в нем дурацкий вид», — подумала Татти и подняла руки, чтобы его снять. И вдруг она увидела, что у нее нет рук. Да, да! Совсем нет рук! Потом она увидела, что больше нет полосатой юбки, нет деревянных башмаков.

Татти поняла, что стала невидимкой! Сердце у Татти застучало так громко, что она испугалась, как бы этот звонкий стук не услышали стражники.

«Я убегу отсюда, — ликуя, подумала Татти. Она изо всех сил стиснула зубы, чтобы не завизжать от восторга. — Только как, как? Дверь заперта снаружи, а окошко такое маленькое...»

Татти приставила к стене табуретку, подтянулась на руках и высунулась в окно.

«Кажется, пролезу», — подумала Татти. Внизу она увидела примятую траву и раздавленный одуванчик на сломанном стебельке. Татти протиснулась в окно, рама предательски скрипнула, но Татти уже спрыгнула на землю. И тут

случилось вот что! Под окном сидели мокрые стражники и грелись на солнышке. Татти свалилась прямо на них.

Стражники вскочили, загремев оружием.

— Это ты, Лесной Клоп? — дико вскрикнул один из них.

— Ты что? Это, наверное, ты, Подгоревшая Каша? — с тревогой отозвался другой.

— Ты что? Как я могу быть там, когда я тут?

— На меня упало что-то живое и теплое!

— А меня стукнули по голове чем-то деревянным!

— Неужели эта девчонка!

— Братцы, да она удрала! Проклятая девчонка!

Но Татти была уже далеко. Она бежала со всех ног, торопясь и задыхаясь.

Глава 6
Королевский аршин красоты

Татти бежала к Черной башне. Она перепрыгнула через пестрые клумбы, прямиком промчалась по шелковому газону. С досадой обогнула круглый бассейн.

Тень от Черной башни упала на Татти, и она невольно замедлила шаги. Башня стояла мрачная, неприступная, от нее веяло угрюмым молчанием. Ни одной двери, всюду шершавый, грубо отесанный камень.

«Какая же я дуреха. — Татти почувствовала себя беспомощной, маленькой. — Ведь говорила мне тетушка Пивная Кружка: в Черную башню ведет подземный ход. По-другому туда не попадешь. Значит, надо сначала пробраться во дворец. Но как я туда попаду?»

Татти уже гораздо медленней пошла по желтой дорожке к королевскому дворцу.

Дворец словно вырастал из густой зелени, тяжело поднимая вверх украшенные позолотой башни и острые шпили.

Татти поставила ногу на нижнюю ступеньку

мраморной лестницы, но дальше не пошла. С каким-то тоскливым чувством она посмотрела вверх на высокие стрельчатые двери.

Вдруг Татти услышала чьи-то голоса. Она обогнула кусты подстриженных роз и тихо ахнула от удивления.

На круглой зеленой лужайке, словно на зеленом островке, стояла толпа людей. Но не это удивило Татти. Совсем не это. Дело в том, что все, кто собрались здесь, на этой лужайке, были удивительно, необыкновенно красивы.

Красивые девушки стояли, опустив лучистые ресницы. Красивые парни смущенно посмеивались и толкали друг друга плечами. Кудрявые нежные девочки жались к матерям.

— Ну, улыбнись же, доченька! — сказала одна из женщин печальной напуганной девочке. — Ты такая хорошенькая, когда улыбаешься!

Но девочка вдруг горько заплакала. Она прижалась к матери и обняла ее руками.

— Пойдем домой, матушка, — сквозь слезы проговорила она. — Я не хочу… туда!

«Куда — туда?» — подумала Татти.

Она никак не могла решить, какая же из девушек красивее всех? Эта? Или вот эта, с розой в черных кудрях?

Нет, вот самая красивая! Спору нет! Глаза такие прозрачные, как горный ручей. А в глубине что-то светится, будто россыпь мелких драгоценных камней. От бледно-розового румянца веет теплом. Длинная коса словно сплетена из лучей закатного солнца. Ноги босые, видно, пришла издалека.

Неожиданно распахнулась небольшая дверь. Вышел человек в темной бархатной одежде. Глаза у него были маленькие и колючие, а голос вкрадчивый, сладкий.

— Ах вы мои миленькие красавчики! Пришли измерить свою красоту? — Человек в черном оглядел всех острыми глазами, прищурился, голос его стал еще слаще. — Справедливость и истина! Истина и великодушие! Вот что правит нашим королевством. Тот, кто окажется красивее короля, уже сегодня станет нашим королем! Та, кто окажется красивее королевы, уже сегодня станет нашей королевой! Вот так-то, мои красивенькие. Спешите измерить вашу красоту! В нашем королевстве каждую пятницу от двенадцати до трех любой бедняк может стать королем!

Часы на городской башне протяжно и гулко пробили двенадцать раз.

Человек в черном протянул руку. Все, притихнув, стали подниматься по ступенькам. Татти

тоже поднялась вместе со всеми.

Все вошли в пустой зал. Человек в черном незаметно исчез.

Посреди зала на столе, покрытом бархатом, Татти увидела золотую корону. Корона сверкала, разбрызгивая слепящие цветные лучи.

— Внести королевский аршин красоты! — раздался надменный повелительный голос.

Татти вздрогнула от неожиданности. Оказывается, в кресле с украшенной позолотой спинкой сидит невидимка. Кто-то тоже невидимый зашевелился рядом с Татти.

— Аршин красоты уже здесь, ваша Прекрасность!

Справа от короны. Вам достаточно только протянуть руку!

Татти тихонько ахнула. Вон оно что! Оказывается, аршин красоты невидимый. Но, может быть, так и надо?

— Ну-с, кто первый? — послышался презрительный, скрипучий голос. — Кто хочет, чтобы мы измерили его красоту? Кто считает себя достойным стать нашим королем или королевой? А?

В скрипучем голосе прозвучала угроза.

К столу нерешительно подошла босая девушка с длинными косами и прозрачными, сияющими

глазами.

Татти затаила дыхание. Она была уверена, что невидимка тут же предложит красавице стать королевой. Иначе и быть не может!

— Подойди поближе, — снова проговорил все тот же надменный голос. — Сейчас я возьму королевский аршин красоты и узнаю, насколько ты красива!

Девушка сделала несколько робких шагов и остановилась.

— Так-так-так! Стой ровнее. Надо же, какая неуклюжая. Так-так. Теперь я тебя измерю сбоку. Тут еще хуже. Теперь повернись ко мне лицом. Величина глаз… Ай-яй-яй, нехорошо. Длина носа… Так. Ну, все ясно. Всего вместе двенадцать аршин красоты. Всего-навсего. Ну так чтобы ты знала: у нашей королевы девяносто девять аршин красоты, а у короля ровно сто! Ты, моя милая, просто урод! И теперь это сама прекрасно видишь.

— Урод… — тихо повторила красавица. На глазах у нее выступили слезы. Они были прозрачнее хрусталя. Одна из них скатилась по щеке. Татти послышался тихий звон, будто что-то разбилось.

Послышались злорадные, насмешливые голоса:

— Урод, урод!

— Обыкновенная лягушка!

— Чучело! Пугало!

Красавица, всхлипывая, повернулась к двери.

И тут Татти не выдержала.

— Неправда! Нет! — крикнула Татти своим ясным звонким голосом. — Она красивая! Она такая красивая!

Что тут началось! Поднялся невообразимый шум.

— Кто сказал: «Неправда»?

— Измена!

— Эй, стражники, гоните их всех вон!

Невидимые стражники начали выталкивать всех на лестницу. Татти прижалась к стене.

— А вы покажете нам аршин красоты! — крикнул высокий плечистый парень.

— Почему он невидимый?

— Вы ни разу никого не взяли даже в придворные дамы!

— Красоту все равно нельзя измерить!

— Нельзя измерить? Вот я сейчас покажу, как ее мерить! — прорычал чей-то голос возле Татти.

Громко вскрикнула красавица с прозрачными глазами и схватилась за плечо. На нежной коже проступила красная полоса.

— Негодяи! Пусть вы красивее нас, но вы мер-

завцы и трусы! — крикнул высокий парень. Он раскинул руки, стараясь схватить кого-нибудь из невидимок. Но на нем повисло сразу несколько невидимых стражников. Он стал вырываться, нанося удары в пустоту. С разбитых губ капала кровь.

Тонко заплакала девочка с длинными локонами, ухватившись за юбку матери.

Невидимки, шипя от злости, кинулись к маленькой двери. Началась толкотня. Невидимки с воплями выскочили из зала. И Татти в колпаке-невидимке вслед за ними.

— Сил нет, как у меня разболелась голова от этого гвалта, — недовольно сказала госпожа Круглое Ушко, выглядывая из угла. — Столько шума, суматохи, и все попусту. А эта девушка с прозрачными глазами?

Очень мила! Вот если бы у нее к тому же были такие круглые шелковые ушки, как у меня, тогда я бы сказала: «Нет сомнений, она само совершенство». Надо пойти к Лесному Гному и все ему рассказать, развлечь его хоть немного. Прямо беда с ним, все тоскует по своему домику и маргариткам. Одна радость — походить ночью по дворцу с зеленым фонариком. До чего же эти гномы любят зеленые фонарики, просто диву даюсь!

Глава 7
Военный совет

Это была небольшая комната с тяжелой дверью. Окна закрывали литые решетки, и от этого небо казалось клетчатым. В этой комнате всегда происходили самые важные и тайные совещания.

Все здесь дышало тайной. Толстый ковер заглушал шаги. На ковре вместо узора было вытканo одно слово: «Тс-с-с!» Казалось, «Тс-с-с!» незримо летало в воздухе.

В комнате Тайных Совещаний сильно пахло порохом и еще чем-то загадочным и ни на что не похожим. Это значит, здесь находились король и министр Войны.

— Ваше Незримое Величество!!! — рявкнул министр Войны.

— Тс-с-с! — злобно прошипел король. — Что у тебя за голос? Совсем не подходит для государственных тайн.

Да! Если утром король был похож на облако, то сейчас он больше напоминал грозную тучу.

— Я желаю знать, когда будут готовы чистые колпаки! — в раздражении проговорил король.

Министр Войны боком выскочил из комнаты. Король посмотрел на свои руки.

— О-о, — простонал он.

Руки плавали в воздухе, как две вечерние струйки тумана над болотом.

Послышались торопливые шаги, звон шпор. Дверь распахнулась. Король нетерпеливо засопел носом. Так и есть, пахнет порохом, цветочным мылом. Ну и еще пылью. Это министр Законов. Он целыми днями читает старинные книги. Законы, законы, десятки тысяч книг, так что он весь пропитался пылью. Впрочем, ходят слухи, что он собирает пыль веником по всем углам и высыпает ее на себя.

— Счастлив сообщить, Ваше Величество! — еще с порога доложил министр Чистого Белья. — Все чудесно! Девчонка уже выстирала ваши колпаки и повесила их на веревку сушиться. Какие-нибудь полчаса, и вы получите чистый колпак!

— А-а!.. — с облегчением сказал король и потер одну прозрачную струйку тумана о другую. — Наконец-то… Что ж, в таком случае приступим.

— Тс-с-с!.. — разом зашипели все невидимые министры. — Тайна, невидимая тайна превыше всего!

Дверь крепко закрыли. Невидимые стражники

Нафталин и Кислые Щи, стоявшие за дверью, от скуки прислонились к стене.

— Теперь два часа совещаться будут, не меньше, а то и того дольше, — со скукой зевнул Нафталин.

А Жареный Лук, самый молодой и любопытный, сел на корточки и прижал ухо к замочной скважине. Он слышал знакомые голоса. Знакомые, хорошо знакомые голоса.

КОРОЛЬ. Мои прекрасные министры! Если вы думаете, что ваши красивые головы крепко сидят на ваших красивых плечах, то вы ошибаетесь. Глубоко ошибаетесь. В народе беспокойство. Не далее как сегодня эти уроды потребовали, чтобы им показали аршин красоты, а это уже пахнет бунтом, мои министры, вот чем это пахнет. Между тем королевская казна пуста. Это значит, надо…

МИНИСТР ВОЙНЫ *(оглушительно).* Воевать!!!

ВСЕ МИНИСТРЫ. Тс-с-с!

МИНИСТР ВОЙНЫ. Клянусь прямым попаданием!!! Недаром мне сегодня приснилась такая хорошенькая победоносная война!!!

КОРОЛЬ. Война, конечно, дело неплохое…

МИНИСТР ВОЙНЫ. Уж куда лучше!!! Нападем на страну Голубого Поросенка!!! Отнимем у них

волшебную хрустальную кисть!!! Они там все как маленькие детишки!!! Не понимают, какое у них сокровище!!!

ВСЕ МИНИСТРЫ. Тс-с-с!

Жареный Лук, сидевший на корточках под дверью, услыхав последние слова, горестно охнул и сполз на пол.

— Они хотят напасть на страну Голубого Поросенка! — в отчаянии прошептал он.

Страна Голубого Поросенка с юга граничила с королевством невидимок. Прежде жители там, скажем прямо, жили бедновато. Но это до поры до времени. Пока один художник по имени Тюбик не нашел на чердаке своей лачуги хрустальную кисть. Была она до того прозрачной, просто чудо, что он ее заметил. Тюбик — шутник и весельчак по натуре — взял хрустальную кисть, посмеялся и нарисовал голубого поросенка. Другой краски у него под рукой не оказалось. А голубой поросенок: «Хрю-хрю!» — да и ожил прямо у него на глазах.

— Ну и дела! — сказал художник Тюбик.

Стал он ходить из города в город, а за ним, не отставая ни на шаг, похрюкивая от удовольствия, голубой поросенок.

Увидит Тюбик голодных ребятишек, тут же нарисует хрустальной кистью пирог на блюде.

Угощайтесь, пока горячий! Кому нарисует лошадь с телегой. Кому новую крышу с трубой, а из трубы дым. Тут уж вся жизнь пошла по-другому. Голубой поросенок не отставал от своего хозяина, всегда рядом. Все забыли, как прежде называлась их страна, а с улыбкой говорили: «Не знаем, что думают другие, это уж их дело, а нам нравится наша страна Голубого Поросенка!»

КОРОЛЬ. Нам надо захватить, отнять хрустальную кисть. Когда мы ею завладеем, мы будем рисовать только золото, золото, золото!

МИНИСТР ВОЙНЫ. А я буду ее стеречь и караулить!!! Клянусь пороховой бочкой!!!

МИНИСТР ЗАКОНОВ *(злобным шепотом).* Но ведь этот негодный мазилка, этот Тюбик, может нарисовать и пушки. А к ним еще ядра в придачу, и тогда…

МИНИСТР ВОЙНЫ. Надо напасть потихоньку, неожиданно, внезапно!!! Выбрать тихую ночь, когда тучки закроют месяц, и… Ура!!!

КОРОЛЬ *(с раздражением).* До «ура» еще пока далеко. А что, если мой народ не захочет идти войной на страну Голубого Поросенка? Если солдаты откажутся стрелять? А? Что тогда? Надо придумать что-нибудь такое этакое, чтоб мой глупый народ захотел с ними воевать. Думайте,

мои прекрасные министры, хорошенько пораскиньте мозгами!

В комнате Тайных Совещаний стало удивительно тихо.

Слышно было только, как министры тяжело сопят и сокрушенно вздыхают.

МИНИСТР ЗАКОНОВ *(неуверенно)*. Может, сделать так, Ваша Прозрачность?.. Мы на них нападем, а скажем, что они на нас напали. Так поступали многие знаменитые короли. Об этом написано в разных книгах.

КОРОЛЬ. Не годится. Все скоро узнают правду, и будет только еще хуже. *(Со скрытой угрозой.)* Я жду, мои министры!

МИНИСТР ЧИСТОГО БЕЛЬЯ *(робко).* Кхм… Я, конечно, не знаю… Но, может быть, сказать так: художник Тюбик всех жителей перемазал красками с ног до головы. Вот мы и пошли на них войной, чтоб их хорошенько вымыть. Культурная миссия, Ваша Прозрачность! Ничего не скажешь, благородна, а?

КОРОЛЬ *(отрывисто).* Для маленьких детей и дураков!

Голос короля становился все более злым и нетерпеливым.

МИНИСТР ВОЙНЫ. Я человек простой!!! Клянусь бочкой с порохом!!! Надо написать на наших знаменах: на одном «Грабь», на другом «Отнимай!!!» Еще хорошо написать: «Набивай карман!!!» Да под такими знаменами все с радостью пойдут в бой!!!

КОРОЛЬ *(со злобой).* Под такими знаменами в бой пойдут только грабители и воры. Думайте, мои министры! Я приказываю, думайте!

Король вскочил с места и забегал по комнате, размахивая прозрачными руками и сжимая серые кулаки.

КОРОЛЬ *(в ярости).* Безмозглые глупцы! Не можете придумать, как обмануть мой народ. Эй, позвать сюда Цеблиона! Сейчас же, немедленно!

Мимо стражников, крупно шагая и вытянув вперед нос, быстро прошел Цеблион.

ЦЕБЛИОН *(вкрадчиво).* Очень просто, Ваша Прекрасная Светлость! Надо собрать всех, кто кричит, что в стране Голубого Поросенка лучше, чем у нас. Всех до одного. Знаем мы их. Все записаны в моей тайной книжечке. Послать их в страну Голубого Поросенка. И поручить им заключить с художником Тюбиком, он там у них всем верховодит, — заключить вечный мир!

КОРОЛЬ. Что?! Да ты спятил, Цеблион!

ЦЕБЛИОН *(нежно).* А с ними послать убийц в колпаках-невидимках. Таких славненьких, хорошеньких убийц. Они их там потихоньку зарежут ножичками. А мы всенародно объявим, что их убили по приказу художника Тюбика. В народе будет возмущение и…

КОРОЛЬ *(в восторге).* Превосходно! Ну и умница ты, Цеблион!

ЦЕБЛИОН. Ваша Прозрачность, простите, я должен спешить. Эликсир-невидимка почти готов. Он кипит на таком слабеньком огоньке. Я оставил присматривать за ним своего сына.

Неожиданно голос Цеблиона изменился. Он заговорил прерывисто, весь дрожа от волнения.

ЦЕБЛИОН. Так я надеюсь… Два первых колпака. Мне и сыну. Как вы обещали!

КОРОЛЬ *(с важностью).* Я же дал тебе королевское слово!

Хранитель Запахов бегом помчался мимо невидимых стражников, на ходу по привычке со свистом втягивая воздух. За ним протопали невидимые министры. Они злобно и завистливо перешептывались:

— Вот ведь, никак не угодишь! Ну и хитрец этот проклятый Цеблион. Ну и ловкач!

В комнате Тайных Совещаний остались только

король и министр Войны. Король остановился перед картой, рассматривая страну Голубого Поросенка. Страна, нарисованная на карте, выглядела удивительно доверчивой и мирной. Ни один город не окружала каменная стена. Радостно текли голубые реки. А если прислушаться, в густых изумрудных лесах тихо посвистывали птицы.

— Бум, бум, бах! — злорадно потирая руки, пробормотал король. — Ой, стреляют, убивают! Кто на нас напал? Бум, бум! Никого не видно! Тара-рах! Ой-ой! У нас отобрали хрустальную кисть! Погибаем, пропадаем! Бах-бах-бах! Ой, нас всех поубивали! Бум!

Это король представлял себе, как солдаты в колпаках-невидимках напали на страну Голубого Поросенка.

— Эх!!! — выдохнул министр Войны.

Он наконец решился. Он подошел к королю как можно ближе и зашептал как можно тише. Так тихо, как только мог.

— Ваша Прекрасность, неужели вы подарите колпак Цеблиону??? Ведь он такой негодяй!!! Если у него будет колпак…

— Конечно. Ведь я дал ему свое королевское слово, — с важностью сказал король.

Министр Войны крякнул с досады.

— Но он такой проныра!!! Ведь он…

— Это решено, не смей со мной спорить. Короли никогда не обманывают своих подданных. Но… — король негромко рассмеялся, — но сначала мы измерим Цеблиона и его сына аршином красоты. И если окажется, что Цеблион достаточно красив…

— Красив!!! — захохотал министр Войны. — Да ведь он урод, каких мало!!! Ха-ха-ха!!! Теперь ему не видать колпака как своего носа!!! Хотя его нос такой длинный, что его, пожалуй, прекрасно видит!!! Ха-ха-ха!!!

Вдруг послышались голоса невидимых стражников, какая-то возня.

— Куда? Куда? Приказано никого не пускать… Назад…

В светлом проеме двери показался человек в длинных серых одеждах. Это был Великий Садовник. Он, шатаясь, выбежал на середину комнаты. По впалым щекам бежали слезы.

— Ваше Прозрачное Высочество! — закричал он, протягивая вперед дрожащие руки. — Несчастье! Несчастье! У меня похитили мой цветок-невидимку!

Грозовая туча, которая на самом деле была

королем, сделала два шага вперед и прошипела сдавленным голосом:

— Старый безумец! Врываешься сюда и мешаешь нам решать важные государственные вопросы. Никто и не думал похищать у тебя цветок-невидимку. Его взяли по моему приказу. Нам нужны новые колпаки…

— Для нашей чудесной войны!!! — рявкнул министр Войны.

— Для войны? — Великий Садовник пошатнулся. Глаза его расширились от ужаса. — Для войны? Нет, мой добрый повелитель! Вы просто смеетесь над бедным стариком. А я на мгновение и поверил. Конечно, это просто шутка.

— Скоро увидишь, какая это шутка!!! — злобно захохотал министр Войны.

— Нет, нет, нет! — в ужасе зашептал Великий Садовник. — Нет! Не для этого я растил мой чудесный цветок! Пока еще не поздно, остановитесь. Выслушайте меня, умоляю! Иначе произойдет ужасное несчастье!

— Ну! — нетерпеливо проворчала Грозовая Туча. — Говори. Только покороче.

Великий Садовник поднял руку. Его прозрачные старческие глаза сверкнули стеклянным блеском.

— Вы, невидимки, прекраснее всех людей на свете. Но вы прячете от нас вашу красоту. Это великая ошибка! Люди жаждут красоты. Она нужна им так же, как хлеб. Нет! Больше хлеба. Так пусть же все люди наслаждаются вашей красотой. Снимите колпаки! Откройте ваши ослепительные лица, подобные солнцу! А колпаки-невидимки отдайте нищим и уродам. Пусть все бедняки наденут колпаки-невидимки. Тогда в нашем королевстве останутся только богатые и красивые. Ведь только их и будет видно. Надо сломать все бедные дома! Надо срубить все кривые деревья! Тогда наше королевство станет самым счастливым. Оно станет самым счастливым, потому что оно станет самым прекрасным. Для этого я столько лет растил цветок-невидимку!

— Никогда не слыхал подобных глупостей!!! — рявкнул министр Войны.

— Несчастный старик, что я наделал! — горестно воскликнул Великий Садовник. В его голосе было столько отчаянья, что девочка Татти, которая в это время одна шла по дворцу, вздрогнула и на секунду остановилась. А Лесной Гном, сидевший на пороге мышиной норки, сам не зная почему, заплакал тихо и беспомощно, как малое дитя. Слезы у гномов светятся, это всем извест-

но. Он вытирал слезы белоснежным носовым платком, который ему только сегодня утром дала госпожа Круглое Ушко.

Король со злобой посмотрел на Великого Садовника.

— Долго мне слушать бред этого безумца? В тюрьму его, в тюрьму!

Невидимые стражники подхватили Великого Садовника под руки и поволокли к дверям.

Глава 8
Знакомство под лестницей

Тем временем Татти с бьющимся сердцем шла по дворцу.

Ее деревянные башмаки гулко стучали по цветному паркету. Топ-топ-топ! — отдавалось во всех углах. Теперь, когда она стала невидимой, этот звук казался ей оглушительным. Татти скинула башмаки, завязала их в передник, пошла босиком.

«Славная девочка, — подумала госпожа Круглое Ушко, глядя ей вслед. — Догадалась, что я не люблю, когда громко топают ногами, и сняла башмаки. Очень мило с ее стороны. Будь она поменьше ростом, я бы, пожалуй, наняла ее в служанки».

«До чего же здесь красиво! — тем временем думала Татти, переходя из зала в зал. — Даже не представляла, что где-нибудь бывает так красиво!»

Тут Татти вспомнила дом своих братьев. И сейчас же все во дворце показалось ей отвратительным и безобразным.

Она увидела, что у золоченых стульев кривые поросячьи ножки, у пальм противные волосатые стволы. От мраморных стен тянуло холодом.

Вдруг позади нее послышались торопливые шаги и голоса.

— Да куда она денется, Подгорелая Каша? — сказал чей-то дрожащий, уговаривающий голос. — Ну, побегает в колпаке и бросит его. Ну, девчонка, ну, просто глупая девчонка. Поиграет и бросит, помяни мое слово. Давай никому об этом не говорить, ладно?

— Идиот! — послышался второй голос. — Да все тут же увидят, что одного колпака не хватает. Представляешь, что начнется, дурачина? Надо немедленно разыскать министра Чистого Белья!

— Пропала моя невидимая головушка! — простонал первый.

Голоса и шаги затихли. Татти стало как-то жарко и весело. Так им и надо! Пусть, пусть поищут. А она будет ходить по дворцу до тех пор, пока не отыщет своих братьев.

Вдруг отворилась высокая дверь, и Татти чуть не вскрикнула от страха. Она увидела высокого человека. У него было свирепое лицо и огромный нос. Из провалившихся глаз, казалось, шел дым. В этом дворце, населенном только голосами и

шагами, Татти вообще не ожидала встретить человека без колпака-невидимки. Да еще такого страшного.

Татти оцепенела и задержала в груди дыхание.

Зловещий человек прошел совсем близко. Потом Татти увидела противного мальчишку. У него тоже был большой утиный нос и крошечные злые глазки. Он шел, лениво волоча ноги.

— Папка! — капризно сказал противный мальчишка. — Хочу, чтоб у меня сегодня же был колпак-невидимка! Хочу, и все, слышишь?

— Ну, сыночек… — беспомощно сказал страшный человек.

— А если завтра, то я его не надену. Вот!

— Не говори так, мой милый. Ты же видел, я с утра не присел ни на минутку. Столько забот. Сегодня все решится. Ты только подумай, какое счастье, получился целый золотой котел невидимого эликсира!

— Невидимый эликсир! А колпаки?

— Ну, сыночек, что же делать? — виноватым голосом сказал страшный человек. Он с нежностью погладил противного мальчишку по нечесаным лиловым волосам. — Что же делать, мой мальчик? Они очень упрямы, эти братья. Беда в том, что только они умеют ткать материю, которая…

— Опять ждать? — взвизгнул мальчишка. — А если эти глупые ткачи не захотят работать?

— Мы их заставим, — с мрачной угрозой сказал страшный человек. — Есть способы…

— А если они все равно откажутся?

— Тогда мы их казним, — сказал страшный человек.

Татти закрыла рот ладошкой, чтоб не вскрикнуть.

— Идем, папка! Так у меня и через год не будет колпака! — злобно пискнул противный мальчишка и выбежал из зала. Страшный человек поторопился за ним.

Татти пошла дальше.

Все комнаты были одинаковые: большие и пустые. Со стен смотрели картины и зеркала. Зеркала казались темными и мрачными. Ведь зеркала любят быстрый взгляд и улыбку. Но в этих пустых комнатах все словно застыло.

Татти вышла на лестницу. Здесь царил полумрак. За маленьким круглым окном был виден кусок закатного неба, прозрачный и розовый. Татти задумалась, куда ей идти — вверх или вниз по лестнице?

И вдруг она услышала чей-то плач. Кто-то плакал под лестницей, горестно всхлипывая.

«Не может быть, чтобы так плакал невидимка...» — подумала Татти.

Татти заглянула под лестницу. Под лестницей, в темноте, скорчившись, сидел маленький худой негритенок.

Он сидел, низко опустив круглую курчавую голову и обхватив колени худыми руками. Торчали его острые колени и локти.

— Чего ты ревешь? — спросила Татти.

Мальчик в ужасе вскочил и стукнулся об лестницу.

— Не бейте меня, не бейте меня! — с мольбой воскликнул он.

Его блестящие глаза смотрели мимо Татти куда-то в пустоту. Он быстро-быстро дышал и прикрывал руками то лицо, то грудь, будто ждал, что его сейчас ударит невидимая рука.

— Я мальчишек бью, только когда они сами лезут, — солидно сказала Татти. — А первая я не дерусь. Очень надо.

У мальчика стало такое удивленное лицо, будто Татти сказала самую невероятную вещь на свете.

— А... вы кто? — заикаясь, спросил он.

— Я? Девочка, — с удивлением сказала Татти. Она совсем забыла, что на ней колпак-невидимка.

— Вы не простая девочка, — робко прошептал мальчик. — Вы богатая девочка. Ведь вас не видно.

— Вот глупый! — сказала Татти и стянула с головы колпак-невидимку.

— Ой, у тебя босые ноги! — в восторге закричал мальчик. — А платье у тебя старое и заштопанное. Ой, как хорошо! Значит, ты бедная!

— Почему я бедная? — обиделась Татти. — Просто я не очень богатая. А вообще-то мне всего хватает: и еды, и одежки. Братья мне все покупают. А ты что тут делаешь?

— Я полотер. Я каждый день натираю пол во дворце. Вот этой щеткой. А вечером повар дает мне за это кусок черного хлеба. Я никогда не ел белого хлеба, потому что повар говорит, что белый хлеб могут есть только белые люди. Но я плакал не из-за этого. Понимаешь, я совсем один в этом большом дворце. Один-одинешенек. Мне здесь очень плохо. Я, наверно, скоро умру от тоски. Тоска у меня вот тут, в груди. Это такой холодный камешек…

— Нет, ты уж погоди умирать, — сказала Татти. — Вот мы с тобой встретились, так что ты теперь уже не один. А как тебя зовут?

— Меня зовут… У меня очень некрасивое имя. —

Мальчишка посмотрел на Татти темными, как вишни, глазами. Но это были очень грустные вишни. — Меня зовут Щетка. А тебя как зовут? И откуда ты взяла колпак-невидимку?

— Подвинься, — сказала Татти. — Я тоже залезу под лестницу и все тебе расскажу.

Глава 9
В Черной башне

— А теперь я хочу повидать своих братьев, — сказала Татти, окончив рассказ.

Щетка глубоко вздохнул, как будто проснулся.

— О-о-о… Черная башня… — прошептал Щетка и поежился. — Туда ведет подземный ход. Там страшно, там совсем темно, там бездонные пропасти, куда можно упасть. Там сотни дверей. Нет, через подземный ход тебе не пройти. И потом — там всюду стражники.

— Ну да! — сказала Татти. — В колпаке-то я куда хочешь пройду! — И Татти снова натянула колпак на голову.

В это время мимо ребят прошлепали зеленые башмаки со стоптанными каблуками.

— Тише! Это Цеблион! — отчаянно прошептал Щетка.

Цеблион нес в руке зажженную свечу из серого воска. Он открыл низкую незаметную дверь. Пахнуло сырым погребным воздухом. На миг Татти увидела крутые ступени, уходящие вниз, в темноту. Дверь захлопнулась, все исчезло.

— Ушел, — с облегчением вздохнул Щетка.

— А куда он пошел? Куда ведет эта дверь?

— О!.. — Щетка вздрогнул и съежился. — Это и есть та самая дверь. Отсюда начинается подземный ход. Он ведет как раз в Черную башню.

— Что ж ты сразу не сказал! — вскрикнула Татти.

Она распахнула низкую дверь и застыла на пороге.

Непроглядный мрак царил за дверью. Ничего нельзя было разглядеть. Слезы выступили на глазах у Татти.

— Мне надо было пойти за ним. У него свеча. А теперь.?..

— А теперь иди за мной, — послышался негромкий голос. Татти увидела на верхней ступеньке лестницы маленького Гнома с зеленым фонариком в руке.

У него было доброе грустное лицо, седая борода была такой длинной, что Гном засунул ее кончик в карман своей старой курточки.

— Я очень люблю ходить в темноте с моим зеленым фонариком. Идем, девочка, которую не видно, я посвечу тебе. Я сидел здесь рядом, в уголке. Только вы меня не заметили. И все слышал. Ты хочешь помочь своим братьям. Когда чело-

век хочет сделать доброе дело, там, глубоко под землей, в царстве гномов, появляется еще один слиток золота. Все слитки золота — это добрые дела людей, их благородные мысли. Ну да ты все равно этого не поймешь. Что ж, идем!

Лесной Гном начал неторопливо спускаться вниз по крутым ступенькам.

— Ну! — окликнул он Татти уже откуда-то снизу.

— Нет, нет, не ходи! — Щетка нащупал руку Татти и стиснул ее.

— Надо, — вздохнула Татти и высвободила руку.

На нижней ступеньке Лесной Гном остановился.

— Может, тебе не нравится мой зеленый фонарик? — ревниво спросил он. — Может, скажешь, что видала зеленые фонарики и получше?

— Что вы! — искренне воскликнула Татти. — Такой чудесный!

— То-то же! Тогда пойдем дальше. — Лесной Гном с довольным видом кивнул головой.

Подземный ход все время поворачивал, раздваивался, но Лесной Гном уверенно вел Татти все дальше и дальше. С потолка капала ледяная вода. Из углов выползли большие жабы, от старости

покрытые плесенью. Зеленый свет фонарика блеснул в их тусклых глазах.

— Девочка, которую я не вижу, по правде говоря, я бы очень хотел тебя увидеть. — сказал Лесной Гном. — Но это, вероятно, невозможно…

— Отчего же? Пожалуйста, господин Гном. — И Татти стянула с головы колпак-невидимку.

Лесной Гном поднял повыше свой зеленый фонарик.

— Как раз такая, как я представлял себе. — Лесной Гном несколько раз кивнул головой. — Глаза зеленые. О, как много света в этих глазах. Такие милые растрепанные кудряшки. Что ж, стань опять невидимой — и дальше, в путь.

Лесной Гном о чем-то глубоко задумался. Он шел, тихо вздыхая.

— Стой, стой! Берегись! — вдруг вскрикнул Лесной Гном. — Здесь пропасть, бездонная пропасть!

Маленький плоский камешек скользнул из-под ноги Татти и сорвался куда-то вниз.

«Тик-ток-ток-ток!» — затихая, выстукивал камешек, отскакивая от крутых уступов.

— Ах я глупый, старый Гном! Прожил триста лет, а то и того больше и все такой же рассеянный и бестолковый, — тяжело дыша, проговорил Лес-

ной Гном, и зеленый фонарик дрогнул в его руке.

Татти, прижимаясь к стене, осторожно прошла мимо черной пропасти. Вдали мелькнул слабый, прыгающий по стенам огонек.

— Это Цеблион, — шепнул Лесной Гном. — Иди за ним, девочка, которую я не вижу. И возвращайся. Я буду ждать тебя здесь.

— Спасибо, — шепнула Татти и заторопилась за моргающим огоньком свечи.

Вслед за Цеблионом она стала подниматься по узкой винтовой лестнице.

Татти почувствовала сильный запах ваксы.

— Эй, Начищенный Сапог, отвори дверь, я хочу поговорить с ткачами, — приказал Цеблион.

Загремели ключи. Дверь отворилась. И в этот момент Татти незаметно проскочила мимо Цеблиона прямо в комнату.

Татти увидела своих братьев.

Ей показалось, что они какие-то совсем не такие, как дома. Ей показалось, что старший брат стал каким-то суровым не по годам, а младший — совсем взрослым.

— Морщинки, — неслышно прошептала Татти. — Морщинки и тут, и на лбу…

— Вот что, мои миленькие, славненькие ткачи! — сладким голосом сказал Цеблион. — Не-

видимый эликсир готов. Теперь дело за вами. Вы должны сегодня же взяться за работу. Мне не хочется портить вам настроение всякими пыточками и другими неприятными вещами.

Старший брат медленно повернул голову и посмотрел на Цеблиона.

Его взгляд был как раскаленный луч. Татти показалось, что она видит в воздухе этот взгляд.

— Мы не будем работать! — резко сказал старший брат. — Мы знаем, для чего вам нужны колпаки. Они нужны вам для войны. А на свете нет ничего страшнее вашей войны…

Хранитель Запахов мерзко захихикал.

— Ах вы, мои глупенькие ткачи! — сказал он ласковым, лисьим голосом. — Испугались войны, мои миленькие? Сразу бы сказали. Так и быть, я поговорю о вас с министром Войны. Он мой добрый приятель. Все пойдут на войну, а вы не пойдете. Договорились? Довольны теперь?

Лицо старшего брата исказилось от отвращения.

— Уходи отсюда, старик! — сказал он. — Ты никогда не поймешь нас. Твои уговоры бессильны. Мы не будем ткать материю для колпаков.

У Цеблиона от ярости скрючились пальцы. Татти увидела его зеленые ногти, похожие на

желуди.

— Эликсир-невидимка готов, — прохрипел он. — Если вы не возьметесь за ум, вас завтра казнят! Это мое последнее слово!

Цеблион так хлопнул дверью, что тяжелые железные ставни застонали и заскрипели, а красный луч закатного солнца метнулся по стене.

— Ну что ж, умрем… — пробормотал младший брат и опустил голову. — Бедная Татти…

— Я не бедная! — закричала Татти. — Я здесь!

И она сорвала с головы колпак-невидимку.

Она обнимала и целовала братьев.

— Я так соскучилась, я так счастлива, — шептала она.

Но когда она подпрыгнула особенно высоко, старший брат поймал ее в воздухе. Татти перестала болтать ногами, и старший брат поставил ее на пол.

— Татти, — сказал старший брат. — Ах, девочка… Ты должна немедленно уйти из дворца. Слышишь? И уехать в деревню. Ты не должна целый месяц ни с кем ни о чем говорить. Только с соседками. И только о молоке и хлебе. И ни у кого не спрашивай о городских новостях.

— Почему? — шепотом спросила Татти. Но пока она спрашивала, она все уже сама поняла. Ей

стало так страшно, как никогда в жизни.

Заскрипела старая лестница.

— Эй, Начищенный Сапог, открывай дверь!

— А… это ты, сторож?

— А то кто же. Уф… Я принес хлеб и воду братьям.

Старший брат схватил Татти и быстро натянул ей на голову колпак-невидимку.

Дверь отворилась. Вошел пузатый сторож. Он держал кружку воды, прикрытую двумя ломтями хлеба.

Старший брат на одно короткое мгновение прижал Татти к себе и вытолкнул ее на лестницу.

Как Татти спустилась вниз, она не помнила. Она садилась на каждую ступеньку и безутешно плакала. Внизу ее ждал Лесной Гном.

— Девочка, которую я не вижу, ты так горько плачешь, что я вижу твою грусть. Она, как голубое облако, висит над тобой, — с сочувствием сказал Лесной Гном.

Татти, ничего не видя от слез, шла за Лесным Гномом. Если бы он вовремя не схватил ее за подол юбки, она, наверное, свалилась бы в бездонную пропасть. Старые жабы провожали подозрительными взглядами зеленый фонарик.

Лесной Гном с трудом открыл низкую дверь.

Там, под лестницей, весь измучившись от беспокойства, ждал Щетка.

— Татти! — еле выговорил Щетка. — Наконец-то.

— Прощай, девочка, которую я не вижу, — печально сказал Лесной Гном. — Пойду попрошу у госпожи Круглое Ушко чистый носовой платок. Что-то я слишком много плачу последнее время. Странно, очень странно…

Лесной Гном дунул на свой зеленый фонарик и исчез.

Татти забралась под лестницу, упала на колени рядом со Щеткой.

— Господи, что я натворила, — рыдала Татти. — Да меня мало убить за это. Ну что мне стоило взять еще пару колпаков для братьев? А теперь их… Нет! Нет! Не хочу! Не хочу! Вот проберусь в Белую башню и пролью эликсир-невидимку. Да! И тогда братьев отпустят домой!

Вдруг Татти замолчала. Это она просто так сболтнула насчет Белой башни и невидимого эликсира, не подумав. Но вдруг ее собственные слова поразили ее.

— Ой, правда, Щетка, если не будет эликсира, их отпустят. Ведь тогда больше не будет нужна материя для колпаков. Ведь правда? Я пролью

его, вот ты увидишь, я пролью!

— Ну, конечно, конечно, — прошептал Щетка, хотя на самом деле он не очень-то в это верил.

Мимо них, шаркая подошвами, прошел человек в зеленом. Он вел за руку противного мальчишку.

— Папка! — хныкал Цеблионок. — Принцесса приказала мне принести ее духи. Дай мне ключ от черного шкафа.

— Ты же сам знаешь, я сделал его невидимым, — с огорчением сказал Хранитель Запахов. — Я же тебя тогда попросил, помнишь, пошарь под троном. Он где-то там. Пойди туда сейчас и…

— Мне какое дело! Подай ключ, и все, — капризно топнул ногой Цеблионок.

— Хорошо, хорошо, сыночек, умоляю тебя, не нервничай, — торопливо сказал Цеблион. — Я только взгляну на невидимый эликсир и тут же пойду искать ключ. Мы вместе…

Но Цеблион не успел договорить. Послышались громкие голоса и топот множества ног.

Потом загремел голос министра Войны:

— Немедленно найти девчонку!!! Закрыть все двери!!! Осмотреть подземные ходы!!! Обыскать весь воздух во дворце!!! Усилить стражу!!! Никого не пускать в Белую башню!!!

— Что случилось? — как безумный закричал Цеблион.

— Маленькая дрянь украла колпак принцессы!!! — задохнулся от ярости министр Войны.

Всюду был слышен топот невидимых стражников. Одни бежали вверх по лестнице, другие вниз.

— Теперь тебе нельзя отсюда вылезать! — шепнул Щетка. — Даже и не думай идти в Белую башню. Да и все равно теперь туда никому не пройти.

— Никому? — горестно повторила Татти.

— Ну, королю или королеве. Им-то, конечно… И еще принцессе.

— Вот если бы у меня… — тихонько сказала Татти.

— Что у тебя?

— Да нет, я просто подумала…

— Что ты подумала?

— Да так, пустяки. Вот если бы у меня были духи принцессы…

— Слушай, Татти! — Щетка нашел невидимую руку Татти и сжал ее. — Я сейчас пойду натирать пол в тронном зале. И найду невидимый ключ. А потом я открою им черный шкаф. Я принесу тебе духи принцессы. Жди меня, слышишь? Жди!

Щетка исчез так быстро, что Татти подумала, уж не снится ли ей все это.

Глава 10
Невидимый ключ от черного шкафа

В тронном зале горели свечи. Придворный художник рисовал портрет принцессы. Невидимая принцесса сидела на троне, то и дело зевая от скуки, напевала глупые песенки без конца и начала.

Портрет был почти закончен. Только вместо лица белело пятно, по форме напоминающее яйцо.

— Итак, итак, приступим к самому главному! — с волненьем проговорил художник. — Ваша Прекрасная Ослепительность, конечно, ни один художник на свете не в силах передать вашу красоту! И все же позвольте узнать, какого цвета у вас… глаза?

— Конечно, голубые! — сердито сказала принцесса.

— О-о! Безусловно! — в восторге простонал художник и нарисовал два лучистых голубых глаза.

— А… ваш ротик, позвольте узнать?

— Маленький и ярко-красный, — недовольно проговорила принцесса. — Мог бы и сам дога-

даться.

— Именно так я и думал! Как же иначе! — Художник нарисовал маленький рот, похожий на атласный бантик. — Теперь, простите, хотя бы несколько слов о вашем носе. Представляю, как он бесподобно красив!

— Еще бы! — томно сказала принцесса. — У меня чудесный маленький нос. Неужели ты этого не знаешь, невежа, тупица?

— Ах, извините, конечно, конечно! — смутился художник.

Принцесса слезла с трона и начала придирчиво рассматривать свой портрет.

— Да, я похожа. Но на самом деле, можешь не сомневаться, я в тысячу раз красивее. А теперь нарисуй мой голос. Он самый нежный на свете. Слышишь? И звенит, как колокольчик!

— Нарисовать голос? Ваш голос? — художник от изумления открыл рот и уронил кисточку.

— Только посмей сказать мне, что это невозможно!.. — с угрозой сказала принцесса. — Учти, я нахмурилась. У меня уже сердитое личико.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, но в этот миг дверь чуть приоткрылась, и в зал на четвереньках вполз Щетка. Он быстро подполз к трону и принялся торопливо шарить под ним

рукой, словно ища там что-то.

— Нет! Его нет! — горестно прошептал Щетка.

— Что это? — пронзительно завизжала принцесса, и, честное слово, ее голос вовсе не походил на колокольчик. — Художник, вышвырни его отсюда!

Художник ударил Щетку ногой. Мальчик был такой худой и легкий, он скользнул по гладкому полу, как по зеркалу, и мгновенно исчез.

— Как он посмел? — теперь принцесса шипела, как змея. — Я пожалуюсь папочке-королю, и он сегодня же… Ну уж папочка придумает, что с ним сделать. Бросить в тюрьму или…

Но невидимая принцесса не успела договорить. К своему изумлению, она увидела, что возле трона, где только что был Щетка, на коленях ползает Цеблионок и тоже что-то пытается нащупать рукой.

— Мерзкая лягушка! Чудовище! Прочь отсюда! — вне себя от ярости закричала принцесса. — И немедленно принеси мне мои духи. Беги за ними, урод!

Цеблионок встал, отряхнул ладонью колени, обиженно надув губы, посмотрел туда, откуда доносился истошный вопль принцессы.

— Говорил я тебе, папка, что все это глупо-

сти! — проворчал Цеблионок. — Сам сделал ключ невидимым, сам его и ищи.

Цеблионок посмотрел на портрет принцессы, жадно облизнулся.

Незаметно вошедший в зал Цеблион низко поклонился.

— Умоляю, простите великодушно, Ваша Юная Прекрасность! — взволнованно проговорил он. — Вы так слабо пахнете. Я тут потерял одну мелочь, безделицу, но очень важную. Так, пустячок, но государственная тайна, поэтому…

Пробормотав всю эту бессмыслицу, Цеблион рухнул на колени, охая и хватаясь за поясницу, пополз к трону. Он растянулся на животе и засунул руки как можно глубже под трон.

— Вон отсюда! — взвизгнула принцесса. Она затопала ногами, так что паркет затрещал под ее острыми каблуками.

Щетка был уже далеко. Он не слышал ни униженного голоса Цеблиона, ни острого визга невидимой принцессы.

Он присел на корточки в углу за занавеской.

— Глупый я, ничтожный мальчишка, — горестно прошептал он. — Разве может быть прок от мальчишки, которого зовут Щетка? Разве он кому-нибудь сможет помочь? А Татти повери-

ла мне, она надеется, что я найду невидимый ключ… О-о!..

Щетка тихонько всхлипнул. Слеза, как капля расплавленного серебра, скатилась по его темной щеке.

Вдруг что-то зашевелилось, зашуршало совсем рядом. Из-под занавески с важным видом вылезла серая бархатная мышка.

— Ах! — вздохнула мышка. — Я все знаю. Это иногда даже утомительно — знать так много, все-все на свете. Например, мне известно, что ты ищешь невидимый ключ. Так ведь? Ну что ж. Вот он. Держи!

Бархатная мышка подняла тонкие, гибкие лапки.

— Ну бери же скорей, он тяжелый! — недовольно воскликнула мышка.

Щетка подставил руки. Что-то невидимое упало ему на ладонь. Ключ, невидимый ключ! Да, это был он!

— Ой, спасибо, госпожа Мышка, — счастливым голосом пролепетал Щетка. — Мне он нужен, уж так нужен…

— Можешь звать меня госпожа Круглое Ушко, — снисходительно разрешила мышка. — Что ж… Пойду расскажу обо всем Лесному Гному,

только вот куда он запропастился? Опаздывает к обеду, а я терпеть не могу подогревать жаркое второй раз…

Госпожа Круглое Ушко почесала лапкой животик.

— Не знаю никого, кто был бы добрей и порядочней, чем мой друг, Лесной Гном. Только в одном мы расходимся? Он считает, что в этой жизни ничего нельзя ни знать, ни предсказать заранее. Лично я знаю все на свете, и пусть попробует кто-нибудь меня разубедить в этом…

Госпожа Круглое Ушко милостливо кивнула Щетке и исчезла.

Глава 11
Духи принцессы

Щетка вбежал в темную комнату. Он на цыпочках подошел к черному шкафу. Луна на миг выглянула из-за тучи и залила комнату голубым светом. Но Щетка успел разглядеть замочную скважину. Ключ повернулся неожиданно легко. Дверцы шкафа протяжно заскрипели и открылись.

«Как же я отыщу здесь духи принцессы? — растерянно подумал Щетка. — Тут столько флаконов, и все разные».

Щетка почувствовал слабый свежий запах ландышей. Он протянул руку.

— Это не то… И это не то… А вот этот? — Щетка схватил маленький флакон, сверху украшенный стеклянным бантом.

Его окутал нежный ночной запах ландышей. Задыхаясь, Щетка прижал маленький флакон к груди.

— Татти, Татти… — тихонько шепнул он. — Вот видишь, я нашел для тебя…

В это время за дверью послышались тяжелые

шаги.

Щетка заметался по комнате. Но в этой мрачной, неуютной комнате было негде спрятаться.

«Это министр Войны! Он идет сюда. Ой, ой, больше нет на свете маленького и несчастного негритенка...»

Щетка сдвинул пузырьки на нижней полке в одну сторону, забрался в шкаф и закрыл дверцы. Он прижал глаз к замочной скважине. Хотя в замочную скважину был вставлен ключ, это не мешало ему все видеть. Ведь ключ был невидим.

Теперь в комнате стало светлее. На стол поставили две зажженные свечи. Они осветили огромный нос Цеблиона.

— Твои дела из рук вон плохи, Цеблион!!! Напрасно ты усмехаешься!!! — с угрозой проговорил министр Войны. — Ткачи наотрез отказались ткать полотно!!!

Цеблион отвратительно хихикнул.

— Есть новости, и неплохие, — сказал он, понизив голос. — Оказывается, эта маленькая дрянь, которая украла колпак, приходится им родной сестренкой. Достаточно изловить ее и пригрозить ткачам, что мы ее казним. Они тут же как миленькие согласятся.

— А не врешь??? Откуда знаешь??? — задохнул-

ся от волненья министр Войны.

— Мне доложили об этом жабы, мои хорошенькие жабы. — Цеблион оперся руками о стол и наклонился вперед. — Они все у меня на жалованьи. Плачу по мелочишке, а вести, как видите, важные. Они рассказали, что девчонка ухитрилась пробраться в Черную башню.

— Это уже кое-что!!! Ха-ха-ха!!! — министр Войны так и затрясся от хохота. — А девчонку мы изловим!!! Пренепременно!!! Я приказал обыскать весь воздух во дворце!!! Обшарить все углы и закоулки!!! Ха-ха-ха!!!

Одна свеча покачнулась, мигнула и погасла.

«Когда же, когда же они уйдут?» — с тоской подумал Щетка.

Он задыхался в черном шкафу.

Справа от него пахло паленой шерстью, слева фиалками. Около уха пахло лимоном, прямо под носом — кислой капустой.

Снова хлопнула дверь, и в комнату вошел Цеблионок.

— Папка, — всхлипнул он. — Принцесса меня прогнала. Еще обозвала уродом и чудовищем. Она сказала, пойди принеси мои духи. Папка, взломай шкаф!

«Ой! Если он потянет за ручку шкафа… — ужас-

нулся Щетка. — Ой, все кончено, больше нет бедного, несчастного Щетки».

— Ладно, ладно, сыночек, — с нежностью сказал Главный Хранитель. — Только не волнуйся, лапочка, успокойся!

— Ха-ха-ха!!! — министр Войны захохотал так громко, что вторая свеча упала набок, зашипела и погасла.

Стало совсем темно. В окно заглянула лучистая звезда, которой раньше не было видно.

— Папочка! — взвизгнул Цеблионок. — Я боюсь! Здесь темно! Ой, куда ты?

Министр Войны снова захохотал.

Черный шкаф тяжело вздохнул и покачнулся. Дверцы его скрипнули и отворились.

— Папка! Здесь крысы! — заорал Цеблионок.

Щетка скатился с полки, вскочил на ноги и тут же угодил головой в чей-то твердый выпуклый живот.

— Дон-н!.. — сказал живот.

Это был живот министра Войны, одетого в железные латы.

— Дрянной мальчишка!!! — заорал министр Войны, хватая за волосы Цеблионка. — Оставь в покое мой живот!!!

— Оставьте в покое моего ребенка! — в ярости

закричал Главный Хранитель, стараясь нашарить в темноте своего сына.

— Папочка, спаси меня! — кричал Цеблионок.

Щетка в темноте нашарил дверь и выскочил из комнаты. Он скатился по ступеням и бросился в темный угол под лестницей.

Глава 12
Обыскать воздух!

Теперь, мой маленький друг, давай вернемся немного назад. Я надеюсь, ты не забыл, что Татти осталась одна под лестницей. Она сидела, сжавшись в комочек, туго обхватив колени руками.

Мимо нее топало множество ног, струились, перемешиваясь, всевозможные запахи. Это невидимые стражники обыскивали воздух во дворце.

— Не доверяйте воздуху! Обыскать его! Воздух всегда опасен! — вопил, пробегая, Цеблион. «О, если бы я мог арестовать весь воздух во дворце, в мире, повсюду!..» — подумал Цеблион и скрипнул зубами.

Невидимки, попавшие в крепкие руки стражников, вопили, визжали и царапались, но стражники все равно тащили их к Цеблиону.

Хранитель Запахов тщательно всех обнюхивал, одного за другим.

— Ну, какая же это девчонка? Это министр Денег!

— Тьфу, да это же тетка министра Чистого Белья! Она, наверно, лет сто назад была девчонкой!

— Как вы смеете это говорить? Я была девчонкой еще в прошлом году!

От усталости нос у Цеблиона светился красным светом, как будто был набит раскаленными углями.

Под лестницей стало совсем темно. Луна закуталась в непрозрачные, влажные покрывала.

— Татти, это я! — услышала Татти дрожащий от счастья голос. И худенький, незаметный в темноте Щетка шмыгнул под лестницу. — Смотри, смотри, что я раздобыл. Это духи принцессы!

Татти разглядела на темной ладони круглый флакон с маленькой крышкой, украшенной стеклянным бантом.

— О!.. — прошептала Татти. — О!..

Татти уже протянула руку, чтобы взять флакон, но в этот миг где-то рядом загрохотали сапоги.

— Долго ты будешь путаться под ногами, несносный мальчишка! — раздался злобный голос. Невидимая рука вцепилась в густые курчавые волосы Щетки и отшвырнула мальчика в сторону. Щетка вскрикнул. Флакон скатился с ладони. Он чуть блеснул в волнистом лунном луче.

Татти отчаянно вскрикнула и бросилась к флакону. Она сделала несколько шагов, и тут же кто-то невидимый налетел на нее и ухватил ее за

плечо дрожащими пальцами.

— Я кого-то поймал! — завизжал невидимка.

Затопали сапожищи.

Татти вырвалась из грубых рук и вскочила на стул. Стул покачнулся. Татти перепрыгнула на высокий подоконник.

— Эй, я нашел какую-то девчонку под столом! — крикнул чей-то хриплый голос. — Но, кажется, у нее борода!

— Постой, постой! Не отпускай ее. Может быть, это вовсе и не борода, а косы?

— Обыщите воздух! Не доверяйте воздуху! Проверьте все углы, закоулки, подоконники! — прокричал Цеблион, пробегая мимо.

Чья-то большая, грубая рука нашарила Татти и вцепилась в передник.

— Тут кто-то прячется. Здесь, на этом подоконнике! Скорее! — завопил стражник.

Передник развязался. Один башмак со стуком свалился на пол. Другой Татти успела подхватить в воздухе.

Татти взмахнула башмаком.

— Ой! — заорал стражник. — Это она! Она дерется! Хватайте ее!

Но передник он все же выпустил. Татти еще раз взмахнула башмаком.

— Это она! — вскрикнул второй стражник, потому что на этот раз он тоже получил башмаком по голове.

Поднялась немыслимая возня и суматоха.

— Ты отдавил мне руку!

— На помощь!

— Она здесь!

— Да слезь же с моей руки, болван!

В зал ворвался Цеблион.

— Держите ее! Не выпускайте!

Он бросился к окну с протянутыми руками. Его глаза сверкали такой неистовой злобой, что у Татти на миг закружилась голова.

«Все пропало, сейчас они меня схватят!» — подумала Татти. Она изо всех сил ударила по стеклу башмаком. Ударила еще раз. Стекло остро зазвенело, посыпались осколки. Татти выпрыгнула в сад.

К счастью, под окном росло круглое дерево. Татти повисла на ветке, и ветка, гибко прогнувшись, ласково опустила ее на землю. Татти увидела свои босые ноги, башмак, зажатый в дрожащей руке.

— Ах! Я потеряла колпак-невидимку! — в отчаянии вскрикнула Татти. — Все кончено, все погибло!

Татти взглянула наверх, на разбитое окно. Она

увидела Цеблиона. Высунувшись, как только мог, он дрожащими от алчности руками ощупывал ветки дерева, одну за другой.

Слезы выступили у Татти на глазах. Лунный свет блеснул в них и ослепил ее. Сейчас стражники выбегут в сад, спилят дерево, обшарят все вокруг и найдут колпак. А она… она все погубила, и теперь ей уже не спасти братьев.

— Что, девчонка, больше нет у тебя колпака-невидимки? Потеряла его, проворонила? Теперь он мой, мой! — страшная улыбка раздвинула губы Цеблиона.

— Что это набросили на мое гнездо? — услышала Татти тоненький недовольный голос. — Ничего не видно, а душно как! Чик-чирик! Так и задохнуться недолго. Бедные мои птенчики!

Маленькая птичка недовольно шевельнулась в гнезде, взмахнула крыльями, и прямо в руки Татти упало что-то легкое, мягкое.

— Колпак-невидимка! — задохнулась от радости Татти.

Цеблион закричал так дико и неистово, что его голос, повторенный эхом, гулко разнесся по всем залам дворца.

Он посмотрел на Татти. В этот миг луна сбросила свои отсыревшие облачные покрывала.

Цеблион увидел залитую лунным светом большеглазую девчонку в заштопанной юбке. Ее кудрявые волосы были растрепаны, на щеках еще светился румянец испуга.

Потом девчонка что-то натянула на голову и исчезла.

Пуст и тих был сад. Уютно спала в гнезде маленькая птица. Она накрыла птенцов крыльями, и ее перья отливали в лунном свете цветным перламутром.

Глава 13
Госпожа Круглое Ушко и пчелка Жоржетта

Госпожа Круглое Ушко выглянула из своей норки. Она неодобрительно оглядела высокий потолок и мраморные колонны.

«Слишком много комнат, и все такие большие и неуютные, — подумала она. — То ли дело моя норка. Кому он нужен, этот дворец, честно говоря, не пойму. Ну, я еще понимаю — кухня. Там полно разной вкуснятины. Погодите, погодите, что это там блестит под креслом?»

Госпожа Круглое Ушко своими ловкими лапками вытащила из-под кресла небольшой сверкающий флакон, украшенный стеклянным бантом. Без особого труда она вытянула пробку.

— Ап-чхи! — громко чихнула она.

«Да это же духи принцессы! — догадалась госпожа Круглое Ушко. — Забавная находка. Надо показать этот флакон Лесному Гному. Может, это хоть немного его развлечет. А потом я поставлю флакон на свой туалетный столик. Это будет выглядеть очень мило».

Тут мышка услышала звонкий круглый стук.

— Тинь-тинь-тинь!

Маленькая золотистая пчелка со стоном билась в оконное стекло.

Госпожа Круглое Ушко осуждающе покачала головой и сложила на животе лапки.

— Дурочка, — сказала она. — Долго ты собираешься заниматься этими глупостями? Стекло ты все равно не разобьешь, а свои хрупкие крылья сломаешь. Как тебя зовут, малышка?

— Жоржетта, — почтительно прожужжала пчелка. — А вы, я знаю, госпожа Круглое Ушко. Весь наш улей наслышан о вас.

— Ну уж не такая я важная особа, чтобы обо мне знал весь улей, — насмешливо сказала госпожа Круглое Ушко, хотя в глубине души она была очень польщена.

— Вы понимаете, здесь кто-то разбил стекло. — Сладкие слезы потекли из глаз Жоржетты. — Мои сестрички, кто пошустрее, успели улететь. Но прибежали слуги и тут же вставили новое стекло. Боже мой, что же мне делать, госпожа Круглое Ушко?

— Да, во дворце надо уметь жить. Впрочем, я помогу тебе выбраться отсюда, глупышка, — с важностью сказала мышка.

— Ах, госпожа Круглое Ушко, медовое спасибо! — обрадовалась Жоржетта и вежливо присела. — Я так хочу к цветущим липам, в свой родной улей!

— Ишь, торопыга, — нахмурилась госпожа Круглое Ушко. — Сначала ты отправишься со мной в мою норку.

— В норку? — испугалась Жоржетта и снова залилась медовыми слезами. — Что вы, ни за что на свете! Там темно, там темно.

— Ах ты маленькая негодница, — возмутилась госпожа Круглое Ушко. — Еще смеешь мне перечить. Во-первых, у меня на столе горит чудесная керосиновая лампа. Во-вторых, у меня в норке живет мой старый друг, Лесной Гном. Ему страсть как хочется узнать, какие новости на его холме, поросшем маргаритками. Как там растет трава, нежные корни и все прочее. Вот расскажешь ему все это и отправляйся восвояси.

— Я отлично знаю это местечко, — обрадовалась Жоржетта. — Белые маргаритки… И дядюшку Гнома я тоже знаю. И ступеньки, и дверь в его домик!

— Ну, так лети за мной, плакса, — уже ласково сказала госпожа Круглое Ушко. — Только не вздумай хныкать и ронять слезы на ковер в моей

норке. Не хватало мне еще потом оттирать липкие пятна. Порядок, прежде всего порядок!

— Медовое спасибо, — пролепетала Жоржетта. — Вся к вашим услугам.

— Вот так-то лучше, — кивнула мышка. — Лети за мной, я напою тебя чаем и дам чистый носовой платок.

А Татти тем временем шла по темным дорогам парка.

Она посасывала порезанный о стекло палец и немного прихрамывала, потому что одна нога была у нее босая, а на другой — деревянный башмак.

Деревья во мраке шумели громче, будто здесь они не боялись говорить то, что думают.

Дорожка кончилась. Татти пошла в темноту по скрипящей от росы холодной траве.

«Я так все хорошо придумала. — На Татти накатило отчаянье, сердце сжалось от тоски. — Куда я иду, зачем? Мне же теперь не пробраться снова во дворец. Мои братья…»

— Мне давно пора спать… Мне давно пора спать… — кто-то сонно прожужжал над ухом Татти. Маленькая пчела опустилась ей на плечо. — Светлячки, милые светлячки, зажгите ваши огоньки. Вы должны помочь этой девочке. Так

сказала госпожа Круглое Ушко! А мне пора спать, спать…

На длинной травинке вспыхнул сияющий дрожащий огонек.

— Знать не знаю никакую госпожу Круглое Ушко! — сердито отозвался светлячок. Обиженно мигнул и погас.

— А еще вас просил об этом дядюшка Лесной Гном! — еле слышно прожужжала пчела.

— Дядюшка Гном! Дядюшка Гном! Это другое дело! — послышалось из травы множество негромких голосов. И будто в траву бросили горсть сверкающих драгоценных камней. Маленькие мерцающие огоньки окружили Татти.

— Только бы мне не уснуть, пока я вам все не расскажу, — заплетающимся голосом проговорила пчелка. — Так вот, слушайте…

Глава 14
В Белой башне

Был поздний вечер. Невидимые стражники Горчица и Черный Перец охраняли вход во дворец.

Вдруг чей-то маленький крепкий кулачок весело и твердо постучал в дверь.

— Кто это? Кто там может быть? — испуганно прошептал Черный Перец.

— Ну чего ты, чего ты? Наверно, кто-нибудь из министров. Ведь сегодня бал в честь новых колпаков-невидимок, которые скоро будут готовы, — успокоил его Горчица. — Открой дверь. Только, как положено, сначала спроси: «Кто там?»

— Кто там? — закричал Черный Перец, вытягивая шею.

Ответ был ошеломляющий.

— Это я, принцесса! — ответил звонкий голос.

Стражники замерли на месте. Они были потрясены.

— Эй, дураки, откройте немедленно! — опять послышался звонкий голос. — Ну что вы там стоите? Вот я скажу папочке, и он отрубит вам

головы!

— Про папочку заговорила! — ахнул Черный Перец и бросился к двери. — Это она, принцесса!

Но Горчица схватил его за невидимый рукав.

— Постой, постой! — прошептал он. — А вдруг это опять та девчонка? А? Давай откроем дверь и обнюхаем ее хорошенько. Если что не так — хватай сразу. Если это девчонка, так нам еще мешок золота отвалят.

Он немного приоткрыл дверь.

И сейчас же вместе с вечерней прохладой, звездами и шумом деревьев в душный дворец ворвался свежий запах ландышей.

Стражники с поклоном распахнули двери.

Татти вошла во дворец.

— Все равно я пожалуюсь папочке и мамочке! — сказала она. — Вас высекут крапивой.

Невидимые стражники упали на колени.

— Пропали мы с тобой! — заскулил Черный Перец, когда шаги Татти затихли. — Надо было ей сразу открыть! Что теперь с нами будет?

— Постой, постой, — в голосе Горчицы была недоверчивость и тревога. — Тут что-то не то. Ты слышал, она сказала «крапивой». А разве принцессы знают, что такое крапива? Да они таких слов отроду не слышали!

— Конечно, нет!

— А она сказала: «кра-пи-вой»!

— Слушай, тогда это не принцесса!

— Но ведь она пахла ландышами!

— Тогда это принцесса.

— Вот что, Горчица! Я все-таки схожу к Цеблиону и доложу. На всякий случай. А вдруг…

Татти тем временем шла по дворцу. Башмак громко стучал по паркету.

Невидимки расступились перед ней, подобострастно шепча: «Принцесса! Принцесса!» Кто-то невидимый даже ухитрился поцеловать ей руку. Двери распахивались сами собой, словно их открывал запах ландышей.

«Но как мне попасть в Белую башню? — растерянно подумала Татти. — Дядюшка Гном, конечно, знает, но попробуй-ка его отыскать? Что же мне делать?»

— Ап-чхи! — вдруг услышала Татти и тут же увидала госпожу Круглое Ушко.

— Будьте здоровы, госпожа Круглое Ушко! — вежливо сказала Татти.

— А-а, это ты, девочка в колпаке-невидимке, узнаю твой голос, — не спеша проговорила серебристая мышка. — Слишком много всяких запахов, ароматов, просто голова кругом…

Татти опустилась на колени возле мышиной норки.

— Госпожа Круглое Ушко, вы не знаете, как попасть в подземелье, которое ведет в Белую башню? — У Татти от волненья перехватило дыхание.

— Конечно. Мне это отлично известно, как, впрочем, и все остальное! — с важностью ответила мышка.

— Может быть, вы покажете мне туда дорогу, — с мольбой попросила Татти. — Я была бы вам так признательна!

— Что ж. — Мышка отряхнулась и кивнула головой. — Изволь. Полагаю, ты идешь туда не из глупого любопытства. Следуй за мной. Только не наступи на мой нежный, очаровательный хвост!

Мышка быстро побежала, мелко семеня лапками, а Татти — за ней. Один зал сменял другой, но Татти не смотрела по сторонам. Они спустились в подземелье, освещенное тусклыми дымными факелами.

— Ну вот. Дальше я не пойду, — шепнула госпожа Круглое Ушко. — Видишь вон ту дубовую дверь, обшитую медью? За ней лестница. Поднимешься на самый верх и попадешь как раз, куда тебе надо. Только меня туда не заманишь, нет!

Там, ох, душа замирает, живет самый страшный зверь на свете…

Татти подошла поближе к обитой медью крепкой двери.

Невидимые стражники Чеснок и Трухлявый Пень упали на колени, но дверь и не подумали открывать.

— Принцесса! — в замешательстве прошептал Трухлявый Пень. — Простите великодушно! Не извольте гневаться! Но Цеблион запретил, запретил нам… Он сказал: никто не должен…

— Никто не должен, — подтвердил Чеснок. — Даже…

— Ах, никто! — звонко воскликнула Татти. — Это вы смеете говорить мне, принцессе! Я пожалуюсь папочке королю, и он отрубит ваши глупые головы!

— И хвосты! — добавила из угла госпожа Круглое Ушко.

Стражники ахнули и распахнули дверь, окованную медью.

Татти бегом бросилась вверх по крутой мраморной лестнице. «Топ-топ-топ!» — застучал по ступеням ее деревянный башмак.

Невидимые стражники замерли, задрав головы.

— Надо было нам сразу открыть ей дверь, — обреченно простонал Чеснок. — Плохи наши дела. Ишь сказала: папочке пожалуется. А он нам отрубит головы.

— И хвосты… — добавил Трухлявый Пень.

— И хвосты… — с сомнением повторил Чеснок. — Погоди! Чудно что-то. Какие хвосты? Слушай, Трухлявый Пень, а вдруг это была не принцесса?

— Да ты что? Конечно, принцесса! Ведь пахла она ландышами.

— Да, пожалуй, ты прав. Конечно, принцесса.

— Только вот одно, брат Чеснок, слышал ли ты когда-нибудь, чтобы принцессы бегали так быстро, сразу через две ступеньки?

— Нет, нет! Тогда это не принцесса!

— Вот что. Сбегаю-ка я быстренько к Цеблиону. Просто так, на всякий случай, а?..

Тем временем Татти, задыхаясь, поднялась на самый верх Белой башни. Вот он зал, где Цеблион готовит духи для всех невидимок. Наконец-то она тут!

Татти замерла на пороге. Все стены были заставлены шкафами. Куда ни посмотришь, на полках стояли всевозможные реторты, пробирки и разноцветные флаконы. С потолка свешивались

пучки трав, цветов и кореньев. Тут же висели связки сухих змей. Посреди зала на треножнике горел и приплясывал синий огонек.

«Ой, сколько здесь всяких бутылок и флаконов! — растерялась Татти, оглядывая полки. — Как я узнаю, в какой из них невидимый эликсир? Может, флакон на вид пустой, а в нем как раз и налит эликсир?»

Татти начала сбрасывать с полок и швырять на пол все подряд.

«Дзынь, дзынь!» — звенели осколки, и на мраморном полу каждый раз возникала лужа нового цвета.

«Нет, так я никогда не найду невидимый эликсир»! — в отчаянии подумала Татти.

— Боже мой, Боже мой, мы погибли, мы пропали… — услышала Татти еле слышные трепещущие голоса.

Она подняла голову. Под потолком, связанные за лапки длинной крепкой веревкой, бились, не в силах улететь, два белых голубя.

— Кто вас связал? Зачем? Вам же больно! — вырвалось у Татти.

Голуби забились еще сильнее.

— Нас связал Цеблион! Здесь живет страшный зверь! Он съест нас! Сегодня на обед! — бестолко-

во, перебивая друг друга, заговорили голуби. — Каждый день двух белых голубей! На обед… О, как мы несчастны! Цеблион…

«Госпожа Круглое Ушко тоже говорила о каком-то страшном звере», — вспомнила Татти.

— Сейчас я развяжу веревку, — заторопилась Татти. — Фу, сколько узлов. Только не бейте крыльями. Вы не знаете, где здесь невидимый эликсир?

— Мы ничего не знаем! — обезумев от страха, лепетали голуби. — Нас съедят! На обед! Это ужасно. Больше мы ничего не знаем!

Татти развязала последний узел, крепкая веревка упала на пол.

Голуби взлетели к потолку. Там, над узким окном, старые камни расселись, и сквозь трещину текли лучи солнца.

Голуби, дрожа и мешая друг другу, протиснулись в щель и исчезли, растворившись в небесной лазури.

«Эликсир где-то здесь. А времени у меня ни минуты…» — подумала Татти.

Она сняла колпак-невидимку, чтоб он не свалился ненароком с головы, сунула его в карман передника и начала громить все подряд.

— Эликсир-невидимка! Где же он? — в отчая-

нии шептала Татти.

Вдруг она услышала позади себя угрожающее шипенье. В страхе она оглянулась и увидела огромного серо-зеленого кота с кровавыми горящими глазами.

Это был знаменитый кот Хранителя Запахов по имени Ногти-Когти. Цеблион каждый день кормил его белыми голубями, а по вечерам целый час сам точил ему когти.

Ногти-Когти изогнул свою полосатую спину и бросился на Татти. Блеснули его кровавые глаза. Его ужасные когти впились Татти в плечо.

— Ай! — закричала Татти.

Она схватила кота одной рукой, с усилием оторвала от себя и изо всех сил швырнула в сторону.

И тут случилось нечто невероятное.

— Мяу! — жалобно пискнул Ногти-Когти и исчез.

Вместо него Татти увидела перевернутый золотой котел. Потом Татти увидела, что пол вокруг золотого котла становится прозрачным. Совсем прозрачным, как будто он сделан из самого тонкого стекла. Можно было подумать, что в мраморном полу появилась дыра и эта дыра становится все больше и больше.

— Я все-таки пролила эликсир-невидимку! — Татти, ликуя, захлопала в ладоши. — Теперь моих братьев отпустят!

Эликсир-невидимка растекся струйками в разные стороны. Татти попятилась. Почти весь пол в зале стал прозрачным. Где-то в углу по-собачьи скулил невидимый Ногти-Когти.

Татти боялась шагнуть вперед, хотя знала, что перед ней прочный мраморный пол. Голова у Татти закружилась. Сквозь прозрачный пол она увидела лестницу, мраморные потрескавшиеся ступени, уходящие вниз.

Глава 15
Поймать мальчишку!

Теперь, мой маленький друг, вернемся в зал, где, прикованный цепями к стене, стоял черный шкаф.

Как ты помнишь, в зале стало совсем темно, потому что обе свечи погасли.

Министр Войны кричал:

— Оставьте в покое мой живот!!!

Цеблион кричал:

— Оставьте в покое моего ребенка!

А железный живот министра Войны гудел «дон-н!..».

Услыхав этот удивительный и необыкновенный шум, в зал вбежали слуги со свечами. И тут все увидели, что черный шкаф открыт.

Главный Хранитель задрожал так сильно, что нос его принял расплывчатые очертания. Он подскочил к шкафу и начал быстро пересчитывать бутылочки:

— Одна, две, десять, четырнадцать... Не хватает... не хватает... — закричал он, — духов принцессы!

Цеблионок отчаянно завизжал. От его визга у всех стало кисло во рту.

— Клянусь бочкой с порохом!!! Эта кража пахнет изменой!!! — рявкнул министр Войны.

— Кто? Кто украл? — закричал Цеблион. — Кто посмел? Кто проник? Кто?

— Папка! — вдруг пискнул Цеблионок. — Посмотри-ка сюда, вот сюда, ну что ты такой бестолковый!

Все разом повернули головы и увидели старую щетку, которая лежала на полу около черного шкафа.

— Мальчишка!

— Полотер!

— Это он, он! Он украл духи принцессы, — растерянно простонал Цеблион, вытирая лоб, на котором выступили зеленые капли пота. — Какой сегодня ужасный день! Сначала эта девчонка, потом мальчишка…

— Ну, папка, папка, надо скорей поймать его! — задохнулся от злобы Цеблионок. — Я сам слышал, он сидел под лестницей и плакал и все время повторял: «Татти, Татти, я так хотел тебе помочь и не смог!»

— Татти? — задумчиво повторил Цеблион. — Видимо, так зовут эту проклятую девчонку. «Не

смог тебе помочь»? Ага! Все ясненько. Значит, он не успел отдать ей духи принцессы! Ну тогда наши дела еще не так плохи.

Цеблион отвратительно рассмеялся и потер руки.

— Сейчас мы в два счета поймаем этого дрянного негритенка. Для этого надо только взять крепкий сундук и написать на его крышке: «Волшебный сундук! Кто залезет в этот сундук, тот непременно встретит своего друга и поможет ему. Последний сундук. Больше таких не будет». Мальчишка, конечно, тут же заберется в сундук, и мы…

Но Цеблион не успел договорить. Дверь распахнулась, и в зал, громко топая, вбежал невидимый стражник. Это был Черный Перец.

— Принцесса, уф, сказала, что высечет нас крапивой! — тяжело дыша, доложил он.

— Что?! — завопил Цеблион. — Крапивой?! Где? Когда это она сказала? И вы ее пустили во дворец?

Дверь в комнату снова открылась. Вбежал еще один невидимый стражник. На этот раз это был Трухлявый Пень.

— Принцесса, уф, в Белую башню, уф, побежала через две ступеньки!

— Что?! Через две ступеньки? Не может быть! — закричал Цеблион.

— А потом принцесса сказала: «Папочка король отрубит вам головы», — тут Трухлявый Пень немного смутился, но все же добавил: — «И хвосты…»

— И хвосты? — повторил Цеблион, хватаясь за сердце. — Нет, кажется, я схожу с ума. Но, надеюсь, нет, я уверен, вы не пустили ее в Белую башню? Ну, говори же, болван!

— Пустили… — виновато ответил Трухлявый Пень.

Цеблион, оттолкнув стражников, бросился к двери. Огромными скачками промчался он по тускло освещенному переходу. Он распахнул дверь и бросился вверх по ступенькам. Вдруг он поднял голову и замер как вкопанный. Он увидел, что потолок над ним совершенно прозрачен. Видны были связки сухих трав и кореньев, распахнутые шкафы и пустые полки.

— Мой невидимый эликсир! О!.. Мой невидимый эликсир!.. — Голос его пресекся, он пошатнулся.

Татти, которая стояла, прижавшись к стене, замерла не дыша.

— Кто? Кто его пролил? — взвыл Цеблион и,

раскрыв руки, ринулся вверх по лестнице.

«Боже мой, он сейчас увидит меня! — Татти в последний момент дрожащими руками натянула на голову колпак-невидимку. — Здесь такая узкая лестница. А он все ближе…»

Цеблион бежал прямо на Татти.

Но тут случилось вот что. Раздался страшный крик и визг. Это Цеблион наступил ногой на невидимого Ногти-Когти. Злобный кот в ярости отчаянно вцепился в ногу своего хозяина. Цеблион с трудом оторвал от себя кота и не глядя отшвырнул его. Невидимый зверь угодил прямо в окно, пробил стекло и с жалобным мяуканьем полетел вниз.

Но Татти не стала попусту тратить время. Пока Цеблион сражался с котом, Татти проскользнула мимо и стремглав бросилась вниз по лестнице.

Цеблион упал на колени. Он ползал по прозрачному полу, жадно ощупывая его руками.

— Мой эликсир, мой бесценный эликсир… — со стоном, как безумный, повторял он. — О, хотя бы несколько капель, одну каплю. Мой эликсир…

Но за это время эликсир успел испариться.

— Как это мило! — с удовлетворением сказала госпожа Круглое Ушко. — Я слышала голос Ногти-Когти. Он вывалился из окна Белой башни.

Ну, если он не разбился, мы с ним разберемся по-своему. Укоротим ему коготки.

— Мой эликсир! — по-волчьи бешено выл Цеблион.

За окном появилась огромная разноцветная голова.

Она завертела глазами.

Нос у нее оторвался и полетел куда-то в сторону. Потом вся она рассыпалась. Во все стороны полетели звезды.

Это был фейерверк. Во дворце начинался бал.

Глава 16
Две принцессы

В главном зале дворца слуги зажгли множество свечей. Дрожа и сияя, они уходили в зеркала и, вспыхивая, снова выбегали оттуда.

Двери поминутно открывались. В зал входили все новые и новые невидимки. Придворные здоровались.

— А, это вы!

— Да, это я! А это вы? Как приятно!

На балконе невидимые музыканты настраивали свои инструменты.

— Приготовьтесь! — зашипел невидимый дирижер.

— Как только я скажу «Раз-два-три!» — сейчас же начинайте. Учтите: я поднимаю палочку! Раз-два-три!» Начинаем любимую песенку нашего короля!

Раскрылись высокие двери в глубине зала.

Оркестр заиграл, а все придворные громко запели:

Буби, пуби, буби,

Бом!

Буби-бом!

Буби-бом!

— Прекрасно, прекрасно! — повелительно воскликнул король. — Восхитительная музыка! Но пока довольно. Сегодня великий день, и все должны знать об этом! Эликсир-невидимка готов! Братья-ткачи уже ткут материю. Двадцать три королевских портных, вне себя от нетерпения, вдели нитки в иголки и готовы приняться за работу. Скоро у нас будет много новых колпаков-невидимок!

— О счастье! О радость! — хором закричали придворные.

— Мы начнем войну!!! Такую хорошенькую победоносную войну!!! Но пока тс-с-с!!! — с восторгом завопил министр Войны.

— Ох! — печально сказала труба.

Невидимый Трубач сказал «Ох!» совсем тихо. Но он не рассчитал и сказал «Ох!» прямо в трубу. Получилось очень громкое «Ох!».

— Мерзавец! — прошипел начальник невидимых стражников. — Я покажу тебе, как охать по поводу нашей будущей войны!

— Я нечаянно!

— Это мы выясним. В тюрьму его!

Дирижер постучал невидимой палочкой.

— Вальс! Вальс! Сейчас принцесса будет танцевать вальс. Попрошу расступиться, — торжественно объявил дирижер.

Оркестр заиграл вальс.

Послышался легкий стук каблуков и шелест шелковой юбки.

— Она танцует!

— Какая грация и легкость!

— Прелестно!

— Само изящество! — послышался хор подобострастных, льстивых голосов.

Неожиданно дверь со стуком широко распахнулась, и в зал, шатаясь, вбежал Хранитель Запахов. Скрипка фальшиво взвизгнула, захлебнулся фагот, музыка рассыпалась.

Цеблион был страшен. Всклокоченные волосы стояли дыбом. Злоба и ненависть придали его лицу нечто волчье.

— Невидимого эликсира больше нет! Его пролили! Конец всему! Надежда умерла. Прощай, колпак! Прощай, мечта…

Что тут началось! Крики, рыдания, проклятия — все смешалось в один невообразимый вопль.

В это время в зал сам собой прямо по воздуху въехал большой деревянный сундук. Невидимые

руки откинули крышку и вытащили из ящика дрожащего, перепуганного Щетку. Его огромные глаза светились от страха.

— Это он украл мои духи! — закричал противный тоненький голос. — Бейте этого негритенка! Я приказываю: бейте!

И в этот миг произошло нечто потрясающее.

— А я приказываю: не смейте! — закричал другой голос. Он тоже был тоненький, но очень милый. — Отпустите его!

Невидимые руки, державшие Щетку, разжались, и он упал на пол.

— Я — принцесса! — снова закричал противный голос. — Бейте его, бейте!

Невидимые руки снова схватили Щетку.

— А я приказываю — не смейте! — зазвенел милый голос. — Я, я принцесса!

— Что это? — прошептал король. — Я всегда думал, что у меня только одна дочь!

— Хранитель Запахов! — простонала королева. — Учтите, я ломаю руки и рву на себе волосы. Немедленно определите, кто моя настоящая дочь? Где мое бедное дитя?

Хранитель Запахов завертел головой.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Ландышами пахнет… Нет! Это невероятно!

Ландышами пахнет из-под кресла! Не могла же принцесса…

Цеблион опустился на колени и пополз по полу, громко принюхиваясь.

— Татти! Татти! Беги! — послышался острый мышиный голосок.

— Нет, я сошел с ума! — задохнулся Цеблион. Лицо его стало огненно-красным. — Теперь ландышами пахнет из-под шкафа! Не могла же принцесса забраться под шкаф!

Цеблион с трудом подполз к шкафу. Он весь дрожал, потные волосы упали ему на лоб.

— Там только мышь! — задыхаясь прохрипел он. — Серая мышь. Всего-навсего. От нее пахнет духами принцессы. Мышь, духи… Конечно, это сон, ужасный сон. Я сейчас проснусь уютненько у себя дома, в теплой кроватке…

— Погоди, Цеблион, — в ярости прошипел король. — Я тебя еще уютненько разбужу за все эти штучки!

— Беги, беги, Татти! — с отчаянием пропищал вытянутый в ниточку голосок.

— Татти, это девчонка! Она тут! Она где-то тут! — озираясь как безумный вскричал Цеблион. — Но здесь столько запахов! Как, как распознать, где мерзкая девчонка, а где ее вели-

чество принцесса?

— Папка, — вдруг сказал Цеблионок. — А что ты мне дашь, если я тебе скажу, где девчонка?

— Все, все, что ты попросишь, сыночек!

— Пятьдесят золотых монет, идет?

— Это все, что я накопил, — простонал Цеблион. — Ты хочешь, чтоб я стал нищим?

— Тогда ничего не скажу!

— Ну, ладно, ладно! Только скорее.

— Тогда вот. Слушай. Настоящая принцесса пахнет… розами!

— Моими духами? — умирающим голосом еле выговорила королева. — Ах! Учтите, я бледнею и падаю в обморок!

— Она сама меня попросила. Дай, дай немножко маминых духов, — продолжал Цеблионок. — Пристала ко мне. Говорит: все равно, когда мама умрет, я стану королевой. А мне что? Мне-то все равно. Ну, я и отлил ей духов королевы.

— Розы! Ландыши! Принцесса!.. Девчонка!.. — Цеблион одним бешеным прыжком кинулся на ту, которая пахла ландышами.

Он схватил ее за плечи и затряс изо всех сил. Колпак-невидимка свалился на пол.

И все увидели Татти. Она стояла посреди зала и вся серебрилась, как будто была покрыта инеем.

На светлых волосах Татти был венок из ландышей. Ландыши падали на румяные щеки и горячие уши. Ландыши висели на шее, как ожерелье. Они выглядывали из рукавов и торчали из карманов ее старого передника. Даже к единственному башмаку длинной болотной травой были привязаны пучки ландышей.

Ландыши были свежие и упругие. Кое-где на них еще блестели капли росы. И ландыши пахли тишиной. Они пахли влажной землей и немного лесными озерами.

Щетка так загляделся на Татти, что забыл обо всем на свете.

— Какая ты красивая!.. — прошептал он. — Только не надо было этого делать. Ты попалась потому, что хотела мне помочь.

Татти тряхнула светлой головой. Ландыши от этого запахли еще сильнее.

— А ты попался потому, потому что хотел помочь мне, — сказала она. — А поляну, где растут ландыши, мне показали светлячки.

Цеблион от ярости кусал себе руки. На руках оставались полукруглые следы зубов, похожие на собачьи укусы.

— Из-за такой жалкой, ничтожной девчонки… Из-за каких-то светлячков, мышей… — стонал

он. — Все погибло! Такой великий замысел! Такая идея! О… мой сын!

— Мы тебя казним!!! Слышишь, мерзкая девчонка??? — заорал министр Войны. — Мы тебя казним!!!

— Ну и пусть! — сказала Татти своим ясным, звенящим голосом. — А может быть, я хочу, чтобы меня казнили!

Это Татти сказала просто так. Ей хотелось позлить невидимок.

— И войны не будет! — крикнул Щетка.

— А тебя мы тоже казним!

— Ну и пожалуйста! Подумаешь! Плакать не буду!

— Зато я спасла своих братьев, — сказала Татти. В этот момент у нее было такое счастливое и любящее лицо, что у Цеблиона от ярости по щекам поползли круглые красные пятна. — Я знаю, они все равно ни за что не согласились бы ткать для вас материю, а теперь…

— Не согласились? — Злобная усмешка исказила лицо Цеблиона. — Смотри, глупая, наивная девчонка!

Цеблион повернул Татти и грубо толкнул к окну.

Татти увидела дом своих братьев. Он был осве-

щен снизу доверху. Она увидела старшего брата, его широкие плечи. Рядом с ним — младшего, высокого, тонкого, с волосами, падающими на лоб. Вот они наклонились над ткацким станком, что-то перекручивая, перевивая.

— Видишь! Видишь! Видишь! — с торжеством завизжал Цеблион.

Татти страшно побледнела. Она стала белее ландышей. Весь зал поплыл у нее перед глазами.

— Если это так, — тихо сказала Татти, — если это правда, то мне больше не нравится жить…

Татти опустилась на пол и закрыла лицо руками. Венок съехал ей на одно ухо. Она поджала под себя маленькую босую ногу. Теперь она была похожа на холмик, сплошь заросший серебристыми ландышами.

— Возьмите эту девчонку и этого мальчишку и бросьте их в тюрьму!!! — приказал министр Войны.

Невидимый стражник подхватил Татти, и она, как по воздуху, поплыла из зала, безжизненно уронив руки и опустив кудрявую голову.

И никто не заметил, что Цеблионок, опустившись на колени, ползает по полу.

— Нашел!.. — тихонько захихикал Цеблионок. — Теперь ты мой. Никому не отдам…

Глава 17
Чем закончилась эта удивительная история

Утро было ясное и безветренное. Небо — чисто умытое и нежно-голубое.

И все-таки Цеблион то и дело выбегал на балкон посмотреть, не поднялся ли ветер.

— Нет, Ваша Исключительная Прозрачность, — докладывал он, — ветра нет! Ни оттуда, ни отсюда. Просто на редкость приятный и подходящий день для казни!

Цеблион был бледный и мрачный. Нос вяло повис. Глаза обведены красными кругами.

— Скажите, вы не видели моего сына? — спрашивал он поминутно у всех слуг и придворных. — Только подумайте, он не пришел ночевать домой. И ведь отлично знал, что его папочка будет волноваться и не спать до утра!

— Расспроси бродячих собак да ворон на куче мусора, — с насмешкой посоветовал ему кто-то из невидимок.

— Проклятье… — прошипел Цеблион.

В этот день все придворные, все до единого

собрались во дворце. Еще бы! Такое случается не часто. Ведь в этот день, едва часы на городской башне пробьют двенадцать, должны были казнить Татти, Щетку, Великого Садовника и невидимого Трубача.

На этот раз сам король решил присутствовать при казни. Конечно, вместе с королевой, принцессой, со всеми придворными.

Это было большое событие. Ведь невидимки редко выходили из дворца. А если и выходили, то лишь для того, чтобы, придерживая обеими руками колпак, добежать до кареты и сесть в нее.

В честь такого события весь дворец был украшен флагами. А с перил свешивались ковры, похожие на высунутые языки.

Посреди площади стояли четыре виселицы. И люди, которые пришли на площадь, вздрагивали, когда видели эти виселицы.

У мужчин лица были мрачные и решительные. А у женщин — испуганные и печальные.

— Надо казнить преступников как-то побыстрее. — Цеблион извивался, крутился возле короля. — Как-то скоренько, уютненько, по-домашнему незаметненько… Не нравятся мне что-то сегодня лица этих мужланов. И главное — их глаза, глаза… Случайно вы не видели моего

сына?

— Ишь испугался этих уродов!!! — рассмеялся министр Войны. — Да они побоятся и подойти к виселицам!!! Двадцать пять пушек выстрелят в них разом, пусть только посмеют приблизиться!!!

— Ах вы, проклятые, что у вас, детей нет, что ли?

— всхлипывала тетушка Пивная Кружка, стоявшая в толпе. — А эти ваши невидимки, что в них хорошего, кроме красоты-то? Казнить такую девочку! Такую славную и работящую! А они еще радуются, смеются…

Действительно, над площадью пронесся веселый смех, зазвучали нетерпеливые, возбужденные голоса. Высокие двери дворца торжественно распахнулись.

Оркестр заиграл любимую песенку короля, а все придворные громко подхватили:

Буби, пупи, буби,
Бом!
Буби-бом!
Буби-бом!

Но в это время раздались совсем другие звуки. Совсем не похожие на веселый смех и музыку.

Это зазвенели цепи, и уныло заскрипели двери тюрьмы.

— Ох! — разом выдохнула вся площадь.

Из дверей тюрьмы вышли Татти, Щетка, Великий Садовник и невидимый Трубач.

Первой шла Татти. Ее лицо было зеленоватым от бледности. Руки вяло опущены. Губы белые. От ресниц на щеках лежали длинные неподвижные тени. Она совсем не была похожа на живую девочку.

За ней шел Великий Садовник, обнимая за плечи Щетку. Его старая рука казалась голубой на черном плече. Позади вздыхал и что-то бормотал о похоронном марше невидимый Трубач.

— Изверги! — всхлипнула тетушка Пивная Кружка. — До чего девчонку довели. Наверно, совсем не кормили!

Невидимки радостно зашевелились. Засмеялись, злорадно захихикали.

— Папочка, а почему она не плачет? — послышался недовольный голос принцессы. — Я хочу, чтобы она плакала!

— Да, да! Пускай она плачет!

— А то неинтересно!

«Дон-н-н!» — протяжно пробили часы на городской башне.

Люди на площади вздрогнули. Как странно бьют часы! Печально и тревожно. Звук поднялся, задрожал и замер.

— Смотрите-ка, вон братья-ткачи! — удивился король. — Тоже пришли посмотреть на казнь. Сейчас девчонка их увидит и заплачет!

И действительно, Татти вдруг вздрогнула и опустила голову. Она увидела своих братьев. Она на миг остановилась, но невидимый стражник подтолкнул ее, и она, словно во сне, шатаясь, пошла вперед.

А братья и не взглянули в ее сторону. Лица у них были серьезные и сосредоточенные. Они стояли на самой нижней ступеньке лестницы. Один с правой стороны, другой — с левой. В руках у них ничего не было, но мышцы на руках вздулись от напряжения, и казалось, что они что-то держат.

«Дон-н-н!» — пробили еще раз часы, словно прощаясь с кем-то, словно заговорила вдруг сама душа часов. И опять — «дон-н-н!..».

— Даже часы жалеют этих невинных! — всхлипнула тетушка Пивная Кружка.

— Король! Его Величество король спускается по ступенькам! — перекрывая бой часов, закричали придворные. — Какая честь! Подумайте только, король будет смотреть на казнь!

«Дон-н-н!» — казалось, сама печаль плывет над площадью. И каждое сердце отвечало этим звучным и гулким ударам.

— Часы бьют! Часы бьют! Пока бьют часы, все должно быть кончено! Шестой удар! Седьмой! — взвизгивая, считал Цеблион. — Восьмой удар, девятый! Еще ступенька, Ваша Прекрасность, умоляю, не споткнитесь, смотрите под Ваши королевские ножки!

Круглые удары часов словно разбивались о мраморные ступени, и слышался унылый звон осколков.

Толпа зашумела. Бой часов смешался с гневными голосами:

— Отпустите их!

— Освободите детей! Мы не допустим!

— Десятый удар, одиннадцатый! — отсчитывал Цеблион. — Сейчас все свершится! Эй, палачи, стража, хватайте осужденных!

«До-н-н…» — тихо, как будто остановилось сердце часов, пронесся, замирая, последний удар.

— Двенадцать! — нечеловеческим голосом закричал Цеблион, и вдруг… Вдруг случилось нечто невероятное. Цеблион сделал еще один шаг, зацепился ногой за что-то невидимое, взмахнул руками и с воплем полетел кувырком, задрав

кверху зеленые башмаки.

И в то же мгновение, возникая из пустоты, на мраморные ступени лестницы посыпалось множество пышно разодетых людей: дамы в шелку и бархате, мужчины в золотых камзолах. Споткнувшись обо что-то, они рядами валились друг на друга.

— Мой колпак! Колпак-невидимка! Он свалился! О ужас, ужас! — истошно вопили они. — Я потерял мой колпак!

Лица братьев покраснели, они откинулись назад, изо всех сил все туже и крепче натягивая что-то невидимое.

Придворные, спускавшиеся сверху, напирали на тех, кто шел впереди, и, не удержавшись, роняя колпаки, гроздьями валились вниз. Звеня, покатилась по плитам площади золотая корона.

Все это длилось одно мгновение, но, казалось, прошли долгие годы, так много случилось за это время.

Теперь на ступенях лестницы копошилась целая куча придворных. Одни закрывали лица руками, другие расползались в стороны, надеясь укрыться в зеленых кустах.

— Корона! Где моя корона? — завизжал носатый толстяк. Горностаевая мантия упала с его плеч.

— Да это же наш король! — догадалась тетушка Пивная Кружка. — Батюшки мои! Да какой же он урод! А я-то думала…

И тут захохотали все, все люди на площади. Радостно, взволнованно, с облегчением.

— Ха-ха-ха! Ну и король!

— А мы-то думали, он красивый!

— А борода-то у него, как у козла! Ха-ха-ха!

— А ноги совсем кривые!

— А принцесса! Какая она злючка!

— А все придворные! Какие они уроды!

— А королева? Ха-ха-ха! До чего тощая, зеленая!

— А стражники! Какие трусливые, жалкие!

И действительно, все увидели, что невидимки самые некрасивые люди на свете. Их лица уродовали жестокость, глупость и жадность. А злоба и страх делали их еще отвратительней.

Великий Садовник, словно сам не веря себе, смотрел на короля и придворных и вдруг закрыл глаза своими древними руками.

— О, я безумный, глупый старик! — пробормотал он. — Я хотел под колпаками скрыть все самое безобразное на свете и считал, что тогда все будут счастливы. А ведь так оно и было. И никому это не принесло счастья…

А смех звучал все громче и громче.

Смеялись все, кто был на площади. Потом начали смеяться люди на всех улицах города, даже в темных переулках и узких дворах. Смех охватил весь город.

Смех звучал так заразительно, что удержаться было просто невозможно.

Потом стали смеяться матросы на всех кораблях в гавани. На больших, на маленьких кораблях. Хотя они еще не знали, что произошло на дворцовой площади.

Потом начали смеяться люди на дорогах, ведущих к городу. Потом жители ближайших деревень.

Великий Садовник отнял руки от лица и тоже улыбнулся. Чуть растерянно, качая головой. Немного горечи было в его улыбке, ведь он понял, как он ошибся.

— Братья, братья! — трепещущий голос Татти пронесся над площадью. Ее руки, протянутые к ним, засветились. — Это был черный туман… Я ведь не знала, ничего не знала! Я думала…

— Всего-навсего невидимая веревка, — строго сказала госпожа Круглое Ушко, невесть каким образом вскарабкавшись на ладонь Татти. — Когда ты пролила эликсир-невидимку, ну, помнишь,

там еще была такая длинная крепкая веревка? Цеблион связал ею двух белых голубей. Ты ее распутала, отпустила голубей, а веревка упала на пол. Дальше все очень просто. Ты пролила эликсир, и веревка стала невидимой. А я люблю порядок во всем. Думаю, может пригодиться, вещь хорошая, редкая. Что же ей так валяться без толку? Вот я и отнесла ее братьям. Конечно, мне помогли белые голуби. Одной бы мне не справиться, ни за что не доволочь такую тяжесть.

— Прости нас, Татти! Прости нас, Татти! — послышалось откуда-то сверху, и на плечи Татти опустились две белые голубки. Они ласково и виновато прижались к ней. — Мы тогда так испугались, так испугались. Совсем одурели от страха. Даже спасибо тебе не сказали!

Тут все увидели, что у подножия лестницы на каменных плитах с веселыми криками снует стайка девчонок и мальчишек. Они подбирали колпаки-невидимки и бросали их в костер, который кто-то успел сложить посреди площади. Колпаки-невидимки вспыхивали и тут же сгорали без следа. Ведь даже пепел, оставшийся после них, был невидим.

— Вот еще один, последний! — закричал рыжий вихрастый мальчишка и бросил что-то невиди-

мое в жарко гудящий костер. Огонь перекинулся на виселицы. Сухое дерево разом занялось, и четыре черных столба дыма поднялись в воздух.

— А где же король, где все придворные, стража? — с удивлением оглядываясь, спросил младший брат.

— Вряд ли мы их когда-нибудь еще увидим, — пожал плечами старший. — Стыдно им и позорно! Сколько лет нас обманывали и морочили. Теперь попрятались, разбежались кто куда!

— Ну кое-кого я все-таки изловила, — сказала тетушка Пивная Кружка. Она крепко держала за атласную юбку принцессу, а та изо всех сил вырывалась, царапалась да еще норовила укусить за руку тетушку Пивную Кружку. Нет, принцесса вовсе не была красавицей! Лицо бледное, серое. Немытые волосы космами торчали во все стороны, руки — худые, как палки. — Ну, ну, хватит, опомнись! Ты будешь ходить в школу. А когда выучишь уроки, будешь помогать мне жарить лепешки и варить доброе пиво.

— Не хочу жарить уроки, не хочу учить доброе пиво! — принцесса от злости все перепутала.

— Ничего, она еще станет девчонкой, как все! — с досадой сказала тетушка Пивная Кружка.

Тут из высоких дворцовых дверей вышел Лес-

ной Гном. Он не мог не плакать от счастья, и госпожа Круглое Ушко соскочила с ладони Татти и подала ему чистый носовой платок.

— На вас просто не напасешься носовых платков, господин Гном, — заметила она недовольным голосом и тут же улыбнулась.

— Братья! — крикнула Татти. — Я никак к вам не проберусь. Тут так много людей!

Братья улыбнулись ей, и Татти запрыгала от радости.

Тут все посмотрели на Татти и сразу увидели, что она самая красивая девочка на свете. Ее глаза ярко сияли, как две зеленые звезды.

И все почему-то не сговариваясь решили, что зеленые звезды самые красивые на свете.

— Вы не встречали моего сына? — с тоской повторял Цеблион, оглядываясь по сторонам. — Моего обожаемого сына. Может быть, кто-то видел его, умоляю, скажите мне!

— Да я тут, папка! — раздался из пустоты противный голос Цеблионка. — Просто на мне колпак-невидимка. Когда девчонка уронила его в тронном зале, я его нашарил и подобрал. А теперь — ку-ку! Ты меня больше никогда не увидишь!

— Сыночек! Как ты можешь! — простонал Цеблион. — Я жил только ради тебя! Я хотел, чтоб ты

был богат, счастлив…

— А я и так теперь богат. Прикарманил твои пятьдесят золотых монет! — грубо захохотал Цеблионок. — К тому же я теперь могу забраться в любой дом и взять все что пожелаю. А к тебе, папка, я никогда не вернусь, и не надейся…

— Сыночек, где ты? — простонал Цеблион, ощупывая воздух вокруг себя. — Сокровище мое, вернись!

Говорят, Цеблион до сих пор ходит по городу, раскинув руки, ищет повсюду своего сына, жалобно причитая:

— Сыночек, вернись, вернись!

Добрые люди берут его за рукав, ведут к себе домой и кормят сытной похлебкой.

Тут на балконе появились музыканты.

Первым вышел Трубач с большой трубой. Лица у всех музыкантов светились счастьем, на глазах блестели слезы. Ведь все-таки у них были очень нежные души и они не могли не плакать от радости.

Музыка поплыла над огнем, над толпой, над городом, над кораблями в гавани.

Музыка была глубокая и мудрая.

Татти крепко держала за руку Щетку. Она думала о том, что вечером, после ужина, она попросит

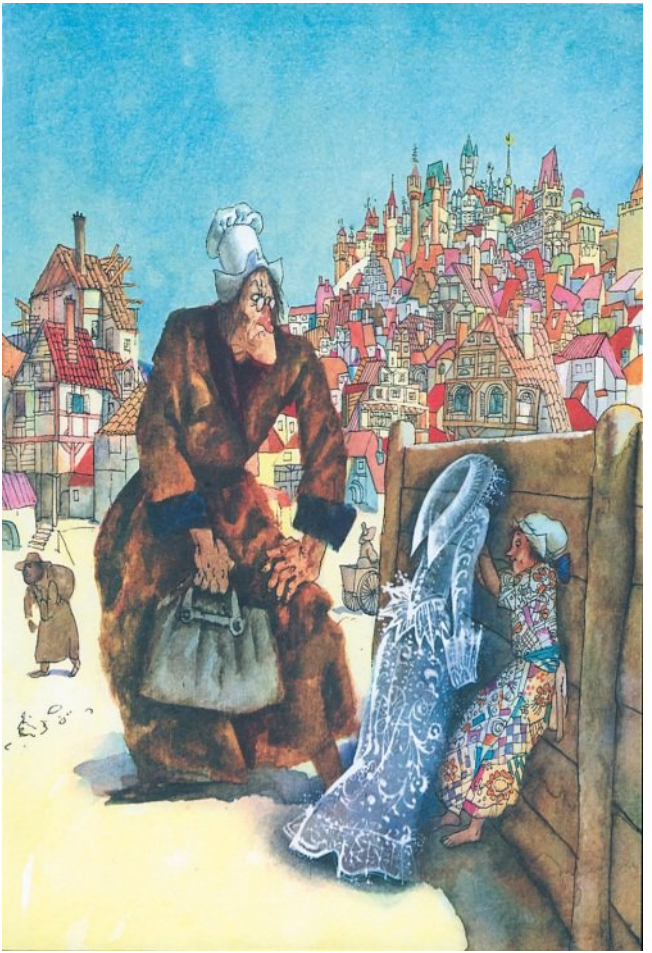
братьев придумать для него самое чудесное, самое светлое имя на свете.

А музыка все звучала.

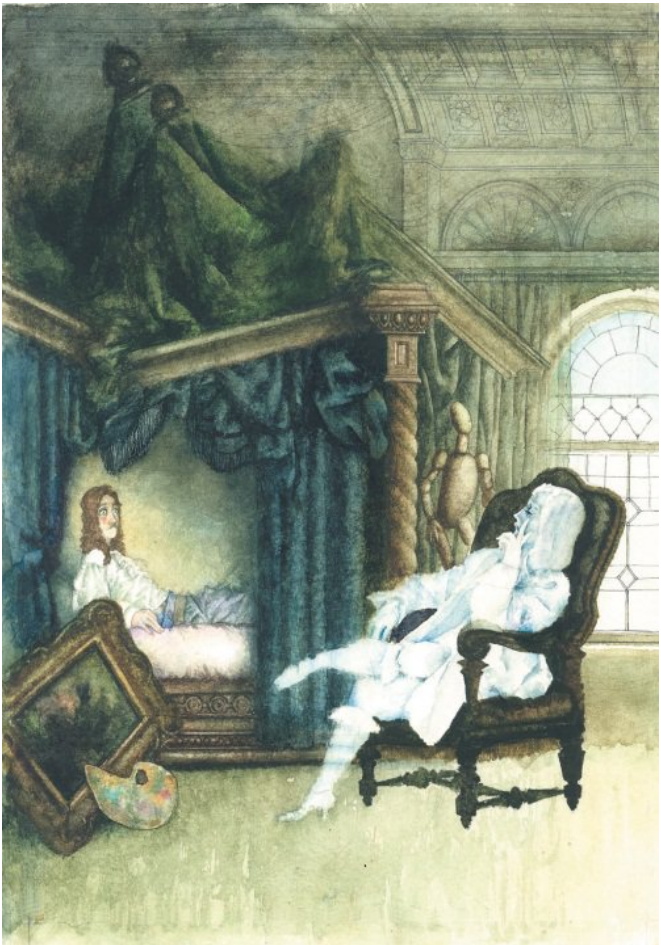
Как всякая настоящая музыка, она рассказывала людям о жизни, о смерти, о любви.

Иллюстрации

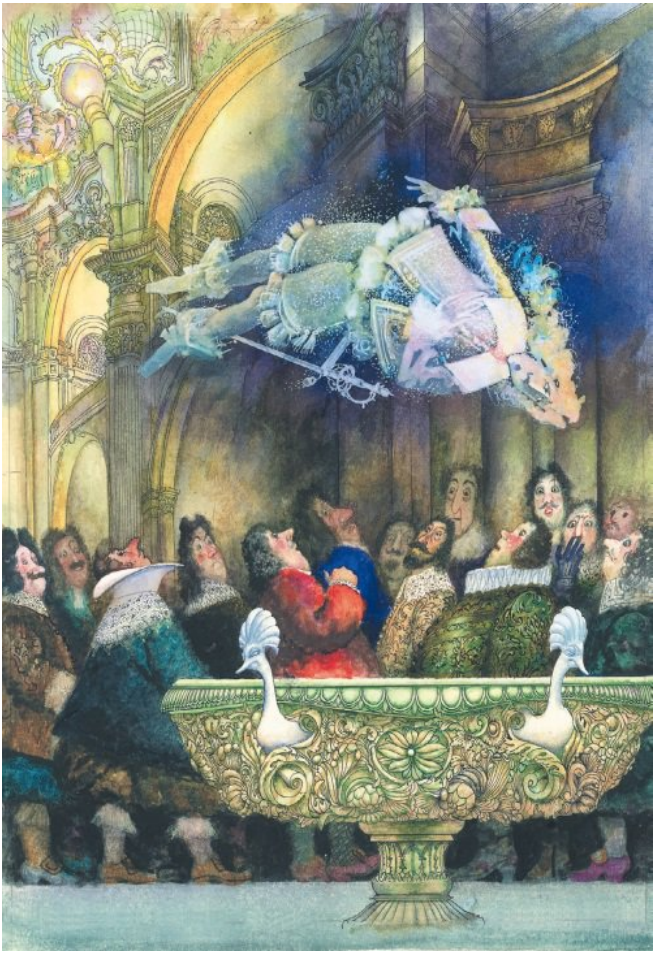
К сказочной повести «Лоскутик и Облако».
Художник Г. Калиновский



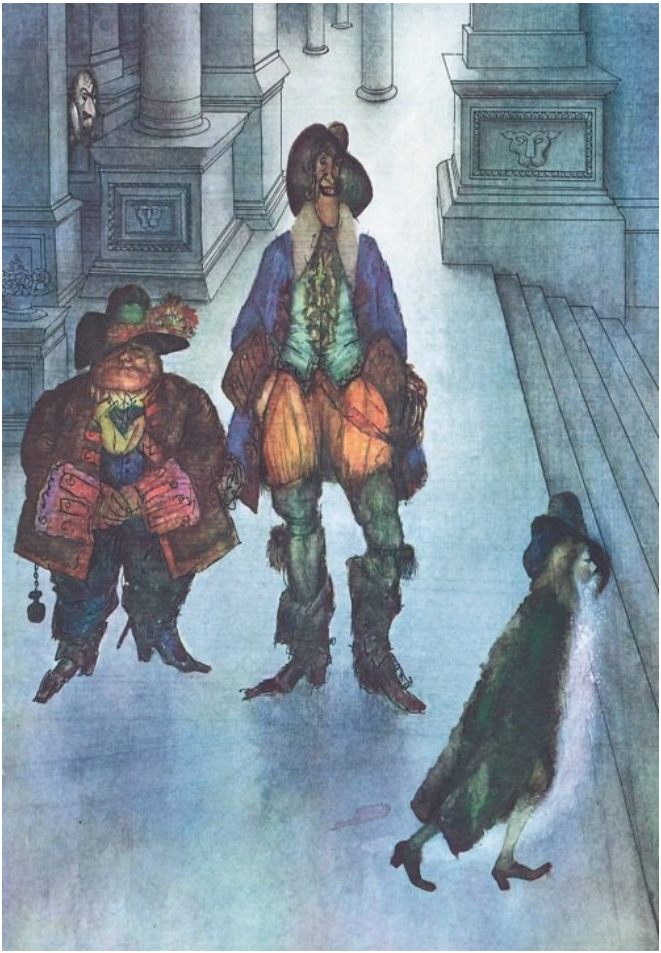
К сказочной повести «Лоскутик и Облако».
Художник Г. Калиновский



К сказочной повести «Лоскутик и Облако».
Художник Г. Калиновский



К сказочной повести «Лоскутик и Облако».
Художник Г. Калиновский

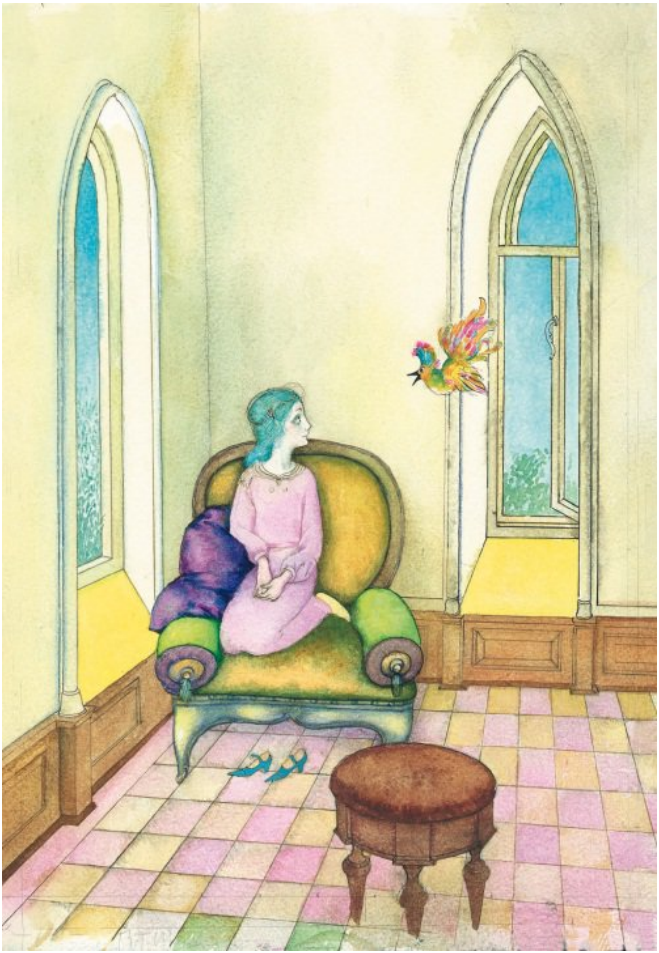


К сказочной повести «Лоскутик и Облако».
Художник Г. Калиновский

К сказочной повести «Лоскутик и Облако».
Художник Г. Калиновский

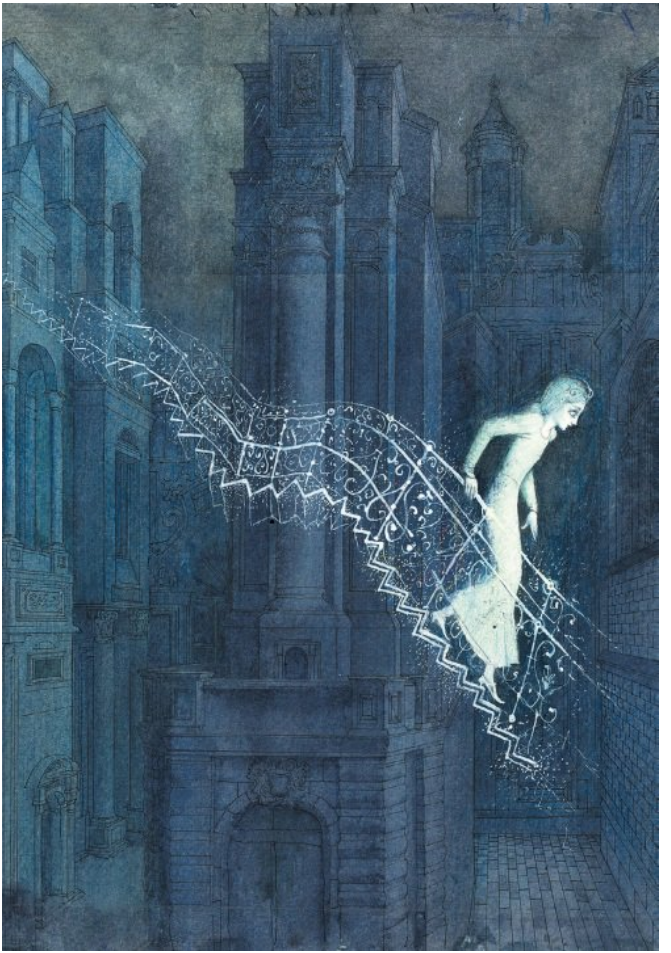
К сказочной повести «Астрель и Хранитель леса».

Художник Г. Калиновский



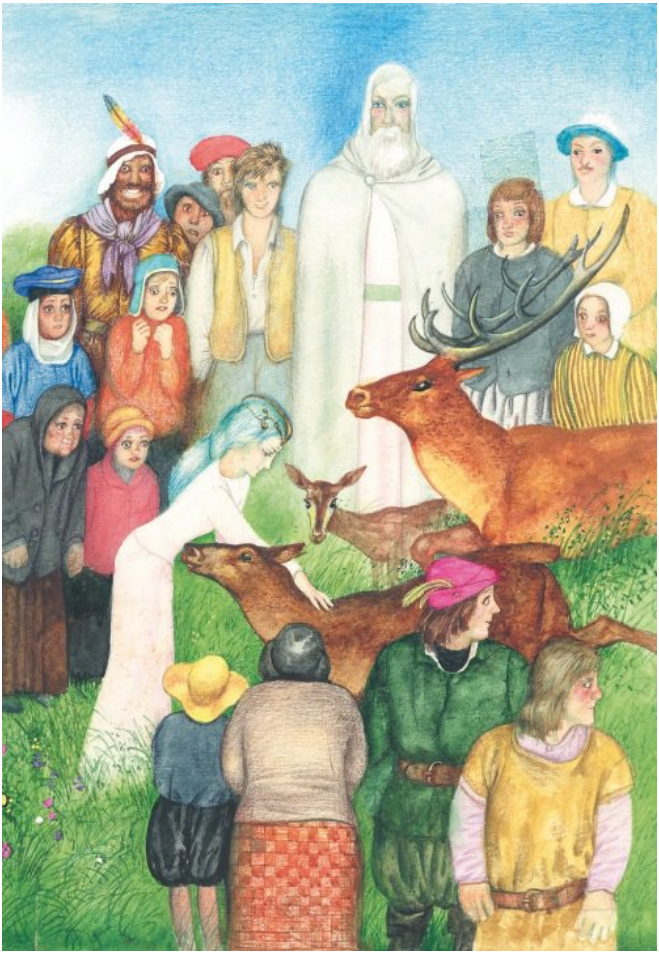
К сказочной повести «Астрель и Хранитель леса».

Художник Г. Калиновский



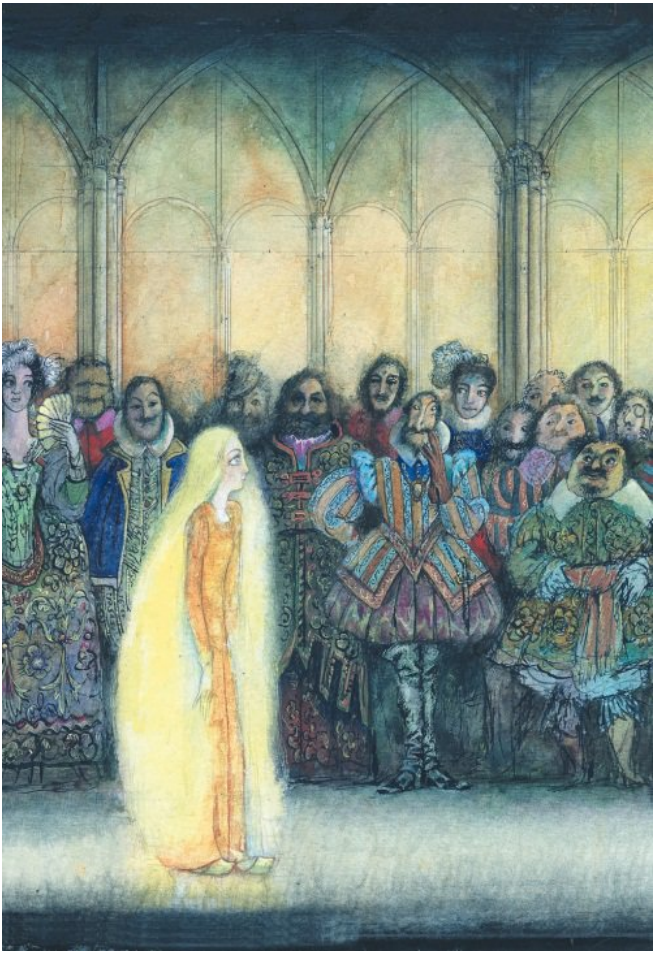
К сказочной повести «Астрель и Хранитель леса».

Художник Г. Калиновский



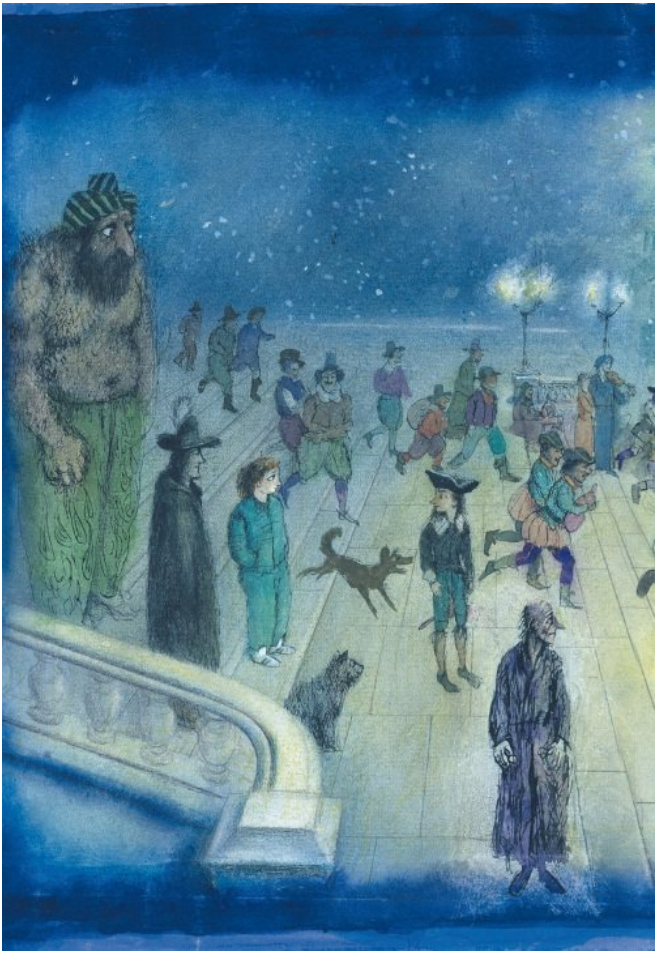
К сказочной повести «Астрель и хранитель леса».

Художник Г. Калиновский



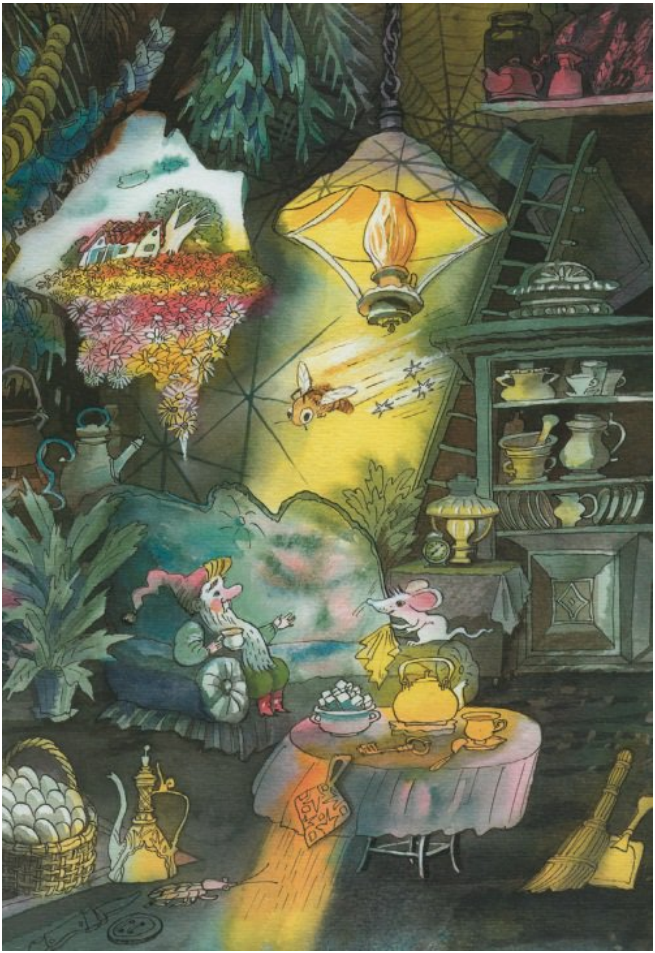
К сказочной повести «Девочка по имени Глазастик».

Художник Г. Калиновский

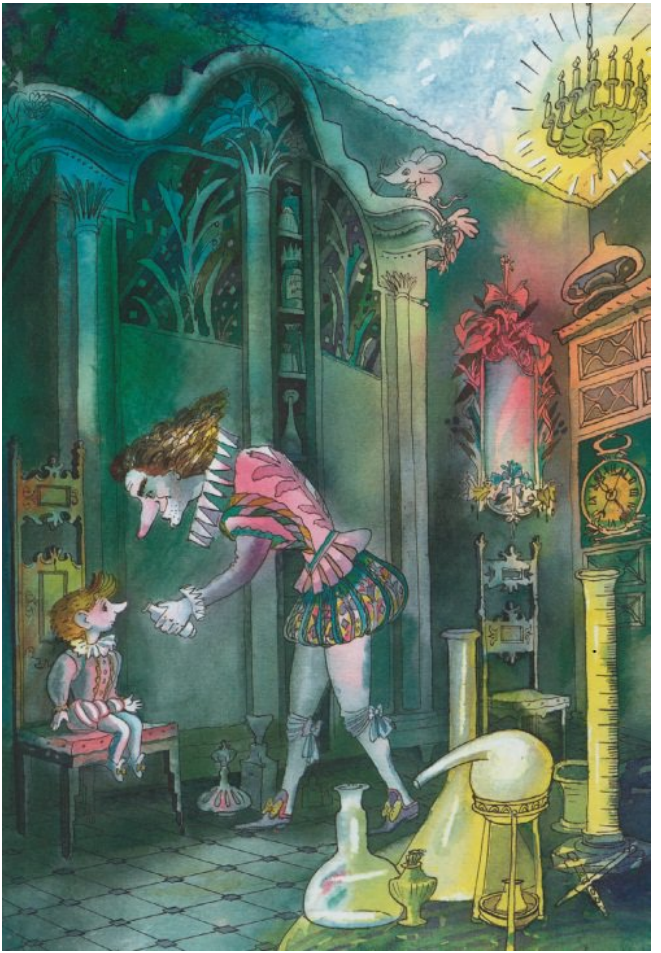


К сказочной повести «Девочка по имени Глазастик».

Художник Г. Калиновский



К сказочной повести «Пока бьют часы».
Художник Е. Гладикова



К сказочной повести «Пока бьют часы».
Художник Е. Гладикова

К сказочной повести «Пока бьют часы».
Художник Е. Гладикова

К сказочной повести «Пока бьют часы».
Художник Е. Гладикова